

2024 № 3

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

3(29)

2024

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2024

3 (29)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов

А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Вид на гробницу имама Резы, Мешхед, Иран.

Фото Е. В. Дунаевой. 2019.

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2024

3 (29)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: View of Imam Reza Holy Shrine. Mashhad, Iran. Photo by E. V. Dunaeva. 2019.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2024

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- С. Е. Малых.* Керамика из гробницы Перинеджу в Гизе: количественные данные как маркер этапов бытования древнеегипетского погребального комплекса 12
- Л. И. Цвижба.* Записка Константина Шервашидзе о положении в Абхазии. 20 декабря 1855 г. 31
- В. П. Кашин.* Сто тысяч тонн советской пшеницы для независимой Индии 37

ИДЕИ И ЯЗЫКИ

- Л. З. Танеева-Саломатшаева.* Суфийский вариант эко-философского синтеза культур 43
- А. А. Блинов.* Академия арабского языка в Каире: практические направления деятельности 53

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

- В. М. Ахмедов.* Проиранские милиции Ирака 62
- Д. Б. Графов.* Анализ стратегических подходов Пакистана к сдерживанию Индии 74
- И. Е. Федорова.* Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. 88

ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

- И. Ю. Авдаков.* Перспективы развития транспорта Японии в условиях четвертой промышленной революции 95
- Н. М. Мамедова.* Обострение водной проблемы в Иране и ее социально-экономические последствия 103

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Н. З. Мосаки.* Вклад Н. А. Халфина в курдоведение. Часть II 111
- М. С. Каменева.* Социолингвист от Бога. К 100-летию со дня рождения Л. Б. Никольского 132
- С. В. Прожогина.* Воспоминания об отделе литератур Института востоковедения Российской академии наук (памяти Е. Я. Калининковой) 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Н. К. Чарьева.* Круглый стол «Многогранный талант. К 100-летию Святослава Игоревича Потабенко» 144
- В. В. Прудников.* Всероссийская научная конференция «BYZANTINOTHAURICA—II: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты» 151
- К. В. Вертяев.* Третья международная научная конференция «Лазаревские чтения» 156

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

- С. М. Иванов.* Иракский Курдистан на перекрестке истории 161

<i>И. Н. Веденеев.</i> Очерк истории национального движения курдов в Ираке во главе с Мустафой Барзани: по материалам советской и американской внешнеполитических служб	167
<i>В. В. Макаренко.</i> Семейные династии правящих партий как фактор государственного строительства в Иракском Курдистане	175
<i>Ю. Р. Дасни.</i> Езиды Ирака после геноцида ИГИЛ	184
<i>К. V. Vertiaev.</i> The Role of the Insurgent States in Kurdish National Movement	196
<i>М. С. Озманын.</i> Политические последствия и структурные недостатки Конституции Ирака	205
<i>А. Э. Багирова.</i> Области трансграничного взаимодействия между курдами Турции, Ирака, Ирана и Сирии с конца 70-х гг. XX в. по настоящее время	213
<i>М. Э. Икбаль Дюрре.</i> Газ из Курдистана: большие запасы и большие проблемы	219
<i>О. А. Лях.</i> Политические изменения в среде курдов в рамках развития сирийского кризиса	224
<i>А. О. Победоносцева-Кая.</i> Курдский фактор в ближневосточной политике Сирии	230
<hr/>	
<i>И. Н. Серенко.</i> Международная конференция «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса»	238
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	
<i>Muhammad Khalid Jamali.</i> Opening Statement	266
<i>Danila V. Ganich.</i> Welcome Speech	268
<i>Raza Muhammad.</i> Shaping the Future Trajectory of Pakistan-Russia Relations in the Evolving Global Milieu	269
<i>Masuma Hasan.</i> Steering Pakistan's Relations with the Russian Federation	273
<i>Qazi M. Khalilullah.</i> Vitality of Pakistan–Russia relations for Regional Connectivity and Development	274
<i>А. П. Хорев.</i> Состояние и перспективы российско-пакистанских отношений	277
<i>И. Б. Дежкин.</i> К вопросу об особенностях политической борьбы в Пакистане (1972–1977 гг.)	279
<i>А. Н. Обухова.</i> Роль Пакистана в формировании новых экономических коридоров	285
<hr/>	
<i>О. Е. Митрофаненкова.</i> Научная конференция «Два с половиной года пребывания талибов у власти в Афганистане: проблемы и перспективы»	298
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	
<i>У. В. Окимбеков.</i> Афганистан 2023 г.: социально-экономическая и политическая ситуация	301
<i>О. Е. Митрофаненкова.</i> Производство наркотиков в Афганистане после повторного прихода к власти талибов	312

<i>А. Н. Обухова.</i> Значение и перспективы международного партнерства с Афганистаном в сферах энергетики, логистики, технологий	320
<i>С. Пойя.</i> Анализ внешней политики правительства «Талибана». Позиция Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану	333
<i>Н. А. Замаева.</i> Пакистан — Афганистан: вызовы двусторонним отношениям (2021–2024 гг.)	342

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

<i>Е. Э. Носенко-Штейн.</i> Некоторые проблемы инвалидности и культуры Востока: попытки осмысления	353
<i>А. И. Бугровский.</i> Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: пример Республики Армения	360
<i>Х. Р. Курова.</i> Этнокультурные барьеры во взаимодействии благотворительных фондов с людьми с ограниченными возможностями здоровья (на примере Республики Адыгея)	375
<i>И. С. Савин.</i> Цифровые технологии для людей с ОВЗ в Казахстане	381

CONTENTS

HISTORY

- S. E. Malykb.* Pottery from the Tomb of Perinedju in Giza: Quantitative Data as a Marker of the Existence Stages of the Ancient Egyptian Burial Complex 12
- L. I. Tsvizhba.* Note by Konstantin Shervashidze on the Situation in Abkhazia. December 20, 1855 31
- V. P. Kashin.* One Hundred Thousand Tons of Soviet Wheat for Independent India 37

IDEAS AND LANGUAGES

- L. Z. Taneeva-Salomatsbaeva.* Eco-Philosophical Synthesis of Cultures: the Sufi Variant 43
- A. A. Blinov.* Arabic Language Academy in Cairo: Practical Activities 53

POLITICS AND GEOPOLITICS

- V. M. Akhmedov.* The Iran-Based Militias in Iraq 62
- D. B. Grafov.* The Analysis of Pakistan's Strategic Approaches to Contain India 74
- I. E. Fedorova.* Iranian – Afghan Relations After August 2021 88

ECONOMY AND SOCIUM

- I. Yu. Avdakov.* Prospects for the Development of Japanese Transport as Conditioned by the Fourth Industrial Revolution 95
- N. M. Mamedova.* Exacerbation of Water Problem in Iran and Its Socio-Economic Consequences 103

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- N. Z. Mosaki.* Contribution of N. A. Khalfin to Kurdish Studies. Part II 111
- M. S. Kameneva.* Born Sociolinguist. For the Centenary of L. B. Nikolsky 132
- S. V. Prozhogina.* Reminiscing Department of Literatures, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Memoriam of E. Ya. Kalinnikova) 137

ACADEMIC LIFE

- A. D. Vasilyev, O. M. Kurnikova, N. K. Charyeva.* Round Table “Multifaceted Talent. To the Centenary of Svyatoslav Igorevich Potabenko” 144
- V. V. Prudnikov.* All-Russia Conference “BYZANTINOTOURICA – II: Greater Mediterranean in Fourth – Sixteenth Century: Tendencies, Factors, Influences, Conflicts” 151
- L. V. Vertiaev.* Third International Conference “Lazarev Readings” 156

CONFERENCE MATERIALS

- S. M. Ivanov.* Iraqi Kurdistan at the Crossroads of History 161

<i>I. N. Vedeneev. Essay on the Kurdish National Movement in Iraq Led by Mustafa Barzani: Based Upon Materials from Soviet and American Foreign Services</i>	167
<i>V. N. Makarenko. Family Dynasties of the Ruling Parties as a Factor of State-Building in Iraqi Kurdistan</i>	175
<i>Yu. R. Dasni. Ezidis of Iraq after the ISIS Genocide</i>	184
<i>K. V. Vertiaev. The Role of the Insurgent States in Kurdish National Movement</i>	196
<i>M. S. Ozmanyanyan. Political Implications and Structural Flaws of the Iraqi Constitution</i>	205
<i>A. E. Bagirova. Areas of Cross-Border Interaction between the Kurds of Turkey, Iraq, Iran, and Syria from the Late 1970s to the Present</i>	213
<i>M. E. Iqbal-Durre. Gas from Kurdistan: Large Reserves and Big Problems</i>	219
<i>O. A. Liakh. Changes in the Policy of the Kurds within the Development of the Syrian Crisis</i>	224
<i>A. O. Pobedonostseva-Kaya. Kurdish Factor in Syria's Middle East Policy</i>	230
<i>I. N. Serenko. International Conference "Pakistan: Potential of Cooperation with Russia in Context of Democratization of Political Process"</i>	238
CONFERENCE MATERIALS	
<i>Muhammad Khalid Jamali. Opening Statement</i>	266
<i>Danila V. Ganich. Welcome Speech</i>	268
<i>Raza Muhammad. Shaping the Future Trajectory of Pakistan-Russia Relations in the Evolving Global Milieu</i>	269
<i>Masuma Hasan. Steering Pakistan's Relations with the Russian Federation</i>	273
<i>Qazi M. Khalilullah. Vitality of Pakistan–Russia relations for Regional Connectivity and Development</i>	274
<i>A. P. Khorev. State and Perspectives of Russia-Pakistan relations</i>	277
<i>I. B. Dezhkin. On the Issue of the Peculiarities of Political Struggle in Pakistan (1972–1977)</i>	279
<i>A. N. Obukhova. Pakistan's Role in Forming New Economic Corridors</i>	285
<i>O. E. Mitrofanenkova. Conference "Two and a Half Years of the Taliban Rule in Afghanistan: Problems and Perspectives"</i>	298
CONFERENCE MATERIALS	
<i>U. V. Okimbekov. Afghanistan 2023: Socio-Economic and Political Situation</i>	301
<i>O. E. Mitrofanenkova. Drug Production in Afghanistan after the Taliban Return to Power</i>	312

<i>A. N. Obukhova.</i> The Importance and Prospects of International Partnership with Afghanistan in the Fields of Energy, Logistics, and Technology	320
<i>S. Poya.</i> Analysis of the Foreign Policy of the Taliban Government. Position of Pakistan, USA, Russia and Countries of the Region on Afghanistan	333
<i>N. A. Zamaraeva.</i> Pakistan – Afghanistan. Challenges to Bilateral Relations (2021–2024)	342
RESEARCH PROJECT	
<i>E. E. Nosenko-Stein.</i> Some Problems of Disability and Oriental Cultures: Attempts at Reflection	353
<i>A. I. Bugrovskii.</i> Digital Technologies and the Quality of Life of People with Disabilities: the Case of the Republic of Armenia	360
<i>H. R. Kurova.</i> Ethnocultural Barriers in the Interaction of Philanthropic Foundations with People with Disabilities (the Case of the Republic of Adygea)	375
<i>I. S. Savin.</i> Digital Technologies for Disabled People in Kazakhstan	381

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-012-030

КЕРАМИКА ИЗ ГРОБНИЦЫ ПЕРИНЕДЖУ В ГИЗЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ КАК МАРКЕР ЭТАПОВ БЫТОВАНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

© 2024

С. Е. Малых¹

В процессе археологического исследования скальной гробницы древнеегипетского чиновника Перинеджу (GE 19) силами российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе было обнаружено 7966 фрагментов керамики, относящихся к эпохе Древнего царства, Первому переходному периоду, Новому царству, Позднему, Птолемеевскому, Римскому, Византийскому периодам, Средневековью, Новому и Новейшему времени. Основная часть керамического материала происходит из потревоженных археологических комплексов и имеет косвенное значение для их датировки. Однако отдельные находки имеют оригинальный контекст и дают возможность датировать уцелевшие погребения временем правления VI династии. Количественное распределение датированных групп керамики наглядно иллюстрирует этапы существования комплексов — от устройства оригинальных и вторичных погребений, «тайников бальзамировщиков» до неоднократных проникновений грабителей, в результате которых в помещения гробницы попал поздний керамический и иной вещевой материал. Более того, количественные показатели по оригинальной керамике эпохи Древнего царства прямо отражают степень сохранности погребения, а ее почти полное отсутствие однозначно указывает, что некоторые помещения в гробнице Древнего царства могли быть высечены значительно позже, например, спустя почти две тысячи лет, как произошло с нишей 10, содержавшей предметы из «тайника бальзамировщиков».

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Гиза, скальные гробницы, погребальный обряд, древнеегипетская керамика

Для цитирования: Малых С. Е. Керамика из гробницы Перинеджу в Гизе: количественные данные как маркер этапов бытования древнеегипетского погребального комплекса. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 12–30. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-012-030

POTTERY FROM THE TOMB OF PERINEDJU IN GIZA: QUANTITATIVE DATA AS A MARKER OF THE EXISTENCE STAGES OF THE ANCIENT EGYPTIAN BURIAL COMPLEX

Svetlana E. Malykh

In the process of archaeological investigation of the rock-cut tomb of the ancient Egyptian official Perinedju (GE 19) by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS in Giza, 7966 ceramic fragments were discovered dating back to the Old Kingdom, First Intermediate Period, New Kingdom, Late Period, Ptolemaic, Roman, Byzantine Periods, Arabic, and Modern times. The bulk of the ceramics comes from disturbed

---

¹ Малых Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. Malykh, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2077-7285

archaeological complexes and has an indirect significance for their dating. However, individual finds have an original context and make it possible to date the surviving burials to the reign of the Dynasty VI. The quantitative distribution of dated pottery groups clearly illustrates the stages of the existence of the complexes — from the construction of original and secondary burials, “embalmers’ caches”, to repeated thieves’ penetrations, as a result of which late ceramic and other material got into the tomb premises. Moreover, quantitative indicators of the original ceramics from the Old Kingdom directly reflect the state of preservation of the burial. In contrast, almost complete absence of the Old Kingdom pottery clearly indicates that some rooms in the tomb could have been carved much later, for example, after two thousand years, as happened with the niche 10 contained “embalmers’ cache”.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza, rock-cut tombs, burial rites, ancient Egyptian pottery

For citation: Malykh S. E. Pottery from the Tomb of Perinedju in Giza: Quantitative Data as a Marker of the Existence Stages of the Ancient Egyptian Burial Comple. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 12–30. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-012-030

В 2006 г. в ходе расчистки скального обрыва на южном участке сотрудниками российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе, Египет (руководитель — д. и. н. Э. Е. Кормышева) был обнаружен вход в ранее неизвестную скальную гробницу, которой был присвоен номер GE 19. Согласно иероглифическим надписям, высеченным на входе, гробница принадлежала начальнику мастерской царских украшений Перинеджу, жившему во второй половине Древнего царства².

Гробница Перинеджу имеет сложную планировку и состоит из трех скальных помещений, в которых вырублено двенадцать шахт и ниш для захоронений и культовых целей (*илл. 1*). Их археологическое изучение было предпринято в 2010–2011, 2016–2017 и 2019 гг. Нумерация присваивалась объектам по мере их обнаружения. Таким образом, в первом от входа культовом помещении — часовне GE 19А — располагались две шахты 4 и 5; шахты 1–3, 8 и 11 размещались во второй часовне GE 19В, к ней же примыкали ниши 10 и 12; а шахты 6, 7 и ниша 9 были вырублены в небольшом боковом помещении GE 19С. В заполнении ниши 9 фрагментов керамики не обнаружено.

Шахта 1

Заполнение шахты 1 было перемешанным по всей глубине в результате неоднократного проникновения в нее древних грабителей и включало 260 фрагментов керамических сосудов³, из них 94,6% — Древнего царства (*илл. 2*), 0,4% — Нового царства (10/19–1/4, *илл. 5*), 2,7% — Позднего периода, 1,5% — Римского периода, 0,8% — Византийского периода. В то же время в находках эпохи Древнего царства (в основном V и VI династий, XXV–XXXII вв. до н. э.) преобладают фрагменты пивных кувшинов (90%) — самого популярного вида египетской керамики III тыс. до н. э. (например, венчики пивных кувшинов 10/19–1/1 и 10/19–1/2, *илл. 2*). Учитывая отсутствие в шахте 1 погребальной камеры, ее можно рассматривать как незавершенную либо ритуальную, предназначенную для хранения предметов, использованных в различных похоронных обрядах («разбивание красных сосудов», запечатывание погребальной камеры, тризна и т.д.⁴). Однако выявленный керамический материал, смещенный со своих первоначальных мест, не может ни подтвердить, ни опровергнуть предложенную интерпретацию назначения шахты 1.

² Подробнее о гробнице Перинеджу, ее истории, архитектуре, надписях и археологическом изучении см.: [Kormysheva et al., 2021, pp. 11–67].

³ Каталог керамики, обнаруженной в этой и других шахтах, нишах и помещениях гробницы Перинеджу, см.: [Kormysheva et al., 2021, pp. 74–116, fig. 37–62, pl. LXXXVII–XCVIII].

⁴ Подробнее о ритуальных шахтах см.: [Rzeuska, 2006, pp. 492–512].

Шахта 2

В заполнении шахты 2 обнаружено 1017 фрагментов керамики, из них только два экземпляра датированы Византийским периодом и XV–XVIII вв. (фрагменты винной амфоры типа *Late Roman 7* и чаши с зеленой поливой). Они находились в перемешанном заполнении верхней камеры 2А и маркируют проникновение грабителей, в результате которого оригинальное заполнение было уничтожено. Размеры и ориентация камеры 2А вполне позволяли устроить в ней погребение или использовать ее для складирования культового инвентаря. За второе предположение выступает обнаружение здесь фрагментов красноангобированного кубка 10/19–2А/3 (илл. 3) и краснолощенных полусферических чаш (в том числе венчик 19/19–2/1, илл. 3). Последние нетипичны для скальных гробниц Древнего царства: форма появляется в конце Древнего царства и становится все более популярной в эпоху Первого переходного периода и Среднего царства [Vallogia, 1987, pl. XXXVIII (no. 541); Soukiassian et al., 1990, p. 144, pl. 15 (no. 4); Jacquet-Gordon, 2012, pp. 20–21, 29–30, fig. 7a–d, 12a–j; Allen, 2014, p. 86, fig. 1a]. Единичные фрагменты таких чаш были найдены в гробницах Хуфухотепа и Ченти II, а также в отдельном шахтном погребении GE 40 [Kormysheva et al., 2015, pp. 24, 62, 117, fig. 29, 41 (08/12–5/27, 08/15–1/20); Kormysheva et al., 2018, p. 149 (12/40B/2)]; они, видимо, маркируют первые ограбления комплексов, имевшие место в конце Древнего царства и Первом переходном периоде. Однако в гробнице Перинеджу выявлен репрезентативный комплекс полусферических чаш, залегавший в погребальной камере 11А шахты 11⁵.

В верхней части заполнения шахты 2 были найдены фрагменты краснолощенных чаш с ломаным профилем 10/19–2/4 и 10/19–2/5, 6 поздней V и VI династий (илл. 3), возможно, первоначально находившиеся в камере 2А. В некрополях этот тип использовался и как сопроводительный погребениям инвентарь [Reisner, Smith, 1955, p. 80, fig. 107; Lecuyot, 2016, p. 134, fig. 8 (S.P.550)], и как культовый — в ритуале «разбивания красных сосудов» *sd dšr.wt* [Rzeuska, 2006, pp. 494–501, pl. 189, 192; Arias Kytmarová, 2014, pp. 76–79, fig. 5–6]. Таким образом, нельзя исключать интерпретацию верхней камеры 2А как ритуальной, где первоначально были сложены остатки от проведения обрядов, к которым можно отнести фрагменты красных чаш и кубка.

Два фрагмента вотивных тарелочек 10/19–2/1 и 10/19–2/2 (илл. 3), также из верхней перемешанной части заполнения шахты 2, близки по форме и глине (но не одинаковы), возможно, первоначально они принадлежали к одному вещевому комплексу.

Как мы говорили выше, подавляющее большинство керамики из заполнения шахты 2 относится к эпохе Древнего царства (99,8%), где стандартно доминируют фрагменты пивных кувшинов (94,9%), достаточно равномерно залегавшие в верхней и средней частях заполнения шахты. Однако в нижней части заполнения число черепков пивных кувшинов сокращается, в то же время здесь *in situ* были найдены целый пивной кувшин 10/19–2/9 (с белым покрытием снаружи) и разбитый пивной кувшин 10/19–2/10, оба с нильским илом внутри (илл. 2). Они располагались у южной стенки шахты 2, в 10 см от дна. Видимо, эти сосуды были специально положены напротив входа в погребальную камеру 2В. Кроме того, на дне шахты 2 было найдено еще два разбитых пивных кувшина 10/19–2/11 и 10/19–2/13 (илл. 2), один со следами темной субстанции внутри (не ил), другой с остатками белой субстанции внутри, похожей на обмазку кувшина 10/19–2/9. Можно предположить, что все эти сосуды использовались в ритуалах запечатывания погребальной камеры 2В⁶. По форме венчика и тулова эти пивные кувшины можно датировать интервалом от поздней

⁵ Подробнее см.: [Малых, 2021].

⁶ О ритуалах запечатывания см.: [Rzeuska, 2006, pp. 444–448; Arias Kytmarová, 2011, pp. 206–207, fig. 4].

V до середины VI династии⁷, что указывает на датировку погребения 2В, совершенного не позднее середины VI династии.

Шахта 3

В заполнении шахты 3 и ее погребальной камеры 3А было обнаружено 1845 фрагментов керамики, большинство которой (98,7%) относится к эпохе Древнего царства. Несмотря на то, что более поздняя керамика редка (1,3%), она выявлена в шахте, погребальной камере и в углублении для тела покойного и датирована интервалом от Позднего периода до современности, однако без присутствия средневекового материала. По всей видимости, поздняя керамика попала в шахту 3 в результате неоднократных ограблений.

В погребальной камере 3А найдено значительное количество фрагментов пивных кувшинов (1750), из них 66 донец, что дает представление об общем количестве сосудов этого типа, которые могли быть сопроводительным инвентарем погребению 3А или использовались в культовых действиях в гробнице. Среди фрагментов конических хлебных форм следует отметить три стенки со следами белой обмазки снаружи, но без следов копоти, находившиеся в погребальной камере. Вероятно, эта керамика не была использована в быту, а выполняла ритуальные функции⁸. Другие фрагменты хлебных форм, как и фрагмент жаровни, имеют отчетливые следы копоти. Кроме этого, в камере 3А найден фрагмент толстостенной крышки 10/19–3/6 с перфорацией, вероятно, прилагавшейся к чанам в процессе пивоварения или хлебопечения. Такие чаны также использовались как погребальный инвентарь⁹; венчик аналогичного чана 10/19–3/9 (*илл. 3*) найден здесь же.

В заполнении углубления под тело умершего поздняя керамика единична; доминирует материал Древнего царства. При этом в нижних слоях 4 и 5 фиксируются лишь черепки Древнего царства — фрагменты пивных кувшинов времени VI династии и три фрагмента тонкостенной полусферической чаши 19/19–3/5 (*илл. 3*), по типу схожей с керамическим комплексом керамики позднего Древнего царства — Первого переходного периода, выявленным в погребальной камере 11А гробницы Перинеджу (особенно с чашей 19/19–11/33). Полусферической чаше 19/19–3/5 синхронны мейдумские чаши 10/19–3/14, 10/19–3/16 (*илл. 3*) и толстостенная полусферическая чаша 19/19–3/1 (*илл. 3*), относящиеся к финальной части Древнего царства — раннему Первому переходному периоду¹⁰; их фрагменты происходят из погребальной камеры 3А. Керамический комплекс позднего Древнего царства — Первого переходного периода в шахте 11 был поврежден деятельностью грабителей, а его фрагменты могли попасть в заполнение также ограбленных шахт 2 и 3.

Кроме керамики Древнего царства в слое 1 заполнения углубления под саркофаг найден фрагмент чаши 19/19–3/2 ахеменидского типа с сильной копотью внутри и снаружи (*илл. 6*). Аналогичные сосуды бытовали в середине V — первой половине IV вв. до н. э. (в персидское или прептолемеевское время) [Defernez, 2011, p. 301, fig. 10, 12; French, Bourriau, 2018, pp. 141–142, fig. 26c (no. 1089)]. Несколько выше — в заполнении погребальной камеры — был найден фрагмент

⁷ Аналоги см.: [Kromer, 1991, S. 65, Taf. 31.3; Rzeuska, 2006, pp. 100–102, pl. 29–30 (no. 83, 86); Hawass, Senussi, 2008, p. 69, fig. 182; pp. 96, 102, 104, fig. 2, 5; Myśliwiec, Kuraskiewicz, 2010, p. 256, fig. 78 (no. 80); Lecuyot, 2016, p. 132, fig. 1 (S.P. 468)].

⁸ Подробнее о ритуальном окрашивании гробничных предметов в белый цвет см.: [Малых, 2015].

⁹ См., например: [Junker, 1929, S. 116–117, Abb. 12.28; Reisner, Smith, 1955, pp. 65, 85, fig. 67–71, 123]. Фрагмент аналогичной крышки 06/III/87 был найден при расчистке территории перед гробницами GE 12, GE 15, CE 16 (неопубликованные материалы российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе).

¹⁰ Аналоги см.: [Reisner, Smith, 1955, p. 81, fig. 111 (30–12–122); Ballet, 1987, pp. 14–15, fig. 10A (upper part); Op De Beeck, 2004, pp. 264–269, fig. 9–10 (A1c, A2a); Bader, 2009, pp. 30–32, fig. 9h, j; Wodzińska, 2009, p. 210, fig. 1 (CD4); Le Provost, 2017, p. 184, fig. 2.2; Köpp, 2019, S. 252, 265, Abb. 2 (B01.02, B01.03, B02.01)].

10/19–3/12 (илл. 6) т. н. чаши-*дешерет* (или “goldfish-bowl” [Raven, 2011, pp. 795–800]), также относящейся к Персидскому периоду¹¹. Этот тип часто встречается в «тайниках бальзамирощиков» [Aston, 2011, pp. 75–79, fig. 1, 3, 5]. Предположительно ахеменидская чаша, чаша-*дешерет* и чаша на кольцевом поддоне 10/19–3/7 (илл. 6) первоначально принадлежали «тайнику бальзамирощиков», возможно, тому же, что был обнаружен в нише 10 (см. ниже).

Шахта 4

Заполнение шахты 4 было перемешанным по всей глубине в результате неоднократного проникновения в нее древних грабителей. Видимо, этим можно объяснить нахождение здесь миски 10/19–4/7 (илл. 6), фрагмент которой также был обнаружен в шахте 6 (10/19–6/11). Этот тип часто использовался в «тайниках бальзамирощиков» и датируется Персидским временем [Marchand, Roussel, 1994, p. 16, pl. I.8; Defernez, 2001, pp. 294–298, pl. LXIV (no. 181); Aston, Aston, 2010, pp. 183–187, fig. 47; French, Bourgiau, 2018, p. 50, fig. 3j, 3m (no. 936)]. Похожая по форме миска найдена в нише 10 (17/19–10/2, илл. 6). Другим примером грабительской деятельности в данной гробнице является фрагмент чаши на кольцевом поддоне 10/19–4/2 Позднего периода (илл. 6); другие два фрагмента от нее же (10/19–3/7 и 10/19–5/1) происходят из шахт 3 и 5.

Итак, в шахте 4 и камере 4А было выявлено 597 фрагментов керамики: 87,4% относятся к эпохе Древнего царства, 12,6% — поздние по датировке: 2,3% — Позднего периода, 0,35% — греко-римского времени, 8,4% — Византийского периода, 1,55% — от Средневековья до современности (10/19–4/9, илл. 7). Керамика Древнего царства по-прежнему представлена фрагментами пивных кувшинов (488 экз., 81,7%), среди которых 100 донец, дающих примерное представление об общем количестве сосудов этого типа в данном комплексе. Основную их часть можно датировать временем правления V и VI династий, хотя отмечены единичные более ранние экземпляры: например, нижняя часть конической хлебной формы 10/19–4/11 (илл. 4) схожа с типом хлебных форм времени IV династии [Jacquet-Gordon, 1981, pp. 11–12, fig. 2.1]. Плохая сохранность слоев не позволяет вычленивать из имеющегося материала оригинальные предметы, которые могли сопровождать погребение в камере 4А.

Наиболее примечательным из поздней керамики является фрагмент фляги 10/19–4/1 (илл. 7) типа *Memphis Black Ware*. Ее рельефный декор выполнен в виде узколепесткового цветка, похожего на обе разновидности египетского лотоса — *Nymphaea lotos* (белый лотос) и *Nymphaea caerulea* (голубой лотос). Декор полностью идентичен фляге CG 26303 из Египетского музея в Каире; по классификации орнаментов М. Сеиф эль-Дин он относится к типу *Lo. 1 (Lotos 1)*, для которого исследовательница дает широкую датировку — от конца III до I вв. до н. э. [Seif el-Din, 2006, S. 65, 85, 152, Taf. 8.4].

Шахта 5

Как и в случае с шахтой 4, заполнение соседней с ней шахты 5 было перемешанным по всей глубине, оно демонстрирует неоднократное раскапывание древних слоев, в результате чего сюда попал многочисленный поздний вещевой материал: фрагменты керамических и фаянсовых сосудов Позднего периода (33,8%), сосуды с желтой и зеленой поливой XV–XIX вв., грубый и тонкий фарфор XIX–XX вв., керамика греко-римского (3,4%) и Византийского периодов (21,6%),

¹¹ Аналогии см.: [Brissaud, 1987, pl. X (no. 123); French, Ghaly, 1991, pp. 112–113, fig. 58; Myśliwiec et al., 2008, pp. 433–434, fig. 537 (no. 36); Aston, Aston, 2010, p. 230, pl. 24 (no. 213); Hussein, Marchand, 2019, p. 111, fig. 7].

Средневековья, Нового и Новейшего времени (6,1%), в том числе сравнительно современные кувшины-*балласы* для транспортировки и хранения запасов воды.

Итак, из 148 фрагментов керамики 64,9% являются поздними типами, лишь 35,1% принадлежат сосудам эпохи Древнего царства, традиционно представленным преимущественно фрагментами пивных кувшинов, в том числе двенадцатью донцами, а также красноангобированными чашами. Обычно в перемешанном заполнении погребальных шахт Древнего царства доминирует керамика, синхронная времени создания погребения, однако здесь мы видим иную картину, где превалирует поздний материал, что стоит объяснить неоднократными проникновениями людей в камеру 5А с двумя возможными целями, наиболее очевидной из которых было стремление ограбить древнее захоронение. Второй целью могло быть устройство вторичного погребения в камере 5А (также разрушенного), которому мог принадлежать венчик чана 10/19–5/8 (т. н. “pigeon pot”). Этот тип сосудов появился в Третьем переходном периоде и использовался в течение Птолемеевского времени. Нередко их находят в «тайниках бальзамирощиков» [Masson, 2011, p. 271; Aston, Aston, 2010, pp. 19, 209, fig. 3, pl. 3 (no. 38)].

Среди поздней керамики следует отметить венчик чаши-*сигиллаты* 19/19/4–5/1 (илл. 7), являющейся североафриканским импортом V–VI вв. н. э. От большинства изделий этого типа ее отличает частичное лакирование (нижняя наружная часть оставлена без лака), тогда как обычно открытые формы покрыты лаком и внутри, и снаружи.

Шахта 6

Заполнение шахты 6 и трех ее камер 6А, 6В и 6С содержало 509 фрагментов керамики: поздняя керамика концентрировалась в основном в верхней части шахты и камере 6А, здесь же найдены фрагменты фарфора XIX–XX вв. В нижней части шахты 6 доля поздней керамики снижается; в камере 6В она присутствует лишь в верхней части заполнения; в камере 6С найден единственный фрагмент — стенка красноангобированного кувшина для хранения продуктов Позднего периода.

Чаша 10/19–6/6 и миска 10/19–6/12 (илл. 6) датированы Поздним периодом; эти керамические типы часто встречаются в «тайниках бальзамирощиков» и могли применяться как крышки для сосудов, использовавшихся для погребальных нужд [Hussein, Marchand, 2019, p. 112, fig. 8–9; French, Bourgiau, 2018, pp. 110, 266, fig. 191 (no. 1054)]. Темная субстанция на дне арибаллического лекифа 10/19–6/10 (илл. 7) Персидского — Птолемеевского времени указывает на его принадлежность к «тайнику бальзамирощиков». Возможно, эти сосуды первоначально располагались в другом месте гробницы (например, вместе с сосудами из ниши 10), но попали в шахту 6 в результате деятельности грабителей. Этим же можно объяснить нахождение в заполнении шахты 6 и камеры 6А грубой керамики Нового царства (“flower pots”, 0,8% (в частности, 10/19–6/26, илл. 5)), фрагментов сосудов Позднего (5,1%), греко-римского (1%), Византийского и Арабского времени (7,9%), а также современных кувшинов-*балласов* (1,2%).

Керамика Древнего царства доминирует в заполнении шахты 6 и ее погребальных камер и составляет 84%. Традиционно лидируют фрагменты пивных кувшинов — 76%, среди которых присутствуют экземпляры V–VI династий, в том числе венчики пивных кувшинов VI династии¹² (10/19–6/13, 14, 23, 10/19–6/22 и 10/19–6/24, илл. 2). Фрагменты 10/19–6/13, 14 (верхняя часть заполнения шахты 6) и 10/19–6/23 (нижняя часть заполнения шахты 6) принадлежат одному пивному кувшину, что показывает единовременность заполнения шахты 6 по всей глубине. Эти предметы косвенно указывают на датировку захоронений в шахте 6 временем правления VI династии.

¹² Аналогии см.: [Rzeuska, 2006, pp. 64–67, pl. 11–12 (no. 16)].

Примечательно обнаружение в этом комплексе фрагментов мейдумской чаши 11/19–6В/1 (*илл. 3*) и лепной чаши 10/19–6/21 позднего Древнего царства — Первого переходного периода. Возможно, их присутствие маркирует собой время ограбления оригинальных захоронений в камерах 6А, 6В и 6С.

Шахта 7

При исследовании шахты 7 был выявлен 141 керамический фрагмент, при этом керамика Древнего царства доминирует по всей глубине (80,1%) и представлена обычными типами, прежде всего пивными кувшинами (73,1%) и хлебными формами (1,4%). Среди последних примечателен полный профиль хлебной формы 11/19–7/1 (*илл. 4*) со следами копоты снаружи и с фрагментом кремневого отщепы в глиняном тесте. Такие отщепы являлись отходами производства каменных орудий и должны быть приурочены к поселениям или мастерским некрополя, функционировавшим при кладбище. Следы белого покрытия на внешней стороне сосуда, не являющиеся ангобом, можно рассматривать как ритуальное побеливание, преследующее цель магически очистить предмет для его использования в культовых действиях в гробнице. Его обнаружение в нижней части заполнения шахты, не имеющей погребальной камеры и следов захоронения, вероятно, указывает на ритуальные функции шахты 7, которая могла быть предназначена для захоронения утвари, использованной в различных гробничных обрядах.

Поздний материал (керамика Нового царства (1,4%), Позднего (7,9%), Птолемеевского (0,7%), Римского (4,3%), Византийского (2,1%) и Арабского периодов (2,8%), непатинированное стекло и фарфор XX в.) сконцентрирован в верхней части заполнения шахты, включая естественный карстовый канал в устье шахты 7. Здесь были найдены фрагменты миски 19/19–7С/4 (*илл. 6*) и кувшинов для хранения Позднего периода, некоторые из них с прилипшими льняными мумийными бинтами, что указывает на изначальную принадлежность сосудов к «тайнику бальзамирощиков». Тайник мог быть устроен в карстовой полости, подходящей для создания небольшого схрона, однако, видимо, был уничтожен грабителями. Тогда же в карстовое образование могла попасть разновременная керамика, в том числе верхняя часть кувшина-фильтра *ола* 19/19–7С/3 (*илл. 7*) — такие сосуды для охлаждения воды до сих пор изготавливаются в Каире и Дельте [Redmount, 2003, p. 191, fig. 10.8; Wodzińska, 2010, p. 341 (no. 69)], но светлые полосы скорее характерны для изделий мастерских Дельты. Среди находок также примечательно горло продолговатого расписного кувшина 19/19–7С/1 (*илл. 5*) эпохи Нового царства, расписанного полосами голубого, темно-красного и черного цвета по желтовато-белому ангобу. Сосуды этого типа обычно датируют временем правления XVIII династии [Bourriau, Aston, 1985, p. 44, pl. 35 (no. 44); Bourriau et al., 2005, pp. 43–46, fig. 22–23 (no. 112, 125); Hope, 1987, p. 114, fig. 10]. Другой фрагмент сосуда 19/19–7С/2, также, вероятно, Нового царства, имеет роспись в очень плохой сохранности: по желтовато-бежевой неангобированной поверхности сосуда была нанесена серия капель и полос черного и красного цвета, однако точный мотив орнамента восстановить невозможно.

Шахта 8

В заполнении шахты 8 обнаружено 307 фрагментов керамики, все они датируются эпохой Древнего царства; поздних предметов не выявлено. Фрагменты керамики (преимущественно пивных кувшинов, на которые приходится 94,1%) сконцентрированы в шахте. В верхней части заполнения шахты найдено 154 фрагмента пивных кувшинов, в том числе восемь донец; в нижней части

заполнения находилось 135 фрагментов пивных кувшинов, в том числе пять донец, что дает примерное количество сосудов (13), сброшенных в шахту при ее закрытии.

Датирующим для погребения является фрагмент конической хлебной формы 10/19–8/1 (илл. 4) V–VI династий, найденной в илистом растворе, скрепляющем камни стены, блокировавшей вход в погребальную камеру. Кроме того, наличие в оригинальном заполнении шахты, не имеющем следов грабительского проникновения, фрагментов пивных кувшинов VI династии позволяет сузить временной интервал и отнести погребение 8А ко времени правления этой династии.

Ниша 10

В ходе расчистки неглубокой ниши 10 было обнаружено 67 целых и фрагментированных сосудов, лишь 10,4% из них относится ко времени Древнего царства: они залегали в нижних слоях 3 и 4. В верхней части заполнения (слой 2) керамики Древнего царства не выявлено вовсе, присутствует только поздний керамический материал, относящийся к Новому царству (“flower pots”, 3%) и Позднему периоду (74,6%). Примечательно, что более поздняя керамика в нише 10 редка и представлена единичными фрагментами бытовой утвари Византийского и Арабского периодов (12%), сконцентрированными лишь в слое 2. Здесь же выявлено несколько фрагментов тонкого фарфора XIX — начала XX вв.

Керамика из слоев 2, 3 и 4 может быть датирована первой половиной IV в. до н.э.¹³ и представлена небольшими коническими сосудами (как 17/19–10/1, илл. 6), арибаллическими лекифами, мисками 17/19–10/2 и 17/19–10/12 (илл. 6), горшком 17/19–10/14, чашами 17/19–10/5 и 17/19–10/6. При этом одноручный кувшин 16/19–10/1 (илл. 6) практически не имеет точных аналогий: отчасти похожие сосуды относятся к финальной фазе Позднего периода [Brissaud et al., 1987, p. 84, fig. 6 (no. 75)] и к раннему Птолемеевскому времени: один такой сосуд найден в Тебтунисе, но в каталоге отмечается, что это уникальный экземпляр конца III в. до н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 112, pl. 52 (no. 468)].

Назначение керамического комплекса из ниши 10 определяется содержимым сосудов. Так, кувшин 16/19–10/1 был запечатан пробкой из льняной ткани и содержал порошок молочно-белого цвета, очевидно, натрон. Арибаллические лекифы 17/19–10/3, 17/19–10/7, 17/19–10/9, 17/19–10/11 (илл. 6), небольшой конический сосуд 17/19–10/1, кувшин 17/19–10/4 и чаша 17/19–10/5 имеют следы коричневой или темно-коричневой смолистой субстанции внутри, по-видимому, от бальзамирующих растворов. Поверхность сосудов была сильно корродирована, что можно объяснить воздействием как агрессивной внешней среды, насыщенной органикой, так и содержимого — натрона и различных бальзамирующих веществ. Непонятными пока остаются следы на кувшине 17/19–10/10: здесь отчетливо видны черные шарики-брызги металлоидной субстанции, налипшие на внутреннюю поверхность сосуда. При кратком нагревании на открытом огне плавления не наблюдается и запах отсутствует. Однако на внешней стороне кувшина имеются небольшие следы коричневой субстанции, идентичные следам, отмеченным на других сосудах из данного комплекса.

Учитывая характер содержимого сосудов, можно с уверенностью интерпретировать найденный керамический комплекс Позднего периода как «тайник бальзамировщиков», включавший остатки от мумификации тел покойных, которые обычно складировались в укромных местах недалеко от самих мест захоронения¹⁴. Обстоятельства обнаружения керамического скопления, фрагментарность большинства сосудов, перемешанных с фрагментами человеческих тел, свидетельствуют,

¹³ Подробнее см.: [Малых, 2022, с. 283–288; Kormysheva et al., 2021, pp. 57–59, 99–101, fig. 54, pl. XCI–XCIII].

¹⁴ Подробнее см.: [Budka, 2006; Aston, 2011].

что этот комплекс обнаружен не *in situ*, а был перемещен в результате деятельности грабителей, что повлекло за собой разбивание большинства сосудов.

Шахта 11

В заполнении шахты 11 и ее погребальной камеры 11А было найдено 3048 целых и фрагментированных керамических сосудов, которые были неравномерно распределены по слоям 1–9. При этом, несмотря на визуальное различие слоев 3, 4 и 5, в них присутствовали фрагменты от одних и тех же предметов, например, от чаши на кольцевом поддоне 19/19–11/9, 16, 17, 20 (*илл. 6*) Позднего периода (из слоев 3 и 4), современного горшка 19/19–11/4, 8, 25 (*илл. 7*) (из слоев 3 и 4), тонкостенных полусферических чаш 19/19–11/12, 32, 19/19–11/26, 29, 44 19/19–11/30 и 19/19–11/31 (*илл. 3*) (из слоев 4 и 5). Однако подавляющее большинство тонкостенных полусферических чаш происходит из слоя 5. Фактически четкая граница между слоями 4 и 5 отсутствует, так как в момент грабежа слой 5 был поврежден и частично смешан со слоем 4. То же наблюдается и в погребальной камере 11А: граница слоев 5 и 8 имеет размытый характер. Кроме того, фрагменты чаши 19/19–11/52, 53 происходят как из шахты, так и из погребальной камеры 11А.

Верхние слои 1–3 заполнения шахты 11 являются наиболее поздними, и кроме фрагментов непатинированных или слабо патинированных стеклянных сосудов, фарфора и монет XIX–XX вв.¹⁵, содержат разновременную керамику Древнего царства, Нового царства, Позднего периода, Птолемеевского, Римского и Византийского времени, Средневековья, Нового и Новейшего времени, что маркирует неоднократные попытки проникновения в шахту. В частности, в слое 1 найден фрагмент керамического котла 19/19–11/2 с прочерченным волнистым орнаментом и парными вертикальными ручками-ушками (*илл. 7*), с отчетливыми следами бытового использования. Его следует датировать второй половиной X–XII вв. н. э. (Фатимидский период). Нижняя часть крышки или подставки для лампы 19/19–11/1 с волнистым прочерченным орнаментом (*илл. 7*) стилистически соответствует керамике Айюбидского периода (XII–XIII вв.) [Monchamp, 2017, p. 16, fig. 11.14]. В слое 3 выявлены фрагменты двух тонкостенных горшков Римского времени 19/19–11/5 (*илл. 7*) и 19/19–11/7; по глине они являются продукцией гончарных мастерских Асуана.

Среди керамики Древнего царства из слоя 3 необходимо отметить фрагмент конической хлебной формы 19/19–11/3 (*илл. 4*) времени V–VI династий с гончарной меткой в виде вертикальной полосы, прочерченной до обжига. Снаружи он был окрашен белым пигментом (ритуальное побеливание?) и закопчен.

Слой 4, залегающий и в шахте, и в погребальной камере, несмотря на наличие предметов XIX в., содержит большее количество древнего материала по сравнению с верхними слоями. Прежде всего увеличивается число фрагментов керамики Древнего царства, а среди поздней керамики доминируют типы Позднего периода; заметное место занимают экземпляры Птолемеевского, Римского (в частности, амфора типа АЕЗ 19/19–11/15, *илл. 7*) и Византийского времени, тогда как доля средневековой и современной керамики уменьшается. Здесь же выявлены фрагменты стеклянных унгентариев Римского периода.

Среди позднего керамического материала из слоя 4 примечательны тулово кувшина 19/19–11/21 с неаккуратной росписью (*илл. 5*) эпохи Нового царства, а также черная чаша типа *эхинус* 19/19–11/10 (*илл. 7*) III–II вв. до н. э., вероятно, являвшаяся египетской имитацией чернолаковой аттической столовой посуды.

¹⁵ Подробнее см.: [Лебедев, Малых, 2020, с. 100–104].

В слое 4 также находились фрагменты чаш на кольцевом поддоне 19/19–11/9, 16, 17, 20 и 19/19–11/18 (илл. 6). Данный тип зафиксирован и в других комплексах Восточного плато Гизы (например, в шахтах 3, 4 и 5 гробницы Перинеджу (10/19–3/7, 10/19–4/2, 10/19–5/1; в шахте 1 гробницы GE 48 [Kormysheva et al., 2015, p. 234, fig. 85 (13/48–1/4)]. Немногочисленные аналогии отнесены к Птолемеевскому и Римскому периоду [Brissaud et al., 1987, p. 83, fig. 5 (no.56); Ballet, 1997, p. 50, fig. 7; Marchand, 2000, p. 25, fig. 4]; часто они имеют следы смолы или темной субстанции внутри и снаружи и сопутствуют керамике Позднего периода — раннего Птолемеевского времени в «тайниках бальзамирощиков», что выступает за удревание датировки этого типа.

В слое 5, зафиксированном и в шахте 11, и в погребальной камере 11А, обнаружено значительное количество (197 экз.) целых и фрагментированных тонкостенных полусферических чаш, а также 116 фрагментов от семи круглодонных красноангобированных кувшинов с простым слегка отвернутым наружу венчиком. По морфологическим признакам оба керамических типа следует датировать финальной частью Древнего царства — Первым переходным периодом. Это скопление можно интерпретировать как остатки погребальной тризны, складированные здесь в момент отправления похоронных ритуалов для другого захоронения, совершенного поблизости, но не найденного¹⁶. Судя по всему, оно не имеет прямого отношения к оригинальному погребению в камере 11А.

В нижних слоях заполнения шахты 11 и ее камеры 11А (слои 6, 8, 9) обнаружен керамический материал исключительно эпохи Древнего царства. В слое 8, засыпанном оригинальное погребение в камере, находилось 630 фрагментов пивных кувшинов времени V–VI династии, в том числе девять времени VI династии. В слое 9 — древнейшем заполнении камеры 11А, связанном с оригинальным погребением, число фрагментов керамики эпохи Древнего царства резко снизилось (71 экз.), более позднего материала не выявлено. Датированным для погребения является венчик пивного кувшина 19/19–11/84, 85 (илл. 2): его форма бытовала в конце V и при VI династиях.

Ниша 12

При исследовании ниши 12 найдено небольшое количество керамики — всего 12 фрагментов, причем лишь два из них принадлежат пивным кувшинам эпохи Древнего царства (16,7%), а остальные — к Позднему периоду (58,4%), греко-римскому (16,6%) и Новейшему времени (8,3%) — традиционным египетским кувшинам-балласам для воды. Вероятно, эта керамика попала в заполнение ниши в результате деятельности грабителей; более конкретной информации материал не дает.

Заключение

Итак, в процессе археологического исследования гробницы Перинеджу (GE 19) силами российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе было обнаружено 7966 фрагментов керамики, относящихся к эпохе Древнего царства (в основном к концу V и VI династиям), Первому переходному периоду, Новому царству, Позднему, Птолемеевскому, Римскому, Византийскому периодам, Средневековью, Новому и Новейшему времени.

Основная часть керамического материала происходит из потревоженных археологических комплексов и имеет косвенное значение для их датировки. Однако отдельные находки, в частности, на дне шахты 2 или в кладке блокировочной стены погребальной камеры 8А, имеют оригинальный

¹⁶ Аргументы по интерпретации скопления и морфологические аналогии для керамики см.: [Малых, 2021, с. 29–34; Kormysheva et al., 2021, pp. 65–66].

контекст и дают возможность датировать погребение 2В не позднее середины VI династии, а погребение 8А несколько шире — периодом правления VI династии.

Весьма показательно, что в заполнении шахт 3, 4, 5 и 6 встречаются фрагменты одних и тех же сосудов, например, чаша, соединенная из фрагментов 10/19–3/7, 10/19–4/2 и 10/19–5/1 (из шахт 3, 4 и 5 соответственно); миска, собранная из фрагментов 10/19–4/7 и 10/19–6/11 (из шахт 4 и 6); фрагменты от одного кувшина-балласа 10/19–3/2 и 10/19–6/9 происходят из шахт 3 и 6. Таким образом, шахты 3, 4, 5 и 6 демонстрируют единовременность засыпки, свидетельствующую об одновременном ограблении данных погребальных комплексов. Вероятно, этим можно объяснить и обнаружение в заполнении шахты 6 и погребальной камеры 2А вотивных тарелочек 10/19–2А/4 и 10/19–6/1 (илл. 3), принадлежавших одной гончарной партии и первоначально, видимо, относившихся к одному погребальному комплексу, ныне уничтоженному.

Количественное распределение датированных групп керамики наглядно иллюстрирует этапы существования комплексов — от устройства оригинальных и вторичных погребений, «тайников бальзамировщиков» до неоднократных проникновений грабителей, в результате которых в помещения скальной гробницы попал поздний керамический и иной вещевой материал. Более того, количественные показатели по оригинальной керамике эпохи Древнего царства прямо отражают степень сохранности погребения, а ее почти полное отсутствие однозначно указывает, что некоторые помещения в гробнице Древнего царства могли быть высечены значительно позже, например, спустя почти две тысячи лет, как произошло с нишей 10.

Литература / References

Лебедев М. А., Малых С. Е. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе. *Восточный курьер*. 2020. № 1–2. С. 99–108 [Lebedev M. A., Malykh S. E. The Source of Mysteries: The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza. *Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 99–108 (in Russian)].

Малых С. Е. Символика белого цвета в древнеегипетском погребальном обряде и поминальном культе эпохи Древнего царства. *Восток (Oriens)*. 2015. № 2. С. 20–32 [Malykh S. E. Symbolism of the white color in ancient Egyptian funerary rites and cult of the Old Kingdom. *Vostok (Oriens)*. 2015. No. 2. Pp. 20–32 (in Russian)].

Малых С. Е. Керамический комплекс позднего Древнего царства — Первого переходного периода из гробницы Перинеджу в Гизе: новые данные о функционировании древнеегипетского некрополя в XXII–XXI вв. до н. э. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 25–39 [Malykh S. E. Ceramic Complex of the Late Old Kingdom — First Intermediate Period from the Tomb of Perinedju in Giza: New Data on the Functioning of the Ancient Egyptian Necropolis in the 22nd–21st Centuries B. C. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. No. 1. Pp. 25–39 (in Russian)].

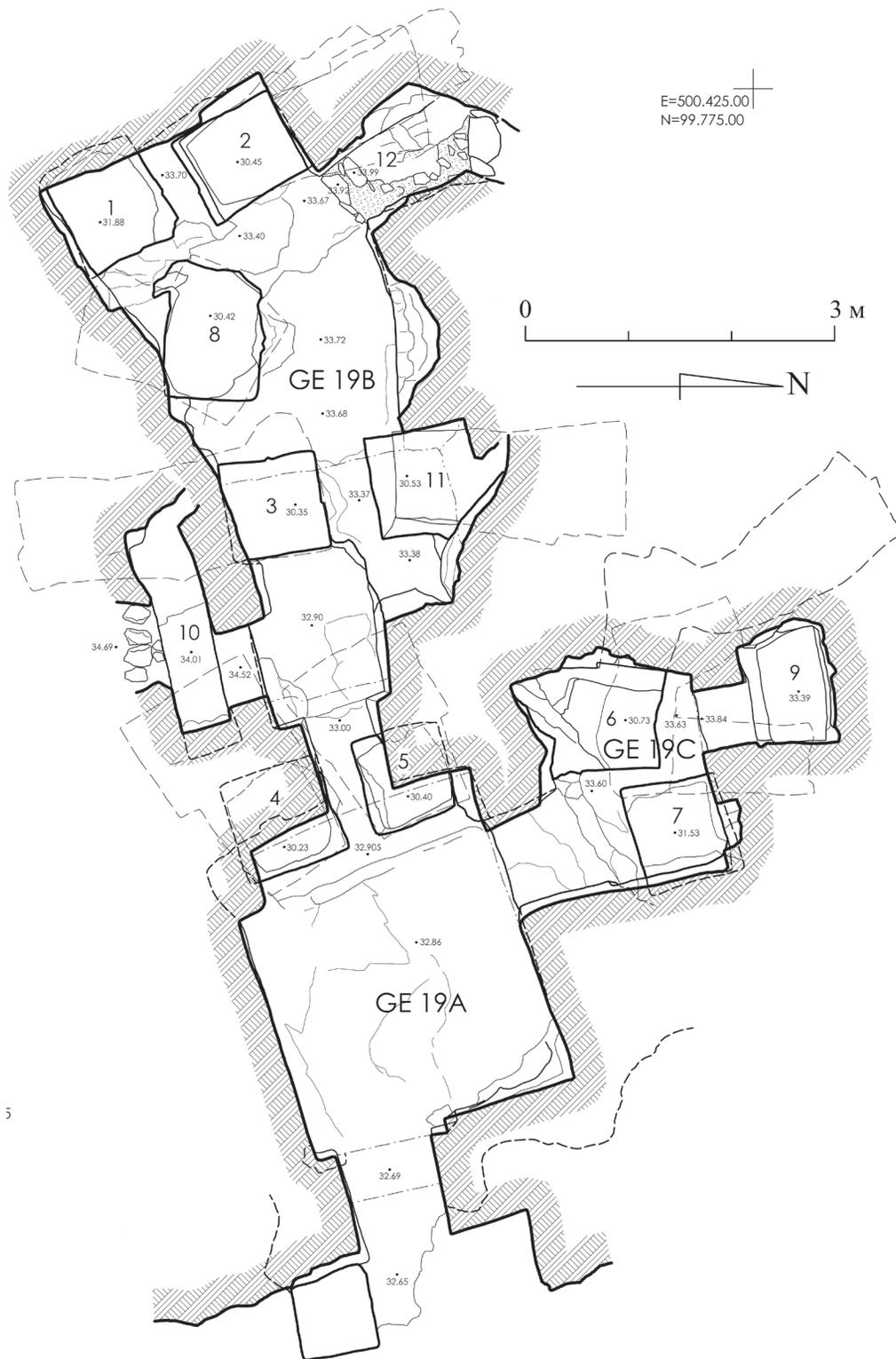
Малых С. Е. «Тайники бальзамировщиков» в восточной Гизе: к истории вторичного использования древнеегипетских гробничных комплексов эпохи Древнего царства в I тыс. до н. э. *Вестник древней истории*. 2022. № 2. С. 281–302 [Malykh S. E. “Embalming Caches” in Eastern Giza: Towards the History of Secondary Use of Ancient Egyptian Old Kingdom Burial Complexes in the First Millennium B. C. *Journal of Ancient History*. 2022. No. 2. Pp. 281–302 (in Russian)].

Allen S. J. Pottery from the Pyramid Complex of Senwosret III and the Middle Kingdom Mastabas at Dahshur 2003–2010 (The Metropolitan Museum of Art, New York). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. No. 24. Pp. 85–92.

Arias Kytarová K. Chronological relevance of bread baking forms — A case study of the Abusir South cemetery. Bárta M., Coppens F., Krejčí J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2010*. Prague, 2011. Pp. 200–222.

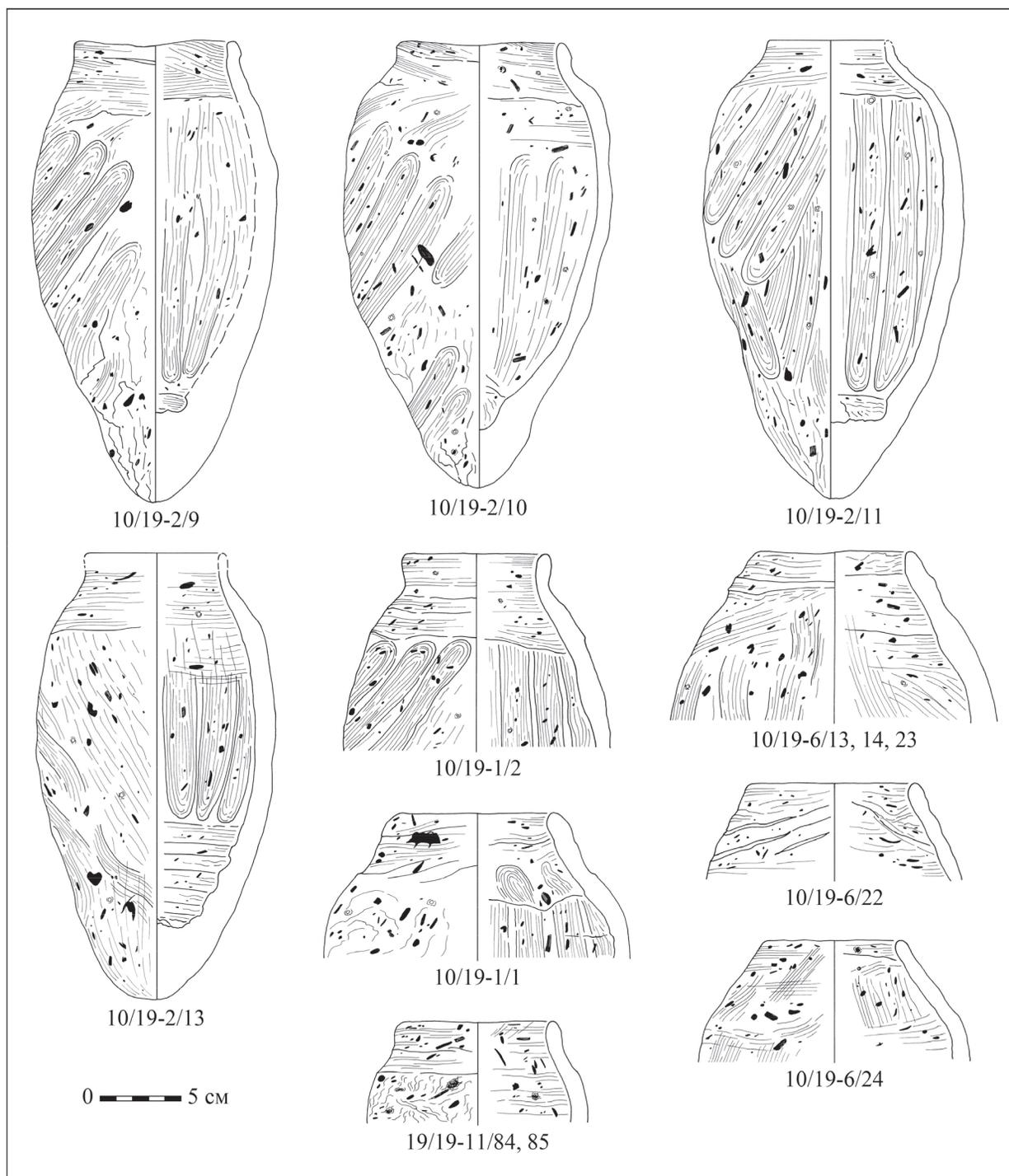
- Arias Kytarová K. Ritual Ceramic Deposit from the Tomb of Prince Werkaure? A Tentative Interpretation. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. No. 24. Pp. 71–84.
- Aston D. A. *t3 phrt wty*. The Saqqara Embalmers' Caches Reconsidered; Typology and Chronology. Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 45–79.
- Aston D. A., Aston B. G. *Late Period Pottery from the New Kingdom Necropolis at Saqqāra. Egypt Exploration Society — National Museum of Antiquities, Leiden, Excavations 1975–1995. Excavation Memoir 92*. London, Leiden, 2010.
- Bader B. The Late Old Kingdom in Herakleopolis Magna? An Interim Interpretation. Rzeuska T. I., Wodzińska A. (eds.). *Studies on Old Kingdom Pottery*. Warsaw, 2009. Pp. 13–41.
- Ballet P. Essai de classification des coupes type Maidum-bowl du sondage nord de Ayn-Asil (Oasis de Dakhla). Typologie et Évolution. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. No. 1. Pp. 1–16.
- Ballet P. Tell al-Moufarig. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1997. No. 5. Pp. 47–55.
- Ballet P., Południkiewicz A. *Tebtynis V. La céramique des époques hellénistique et impériale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire, 2012.
- Bourriau J. D., Aston D. A., Raven M. J., van Walsem R., Hope C. *The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-chief of Tut'ankhamun. III. The New Kingdom Pottery*. London, 2005.
- Bourriau J., Aston D. The Pottery. Martin G. T. (ed.). *The tomb-chapels of Paser and Raia at Saqqara*. London, 1985. Pp. 32–55.
- Brissaud Ph. Répertoire préliminaire de la poterie trouvée à San el-Hagar (1re Partie). *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. No. 1. Pp. 77–80.
- Brissaud Ph., Carpano V., Cotellet L., Marchand S., Nouaille L., Veillard C. Répertoire préliminaire de la poterie trouvée à San el-Hagar (2e Partie). Brissaud Ph. (ed.). *Cahiers de Tanis I. Mission Française des fouilles de Tanis*. Paris, 1987. Pp. 75–99.
- Budka J. Deponierungen von Balsamierungsmaterial und Topfnester im spätzeitlichen Theben (Ägypten). Befund, Kontext und Versuch einer Deutung. Mylonopoulos J., Roeder H. (Hrsg.). *Archäologie und Ritual. Auf der Suche nach der rituellen Handlung in den antiken Kulturen Ägyptens und Griechenlands*. Wien, 2006. S. 85–103.
- Defernez C. *La céramique d'époque perse à Tell el-Herr. Étude chrono-typologique et comparative*. Lille, 2001.
- Defernez C. Four Bes Vases from Tell el-Herr (North-Sinai): Analytical Description and Correlation with the Goldsmith's Art of Achaemenid Tradition. Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 287–323.
- French P., Bourriau J. *The Anubieion at Saqqara IV. Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis*. London, 2018.
- French P., Ghaly H. Pottery Chiefly of the Late Dynastic Period, from Excavations by the Egyptian Antiquities Organization at Saqqara, 1987. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. No. 2. Pp. 93–124.
- Hawass Z., Senussi A. *Old Kingdom Pottery from Giza*. Cairo: Supreme Council of Antiquities, 2008.
- Hope C. Innovation in the Decoration of Ceramics in the Mid-18th Dynasty. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. No. 1. Pp. 97–122.
- Hussein R. B., Marchand S. A Mummification Workshop in Saqqara. The Pottery from the Main Shaft K24. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2019. No. 29. Pp. 101–132.
- Jacquet-Gordon H. A Tentative Typology of Egyptian Bread Moulds. Arnold Do. (Hrsg.). *Studien zur altägyptischen Keramik*. Mainz am Rhein, 1981. Pp. 11–24.
- Jacquet-Gordon H. *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique*. Le Caire, 2012.
- Junker H. *Giza I. Die Mastabas der IV. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien, Leipzig, 1929.

- Köpp P. Die Keramikformationen der 1. Zwischenzeit und des Mittleren Reiches auf Elephantine. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2019. No. 29. S. 243–304.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufubotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis V. Tombs of Perinedju and Nefersefkhptah*. Moscow, 2021.
- Kromer K. *Nezlet Batran. Eine Mastaba aus dem Alten Reich bei Giseh (Ägypten). Österreichische Ausgrabungen 1981–1983*. Wien, 1991.
- Le Provost V. Ayn Asil, les dernières coupes carénées de type Maidum-bowl. Fin de l'Ancien Empire — début de la Première Période intermédiaire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. No. 27. Pp. 183–194.
- Lecuyot G. Poteries de l'Ancien Empire provenant du secteur du mastaba d'Akhetetep. Fouilles du musée du Louvre à Saqqâra. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2016. No. 26. Pp. 131–141.
- Marchand S. Note sur la céramique de la forge (Secteur nord pyramid / ZCS) — Abou-Rawash 1999. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2000. No. 21. Pp. 23–35.
- Marchand S., Roussel D. Tanis: la céramique d'un bâtiment de la XXXe dynastie. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 1994. No. 18. Pp. 12–18.
- Masson A. Persian and Ptolemaic Ceramics from Karnak: Change and Continuity. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2011. No. 9. Pp. 269–310.
- Monchamp J. Assemblages céramiques d'époque médiévale de Burg al-Zafar, murailles du Caire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. No. 27. Pp. 5–30.
- Myśliwiec K., Radomska M., Kowalska A., Kaczmarek M., Rzeuska T. I. *Saqqara III.1. The Upper Necropolis*. Varsovie, 2008.
- Myśliwiec K., Kuraszkiwicz K. O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Varsovie, 2010.
- Op de Beeck L. Possibilities and Restrictions for the Use of Maidum-bowls as Chronological Indicators. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2004. No. 7. Pp. 239–274.
- Raven M. J. Desheret bowls and canopic jars. Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 795–808.
- Redmount C. A. The Egyptian Modern Pottery Project: Pilot Phase Findings. Keller C. A., Redmount C. A. *Egyptian Pottery. Proceedings of the 1990 Pottery Symposium at the University of California*. Berkeley, 2003. Pp. 153–322.
- Reisner G. A., Smith W. S. *A History of the Giza Necropolis. The Tomb of Hetep-beres the mother of Cheops*. Vol. II. Cambridge, 1955.
- Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Varsovie, 2006.
- Seif el-Din M. *Die reliefierten hellenistisch-romischen Pilgerflaschen*. Le Caire, 2006.
- Soukiassian G., Wuttmann M., Pantalacci L., Ballet P., Picon M. *Balat III. Les ateliers de potiers d'Ayn-Asil*. Le Caire, 1990.
- Vallogia M. *Balat I. Le mastaba de Medou-Nefer*. Le Caire, 1987.
- Wodzińska A. Domestic and Funerary / Sacral Pottery from the Fourth Dynasty Giza. Rzeuska T. I., Wodzińska A. (eds.). *Studies on Old Kingdom Pottery*. Warsaw, 2009. Pp. 209–224.
- Wodzińska A. *A Manual of Egyptian Pottery*. Vol. 4: *Ptolemaic Period — Modern*. Boston, 2010.

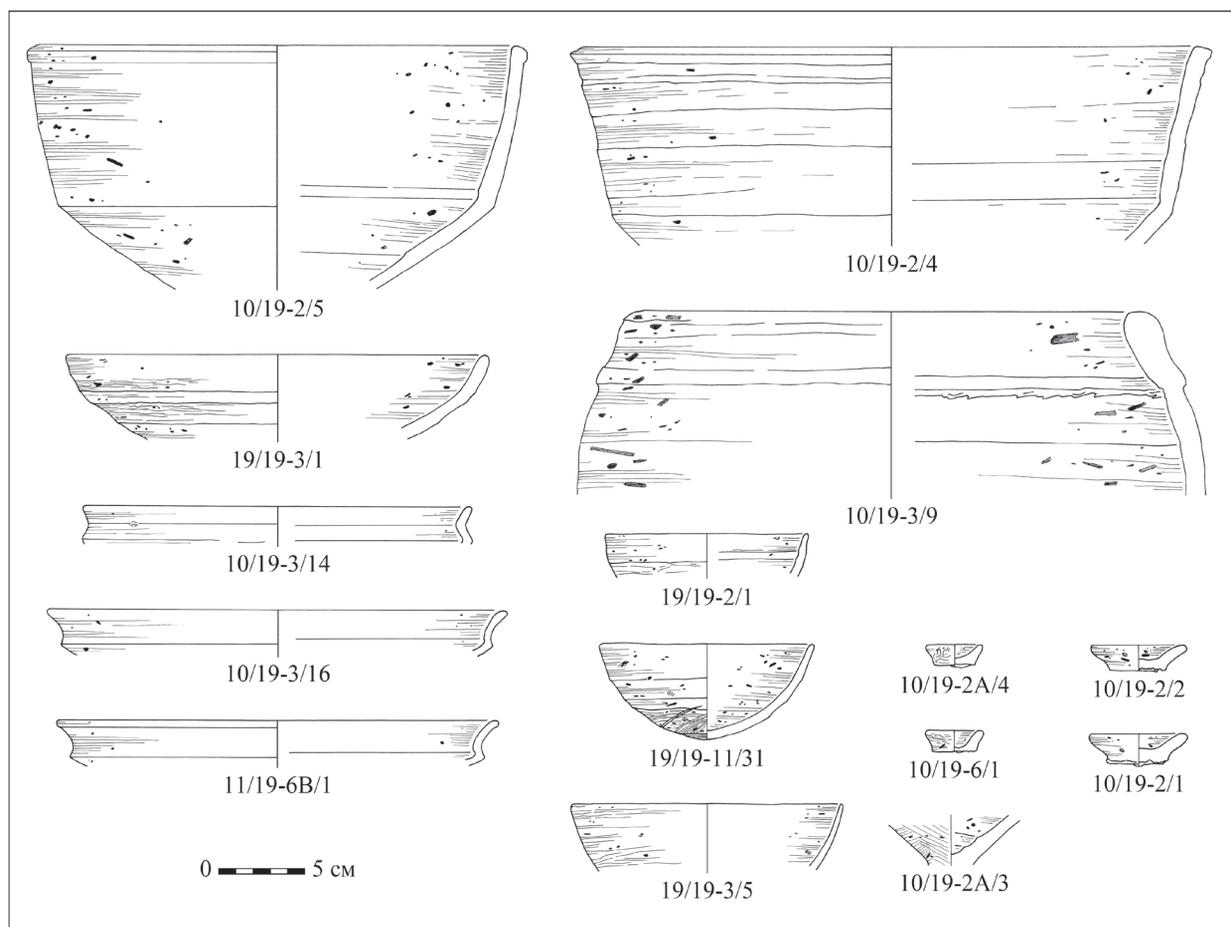

5

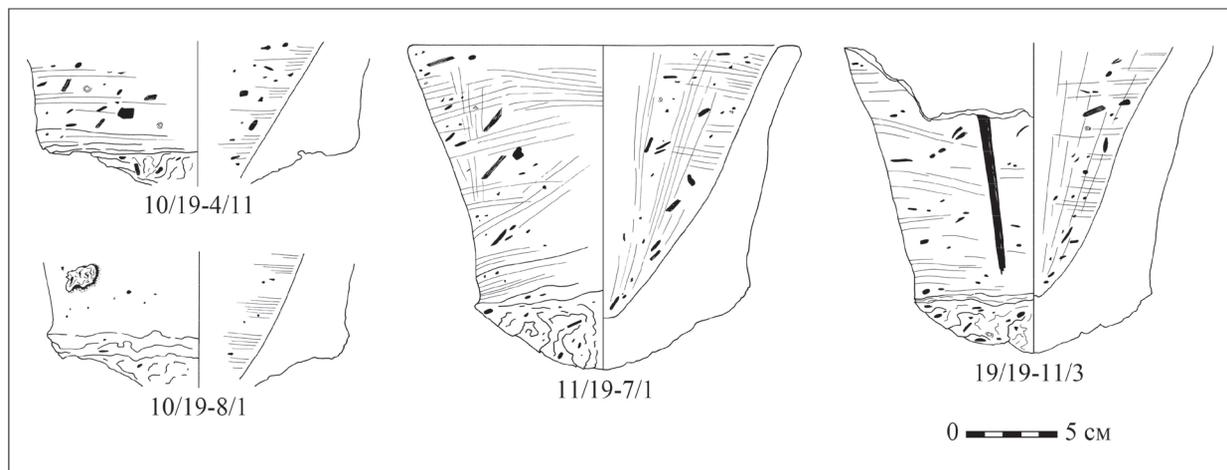
Илл. 1. План скальной гробницы Перинеджу в Гизе (рис. С. В. Ветохова)

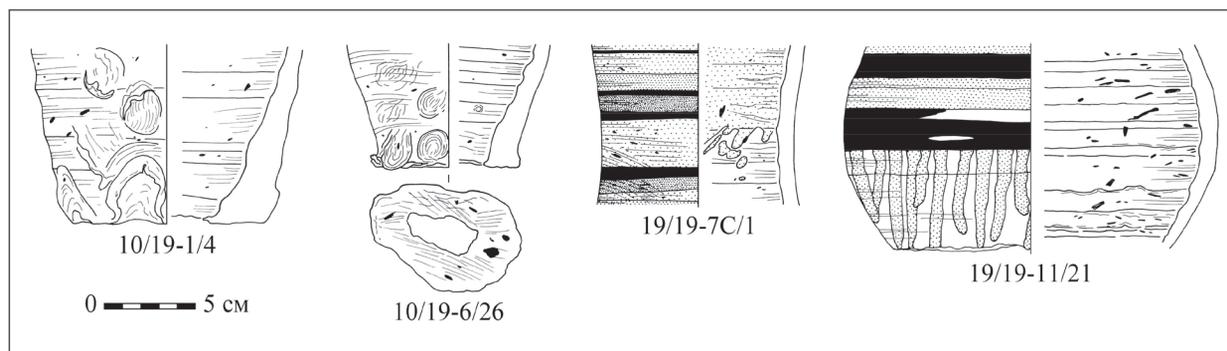
Илл. 2. Пивные кувшины времени V–VI династии из шахт 1, 2, 6 и 11 гробницы Перинеджу в Гизе (рис. автора)

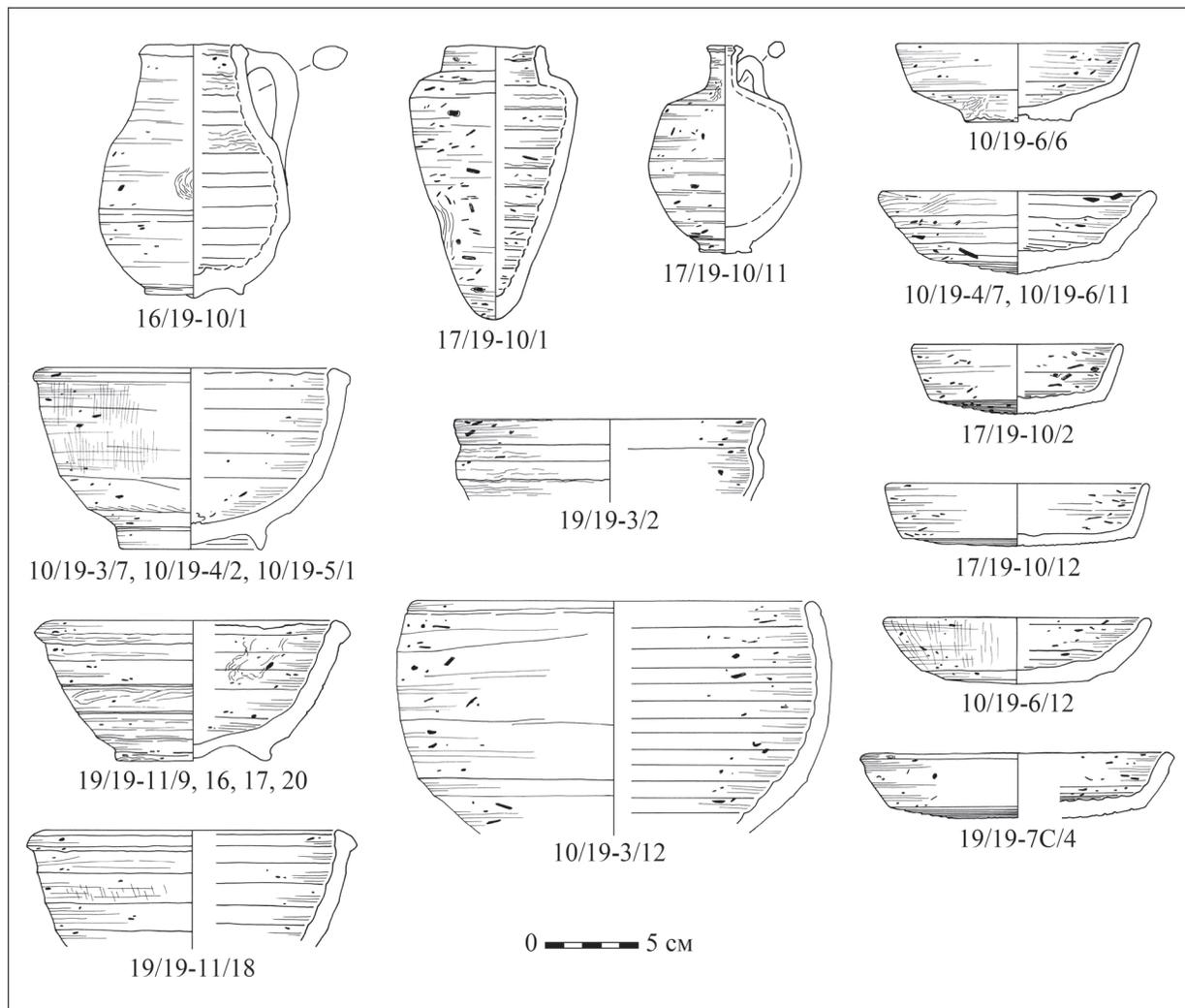
Илл. 3. Керамика открытых типов Древнего царства и Первого переходного периода из шахт 2, 3, 6 и 11 гробницы Перинеджу в Гизе (рис. автора)

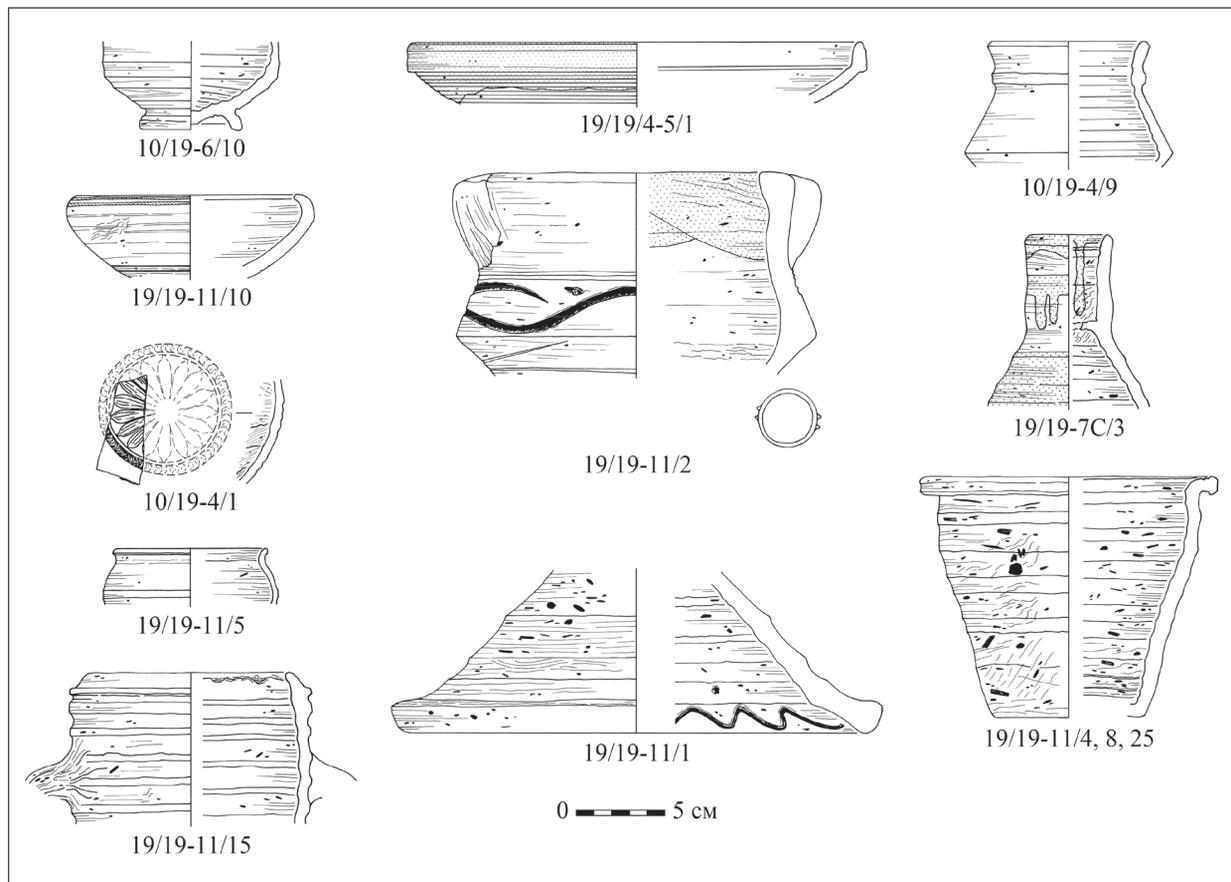
Илл. 4. Конические хлебные формы времени V–VI династии из шахт 4, 7, 8 и 11 гробницы Перинеджу в Гизе (рис. автора)

Илл. 5. Керамика эпохи Нового царства из шахт 1, 6, 7 и 11 гробницы Перинеджу в Гизе (рис. автора)

Илл. 6. Керамика Позднего периода из шахт 3, 4, 5, 6, 7, 11 и ниши 10 гробницы Перинеджу в Гизе (рис. автора)

Илл. 7. Керамика Птолемеевского, Римского, Византийского и Арабского периодов из шахт 4, 5, 6, 7 и 11 гробницы Перинеджу в Гизе (рис. автора)

ЗАПИСКА КОНСТАНТИНА ШЕРВАШИДЗЕ О ПОЛОЖЕНИИ В АБХАЗИИ. 20 ДЕКАБРЯ 1855 г.

© 2024

Л. И. Цвижба¹

В период Крымской войны (1853–1856) русское командование принимает решение о выводе малочисленных гарнизонов Черноморской береговой линии за реку Ингур. Эвакуация гарнизонов была возложена на владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе, который принял командование над войсками 19 марта 1854 г. После окончания войны гарнизоны будут возвращены в прежние места расположения. Эта миссия вновь была возложена на Михаила Шервашидзе. Крымская война принесла большие разрушения населенным пунктам Черноморской береговой линии, так как после вывода гарнизонов с береговой линии турецкая армия под командованием военачальника Омер-паши высадилась в Сухуме, при этом были разрушены береговые населенные пункты. Владетель Абхазии вынужден был, оставив Абхазию, находиться за рекой Ингуром в составе русской армии. Михаил без ведома наместника кавказского встретился в Абхазии летом 1855 г. с Омер-пашой, за что Россия обвинила его в предательстве. В такое сложное для Михаила Шервашидзе время брат его — ротмистр Константин Шервашидзе, который также находился под строгим секретным надзором, пишет записку о положении в Абхазии. В ней он излагает свои соображения об Абхазии периода Крымской войны и о преданности России Михаила Шервашидзе, а также о том, какую роль могут сыграть подданные владетеля Абхазии в изгнании турок с занятой ими территории.

Ключевые слова: Крымская война, Михаил и Константин Шервашидзе, Дмитрий Шервашидзе, записка о положении в Абхазии, Сухум, Турция, русские войска, турецкая армия, Н.Н. Муравьев, Омер-паша, Черноморская береговая линия

Для цитирования: Цвижба Л.И. Записка Константина Шервашидзе о положении в Абхазии. 20 декабря 1855 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 31–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-031-036

NOTE BY KONSTANTIN SHERVASHIDZE ON THE SITUATION IN ABKHAZIA. DECEMBER 20, 1855

Larisa I. Tsvizhba

During the Crimean War (1853–1856), the Russian command decided to withdraw the small garrisons of the Black Sea coastline beyond the Ingur River. The evacuation of the garrisons was entrusted to the ruler of Abkhazia, Mikhail Shervashidze, who took command of the troops on March 19, 1854. After the end of the war, the garrisons will be returned to their former locations. This mission was again entrusted to Mikhail Shervashidze.

---

¹ Цвижба Лариса Исиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; laratas@mail.ru
Larisa I. Tsvizhba, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; laratas@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6085-1964

The Crimean War brought great destruction to the settlements of the Black Sea coastline, as after the withdrawal of garrisons from the coastline, the Turkish army under the command of Commander Omer Pasha landed in Sukhum, while coastal settlements were destroyed. The ruler of Abkhazia was forced to leave Abkhazia and is located across the Ingur River, as part of the Russian army. Mikhail, unbeknownst to the governor of the Caucasus, met with Omer Pasha in Abkhazia in the summer of 1855, for which Russia would accuse him of betrayal. At such a difficult time for Mikhail Shervashidze, his brother captain Konstantin Shervashidze, who was also under strict secret supervision, will write a note on the situation in Abkhazia. In it, he sets out his thoughts about Abkhazia during the Crimean War and about Mikhail Shervashidze's devotion to Russia, what role the subjects of the ruler of Abkhazia can play in expelling the Turks from the territory they occupied.

Keywords: Crimean War, Mikhail and Konstantin Shervashidze, Dmitry Shervashidze, a note on the situation of Abkhazia, Sukhum, Turkey, Russian troops, Turkish army, N.N. Muravyov, Omer Pasha, Black Sea coastline

For citation: Tsvizhba L. I. Konstantin Shervashidze's Note on the Situation in Abkhazia. December 20, 1855. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 31–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-031-036

Константин (Хуршид-бей) Георгиевич Шервашидзе (1810(11)–1883), родной брат владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе, в 1831 г., в возрасте 20 лет, был выпущен из Пажеского корпуса и определен в Нижегородский драгунский полк. Уволен в отставку по болезни в чине ротмистра в 1853 г. Несмотря на то, что Константин по службе имел только положительные характеристики, его посылают на жительство в г. Ярославль под строгий секретный надзор. Будучи под надзором, он в 1855 г. напишет записку о положении в Абхазии, в которой высказывает свои соображения об Абхазии во время Крымской войны (1853–1856), когда турецкая армия высадилась на Черноморской береговой линии. Он обращает внимание на брата своего, владетеля Абхазии Михаила, и на то, какую действенную роль могут сыграть подданные владетеля в изгнании врага с занятой территории [Цвижба, 2023, с. 34–57]. Константин в «Записке» пишет о Михаиле: «Уверенный в преданность брата моего владетеля Абхазии, хотя из чувства благодарности за многие благодеяния, оказанные ему правительством, и со средствами, какими он может располагать, брат мой, в настоящее время мог бы оказать великую заслугу России, но видно, с удалением русских войск из тех мест значительно уменьшилось влияние его на народ...». «Записка» К. Шервашидзе хранится в фонде Военного министерства Российского государственного военно-исторического архива [РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23301. Л. 1–8. Копия].

В период Крымской войны (1853–1856) русское командование вынуждено было принять решение об эвакуации малочисленных гарнизонов Черноморской береговой линии. О причине вывода войск (пяти батальонов Черноморской береговой линии) из Абхазии командир Отдельного Кавказского корпуса и наместник кавказский М. С. Воронцов 17 марта 1854 г. писал управляющему военным министерством В. А. Долгорукому: «Усматривая, что нельзя рассчитывать на теперешние средства к сохранению наших гарнизонов и что усилить войска в Абхазии мы не имели средств, я решился приступить к выводу оных из абхазских укреплений сухопутно» [Дзидзария, 1975, с. 124]. Участник Крымской войны генерал-майор М. Я. Ольшевский в своих воспоминаниях отмечал, что в 1854 г. «все болезненно слабые гарнизоны» укреплений этой линии (Черноморской береговой линии — Л.Ц.) были перевезены частью в Мингрелию и Гурию, а частью в Новороссийск, Анапу и Тамань, а вслед за тем после бомбардирования и этих пунктов переведены в Керчь или отправлены в Севастополь» [Ольшевский, 2003, с. 486]. Эта ответственная часть эвакуации гарнизонов была возложена на владетеля Абхазии М. Шервашидзе, который принял командование над войсками 19 марта 1854 г., а 5 апреля части уже были переправлены за р. Ингур. После окончания войны гарнизоны будут возвращены в прежние места расположения. Эта миссия вновь была возложена

на Михаила Шервашидзе. 6 июля 1856 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант Н. Н. Муравьев написал М. Шервашидзе, что «Государю Императору благоугодно возложить на вашу светлость ввод наших войск в Абхазию и занятие ими как сего края, так и Цебельды» [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 313. Л. 145об.]. Войска вошли в Сухум 16 сентября 1856 г. [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 313. Л. 330–330об.].

После вывода гарнизонов с Черноморской береговой линии турецкая армия под командованием военачальника Омер-паши высадилась в Сухуме, при этом были подвергнуты разрушениям береговые населенные пункты.

Крымская война была в какой-то степени и личной драмой Михаила Шервашидзе. Он вынужден был, оставив Абхазию, находиться за рекой Ингур, формально в составе русской армии. В то же время Россия ему выказывает недоверие и обвиняет в предательстве из-за встречи его в Абхазии с Омер-пашой летом 1855 г., куда он приехал без ведома наместника кавказского. Н. Н. Муравьев пишет: «Нельзя умолчать о переходе на сторону турок владетеля Абхазии генерал-адъютанта Михаила Шервашидзе, который вследствие занятия союзниками принадлежавшего ему Абхазского княжества и проживал в Мингрелии, откуда он еще в мае месяце, отправясь в родовое имение в Очамчири (на Абхазском берегу), передался там неприятелю. Сперва он имел свидание с приехавшим к нему начальником турецких войск по всему берегу моря Мустафа-пашой, а потом ездил в Сухум-кале. Впоследствии времени он являлся к Омер-паше в Сухум и был облачен от имени султана в звание правителя Абхазии» [Муравьев-Карский, 2021, с. 308].

5 января 1856 г. — Отношение шефа корпуса жандармов генерал-адъютанта А. Ф. Орлова военному министру В. А. Долгорукову о доставлении записки Константина Шервашидзе о положении в Абхазии

«Отставной ротмистр князь Шервашидзе, находящийся по высочайшему повелению, сообщенному мне г[осподином] генерал-адъютантом Катениным² от 29 октября 1853 г. за № 217, под надзором полиции в г. Ярославле, представил тамошнему жандармскому штаб-офицеру записку с изложением его, князя Шервашидзе, соображений на счет нынешнего положения Абхазии и просил довести о сем до сведения высшего начальства. По доставлении ныне этой записки ко мне начальником 2-го округа вверенного мне корпуса, я считаю долгом иметь честь препроводить оную к вашему сиятельству.

Генерал-адъютант граф Орлов

С. Петербург».

Резолюция: Собственно его величества рукою написано:

«Можно сообщить г.-а. Муравьеву»³.

8 января 1856 года. Князь Долгоруков

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23301. Л. 1–1об. Подлинник.

² Катенин А. А. — дежурный генерал Главного штаба.

³ Муравьев Н. Н. — наместник кавказский.

Константина Шервашидзе «Записка о настоящем положении в Абхазии. 20 декабря 1855 г.»

«Ротмистр князь Константин Шервашидзе, брат родной владетеля Абхазии, находящегося ныне в г. Ярославле по распоряжению правительства, движимый чувством усердия к пользе всемиловейшего государя и отечества, и зная хорошо как жителей Абхазии, так и географическое положение края и самые дороги, осмеливается обратить внимание правительства на современное военно-стратегическое положение Абхазии.

Дорога из Сухум-кале в Мингрелию до самого Зугдиди представляет особенно в весеннее и осеннее время непреодолимые препятствия в следовании не только значительной армии, но даже и самого малого отряда при двух орудиях с необходимым числом повозок. Что изведал я по опыту в 1839 г. таким образом:

Находясь в домовом отпуску, я был избран бывшим начальником 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майором [М.Я.] Ольшевским встретить и вести в Сухум-кале с возможною скоростью батальон Мингрельского егерского полка, бывший в то время на разработке военно-мингрельской дороги, верстах в 20 от границы Абхазии. Я как лицо, на которого была возложена начальством обязанность содействовать к поспешному следованию батальона, не щадил ничего, чтобы оправдать выбор и доверие местного начальства.

Связь родства моего, как родного брата владетеля давало мне право распоряжаться жителями по моему усмотрению, на что я имел и словесное приказание брата моего владетеля Абхазии, а потому, прибыв к батальону, первоначально приказал доставить немедленно необходимое количество фуража для артиллерийских и подъемных лошадей; сверх того, по требованию моему жители окрестных деревень вышли на содействие батальону, они перевозили орудие и другие тяжести через реки и овраги на канатах, выпрягая лошадей, но, несмотря на все мои усилия едва на четвертые сутки пришел в с. Илоры с совершенно изнуренными людьми и лошадьми, сделав в трое суток не более 20-ти верст.

В памяти моей осталось событие, которое еще более убеждает меня в возможность исполнения моего предположения. По кончине старшего брата моего князя Дмитрия Шервашидзе⁴ правительство турецкое прислало в Абхазию находившегося в то время в Константинополе под покровительством Турции дядю моего Аслан-бея⁵ с целью возмутить абхазцев и отвлечь их от влияния России. Обольщенный обещаниями Аслан-бея и подарками, которые он раздавал лицам почетным от имени Султана, левоверный народ осмелился предложить матушке моей выслать из Абхазии, охранявших в то время целостность и спокойствие нашего семейства 2 роты и отказаться от влияния русского правительства, отослав в то же время обратно знамя, грамоту и 2 пушки всемиловейшее дарованное русским монархом отцу моему, но благоразумная моя мать с презрением отвергла безрассудное требование народа и с наступлением ночи, пользуясь темнотою, уехала с семейством своим в Сухум-кале, оставив в укрепленном отцовском доме старшего сына нынешнего владетеля с двумя ротами. По приезде в Сухум-кале она не замедлила уведомить генерала от артиллерии [А.П.] Ермолова об опасности, угрожавшей этому войску, оставленному вместе с братом моим

---

⁴ Сын владетеля Абхазии Георгия Шервашидзе Дмитрий был возведен на престол после смерти его отца 19 февраля 1821 г. Дмитрий был отравлен в собственном доме слугой в октябре 1822 г.

⁵ В 1808 г. был убит в Сухуме в собственном доме владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе. Сын его Аслан-бей был объявлен «отцеубийцей». Одна из версий — убийство Келешбея было организовано Турцией. До вступления на престол Дмитрия феодалы, подстрекаемые Асланбеєм и Гасанбеєм (братья Георгия), а также турецкими агентами, вооружились против русских, поддерживавших права законного наследника Дмитрия, и готовились провозгласить Гасанбея владетелем Абхазии. Вспыхнувший бунт (1821) был подавлен отрядом М. Д. Горчакова.

в центре возмущившегося народа. Скоро дошли до абхазцев слухи, что бывший правитель Имеретии генерал-майор князь [П.Д.] Горчаков с несколькими батальонами и двумя милициями Мингрельской и Имеретинской идет на вырубку осажденных.

Зная хорошо, что князь Горчаков, дабы достигнуть Сухум-кале, неминуемо должен пройти берегом моря на расстоянии 11 верст, абхазы, воспользовались известностью местности, устроили несколько завалов на протяжении только 6 или 7 верст. На этом месте князь Горчаков бился двое суток с абхазцами численностью коих не превышало 2000 человек, подвигаясь вперед нога за ногу, встречая на всяком шагу препятствия и штурмуя храбро защищаемые завалы, он едва на трети сутки пришел в Сухум, потеряв более половины милиции, кроме выбывших из фронта людей.

Совершив однажды поход этими дорогами Омер-паша⁶ в случае крайности конечно предпочтет отступление к Поти и посту Св. Николая, но предупредительность генерал-адъютанта Муравьева и быстрое движение Карской армии к посту Св. Николая заградит ему путь к этой стороне, и Омер-паша неминуемо должен ретироваться к Сухум-кале, причем, преследуемый русскими и при энергическом содействии абхазцев, Омер-паша непременно должен лишиться всей своей армии: ибо при многочисленных препятствиях, представляющихся по пути следования его, абхазцы, пользуясь выгодами местности, могут легко, если не остановить, то задержать отступление турецкой армии и поставить ее между двух огней.

Редут же кале можно считать могилой для турецкой армии на том основании, что Редут-кальской открытой со всех сторон рейд и отмели, образуемые от впадения реки Хоби в Черное море отнимает всякую возможность к якорной стоянке и препятствует к посажению армии на суда.

Уверенный в преданность брата моего владетеля Абхазии⁷, хотя из чувства благодарности за многие благодеяния, оказанные ему правительством, и со средствами, какими он может располагать, брат мой, в настоящее мог бы оказать великую заслугу России, но видно, с удалением русских войск из тех мест значительно уменьшилось влияние его на народ? Что ясно доказывается его совершенным бездействием, тогда как случая такого как теперь доказать все милостивейшему государю всю свою готовность за все его великие милости не представится ему быть может никогда уже. Все сии данные убеждают меня в том, что правительство легко может действовать с пользой на этот край, чрез лиц, имеющих в настоящее время влияние на народ: таковых я знаю лично из дворян абхазских генерал-майора Кацу Маргания⁸, человек одаренный обширным умом, предприимчивый, пользуется общим уважением и доверием народа, и из князей цебельдинских Ширинбей Маршания⁹, зять владетеля Абхазии. Если, кроме этих двух окажутся новые лица, имеющие кредит в народе, то их должен знать князь Георгий Дадиан, тесть моего брата, который с радостью будет содействовать правительству, в чем я нисколько не сомневаюсь. Руководимый чувством неограниченной преданности к престолу правосудного монарха и проникнутый усердием к пользе Отечества, я осмелился повергнуть на благосклонное усмотрение правительства мое, быть может, ничтожное предположение, но я буду счастливейшим, если посильный труд мой в настоящую эпоху, присоединится к общим приношениям на пользу драгоценнейшего отца Царя и Отечества.

⁶ Омер-паша (Михаил Латош, Латтас, австриец по национальности) — командир турецкого экспедиционного корпуса, которому было поручено руководство всеми действиями турецких войск против «русско-кавказской армии» в период Крымской войны.

⁷ Михаил Шервашидзе — последний владетель Абхазии (14 февраля 1823–1864). Вступил на престол после трагической кончины брата Дмитрия.

⁸ Маргания Кац [Бежанович] (1766–1863) — генерал-майор (1844) [РГВИА. Ф. 395. Оп. 315. Д. 826. 1861 г. Л. 44об.-45].

⁹ Маршани [Шаринбей] Ширин-бей Учарди-ипа, поручик (1859). Награжден орденом Св. Анны 4 ст. «За храбрость» (1852) [РГВИА. Ф. 395. Оп. 315. Д. 831. 1861 г. Л. 266об. —267].

20 декабря 1855 г.
Ярославль».

Отставной ротмистр князь Константин Шервашидзе

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23301. Л. 2–6об. Копия.

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military Historical Archive]. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23301.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 313.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 315. Д. 826. 1861 г.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 315. Д. 831. 1861 г.

Литература / References

Дзидзария Г. А. *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия*. Сухуми, 1975 [Dzidzaria G. A. *Makhajirstvo and problems of the history of Abkhazia of the XIX century*. Sukhumi, 1975 (in Russian)].

Муравьев-Карский Н. Н. *Война за Кавказом. 1855 г.* М., 2021 [Muravyov-Karsky N. N. *The War for the Caucasus. 1855*. Moscow, 2021 (in Russian)].

Ольшевский М. *Кавказ с 1841 по 1866 год*. СПб., 2003 [Olshevsky M. *The Caucasus from 1841 to 1866*. St. Petersburg, 2003 (in Russian)].

Цвижба Л. И. Судьба опального Константина Шервашидзе, брата владельца Абхазии (документы о жизни и смерти). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3 (25). С. 34–57 [Tsvizhba L. I. The fate of the disgraced Konstantin Shervashidze, brother of the ruler of Abkhazia (documents on life and death). *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 3 (25). Pp. 34–57 (in Russian)].

СТО ТЫСЯЧ ТОНН СОВЕТСКОЙ ПШЕНИЦЫ ДЛЯ НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

© 2024

В. П. Кашин¹

Обращение Индии к Советскому Союзу за продовольственной помощью имело место до провозглашения ее независимости, доказывает автор статьи на основе архивных материалов. Но голод 1946–1947 гг. и послевоенная разруха вынуждали СССР экономить зерно. Только 12 июля 1948 г. было заключено соглашение о поставках в Индию советской пшеницы в обмен на чай. Одновременно Индия вела переговоры о закупке пшеницы в США, которые закончились безрезультатно. Подготовкой зерновой сделки с Советским Союзом активно занимался посол Индии в Москве С. Радхакришнан. 22 июня 1951 г. было подписано соглашение об обмене 100 тыс. тонн советской пшеницы на 5 тыс. тонн индийского джута, 2,5 тыс. тонн шеллака, 5,5 тыс. тонн табака и 1850 тонн чая. Не дожидаясь подписания этого соглашения, советское правительство отдало распоряжение об отправке зерна для независимой Индии. В дальнейшем СССР неоднократно поставлял Индии продовольственное зерно, но те 100 тыс. тонн пшеницы были первой партией и положили начало многостороннему и взаимовыгодному сотрудничеству двух стран.

Ключевые слова: СССР, Индия, Сталин, Неру, Радхакришнан, советская пшеница

Для цитирования: Кашин В.П. Сто тысяч тонн советской пшеницы для независимой Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 37–42. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-037-042

ONE HUNDRED THOUSAND TONS OF SOVIET WHEAT FOR INDEPENDENT INDIA

Valeriy P. Kashin

According to the achieve data, collected by the author of the following article, India's request to the Soviet Union for food aid had taken place before India proclaimed its independence. The famine of 1946-1947 and the post-war devastation made the Soviet Union to save grains. So, only on 12 July 1948 it was decided to supply the Soviet wheat to India in exchange for the Indian tea. Those days India was negotiating the purchase of some wheat in the USA, but with no success. S. Radhakrishnan, the Ambassador of India in Moscow, was in charge of the grain deal with the Soviet Union. On 22 June 1951, the agreement to supply 100,000 tons of the Soviet wheat in exchange for 5,000 tons of the Indian jute, 2,500 tons of shellac, 5,500 tons of tobacco and 1,850 tons of tea of was signed. The Soviet government had ordered to ship the grain to the independent India before the deal was signed. Later, the Soviet Union provided India with the food grains on a regular basis, but the deal on the 100,000 tons of wheat was the first shipment, which started the multilateral and mutually beneficial partnership.

Keywords: USSR, India, Stalin, Nehru, Radhakrishnan, soviet wheat

---

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru
Valeriy P. Kashin, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

For citation: Kashin V. P. One Hundred Thousand Tons of Soviet Wheat for Independent India. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 37–42. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-037-042

Достижение Британской Индией независимости в августе 1947 г. произошло одновременно с ее разделом, осуществленным по религиозно-общинному принципу в соответствии с «планом Маунтбэттена». Согласно этому плану, на месте бывших колониальных владений создавались государство индусов — Индия или Индийский Союз и государство мусульман — Пакистан с правами британских доминионов. Их рождение сопровождали беспрецедентное насилие и столкновения, приведшие к многочисленным человеческим жертвам и тяжелым социальным и экономическим потрясениям.

Разрыв сложившихся экономических и торговых связей был отмечен неравномерным распределением ресурсов. Так, все предприятия джутовой промышленности и почти все хлопчатобумажной были сосредоточены в Индии, тогда как районы производства джута и длинноволокнистого хлопка отошли к Пакистану. Территории, включенные в состав Пакистана, получали из Индии уголь, электроэнергию, сталь, чугун, многие виды промышленных товаров, в то же время некоторые территории Индии потребляли продовольствие, произведенное в Пакистане.

Напряженную продовольственную ситуацию в Индии обостряли хроническая засуха и крайняя отсталость сельского хозяйства. Страна была вынуждена импортировать значительное количество зерна. Если за первое полугодие 1948 г. Индия ввезла 405 тыс. тонн пшеницы и 457 тыс. тонн риса, то во втором полугодии было закуплено 1035 тыс. тонн продовольственного зерна, в том числе 175 тыс. тонн риса и 175 тыс. тонн пшеницы в Пакистане, 300 тыс. тонн пшеницы в Канаде и 385 тыс. тонн пшеницы в Аргентине [АВПРФ, ф. 117, оп. 2, п. 2, д. 14, л. 56]. Индия остро нуждалась в новых займах и новых торговых партнерах.

Интерес Индии к советскому зерну

Показательно, что первое обращение Индии к Советскому Союзу за продовольственной помощью имело место за год с лишним до провозглашения ею политической независимости. В частности, 27 сентября 1946 г. на Парижской мирной конференции В. К. Кришна Менон, специальный представитель вице-преьера временного правительства Индии, передал министру иностранных дел СССР В. М. Молотову письмо Дж. Неру, в котором указывалось: «Индия, как Вам известно, испытывает очень серьезный недостаток продовольствия и многим районам серьезно угрожает голод. Мы высоко бы оценили и приветствовали Вашу помощь в этом деле, если Вы сможете послать в Индию в ближайшем будущем некоторое количество зерновых» [АВПРФ, ф. 0117, оп. 16, п. 2, д. 13, л. 2].

Текст ответа советского правительства, данный 2 октября 1946 г. в письме на имя Дж. Неру, гласил: «Правительство СССР со всей внимательностью рассмотрело представленную Вами просьбу о продовольственной помощи Индии. Однако, ввиду засухи в ряде важных сельскохозяйственных районов СССР, советское правительство, к сожалению, не сможет в этом году послать в Индию какое-либо количество зерновых» [АВПРФ, ф. 0117, оп. 16, п. 2, д. 13, л. 2]. А на устный вопрос В. К. Кришны Менона 28 сентября 1946 г., не сможет ли советское правительство оказать хотя бы незначительную помощь Индии зерном, которая носила бы «символический характер», В. М. Молотов заметил, что советское правительство никогда не было сторонником такого рода помощи [АВПРФ, ф. 0117, оп. 16, п. 2, д. 13, л. 1].

Второе обращение Индии к СССР по обсуждаемому вопросу датируется 13 мая 1947 г. В тот день посол Индии в Китае К. П.Ш. Менон посетил советского посла А. А. Петрова и вручил ему

письмо, в котором по поручению правительства Индии интересовался возможностью закупки в СССР «значительного количества пшеницы нового урожая». По указанию В. М. Молотова заместитель министра иностранных дел Я. А. Малик послал А. А. Петрову служебную телеграмму. В ней разъяснялось, что на упомянутое письмо индийского посла отвечать не следует [АВПРФ, ф. 0117, оп. 16, п. 2, д. 13, л. 10].

И в третий раз желание Индии закупить зерновые у Советского Союза 16 августа 1947 г. озвучила в беседе с заместителем министра иностранных дел А. Я. Вышинским первый индийский посол в СССР Виджая Лакшми Пандит. Она прибыла в Москву накануне, 13 августа. Младшая сестра Дж. Неру, она была участницей освободительной борьбы и видным индийским дипломатом. В 1946 г. Пандит возглавляла делегацию Индии в ООН. Несмотря на все проблемы, «русские обращались ко мне с большим уважением и не отдавали особого предпочтения в связи с тем, что я женщина. Мне это было приятно. Это не был период дружбы, а время «расцементирования» отношений последнего периода войны» [Pandit, 1979, p. 240], — отмечала она в мемуарах.

В ходе упомянутой беседы с А. Я. Вышинским Пандит подчеркнула, что индийское правительство будет радо получить любое количество зерна и просит, если его просьба будет удовлетворена, сделать это в течение ближайших двух месяцев, так как продовольственное положение в Индии, и без того напряженное, значительно ухудшится в сентябре-октябре [АВПРФ, ф. 0117, оп. 16, п. 1, д. 3, л. 6]. Но определенного ответа она не получила, и на это были весомые основания.

Голод в СССР и его последствия

Обращения Индии к СССР за продовольственной помощью совпали с периодом многочисленных трудностей и суровых испытаний, переживаемых Советским Союзом. Засуха, неурожай, разруха и тяжелое положение в послевоенном сельском хозяйстве стали причинами голода 1946–1947 гг. От голода и сопутствующих болезней тогда погибло около 1,5 млн человек [Вождь, 2019, кн. 5, с. 54]. Война-героя, освободившего Европу от фашизма, на родине встречали мрачный родительский дом с заколоченными окнами, ровный ряд детских могил на городском кладбище или сельском погосте и старуха-жена в туберкулезном бараке с бордовыми ступками запекшейся крови на крыльце. Большая часть смертей пришлось на Российскую Федерацию. Из союзных республик сильнее всего пострадала Молдавия.

СССР был вынужден принимать жесткие меры по экономии зерна. Они предусматривали уменьшение контингента населения, снабжаемого хлебом по карточкам, с 87 до 60 млн человек, сокращение размеров пайков с 300 до 250 граммов в день для взрослых и с 400 до 300 граммов для детей и увеличение примеси овса, ячменя и кукурузы при размоле продовольственного зерна на муку до 20% для Москвы и Ленинграда и до 40% для всех остальных республик, краев и областей [Вождь, 2019, кн. 5, с. 54].

Среди пострадавших регионов была и Украина. Первый секретарь ЦК КП Украины Н. С. Хрущев просил Сталина сократить размеры обязательных поставок зерна республикой и разрешить ввести продуктовые карточки для ее сельского населения. На это 19 октября 1946 г. Сталин направил Хрущеву из Сочи следующий ответ: «Я получил ряд Ваших записок с цифровыми данными об урожайности на Украине, о заготовительных возможностях Украины, о необходимом количестве пайков для населения Украины и тому подобное. Должен Вам сказать, что ни одна из Ваших записок не заслуживает внимания. Такими необоснованными записками обычно отгораживаются некоторые сомнительные политические деятели от Советского Союза для того, чтобы не выполнять задания партии.

Предупреждаю Вас, что, если Вы и впредь будете стоять на этом негосударственном и небольшевистском пути, дело может кончиться плохо» [Вождь, 2019, кн. 5, с. 57].

Выступая в декабре 1947 г. на закрытом заседании фракции правящей партии Индийский национальный конгресс (ИНК) в Законодательном собрании Индии, В. Л. Пандит жаловалась на скудное продовольственное обеспечение в Москве и отсутствие блюд, к которым была приучена с детства. Она призналась, что долго не видела в Москве даже молока. Оно и сахар считались роскошью. Сама она и обслуживающий индийского посла штатный персонал из 25 человек не могли без молока пить чай и очень страдали от этого [АВПРФ, ф. 0117, оп. 2, п. 4, д. 11, л. 14]. В то время как большая часть посольства в столице СССР получали продукты и предметы первой необходимости из своих стран, индийские дипломаты не могли себе этого позволить.

Пандит возмущалась, что не могла достать в Москве даже салфетки и тряпки для стирания пыли и резала на тряпки свои сари [АВПРФ, ф. 0117, оп. 2, п. 4, д. 11, л. 14]. За офисной и комнатной мебелью она ездила в Швецию и потратила на закупку мебели 500 тыс. рупий. В оправдание расточительности сестры 4 декабря 1947 г. Дж. Неру заявил в Законодательном собрании Индии, что все послы в Москве вынуждены покупать мебель в Швеции, и в конкретном случае речь идет не о каких-нибудь шикарных столах и креслах. «Русским людям приходится восстанавливать страну после невиданных страданий. Они ходят в рваной одежде и обуви, но это ничего не значит. Зато они строят фабрики, электростанции и плотины, что значительно важнее», — подчеркнул премьер-министр Индии [АВПРФ, ф. 0117, оп. 2, п. 4, д. 11, л. 4].

Контурсы будущей сделки

Урожай 1947 г. в Советском Союзе превысил все ожидания, и в середине декабря карточки на продовольственные и промышленные товары были отменены. 30 марта 1948 г. В. М. Молотов пригласил В. Л. Пандит и сообщил ей о решении советского правительства продать Индии небольшое количество зерна. 12 июля 1948 г. было заключено первое соглашение о поставках пшеницы из СССР в Индию в обмен на чай [АВПРФ, ф. 0117, оп. 7а, п. 13, д. 27, л. 3]. В следующем году в счет индийского бартера стороны по обоюдной договоренности прибавили джут. Важная роль в подготовке и реализации этих соглашений принадлежала Торговому агентству СССР в Индии во главе с А. Н. Ельшиным. В конце 1953 г. оно было преобразовано в Торговое представительство.

В рассматриваемый период Индия помимо СССР вела переговоры о закупке пшеницы в США. Но эти переговоры закончились безрезультатно, так как американская сторона поставила условия, неприемлемые для Индии. Так, США добивались предварительного согласия на вывоз из Индии берилла, цианистого калия, слюды и монацита, в которых нуждалась американская военная промышленность, а также увеличения экспорта марганца с 200 тыс. до 500 тыс. тонн [Новейшая история Индии, 1959, с. 544]. К прорыву в индийско-американских отношениях не привел и визит в США Дж. Неру, состоявшийся в октябре-ноябре 1949 г. В ряде штатов Индии снова начался голод. Около 100 млн индийцев жили на рационе, недостаточном для поддержания здоровья.

21 марта 1951 г. через первого посла Советского Союза в Индии Кирилла Васильевича Новикова Москва предложила Нью-Дели заключить соглашение о продаже 50 тыс. тонн пшеницы без займов и унижительных условий. Идя навстречу Индии и учитывая ее валютные затруднения, СССР высказал пожелание поставлять пшеницу в обмен на джут, чай и другие традиционные товары индийского экспорта [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 26, д. 46, л. 65].

24 марта 1951 г. новый посол Индии в Москве Сарвепалли Радхакришнан, видный общественный и политический деятель и ученый-философ, в беседе с заместителем министра иностранных

дел СССР В. А. Зориным особо выделил то обстоятельство, что предоставление Индии советской пшеницы будет иметь не только огромное значение для развития торговли между двумя странами, но также большое политическое значение, поскольку за этим может последовать целый ряд соглашений, например, о дружбе, о ненападении и т. д. [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 22, д. 6, л. 11]. Он неоднократно отмечал, что у Индии и Советского Союза имелись и имеются в наличии все возможности для установления более близких доверительных отношений и настаивал на импорте 500 тыс. тонн советской пшеницы.

Но индийское правительство тогда было не готово поставлять в обмен на пшеницу джут-сырец, хлопок-сырец и каучук, так как Индия располагала весьма ограниченными их запасами. Зато оно могло предложить шеллак, чай, табак, льняное семя, льняное масло, масло земляного ореха, изделия из копры, козы шкуры, джутовые веревки, касторовое масло и пряности. Разницу в стоимости советской пшеницы и индийских товаров Нью-Дели был готов оплатить в рупиях и предоставить экспортные лицензии. При этом расчеты по взаимным поставкам могли производиться и без фиксации в контрактах цен, а с указанием твердых количеств индийских товаров, подлежащих поставке за пшеницу.

В дальнейшем переговоры о сделке вели с индийской стороны посол С. Радхакришнан и советник-посланник Я. Д. Гундевиа, а с советской — заместитель министра внешней торговли П. Н. Кумыкин. Последний намеревался получить за пшеницу джут, каучук, хлопок и шеллак, на что 13 апреля 1951 г. Радхакришнан заявил, что за первые 50 тыс. тонн пшеницы индийское правительство готово поставить 4 тыс. тонн шеллака и некоторое количество джута [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 25, д. 28, л. 8]. Через три дня переговоры продолжились, и Кумыкин предложил экспортировать в Индию уже не 50 тыс. тонн пшеницы, а 100 тыс. тонн взамен джута, шеллака, чая и табака, но не упомянул о поставках хлопка и каучука. Он характеризовал советскую пшеницу как «первоклассную», потому что она собирается с больших земельных массивов и при ее посеве употребляются отборные семена [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 25, д. 28, л. 12].

Что касается стоимости советской пшеницы, то Кумыкин предлагал ее по цене 98 американских долларов за метрическую тонну, как Египту в январе 1951 г. При этом кондиции зерна должны оставаться такими, как было заявлено индийцами, а именно натуральный вес пшеницы — 76–77 килограммов в одном гектолитре, засоренность — 3%. Для перевозки зерна советская сторона была готова предоставить свои грузовые суда при оплате фрахта индийскими товарами, а не валютой.

Однако Радхакришнан не согласился с ценой, названной Кумыкиным, и заявил, что Индия закупает пшеницу за рубежом по 67 долларов. Но советский представитель возразил, что 98 долларов — цена льготная, и по имеющимся у него надежным сведениям Индия закупает пшеницу в США по 100, 86 долларов [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 25, д. 28, л. 17]. В итоге за 100 тыс. тонн пшеницы Кумыкин запросил 6 тыс. тонн джута, 3 тыс. тонн шеллака, 5,5 тыс. тонн табака и 2 тыс. тонн чая, а индийцы предложили 5 тыс. тонн джута, 2,5 тыс. тонн шеллака, 2270 тонн табака и 1880 тонн чая [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 25, д. 28, л. 28].

Торговое соглашение и его значение

22 июня 1951 г. между министерством внешней торговли СССР и правительством Индии было подписано соглашение об обмене 100 тыс. тонн продовольственной пшеницы на 5 тыс. тонн джута-сырца, 2,5 тыс. тонн шеллака, 5,5 тыс. тонн табака и 1850 тонн чая. После девальвации рупии в сентябре 1949 г. одна тонна советской пшеницы обошлась индийцам в 115 долларов. Для сравнения стоимость американской пшеницы обходилась индийцам в 124 доллара за тонну [АВПРФ, ф. 0117, оп. 13а, п. 25, д. 28, л. 43].

Не дожидаясь подписания соглашения, советское правительство отдало распоряжение о немедленной отправке зерна для независимой Индии. 2 июня 1951 г. в Бомбей прибыл первый советский пароход «Краснодар» с грузом пшеницы, а 4 июня — пароход «Менделеев». Пароходы торжественно встречали в порту. По случаю их прибытия в Бомбее состоялся многолюдный митинг. Помимо Бомбея вторым портом выгрузки советской пшеницы в Индии была Калькутта.

Только после этих событий конгресс США проявил стоворчивость и принял решение о предоставлении Индии займа для закупки американской пшеницы. Тем не менее реальная поставка продовольствия в Индию была отложена из-за сложных отношений между этими странами.

В 1952 г. Индия согласилась принять участие в международной экономической конференции, проходившей в Москве, а Советский Союз со своей стороны участвовал в международной промышленной выставке в Бомбее. Одновременно Москва предложила Нью-Дели поставки капитального оборудования. Последовавшие за этим переговоры завершились подписанием 2 декабря 1953 г. первого в истории советско-индийских отношений торгового соглашения сроком на пять лет.

Как показатель растущего внимания к Индии можно оценить приемы И. В. Сталиным 14 января 1950 г. и 5 апреля 1952 г. посла Индии в СССР С. Радхакришнана и 17 февраля 1953 г. его преемника К.П.Ш. Менона. Причем в последние годы жизни Сталин лично принял четырех послов иностранных государств, и два из них были послами Индии, а еще два — Франции и Аргентины. Радхакришнан обращался к Сталину — «маршал», а Сталин к Радхакришнану — «профессор». В ходе приема 5 апреля Радхакришнан отметил, что годы, которые он провел в Москве, принесли ему много пользы, и напомнил о том, как быстро советское правительство поставило Индии 100 тыс. тонн пшеницы. В ответ Сталин заявил, что благодарить здесь не за что, так как советское правительство просто выполнило свой долг [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 306, л. 31].

В дальнейшем Советский Союз неоднократно поставлял Республике Индия продовольственное зерно, но те сто тысяч тонн пшеницы в 1951 г. были первой партией и положили начало масштабному, взаимовыгодному и всестороннему сотрудничеству двух стран, переросшему впоследствии в особое и привилегированное стратегическое партнерство Индии и России.

Литература / References

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (FPARF), ф. 0117, оп. 16, п. 1, д. 3, л. 6.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 16, п. 2, д. 13, лл. 1, 2, 10.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 2, п. 4, д. 11, лл. 4, 14.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 7а, п. 13, д. 27, л. 3.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 13а, п. 22, д. 6, л. 11.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 13а, п. 25, д. 28, лл. 8, 12, 17, 28, 43.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 13а, п. 26, д. 46, л. 65.

АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 2, п. 2, д. 14, л. 56.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH), ф. 558, оп. 11, д. 306, л. 31.

Вождь. И. В. Сталин в документах и материалах. 1917–1953. Отв. ред. А. К. Сорокин. Кн. 5. М., 2019 [Leader. J. V. Stalin in documents and materials. 1917–1953. A. K. Sorokin (ed). V. 5. Moscow, 2019 (in Russian)].

Новейшая история Индии. Отв. ред. В. В. Балабушевич, А. М. Дьяков. М., 1959 [Contemporary History of India. V. V. Balabushevich, A. M. Dyakov (eds.). Moscow, 1959 (in Russian)].

Pandit V. L. *The Scope of Happiness.* New Delhi, 1979.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-043-052

СУФИЙСКИЙ ВАРИАНТ ЭКО-ФИЛОСОФСКОГО СИНТЕЗА КУЛЬТУР

© 2024

Л. З. Танеева-Саломатшаева¹

Статья исследует индийский суфизм, представленный орденом Чишти́я, в контексте эко-философского синтеза культур. Автор рассматривает духовную практику ордена (XIV в.), отраженную в творениях его последователей, среди которых особенно выделялись поэт Амир Хусрав Дехлеви, поэт и прозаик, знаменитый литератор-мистик Амир Хасан Дехлеви и хронист Зияуддин Барани. Их мировоззрение явилось результатом взаимодействия культур — арабской, греческой, иранской и индийской. Этот синтез позволил мыслителям, связанным с орденом Чишти́я, достичь высот в философском осмыслении мира, в формулировании нравственных основ поведения суфиев, создать выдающиеся произведения индо-персидской словесности.

Ключевые слова: суфизм, синтез культур, орден Чишти́я, Амир Хусрав Дехлеви, Амир Хасан Дехлеви, Зияуддин Барани, тарикат, ма'рифат, маламатийа

Для цитирования: Танеева-Саломатшаева Л. З. Суфийский вариант эко-философского синтеза культур. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 43–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-043-052

ECO-PHILOSOPHICAL SYNTHESIS OF CULTURES: THE SUFI VARIANT

Lola Z. Taneeva-Salomatshaeva

The paper revisits Indian Sufism, represented by the Chishtiyya order, within the context of eco-philosophical synthesis of cultures. The author discusses the spiritual practice of the order (fourteenth century) as reflected in the works of its followers, among whom especially famous were Amir Khusraw Dehlevi the poet, Amir Hasan Dehlevi the mystic, poet and prose writer, and Ziyauddin Barani the chronicle writer. Their outlook was a result of inter-influence of Arab, Greek, Iranian and Indian cultures. This synthesis allowed the thinker followers of the Chishtiyya order to make great contribution to the philosophical realization of the world, to the establishment of moral foundations of the Sufis' behavior, as well as in the creation of outstanding works of Indo-Persian literature.

Keywords: Sufism, cultural synthesis, Chishtiyya order, Amir Khusraw Dehlevi, Amir Hasan Dehlevi, Ziyauddin barani, tariqat, ma'rifat, malamatiyya

For citation: Taneeva-Salomatshaeva L. Z. Eco-philosophical Synthesis of Cultures: the Sufi Variant. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 43–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-043-052

---

¹ Танеева-Саломатшаева Лола Зарифовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; salomatshaeva.lola@yandex.ru

Lola Z. Taneeva-Salomatshaeva, D. Litt (Philology), Leading researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; salomatshaeva.lola@yandex.ru

Данная работа продолжает наметившуюся в отечественном востоковедении тенденцию исследования суфизма с позиции трактовки его эко-философских основ, отражающих постижение мира человеком. Согласно воззрениям суфиев, мы пришли в этот мир для морально-нравственного очищения. Слово «суфий» мусульманские источники трактуют как «чистый», но чаще как «шерсть», так как власница суфия обычно была шерстяной. Существует суждение, имеющее сторонников (например, А. Бируни), которые производят это слово от греческого «софос» (мудрый). Живя в эпоху, когда человек через религию и богословие приходил к осмыслению своего места в мире, суфии стремились разрешить главную для них проблему — суть взаимоотношений Бога (Макрокосм) и человека (микрокосм). Суфизм имеет свою гносеологию, которая сводится в основном к четырем ступеням, необходимым для прохождения мистического Пути познания: шариат, *тарикат*, *ма'рифат* и *хакимат*.

Одной из важнейших ступеней познания Бога является гносис (*ма'рифат*). В десять условий *ма'рифата* входят: полное уничтожение себя в Боге, принятие дервишизма, перенесение любых тягот, искание всего чистого и дозволенного, познание и соблюдение всех правил шариата и *тариката*, отречение от этого мира, достижение тайн экстаза, когда суфия охватывает внезапно нахлынувшая радость от «вкушения» (*завк*) особого чувства мистического озарения (*хал*)² и единения с Богом (*васл*), достигаемого в том числе и практикой специальных упражнений по искусственной задержке дыхания. Этот искус, похожий на индийский йогизм и аскетизм православных подвижников, может посещать суфия неоднократно и считается даром свыше, не поддающимся словесному определению. В этот момент душа человека, как бессмертная частица божественной сущности, соединяясь с Первоначалом, становится неразделимым целым с ним [Танеева-Саломатшаева, 2009, с. 64–68].

Это состояние прекрасно передано суфийскими поэтами, начиная с Санаи, Атгара, Джала-луддина Руми и кончая персоязычными поэтами средневековой Индии. В образной форме поэты-суфии рисуют соединение (*таухид*) мистика с Богом, к которому стремится каждый «идуший по Пути познания Всевышнего (*салик*)». Это стремление к соединению исключает возможность награды в загробной жизни. Если христианство сулит рай за подвижничество и добродетели, то служение суфия основано на бескорыстном стремлении к воссоединению с Богом. Показательны в этом отношении молитвы-импровизации первой женщины-подвижницы Раби'и ал-Адави³.

Европейская теория сводится к тому, что мистицизм вообще присущ людям независимо от религии, а стало быть, приверженцев эсхатологических настроений могло быть немало и среди арабов. В суфизме много элементов, знакомых по другим философским системам. В нем на неизменной канве постулатов ислама, присущих Корану мистически завуалированных понятий и метафор тесно переплелись идеи неоплатоников, воззрения христиан-анакоретов первых веков, а также отдельные положения гностиков, что объясняется долгим и близким соседством с греческим и христианским миром⁴.

² Родоначальниками науки о состояниях (*хал*) и стоянках (*макамат*) на пути суфия традиционно считаются Зу-н-Нун Мисрй (ок. 796–860/61) и Абу Али ал-Харис ал-Мухтасибй (ок. 781–857).

³ Свое служение Богу Раби'а определяла как Любовь к Нему и соединение с Ним: «О Господи, звезды светят, сомкнулись очи людей, закрыли цари врата свои... Всякий влюбленный уединился со своей возлюбленной, а я теперь одна с Тобой. О Господи, если я служу Тебе из страха перед адом, то спали меня в нем, а если служу я Тебе в надежде на рай, изгони меня из него. Если же служу я Тебе ради Тебя самого, то не скрой от меня Своей вечной красоты» (цит. по: [Бертельс, 1965, с. 17–18]). На творчестве этой подвижницы К. И. Шилин создает свою «Экософию суфизма» в рамках «Энциклопедии Живого знания». Естественно, эта экософская теория качественно другая, нежели суфийская [Шилин, 2007].

⁴ Литература по суфизму обширна. Трудно переоценить воздействие трудов таких ученых, как Э. Г. Браун [Browne, 1967], Е. Э. Бертельс [Бертельс, 1965; 1988], Р. А. Николсон [Nicholson, 1921], Игнац Гольдциер [Goldziher, 1912], Анри Корбен [Corbin, 1964] и Луи Массиньон [Массиньон, 1978], работы которых издавались в переводе на арабский

Одно из таких учений — неоплатонизм — философское направление, возникшее в Римской империи в III в. н. э. Основателем этого учения был великий и оригинальный мыслитель Плотин, родившийся в 204 г. н. э. в Ликополе (Египет). В течение одиннадцати лет он обучался у Аммония Саккаса, а затем отправился с армией императора Гордиана в Иран изучать мудрость Востока, но вследствие неудачного похода вынужден был вернуться обратно с римским войском. Плотин поселился в Риме, где основал философскую школу, которая привлекла значительное число учеников из разных стран. Он умер в 270 г. н. э., окруженный заботливыми, преданными учениками, снискав прижизненную славу.

Философия Плотина сочетает учение Платона (427–327 до н. э.) об идеях с элементами философии Аристотеля (384–322 до н. э.), взглядами стоиков и мистическими учениями Востока. Первоначально всего существующего Плотин считал непознаваемое сверхъединое Божество, недоступное ни чувствам, ни разуму и открывающееся лишь в момент мистического созерцания и достижения экстаза. Весь мир, согласно учению Платона, представляет собой различные ступени эманации Сверхсущего Божества. Первой ступенью эманации (истечения, излучения) является Всеобщий Разум — вечный и неизменный мир идей, где господствуют истина, красота и блаженство. Второй ступенью является Всеобщая Душа, подразделяющаяся на отдельные души. Последняя ступень эманации — природа, мир телесных вещей и явлений, порождаемый душой, представляющей собой низшую форму бытия. Задача человека — стараться подняться от низших ступеней бытия к высшим, к конечному благу непосредственного слияния с Божеством. Но к более высокому совершенству может стремиться лишь тот, подчеркивал Плотин, кто непосредственно познает высшую идею, тот, кто занимается высшими вещами, философией, чистотой помыслов, молением, дабы возвыситься даже над самим мышлением, и внезапно наполнившись светом, непосредственно воссоединиться с Божеством. Однако такое состояние выпадает на долю немногих. В частности, Плотин, по свидетельству его ученика Порфирия, жившего при нем шесть лет, достигал такого состояния лишь четыре раза. Плотин учил, что не следует чуждаться и материальной красоты, ибо в ней — отражение красоты Сверхсущего Божества, т. е. через красоту вещей и предметов этого мира можно познать Идеальную Красоту Сверхсущего. Неоплатонизм сильно повлиял на развитие философской мысли в арабском халифате, Индии и Иране.

Волны влияний

Иран по своему географическому положению на протяжении многих веков оставался местом взаимообогащения цивилизаций. С Запада проникали просветительские идеи греков⁵ —

и персидский языки и широко дискутировались в мусульманских кругах. Современные мыслители, например, Сейид Хусайн Наср [Faruque, 2019], предлагают концепцию первоизданной Божественной традиции как источника всех религий. Такая позиция позволяет рассматривать суфизм как частный пример универсального мистицизма, позволяющего мусульманину, не порывая с традиционными устоями, приобщаться к лучшим достижениям западной культуры.

Следует заметить, что помимо классического суфизма существует неосуфизм, родина которого — Индия. Основателем неосуфизма является суфий братства «Чишти́йя» Иннаятулла Хан (1882–1937), выпустивший в 1910 г. трактат под названием «Суфийское послание о свободе духа». Перед Второй мировой войной он посетил Москву, где прочел несколько лекций о неосуфизме, предложив суфизм в качестве универсальной религии, не связанной с исламским ритуалом и исламскими правовыми нормами. После Москвы он отправился в путешествие по Европе и Америке с пропагандой классической суфийской музыки [Загородникова, 2018, с. 87].

⁵ Проникновение греческой культуры в Иран шло весьма оригинальным способом. Сасаниды (226–651) и греки Византии были вечными врагами. Это обстоятельство привело к тому, что еретики из Византии находили себе приют у Сасанидов. Преимущественно это были сирийцы-несториане и греки-язычники. Число переселенцев было так велико, что для удовлетворения своих духовных потребностей они основали здесь богословскую школу в Нисибине

благодаря переводческой деятельности сирийцев-несториан⁶, познакомивших мусульманский Восток с произведениями античных авторов.

Унаследовав от общего индоарийского прошлого основные мировоззренческие представления и этнокультурные традиции, Индия и Иран развивались в едином русле, воспринимая внешние влияния и трансформируя их во многих случаях в тождественные построения и схемы. Если обратиться к ретроспективе, то нетрудно заметить, что индоиранская культура, складываясь во взаимодействии с внешними факторами, характеризовалась причудливым синкретизмом. Широкое распространение ислама, его соприкосновение с духовным достоянием покоренных арабами стран порождает новые явления в интеллектуальной, духовной жизни и художественном творчестве вступивших в контакт народов. Таким образом, индоиранская культура — это специфический феномен, возникший из разнородных этнонациональных и конфессиональных потоков, слияние которых составило в конечном счете единое цивилизационное понятие.

Необходимо учитывать связи Ирана не только с Индией, куда, собственно, арии привнесли многие мировоззренческие идеи (сыграв роль своеобразного внешнего толчка), но и с Египтом, Вавилонией, Древней Грецией, также представлявших общее культурное пространство. Именно эти тесные связи и взаимное влияние привели к определенной общности и близости культур народов, населяющих Центральную и Южную Азию, Средний и Ближний Восток.

В своей знаменитой работе «Категории средневековой культуры» А. Я. Гуревич утверждает, что такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому как универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» — ту сетку координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. Поэтому, сколь бы различны ни были идеология и убеждения отдельных личностей, в основе их всегда можно найти универсальные и обязательные для всего общества понятия и представления, без которых невозможно построить никакие философские, эстетические, политические или религиозные концепции и системы [Гуревич, 1984, с. 30–36]. Эти категории как основные параметры той или иной культуры проявляются в структуре языка, в знаковых системах искусства и религии.

Иран был важнейшим форпостом, связывающим Восток и Запад. В древние и средние века его территория часто подвергалась чужеземному вторжению. На всем протяжении истории Ирана, то есть от V в. до н. э. и до наших дней, этой стране не выпало и ста лет непрерывного покоя. Однако

и медицинскую академию в Гундишапуре, продолжавшие существовать и после арабского завоевания. Эти школы были открыты и для иранцев. История сохранила имя одного из них — Павла Дершехрского (VI в.) — переводчика сочинений Аристотеля на сирийский язык.

⁶ Несториане — последователи патриарха константинопольского Нестория (ум. ок. 450 г.) — основателя несторианства — были своеобразными предшественниками православия, ибо в первые века своего существования русская православная церковь находилась в подчинении константинопольского патриарха, став независимой лишь в 1448 г. Несторианское течение в христианстве возникло в 30–40-х гг. V в. в Сирии, являвшейся провинцией Восточной Римской империи (Византии). В учении несториан сильны были рационалистические идеи, сказывалось влияние античной философии. Социальный состав сторонников несторианства был разнородным. Основное ядро течения составляло духовенство восточных провинций империи, главным образом Сирии, Месопотамии, Египта. Их поддерживали народные массы и часть сирийского купечества. В 431 г. на соборе в Эфесе Несторий был осужден официальной церковью как еретик, низложен и сослан в Египет, где умер. Гонимые после смерти своего покровителя, несториане проникли довольно далеко на Восток — в Иран и Ирак, где создали самостоятельную церковную организацию. После арабских завоеваний (VII в.) несториане сыграли известную роль в переводе произведений греческих мыслителей (Аристотеля, Эвклида, Галена, Птолемея) на сирийский, а затем на арабский языки. Из Ирана несторианство проникло в Центральную Азию и Китай, где существовало до XIII в., а также на остров Цейлон и в Индию (район Малабарского побережья). После завоевания Центральной Азии, Ирана и ряда арабских стран монголами (XIII в.) несториане сохранились в Курдистане и в районах, расположенных у озер Ван и Резайе.

народы, населявшие эту огромную территорию, в силу выгодности того же географического положения довольно быстро восстанавливали экономику, культуру и добывались нового витка прогресса. Как было отмечено, иноземное порабощение не только несло неисчислимые военные бедствия, но и способствовало взаимообогащению различных культур. Много народов прошло через Иран, и все они оставили определенный след в его культуре. Показательно в этом отношении распространение арамейского письма вплоть до западных границ Китая. В восточноиранской области Бактрия возникло так называемое «гандхарское искусство» Северной Индии (I–III вв.), явившееся сплавом центральноазиатской и буддийской традиций, которое оказало значительное влияние на культуру и искусство средневекового Китая. В период со II в. до н. э. и по VIII в. н. э. из восточноиранских и центральноазиатских областей потянулось в Китай огромное число музыкантов, певцов, танцовщиков и скоморохов, где благодаря их искусству началось становление китайского театра. По версии Н. И. Конрада, иранские народности, начиная с походов Александра Македонского (356–323 г. до н. э.) и кончая III–II вв. до н. э., приобщались к греческому искусству, в частности к театру масок, и передали эти традиции от греков китайцам, а затем и японцам [Конрад, 1978, с. 7].

Волны влияний прокатывались с Востока на Запад и с Запада на Восток с удивительной периодичностью, подтверждая известный постулат, что у всех культур один общий ствол, из которого они, как отдельные ветви, вобрали каждая то, чего ей недоставало. Но это и взаимообогащающий процесс. Так, соприкосновение греков с ахеменидской культурой Ирана оказало большое влияние на развитие культуры и науки античного мира и тем самым на историю европейской культуры в целом. Греческие ученые, путешествуя по различным сатрапиям Ахеменидского государства, заимствовали многие достижения в области математики, астрономии, других наук, получивших при Ахеменидах широкое развитие в Египте и Вавилонии. Из Египта научные данные достигали Индии и Ирана, а уже затем — Европы.

Таким образом, этот регион еще в глубокой древности был своеобразным транзитным пунктом движения идей, научных знаний и культурных достижений. Предшественник Аристотеля (384–322 г. до н. э.) Демокрит из Абдеры (460–371 г. до н. э.) высоко ценил достижения научной мысли Востока, а по свидетельству Диогена Лаэртского (499–428) его первыми учителями были халдейские мудрецы и персидские маги. Ему принадлежит специальное сочинение о зороастризме. Основные положения этой религии оказали определенное влияние на философские системы древних греков, о чем писали Аристотель, мидийский историк Ксанф (V в. до н. э.) и вавилонский историк Беросс (III в. до н. э.). Аристотель получал с Востока благодаря стараниям своего племянника Каллисфена, сопровождавшего Александра Македонского в его походе на Персию, ряд научных трактатов. Источники свидетельствуют, что Платон (427–347) многому научился у египетских священнослужителей и передал эти знания Аристотелю, а тот в свою очередь повлиял на создание философских школ Востока. Платон и Аристотель, впитав в себя не только пифагорийскую и греческую философию, но также египетскую и персидскую мудрость, трансформировали ее обратно в Иран. Более того, позднейшие ученики Платона, неоплатоники, приписывали ему даже некое тайное учение, к которому он допускал лишь достойных, и то под «печатью молчания».

Учение Пифагора (580–500) о числах отразилось в ряде философских систем. Пифагор считал, что число есть сущность всех вещей и что Вселенная представляет собой гармоничную систему чисел и их отношений. Так, его декада $1+2+3+4=10$ является выражением идеи единства во множественности. Один — это Бог⁷, два — материя, три — комбинация монады (единицы)

⁷ Понимание чисел как мыслей бога пришло в христианство от Августина (354–430), одного из первых представителей патристики. Считалось, что знание чисел давало знание самой вселенной. Священные числа в Библии полны тайны, и их неустанно толковали, стремясь раскрыть их подлинный смысл. Толкования отдельных букв и чисел в Коране коснемся во второй главе, а пока ограничимся остроумным замечанием А. Я. Гуревича относительно чисел: «Наиболее

и дуады (двойки), несущая в себе природу обеих. Тетрада — форма совершенствования и, наконец, декада — это весь Космос. Известно, что Пифагор совершал длительные путешествия в Египет, Вавилонию и Индию, где посещал школы мудрецов и почерпнул немало знаний.

Уже отмечалось, что к X–XI вв. на Востоке была хорошо известна греческая, в основном перипатетическая и неоплатоническая философия, благодаря знакомству с которой на волну плодотворного духа были подняты такие титаны мысли, как великий ученый из Бухары Абу Али ибн Сина (980–1037), его современник и друг — хорезмийский ученый Абу Райхан Бируни (973–1048) и целая плеяда харизматических личностей, которые по мощи интеллекта, силе характера, многосторонности интересов и учености были под стать титанам западноевропейского Возрождения. Почти все они совершали длительные путешествия, говорили на трех-четырёх языках и блистали в нескольких областях творчества. Эта волна культурного воздействия, прокатившись на Восток, снова вернулась в Европу, где к 1180 г. был составлен на латинском языке свод сочинений Абу Али ибн Сины, известного под искаженным именем Авиценны. Вскоре был переведен его «Канон медицины», который наряду с основами Абу Бакра Рази и доставшимися от арабов трудами Галена оказал огромное влияние на развитие медицины в Европе⁸.

С появлением в Индии арабских (VII–VIII вв.) и иранских (X в.) завоевателей начинается процесс взаимодействия и взаимовлияния двух больших культур: культуры древней цивилизации Индии и цивилизации ближневосточных народов (современных иранцев и таджиков), претерпевших большое греко-мусульманское воздействие.

В результате завоевательных войн арабы образовали огромное государство, в состав которого вошли народы Центральной Азии и Ирана, в прошлом находившиеся в контакте с индийцами⁹.

известный пример средневековой мистики чисел — Дантова «Комедия», построенная на числах три, девять, тридцать три: в них выявлялся божественный ритм, которому повинуются вселенная» [Гуревич, 1984, с. 300]. Так, число три — символ всего духовного и Святой Троицы. Четыре — число мировых элементов и символ материального мира. Три, умноженное на четыре, по Августину означало проникновение духа в материю, а в христианстве еще и возвешение миру истинной веры двенадцатью апостолами. Четыре плюс три — семь — симбиоз телесного и духовного (четырёх элементов и Троицы). Семь — символ полноты, символ семи таинств, семи добродетелей и семи грехов. Это гармония человека с вселенной, которая своим существованием обязана Творцу, создавшему ее поэтапно — от низшего к высшему, от растения к животному, а от него к человеку. Совершенным является и число двадцать восемь как результат умножения чисел четыре и семь и как символ соединения жизни земной с жизнью вечной.

Не только в средневековой христианской, но и в мусульманской культуре немало трактатов, освещающих так называемые «сакральные» числа и буквы. Достаточно сослаться на очень популярный в Бадахшане трактат «Семь врат» (*Хафт баб*) Абу Исхака (XV в.), с тех же позиций объясняющий буквенную и числовую символику, переходя от перечисления семи степеней исмаилитской иерархии (от *мустаджиба* до имама) к теме «мир и человек». Число семь, — поясняет Абу Исхак, — полное (*хамил*) число, поскольку все сущее в мире и человеке мерится этой мерой. Далее он находит в теле человека двадцать восемь букв и сопоставляет их с «буквами» на небе, в Коране и исмаилитской иерархии, перечисляя семь небес, семь планет, семь земель, семь морей, семь климатических поясов, семь ветров, семь дней недели, семь членов тела (две руки, две ноги, два колена и лицо), семь органов (мозг, сердце, печень, желчный пузырь, легкие, селезенка, почки), семь воспринимающих сил, семь перерабатывающих пищу сил, семь стадий развития зародыша, семь возрастов человека.

⁸ О влиянии ибн Сины на развитие европейской мысли свидетельствует тот факт, что великий итальянский живописец и архитектор Рафаэль (1483–1520) поместил его, наряду с другими маститыми учеными, на своей фреске «Афинская школа», которую и сегодня можно видеть в одном из залов Ватиканского дворца. Другой великий итальянец — Данте Алигьери (1265–1321) замечает в «Божественной комедии»: там — геометр Евклид, там — Птолемей, там — Гиппократ, Гален и Авиценна. Отечественный востоковед Е. Э. Бертельс обратил внимание на связь трактата ибн Сины «Живой, сын бодрствующего» (*Хайй ибн Йшикзан*) с мотивом «Божественной комедии» Данте [Бертельс, 1988, с. 246]. О влиянии мусульманской учености на развитие европейской мысли убедительно писала французская исследовательница А. М. Гуашон в своей монографии «Философия Авиценны и ее влияние на средневековую Европу» [Goichon, 1951].

⁹ Иран был завоеван арабами в середине VII века. В 651 г. арабские войска разбили соединенные силы иранцев, положив конец почти пятивековому существованию Сасанидского государства (226–651). В течение десяти лет арабы захватили всю территорию Ирана, нанесли удар Византии, овладели Египтом, Сирией, завоевали Африку, покорили Испанию, захватив большую часть Пиренейского полуострова. В первой половине VIII в. была завоевана Центральная Азия и ей нанесен значительный экономический урон: пострадали памятники материальной и духовной культуры, пришли в запустение города. Иран и Центральная Азия не могли оправиться от этого нашествия вплоть до середины VIII в.

В начале VIII в. арабы покорили северо-западную часть Индии (Синд), где в 711 г. было образовано арабское наместничество со столицей в Мултане — городе с богатыми культурными традициями.

Братство Чиштиа и синтез культур

Именно в этом индоиранском культурном ареале возникло суфийское братство Чиштиа. Для него были характерны такие установки, как бедность по убеждению, осознанный аскетизм, культ человеческого достоинства, единство всех людей, невзирая на расы, религии и общественное положение. Чиштиа не была строго ригорической сектантской организацией. *Муридом* (последователем) *шайха*¹⁰ мог стать любой желающий, любой, кто дорос до понимания этого учения после свободных посещений суфийского собрания (*маджлиса*).

Наставником этого ордена в начале XIV в. был *шайх* Низамуддин Аулия (ум. в 1325 г.), отличавшийся способностью мыслить религиозно-нравственными категориями и соотносить свое мироощущение с высокими духовными исканиями. В среде его последователей, среди которых особо прославились три друга — придворный поэт Амир Хусрав Дехлеви (1253–1325)¹¹, мистик, поэт и прозаик Амир Хасан Дехлеви (1253–1337)¹² и хронист Зияуддин Барани (1285–1358) [Танеева-Саломатшаева, 2009, с. 15–42], — культивировалось понятие совершенного человека (*инсан-и камил*), включающее стремление к знанию, чувство собственного достоинства, уважение к другой личности, воспитание в себе высоких моральных качеств: доброжелательности, чести, совести, благососпитанности, трудолюбия и самосовершенствования.

Интересы каждого из трех друзей не ограничивались вопросами суфийского понимания бытия Бога, поэзией и историей, но и охватывали весь круг знаний того времени — от метафизики до риторики, музыки и теологии. Особо следует отметить заслуги Амира Хасана Дехлеви, написавшего пятитомное сочинение «Полезное знание для сердца» (*Фава'id ал-фу'ад*) о своем *муриде* (наставнике) Низамуддине Аулия. Это сочинение положило начало новому жанру суфийской литературы в Индии — так называемым речениям (*малфузат*), когда устные высказывания наставника записываются его учеником. Книга выстроена по принципу ретардации и представляет свод речений святого с 20 *ша'бана* 707 г. хиджры по *ша'бан* 722 г. х. (3 сентября 1308 по сентябрь 1322 г.). Она авторизована лично Низамуддином Аулия, на службе у которого в качестве секретаря долгое время состоял Хасан. Указанное сочинение явилось значительным вкладом в богословие своего и последующего времени и широко использовалось агиографами [Танеева-Саломатшаева, 2015].

После X в. большая часть арабов в Иране постепенно иранизировалась, что дало возможность Ирану избежать полной арабизации, какую испытали Месопотамия и Сирия. Напротив, интерес к персидской старине порождает многочисленные кадры переводчиков. Именно они становятся проводниками персидской культуры в арабскую. Из них же формируются кадры новой интеллигенции. На арабский язык переводятся ряд произведений по медицине, ветеринарии, гаданиям и художественной литературе. Среди переводчиков особенно выделяется зороастриец Рузбех, вынужденный принять ислам под именем Абдуллаха ибн ал-Мукаффы (724–759). Он перевел на арабский «Панчатантру», «Книгу о Маздаке», «Хватай-наме», а главное — сделал указание о сущности пехлевийского языка по азбуке Гузбари, что дало ученым возможность позже расшифровать этот язык.

¹⁰ Известно два способа транслитерации этого слова на русский язык: широко употребляемое *шейх* и *шайх* — последнее мой учитель, выдающийся иранист О. А. Акимовский, считал более соответствующим арабским истокам. Такого варианта в память о нем буду придерживаться и я.

¹¹ Амир Хусрав был величайшим поэтом эпохи, автором философской и любовной лирики, а также «Пятирцы» романических поэм — *маснави*. См. подробнее: [Танеева-Саломатшаева, 2009, с. 192–217].

¹² Перу (точнее, *калам*) Амира Хасана принадлежит *диван* (собрание) религиозно-философской поэзии [Хасан Дехлеви, 1990], романическая поэма «Книга любви» и прозаическое сочинение «Полезное знание для сердца», о котором речь пойдет ниже.

Благодаря этому трактату можно довольно точно представить себе интеллектуальную обстановку, царившую в средневековой Индии. Здесь, как и в Иране, наблюдается повышенный интерес к умозрительной философии. В частности, источником, на который ссылались при всяком не только философском, но и филологическом рассуждении или споре, служили трактаты ибн Сины. Эти трактаты, написанные во всеоружии знания греческой философии, позволяли в споре косвенно опираться также на авторитет античных мыслителей. Зороастризм с приходом мусульман был под запретом, но греческая философия не подвергалась ущемлению и ее концепты широко дискутировались. Хронист Зияуддин Барани (1286–1356) в «Истории Фирузшаха» (*Та'рих-и Фирузшахи*) приводит сообщение о том, что в дни правления делийского султана Алауддина Хилджи (1296–1316) в Индию прибыл с инспекцией теолог из Египта Шамсуддин Турк. Его поразило, с одной стороны, стремление мусульман к изучению греческой философии, а с другой — явно безразличное отношение к исполнению заповедей шариата при повсеместном функционировании различных суфийских братств и *ханака* (обителей). Это побудило теолога написать гневное письмо делийскому султану, которого Шамсуддин Турк упрекал в пренебрежении делами религии и от которого требовал не допустить внедрения в сознание людей греческой философии как способствующей распространению суфизма [Barani Ziya ud-din, 1862, p. 324].

Суфийская агиография как житийная литература представляла оригинальное проявление самоуничжительного благочестия, праведничества и приверженности *мурида* здравствующему или ушедшему в мир иной *шайху*. Как правило, это выражалось в высокопарном восхвалении проповедей наставника, пункт за пунктом демонстрирующих заявленную доктрину того или иного братства, повествование часто прерывалось для отступлений, пояснений и пространных рассуждений на тему о заслугах восхваляемого. Поскольку подвижническая деятельность суфиев имела давнюю традицию, — при пропаганде каждого конкретного *мазхаба* обращались к наследию представителей других толков и характеристике вероучения и догматов, на которые опирались влиятельные проповедники (*ваизы*). В результате сохранялась живая связь времен и логическая преемственность в постижении теологических знаний, передаваемых от одного *шайха* к другому через бесконечную вереницу духовной преемственности (*силсила*) [Танеева-Саломатшаева, 2009, с. 95–96].

Как можно заключить из стилистического анализа *Фава'id ал-фу'ад*, этот труд был обращен к людям разного духовного развития. Рассуждения на серьезные научные темы пестрят специальной терминологией, хотя и изложены вполне доступным литературным языком. Вместе с тем часто приводятся народные притчи, как иранские, так и связанные с местной тематикой, а также занимательные происшествия и афоризмы. Видимо, поучительные рассказы такого рода были очень популярны, и значит, одобренное ими сочинение могло скорее вызвать интерес. Автор широко пользуется этим: иллюстрирует притчей или анекдотом нужную ему тему, чтобы сделать ее доступной даже для малограмотного человека из низов.

В указанном сочинении развивается учение о лицемерии (*рийа*), углубленно пропагандируемое в так называемой школе «людей порицания» (*маламатийа*). Это движение явилось протестом против показной набожности. Согласно *маламатийа*, каждый мусульманин должен стремиться к самоусовершенствованию при строгом соблюдении заветов Пророка — сунны. Однако все, что происходит в его душе, — тайна, касающаяся только Бога, и внешне он не должен демонстрировать нарочитое соблюдение обрядов. Если люди, не понимая благих намерений *маламатийа*, начинают порицать его, он должен радоваться этому, смиряя гордыню. Нишапурские *маламатийа* стремились впасть в лицемерие перед людьми. Багдадские мистики пошли дальше, боясь лицемерия даже перед собой, когда исполнение благих деяний может вызвать самолюбование и бахвальство. Что касается Низамуддина Аулия, то он предпочитал более умеренное проявление благочестия,

проповедуя самоотверженное благородство (*джаванмарди*) и справедливость (*инсаф*). Вспоминая имена прославленных мистиков Хасана Басри (642–728) и Мансура Халладжа (858–922), он призывает, что следует, как они, отказаться от личного во имя счастья других. Его привлекают и фигура выдающегося персидского теоретика и практика суфизма Наджмуддина Кубра (1145–1221), и ряд известных шайхов братств Чишти́я, Кубравийа и Сухравардийа [Там же, с. 49–50, 54–56].

Немалый интерес разбираемое сочинение представляет при изучении эстетических концептов братства, как бы между прочим декларируемых то по ходу рассуждений о прекрасном, о понятии «Божественный Свет» (*Нур-и Иллахи*) и «Свет Мухаммада» (*Нур-и Мухаммади*), о суфийских радениях (*сама*) или о том, что суфии придавали большое значение цвету, поскольку он воздействует на сознание и помогает сосредоточить внимание на божественной красоте, задуматься о ее сущности и величии, при этом в каждом отдельном случае суфий должен быть облачен в одежду определенного цвета: белую, зеленую или черную.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что на протяжении многих веков в индоиранском ареале осуществлялся устойчивый эко-синтез культур, что и делает этот региональный историко-культурный опыт необычайно значимым в современную переходную эпоху, когда вариативный экофильно-гармонизирующий синтез уже всех культур мира стал насущной экологической необходимостью.

Литература / References

- Бертельс Е. Э. *Избранные труды*. Т. III. *Суфизм и суфийская литература*. М., 1965 [Bertels E. E. *Selected Works*. Vol. III. *Sufism and Sufi Literature*. Moscow, 1965 (in Russian)].
- Бертельс Е. Э. *Избранные труды*. Т. V. *История литературы и культуры Ирана*. М., 1988 [Bertels E. E. *Selected Works*. Vol. V. *History of Iranian Literature and Culture*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Гольдциер И. *Лекции об исламе*. СПб., 1912 [Goldziher I. *Lectures on Islam*. St. Petersburg, 1912 (in Russian)].
- Гуревич А. Я. *Категории средневековой культуры*. М., 1984 [Gurevich A. Ya. *Categories of Medieval Culture*. Moscow, 1984 (in Russian)].
- Загородникова Т. Н. *Индия и Серебряный век русской культуры*. М., 2018 [Zagorodnikova T. N. *India and the Silver Age of Russian Culture*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Конрад Н. И. Театральные представления в Древней Японии / Конрад Н. И. *Избранные труды: литература и театр*. М., 1978. С. 309–321 [Konrad N. I. Theatre Performances in Ancient Japan. Konrad N. I. *Selected Works: Literature and Theatre*. Moscow, 1978. Pp. 309–321 (in Russian)].
- Массиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов. / Фильштинский И. М. (сост.). *Арабская средневековая культура и литература*. М., 1978. С. 89–112 [Massignon L. Methods of Artistic Expression in Muslim Peoples. Filshitskiy I. M. (comp.). *Medieval Arab Culture and Literature*. Moscow, 1978. Pp. 89–112 (in Russian)].
- Танеева-Саломатшаева Л. З. *Истоки суфизма в средневековой Индии: братство Чишти́я*. М., 2009 [Taneeva-Salomatshaeva L. Z. *The Sources of Sufism in Medieval India. The Chishtiya Brotherhood*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Танеева-Саломатшаева Л. З. *Фава'id ул фу'ад (1308–1322). Речения шайха братства Чистийа Низамуддина Аулийа, составленные его верным муридом Амиром Хасаном Дехлави*. Т. 1. Факсимиле рукописи, обнаруженной в библиотеке им. Маулаи Азада (Алигарх) с развернутым предисловием, включающим два раздела о шайхе Низамуддине Аулийа и о Хасане Дехлави, комментариями, указателями, глоссарием и переводом фрагментов, отсутствующих в других поздних рукописях этого текста. М., 2015 [Taneeva-Salamatshaeva L. Z. *Fawa'id al-Fu'ad, the Discourses (mal'fuzat) of Shaikh Nizamuddin Awliya, the Spiritual Leader of the Sufi Order of Chishtiyya, Compiled by His Faithful Disciple, the Celebrated Persian Poet of India, Amir Hasan Dehlevi*. Vol. I. *The Facsimile of the Manuscript Discovered in the Maulana Azad Library, Aligarh, with an Extensive Preface, Including Two Abstracts on Shaikh Nizamuddin and Hasan Dehlavi, Commentaries, Indexes, Glossary and Translation of the Fragments Absent from the Two Later Manuscripts of the Text*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Хасан Дехлеви. *Диван*. Составитель и автор предисловия Л. З. Саломатшаева. Душанбе, 1990 [Hasan Dehlevi. *Divan*. Compiled and Introduced by L. Z. Taneeva-Salamatshaeva. Dushanbe, 1990 (in Tajik)].

Шилин К. *Русские суфии. Новое человечество и образ будущего*. М., 2007 [Shilin K. *The Russian Sufis. New Mankind and the Image of the Future*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Barani Ziya ud-din. *Ta'rikh –i Firūz Shāhī*. Calcutta, 1862 [Barani Ziya ud-din. *The History of Firuz Shah*. Calcutta, 1862 (in Persian)].

Browne E. G. *A Literary History of Persia*. Vol. II. Cambridge, 1967.

Corbin H. *Histoire de philosophie islamique*. Paris, 1964.

Faruque M. U. (ed.). *The Pen and the Tablet: Works by and about Seyyed Hossein Nasr Through His 85th Birthday (with an Introduction and Annotations)*. Louisville, 2019.

Goichon A. M. *La philosophie d'Avicenne et son influence en Europe médiévale*. Paris, 1951.

Nicholson R. A. *Studies in Islamic Mysticism*. Cambridge, 1921.

АКАДЕМИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2024

А. А. Блинов¹

Настоящая работа является продолжением цикла статей, посвященных ведущим организациям-регуляторам арабского языка на Арабском Востоке. В рамках данного исследования автором предпринята попытка изучить практические направления деятельности Академии арабского языка в Каире, включая ее участие в контроле качества школьных материалов и увеличение количества публикаций. В этой связи подробно проанализирована публикационная активность Академии, в том числе выпускаемый ею периодический журнал, а также словари, справочники и лексикографические пособия, среди которых выделяются «Краткий словарь арабского языка», «Средний словарь арабского языка» и «Большой словарь арабского языка», детально описана история их создания и распространения. Кроме того, дополнительно освещены другие направления деятельности Академии за все время ее существования.

Ключевые слова: арабский язык, Академия арабского языка в Каире, Каирская академия, арабский мир, «Краткий словарь арабского языка», «Средний словарь арабского языка», «Большой словарь арабского языка»

Для цитирования: Блинов А.А. Академия арабского языка в Каире: практические направления деятельности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 53–61. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-053-061

ARABIC LANGUAGE ACADEMY IN CAIRO: PRACTICAL ACTIVITIES

Andrey A. Blinov

This paper continues a series of articles focused on the leading Arabic language regulators in the Arab world. As part of this study, the author has attempted to review the practical activities of the Arabic Language Academy in Cairo, including its participation in the quality control of school materials and increasing the number of publications. In this respect, the paper details the publication activity of the Academy, particularly analyzes a periodic magazine released by it as well as dictionaries, reference guides and lexicographic materials, highlighting the Concise Arabic Dictionary, the Intermediate Arabic Dictionary and the Large Arabic Dictionary, and elaborates on the history of their creation and distribution. Besides, it additionally covers the other activities of the Academy throughout its existence.

Keywords: Arabic language, Arabic Language Academy in Cairo, Cairo Academy, Arab world, the Concise Arabic Dictionary, the Intermediate Arabic Dictionary, the Large Arabic Dictionary

For citation: Blinov A. A. Arabic Language Academy in Cairo: Practical Activities. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 53–61. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-053-061

---

¹ Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; progrock1@yandex.ru

Andrey A. Blinov, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; progrock1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9694-8706

Введение

С самых первых дней своего существования Академия арабского языка в Каире рассматривалась как наследница всех тех языковых образований и учреждений, которые предшествовали ей в деле языкового регулирования, однако так и не добились желаемого успеха. Она была призвана стать флагманом становления арабского литературного языка, выработки усовершенствованных норм его функционирования, систематизации терминологии и оптимизации лексического фонда. Некоторые ученые даже не без оснований считали, что она обладала достаточным внутренним потенциалом для того, чтобы объединить вокруг себя все другие академии арабского языка — как уже имеющиеся (Академия арабского языка в Дамаске), так и только зарождающиеся. Подобные инициативы не были лишены смысла, особенно с учетом того, что впоследствии они были реализованы при образовании Союза академий арабского языка в 1971 г. на базе Каирской академии, в который вошли Дамасская, Багдадская и Каирская академии арабского языка. Поэтому начальные шаги Каирской академии, открытой в 1932 г., были ознаменованы тщательной и скрупулезной подготовкой теоретических основ ее деятельности, к которым было приковано повышенное внимание с учетом особых ожиданий, возлагаемых на данную организацию во всем арабском мире. Поскольку появление Каирской академии стало логичным следствием повсеместного увеличения интереса к вопросам нормирования и кодификации арабского языка, ее теоретическая программа вобрала в себя все важнейшие аспекты деятельности языковых регуляторов в арабском мире, сформированные на тот момент времени, и стала ориентиром на многие годы вперед. Они могут быть классифицированы по следующим ключевым направлениям, которые были сведены воедино в труде великого отечественного арабиста В. Э. Шагаль «Арабские страны: язык и общество» (1998):

- 1) разработка идеологических и практических основ языковой политики;
- 2) подготовка и принятие решений и рекомендаций по языковым и, в частности, по терминологическим вопросам, связанным с арабизацией;
- 3) разработка, обсуждение, утверждение и распространение новой терминологии, относящейся к различным областям общественно-политической и культурной жизни, науки и техники;
- 4) проведение мероприятий по выработке литературной нормы и ее реализации, по обеспечению использования на практике новых правил грамматики и предложенных терминов, контроля за употреблением новых лексических единиц;
- 5) унификация терминологии в пределах употребления в каждой арабской стране и во всем арабском регионе, составление словарей;
- 6) проблемы перевода на арабский и с арабского языка [Шагаль, 1998, р. 147].

Для претворения в жизнь вышеуказанных принципов Академия учредила целый ряд разнообразных комитетов (число которых за ее практически 100-летнюю историю выросло с первоначальных 7 до 34)² и приступила к активной работе. В рамках данной небольшой статьи мы бы хотели осветить практическую сторону деятельности Академии и продемонстрировать те материальные результаты, которыми она обогатила сферу научных знаний в арабском мире, затронув главным образом ее публикационную активность.

Участие Каирской академии в контроле качества школьных материалов

Академия арабского языка в Каире была основана в 1932 г. и с самого начала наметила ряд приоритетных направлений для дальнейшей деятельности. Одним из первых шагов, предпринятых

² Подробнее о работе этих комитетов см.: [Блинов, 2023, с. 187–193].

Академией для решения текущих лингвистических проблем, стало принятие надлежащих мер по пересмотру и исправлению некорректных научных терминов, обнаруженных в учебниках для начальной и средней школы, которые были опубликованы в Египте и других арабских странах начиная с периода правления Мухаммада Али. После успешного завершения данного этапа предполагалось приступить к изменению учебников для высших образовательных учреждений. Проверке подверглись как вновь созданные, так и переводные термины, которые заменялись новыми понятиями. Этот процесс оказался чрезвычайно трудоемким, потому что охватить все учебники, изданные за столь долгий срок, было весьма непросто, тем более что их поиском и выявлением должны были заниматься ученые, являющиеся специалистами по тематике конкретного учебника. По окончании сбора терминов они подлежали включению в соответствующие перечни, которые направлялись профильным комитетам для изучения, также нередко членам Академии требовалась дополнительная помощь при проведении лингвистического анализа. С этой целью, например, к работе привлекались преподаватели начальной и средней школы³.

Таким образом, с первых дней своего существования Академия арабского языка в Каире уделяла повышенное внимание школьному образованию, что вылилось в учреждение комитета арабского языка в обучении. Его обязанности предусматривали регулярную проверку и редактирование учебников на арабском языке для устранения отмеченных несоответствий и пробелов в обучающих материалах. Также в круг задач комитета входил непрерывный контроль качества учебных программ, по которым осуществлялось обучение арабскому языку на всех ступенях довузовского образования. В рамках возложенных на него полномочий комитет активно сотрудничал с Министерством образования Египта, отслеживая в том числе иностранные и международные частные учебные заведения, в которых велось преподавание на арабском языке.

Публикационная активность Каирской академии

• Журнал

Еще одним важнейшим направлением деятельности Академии стало увеличение количества публикаций, поэтому создание собственного журнала для ознакомления научного сообщества с актуальными результатами арабоязычных исследований представлялось делом исключительной важности. При этом выбор научных статей для включения в журнал не ограничивался изысканиями только членов Академии арабского языка в Каире и допускал возможность публикации работ других ученых из числа крупнейших исследователей. Издание журнала началось в 1934 г. и продолжалось до 1937 г. После этого оно было прекращено на 11 лет в силу различных причин, среди которых можно назвать, например, ограниченность бюджета, сложность административных и бюрократических процедур и затруднения с публикацией журнала [Madkūr, 1964, p. 36]. Пятый выпуск появился только в 1948 г.; между 1948 и 1956 гг. было напечатано только четыре номера. Начиная с 1957 г. журнал возобновил публикации на ежегодной основе. С тех пор было опубликовано уже свыше 70 выпусков, не считая протоколов заседаний конгресса и совета Каирской академии, содержащих обсуждения ее членов.

• Словари

Другим значительным достижением на пути к повышению публикационной активности явилось усиление интенсивности лексикографической работы. Академия арабского языка в Каире приступила к изданию лексикографических пособий, сосредоточившись в первую очередь на публикации словарей, видное место среди которых занимают «Краткий словарь», «Средний словарь»

---

³ Mağma'u l-luġati l-'arabiyyah li-l-qāhirah. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

и «Большой словарь». «Краткий словарь» включает конструкции, имеющие широкое хождение и предназначенные для учеников средней школы и аналогичных учебных заведений. «Средний словарь» расширяет «Краткий словарь» с помощью оборотов, используемых в литературной речи и достаточных для проведения промежуточных исследований студентами университетов и аналогичных учебных заведений [Блинов, 2023, с. 188]. «Большой словарь» прослеживает связь арабского языка с его ближайшими соседями по семито-хамитской макросемье: аккадским, арамейским, угаритским, ассирийским, абиссинским и ивритом. Это общее собрание арабской лексики, демонстрирующее расширение значений слов и развитие их семантики на различных стадиях языкового процесса [al-Aṣawī, 2008, p. 553]. Рассмотрим эти словари более подробно в хронологическом порядке.

Подготовка «Большого словаря» (*al-muʿjamu l-kabīr*) началась в 1946 г., когда с этой целью был создан специальный комитет в составе Академии, заложивший методологическую основу для составления словаря, выработавший общий стиль его оформления и определивший устойчивую и единообразную словарную структуру. Ответственным за выпуск словаря был назначен великий арабский писатель, «старейшина арабской литературы» Таха Хусейн, который поручил его составление доктору Мураду Кямилю, профессору семитских языков из Каирского университета, и доктору Ибрагиму аль-Ибъяри, руководителю отдела культурного наследия управления культуры при Министерстве образования Египта. Хотя работа обоих авторов была существенно обременена нехваткой средств, в 1956 г. они смогли представить крупный фрагмент первого тома «Большого словаря», посвященного букве «хамза», который включил в себя 428 страниц [Grunebaum, 1959, p. 157].

В предисловии к словарю были описаны задачи и методы его составления, а также перечислены сложности, стоявшие перед авторами при его подготовке. Многие из них, в частности, были обусловлены тем, что из всех действующих языков арабский существует наиболее долго, а пути его развития и распространения остаются недостаточно изученными. Так, в предисловии подчеркивалось, что история арабской поэзии насчитывает по меньшей мере 15 веков, арабской художественной литературы — около 13 веков, в течение которых арабский служил отражением научной и философской мысли арабской нации. Он зародился в пустыне, однако не утратил свою силу в городских условиях, значительно усложнив языковые конструкции и обогатив лексический фонд за время своего существования. Также арабский сохранил собственную идентичность в эпоху стремительных исторических изменений благодаря повсеместной опоре на Коран, будучи языком Священного Писания арабов и воплощением арабо-мусульманской культуры.

Составители первого тома «Большого словаря» признавали экспериментальный характер данного издания и были готовы принять предложения и замечания ученых, интересующихся особенностями употребления арабского языка на Ближнем Востоке. При этом они отчетливо осознавали, что арабский, подобно языкам других культур, содержит как элементы древнейшего наследия, так и элементы, вносимые в него говорящими в настоящее время, не говоря уже о заимствованиях из других языков. Поэтому авторы сочли необходимым охватить всю важнейшую лексику во всех фазах ее становления, ведь ограничиться только древностью было равносильно изучению мертвого языка. Видимо, именно с последним соображением связано то, что Академия отказалась использовать материалы своего члена, немецкого востоковеда Августа Фишера, который предоставил их для содействия в разработке «Большого словаря», так как они не выходили за рамки доисламского периода и первых трех столетий исламского периода. Кроме того, академики не разделяли интереса Фишера к семантическому развитию отдельных слов и хотели сконцентрироваться

на более углубленном анализе и описании арабской лексики, используя сугубо аналитический и дескриптивный подход к ее изучению [Grunebaum, 1959, p. 157].

«Большой словарь» был организован по образу и подобию «Большого Оксфордского словаря». В нем была обобщена и подробно рассмотрена вся арабская лексика путем обращения к первоисточникам и письменным памятникам, поэтическим и прозаическим текстам. Словарные статьи содержали краткие определения общепринятых терминов в области лингвистики, литературы, грамматики, риторики, истории, географии, психологии, философии, социологии, культурологии, науки и техники, которые в ряде случаев сопровождались наглядным иллюстративным материалом в виде рисунков, фотографий и карт. Кроме того, особое внимание уделялось выдающимся деятелям, внесшим большой вклад в формирование человеческих знаний, а также местам, регионам и странам, упоминавшимся в арабской поэзии или являвшимся ареной переломных событий в арабской истории. Все это придавало «Большому словарю» черты полноценной энциклопедии. В настоящее время это наиболее полный словарь, публикуемый Академией арабского языка в Каире, который превосходит остальные лексикографические издания по своему объему.

Пилотный выпуск «Большого словаря» увидел свет в 1956 г., однако предусматривал лишь частичное освещение буквы «хамза», о чем уже говорилось выше. Первое полноценное издание случилось в 1970 г., за ним последовали второй том (буква «ба») в 1980 г., третий том (буквы «та» и «са») в 1992 г. и четвертый том (буква «джим») в 2000 г., т. е. временной промежуток между выходом каждого из томов составлял приблизительно 10 лет. В XXI в. темпы составления словаря заметно возросли, особенно под руководством президента Каирской академии Хасана аш-Шафии, по инициативе которого число комитетов «Большого словаря» было расширено с одного до пяти. Кроме того, к ним был добавлен новый комитет координирования «Большого словаря», а также увеличилось количество этапов прохождения словарного материала, обеспечивающих более тщательный и качественный отбор.

Активизация работы стала возможной также благодаря включению в состав комитетов лучших арабских ученых из числа членов и экспертов Академии, которые посвятили все свое время подготовке новых словарных статей «Большого словаря». В этом им усиленно помогала молодая поросль специалистов, прошедших надлежащее обучение и оснащенных необходимым инструментарием для ведения успешной лексикографической работы, что позволило сократить масштабы общей деятельности. Наряду с другими факторами ускоренной разработке словаря также способствовали такие шаги, как подготовка его лексического наполнения во вне рабочее время и привлечение лексикографов со стороны на основе продвинутой системы вознаграждений. В дополнение к этому в современную эпоху значительно облегчился процесс редактирования словарных статей путем использования для уточнения и сверки значений слов инновационных компьютерных технологий, электронных платформ и языковых блогов, где размещены сотни тысяч древних и современных книг, текстов, энциклопедий, справочников и редких рукописей на арабском языке, особенно после того, как египетское правительство запустило программу цифровизации государственных ведомств и учреждений, что положительно сказалось на динамике подготовки новых томов «Большого словаря». В середине 2023 г. был представлен уже 16-й том, посвященный букве «дад» — 15-й из 28 букв арабского алфавита. Таким образом, временной промежуток между появлением новых томов словаря в настоящее время составляет всего лишь 1–2 года.

Разработка «Среднего словаря» (*al-miḡamu l-wasīṭ*) началась еще в 1935 г., когда Министерство образования Египта предложило использовать будущий словарь для обучения студентов, однако встретило жесткий отпор со стороны Каирской академии, считавшей подготовку словарей исключительно своей прерогативой. Начиная с 1936 г. над созданием словаря трудились различные

комитеты, однако они не добились ощутимых результатов [Grunebaum, 1959, p. 157]. Впервые он был опубликован только в 1960 г. и состоял из двух томов, в которые вошло 30 000 слов. Словарные статьи были расположены в алфавитном порядке и следовали структуре «Большого словаря». Глаголы размещались перед существительными, первообразные трехбуквенные глаголы — перед производными, а непереходные глаголы — перед переходными. В случае существительных конкретное значение обычно предшествовало абстрактному, а прямое — переносному. Словарные материалы также включали лексемы, созданные по аналогии с уже закрепленными в языке [Madkūr, 1964, p. 67].

Выход словаря был обусловлен стремлением Академии арабского языка в Каире предоставить читателю требуемые языковые материалы, изложив их ясным, понятным и доступным образом. Основу словаря составили современные культурные понятия и новые термины, разработанные или заимствованные в различных областях науки и техники, которые были утверждены советом и конгрессом Академии арабского языка в Каире. По сравнению с содержанием «Большого словаря» авторы ориентировались на модернизированные формы, отказавшись от большинства архаичных и застывших конструкций и исключив малоупотребительные выражения, потребность в которых исчезла с течением времени. Кроме того, были намеренно опущены некоторые синонимы, пришедшие в арабский литературный язык из местных диалектов, а предпочтение отдавалось удобным и привычным в использовании словам и выражениям, которые могли потребоваться студентам и переводчикам в их деятельности, при этом каждое из них сопровождалось максимально точным определением. При толковании словарных единиц широко применялись выдержки из коранических аятов и хадисов, арабские пословицы и поговорки, риторические фигуры речи и изречения знаменитых писателей и поэтов, в случае необходимости к словарным статьям прилагались дополнительные изображения. Подготовка словаря была поручена отдельному комитету, сформированному специально для этой цели.

«Средний словарь» до сих пор считается одним из величайших достижений Каирской академии на ниве лексикографии и признается многими учеными лучшим словарем арабского языка XX в. с точки зрения содержания и оформления. Словарь быстро снискал популярность среди местного населения и разошелся рекордным тиражом. Он выдержал уже пять переизданий, последнее из которых датировано 2011 г.

Заключительным в серии крупнейших словарей, опубликованных Академией арабского языка в Каире, стал «Краткий словарь» (*al-mu'jam al-waḡīz*), который был впервые издан в 1980 г. и переиздан в 1989 г. В плане содержания он основывался на ранее выпущенном «Среднем словаре», однако представлял собой облегченную и упрощенную версию последнего. В 1994 г. было выпущено специальное издание «Краткого словаря» под патронажем Министерства образования Египта. В 2022 г. Академией было принято решение обновить его лексический состав.

Вышеперечисленные словари, справедливо считающиеся наиболее амбициозными лексикографическими проектами Академии арабского языка в Каире, относятся к категории лингвистических и дополняются рядом других лексикографических пособий, издаваемых Академией (например, «Словарь коранической лексики» в двух томах). Кроме того, Каирская академия занимается публикацией специализированных научных словарей, таких как «Философский словарь», «Географический словарь», «Словарь ядерной физики», «Словарь современной физики», «Геологический словарь», «Биологический словарь» и т. д., выпуск которых осуществлялся в различные годы. Тем не менее, к сожалению, не все лексикографические начинания Академии были обречены на успех. Например, в 1936 г. Каирская академия рекомендовала оказать поддержку в подготовке «Этимологического исторического словаря арабского языка» Августа Фишера (*al-mu'jam al-luḡawiyyu t-ta'rihiyyu*), однако этот проект так и не был реализован [Fischer, 1967, p. 31].

Другие публикации

Помимо издания словарей, Академия арабского языка в Каире придавала первостепенное значение в своей публикационной политике распространению исторических литературных памятников арабского языка, включая шеститомный труд аль-Хасана ас-Сагани «Дополнение, завершение и связь», пятитомный труд Абу Насра аль-Фараби «Литературный сборник», четырехтомный труд Мухаммада ас-Саркасти «Деяния», четырехтомный труд Исхака аш-Шибани «Джим», пятитомный труд Абу Убайда аль-Касима ибн Салияма «Книга аномальных хадисов» и восьмитомный труд Мухаммада Муртада аз-Зубайди «Дополнение, завершение и связь», а также сочинения Ибна Бари («Книга указания и разъяснения», «Книга толкования разъяснений») и Ибна ас-Сакита («Книга замены»). Кроме того, Каирская академия выпускала собственные труды, такие как «Книга об исследованиях и исследователях» Ибрагима Мадкура в двух томах. Результаты научных изысканий, проводимых в Академии, публиковались в ее журнале, периодических изданиях «Основы языка» (в пяти томах) и «Книга о диалектах» (в четырех томах), а также библиографических каталогах «Тематический указатель языковых исследований в Академии» и «Наследие Академии за 75 лет». Немаловажную роль в жизни Каирской академии играют новостные бюллетени, получившие название *mağta'iyūāt*, в которых печатается информация о произошедших событиях. Кроме того, ежегодно публикуется перечень работ, вышедших в Академии⁴.

Таким образом, итоги публикационной активности Академии арабского языка в Каире за практически 100 лет существования представляют весьма радужную картину, тем более что Академия не только всеми силами стимулировала научную деятельность своих членов, повлекшую за собой рост количества статей и монографий, но и поощряла присуждение различных наград по ее результатам. Многие из лауреатов этих премий впоследствии стали признанными светилами арабской науки. В первую очередь это такие корифеи египетской словесности, как драматург Нагиб Махфуз (1911–2006), получивший Нобелевскую премию по литературе, лингвист Шауки Дайф (1910–2005), избранный пятым президентом Академии арабского языка в Каире, поэты Исмаил Махмуд Хасан (1910–1977) и Мухаммад аль-Асмар (1900–1956), писательницы Сухайр аль-Каламави (1911–1997) и Аиша Абд ар-Рахман (1913–1998).

Прочие направления деятельности Каирской академии

Что касается прочих направлений деятельности Академии арабского языка в Каире, то на протяжении всего времени своего функционирования Академия ратовала за упрощение правил морфологии и синтаксиса арабского языка, облегчение арабского письма и введение в оборот современных слов и выражений при условии допустимости их применения в рамках литературного арабского языка и соответствия действующим языковым правилам и нормам. Она также осуществляла издание книг, содержащих подобные упрощенные конструкции, таких как «Собрание научных решений», «Основы арабского языка», «Слова и выражения» и «Собрание научных решений, принятых Академией за 50 лет». Более того, Каирская академия вела непрерывный поиск научных и культурных терминов посредством таких механизмов, как *'ištiqāq* «словообразование», *mağāz* «метафоризация», *naql* «заимствование», *naḥt* «калькирование» и *ta'rib* «арабизация» [Madkūr, 1981, pp. 27–29].

Другим ключевым аспектом, который попал в поле зрения Каирской академии, оказалась транслитерация названий с европейских языков на арабский, в связи с чем Академия приступила

⁴ Mağma'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

к обсуждению возможности реформирования арабской графики в 1936 г. Эта дискуссия была продолжена в 1938 г., когда был поднят вопрос о технической сложности печати огласовок на арабском языке. Протоколы проведенных обсуждений были опубликованы для привлечения более широкой аудитории, и в 1945 г. даже был объявлен конкурс проектов по усовершенствованию арабского алфавита с призом в 1000 египетских фунтов. Обсуждение продолжалось в течение нескольких лет, однако план реформирования арабской графики так и не был утвержден. Тем не менее вследствие рассмотрения этой темы были выработаны новые графемы پ and ف для передачи латинских букв p и v [Nemeth, 2017, p. 84], которые нередко можно увидеть на крупных вывесках в городах Ближнего Востока, например в Каире, хотя они до сих пор имеют неофициальный статус и не включены в состав арабского алфавита.

Впрочем, несмотря на множество свершений, достигнутых Академией арабского языка в Каире на поприще арабской филологии, нельзя не отметить, что за свою историю она часто сталкивалась с различными трудностями. Например, в 1942 г. государство настойчиво вмешивалось в назначение ее членов. Президент Академии арабского языка в Дамаске Курд Али (1876–1953) пишет в книге «Воспоминания», что на ранних стадиях развития Академия при выборе своих членов руководствовалась их заслугами, а не высоким качеством написанных ими сочинений. Иногда назначение академиков было продиктовано политическими соображениями, а их работа зависела от политических симпатий [‘Alī, 1948, pp. 495–498]. Данная ситуация во многих отношениях напоминала обстановку, сложившуюся в Дамасской академии арабского языка. Более того, политическая нестабильность и войны привели к приостановке заседаний Академии и сделали невозможным их посещение для большинства участников [Madkūr, 1964, p. 20]. Курд Али также добавляет, что некоторые члены Академии арабского языка в Каире никогда не принимали активного участия в обсуждениях и не выражали своего мнения через журнал [‘Alī, 1948, pp. 529–530]. В то же время критика, высказанная Курдом Али в своих мемуарах, нередко носит субъективный характер ввиду его несомненной ангажированности как президента Дамасской академии, долгое время соперничавшей с Каирской академией. Так, он проводит откровенно предвзятые сравнения между Дамасской и Каирской академией не в пользу последней, превознося членов Дамасской академии за их успехи и порицая членов Каирской академии за неэффективность их деятельности.

Несомненно, что как в теоретической, так и практической деятельности Академии арабского языка в Каире присутствовали отдельные изъяны, обусловленные главным образом низким государственным финансированием на протяжении всего времени ее существования. В то время как языковые учреждения подобного ранга в государствах Персидского залива никогда не испытывали недостатка в средствах, Каирская академия иногда была вынуждена просто выживать, несмотря на ее высокий научный статус, сохранявшийся в течение большей части XX в. С наступлением нового столетия ситуация начала меняться к лучшему, что было не в последнюю очередь связано с началом эры цифровизации и активным проникновением информационных технологий во все области жизни. Например, это значительно упростило лексикографическую работу, сделав поиск словарных статей менее трудоемким занятием, а также позволило Академии переориентироваться на выпуск электронных словарей и найти новый источник доходов в дополнение к поддержке государства. Положительное влияние на материальное положение Академии также оказало сотрудничество с языковыми регуляторами стран Персидского залива, пользующимися особым вниманием местных эмиров и шейхов.

Другим объектом критики со стороны арабских ученых также часто становилась медлительность Каирской академии в принятии решений, публикации терминологических справочников, выпуске новых томов словарей и т. д. Безусловно, Академия также осознает указанную проблему, не раз поднимавшуюся на страницах газет и журналов Египта и всякий раз вызывавшую

оживленные дискуссии в прессе. Неслучайно, что на нее обращали внимание все последние президенты Каирской академии в своих выступлениях. Однако ее решению также может способствовать переход к цифровой экономике, в частности благодаря массивной компьютеризации государственных ведомств Египта, инициированной правительством в последние годы. Все это, безусловно, поможет Каирской академии расширить сферу охвата деятельности, повысив доступность результатов своего труда для широкой публики и заинтересовав новых читателей. Особенности функционирования Каирской академии на современном этапе, в условиях повсеместной автоматизации и информатизации, будут освещены нами позднее в рамках отдельной статьи.

* * *

Ниже приводится фонетическая транскрипция арабских букв на латинской графической основе с добавлением ряда дополнительных диакритических знаков.

Транскрипция, используемая в работе:

Согласные звуки

ب — b	ز — z	ق — q
ء — ' (alif ma'adhiya)	س — s	ك — k
ت — t	ش — š	ل — l
ث — ṯ	ص — ṣ	م — m
ج — ġ	ض — ḍ	ن — n
ح — ḥ	ط — ṭ	ه — h
خ — ḫ	ظ — ḏ	و — w
د — d	ع — ' (ayn)	ى — y
ذ — ḏ	غ — ġ	
ر — r	ف — f	

Гласные звуки

Краткие:	Долгие:
a, i, u	ā, ī, ū

Литература / References

Блинов А. А. Академия арабского языка в Каире: комитеты и административная структура. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3 (25). С. 184–198 [Blinov A. A. Arabic Language Academy in Cairo: Committees and Administrative Structure. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2023. No. 3 (25). Pp. 184–198 (in Russian)].

Шагаль В. Э. *Арабские страны: язык и общество*. М., 1998 [Shagal V. E. *Arabic Countries: Language and Society*. Moscow, 1998 (in Russian)].

al-Amawi A. An-naṣru-l-'azīz 'alā l-mu'ğami-l-wağīz. *Mağallatu multaqa' abli l-luğah*. 2008. No. 6. Pp. 553–555.

'Alī K. *Al-mužakkirāt*. Dimašq, 1948.

Fischer A. *Al-mu'ğamu l-luğawiyyu t-ta'rīḥiyyu*. Al-qāhirah, 1967.

Grunebaum G. Review of Al-Mu'jam al-kabīr by Murad Kāmil, Ibrāhīm al-Ibyārī. *Journal of Near Eastern Studies*. 1959. Vol. 18. No. 2. Pp. 157–159.

Madkūr I. *Mağma'u l-luğati l-'arabiyyah fi ṣalāsīna 'āman, 1933–1962: māḍibi wa ḥādīrubi*. Al-qāhirah, 1964.

Madkūr I. *Mağma'u l-luğati l-'arabiyyah fi 'īdibi l-ḥamsīniyyu*. Al-qāhirah, 1981.

Mağma'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

Nemeth T. *Arabic Type-Making in the Machine Age: The Influence of Technology on the Form of Arabic Type, 1908–1993*. Leiden, 2017.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-062-073

ПРОИРАНСКИЕ МИЛИЦИИ ИРАКА

© 2024

В. М. Ахмедов¹

В статье исследуются проиранские милиционные отряды Ирака. Автор изучает идейно-политические условия появления религиозных милиций на Ближнем Востоке. Особое внимание обращается на изменение парадигм войн в регионе как фактор влияния на формирования милиционных отрядов. Исследованы идейные и военно-политические мотивы Тегерана в создании лояльных ему вооруженных формирований в Ираке и других арабских странах. Показано состояние иракского общества и иракских вооруженных сил как факторов, способствующих созданию параллельных силовых структур в Ираке. В контексте сравнительного исторического анализа предложена авторская типология шиитских милиций Ирака. Проанализирована история создания различных милиционных отрядов Ирака, их идеологическая основа и результаты деятельности. Отмечено, что интеграция шиитских милиций в национальные вооруженные силы способствовала укреплению позиций Ирана в Ираке.

Ключевые слова: Ирак, Иран, шиитские милиции, Ближний Восток

Для цитирования: Ахмедов В. М. Проиранские милиции Ирака. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 62–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-062-073

THE IRAN-BACKED MILITIAS IN IRAQ

Vladimir M. Akhmedov

The article discusses Iran-backed militias in Iraq. The author examines ideological and political preconditions for emergence of religious militias in the Middle East. Main attention is paid to shift in paradigms of wars in the region as influential factor in creation of paramilitary troops. Tehran's ideological and security-political motives in formation of loyal military units in Iraq are studied. The state of Iraqi society and Iraqi army as prerequisites for emerging parallels military forces in Iraq are shown. In the context of comparative-historical method, the author proposed his classification of Shiites militias in Iraq. The analyses of process creation of military units in Iraq, their sectarian-ideological roots and military activities are given. The author admits that Iraqi militia's integration in regular army strengthened Iran's influence in this Arab country.

Keywords: Iraq, Iran, Shia militias, Middle East

For citation: Akhmedov V. M. The Iran-backed Militias in Iraq. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 62–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-062-073

---

¹ Ахмедов Владимир Мургузович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; shamyarabist@gmail.com

Vladimir M. Akhmedov, PhD(Hist.), Senior Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; shamyarabist@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4952-2964

Введение

В последние десятилетия социально-политические конфликты на Ближнем Востоке стали приобретать все большую интенсивность. События «Арабской весны» привели к конфессиональной деструкции в арабских странах Ближнего Востока. В кризисных условиях религиозные взгляды, верования, фанатизм играли все более весомую роль в мотивации вооруженных противостояний, которые принимали форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн. В их основе лежали глубокие исторические корни конфессиональных и этнических распрей, в силу чего они могли принимать затяжной и латентный характер. Их мотивационной основой зачастую служили укоренившиеся в массовом сознании идеи панисламизма, обостренные всплесками национализма, который усиливал религиозную установку к политическому действию. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей. Одной из первых таких организаций стала ливанская «Хезболла», которая послужила моделью для шиитских милиций. Сегодня ярким примером подобной ситуации могла бы служить Сирия, где решения о начале боевых операций, их прекращении, заключении перемирия принимались лидерами военизированных милиционных формирований при посредничестве режима аль-Асада, России и Ирана (Алеппо — 2015, Восточная Гута — 2017). Религиозные критерии стали определять состав участников, законы и нормы войны, а зачастую и правила ведения боя. Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные наподобие народных дружин, повстанческих армий, отрядов волонтеров и милиционных сил. Они отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индокринации личного состава, идейно-политическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами, региональными религиозно-политическими силами, внешними акторами. На начальном этапе большинство отрядов не имели четкой организационной структуры, не располагали армиями, тяжелым вооружением, экономическими ресурсами. Они не придерживались установленных правил войны. Эти организации опирались на поддержку той или иной группы населения, которую было сложно отделить от тех, кто вел активные боевые действия. Участники сражений низкой интенсивности переставали считать себя профессионалами, выполняющими долг перед абстрактной политической системой. Современная регулярная армия становилась практически бесполезной для ведения такой формы войны. Материально-техническое обеспечение требовало большого штата людей в арьергарде, из-за чего ведущим бой частям оставалось слишком мало ресурсов. Несмотря на свое техническое превосходство, регулярные армии не могли выйти победителями в конфликтах низкой интенсивности. Актуальным примером является ведущаяся сегодня война Армии обороны Израиля (АОИ) против ХАМАС в Газе и «Хезболлы» на юге Ливана. Идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюции арабских вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей воинствующих исламистов и внешней, религиозной экспансии в регионе [Ахмедов, 2024, с. 180–186]. В условиях исламского правления военная стратегия ИРИ претерпела существенные изменения. Важное место в стратегии и тактике ИРИ стало отводиться ведению асимметричных войн. Появились новые понятия типа «иранская стратегическая глубина», «проекция силы», «общественная мобилизация». Модифицированная военная стратегия ИРИ строилась на принципах революционной идеологии, на основе ислама и патриотизма. Одним из столпов военной стратегии являлся принцип верховенства веляят-е-факих. Он предполагал подчинение духовенству основных

институтов государства, в том числе и силовых структур. Данная установка воплотилась в создании и поддержке многочисленных проиранских милиционных формирований на Ближнем Востоке. Они являлись боевым авангардом созданной Ираном «Оси исламского сопротивления», которая протянулась от Тегерана через Ирак, Дамаск, Бейрут до Газы (Палестина). В течение нескольких десятилетий Иран находится под санкциями и был не в состоянии эффективно противостоять США и Израилю. Создание сети проиранских милиций помогло Тегерану достаточно эффективно и относительно малозатратно решить эту задачу. Подобный асимметричный подход позволял сдерживать эвентуальную агрессию США и Израиля против Ирана и его союзников в регионе. К настоящему времени иранская сеть милицейских отрядов заметно расширилась и укрепилась в различных странах Ближнего Востока. В последние годы на Западе вышло несколько исследований, посвященных отношениям Ирана с негосударственными акторами на Ближнем Востоке. В большинстве работ проиранские милицейские отряды рассматривались через призму поддержки Ираном терроризма на Ближнем Востоке. Характер их отношений с Тегераном характеризовался в рамках инструментального подхода как сотрудничество «патрона и прокси», что затрудняло комплексный анализ их взаимоотношений с Тегераном. На практике характер отношений Ирана с вооруженными отрядами зависел от группы факторов. Более глубокое понимание природы взаимоотношений Ирана с этими группировками можно было получить, рассматривая их в качестве «младших» партнеров Ирана по оружию, его «военных клиентов». В отечественном востоковедении комплексных исследований по данному вопросу практически не проводилось. В контексте развития событий вокруг Газы представленная статья имеет особую актуальность и вносит несомненный научный вклад в разработку указанной проблематики.

Мотивы иранского усиления

Национальная безопасность являлась основным мотивом усиления военного присутствия ИРИ в Ираке. Создание «Исламского Государства» (ИГ – запрещено в РФ) в Ираке вызвало опасения ИРИ за свою национальную безопасность. Если бы ИГ удалось дезинтегрировать Ирак на отдельные анклавы (суннитский, шиитский и курдский), то динамика регионального баланса сил сложилась бы не в пользу ИРИ и вызвала бы региональную дестабилизацию — прежде всего в курдских районах Ирана, Сирии и Турции. Тегеран опасался усиления активности курдских сепаратистов с баз на иракской территории. Иран рассматривал транслировавшиеся «Моджахедин аль-Хальк» юнионистские устремления иракских и иранских курдов как угрозу своей территориальной целостности [Arango, 2017]. В случае полного вывода американских войск из Ирака курды могли использовать сложившуюся ситуацию для создания собственного государства. Тегеран приложил все усилия вплоть до применения ракетного вооружения и БПЛА к тому, чтобы не допустить отделения иракского Курдистана в качестве самостоятельного государства². Сильные позиции в Ираке обеспечивали ИРИ беспрепятственный доступ через северо-западные районы страны в Сирию и Ливан, где Тегеран мог поддерживать и контролировать «Хезболлу» и сдерживать Израиль. Одновременно Иран выводил Ирак из-под влияния США и Саудовской Аравии.

Историческое наследие и региональный баланс сил являлись серьезным основанием для усиления военного присутствия ИРИ в Ираке. Подобно ИГ бывший иракский лидер С. Хусейн также негативно относился к шиитскому населению и рассматривал Иран наряду с США

² Джозеат-размаш-сепак-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар [Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны]. Сентябрь, 24, 2017. URL: <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз. [The details of IRGC's operation on the western borders. Tasnim News (in Persian)].

и Израилем как враждебное государство. Память о войне с Ираком служила одним из мотивов иранского вторжения в Ирак. Взаимодействие Тегерана с Багдадом после свержения режима С. Хусейна стало одним из мотивов иранского вооруженного вмешательства. Несмотря на то, что в период с 2003 по 2010 г. Тегеран и Багдад подписали более 100 соглашений о сотрудничестве, Тегеран стремился закрепить характер отношений с Ираком как с государством-клиентом [Esfandiary, Tabatabai, 2015]. Иран не хотел допустить выхода Ирака из орбиты своего влияния. Подобно Ливану и Сирии, утрата связи с государствами, где во власти находились шииты (или близкие к ним в религиозном плане алавиты), означала для ИРИ утрату регионального влияния [Adelkhah, 2014]³. В этом случае Ирану было бы нелегко утвердить свой статус как влиятельного регионального игрока, что давало ему возможность противостоять Израилю и США. На фоне позитивных изменений в регионе⁴ КСА и США активизировали свою политику в Ираке⁵. Принятые иракским режимом меры по ограничению иранского влияния в энергетической и банковской сфере Ирака консервировали озабоченности Тегерана относительно возможности увода Багдада с орбиты иранского влияния. Несмотря на то, что новый премьер-министр представлял блок шиитских политических, сил близких к Ирану, ему постоянно приходилось балансировать между Вашингтоном и Тегераном в попытках сохранить внутривнутриполитическую стабильность⁶.

Внутренние императивы сыграли также серьезную роль в деле принятия Тегераном решения о вооруженной интервенции в Ирак и Сирию. В 2014 г. 86% иранцев считали ИГ угрозой Ирану, а 53% заявили о высокой степени опасности ИГ для Ирана [Zogby, 2014]. Среди части иранского духовенства и военного истеблишмента распространялись конспирологические теории о причастности США к созданию ИГ с целью подрыва иранского влияния в Ираке и свержения дружественного режима аль-Асада в САР [Adelkhah, 2015]. В 2016 г. около 90% иранского населения поддержали действия ИРИ в защиту иракских курдов и шиитов. Таким образом, военная операция Ирана в Ираке и Сирии становилась ответом на озабоченности иранского населения. Несмотря на то, что определяющего влияния на принятие решений гражданское общество в Иране никогда не имело, настроения в иранском социуме оказывали влияние на власть и одновременно использовались ею для легитимации своих зарубежных операций.

Религиозная и этническая общность служила важным фактором иранского усиления и облегчала действия Ирана в Ираке. Иран не смог установить прочных контактов с суннитской общиной Ирака, которой он воспринимался как конфессионально ориентированное государство и не пользовался ее доверием. Поэтому Тегеран стремился избежать в Ираке суннитского доминирования, чтобы обеспечить ИРИ доступ в коридоры власти Ирака. В первой трети 2000-х гг. в Ираке проживало 20 млн шиитов, которые составляли от 60 до 75% населения страны. В самом Иране 90–95% населения (свыше 80 млн человек) являлись шиитами [Eisenstadt, Knights, Ali, 2011]. После исламской революции в Иране (1979) и в период ирано-иракской войны (1980–1988) иракские шииты подвергались гонениям со стороны багдадских властей. В итоге они создали в Иране Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). После свержения С. Хусейна в 2003 г.

³ Алавиты (Нусайриты) — сторонники Мухаммеда бен Нусайра аль-Нумайри (ум. 883 г. н. э.), главы секты крайних шиитов-нумайритов, последователей шиитского имама Абу Хасана аль-Хади аль-Аскари.

⁴ В 2023 г. между Саудовской Аравией и Ираном (март), Саудовской Аравией и Сирией (апрель) были восстановлены дипломатические отношения. В мае 2023 г. Лига арабских государств большинством голосов приняла решение о восстановлении членства официального Дамаска в ЛАГ.

⁵ Халь-караъа-аль-судани-ажрас-аль-хатр [Звонит ли аль-Судани в тревожные колокола?]. 22.02.2023. Аль-Араб. URL: <https://tinyurl.com/3zsp8j/>. (дата обращения: 08.03.2023). На араб. яз. [Ghanush, S. D. Does Sudani ring warning bells?. Al-Arab (in Arabic)].

⁶ В октябре 2022 г. новым премьер-министром стал представитель крупнейшего политического альянса «Координационные рамки» М. Ш. Аль-Судани.

иракские шииты вернулись на родину. Многие из них стали руководителями шиитских милиций и членами нового иракского правительства. Власть шиитского большинства в Ираке усугубила раскол в иракском обществе по конфессиональным признакам [Parasiliti, 1993, pp. 217–244].

В то же время сама шиитская община Ирака была разделена по линиям принадлежности ее членов к разным теологическим школам, видам профессиональной деятельности и характеру отношений с Ираном. Многие иракские шииты светской ориентации были более привержены принципам иракского национализма, чем религиозной идее. Некоторые духовные лидеры иракских шиитов (М. аль-Садр, например) использовали антииранские настроения для достижения определенных политических целей, разыгрывая карту арабского национализма. В результате раскола внутри шиитской общины Ирака Тегеран не мог в полной мере контролировать развитие политического процесса в стране [Yusri, 2010, pp. 521–541]. Несмотря на то, что численность иранских резидентов в Ираке заметно выросла в период с 2003 по 2014 г., связи Ирана с шиитскими общинами Ирака стали постепенно ослабевать. Доля иракских шиитов, которые считали Иран надежным партнером, сократилась с 76% до 43% между 2015 и 2018 гг. Одновременно с 25 до 58% выросла доля тех шиитов, которые считали Иран угрозой иракскому суверенитету [Al-Dagher, 2018].

Подобная ситуация была чревата серьезными издержками для иранской политики в отношении багдадских властей. Нельзя было исключать вероятного конфликта с шиитскими общинами Ирака⁷. Это могло произойти в случае ослабления их власти, ухода в сторону большей светскости, подкупа со стороны арабских стран, угроз в лице США. Поддержка шиитских общин повышала авторитет Тегерана как надежного брокера в разрешении внутрииракских конфликтов [Alireza, 2015, pp. 1–23].

Армия Ирака и ее националистические традиции служили основанием для вмешательства ИРИ. До свержения баасистского режима (2003) иракская армия отражала интересы определенных конфессиональных групп, которые пришли к власти на волне арабских национально-освободительных движений. Наряду с функциями защиты государства военные решали чисто политические задачи и влияли на выбор той или иной модели развития. Сторонники панарабизма в Ираке принимали активное участие в антиправительственных выступлениях 1937–1938 гг. и мятеже 1941 г. В 1958 г. офицерский корпус сверг королевский режим и установил республику. Во главе антимонархического переворота стояли офицеры из армейской организации «Свободные офицеры», имевшей выраженный панарабский характер. В ходе военного переворота офицеров-баасистов (июль 1968) к власти пришла партия «аль-Баас», идеология которой базировалась на светских началах и социалистических идеях. «Аль-Баас» создала лояльный ей офицерский корпус, который отличался кастовостью и формировался в основном из суннитских племен и кланов. В идеологическом плане иракские офицеры отличались приверженностью идеям арабского национализма левой направленности. После прихода к власти в июле 1979 г. С. Хусейна сунниты-выходцы из городов и деревень центральных районов Ирака заняли ключевые посты в армейском руководстве. В Ираке были сильны племенные, земляческие отношения, клановая солидарность, которые определяли судьбу военнослужащего. Бывший иракский лидер С. Хусейн стремился «трайбализовать» Республиканскую гвардию. Элитные части в Ираке формировались в основном из суннитских племен, проживавших в родных местах С. Хусейна. Для подавления внутренних беспорядков режим использовал параллельные войска, личный состав которых был тесно связан с властью общей конфессиональной принадлежностью.

⁷ Аль-тайяр-аль-садрий-явуд-ли-духуль-хальба-аль-интихабат-аль-махалийя-мин-баваба-рафд-таадиль-аль-канун [Садристское движение возвращается, чтобы принять участие в выборной кампании в местные органы власти, и отказывается от исправления закона]. 26.02.2023. Аль-Араб. URL: <https://tinyurl.com/3fmjc3ch>. (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз. [Al-Arab. The Sadrist movement come back to participate local elections and refuse correct the law (in Arabic)].

После обретения независимости выходцев из шиитских общин старались не допускать до воинских званий выше майора⁸. Армия служила орудием в руках правящей суннитской элиты и утверждала в обществе выгодные ей порядки. С учетом глубокой вовлеченности армии в политику военные оказывали заметное влияние на багдадские власти.

Таким образом, отличие от САР нестабильность в Ираке напрямую отражалась на внутренней ситуации в Иране. Поэтому в иранском руководстве не наблюдалось каких-либо разногласий в отношении вооруженной экспансии в Ирак. Создание шиитских милиций отвечало стратегическим установкам иранской политики в Ираке.

Этапы формирования шиитских милиций

В результате американской оккупации Ирака в 2003 г. структура иракских вооруженных сил была сильно деформирована. Изменился их конфессиональный состав. Еще в 1980-х гг. Тегеран инициировал создание под эгидой ВСИРИ «Куват аль-Бадр». Позднее «Куват аль-Бадр» стали главным поставщиком иранского оружия шиитским милициям Ирака. В 2019–2020 гг. организацию возглавлял Х. аль-Амири [Rajab, 2014].

В 2006 г. для борьбы с американской оккупацией на базе трех шиитских милиций была сформирована «Катаиб Хезболла». Численность организации составляла 5 тысяч чел⁹. Еще одна шиитская милиция — «Катаиб Сейд аль-Шухада» изначально была частью «Катаиб Хезболла». В 2014 г. «Катаиб Сейд аль-Шухада» превратилась в самостоятельную организацию численностью около 4000 чел. В 2006 г. из созданной М. аль-Садром в 2003 г. для борьбы с США «Армии аль-Махди» выделился милиционный отряд «Асаиб Ахд аль-Хак». Вскоре организацию возглавил практикующий иранский юрист, выходец из Ирака М. Х. Шахруди. К 2019 г. ее численность составляла 50 тыс. чел. [Pollack, 2017, pp. 1–11].

Силы народной мобилизации («Кувват аль-Хашад аль-Шаабий») возникли в 2014 г. как добровольческие отряды для борьбы с ИГ. В отличие от других иранских милиций Ирака в СНМ входили отряды суннитских племен, йезидских и христианских общин, которые объединились для борьбы с ИГ. Институциональное оформление Сил народной мобилизации (СНМ) происходило в несколько этапов. После захвата Мосула иракский премьер-министр Н. аль-Малики призвал иракский народ создать добровольческие отряды для борьбы с террором. Влиятельный шиитский клирик А. аль-Ситани издал фетву, обращенную ко всему мужскому населению страны, с призывом объединиться для отпора «такфиристам»¹⁰. В апреле 2015 г. премьер-министр Ирака Х. аль-Абади (главнокомандующий ВС Ирака) издал указ о прямом подчинении СНМ офису премьер-министра. Командующий СНМ Ф. аль-Файяд был назначен на должность советника премьер-министра по вопросам безопасности, которую он занимал до июля 2020 г., когда новый премьер-министр Ирака М. аль-Каземи произвел кадровые перестановки в системе иракских сил безопасности¹¹.

⁸ Аль-харака-аль-исламийя-ва-ль-джейш-фи-ль-ирак [Исламское движение и армия в Ираке]. Аль-Хаят. 25.02.1997 (дата обращения: 14.07.2023). На араб. яз. [Al-Djabbar, M. A. Islamic movement and the army in Iraq. Al-Hayat (in Arabic)].

⁹ Mapping Militant Organizations. Kata'ib Hezbollah. Stanford University, September 2020. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/kataib-hezbollah>. (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁰ Iraq Conflict. Shia Cleric Sistani Issues Call to Arms. BBC News, 2014, June 13. www.bbc.com/news/world-middle-east-27834462 (дата обращения: 14.01.2024).

¹¹ The National. Iraq PM Mustafa Al Kadhimi Reshuffles Top Security Posts. July 4, 2020. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/mena/iraq-pm-mustafa-al-kadhimi-reshuffles-top-security-posts-1.1044117> (дата обращения: 12.09.2021).

Указ 2015 г. был первым шагом иракских властей по контролю Багдада над шиитскими милициями Ирака. После того как в 2015 г. СММ перешли под контроль багдадских властей, они стали менее зависимы от иранского финансирования. В 2019 г. из государственного бюджета Ирака было выделено 2,16 млрд долларов США на содержание СММ [Atallah, 2019]. В 2021 г. каждый боец организации получал в среднем около 600 долларов в месяц. Отдельное вознаграждение полагалось за участие в боевых операциях. Ряд бойцов организации имел дополнительные доходы от частной охранной деятельности в портах и пограничных КПП [Al-Nidawi, 2019].

Интеграция в иракскую армию

В 2018 г. начался процесс интеграции шиитских милиций в вооруженные силы Ирака. В июле 2019 г. премьер-министр Ирака А. аль-Махди издал указ, согласно которому СММ должны были полностью войти в состав иракских вооруженных сил. Все подразделения СММ изменили свое название в соответствии с нормативами иракских вооруженных сил. Указ накладывал ограничения на занятия СММ политической и экономической деятельностью. Несмотря на то, что указ ускорил процесс ввода милиций в состав регулярной армии, его положения были выполнены не полностью. Иракские власти постоянно испытывали трудности с контролем над «аль-Хашад аль-Шаабий», поскольку Иран стремился сохранить организацию как параллельные войска [Azizi, 2019].

Несмотря на то, что СММ стали боевой единицей регулярных армейских частей, они оставались зонтичной организацией для многих шиитских милиций. СММ состояли из 42 вооруженных отрядов общей численностью около 120 тысяч бойцов. В конце 2020 г. в результате внутренних распрей четыре бригады вышли из состава СММ и образовали новую структуру (аль-Хашад аль-Атба'а). Среди вооруженных группировок в составе СММ четыре имели тесные связи с Ираном. Это «Катаиб Хезболла», «Асаиб Ахль аль-Хак», «Катаиб Сейд аль-Шухада», «Куват аль-Бадр». Такие фракции, как «Хезболла аль-Нуджаба» и «Сарая аль-Хорасани», были не так сильны, как первые четыре, и действовали в союзе с ними. Иран снабжал шиитские милиции Ирака оружием и организовывал подготовку и обучение их бойцов¹².

Личный состав СММ был представлен шиитами и тесно связан с ИРИ конфессиональной общностью, схожестью идеологических и политических взглядов. За исключением группы М. аль-Садр «Сарая аль-Саям», не согласной с политикой СММ в отношении багдадских властей, остальные отряды СММ были ближайшими союзниками Ирана. Командиры СММ публично признавались в верности принципу «веляят-е факих». Глава «Сарая аль-Хорасани» А. аль-Ясери открыто заявлял, что СММ являются отрядом Верховного лидера ИРИ А. Хаменеи, который считал, что стратегической задачей ИРИ является противодействие военному присутствию США на Ближнем Востоке. После гибели в январе 2020 г. командира корпуса «Аль-Кодс» КСИР К. Сулеймани и главы СММ А. М. аль-Мухандиса в результате американского удара организация усилила операции против военных объектов США. Власти Ирака оказались под жестким прессингом шиитских организаций, которые стремились вынудить их изменить характер отношений с Вашингтоном. СММ обвинили американских военных в ударах по гражданским объектам и базам СММ в Ираке. Иран нанес серию ударов по базе ВВС США Айн аль-Асад (Анбар). Таким образом, СММ и другие шиитские милиции решали одну из главных стратегических задач Ирана по ослаблению американского присутствия в регионе.

¹² Al Jazeera Center for Studies, States within the State: Kadhimi's Challenge is to Bring Shia Militias under Control. July 22, 2021. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/policy-briefs/states-within-state-kadhimi%E2%80%99s-challenge-bring-shia-militias-under-control> (дата обращения: 25.08.2021).

Шиитские милиции были основаны больше на харизматических принципах, чем на институциональных началах. В той степени, в какой война рассматривалась как инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей. Актуальным примером подобной ситуации могут служить действия шиитских милиций Ирака после начала войны в Газе. В ответ на призывы командира бригад «аль-Кассам» М. Дейфа (ХАМАС) к силам «Исламского сопротивления» поддержать палестинцев в борьбе с Израилем представители крупнейших шиитских милиций Ирака заявили, что защита Газы важнее, чем обязательства милиций перед властями Багдада. Они атаковали американских военных в Ираке и Сирии, нанесли удары по израильским поселениям на севере Палестины¹³.

Отношения ИРИ с шиитскими милициями

Характер отношений Ирана с вооруженными отрядами зависел от группы факторов, наиболее важными из которых были идеологическая близость, общность стратегических интересов, политическая целесообразность, взаимовыгодное партнерство. В соответствии с этими критериями союзные Ирану группы можно было классифицировать по нескольким категориям: партнеры, стратегические, идеологические союзники, прокси-группы и государственные организации. В связи с тем, что Иран был не способен полностью контролировать все союзные ему вооруженные группировки, было бы упрощением характеризовать их только как иранские прокси-группы. Более глубокое понимание природы взаимоотношений Ирана с этими группировками можно было получить, рассматривая их в качестве «младших» партнеров Ирана по оружию, его «военных клиентов» [Afshon, 2022, pp. 159–188]. Связи Ирана с вооруженными группировками Сирии и Ирака можно назвать отношениями комбинаторного типа. Шиитские милиции Сирии типа бригад «аль-Зейнобийюн» (Пакистан) и «аль-Фатимийюн» (Афганистан), как и ряд вооруженных группировок Ирака, были иранскими прокси-группами. Однако такие отряды, как «аль-Хашад аль-Шаабий» и ливанская «Хезболла», скорее являлись ближайшими партнерами ИРИ на Ближнем Востоке. Несмотря на различный характер отношений этих групп с Ираном, все они имели общие с Тегераном стратегические цели и финансировались из Ирана. И с этой точки зрения их всех можно определить как проиранские вооруженные формирования. Основной мотивацией их действий служил не столько профессионализм, сколько идеологическая лояльность. Доктринальные установки шиитских милиций в странах Ближнего Востока базировались на учении об имамате, исламском правлении и принципе «веляят-е факих». Согласно ему личный состав шиитских бригад является воинами «Имам аль-Гаиб», а до его возвращения подчиняется приказам верховного лидера ИРИ [Golkar, Arabi, 2021]. Их поведенческий стереотип определялся балансом между религиозными верованиями, политическими убеждениями, соображениями личной выгоды. Религиозные милиции имели общую экзистенциальную основу. Она была образована из паттернов религиозной доминанты, внедренных в их политическое сознание путем хитроумных манипуляций и психологических установок. Например, шиитские милиции Ирака и Сирии демонстрировали способность сотрудничать друг с другом и специальными подразделениями иранских, сирийских и иракских вооруженных сил, образуя ударный отряд исламского сопротивления против Израиля и США. В последнее десятилетие иранская сеть милицейских отрядов заметно расширилась. Их общая

¹³ Халь-тусдир-аль-авамир-ли-кувват-аль-радван? [Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван»]. Октябрь, 13. 2023. URL: <https://www.aljournhouria.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023). На араб. яз. [Marmal, I. Will Al-Radwan regiments be ordered? Al-Journhouriya (in Arabic)].

численность на Ближнем Востоке, включая Афганистан и Пакистан, составляла на рубеже 2021–2022 гг. более 250 000 человек.

Плоды интеграции

Несмотря на окончание «горячей» фазы сирийского конфликта и интеграцию шиитских милиций в вооруженные силы Ирака, Иран продолжил поддерживать различные негосударственные милицейские формирования и создавать новые. В 2021–2023 гг. он создал в Ираке новые вооруженные отряды для усиления своего влияния в политической, экономической, идеологической сферах жизни этих стран. Еще в 2011 г. после начала частичного вывода американских войск из Ирака Иран активизировал военно-техническое сотрудничество с Багдадом и оказал финансовую поддержку иракским ВС. В январе 2014 г. был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам военно-технического сотрудничества. Тегеран обязался оказать помощь Багдаду в развитии его вооруженных сил с целью сохранения территориальной целостности и поддержания безопасности. В июле 2017 г. был подписан еще один протокол по вопросам обороны и безопасности. Иран обязался оказывать военно-техническую и логистическую поддержку иракским вооруженным силам. В апреле 2019 г. был подготовлен новый проект документа о сотрудничестве в сфере безопасности границ, борьбы с терроризмом и мигрантах. В ноябре 2022 г. обе стороны заявили о подготовке нового договора по военно-техническому сотрудничеству [Sarhang, Nada, 2020].

Эти договоры обозначили новый этап в подходах ИРИ к сотрудничеству с Ираком в военных вопросах. В целях закрепления своего военного присутствия в САР и Ираке Иран использовал новую тактику, которая предусматривала значительное расширение ареала действий шиитских милиций. Интеграция СНМ не ослабила эту организацию, а наоборот, усилила ее за счет официальной легитимации. За счет ввода СНМ в иракскую армию Иран смог создать полуавтономную структуру в армейских подразделениях и органах безопасности Ирака, которая на деле подчинялась Тегерану, а не местным властям. СНМ получили новую среду самоидентификации в отличие от принципов (секуляризм, арабизм) иракской армии. Вместе с иракскими СНМ сирийские милиции «Аль-Бакир», «Хезболла аль-Нуджаба» и «Аль-Фатимиян» контролировали район от аль-Хусейнии до Бокруса, а также район аль-Маядин (Сирия), который был превращен Ираном в один из своих форпостов на Ближнем Востоке. В аль-Букамаль на сирийско-иракской границе тесно сотрудничали шиитские милиции Ирака и Сирии (бригады «Аль-Туффуф», «Аль-Бадр», «Аль-Кодс» и «Хезболла аль-Нуджаба»). Свои интересы в Сирии и Ираке Тегеран лоббировал через местных бизнесменов и политиков, связанных с шиитскими милициями. Бывшие премьер-министры Ирака Н. аль-Малики и Х. аль-Абади считались «людьми Ирана». Проиранские фракции в парламенте защищали интересы ИРИ в Ираке. Например, альянс аль-Фатх (политическое крыло «Аль-Бадр») имел большое влияние в иракском парламенте. Коалиция Н. аль-Малики «Даулят аль-Канун» (Государство Закона) сотрудничала с Ираном.

Инкорпорированные в армейскую среду шиитские милиции оказывали вес возрастающее влияние на процессы принятия жизненно важных решений в Ираке. Они сохранили связи с мелкими отрядами, оказывали им поддержку в рамках связанных с армией различных союзов и фронтов (Иракский фронт сопротивления). Идеологическая и религиозная общность между шиитскими милициями в составе регулярных войск и иранскими военными не только сохранилась, но и окрепла. Благодаря этому Иран получил возможность влиять на поведенческую модель личного состава иракских вооруженных сил.

Заключение

Создание проиранских вооруженных отрядов повлияло на характер взаимодействия Ирана и основных политических сил Ирака. Интеграция шиитских милиций в регулярные части иракских вооруженных сил придала новое качество иранскому присутствию в Ираке в организационном и сущностном выражении. В иракских вооруженных силах стала формироваться новая идеология индокринации личного состава на принципах шиитской версии ислама в иранской трактовке. Иран не только упрочил позиции в вооруженных силах Ирака, но и создал новый формат взаимоотношений с властями Багдада. Иран укрепил сотрудничество с Ираком в вопросах безопасности и обороны, расширил свое влияние в политической и военной элите Ирака, усилил контроль над шиитскими общинами. В формате отношений Ирана с Ираком наряду с официальным и неофициальным измерением появилось новое — полуофициальное измерение. Это делало сложным для противников ИРИ достоверно определить истинный масштаб иранского влияния в Ираке. Одновременно Тегеран обрел страховку на случай смены правящей иракской элиты. В своей политике на Ближнем Востоке Тегеран по-прежнему предпочитает опираться на полуофициальные, негосударственные образования в интересах создания широкой сети влияния в армии и общественных институтах региональных государств. Подобная модель поведенческого стереотипа оказала большое влияние на развитие Ирака и Сирии. Багдад и Дамаск оказались в центре региональной напряженности. Их власти были вынуждены лавировать между идеологическим и национальным выбором национальных элит. Иран добился того, что сегодня в Сирии и Ираке весьма затруднительно создать инклюзивное правительство на основе общенациональной идентичности. Интеграция иранских милиций в национальные вооруженные силы обеспечила Тегерану качественно новое влияние в регионе и упрочила способность ИРИ противостоять локальным, региональным вызовам. Иран создал многоуровневый и долговременный механизм влияния на Ближнем Востоке. В результате расширилась сфера политических маневров ИРИ на Ближнем Востоке. В течение нескольких десятилетий Иран находится под санкциями и был не в состоянии противостоять США и Израилю.

Создание сети проиранских милиций помогло Тегерану достаточно эффективно решить эту задачу. Присутствие шиитских милиций в сирийских и иракских силовых структурах гарантировало Ирану, что Дамаск и Багдад вряд ли смогут в ближайшее время нормализовать отношения с США и Израилем за рамками политического курса Ирана в регионе. Как показали события в Газе 2023–2024 гг., подобный асимметричный подход позволял сдерживать агрессию США и Израиля против Ирана и его союзников в регионе.

Процесс интеграции шиитских милиций в регулярные силы Ирака и Сирии пока не завершен. Иран не торопит события и продолжает направлять на Ближний Восток новые милиционные отряды.

Литература / References

Ахмедов В. М. *Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX — 20-е годы XXI вв.)*. М., 2023 [Akhmedov, V. M. *The Middle East between the centuries (late twentieth century to 2020s)*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Adelkhah, N. Iran's Revolutionary Guards and Iraq's Security Breakdown. *Terrorism Monitor*. Vol. 12. No. 14. July 10, 2014.

Adelkhah, N. Iranian Intervention in Iraq Against the Islamic State: Strategy, Tactics, and Impact. *Terrorism Monitor*. Vol. 13. No. 2. January 23, 2015.

Afshon, O. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. *Security Studies* 28. 2022. No. 1. Pp. 159–188.

Alireza, N. *Iran's Role in Iraq: Room for Cooperation?* Santa Monica, 2015.

Al-Dagher, M. Iran's Influence in Iraq Is Declining: Here's Why. *Washington Post*, November 16, 2018. URL: <https://tinyurl.com/tbm2z9px> (дата обращения: 12.06.2024).

Al-Nidawi, O. The Growing Economic and Political Role of Iraq's PMF. *Middle East Institute*, May 21, 2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/growing-economic-and-political-role-iraqs-pmf> (дата обращения: 12.06.2024).

Arango, T. Iran Dominates in Iraq After U. S. «Handed the Country Over. *New York Times*, July 15, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 10.06.2024).

Atallah, Ph. The Future of the Iraqi Popular Mobilization Forces. *Foreign Policy Research Institute*. August 19, 2019. URL: <https://www.fpri.org/article/2019/08/the-future-of-the-iraqi-popular-mobilization-forces> (дата обращения: 11.06.2024).

Azizi, H. Is Iran's Influence in Iraq Waning? *Al-Monitor*. July 10, 2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/07/iraninfluence-iraq-waning.html> (дата обращения: 11.06.2024).

Eisenstadt, M., Knights, M., Ali, A. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach. Washington, D.C.: *Washington Institute for Near East Policy*. April 2011. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-influence-in-iraq-countering-tehrans-whole-of-government-approach> (дата обращения: 11.06.2024).

Esfandiary, Dina, and Ariane Tabatabai. Iran's ISIS Policy. *International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 1.

Golkar, S., Aarabi, K. The View From Tehran: Iran's Militia Doctrine. *Tony Blair Institute for Global Change*. 11 February, 2021. URL: <https://institute.global/policy/view-tehran-irans-militia-doctrine> (дата обращения: 11.06.2024).

Parasiliti, A. T. Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects. Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. *Iran and the Arab World*. New York, 1993. Pp. 217–244.

Pollack, K. M. *Iran in Iraq*. Washington, D.C.: Atlantic Council, December 2017. Pp. 1–11. URL: <https://tinyurl.com/mrds5tu5> (дата обращения: 11.06.2024).

Rajab, A. The Badr Shiite Organization; Iraqi Faces and Iranian Loyalties. *Islamic Movements Portal*. December 3, 2014. URL: <https://islamistmovements.com/12148> (дата обращения: 11.06.2024).

Sarhang, H., Nada, G. Iraq Timeline: Since the 2003 War. *United States Institute of Peace*. May 29, 2020. URL: <https://www.usip.org/iraq-timeline-2003-war> (дата обращения: 11.06.2024).

Yusri, Hazran. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon. *Middle East Journal*. Autumn 2010. Vol. 64. No. 4. Pp. 521–541.

Zogby Research Services. *Today's Middle East: Pressures and Challenges*. Washington, D.C., November 2014.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Al Jazeera Center for Studies, States within the State: Kadhimi's Challenge is to Bring Shia Militias under Control. July 22, 2021. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/policy-briefs/states-within-statekadhimi%E2%80%99s-challenge-bring-shia-militias-under-control> (дата обращения: 25.08.2021).

Iraq Conflict. Shia Cleric Sistani Issues Call to Arms. BBC News. June 13, 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-27834462> (дата обращения: 14.01.2024).

Mapping Militant Organizations. Kata'ib Hezbollah. Stanford University, September 2020. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/kataib-hezbollah> (дата обращения: 17.03.2021).

The National. Iraq PM Mustafa Al Kadhimi Reshuffles Top Security Posts. July 4, 2020. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/mena/iraq-pm-mustafa-al-kadhimi-reshuffles-top-security-posts-1.1044117> (дата обращения: 12.09.2021).

Аль-Араб. Аль-тайяр-аль-садрий-яьуд-ли-духуль-хальба-аль-интихабат-аль-махалийя-мин-баваба-рафд-таадиль-аль-канун [Садристское движение возвращается, чтобы принять участие в выборной кампании в местные органы власти, и отказывается от исправления закона]. 26.02.2023. Аль-Араб. URL: <https://tinyurl.com/3fmjc3ch> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз. [Al-Arab.The Sadrist movement come back to participate local elections and refuse correct the law (in Arabic)].

Аль-Джаббар М. А. Аль-харака-аль-исламийя-ва-ль-джейш-фи-ль-ирак [Исламское движение и армия в Ираке]. Аль-Хаят. 25.02.1997 (дата обращения: 14.07.2023). На араб. яз. [Al-Djabbar, M. A. Islamic movement and the army in Iraq. Al-Hayat (in Arabic)].

Гануш С. Д. Халь-караъа-аль-судани-ажрас-аль-хатр [Звонит ли аль-Судани в тревожные колокола?]. 22.02.2023. Аль-Араб. URL: <https://tinyurl.com/3zspte8j/> (дата обращения: 08.03.2023). На араб. яз. [Ghanush, S. D. Does Sudani ring warning bells?.Al-Arab (in Arabic)].

Мармаль, И. Халь-тусдир-аль-авамир-ли-кувват-аль-радван? [Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван»]. Октябрь 13, 2023. URL: <https://www.aljournhouria.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023). На араб. яз. [Marmal, I. Will Al-Radwan regiments be ordered? Al-Journhouriya (in Arabic)].

Тасним Ньюз. Джозеат-размаш-сепак-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар [Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны]. Сентябрь 24, 2017. URL: <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз. [The details of IRGC's operation on the western borders.Tasnim News (in persian)].

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ПАКИСТАНА К СДЕРЖИВАНИЮ ИНДИИ

© 2024

Д. Б. Графов¹

В статье анализируется ядерная политика Пакистана в отношении Индии. Ее новым элементом может стать «сдерживание полного спектра» (full spectrum deterrence) и появление ядерных маломощных боеприпасов «нулевой дальности» (zero-range weapons). Их использование предполагает, что угроза ядерных ударов малой мощности будет сдерживать индийское военно-политическое руководство в применении обычных вооруженных сил и заставит отказаться от так называемого плана «холодного старта (Cold Start)» — блицкрига в конвенциональной войне. Сдерживание основано на допущении, что противник придерживается понятных другой стороне алгоритмов принятия стратегических решений, т.е. та угроза, которая считается одной стороной сдерживающей, остановит и другую. Пока угроза Пакистана является вербальным сдерживанием. Очевидно, у Индии есть большие сомнения в том, что угроза использования ядерных боеприпасов «нулевой дальности» реализуется автоматически в случае пересечения пакистанской границы. Во-первых, потребуется слишком большое число маломощных тактических ядерных зарядов для полноценной угрозы во всех доменах боевых действий, чего пакистанская промышленность пока обеспечить не может. Во-вторых, чтобы красная черта не казалась блефом, необходимо, с одной стороны, убедить индийское руководство в неотвратимости возмездия с вероятностью автоматического механизма, а с другой — не спровоцировать противника на полное и окончательное решение проблемы одним нажатием всех ядерных кнопок.

Ключевые слова: Пакистан, Индия, ядерная стратегия, «холодный старт», ядерная угроза, сдерживание, ядерное оружие «нулевой дальности»

Для цитирования: Графов Д. Б. Анализ стратегических подходов Пакистана к сдерживанию Индии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 74–87. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-074-087

THE ANALYSIS OF PAKISTAN'S STRATEGIC APPROACHES TO CONTAIN INDIA

Dmitry B. Grafov

The author analyzes potential changes to India-Pakistan deterrence. There are signs of the emergence of a new posture of Pakistan's nuclear policy, based on a "full-spectrum deterrence" approach and "zero-range weapons" threat. Apparently, Pakistan believes that the threat of using low-nukes tactical weapons will deter a possible invasion by the Indian army in accordance with a plan known as a "Cold Start". Nuclear deterrence works when one side clearly understands the motives and values of the other side. In theory, the deterrence is based on the assumption that the algorithms working in the enemy's head are understandable to the opposite side and the threat that

---

¹ Графов Дмитрий Борисович, кандидат политологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; graftvc@mail.ru

Dmitry B. Grafov, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow; graftvc@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7334-5398

is considered by one side to be a deterrent will stop the other. Obviously, the Indian leadership has some doubts that the “zero-range” nuclear weapons will be used by Pakistan on its own territory after the Indian army crosses the border. On the one hand, there is some doubt that Pakistan is capable of producing many low-nukes tactical weapons. On the other hand, it is important for Pakistan to convince the Indian leadership that the strategy of “zero-range weapons” is not verbal deterrence, and whether Pakistan’s tactical nukes will be used on the battlefield depends only on the Indian side.

Keywords: Pakistan, India, nuclear war, Cold Start, nuclear strategy, deterrence, nuclear threat, nuclear zero-range weapons

For citation: Grafov D. B. The Analysis of Pakistan’s Strategic Approaches to Contain India. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 74–87. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-074-087

Долгие годы в основе политики пакистанских властей в сдерживании Индии лежала идея надежного минимального сдерживания (credible minimum deterrence) [Inter Services..., 2017]. Пакистан не пытался создать значительный ядерный арсенал. Число боеголовок никогда точно не называлось, но оценивалось экспертами в диапазоне от 80–90 в 1998–2000 гг. до 140–170 единиц в 2015–2023 гг., что считалось достаточным, чтобы Индия как главный противник расценивала последствия ответного ядерного удара неприемлемыми [Kristensen, Korda, Eliana, 2023]. Индия доктрину своего ядерного сдерживания построила вокруг идеи максимального значения минимально достаточного убедительного сдерживания (maximal minimum nuclear deterrence), что подразумевает массированное возмездие ядерным оружием в случае использования против территории или вооруженных сил Индии не только ядерного оружия, но и масштабного применения химического или биологического оружия [Tellis, 2001, p. 25].

Однако с середины нулевых годов подходы Индии и Пакистана в области ядерного сдерживания начали меняться. С точки зрения Нью-Дели вызовы, которые появились после 2000 г., выявили необходимость реагировать и предупреждать массированные террористические атаки, аналогичные теракту в Мумбае в 2008 г., действующими силами которых могут выступать управляемые Пакистаном прокси-силы подобно использованным в Каргильском нападении. У Индии появилась так называемая доктрина «холодного старта» (cold start) [Сотников, 2020]. Она предполагает, что ударные корпуса индийской армии, дислоцированные вблизи границы, должны войти на территорию Пакистана с целью ликвидации баз террористов и блокирования объектов военной инфраструктуры [Karila, 2004]. «Холодный старт» — это быстрая мобилизация и массированное вторжение на территорию Пакистана в расчете, что в Исламабаде сочтут нецелесообразным применение ядерного оружия, во-первых, на своей территории и, во-вторых, против войск противника, прикрытых собственным «ядерным зонтиком». Индийские войска должны провести молниеносное наступление, нанести сокрушительный удар противнику и заставить отказаться от попыток сопротивления [Зайцев, 2017]. Если начало войны с применением ядерного оружия можно считать «горячим стартом», то «холодный старт» планируется как спецоперация с захватом стратегической инициативы и параличом военной машины противника в надежде, что Пакистан нажимать ядерную кнопку сначала не будет иметь повода, полную мобилизацию провести не успеет, армия понесет потери и отступит, момент стратегического ядерного ответа будет упущен, а дальше Пакистан должен счесть за лучшее вступить в переговоры².

Рассматривая различные подходы взаимного сдерживания между Пакистаном и Индией по двум векторам противостояния (конвенционального и ядерного), необходимо обратиться к теориям

² Cold Start, Quick Thrust. Telegraph India. 16.05.2006. URL: <https://www.telegraphindia.com/india/cold-start-quick-thrust/cid/801540> (дата обращения: 19.12.2023).

конфликта и сдерживания, которые основываются как на психологии восприятия и реакции на ядерную угрозу, так и на оценке возможностей и последствий применения ЯО и средств борьбы с ним. К числу тех, кто сформировал и развил теорию сдерживания, можно отнести Р. Осгуда [Osgood, 1957, 1979], Б. Броди [Brodie, 1959], Г. Кана [Kahn, 1961], Г. Киссинджера [Kissinger, 1960], М. Гальперина [Halperin, 1963], А. Уолстеттера [Wohlstetter, 1969], Дж. Гарнета [Garnett, 1975]. В теорию конфликта значительный вклад внес Т. Шеллинг [Schelling, 1980]. Среди отечественных специалистов, изучавших проблему сдерживания между США и РФ, следует выделить Есина В. И. [Есин, 2010], Арбатова А. Г. [Арбатов, 2021], Кокошина А. А. [Кокошин, 2011, 2015], Савельева А. Г. [Савельев, Дворкин, 2013], Рогова С. М. [Рогов, Есин, Золотарёв, 2006], Золотарева П. С., Дворкина В. З. [Дворкин, Савельев, Ознобищев, 2015], Криволапова О. О. [Криволапов, 2020], Каберника В. В. [Каберник, 2016], Богданова К. В. [Богданов, 2022].

Для индо-пакистанского противостояния характерно, что стороны после создания ЯО воздерживались от максимизации угрозы и ограничились минимально необходимым для сдерживания ядерным потенциалом. Однако другой важной характеристикой противостояния является дисбаланс возможностей двух стран — значительное преимущество Индии в геополитическом положении, а также в военных, экономических и людских ресурсах. Стратегия «Холодного старта» не осталась без ответа. Бывшие чиновники оборонного ведомства Пакистана, отвечавшие за стратегическое планирование, стали делать заявления о новом элементе ядерной политики — оружии минимального радиуса применения («zero-range weapons»). Если раньше пакистанская концепция минимального надежного сдерживания делала акцент на возможности нанести ядерный удар по стратегическим объектам Индии вплоть до самых удаленных (до 2,750 километров, баллистическая ракета Shaheen III) [Kristensen, Korda, Eliana, 2023], то после 2016 г. появились сигналы о новом подходе — использовании ЯО минимальной мощности при отражении агрессии врага на самой ближней дистанции боя [Panda, 2017].

Бывший генеральный директор управления стратегического планирования (Strategic Plans Division), которое отвечает за разработку ядерной политики и стратегии, генерал-лейтенант в отставке Х. Кидвай на семинаре, организованном Институтом стратегических исследований Исламабада (Institute of Strategic Studies Islamabad), изложил контуры нового стратегического подхода — так называемого «сдерживания полного спектра» (full spectrum deterrence) [Kidwai, 2023]. Ядерное сдерживание «полного спектра» подразумевает угрозу использования не только стратегического ЯО в виде баллистических ракет (БР), но и другого ЯО в широком диапазоне дальности и мощности, которое может появиться в распоряжении Командования стратегических сил армии (на суше), Командования стратегических сил ВМС (на море) и Стратегического командования ВВС (в воздухе) [Kidwai, 2023]. По дальности поражения пакистанское ЯО в этих трех средах должно охватывать весь диапазон: от стратегического и оперативного до тактического — от 2,750 тыс. километров до ноля, то есть до ближайших позиций противника на поле боя [Noor, 2023]. Именно идея ЯО «zero-range» может привести к серьезным последствиям ядерной политики Пакистана. Считается, что Исламабад с момента объявления о создании ядерного оружия в 1998 г. хоть и придерживался в отношении Индии принципа минимального убедительного ядерного сдерживания, но не брал обязательств неприменения ядерного оружия первым и декларировал принцип массированного ядерного возмездия [Сотников, 2020]. Применение ядерного оружия первым в конвенциональном конфликте с Индией Пакистан рассматривал как «асимметричную эскалацию» [Narang, 2010].

Сокращение дальности использования ЯО до нулевой означает создание сверхмалых боеприпасов, решение об использовании которых будет отдано на уровень полкового или батальонного звена. Очевидно, идеологи «нулевой дальности» ядерных ударов во всех пространствах боевых

действий рассчитывают сдержать гипотетическую лавину индийских дивизий и убедить индийское руководство в бесперспективности стратегии «холодного старта». Либо оно откажется от продолжения вторжения в связи с неприемлемыми потерями, либо сочтет за лучшее не развязывать полномасштабную войну на уничтожение. Другими словами, с учетом высокой цены любого из вариантов просто откажется от наступательных действий. Заявления бывшего чиновника оборонного ведомства не выглядят личной точкой зрения или «экспертным мнением», иначе они были бы опровергнуты официальными властями. То, что говорит Х. Кидваи, важно, потому что в настоящее время он является советником Национального командования страны (NSA), которое контролирует исследования, разработки и все другие вопросы ядерной политики в военной сфере.

«ZERO-RANGE WEAPONS» С ТЕХНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

С технической точки зрения концепция использования сверхмалых ядерных зарядов на тактической дистанции боя подразумевает их наличие в значительном числе в виде боеприпасов, надежных и немедленно готовых к использованию, что для Пакистана может представлять проблему на текущем уровне технологического развития. В период холодной войны подобные боеприпасы имелись на вооружении США и СССР. В 50-х годах прошлого века Пентагон планировал использовать снаряды для безоткатного орудия М388 мощностью от 10 до 20 тонн в тротиловом эквиваленте. В арсенале США были артиллерийские снаряды калибра 155 мм XM454 мощностью 80 тонн в тротиловом эквиваленте; а также 280 мм снаряды с боевой частью W9 мощностью 15 килотонн. Советская армия имела на вооружении 152 мм снаряды 3БВ3 мощностью 2,5 килотонны. Самым компактным был американский боезаряд W-54, разработанный для переноски одним бойцом в рюкзаке и имевший мощность всего 10 тонн. США планировали использовать тактическое ядерное оружие небольшой мощности, чтобы остановить вторжение советских бронетанковых дивизий в Западную Германию и аналогично защитить Южную Корею от Северной, но уже в конце 70-х годов прошлого века концепции противостояния СССР сместились в область массированного применения крылатых и оперативно-тактических баллистических ракет по военной и экономической инфраструктуре.

В 2011 г. Пакистан провел испытательный пуск ракеты «Nasr» («Hatf-9») с самой низкой дальностью в своем ядерном арсенале. О ней Х. Кидваи упоминал в 2015 г. в том смысле, что она разрабатывалась «из-за необходимости поставить на место тех на противоположной стороне, кто мечтает найти место для конвенциональной войны», несмотря на ядерное оружие Пакистана [Kidwai, 2015]. Дальность полета этой баллистической ракеты — 60 км. Возможно, такая дальность кажется слишком большой в свете концепции «нулевой дальности» и уже разработаны ядерные боеприпасы для более короткого удара. К технической проблеме можно отнести алгоритм применения и надежность хранения малых ядерных зарядов. Их нахождение на позициях подразделений очень рискованно. Тактическое ЯО полкового / батальонного звена может быть украдено, потеряно, захвачено, повреждено случайно или от огня противника. Давать свободу его применения командирам тактического звена тоже весьма рискованно. От них будет зависеть формальный переход войны через ядерный порог. Приказ или санкция на применение может даваться дистанционно, но остается проблема надежного прохождения команды, контроля, возможности случайного или несанкционированного запуска. Произвести малые ядерные заряды в большом количестве — а их потребуется как минимум несколько сот — для Пакистана непростая задача. Так, по оценкам экспертов, с существующего уровня в 170 зарядов промышленность Пакистана при нынешних темпах производства может нарастить ядерный арсенал до 200 зарядов только к 2025 г. [Kristensen, Korda, Eliana, 2023].

Важно подчеркнуть, что пакистанское правительство никогда публично не раскрывало размер своего арсенала и обычно не комментирует свою ядерную доктрину. Пожалуй, единственным официальным источником информации о пакистанском ядерном оружии является Inter Services Public Relations (ISPR), которое публикует пресс-релизы об испытательных и учебных запусках ракет. Несмотря на название, это не совсем агентство по связям с общественностью, а военное ведомство, Директорат, подчиняющийся Межведомственной разведке и возглавляемый генерал-майором.

Концепция применения ЯО «нулевой дальности» по всему спектру целей во всем диапазоне театров военных действий преднамеренно оставляет большую неопределенность не только в мощности зарядов, но и в направлении ударов. Атомные заряды могут использоваться не только в артиллерийских снарядах, но и в минах на вероятных путях вторжения или по границе двух стран. В свое время США и СССР разрабатывали даже ядерные зенитные ракеты. Как следует из заявления Х. Кидваи, Пакистан оставляет за собой свободу выбора целей, включая цели противодействия и противодействующие силы, в том числе индийскую противоракетную оборону (ПРО). Чтобы девальвировать угрозу нанесения удара баллистическими ракетами, Индия в последнее время развивает национальную ПРО на основе зенитно-ракетных комплексов С-400, закупленных в РФ, и аналогичных комплексов ПРО и ПВО индийской разработки. Но в случае реализации «сдерживания полного спектра» Пакистан может нейтрализовать индийскую ПРО, используя противорадиолокационные ракеты с ядерными зарядами. Очевидно, ими могут снаряжаться и БПЛА. Теоретически необходимом Пакистану количество ядерных зарядов в разных спектрах боевого применения (Сухопутные войска, ВВС и ВМС) в диапазоне от стратегического уровня до оперативного и тактического звена даже сложно представить. И это позволяет предположить, что пока речь идет не о фактах военного строительства, а о расчете Пакистана на страх противника перед неопределенностью и высоким риском ошибки в случае нападения, что уже работает как сдерживание.

«ZERO-RANGE WEAPONS» с точки зрения теории сдерживания

Насколько серьезно следует относиться к заявлению Х. Кидваи? Можно ли говорить о нем как о сдвиге в политике ядерного сдерживания или в большей степени как о вербальном сдерживании — информационной (дезинформационной) компоненте сдерживания? После первого заявления Х. Кидваи в 2015 г. о стратегии использования маломощных ядерных боеприпасов малого радиуса действия в случае вторжения индийских сил бывшего чиновника никто из официальных лиц Пакистана не опроверг. Напротив, министр иностранных дел Пакистана А. Чаудри публично признал существование пакистанского «тактического ядерного оружия малой мощности»³. Министр обороны Пакистана Х. М. Асиф в сентябре 2016 г. заявил, что тактическое ядерное оружие, в котором Пакистан имеет превосходство, без колебания будет использовано, «если кто-то вступит на нашу землю и если чьи-то замыслы будут представлять угрозу нашей безопасности»⁴.

Новый импульс идея тактического ЯО «нулевой дальности» получила после обострения Индо-Пакистанских отношений в 2019 г. После атаки на автобус с индийскими полицейскими террориста-смертника на грузовике со взрывчаткой Индия нанесла удар двенадцатью истребителями-бомбардировщиками по предполагаемому лагерю террористов на пакистанской

³ We have low-yield N-weapons to ward off India's war threat: Pakistan. India Today. 20.10.2015. URL: <https://www.indiatoday.in/world/pakistan/story/we-have-low-yield-n-weapons-to-ward-off-indias-war-threat-pakistan-268997-2015-10-20> (дата обращения: 22.03.2024).

⁴ No, Pakistan's defence minister did not threaten nuclear strikes after the Uri attacks. Defence Minister Khawaja M Asif's interview to Geo News. Sep. 19, 2016. URL: <https://scroll.in/video/816903/no-pakistans-defence-minister-did-not-threaten-nuclear-strikes-after-the-uri-attacks> (дата обращения: 22.12.2023).

территории. В ответ Пакистан нанес символический удар по малозначительным целям⁵. Также произошел воздушный бой между 8 истребителями Индии и 16 истребителями Пакистана. Еще 8 самолетов ВВС Пакистана сопровождали ударную группу. В итоге один из индийских истребителей был сбит, а пилот попал в плен и был немедленно передан индийской стороне в знак нежелания Исламабада расширять конфликт [Борисов, Макиенко, 2019]. Однако удар ВВС противника по территории Пакистана укрепил подозрения Исламабада, что в Нью-Дели считают возможной конвенциональную войну без ядерного удара в ответ. В этих обстоятельствах концепция «zero-range weapons» приобретает новую актуальность. В случае реализации угроза использования «ядерных уколов» должна удержать индийскую сторону от повторения воздушных атак, как и любых других. Пакистан, сделав символический переход за ядерный порог, оставит противнику возможность отступить и отделаться малой кровью. Речь идет о точечном ядерном сдерживании в надежде на то, что Индия, взвесив все, с одной стороны, не решится на полноценный ядерный ответ, а с другой — сочтет цену победы обычным оружием неприемлемо высокой. Теоретически большое количество тактического ядерного оружия во всех доменах возможных боевых действий может сделать неэффективной стратегию обезоруживающего ядерного удара. С уничтожением стратегических целей война не закончится и продолжится с использованием тактического ЯО на поле боя. Но это скорее концепция сдерживания «последней ядерной гранатой», которое нельзя признать эффективным.

Традиционное сдерживание является принуждением противника к воздержанию от войны угрозой неотвратимых и неприемлемых потерь. Предложения одиночного или ограниченного использования ядерного оружия для остановки или «деэскалации» конфликта с СССР обсуждались в США в середине 1950-х и в 1960-х годах. Пакистанская идея сдерживания через «zero-range weapons» является производной от американской стратегической концепции «управления эскалацией ядерной войны» (controlled nuclear escalation; limited nuclear war escalation concept). Предполагалось, что точечное использование ядерных зарядов регулируемой мощности позволит США гибко реагировать на советское вторжение в Европу и вести «ограниченную ядерную войну». Ограниченная война может не ограничиваться только тактическими ядерными ударами, но, по расчетам стратегов США, советское руководство не должно решиться на неограниченную войну и использование всех стратегических арсеналов. Постепенное нанесение ущерба ядерными ударами, т. е. нанесение «ограниченного ущерба» (damage limitation) должно принудить руководство СССР к переговорам. Тогда война, даже стратегическая, останется «ограниченной» [Семейко, 2008]. В 1967 г., по мнению министра обороны США Р. Макнамары, неприемлемые потери СССР соответствовали уничтожению 1/3 населения и 2/3 промышленности. Но способна ли была угроза таких потерь действительно сдерживать СССР — неизвестно.

В 70-е годы определение неприемлемых потерь сместилось больше в сторону экономического ущерба. Появилась концепция выборочных ударов по ключевым отраслям промышленности [Буренок, Печатнов, 2013]. Однако в самих США нашлось немало скептиков идеи использовать контролируруемую ядерную эскалацию для деэскалации конфликта в целом. Само определение «неприемлемых потерь» оказалось довольно неопределенным, т. к. зависит от исторических, экономических, социальных, психологических и других факторов, различных для всех государств [Арбатов, Дворкин, Ознобищев, 2012]. На уровне вербальной угрозы политика дозированных (возрастающих) ядерных ударов может рассчитывать на эффект, если угрожает более сильная сторона. Но моделирование «ограниченной ядерной войны» между США и СССР на командно-штабных играх американских стратегов с высокой вероятностью приводило к эскалации с переходом

---

⁵ Pakistan had no choice but to respond, says DG ISPR. The Nation. 27.02.2019. URL: <https://www.nation.com.pk/27-Feb-2019/pakistan-has-capability-but-wants-peace-dg-ispr> (дата обращения: 16.04.2024).

к обмену ударами стратегических ядерных сил. «Сигнальный удар» может быть неверно истолкован противником и вызвать ответно-встречный ядерный удар [Bracken, 2012, p. 87]. Тем не менее идея ограниченного применения ЯО с целью «эскалации для деэскалации» до сих пор жива [Богданов (1), 2022].

Как выглядит ядерное сдерживание с точки зрения теории? Рамочные принципы сдерживания, сформулированные Д. Кеннаном в 1946 г. в контексте противостояния США с СССР, актуальны и сегодня:

1. Сдерживать можно того, кто не желает начинать большую войну (того, кто желает войны по религиозным, идеологическим основаниям или убежден в победе, сдерживать невозможно);

2. Сдерживать можно противника, действующего рационально (который не готов нести убытки, большие ожидаемых выгод);

3. Превосходство ресурсов США и Западной Европы исключает возможность симметричного ответа со стороны СССР [Kahn, 1965]. В случае Пакистана и Индии асимметрия в ресурсах тоже имеет место. Но наиболее актуальным является тезис об эффективности сдерживания противника, мыслящего рационально. Это означает, что сторона А полагает, что сторона Б сделает разумный выбор перед лицом сдерживающей угрозы. То есть сторона Б поступит так, как полагает А. Но даже понятие рациональности может меняться в широких пределах, не теряя степени рациональности. При одном уровне риска для одного человека экономия и накопление являются рациональными ориентирами. Для другого человека не менее рациональной стратегией будут инвестирование и кредитование.

Понятие «разумный выбор» или «разумное решение» для политического руководства разных стран, принимающих решения в разных обстоятельствах, основываясь на разной информации, исходя из разных ценностных установок, может отличаться. Один из теоретиков американской стратегии сдерживания А. Уолстеттер предостерегал руководство США от переноса собственных подходов на поведение советских лидеров. Он допускал, что в кризисные моменты руководители СССР будут действовать, руководствуясь другой логикой, их стратегическая культура и ценности могут отличаться от «западных» [Zarate, Sokolsky, 2009].

В то же время, когда говорится о сдерживающей угрозе, сдерживает именно восприятие угрозы. Угроза основывается, с одной стороны, на военно-технических и политических шагах противника (т. е. объективной информации), а, с другой стороны, на субъективном восприятии или оценке информации военно-политическим руководством противоположной стороны. На Рис. 1 приведены ситуации, когда попытка стороны А сдерживать сторону Б может дать сбой. Неотъемлемый элемент устрашения — правдоподобность «возможностей» и приготовление к их использованию, что убеждает противоположную сторону в реальности ответных действий. Значит, задача Пакистанского руководства — убедить индийское, что ответом на вторжение будет неминуемый и чувствительный ядерный укол (и не один). Еще раз следует сделать акцент: прежде всего речь идет о восприятии, об оценке убедительности сдерживающих действий противоположной стороной.

Пакистан никогда не вдавался в детали, что и как он собирается использовать из своего ядерного арсенала и в каких ситуациях. Он предпочитал формулировать свою ядерную политику расплывчато, двусмысленно и даже образно. Конкретные детали касались тех аспектов, которые должны были успокоить соседей по региону и мировое сообщество. Например, реагируя на обвинения в слабом контроле за ядерными арсеналами и возможности проникновения в них террористов и экстремистов, Пакистан давал понять, что несанкционированное использование ЯО невозможно, т. к. компоненты ядерных зарядов хранятся на разных базах, удаленных друг от друга. Чтобы не вызывать напряженности в отношениях с крупными государствами, Пакистан всегда сообщал

о дальности полета испытанных ядерных боеприпасов, которые могли достичь самых дальних уголков Индии, но не более.

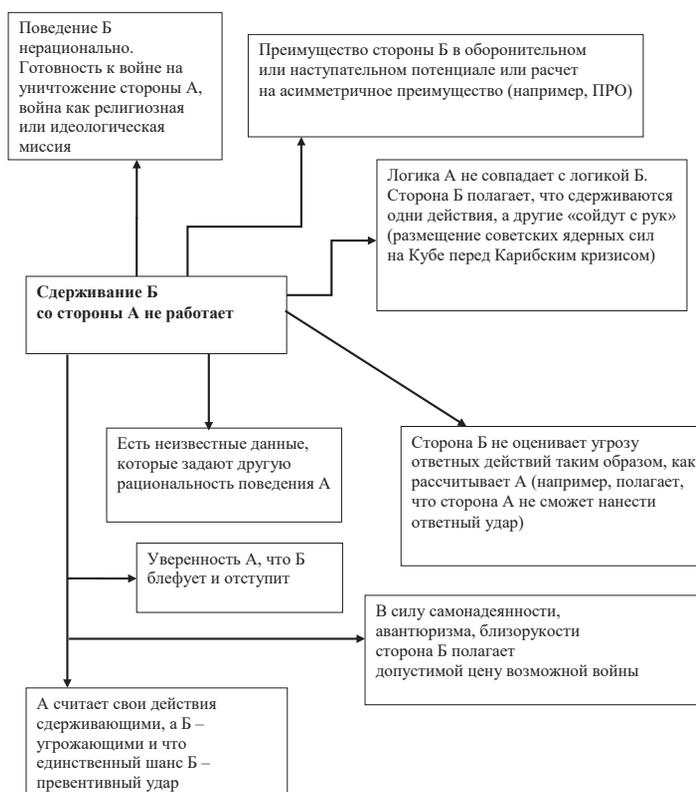

Рис. 1 Проблема сдерживания Б со стороны А

То есть Пакистан предпочитает неопределенность вместо убедительной демонстрации автоматического наступления последствий: акция — реакция, нападение — ядерный ожог. Следует еще раз подчеркнуть: сдерживание состоит не только в наличии сдерживающего потенциала, а еще и в предъявлении противнику убедительных свидетельств, заставляющих его поверить в то, что реакция сдерживающей стороны будет определяться поведением противника со 100% вероятностью (граната с выдернутой чекой взорвется, если выстрелит в того, кто ее держит). Сдерживание (С) можно выразить как произведение мощности сдерживающего потенциала (F) на вероятность его применения (P) и на коэффициент восприятия сдерживающей угрозы (K), который учитывает веру противника и в реальность приведения в действие угрозы, и в ее неприемлемость для него:

$$C = F \times P \times K$$

Разница между P и K: первая величина отражает возможность применения угрозы одной стороной, вторая — восприятие этой возможности противоположной стороной. Именно «убедительные свидетельства» обратной положительной связи развития конфликта отличают сдерживание от декларации «красных линий». Если противник не имеет доказательств неотвратимости механизма «акция — реакция» (как минимум, сначала демонстрации ядерных мин, затем минирования границы), он может решить, что предупреждение о ядерных ударах — блеф. На важность

фактов, а не вербальных угроз, указывал Т. Шеллинг: «Можно говорить, что территория стратегически важна, но этому не поверят, пока никто не несет расходов или нет риска по защите этой территории. Таким образом, поступок может раскрыть систему ценностей игрока или выбор имеющихся в его распоряжении действий. Поступки могут обязать его на некоторые действия, в то время как речь на это зачастую не способна» [Шеллинг, 2007, с. 131]. На самом деле никто никогда ядерными минами не пользовался, так почему Индия должна верить в пакистанские ядерные мины и в неотвратимость их подрыва при приближении индийских танков? Но самое непредвиденное может произойти, если неверным окажется расчет Пакистана на отказ Индии от войны и ее отступление при первом ядерном ударе «нулевого радиуса». Сдерживание на тактическом уровне может привести к ответу на оперативном (см. Рис. 2).

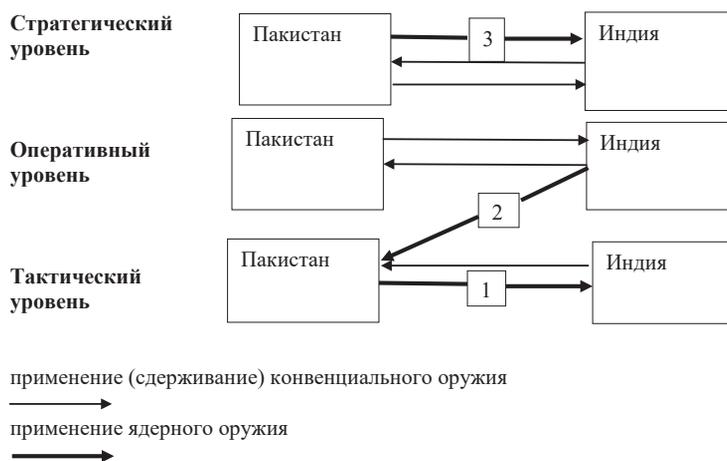

Рис. 2 Возможное развитие взаимного сдерживания между Пакистаном и Индией

В ответ на использование ядерных боеприпасов «нулевого радиуса» (1) индийская армия, следуя чисто военной логике, ударит оперативно-тактическими боеприпасами — тактических у нее нет (2). И тогда Пакистану, скорее всего, не останется ничего другого, как использовать уже стратегическое ЯО (3), чтобы не допустить обезоруживающего удара. Понимают ли это в Индии? Уже сейчас индийские власти, говоря о взятом обязательстве не применять ЯО оружие первыми, не исключают отказа от него в зависимости от обстоятельств [Clary, Narang, 2018/19].

У США имеются и сейчас ядерные заряды малой мощности. На американских арсеналах в Европе остаются свободнопадающие бомбы B61 мощностью 0,3 килотонны. В последние годы, особенно при администрации Д. Трампа, США стали размещать на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) подводных лодок новые боеголовки W76–2, мощность которых оценивается в 8 килотонн. С одной стороны, с повышением точности наведения ракет меньший заряд оказывается достаточным для поражения стратегических объектов противника, например, шахтно-пусковых установок МБР. С другой стороны, считается, что если у потенциального противника есть тактическое ЯО, то он может воздержаться от его применения, если у противоположной стороны оно тоже есть. Однако существует и другая точка зрения: мощность заряда до его взрыва неизвестна, и на приближающуюся баллистическую ракету может последовать полномасштабный ответ. Тем самым тактическое ЯО приближает переход к использованию стратегического ЯО.

По сути пакистанская концепция «zero-range weapons», задуманная как «стоп-кран» эскалации конфликта, может привести к обратному результату. Управление деэскалации и эскалации через контролируемые ядерные удары — отдельная тема, сложность которой и даже практическую неразрешимость в случае США и РФ описал Богданов К. В. [Богданов (2), 2022]. Какими расчетами обоснована пакистанская ядерная стратегия? Можно предположить, что низкий ядерный порог использования ЯО малой мощности оставляет больше шансов на остановку конфликта. После взрыва в полкилотонны сторонам легче остановиться, чем после удара в сотни килотонн. Вопрос, имеет ли пакистанская сторона расчет дальнейших действий: план управления эскалацией и окончания войны с позитивным результатом?

Почему в пакистанском руководстве уверены, что угроза значительных одномоментных потерь на поле боя не вызовет «специфическое поведение» противника, особенно с учетом истории противостояния двух стран? Индийское руководство никогда не сомневалось, что оно может одержать верх в конвенциональной войне с Пакистаном, даже когда у того появилось ЯО. В любой войне политики — так же как и генералы — исходят из существующих «истин» о своем соседе-противнике, «историческом счете» и имеющемся военном опыте. Испугается ли Индия пакистанских ядерных «уколов» в полкилотонны, если она считает, что всегда одерживала верх над Пакистаном?

Теория сдерживания также обращает внимание на реалистичность угрозы. Индийское руководство традиционно все обещания ядерного возмездия Исламабада называла блефом, и пока пакистанское руководство вело себя очень рационально, несмотря на многозначительные угрозы. Т. Шеллинг указывает: «Разумеется, можно пойти на блеф, убедив другого ложью о том, что затраты или убытки угрожающего будут незначительны либо даже отрицательны. Более интересно то, что угрожающий может притвориться, что недооценивает издержки исполнения угрозы, и потому способен исполнить ее просто по ошибке. Можно также симулировать мотив мести, столь сильный, что угрожающего не пугает даже перспектива навредить самому себе, однако такой вариант, вероятно, наиболее доступен лишь тому, кто в самом деле мстителен. В противном случае следует найти иной способ обременить себя обязательством исполнить угрозу» [Шеллинг, 2006, с. 54]. По сути речь идет именно о коэффициенте K в формуле силы сдерживания ($C = F \times P \times K$), который учитывает веру противника в реальность приведения в действие угрозы.

Заключение

Пока стратегический подход «zero-range weapons» не выглядит обоснованным с теоретической точки зрения и реальным — с технической. Можно признать его ценность в информационном давлении, влияющем на восприятие угрозы. Следует признать, что высказывание идеи «ядерных уколов» во всем спектре боевых действий имеет определенный сдерживающий эффект. Во-первых, в случае реализации такого сценария наступающая армия понесла бы значительные потери, и сбрасывать со счетов даже малую вероятность такого сценария индийская сторона не будет. Во-вторых, сама идея применять ЯО, пусть и дозированно, в ответ на минимальное пересечение границы должна свидетельствовать либо о некой иррациональности пакистанского руководства, либо о непонятной или неизвестной мотивации. В этом случае, возможно, индийская сторона, имеющая ясную рациональность, попытается смоделировать ход мысли противника перед тем, как наступать. А именно:

- иррациональность мотивов Пакистана (например, готовность вести тотальную или религиозную войну на уничтожение);

- неполную осведомленность пакистанской стороны о рациональных мотивах индийской (например, Пакистан исходит из того, что Индия стремится закончить раз и навсегда противостояние военным путем);
- не ошибается ли Пакистан в моделировании психологических и логических процессов в военно-политическом руководстве Индии.

Через 15 лет после первого применения атомной бомбы Г. Киссинджер высказал мысль, что любая конвенциональная война между ядерными противниками в случае затягивания, скорее всего, перерастет в ядерный конфликт [Kissinger, 1960]. Это знание спустя десятилетия разрядки напряженности и сокращения ЯО потускнело. Возможно, пакистанское руководство, предупреждая о возможности «ядерных уколов», пытается напомнить эту истину индийской стороне.

Демонстрация готовности Исламабада сразу отвечать на любую агрессию (не только на «Cold Start») малыми, но чувствительными ядерными ударами имеет цель убедить Нью-Дели в проигрыше при эскалации. Индия не рискнет пойти на ядерный ответ потому, что побоится моментальной эскалации со стороны Пакистана, а эскалация конвенциональными средствами — поражение на поле боя от «zero-range weapons». Оказавшись в тупике, Индия, возможно, из-за высокого риска и неопределенности воздержится от каких-то военных действий. Подобный эффект можно наблюдать, когда полицейский не решается применять оружие против агрессивной толпы.

* * *

Как Пакистан мог бы убедить противника, что планы использовать ЯО «нулевой дальности» — не блеф? Если бы индийское руководство поверило, что ЯО в представлении Исламабада — не какое-то оружие Судного дня, а рабочий инструмент, более эффективный в военном отношении и даже экономичный; если бы в Нью-Дели убедились, что у пакистанского руководства нет комплексов или страхов в применении ЯО, что пакистанские стратеги не придерживаются шаблонов, навязанных мировым общественным мнением и традиционным страхом перед атомным взрывом, то сдерживание возымело бы действие. Сдерживание заработает, когда пакистанские «прагматики» заставят поверить остальной мир, и Индию тоже, что у них нет «атомного комплекса», что для них ядерный взрыв на поле боя — просто взрыв большой бомбы, а не конец света и каждый командир артиллерийского орудия может зарядить в него ядерный снаряд.

В 2019 г. после индийского удара по пакистанской территории у Пакистана была возможность убедить противника в том, что Исламабад не держит за семью замками свой ядерный меч и не бережет его для решающего и последнего боя, а может, пусть даже не замахиваясь, вытащить из ножен. Но пакистанские власти промолчали про тактическое ЯО. Хотя журналистов могли пустить в арсеналы, а пакистанские телеканалы — показать, как ядерные боеголовки отправляются ближе к границе и, например, устанавливаются на зенитные ракеты. Тогда индийская сторона, возможно, воздержалась бы от удара.

Стратегию «zero-range weapons» можно назвать угрозой несимметричного отпора минимальной агрессии. Если рассматривать этот подход в логике конвенционального конфликта, то в определенных обстоятельствах он работает. В природе известны типы сдерживания такого рода. Например, иглы ежа или дикобраза наносят чувствительные раны, даже когда превосходящий противник проводит подготовку к нападению или разведку. Останавливают ли такие средства агрессора? Да, когда он надеется на легкую добычу и платить большую цену за победу ему не хочется. Но делает ли стратегия игл (даже ядовитых игл) их обладателя полностью защищенными? Нет. Укол иглы может разозлить крупного хищника. Так же как взятие заложника парализует одних окружающих, но других может подстегнуть к отчаянным действиям, и террорист не достигнет своей цели.

Точно так же нападение по формуле «жизнь или кошелек» обычно приводит нападающего к успеху, но если нападению подвергся вооруженный человек, то он способен ответить эскалацией, даже если дешевле было отдать почти пустой кошелек. Аналогично применение ЯО ограниченной мощности может не выполнить функцию сигнального «укола», а, наоборот, запустит механизм эскалации.

В сдерживании лежит расчет, который может не оправдаться, т. к. не все известно о противнике — что у него в кармане и что в голове. Это справедливо и для Пакистана, и для Индии. Сдерживание может работать, если обе стороны думают одинаково, то есть следуют одной логике, разделяют одни ценности, одинаково оценивают выгоды и издержки, и что самое главное — обе стороны не делают ошибок.

Литература / References

Арбатов А. Г. Десять апорий нашего времени: Теория и практика ядерного сдерживания. *Политические исследования*. 2021. № 4. С. 88–111 [Arbatov A. G. The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence. Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 88–111 (in Russian)].

под ред. Арбатова А. Г., Дворкина В. З., Ознобищева С. К. *Россия и дилеммы ядерного разоружения*. М., 2012. 290 с. [Arbatov A. G. (Ed.), Dvorkin V. Z. (Ed.), Oznobishchev S. K. (Ed.). Russia and the dilemmas of nuclear disarmament. Moscow, 2012. 290 p. (in Russian)].

под ред. Борисова Т. И., Макиенко К. В. *Пакистан: за рамками стереотипов*. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. 208 с. [Borisov T. I. (Ed.), Makienko K. V. (Ed.) Pakistan: beyond stereotypes. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2019. 208 p. (in Russian)].

Богданов К. В. (1) Военно-стратегический баланс в Европе и ограниченное применение ядерного оружия. *Современная Европа*. 2022. № 7. С. 149–161 [Bogdanov K. V. The Military-Strategic Balance in Europe and Limited Nuclear Options. Contemporary Europe. 2022. № 7. Pp. 149–161 (in Russian)].

Богданов К. В. (2) Сигнальный компонент в стратегиях ограниченного применения ядерного оружия. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 5. С. 5–13 [Bogdanov K. V. The Signal Component in Strategies of Limited Nuclear Employment. World economy and international relations. 2022. (66). No. 5. Pp. 5–13 (in Russian)].

Буренок В. М., Печатнов Ю. А. О критериальных основах ядерного сдерживания. *Вооружение и экономика*. 2013. № 1 (22). С. 21–30 [Burenok V. M., Pechatnov Y. A. On the criteria bases of nuclear deterrence. Armament and economics. 2013. No. 1 (22). Pp. 21–30 (in Russian)].

Дворкин В. З., Савельев А. Г., Ознобищев С. К. Величайшая осторожность и благоразумие. *Россия в глобальной политике*. 2015. Т. 13. № 4. С. 50–61 [Dvorkin V. Z., Savel'ev A. G., Oznobishchev S. K. Great caution and prudence]. Rossiya v global'noj politike. 2015. T. 13. № 4. Pp. 50–61 (in Russian)].

Есин В. И. Договор СНВ-3: что он значит для России? Российские эксперты о договоре СНВ-3. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2010. № 2. С. 118–121 [Esin V. I. START-3 Treaty: what does it mean for Russia? Russian experts on the START-3 treaty. Bulletin of the Moscow University. Series 25. International relations and world politics. 2010. No. 2. Pp. 118–121 (in Russian)].

Зайцев М. С. О военной стратегии Индии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 2 (53). С. 52–70 [Zaitsev M. S. MILITARY STRATEGY OF INDIA. MGIMO Review of International Relations. 2017. No. 2(53). Pp. 52–70 (in Russian)].

Каберник В. В. Подходы к построению системы стратегического сдерживания после 2021 г. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 4(49). С. 218–234 [Kabernik V. V. Approaches to building of global strategic deterrence system past 2021. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. No. 4(49). Pp. 218–234 (in Russian)].

Кокошин А. А. *Проблемы обеспечения стратегической стабильности: Теоретические и прикладные вопросы*. Изд. 2-е, перераб. и сущ. доп. М., 2011 [Kokoshin A. A. Problems of ensuring strategic stability: Theoretical and applied issues. Moscow, 2011 (in Russian)].

Кокошин А. А., Балуевский Ю. Н., Потапов В. Я. Ядерная политика и стратегическая стабильность: прошлое, настоящее, будущее. *Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 3. С. 3–22 [Kokoshin A. A., Baluevskii Yu. N., Potapov V. Ya. Nuclear Policy and Strategic Stability: the Past, the Present, and the Future. *Vestnik MGU*. 2015. Ser. 25. No. 3. Pp. 3–22 (in Russian)].

Криволапов О. О. *Противоракетная оборона США: дискуссии и решения (2009–2019)*. М., 2020. 320 с. [Krivolapov O. O. *US missile defense: discussions and decisions (2009–2019)*. Moscow, 2020. 320 p. (in Russian)].

Рогов С. М., Есин В. И., Золотарёв П. С. *Многосторонняя система ядерного контроля и нераспространения: новые подходы к стратегической стабильности в XXI в.* М., 2006 [Rogov S. M., Esin V. I., Zolotarev P. S. *Multilateral system for ensuring control and non-proliferation: new approaches to strategic stability in the 21st century*. Moscow, 2006 (in Russian)].

Савельев А. Г., Дворкин В. З. и др. (авт. кол.); гл. ред. И. С. Иванов. *О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения*. Рабочая тетрадь № IX. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 32 с. [Savel'ev A. G., Dvorkin V. Z., edit Ivanov. I. S. *On a multilateral approach to the problem of nuclear disarmament*. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moskva: Speckniga, 2013. 32 p. (in Russian)].

Сотников В. И. Сравнительный анализ ядерных доктрин Индии и Пакистана. *Восточная аналитика*. 2020. № 1. С. 98–109 [Sotnikov V. I. Comparative Analysis of India's and Pakistan's Nuclear Doctrines. *Eastern analytics*. 2020. No. 1. Pp. 98–109 (in Russian)].

Шеллинг Т. *Стратегия конфликта* / Томас Шеллинг; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонины. М., 2007. 366 с. [Schelling T. *The Strategy of Conflict*. (transl. from Engl. T. Danilov, edit. Y. U. Kuznesova, K. Sonina. Moscow, 2007. 366 p. (in Russian)].

Bracken P. *The Second Nuclear Age: Strategy, Danger, and the New Power Politics*. New York, 2012. 336 p.

Clary C., Narang V., India's Counterforce Temptations: Strategic Dilemmas, Doctrine, and Capabilities *International Security*. Winter 2018/19. Vol. 43. No. 3. Pp. 7–52.

Garnett J. "Limited War," in *Contemporary Strategy: Theory and Practice*. Eds. Baylis J. et al. New York, 1975. Pp. 187–208.

Halperin M. H. *Limited War in the Nuclear Age*. New York, 1963. 191 p.

Brodie B. *Strategy in the Missile Age*. Princeton, 1959.

Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York, 1965. 308 p.

Kaplan F. *The Wizards of Armageddon*. New York, 1983. 456 p.

Kissinger H. Limited War: Conventional or Nuclear? A Reappraisal, *Daedalus. Arms Control*. 1960. Vol. 89. No. 4. Pp. 800–817.

Narang V. Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability. *International Security*. 2010. No. 34. Pp. 38–78.

Osgood R. E. *Limited War: The Challenge to American Strategy*. Chicago, 1957. 315 p.

Osgood R. E. *Limited War Revisited*. Abingdon: Routledge, 1979.

Kristensen H. M., Korda M., Eliana J. Pakistan nuclear weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2023. No. 79(5). Pp. 329–345.

Tellis A. J. *India's emerging nuclear doctrine: exemplifying the lessons of the nuclear revolution*. National Bureau of Asian Research, 2001. 110 p.

Wohlstetter A. The Case for Strategic Force Defense, in Johan Jørgen Holst and William Schneider, Jr., eds., *Why ABM? Policy Issues in the Missile Defense Controversy*. New York, 1969. Pp. 119–142.

Электронные ресурсы / Electronic resource

Семейко Л. С., США: Концепция «Контроля над эскалацией ядерной войны». «Россия и Америка в XXI веке». 2008. № 1 [Semeiko L. S., USA: Concept of “Control over the escalation of nuclear war.” Russia and America in the 21st century. 2008. No. 1 (in Russian)]. URL: <https://rusus.ru/?act=read&id=74> (дата обращения: 12.01.2024).

Inter Services Public Relations Directorate (Pakistan). 2017. Press Release No. PR10/2017-ISPR. January 9. URL: <https://www.ispr.gov.pk/press-release-detail.php?id=3672> (дата обращения: 10.11.2023).

Kapila S. Indian Army’s New “Cold Start” War Doctrine Strategically Reviewed No. 991 Noida, India: South Asia Analysis Group, May 4, 2004. URL: <http://www.southasiaanalysis.org/paper991> (дата обращения: 24.02.2024).

Kidwai K. “25 years of Yom Takbeer: Promoting Peace, Stability and Development.” Speech by Lt. Gen. (Retd) Khalid Kidwai, Advisor, National Command Authority and former DG SPD, on 25th Youme-e-Takbeer, for a joint Arms Control and Disarmament Centre/Institute of Strategic Studies Islamabad meeting. May 24, 2023. URL: <https://issi.org.pk/speech-by-lt-gen-ret-d-khalid-kidwai-advisor-national-command-authority-and-former-dg-spd-on-25th-youme-e-takbeer/> (дата обращения: 10.11.2023).

Noor S. Did Pakistan Just Overhaul Its Nuclear Doctrine? Foreign Policy. JUNE 19, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/19/pakistan-india-nuclear-weapons-zero-range-cold-start-doctrine/> (дата обращения: 12.11.2023).

Panda A. Pakistan pledges a hot finish for “Cold Start” // The Diplomat. Jan. 2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/pakistan-pledges-a-hot-finish-for-cold-start/> (дата обращения: 12.09.2023).

Zarate R. (Ed.), Sokolsky H. (Ed.). Nuclear heuristics: Selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter. Strategic Studies Institute, 01.2009. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/95998/2009_01_NuclearHeuristics.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

ИРАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА ТАЛИБОВ К ВЛАСТИ В 2021 г.

© 2024

И. Е. Федорова¹

Статья посвящена рассмотрению различных аспектов ирано-афганских отношений на современном этапе. Традиционно Иран развивал взаимодействие с Кабулом в сфере экономики, политики и безопасности. Действия иранского руководства отличались прагматичностью и гибкостью. Тегеран сумел наладить контакты с центральным правительством Афганистана, с близкими ему этническими и религиозными меньшинствами и представителями Движения Талибан*. После вывода американских войск и установления контроля Движения над всей территорией Афганистана в августе 2021 г. борьба против США, объединявшая Иран и новую власть в Кабуле, de facto потеряла свое значение. На первый план стали выходить противоречия, долгие годы мешавшие полнокровному сотрудничеству двух столиц: вопрос о распределении вод реки Гильменд, притеснение шиитов-хазарейцев, рост наркотрафика через ирано-афганскую границу, резкое увеличение числа афганских беженцев и т.д. В этих условиях руководство Ирана выбрало сбалансированный политический курс, основная задача которого — не допустить возникновения очага напряженности на своих восточных границах. Иранское руководство проявляет сдержанность и старается дипломатическими средствами разрешать все возникающие конфликты. Основной акцент делается на развитии экономических отношений и реализации совместных проектов, связанных с совершенствованием иранских портовых структур. Укрепляя экономические связи, Тегеран не торопится с официальным признанием нового режима, внимательно наблюдая за реакцией международного сообщества на действия Кабула. Нельзя исключать и того, что иранцы надеются получить некоторые бонусы за этот важный дипломатический шаг. Дальнейшие темпы и наполненность политики Ирана на афганском треке во многом зависят от того, когда и как будут урегулированы афгано-американские отношения. При любом развитии событий представляется, что режим талибов в Афганистане в меньшей степени отвечает интересам Ирана, чем режим в Исламской Республике Афганистан.

Ключевые слова: Иран, Афганистан, Талибан, беженцы, Фатамийюн

Для цитирования: Федорова И. Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 88–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-088-094

IRANIAN–AFGHAN RELATIONS AFTER AUGUST 2021

Irina E. Fedorova

The article is devoted to the consideration of various aspects of Iranian-Afghan relations at the present stage. Traditionally, Iran has developed cooperation with Kabul in the economic, political and security spheres.

¹ Федорова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; i.fedorova@ivran.ru

Irina E. Fedorova, PhD (Hist.), Senior research Fellow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, Moscow; i.fedorova@ivran.ru

ORCID: 000-0002-7334-5398

* Движение Талибан запрещено в России.

Actions of Iranian leadership were pragmatic and flexible. Iran has managed to establish contacts with the central government of Afghanistan, with ethnic and religious minorities (first of all Hazara Shias and Tajiks) and with representative of the Taliban movement. After the withdrawal of US troops and the establishment of Taliban's control over the entire territory of Afghanistan in August 2021, the struggle against the United States which united Iran and the new government in Kabul, de facto lost its significance. Contradictions that for many years had hindered full-fledged cooperation between the two capitals began to come to the fore: the issue of distributing the waters of the Helmand River, the oppression of the Hazara Shiites, the growth of drug trafficking across the Iranian-Afghan border, a sharp increase in the number of Afghan refugees, etc. Under these conditions, the Iranian leadership has chosen a balanced political course, the main task of which is to prevent the emergence of a hotbed of tension on its eastern borders. To this end, the Iranian leadership is exercising restraint trying to resolve all emerging problems through diplomatic means and the implementation of joint projects related to the development of Iranian port structures.

While strengthening economic ties Tehran is in no hurry to officially recognize the new regime and is closely watching the reaction of the international community to Kabul's actions. It cannot be ruled out that the Iranians hope to receive some bonuses for this important diplomatic step. The further pace and completeness of the Iran's policy on the Afghan track largely depend on when and how Afghan—American relations are settled. Whatever the course of events it seems that the Taliban regime is less in line with Iran's interests than the regime in the Islamic Republic of Afghanistan.

Keywords: Iran, Afghanistan, Taliban, migrants, Fatemiyoun

For citation: Fedorova I. E. Iranian–Afghan Relations After August 2021. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 88–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-088-094

Развитие отношений с Афганистаном является важнейшей составной частью региональной политики Исламской Республики Иран (ИРИ). Там сосредоточены стратегические, экономические и политические интересы Тегерана, которые приобрели особое значение в связи с объявлением президентом Э. Раиси «нового поворота на Восток», направленного на укрепление связей с государствами азиатского континента.

Почти 1000-километровая ирано-афганская пограничная линия, проходящая по малонаселенным районам, через которую проходят беженцы, перевозятся наркотики и проникают террористические группировки, определяет то, что при формировании политики Тегерана на этом треке особое значение приобретает военно-политическая составляющая. Поэтому главная роль здесь отводится не министерству иностранных дел, а Корпусу стражей исламской революции (КСИР). Видные представители этой структуры, такие как бывший глава Кодс КСИР² Касем Сулеймани и действующий глава Исмаил Каани, длительное время работали на границе с Афганистаном. Специальный представитель президента и нынешний посол Ирана в Афганистане Хасан Каземи Кони, будучи генеральным консулом ИРИ в Герате, поддерживал с Корпусом самые тесные связи, а его заместитель Хасан Мортазави был одним из командиров Кодс КСИР.

Совокупность военно-политических и социально-экономических факторов диктовала Ирану необходимость активно взаимодействовать с Афганистаном. При этом длительное отсутствие стабильности на территории соседней страны вынуждало Тегеран действовать не только прагматично, но и весьма гибко. Руководство страны поддерживало регулярные контакты с широким спектром политических, национальных и религиозных групп и движений в Афганистане, а зачастую и играло на противоречиях между ними.

---

² Кодс КСИР — силы специального назначения для использования за рубежом.

Так, в период Исламской Республики Афганистан (ИРА) (24.01.2004–15.08.2021) основным партнером ИРИ являлось центральное правительство в Кабуле, с которым был заключен ряд договоров в сфере экономики, торговли и безопасности. Среди них можно назвать Соглашение о стратегическом партнерстве (2013), трехстороннее соглашение между Тегераном, Кабулом и Дели о реконструкции порта Чабахар (2016), меморандум по вопросам сотрудничества в атомной энергетике (2019) и ряд других. К 2018 г., по данным Торгово-промышленной палаты Афганистана, Иран вошел в число ведущих торговых партнеров Кабула с товарооборотом около 2 млрд долл., в котором львиная доля в 1,98 млрд долл. приходилась на иранский экспорт в Афганистан³.

Наряду с центральным правительством Иран традиционно поддерживал связи с шиитами-хазарейцами и таджиками, проживающими на территории Афганистана, вкладывая деньги в инфраструктурные и религиозно-образовательные программы в местах их компактного проживания. В свою очередь представители этих меньшинств лоббировали интересы ИРИ в парламенте ИРА⁴.

Руководство в Тегеране понимало и реальную силу, которой обладало движение Талибан⁵, и, невзирая на далеко не безоблачную историю отношений, налаживало контакты с его представителями. В основе сближения руководства шиитского Ирана и радикального исламистского военизированного движения лежало неприятие сторонами присутствия иностранных, в первую очередь американских войск на территории Афганистана. Значительную роль сыграла и необходимость объединения сил в противостоянии Исламскому государству⁶, объявившему в 2015 г. о создании Велайат-е Хорасан, включающего в себя часть территории Ирана и Афганистана. Помимо этого, главы приграничных иранских провинций и талибы, контролирующие территорию Афганистана вблизи иранской границы, взаимодействовали на местном уровне, стараясь снизить вероятность приграничных конфликтов. В 2012 г. был открыт офис Движения в иранском городе Захедан, в 2013 г. — в Мешхеде⁷, а в 2015 г. в Тегеран прибыли эмиссары политического бюро Движения для обсуждения региональных проблем и возможных вариантов устройства Афганистана⁸. В июле 2016 г. официальный представитель Движения Забихулла Муджахид заявил, что его сторонники установили новые отношения с Тегераном⁹, которые будут основой дальнейшего взаимодействия. Значительная часть этих и других контактов носила неофициальный характер и находилась в сфере ответственности иранского генерала Касема Сулеймани, авторитет которого у талибов был очень высок. Члены Движения одними из первых осудили его убийство «американскими варварами» и предупредили последних о тяжелых последствиях¹⁰.

Летом 2021 г. на фоне быстрых темпов, которыми Движение устанавливало свой контроль над территорией Афганистана, Иран выступил посредником в переговорах между центральным правительством, делегацию которого возглавил Юнус Кануни, и представителями Движения во главе с Шер

³ Иран стал крупнейшим торговым партнером Кабула. URL: https://www.iran.ru/news/economics/109212/iran_stal_kрупнейшим_torgovym_partnerom_Kabula (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Подробнее об отношениях Ирана с религиозными и национальными общинами Афганистана. см.: [Федорова, 2019, с. 135–141].

⁵ Организация запрещена в России.

⁶ Запрещено в России.

⁷ Zelin A. Iran Formalizes Ties with the Taliban. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iran-formalizes-ties-taliban> (дата обращения: 13.03.2024).

⁸ Why did the Taliban Go to Iran? URL: <https://www.theguardian.com/world/iran-blog/2015/may/22/taliban-delegation-official-visit-tehran-iran-isis> (дата обращения: 13.03.2024).

⁹ URL: <https://www.radiofarda.com/a/f7-iran-ambassador-to-rabul-confirm-contact-between-tehran-and-taliban/28168800.html> (дата обращения: 13.03.2024).

¹⁰ Taliban condemn killing of Iran's Qassem Soleimani (alarabiya.net)_URL: <https://english.alarabiya.net/news/middle-east/2020/01/05> (дата обращения: 13.03.2024).

Мохаммад Аббасом Станикзайем¹¹. На наш взгляд, усилия Тегерана определялись тем, что руководство ИРИ признавало необходимость включения талибов в правительство, но, принимая во внимание религиозные, национальные и идеологические различия, а также сложное развитие отношений, не было заинтересовано в безальтернативной власти Движения в соседней стране.

Тем не менее благодаря рациональному подходу Иран был готов к смене власти в Кабуле и непосредственно после 15 августа 2021 г. приступил к выстраиванию отношений с новым режимом. Политика Тегерана во многом определялась стремлением не допустить возникновения очага напряженности на своих восточных границах и заинтересованностью в продолжении экономического сотрудничества. При этом иранцы настаивали на создании инклюзивного правительства в Кабуле, включающего представителей всех религиозных и этнических групп, и не торопились с официальным признанием новой власти.

16 августа 2021 г. президент Ирана Э. Раиси заявил, что, исходя из принципов добрососедства, первоочередной задачей Ирана является содействие в стабилизации обстановки в Афганистане¹². С этой целью Тегеран попытался взять на себя роль посредника между властью в Кабуле и оппозиционными таджикскими лидерами. В январе 2022 г. руководство Ирана организовало переговоры Ахмад Масуда-младшего, лидера Фронта национального сопротивления Афганистана, и «Гератского льва» Исмаил Хана, нашедшего убежище в Иране, с Амиром Ханом Моттаки, министром иностранных дел временного правительства в Кабуле¹³. При проведении переговоров Иран занял очень осторожную позицию, подчеркивая, что афганским политическим деятелям, нашедшим убежище в стране, не будет позволено создавать политические структуры на территории Ирана¹⁴. Конечно, подобные заявления не исключают тесную работу иранских спецслужб с оппозиционными нынешнему правительству Афганистана силами как внутри, так и за рубежом.

Рассматривая развитие отношений между Движением Талибан и Тегераном, мы уже отмечали, что до вывода американских войск из Афганистана основным военно-политическим фактором, их объединяющим, была антиамериканская позиция. После августа 2021 г. значение этой составляющей *de facto* обнулилось. Остались общая заинтересованность в противодействии Исламскому государству (Хорасан)¹⁵, которая менее важна для Кабула, чем борьба против США, и относительное совпадение позиций по войне в Газе, в рамках которого руководство Афганистана ограничилось лишь осуждением преступлений Израиля и выразило надежду на объединение мусульман и их победу.

В этой ситуации основные направления развития отношений между Тегераном и Кабулом, двух стран, находящихся под западными санкциями, лежат в области экономики и торговли.

В июле 2022 г. был создан совместный комитет по межправительственным контрактам и заключен договор между Министерством финансов Афганистана и Ираном об импорте 350 тыс. тонн иранской нефти¹⁶. В ноябре 2023 г. многочисленная афганская делегация во главе с муллой Абдул Гани Барадаром, заместителем премьер-министра временного правительства Афганистана по экономическим вопросам, посетила Иран. Стороны подписали 5 меморандумов о взаимопонимании в области транспорта, гражданской авиации, добычи полезных ископаемых и инвестициях в зоны

¹¹ Afghan Government Delegation Meets Taliban in Iran. URL: <https://www.aljazeera.com/2021/7/8/afgan-govt-delegation-meets-taliban-in-iran> (дата обращения: 12.02.2024).

¹² President Raisi: Iran will make efforts to Stabilize Afghanistan Tehran Times 2021. August 16, 2021 (дата обращения: 12.02.2024).

¹³ В Тегеране состоялась встреча талибов с оппозиционными таджиками. URL: <https://a.com.tr/ru/мир/2470003> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁴ Afghanistan-Peace-Process_Irans-Response-Talibans-Comeback-Afghanistan.pdf. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/> (дата обращения: 13.01.2024).

¹⁵ Запрещено в России.

¹⁶ 350 тысяч тонн нефти покупают талибы в Иране — Аамaj News. URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-7-25/350-tysyach-tonn-nefti/1034250> (дата обращения: 21.02.2024).

свободной торговли¹⁷. В рамках этого визита мулла Барадар посетил порт Чабахар, чье значение увеличилось в связи с трудностями, которые афганский бизнес испытывает в пакистанском порту Карачи. Во время визита афганская сторона просила выделить землю в порту «по разумной цене и на длительный срок». Как подчеркнул Юнус Моманд, заместитель председателя Торгово-инвестиционной палаты Афганистана, после окончания встречи: «Нам обещали, что мы можем импортировать и экспортировать товары через порт Чабахар, начиная с завтрашнего дня»¹⁸. При этом стороны ставят весьма амбициозные задачи об увеличении товарооборота до 10 млрд в год¹⁹, который несколько сократился при новом правительстве Афганистана.

В 2023 г. он составил 1,73 млрд долл. США. Из них 1,7 млрд долл. приходится на экспорт Ирана в Афганистан, состоящий из бензина, дизельного топлива, электроэнергии, стали, продуктов питания, электроприборов и занимающий 35% афганского рынка. Экспорт Афганистана в Иран включает в основном драгоценные камни, сухофрукты, кожу животных и свежие фрукты.

Интересно отметить, что, несмотря на ничтожные цифры экспорта афганских товаров в Иран, Афганистан долгое время занимает одно из ведущих мест среди стран, инвестирующих в ИРИ. По оценкам Форбс, в 2023–2024 финансовом году Афганистан стал второй после России страной по объему инвестиций в Иран, насчитывающих 256 млн долл.²⁰ А Iranian and Foreign Joint Investment Association отмечает, что из 700 иностранных инвестиционных проектов в Иране Афганистан инвестирует в 156²¹.

В последнее время приоритетами для афганской стороны являются инвестиции в транспортные инфраструктурные проекты. Так, в июле 2023 г. было принято решение об инвестициях 50 млн долл. в портовые структуры Энзели, а в феврале 2024 г. 35 млн долл. — в порт Чабахар²². Помимо этого в июле 2023 г. была запущена часть железной дороги, соединяющей Хаф в северо-восточном Иране и Розанак в афганской провинции Герат, которую Кабул восстановил после повреждений во время военных действий²³.

Как отмечалось выше, после вывода американских войск из Афганистана значение военно-политической составляющей, объединяющей новое правительство в Кабуле и Тегеран, резко снизилось. Это, в свою очередь, привело к тому, что влияние противоречий, которые длительное время присутствовали в ирано-афганских отношениях, увеличилось.

Одной из важнейших проблем является распределение вод реки Гильменд, берущей начало в горах Гиндукуш в Афганистане и снабжающей водой иранскую провинцию Систан и Белуджистан. Механизм водоотведения был определен договором 1973 г. И хотя последний не был ратифицирован ни одной из сторон, Иран настаивает на необходимости его соблюдать. В мае 2023 г. президент Ирана обвинил Кабул в нарушении условий договора и потребовал допустить иранских специалистов на территорию Афганистана²⁴. Несмотря на резкие слова И. Раиси, афганское правительство

¹⁷ Iran, Afghanistan sign five key economic agreements — Afghanistan Times. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/12/04/iran-afghanistan-cooperation/> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁸ URL: <https://parstoday.ir/ru/news/iran-i192338> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁹ Tehran, Kabul discuss ways of boosting annual trade up to \$10 — Mehr News Agency. URL: <https://en.mehrnews.com/news/208071> (дата обращения: 08.02.2024).

²⁰ Россия стала крупнейшим иностранным инвестором в Иране. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/486578-rossiastala-krupnejsim-inostrannym-investorom-v-irane> (дата обращения: 12.02.2024).

²¹ Afghan investment in Iran sees Significant Growth Claims Iran official. URL: [https://Afghan Investment in Iran Sees Significant Growth, Claims Iranian Official | Afghanistan International \(afintl.com\)](https://Afghan Investment in Iran Sees Significant Growth, Claims Iranian Official | Afghanistan International (afintl.com)) (дата обращения: 01.04.2024).

²² Iran Afghanistan Railroad Launched. URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/119152/> (дата обращения: 15.03.2024).

²³ How significant Taliban Iran 35m Chabahar Port Deal. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2024/03/how-significant-taliban-iran-35m-chabahar-port-deal> (дата обращения: 03.03.2024).

²⁴ Iran demands Afghanistan to respect its water rights. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/> (дата обращения: 03.03.2024).

не пошло на уступки, и фактически Иран был вынужден отступить, заявив от приверженности дипломатическому решению проблемы.

Второй комплекс проблем, осложняющих отношения между двумя странами, связан с производством наркотиков в Афганистане и их транзитом через территорию Ирана по т. н. «Балканскому маршруту». Несмотря на усилия иранской стороны, часть наркотиков остается в стране и приводит к росту наркозависимых во всех провинциях Ирана. По сообщениям СМИ, в 2023 г. их число достигло 6 млн чел. при общей численности населения Ирана около 87 млн чел²⁵. При этом что международные организации отмечают снижение посевов опиумного мака в Афганистане, руководство ИРИ обращает внимание на то, что одновременно в Афганистане значительно вырос объем производства синтетических наркотиков, в частности метамфетамина, основой которого является дикое растение эфедра, растущее в афганских горах. Глава иранского штаба по борьбе с наркотиками Искандер Момени считает, что усилия Кабула в этой области недостаточны, и призывает увеличить взаимодействие столиц по борьбе с наркотрафиком через афгано-иранскую границу²⁶.

Третий фактор, замедляющий развитие отношений между столицами, — это озабоченность Тегерана положением шиитов-хазарейцев в соседней стране. Основываясь на религиозной общности, Иран традиционно вел активную религиозно-образовательную и социально-экономическую деятельность в местах их компактного проживания. При предыдущем правительстве они были представлены в Меджлисе мелли (парламенте) Исламской Республики Афганистан и служили проводниками иранских интересов там. При нынешнем правительстве возможности шиитского меньшинства резко ограничены, а их религиозные центры часто подвергаются нападениям.

Четвертый фактор, на котором следует остановиться, — это растущее количество афганских беженцев, в первую очередь шиитов-хазарейцев, на территории Ирана. Если по данным Управления Верховного комиссара ООН в середине 2021 г. их насчитывалось около 1 млн чел., то в середине 2023 г. министр внутренних дел Ирана Ахмад Вахеда оценивал их количество в 5 млн чел., а в 2024 г., по данным СМИ, оно достигло 8 млн чел²⁷. Легальные и нелегальные беженцы из Афганистана увеличивают нагрузку на социальную инфраструктуру Ирана и создают напряженность в обществе. Это, в частности, привело к запрету на их пребывание в ряде провинций. Власти в Керманшахе, Восточном Азербайджане, Западном Азербайджане, Ардебиле, Зенджане, Хамадане потребовали выслать нелегальных беженцев с их территорий. В свою очередь руководство Афганистана озабочено тем, что афганские беженцы составляют рекрутинговую базу для вербовки Корпусом стражей исламской революции в бригаду Фатамийун для участия в вооруженной борьбе в Сирии. Кабул небезосновательно опасается, что в случае возвращения на родину они могут влиться в оппозиционные нынешнему правительству группировки.

Еще одним моментом, беспокоящим Тегеран, являются данные о контактах, которые происходят между правительством в Кабуле и американской стороной. Еще в октябре 2022 г. в Дохе Абдул Хак Васик, глава разведывательной службы Афганистана, встречался со спецпредставителем США по Афганистану Томасом Вестом. А 31 июля 2023 г. в Дохе прошли официальные переговоры между американской и афганской делегациями, по результатам которых стороны договорились поддерживать технический диалог по экономическим вопросам²⁸. Иран опасается, что в слу-

---

²⁵ Iran Rejects UN Claims That Afghanistan Poppy Cultivation in Decline. URL: <https://www.iranintl.com/en/202311284600> (дата обращения: 03.03.2024).

²⁶ URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/09/1444612> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁷ Iran Bans Afghan Migrants from Living In 16 Provinces. URL: <https://www.iranintl.com/en/202312045525> (дата обращения: 24.01.2024).

²⁸ Taliban, US hold first official talks since Afghanistan Takeover. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/8/1/> (дата обращения: 24.01.2024).

чае урегулирования вопросов между американской и афганской стороной те немногие выгоды, которые он получил от вывода американских войск, могут обнулиться.

В заключение представляется возможным сказать следующее.

После вывода американских войск и установления контроля талибов над всей территорией Афганистана военно-политическая составляющая ирано-афганских отношений *de facto* потеряла свое значение.

В этих условиях Иран проводит сбалансированную политику, основная задача которой — не допустить возникновения очага напряженности на своих восточных границах. С этой целью иранское руководство проявляет сдержанность и старается дипломатическими средствами разрешать все возникающие конфликты.

Основной акцент делается на развитии экономических отношений и реализации совместных проектов, связанных с совершенствованием иранских портовых структур.

Укрепляя экономические связи, Тегеран не торопится с официальным признанием нового режима, внимательно наблюдая за реакцией международного сообщества на действия Кабула. Нельзя исключать и того, что иранцы надеются получить некоторые бонусы за этот важный дипломатический шаг.

Дальнейшие темпы и наполненность политики Ирана на афганском треке во многом зависят от того, когда и как будут урегулированы афгано-американские отношения.

При любом развитии событий представляется, что режим талибов в Афганистане в меньшей степени отвечает интересам Ирана, чем режим в Исламской Республике Афганистан.

Литература / References

Федорова И. Е. Ирано-афганские отношения на современном этапе. *Восточная аналитика*. 2019. № 4. С. 135–141 [Fedorova I. E. Current State of Iranian-Afghan Relations. *Eastern Analytics*. 2019. № 4. P. 135–141 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Россия стала крупнейшим иностранным инвестором в Иране. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/486578-rossia-stala-krupnejsim-inostrannym-investorom-v-irane> (дата обращения: 12.02.2024).

Afghan Government Delegation Meets Taliban in Iran. URL: <https://www.aljazeera.com/2021/7/8/afghan-govt-delegation-meets-taliban-in-iran> (дата обращения: 12.02.2024).

Afghanistan-Peace-Process_Irans-Response-Talibans-Comeback-Afghanistan.pdf. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/> (дата обращения: 13.01.2024).

How significant Taliban Iran 35m Chabahar Port Deal. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2024/03/how-significant-taliban-iran-35m-chabahar-port-deal> (дата обращения: 03.03.2024).

Iran demands Afghanistan to respect its water rights. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/> (дата обращения: 03.03.2024).

Iran Bans Afghan Migrants from Living In 16 Provinces. URL: <https://www.iranintl.com/en/202312045525> (дата обращения: 24.01.2024).

Iran, Afghanistan sign five key economic agreements. *Afghanistan Times*. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/12/04/iran-afghanistan-cooperation/> (дата обращения: 12.02.2024).

Zelin A. Iran Formalizes Ties with the Taliban. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iran-formalizes-ties-taliban> (дата обращения: 13.03.2024).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-095-102

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА ЯПОНИИ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

© 2024

И. Ю. Авдаков¹

Сравнительный анализ промышленных революций выявляет коренное отличие четвертой промышленной революции от предшествующих. Если в первых трех в основе технического переоснащения народного хозяйства лежали двигатели и станки, использующие различные виды энергии, то главными составляющими четвертой промышленной революции стали искусственный интеллект, обучающие устройства, интернет и виртуальные технологии. Основой технического переоснащения транспорта во всех национальных моделях является применение беспилотных средств передвижения и цифровых систем управления. Япония отстает от Китая и США в области внедрения в повседневную практику беспилотных автомобилей с автономным управлением четвертого уровня. С большим опозданием был принят Акт дорожного движения, разрешающий автономное управление четвертого уровня как индивидуального, так и общественного автотранспорта. Общественный транспорт повсеместно распространен в городском, пригородном и междугородном сообщении, а также в сельской местности. Рост дефицита водителей стимулирует автобусные компании к использованию автобусов с автономным управлением. Особо остро необходимость использования таких автобусов и индивидуальных автотранспортных средств проявляется в сельской местности из-за старения и уменьшения сельского населения, а также нехватки водителей автобусов. В Японии в рамках национальной концепции «общество 5.0», учитывая фактор быстрого и неуклонного старения населения, предусматривается использование операционных цепочек и искусственного интеллекта для максимального удобства пожилых пассажиров. Рассмотрены перспективы использования кибержелезнодорожных станций в рамках концепции «общество 5.0», а также проекты на железнодорожном (Маглев Токио–Осака), морском (электрические танкеры) и автотранспорте (автомобили на альтернативных видах топлива). Переоснащение японского транспорта происходит на фоне деградирующей, построенной в XIX–XX вв., транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: промышленные революции, искусственный интеллект, общество 5.0, цифровая экономика, кибержелезнодорожные станции, связанные отрасли, электрический танкер, автономное вождение, маглев, альтернативные виды топлива

Для цитирования: Авдаков И.Ю. Перспективы развития транспорта Японии в условиях четвертой промышленной революции. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 95–102. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-095-102

---

¹ Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru
Igor Yu. Avdakov, PhD (Economics) Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3403-3479

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF JAPANESE TRANSPORT AS CONDITIONED BY THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Igor Yu. Avdakov

A comparative analysis of industrial revolutions reveals the fundamental difference between the fourth industrial revolution and previous ones. If in the first three the technical re-equipment of the national economy was based on engines and machine tools using significantly different types of energy, then the main components of the fourth industrial revolution are artificial intelligence, learning devices, the Internet and virtual technologies. Japan lags behind China and USA in introducing self driving cars with 4 level autonomous driving. In Japan the Road Traffic Act, allowing 4 level autonomous driving of both individual and public transport was adopted with great delay. Public transport is everywhere in Japan, both in urban, suburban and intercity traffic and in rural areas. Growing bus driver shortage encourages bus companies for the use self – driving buses. The need for the use of such buses and individual vehicles is especially acute in rural areas due to the aging and reduction of the rural population. In Japan within the frame work of the national concept society 5.0, taking into account the factor of rapid and steady aging of the population, the use of operational chains and artificial intelligence for maximum comfort for elderly passengers is provided. The perspectives of cyber rail station and projects of rail (maglev), maritime (electric tanker) and automobile (alternative fuel engine) transport are examined. The re-equipment of Japanese transport takes place in the background of deteriorating, built in 19-20 c., transport infrastructure.

Keywords: industrial revolutions, artificial intelligence, society 5.0, digital economy, cyber rail station, connected industries, electric tanker, autonomous driving, maglev, alternative fuel engine

For citation: Avdakov I. Yu. Prospects for the Development of Japanese Transport as Conditioned by the Fourth Industrial Revolution. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 95–102. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-095-102

Правительства и бизнес-сообщества многих экономически развитых стран мира объявляют четвертую промышленную революцию основным драйвером развития и преобразования мировой экономики. Однако характеристики этого явления, анализируемого в экономической, социологической и политологической литературе, весьма расплывчаты, перспективы технологического переоснащения экономики туманны, а социальные последствия и вообще труднопредсказуемы. Тем не менее революционные перемены в области информационных, управленческих, индустриальных и транспортных технологий уже происходят, их трудно не заметить и невозможно игнорировать.

Четвертая промышленная революция началась в первой четверти XXI в. Ей предшествовали три промышленных революции. Первая развернулась в конце XVIII в. в Англии и ознаменовала собой переход от инструментального к машинному производству, от мануфактуры к фабрике. Техническое переоснащение на базе парового двигателя стартовало в текстильной промышленности Англии, а затем распространилось на другие отрасли легкой промышленности и на машиностроение, некоторые виды транспорта, где было технически возможно использование энергии пара. Особенностью промышленной революции в Японии явилось то, что она была инициирована не частным бизнесом, как в Англии, а государственной властью. Император Мацухито начал модернизацию экономики страны со строительства железных дорог, а не с технического перевооружения текстильной промышленности. Правда, временной интервал между появлением первых железных дорог и закупкой первого текстильного оборудования в Англии составил всего несколько лет [Japan, 2003, p. 603].

Вторая технологическая революция началась в последней четверти XIX в. почти одновременно в нескольких западных странах. Энергетической основой перевооружения экономики стали электроэнергия и нефтепродукты. Новые виды энергии позволили широко применять двигатели нового поколения в автомобильном, авиационном, морском и некоторых других видах транспорта. Специфика второй технологической революции в Японии заключалась в том, что она происходила почти одновременно с исторической точки зрения с первой промышленной революцией, в то время как в Англии между ними прошло почти столетие [Авдаков, 2023, с. 220–223].

Третья промышленная революция (иначе называемая научно-технической революцией) означала существенное изменение взаимодействия науки и производства. Многие производства основывались на изменении атомно-молекулярной структуры вещества и, значит, стали полностью зависеть от науки [Широков, 1998, с. 215]. Научно-техническая революция началась в середине XX в. и закончилась к началу XXI в. Энергетической основой технического перевооружения ядерная энергетика если и не стала, то ее роль в этом процессе нельзя недооценивать. В Японию третья промышленная революция вывела в мировые лидеры в области транспорта. Страна вошла в историю как создатель первых в мире высокоскоростных пассажирских железных дорог — синкансен. Японский опыт создания скоростных железных дорог был использован передовыми западноевропейскими странами, а впоследствии Китаем и некоторыми странами Южной и Юго-Восточной Азии. В то же время Япония стала одной из крупнейших в мире автомобильных держав. Гигантские автомобильные компании создавали конкурентоспособные на мировых и местных рынках легковые и грузовые автомашины, автобусы и мотоциклы, обеспечивая грузо- и пассажирские перевозки по высокотехнологичным дорожным магистралям. На базе внедрения достижений научно-технического прогресса Япония построила новые мощные суда и заняла передовые позиции в мировом судоходстве. В ходе третьей промышленной революции был создан современный городской транспорт, построены мощные авто- и железнодорожные мосты и тоннели.

Одной из основных составляющих четвертой промышленной революции является беспроводная передача информации через сеть (интернет), искусственный интеллект и обучающиеся устройства [Акимов, 2018, с. 94]. Википедия определяет четвертую промышленную революцию как массовое внедрение киберфизических систем в производство и обслуживание человеческих потребностей².

Детальное рассмотрение концепций четвертой промышленной революции выходит за рамки данной статьи, но обозначить в самых общих чертах это явление представляется целесообразным. Понятие четвертой промышленной революции появилось благодаря работам Клауса Шваба. В качестве ее основных признаков он выделяет интернет, робототехнику, искусственный интеллект и обучающиеся устройства [Шваб, 2016, с. 15]. Охват ею разных сфер деятельности в отдельных странах отличается. Так, японская концепция «общество 5.0» предусматривает внедрение интернета вещей (ИТ), искусственного интеллекта (AI), модели Больших данных во все сферы жизни общества — экономику, науку, социальную сферу, включая пассажирский транспорт и здравоохранение и т. п. Она шире охватывает деятельность человека, чем германская концепция «Индустрия 4.0». Если немецкая модель подразумевает повышение эффективности и оптимизацию всех производств обрабатывающей промышленности (т. е. индустриальный комплекс), то японская включает не только обрабатывающую промышленность, но и сферу услуг, в том числе социальную инфраструктуру. Российский японовед И. Л. Тимонина, ссылаясь на позицию японского правительства, отмечает: «Поскольку Япония сталкивается с сокращением численности населения из-за старения и низкой рождаемости, она находится на переднем крае решения проблем, с которыми

---

² Четвертая промышленная революция. URL: <https://ru.wikipedia.org/wikis> (дата обращения: 03.03.2024).

скоро столкнутся многие страны мира. Япония будет решать эти проблемы на основе совершенствования социальных систем и самих социальных услуг путем объединения различных активов в рамках инициативы «связанных отраслей» [Тимонина, 2018, с. 137].

Ярким примером, как общественный транспорт функционирует в рамках инициативы «связанных отраслей», является работа кибержелезнодорожных станций (Ciber Rail Station). Они оснащены мощными компьютерными системами, имеющими огромную базу данных. Искусственный интеллект анализирует и предлагает каждому пассажиру не только возможные варианты пересадок, в том числе с учетом загруженности отдельных линий в часы пик или массовых мероприятий, но и бронирует места, если это необходимо, по всему маршруту, а также пересадок на альтернативные виды транспорта, будь то автобусы или метро, с целью оптимизации времени нахождения в пути и обеспечения максимального комфорта пассажирам. На основе изучения персональных данных он предлагает варианты посещения магазинов, ресторанов, увеселительных заведений, комнат отдыха вблизи станций и иногда даже на самих станциях, чтобы снять излишнюю нагрузку от утомительных путешествий, особенно в часы пик. Всю информацию, обработанную искусственным интеллектом, учитывающим пол, возраст, физическое состояние индивидуума, пассажир получает из приложения в своем мобильном телефоне, указав только пункт отправления и пункт назначения. Также стоимость всего маршрута может быть оплачена этим приложением в конце пути. Таков один из вариантов реализации концепции «связанных отраслей» посредством кибержелезнодорожных станций, предусматривающий улучшение качества обслуживания стареющего населения страны. Он частично внедрен в повседневную практику на железных дорогах [Japanese, 2021, pp. 209–213].

Основа технического переоснащения транспорта во всех национальных моделях — использование беспилотных средств передвижения грузов и людей. На данном этапе экономического развития оно происходит на фоне совершенствования прежней техники и технологии. Тем не менее беспилотники все шире применяются в жизни. Появляются системы оперативного управления цепочками на основе Больших чисел, используется искусственный интеллект на крупных транспортных узлах и станциях.

Япония отстает от Китая и США в области применения беспилотных автомашин и автобусов с автономным управлением. Только в апреле 2023 г. был принят законодательный Акт дорожного движения, согласно которому разрешено автономное управление четвертого уровня³ (управление осуществляет автопилот при идеальных погодных условиях, водитель находится на водительском месте и должен быть готов взять управление на себя при ухудшении погоды). После принятия Акта 32 из 47 японских префектур взялись досконально изучить вопрос целесообразности использования автобусов с автономным управлением четвертого уровня на своих территориях. Принято решение использовать такие автобусы для обслуживания гостей Экспо-2025 в г. Осака⁴.

Согласно планам японских властей техническое перевооружение транспорта будет затрагивать и индивидуальный автотранспорт, и общественный. Общественный транспорт имеет для японцев значительно более важное значение, чем для североамериканцев. Модернизация автобусного парка за счет увеличения числа автобусов с автономным вождением становится особо актуальной в связи с неуклонным сокращением численности водителей автобусов. Согласно Тэйкоку Датабанк, в 2023 г. 92 из 127 частных автобусных компаний или сократили, или отменили маршруты из-за

---

³ Autonomous driving remains a distant reality in Japan. URL: <https://www.japantimes.co.jp> 2 окт. 2023 (дата обращения: 31.05.2024).

⁴ Nearly 70% of Japan prefectures weigh use of Level 4 autonomous driving buses. URL: <http://english.kyodonews.net>>49. 3 янв. 2024 (дата обращения: 01.06.2024).

нехватки водителей⁵. Японская ассоциация автотранспорта «Нихон Бас Ассосиэйшн» (Nihon Bus Association) прогнозирует, что в 2036 г. нехватка водителей составит 36 тыс. человек. Но не менее важной причиной необходимости переоснащения автобусного парка является демографический сдвиг в сторону уменьшения численности населения и увеличения доли пожилых людей в возрастной структуре населения.

В Японии по сравнению с другими странами мира пожилых людей больше всех. Согласно данным Министерства внутренних дел и коммуникаций, доля японцев возрастом 65 лет и выше составляет 29,1%. По официальным прогнозам, она будет возрастать: в 2030 г. — 29,6%, в 2040–33,2%, в 2050–35,7%. В то же самое время доля возрастной группы от 15 до 64 лет, т. е. экономически активного населения, будет падать с 59,2% в 2030 г. до 55,8% в 2040 и 53,6% в 2050 г. Пожилые люди обычно пользуются общественным транспортом.

Стремление властей пересадить пожилых автолюбителей на общественный транспорт имеет важные причины. Основными виновниками дорожно-транспортных происшествий являются японцы старше 65 лет. Правительство постоянно ужесточает законодательство, касающееся допуска пожилых людей к вождению автомобилем. По закону от 2017 г. водителям старше 75 лет необходимо ежегодно проходить медицинское обследование на предмет наличия у них старческой деменции. В результате в 2018 г. 400 тыс. японцев этой возрастной группы добровольно отказались от водительских прав⁶.

В сельской местности сокращение жителей приводит к уменьшению и так незначительного пассажиропотока. В результате местные линии (Local lines) железных дорог демонтируются, а многие автобусные маршруты снимаются, в том числе из-за нехватки водителей. Дефицит водителей ощущается и в городском, пригородном и межгородском автобусном сообщении. Он стимулирует автобусные компании внедрять в жизнь автобусы с автономным управлением. Они могут улучшить жизнь японцев, особенно на селе. Как справедливо отмечает И. Л. Тимонина, «... возможно улучшение качества жизни людей (в том числе пожилых), проживающих в сельских общинах и сталкивающихся с проблемой ограничения мобильности, за счет использования технологии автономного вождения общественного транспорта» [Тимонина, 2018, с. 134]. Поэтому автобусные компании, обслуживающие сельские районы, серьезно относятся к вопросу применения автономного вождения. Улучшение обслуживания пассажиров общественного транспорта за счет инноваций происходит и на железнодорожном транспорте.

Новые технологии, имманентные четвертой промышленной революции, предполагается внедрить на железных дорогах уже в ближайшем будущем. На железнодорожном транспорте утвержден план и начато строительство самой длинной в мире железной дороги системы Маглев. «Маглев Тюо синигансен» должен соединить мегаполисы Токио — Нагоя — Осака (около 530 км), а скорость движения поезда будет около 600 км/час. Технология Маглев позволяет развивать такие скорости с помощью сверхпроводящих магнитов, которые поднимают поезд на 10 см над рельсами и толкают его вперед. Предполагается, что первый участок пути — от Токио до Нагоя (около 350 км) будет введен в строй в 2027 г., второй — от Нагоя до Осаки (около 180 км) — в 2037 г. Возможно смещение сроков пуска поездов в связи с нежеланием некоторых префектур по экологическим причинам разрешить строительство тоннелей на их территории⁷.

---

⁵ Japan autonomous driving. URL: <https://www.Official Website of the International Department of Commerce USA>. 28 November 2023 (дата обращения: 31.05.2024).

⁶ An AI star seeks to bring self-driving cars to Japan by 2030. URL: <https://www.Japantimes.co.jp>>Japan 22 April 2024 (дата обращения: 01.06.2024).

⁷ Проект самого скоростного поезда в мире столкнулся с трудностями. URL: <https://www.Rossaprima vera.ru>>news (дата обращения: 11.05.2024).

На сегодняшний день существует лишь один эксплуатируемый поезд Маглев. Он соединяет центр Шанхая (Китай) с аэропортом. Его максимальная скорость 430 километров в час, что позволяет попасть в центр Шанхая из аэропорта всего за 7 минут. Очевидно, что соперничество между Японией и Китаем в области скоростного транспорта будет только нарастать⁸.

Основными направлениями научно-технического прогресса в морском транспортном флоте в ходе четвертой промышленной революции стали переход на альтернативные виды топлива и применение искусственного интеллекта. К 2025 г. японские компании планируют построить флот автономных судов. Инициаторы этой программы — крупнейшие японские судоходные компании «Мицуй ОСК Лайнс» и «Ниппон Юсэн». Флот автономных грузовых судов, которые перемещаются по мировому океану с использованием искусственного интеллекта, составит 250 единиц. Строительство судов обойдется компаниям в сотни миллионов долларов. Технология будет основана на концепции «Интернета вещей». Она предусматривает подключение и взаимодействие устройств и оборудование судов через интернет для сбора и анализа данных о погодных условиях, о доставке и др. и построения маршрута судна. Предполагается, что исключение человеческого фактора позволит сократить риски и повысить безопасность судоходства⁹.

Другое направление научно-технического прогресса — создание судов, работающих на альтернативных видах топлива с целью сократить выбросы углекислого газа. Японские компании сформировали консорциум U5Lab для создания новой инфраструктуры морских перевозок. Они разрабатывают аккумуляторно-электрические суда с нулевым уровнем выбросов¹⁰.

Перспективы развития автомобильного транспорта тесно связаны с научно-техническим прогрессом и курсом правительства на создание «низкоуглеродного» общества. У электромобилей и водородных автомобилей имеется такое преимущество, как бесшумный ход без выброса углерода. Аналитики отмечают, что электромобили приживаются в Японии медленнее, чем в Китае, США и Европе. Ни один японский автопроизводитель не входит в топ-20 производителей электрокаров: японцы долгое время предпочитали наблюдать, как переход на электротягу происходит в других странах. Правительство Японии поставило цель: к 2035 г. все продаваемые в стране новые автомобили делать экологически чистыми. Планируется субсидировать часть стоимости покупки аккумуляторных электромобилей, гибридных электрокаров и автомобилей на топливных элементах. С 2025 г. все новые многоквартирные дома в Токио должны будут обеспечивать зарядное устройство для электромобилей. В настоящее время национальное правительство Японии покрывает 50% стоимости устройств для электромобилей ценой до 350 тыс. иен и 100% на установку для электрокаров ценой до 1,5 млн иен¹¹. По состоянию на 2019 г. в Японии насчитывается 123 700 электромобилей. Количество автомобилей с водородным топливом предполагается довести к концу 2025 г. до 300 000. В общей сложности автомобилей на новых видах топлива (считаются гибридными) — свыше 11 млн. Основная область усилий правительства и деловых кругов — это коммерциализация автомашин с низкоуглеродным топливом¹².

Конечно, океан проблем, обрушившийся на Японию, не мог не сказаться на развитии транспорта. Четвертая промышленная революция идет в тяжелых условиях. Если в ходе кризиса (2000–2002) расходы на обновление и содержание инфраструктуры коррелировали с ростом расходов

---

⁸ Поезд Маглев в Шанхае. URL: <https://gochina.ru>poezd maglev> (дата обращения: 11.05.2024).

⁹ Крупнейшие судоходные компании Японии. URL: <http://expert.ru> (дата обращения: 24.02.2021).

¹⁰ Электрический танкер с батареей 35. URL: <http://naukatehnika.com/elektricheskiy-tanker-s-batazeej-35> (дата обращения: 24.02.2021)].

¹¹ Японский электромобильный переход. URL: <https://oilcapital.ru>news>yapon> 20 марта 2023 (дата обращения: 19.05.2024).

¹² Там же.

на инфраструктурное, прежде всего транспортное, строительство, то в послекризисный период (2003–2007) и последующие годы продолжающихся низких темпов экономического роста обнаружилось стремление к сокращению расходов на общественные работы, что неизбежно приводит к уменьшению расходов на обновление и содержание инфраструктуры. По основанному на экономикоматематических подсчетах утверждению известного японоведа В. Б. Рамзеса, «стране не удастся проводить в полном объеме даже необходимые меры по обновлению инфраструктуры и ее поддержанию в порядке». Далее он делает прогноз: «К 2030 г. пороговый уровень опустится до отметки, позволяющей выделить на эти меры лишь 78,8% минимально требуемой суммы» [Рамзес, 2008, с. 88].

За деградацией инфраструктуры неизбежно последует снижение качества жизни японцев, ухудшение экологии, ослабление противодействия стихийным бедствиям и природным катаклизмам, другие тяжелые последствия. Еще сильнее будет отрицательное влияние изнашиваемой инфраструктуры на воспроизводственные процессы в стране. Нечто подобное уже происходит в США, о чем свидетельствует, например, почти ежедневный сход грузовых поездов с рельс.

Перед японским правительством встает бифуркационный выбор: или сохранять старый подход к развитию инфраструктуры, основанный на чрезмерном финансировании общественных работ и тормозящий финансирование других подразделений общественного воспроизводства, или выработать новый подход, предусматривающий избирательное отношение к развитию отдельных видов инфраструктуры, отказ от крупных государственных транспортных инвестиционных проектов, большее участие отдельных регионов и мелких территориальных образований в ее развитии. При любом варианте дальнейшего развития транспортной инфраструктуры сохраняется долгосрочная потребность в усилении ее резистентности к природным катаклизмам [Рамзес, 2008, с. 88].

В условиях четвертой промышленной революции перед страной встает выбор направлений, темпов и степени перехода к использованию альтернативных источников энергии на транспорте. Конечно, такая стратегия до 2030 г. существует, но в свете последних экономических событий она требует серьезных корректив.

В заключение следует отметить следующее. Четвертая промышленная революция в западных странах идет весьма не быстро по сравнению с предыдущей научно-технической (третьей промышленной революцией). Вероятно, это происходит в некоторой степени оттого, что одним из основополагающих стимулов экономического роста в предыдущие перевооружения экономики была прибыль, а в ходе современного технологического переворота все большее значение приобретает целеполагание [Широков, 1998, с. 210]. В результате — частые ошибки, забегание вперед, а затем откат. Переоснащение материально-технической базы транспорта Японии происходит неравномерно. С одной стороны, очевидны большие перемены, включая применение искусственного интеллекта, новых видов энергии, сочетание виртуальных и реальных составляющих на транспорте. С другой стороны, началась деградация уже построенной инфраструктуры, особенно транспортной, что является следствием затяжной экономической депрессии, длящейся уже четверть века. От того, насколько хватит экономического потенциала Японии на проведение четвертой промышленной революции, зависит будущее всей экономики Страны восходящего солнца.

Литература / References

Авдаков И. Ю. Особенности первой промышленной и второй технологической революции на транспорте Японии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3 (25) С. 220–227 [Avdakov I. Yu. Peculiar Features of the First Industrial and Second Technological Revolutions in Japanese Transport. *Journal of the Institute of Oriental Studies*. 2023. No. 3 (25). Pp. 220–227 (in Russian)].

Акимов А. В. Четвертая промышленная революция и формирование новой системы производительных сил // *Страны Азии и Африки в XXI веке и научно-технический прогресс*. М., 2018. С. 93–101 [Akimov A. V. The Fourth Industrial Revolution and Formation of a New System of Productive Forces: Economic Development and Scientific Progress. *Asian and African Countries in the XXI Century: Economic Development and Scientific Progress*. Moscow, 2018. Pp. 93–101 (in Russian)].

Рамзес В. Б. Экономика демографического кризиса // Япония: свет и тени. М., 2008. С. 29–93 [Ramzes V. B. The Economy of Demographic Crisis. // Japan: the Light and Shadows. Moscow, 2008. Pp. 29–93.

Тимонина И. Л. Преобразование производственной структуры Японии в условиях четвертой промышленной революции // *Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс*. М., 2018. С. 129–139 [Timonina I. L. Transformation of the Production Structure in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution // *Asian and African Countries in the XXI Century: Economic Development and Scientific Progress*. Moscow, 2018. Pp. 129–139 (in Russian)].

Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. М., 2016. С. 230 [Shvab K. *The Fourth Industrial Revolution*. М., 2016. P. 230 (in Russian)].

Широков Г. К. *Парадоксы эволюции капитализма*. М., 1998. С. 1–214 [Shirokov G. K. *Paradoxes of the Development of Capitalism*. Moscow, 2008. Pp. 1–214 (in Russian)].

Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство земли, инфраструктуры и транспорта. Электронные ресурсы. Токио, 2012.

Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 2003. Pp. 1–1923.

Japanese Railway Technology. Tokyo, 2021. Pp. 1–182.

Электронные ресурсы/ Electronic resources

Крупнейшие судоходные компании Японии. Expert.ru. 2016/10/31 (дата обращения: 24.02.2021).

Первый в мире электрический танкер спустили на воду. URL: <https://lenta.ru/2021/12/23> (дата обращения: 14.05.2023).

Поезд Маглев в Шанхае. URL: <https://gochina.ru/poezd-maglev> (дата обращения: 12.05.2024).

Проект самого скоростного поезда в мире столкнулся с трудностями. Инф. агентство «Красная весна», 18 августа 2020 г. URL: <https://rossaprima.vera.ru/news> (дата обращения: 12.05.2024).

Четвертая промышленная революция. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.03.2024).

Японский электромобильный переход. URL: <https://oilcapital.ru/news/yapon>. 20 марта 2023 (дата обращения: 19.05.2024).

An AI star seeks to bring self-driving cars to Japan by 2030. URL: <https://www.japantimes.co.jp/Japan>. 22 April 2024 (дата обращения: 01.06.2024).

Nearly 70% of Japan prefectures weigh use of level 4 autonomous driving buses. URL: <http://english.kyodonews.net/49>. 3 January 2024 (дата обращения: 01.06.2024).

Japan autonomous driving. URL: Official Website of the International Department of Commerce USA. 28 November 2023 (дата обращения: 31.05.2024).

ОБОСТРЕНИЕ ВОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ В ИРАНЕ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2024

Н. М. Мамедова¹

Развитие Ирана в последние пятнадцать лет находится под сильным влиянием не только санкционного давления, но и климатических изменений. Актуальной проблемой стала проблема обмеления рек, высыхания озер и сокращения подземных водных ресурсов, составляющих большую часть ежегодного забора воды. К 2024 г. водохранилища страны были заполнены менее чем наполовину, практически на грани исчезновения находятся озера Хамун и Урмие. Водная проблема обострила не только внутренние отношения в стране, в т. ч. продовольственную проблему, но и отношения Ирана с соседними странами — из-за использования пограничных рек.

Ключевые слова: Иран, водная проблема, продовольственная проблема, климат, Каспийское море

Для цитирования: Мамедова Н. М. Обострение водной проблемы в Иране и ее социально-экономические последствия. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 103–110. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-103-110

EXACERBATION OF WATER PROBLEM IN IRAN AND ITS SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES

Nina M. Mamedova

Iran's development over the past fifteen years has been strongly influenced not only by sanctions pressure, but also by climate change. An urgent problem has become the problem of shallowing rivers, drying out lakes and reducing groundwater resources, which make up the majority of annual water intake. By 2024 the country's reservoirs were less than half full, and Lakes Khamun and Urmiye are almost on the verge of disappearing. The water problem has aggravated not only internal relations in the country, incl. food problem, but also Iran's relations with neighboring countries - due to the use of border rivers.

Keywords: Iran, water problem, food problem, climate, Caspian Sea

For citation: Mamedova N. M. Exacerbation of Water Problem in Iran and Its Socio-economic Consequences. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 3. Pp. 103–110. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-103-110

Иран, находящийся в центре Евразии, испытывает в последние несколько лет, как и другие страны Ближнего и Среднего Востока, последствия изменения климата. Для него наиболее актуальной проблемой стала проблема обмеления рек,

---

¹ Мамедова Нина Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mamedovan@mail.ru

Nina M. Mamedova, Ph.D.(Economy), Chief Researcher Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; mamedovan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4571-8206

высыхания озер и сокращения подземных водных ресурсов. По прогнозам Всемирного банка, составленным еще в 2012 г., в будущем эта проблема еще более обострится.

Таблица 1. Оценка потребности Ирана в пресной воде и объемов дефицита воды (в куб. км)

Годы	Потребность	Дефицит	% неудовлетворенности
2000–2009	74,5	9,0	12,1
2020–2030	84,1	21,8	25,9
2040–2050	97,1	39,9	41,1

Источник: Renewable Energy Desalination. Mena development Report. 2012. P. 35.

При росте потребности Ирана в пресной воде с 2020–2030 гг. к 2040–2050 гг. на 3,6% рост дефицита (неудовлетворенности за счет собственных источников) возрастет на 83,5%, а уровень дефицита (расчет автора) превысит 40% по сравнению с 12,1%, который фактически сложился уже к 2009 г. Для Ирана, не имеющего крупных рек, ледниковых массивов, основным источником запасов пресной воды являются осадки. От них зависят и запасы подземных вод, за счет которых удовлетворяется значительная часть потребности населения и сельского хозяйства в пресной воде — почти 55% по оценке 2022 г. (на июнь месяц) [Дерюгина, 2023, с. 128]. Но количество осадков в последние годы резко сократилось. Так, при среднегодовом уровне за последние 55 лет в 125,7 мм в 2023 г. (с октября 2022 г. до октября 2023 г.) их уровень составил всего 74,1 мм [Донья-е экте-сад. 17.11.2023], т. е. менее 60% (59%).

К началу марта 2024 г. наиболее крупные водохранилища страны, которые построены практически на каждой из рек, чтобы затем использовать воду из них для орошения пахотных земель, были заполнены только на 46% — меньше на 3%, чем в предыдущем году. А когда в 2022 г. плотины были заполнены даже на 60%, то это вызывало недовольство населения и крайнюю озабоченность властей из-за перебоев в снабжении водой населения и домашнего скота. В некоторых районах прошли сильные протестные движения в связи с недостатком воды (в Хузестане в 2022 г., в ноябре 2023 г. — в провинции Чахармахал и Бахтиария). И хотя осенние протесты в 2022 г. начались в ответ на смерть Махсы Амини, в отдельных провинциях они были обусловлены снижением жизненного уровня населения и проблемами снабжения водой. Наиболее ярко это проявилось в Систане и Белуджистане, где из-за уменьшения стока р. Гильменд (от гор Гиндукуша до озера и болот Хамун) из Афганистана недовольство населения недостатком воды не только для ведения сельского хозяйства, но и для питья людей и домашнего скота было весьма сильным. Проблемы с обеспечением водой возникли почти сразу после установления исламской республики, но как крупная отдельная проблема стали приобретать не только экономическое, но и политическое значение в последнее десятилетие. Так, еще в декабре 2018 г. эта проблема, время от времени вызывающая протесты в разных городах страны, стала причиной отставки 18 депутатов. В последние два-три года она еще более обострилась. В сентябре 2023 г. депутаты меджлиса написали открытое письмо, в котором заявили, что запасы воды в Систане и Белуджистане вскоре будут исчерпаны, и двухмиллионному населению этой провинции придется ее покинуть. Такая ситуация, вероятно, и стала причиной того, что протестное движение 2022–2023 гг. в Систане и Белуджистане было подавлено позже, чем в других провинциях страны. В Иране был даже снят документальный фильм «Некогда Хамун», в котором была дана картина современного упадка этого района на месте плодородных земель около болот и озера².

² В Иране гонятся за последними каплями воды. URL: <https://dzen.ru/a/ZP7NJ7JaY28Bpryp> (дата обращения: 20.11.2023).

Сложная ситуация сложилась и в провинции Исфахан, где в 2021 г. пересохла р. Заянде-руд и где развернулось протестное движение именно из-за отсутствия мер по обеспечению водой.

К маю 2024 г. водохранилища страны были заполнены водой только на 32%, причем крупные — на 68%, лишь 7 водохранилищ заполнены полностью. При этом общая производительность плотин в связи со строительством новых увеличилась на 10%. Заполненные полностью водохранилища — при плотине Дез в провинции Хузестан, Арас в Восточном Азербайджане, при плотинах Илам и Хайрабад в провинции Систан и Белуджистан (в результате сильных муссонных дождей весной 2024 г.), Азад и Кашлак — в Курдистане, Каусар и Бойер Ахмад Шахид — в Кохгилуйе. Заполненность плотин объясняется тем, что в 2024 г. увеличилось количество осадков (на 3%) по сравнению со средним многолетним показателем и на 20% по сравнению с прошлым годом³.

Система плотин и водохранилищ, которые стали массово строиться еще в шахский период для увеличения поливных земель, в исламский период практически не модернизировалась, в т. ч. и из-за того, что внимание все больше уделялось обеспечению водой из подземных источников. Из-за санкций были потеряны связи с зарубежными ирригационными компаниями. В результате водохранилища не справляются с потоками воды в случае внезапных ливневых дождей, как это случилось, например, в июле 2023 г., в январе и в конце февраля 2024 г. в Систане и Белуджистане — провинции, долго до этого страдавшей от засухи. Как отмечалось выше, это один из самых засушливых районов Ирана, и водохранилища и дамбы рек, в т. ч. реки Сарбаз, при этих муссонных ливнях не смогли использовать дождевую воду, а повреждение дамб на реках провинции привело к затоплению жилых домов.

Т.к. в вышедшей в 2023 г. коллективной монографии «Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки» [Дерюгина, 2023] я подробно останавливалась на ситуации с подземными водами, в данной статье хочу отметить, что их запасы все более сокращаются, эксплуатация колодцев все более строго контролируется, а рытье новых повсеместно в настоящее время запрещено.

В целом по стране ситуация с водой, несмотря на прошедшие весной 2024 г. дожди, остается очень напряженной. Только в столице страны — в Тегеране в 2024 г. запасы воды в водохранилищах сократились до самого низкого уровня за последние 50 лет. Показательно, что многие из ранее существовавших в Тегеране кяризов (подземная гидротехническая система) вообще пересохли.

Какие меры могут предпринять и предпринимают власти Ирана в этой ситуации?

Так как переброска пресных вод из северных стран — из области фантастики, пожалуй, наиболее реальным методом остается опреснение морской воды. В 2022 г. меджлисом был одобрен проект переброски воды из Оманского залива в Систан и Белуджистан. Есть и другие проекты, менее масштабные и более спорные. Например, проект по доставке морской воды из Персидского залива в провинцию Фарс или из Каспия в провинцию Семнан. Последний встречает наибольшие возражения и пока меджлисом не одобрен. Трубопровод из Персидского залива в Фарс находится на стадии укладки труб. Наибольшее внимание уделяется прокладке трубопровода из Оманского залива в Систан и Белуджистан с перспективой его продления до Хоросана, т. е. до Мешхеда. В рамках этого проекта необходимые инвестиции поручено обеспечить Министерству энергетики

³ 32% водохранилищ пусты, 7 заполнены на 100% [32 дарсад мохазан садха-йе кешвар хали аст / 7 порсад 100 дарсад пор хастанд]. ISNA News Agency. 13.03.1403. URL: <https://www.isna.ir/news/1403031308892/%D8%B3%DB%B2-%D8%AF%D8%B1%D8%B5%D8%AF-%D9%85%D8%AE%D8%A7%D8%B2%D9%86-%D8%B3%D8%AF%D9%87%D8%A7%DB%8C-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1-%D8%AE%D8%A7%D9%84%DB%8C-%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%DB%B7-%D8%B3%D8%AF-%D8%B1%DB%B0%DB%B0-%D8%AF%D8%B1%D8%B5%D8%AF-%D9%BE%D8%B1-%D9%87%D8%B3%D8%AA%D9%86%D8%AF> (дата обращения: 20.06.2024). На перс. яз.

и Министерству промышленности, рудников и торговли⁴. Прокладка этого водопровода могла бы смягчить проблему с обеспечением водой населения Систана и Белуджистана, где по 7 месяцев не бывает дождей, а температура в июле превышает 50 градусов.

Оценки его выполнения очень разнятся — президент И. Раиси в сентябре 2023 г. заявлял во время посещения его строительства о том, что он реализован на 50%, а в январе 2024 г. было официальное заявление о выполнении на 24%, что более реально. При этом выполняется пока наименее сложная с технической и технологической стороны работа — прокладка труб, т. к. по трубам пойдет морская вода, которая будет опресняться на местах потребления. Параллельно с трубами прокладывается линия электропередач протяженностью 1530 км (до Хоросана), т. к. опреснение весьма энергозатратно. О том, что работы по прокладке водного трубопровода активно ведутся, свидетельствует то, что Иран уже начал подбор фильтров для опреснения. В этом проекте возможно и участие России, т. к. российские фильтры проходили испытания именно в Оманском заливе — в Чабахаре, который превращается в один из крупнейших портов и железнодорожный узел на юго-востоке Ирана.

Наибольшие возражения у общественности и меджлиса вызывают проекты, связанные с Прикаспием и северными территориями. Они требуют вырубки лесов, сопровождаются нарушением среды обитания диких животных, ведут к засолению почвы. Кроме того, проекты, связанные с Каспийским морем, сталкиваются с таким явлением, как понижение уровня этого моря, обусловленное снижением уровня рек, впадающих в Каспий, в т. ч. Волги.

Разрабатываются проекты опреснения морской воды с помощью электроэнергии от АЭС небольшой мощности. Появляющиеся в иранской прессе подобные сообщения об объективной необходимости строительства малых АЭС не улучшают отношения Запада к Ирану, но Ирану необходимо решать проблему опреснения морской воды. В иранских СМИ, на совещаниях разного уровня, посвященных водной проблеме, много говорится о необходимости внедрения капельного орошения, о резком отказе от производства водолюбивых культур, об изменении всей сложившейся веками структуры посевных площадей. Но такие изменения требуют и новых технологий и валютных средств, а их получение осложняется санкционной политикой Запада в отношении Ирана. Например, затраты на воду при выращивании даже фисташек, одной из традиционно важнейших экспортных культур Ирана, оказываются сейчас выше, чем прибыль от их экспорта. Если поднимется цена на воду, ситуация еще более осложнится.

Проявлением водного кризиса стало не только обмеление и пересыхание рек и колодцев, но и высыхание крупных водоемов. Это, прежде всего, система озер Хамун и крупнейшее озеро Ирана — Урмийе. Система озер Хамун в период сильных паводков р. Гильменд и других мелких рек представляет единую водную поверхность, но обычно состоит из нескольких озер — от пресных до соленых. Сток реки Гильменд регулируется Соглашением, подписанным еще в шахский период, в 1973 г. И это соглашение, а вернее объемы стока воды в Иран, зачастую становятся объектом споров между Афганистаном и Ираном, иногда приводящим к военным столкновениям, как это случилось в мае 2023 г. Уменьшение стока р. Гильменд в настоящее время стало причиной высыхания системы Хамун. В Иране эта территория имеет статус охраняемой (Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях 1971 г.), но афганские озера общего водоема Хамун не имеют никакого водоохранного статуса.

---

⁴ Иран планирует решить проблему засухи за счет водных ресурсов Аравийского моря. Anadolu Ajansı. 12.01.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-планирует-решить-проблему-засухи-за-счет-водных-ресурсов-аравийского-моря/2471861> (дата обращения: 12.01.2022).

Серьезная нехватка воды привела к высыханию соленого озера Урмийе, самого большого озера Ближнего Востока. За последние несколько лет его площадь сократилась более чем вдвое. Пришлось закрыть даже паромную переправу, т. к. из-за возросшей плотности воды перестали работать двигатели судов. В настоящее время почти половина площади озера представляет собой соляную пустыню. Но еще в 1967 г. основная часть озера вошла в национальный парк, а ЮНЕСКО из-за необычайной экосистемы озера признало его хранилищем биосферы⁵.

Одним из решений водной проблемы является очистка и использование сточных вод. В Иране их доля растет, а до исламской революции очистки и рекультивации сточных вод практически не было. За время санкций удалось наладить производство многих видов оборудования для очистки, даже производство очистительных фильтров в настоящее время, по заявлению некоторых официальных лиц, начало работать. Но очистка воды, как и опреснение морских вод, осложняется до сих пор санкционными ограничениями на поставки необходимого оборудования и химических реагентов. Конечно, многое ввозится по «серому импорту» из ОАЭ и Китая. Эта проблема планами правительства учитывается, в т. ч. путем расширения сотрудничества с Россией.

Одно из главных последствий водной проблемы — обострение продовольственной безопасности. Усилившаяся зависимость внутреннего рынка от закупок зерна и растительного масла остро поставила вопрос не только о рациональном использовании воды (в провинции Йезд даже приступили к реализации пилотного проекта о введении цен на воду), но и об изменении структуры посевных площадей с точки зрения расходования воды на ирригацию. Еще по состоянию на 2015 г. были сделаны расчеты о потребности различных культур в орошении и о степени самообеспеченности. Потребность в пшенице (при населении в 80 млн была определена в 14,47 млн тонн, а средняя урожайность — 10,97 млн тонн. Степень самообеспеченности — 75,8%, при этом потребность в воде для покрытия потребности в пшенице составляла 13,54 млн куб. м., а было израсходовано 10,26 млн куб. м., т. е. всего 75,8% от потребности в воде для покрытия потребности в пшенице. Чтобы полностью обеспечить население в продовольствии, необходимо было в 2015 г. расходовать на ирригационные нужды 128,1 млн куб. м. воды, а фактический забор воды составил 86 млн куб. м [A. Soltani, S. M. Alimaghani, A. Nehbandani, B. Torabi, E. Zeinali, E. Zand, V. Vadez, M. P. van Loon, M.K. van Ittersum, 2020, Tab. 2].

В результате обострения водной проблемы ставится вопрос о рациональном потреблении стратегически важных продовольственных культур, в первую очередь хлеба. В Иране оно составляет больше 160 кг на человека в год (десять лет назад — 150 кг), в России — 60 кг, в Турции — почти 200 кг. Для Ирана высокое потребление хлеба — в традиции питания. Сокращение сборов и необходимость импорта в условиях ограничения валютных средств делает необходимым сокращение государственных субсидий на импорт пшеницы, субсидий пекарням на выпечку обычного хлеба, что в 2022 г. привело к подорожанию хлеба и к хлебным волнениям, когда даже поджигали магазины.

Наиболее негативное социальное последствие водного кризиса — продовольственная инфляция, она значительно (почти на 10%) выше общей инфляции, и этот разрыв особенно наглядно проявляется в отношении децилий населения с наименьшими доходами. В 2022/23 г. общая инфляция составляла 46,5%, а продовольственная — 54,6%. При этом нужно иметь в виду, что уровень бедности в Иране с 2011 по 2020 г. увеличился с 20% до 28% (6,85 долл./день).

Пожалуй, наиболее важным макроэкономическим последствием водной проблемы стало значительное отставание темпов роста сельского хозяйства от темпов роста ВВП.

⁵ Соленое розовое озеро Урмия в Иране. РИА Новости. 31.08.2016. URL: <https://ria.ru/20160831/1475696795.html> (дата обращения: 20.01.2024).

Таблица 2. Темпы роста населения и ВВП (в постоянных ценах)

Годы	Население	ВВП	В т. ч. сельское хозяйство
2020/21	1,2	4,1	3,2
2021/22	1,3	4,4	-2,6
2022/23	0,8	4,0	1,1
2023/24 (прогноз)	0,7	4,8	2,2

Источник: Central Bank of Iran. The Economic Trends. 1402 (2023/2024). № 113. Рр. 1, 3.

Пока среднегодовой рост населения не превышает темпы роста сельского хозяйства, но они почти сравнялись (население — 0,7–0,8%, но по некоторым оценкам — 1,0%) и стали повышаться — главным образом за счет сельского населения, что может еще больше осложнить и продовольственную, и водную проблемы.

Водная проблема становится международной, т. к. в прошлом и текущем году споры вокруг использования пограничных рек приобретали характер военных конфликтов. Водных ресурсов в регионе и из-за климатических изменений, и из-за нерационального их использования становятся все меньше, и конкуренция за право обладания водой будет возрастать. Особенно это касается Ирана, где в результате строительства большого количества плотин и неправильного распределения водных ресурсов увеличился уровень солености 14 рек и 40 водохранилищ, две трети страны стали превращаться в пустыню, а главное, стал снижаться уровень грунтовых вод, и значит, начали пересыхать кяризы (подземные арыки) и колодцы. В отношениях с соседними странами эти противоречия прежде всего касаются Афганистана (р. Гильменд) и Пакистана (тоже в районе Белуджистана и Систана). Обострились в последнее время и отношения с Ираком (Иракский Курдистан) из-за ограничений Ираном сброса реки Малый Заб — притока Тигра (после того как Иран построил на этой реке новую плотину). Напряженность из-за воды начинает ощущаться и в отношениях с Турцией, которая строит каскады плотин и электростанции на реках Евфрат, Тигр и Аракс, что привело к сокращению сброса воды не только в Сирию, но и к устью Тигра и Евфрата на приграничной территории Ирана. Доля Ирака в стоке воды в Шатт-эль-Араб (после слияния рек Тигра и Евфрата), по расчетам турецких экспертов, составляет 51%, Турции — 40%, Ирана — 9%⁶.

Отношения с Азербайджаном по поводу строительства плотин и гидроузлов на р. Аракс (Арас) Иран решил путем соглашений о строительстве этих объектов, оговорив право Ирана на ирригацию своих пахотных земель, на поставки электроэнергии. 19 мая 2024 г. были пущены в эксплуатацию гидроузлы на Араксе — Ходаферин и Гыз-Каласы (построена новая плотина). Ирригационные каналы от этих водохранилищ будут проложены в Азербайджане, а также в Иране — в провинциях Восточный Азербайджан и Ардебиль.

Особое место в отношениях Ирана с соседними странами занимает Каспийское море, которое в последние годы обнаруживает тенденцию к обмелению. Причем периоды падения и подъема уровня воды имеют исторические циклы. По мнению ряда европейских ученых, до конца XXI в. уровень Каспийского моря может упасть на 9–18 метров. В результате Баку уже не будет портом, залив Кара-Богаз-Гол в Туркменистане исчезнет, а в северной части моря освободятся огромные площади суши. С 2005 г. уровень Каспийского моря снижается примерно на 20 сантиметров в год. Особенно напряженная ситуация сложилась в северной части водоема, у границ Казахстана и России, где обнажились большие участки суши. Конечно, начали высказываться претензии к России, т. к.

⁶ AL-monitor: Между Турцией и Ираном назревает водный кризис? Caliber.Az | Новости Азербайджана и мира. 14.05.2022. URL: <https://caliber.az/post/79528/> (дата обращения: 20.01.2024).

наибольший приток воды дает р. Волга. И уменьшение стока воды связывается с водохранилищами, построенными на Волге. Однако учитывается и то, что колебания уровня моря были свойственны разным периодам. По данным Института географии Национальной академии наук Азербайджанской Республики, за последние четыре тысячи лет уровень Каспийского моря каждые 250 лет снижается, а затем в течение такого же периода повышается. Так, с 1837 г. по настоящее время произошли три резких изменения уровня Каспия. В первый период — с 1837 по 1930 г. уровень понизился примерно на 1 метр, с 1930 по 1977 г. — на 3 метра, а с 1978 по 1995 г. поднялся на 2,5 метра. Затем море опять перешло к обмелению. С 1995 г. по сегодняшний день уровень Каспийского моря понизился на 2 метра. И такое снижение, вероятно, продлится до 2040 г.⁷ Снижение уровня моря затронуло и Иран, его морские порты Энзели и Астара. Российская сторона учитывает влияние на ситуацию построенных на Волге водохранилищ. Их 9. Это Верхневолжское, Ивановское, Угличское, Рыбинское, Горьковское, Чебоксарское, Куйбышевское (одно из крупнейших в мире), Саратовское, Волгоградское водохранилища. Вода из них расходуется для орошения, и это не могло не повлиять на то, что за последние 20 лет площадь Каспия сократилась более чем на 23 тыс. кв. км. Подписанный в Актау в 2018 г. международный договор — Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, который предусматривает управление ресурсами моря, а также Тегеранская, или рамочная Конвенция по защите морской среды Каспийского моря, подписанная прикаспийскими странами в 2003 г. в Тегеране (вступила в действие в 2006 г.), также будут способствовать сохранению главного ресурса Каспия — самого моря, и не исключено, что потребуют включения в них новых статей о совместных действиях прикаспийских стран по поддержанию уровня Каспийского моря.

Литература / References

Дерюгина И. В. (отв. ред. и сост.). *Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки*. М., 2023 [Deryugina I. V. (ed. and comp.). *Food and resource security in Asian and African countries*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Донья-е эктесад. 17.11.2023.

A. Soltani, S. M. Alimagham, A. Nehbandani, B. Torabi, E. Zeinali, E. Zand, V. Vadez, M. P. van Loon, M.K. van Ittersum. Future food self-sufficiency in Iran: A model-based analysis. *Global Food Security*. Vol. 24. March 2020, Article 100351.

Электронные ресурсы / Electronic resources

32 дарсад мохазан садха-йе кешвар хали аст / 7 порсад 100 дарсад пор хастанд. ISNA News Agency. 13. 03. [32% Water Reservoirs Empty, 7% Filled 100%] ISNA News Agency. 13. 03. 1403 (in Persian)]. URL: <https://www.isna.ir/news/1403031308892/%D8%B3%DB%B2-%D8%AF%D8%B1%D8%B5%D8%AF-%D9%85%D8%AE%D8%A7%D8%B2%D9%86-%D8%B3%D8%AF%D9%87%D8%A7%DB%8C-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1-%D8%AE%D8%A7%D9%84%DB%8C-%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%D8%B7-%D8%B3%D8%AF-%DB%B1%DB%B0%DB%B0-%D8%AF%D8%B1%D8%B5%D8%AF-%D9%BE%D8%B1-%D9%87%D8%B3%D8%AA%D9%86%D8%AF> (дата обращения: 20.06.2024).

В Иране гонятся за последними каплями воды. URL: <https://dzen.ru/a/ZP7NJ7JaY28Vrgrp> (дата обращения: 20.11.2023).

⁷ Таривердиева Л. Каспий ушел. Но обещал вернуться. Новости и погода Азербайджана, Армении и Грузии — портал Day.Az. 19.06.2024. URL: <https://news.day.az/society/1667310.html> (дата обращения: 20.06.2024).

Иран планирует решить проблему засухи за счет водных ресурсов Аравийского моря. Anadolu Ajansi. 12.01.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-планирует-решить-проблему-засухи-за-счет-водных-ресурсов-аравийского-моря/2471861> (дата обращения: 12.01.2022).

Соленое розовое озеро Урмия в Иране. РИА Новости. 31.08.2016. URL: <https://ria.ru/20160831/1475696795.html> (дата обращения: 20.01.2024).

Таривердиева Л. Каспий ушел. Но обещал вернуться. Новости и погода Азербайджана, Армении и Грузии — портал Day.Az. 19.06.2024. URL: <https://news.day.az/society/1667310.html> (дата обращения: 20.06.2024).

AL-monitor: Между Турцией и Ираном назревает водный кризис? Caliber.Az | Новости Азербайджана и мира. 14.05.2022. URL: <https://caliber.az/post/79528/> (дата обращения: 20.01.2024).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-111-131

ВКЛАД Н. А. ХАЛФИНА В КУРДОВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ II

© 2024

Н. З. Мосаки¹

Настоящая работа завершает статью о вкладе выдающегося советского историка-востоковеда Нафтулы Ароновича Халфина в курдоведение. Приведены ранее неизвестные и малоизвестные сведения о курдоведческой *Magnus opus* Халфина — монографии «Борьба за Курдистан», изданной в 1963 г., в частности, письмо МИД СССР, анализ критики армянской историографии в адрес Халфина, обусловленной введением им в научный оборот термина «Курдистан» и сложившимся курдско-армянским ономастическим антагонизмом — в связи с названием региона, обозначенным армянской историографической и географической науками как Западная Армения, а курдами — [Северный] Курдистан. Показан контекст «борьбы рецензий» на эту книгу, фактически положившей начало новому направлению в курдоведении, заключающемуся в изучении курдского вопроса в историко-международном контексте, и влияние ее восприятия на научную деятельность М. С. Лазарева. Представлено письмо известного курдолога Джалиле Джалила М. С. Лазареву. Показано также восприятие монографии Н. А. Халфина исследователями курдского происхождения, представлена информация о переводах этой книги на восточные языки.

Ключевые слова: Н. А. Халфин, М. С. Лазарев, Джалиле Джалил, востоковедение, курдоведение, Институт востоковедения, Курдистан, курдский вопрос, курдская проблема, армянская историография

Для цитирования: Мосаки Н. З. Вклад Н. А. Халфина в курдоведение. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 111–131. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-111-131

CONTRIBUTION OF N. A. KHALFIN TO KURDISH STUDIES.

PART II

Nodar Z. Mossaki

This work completes the article on the contribution of the outstanding Soviet historian-orientalist Naf-tula Aronovich Khalfin to Kurdish studies. Previously unknown and little-known information about Khalfin's Kurdology *Magnus opus* the monograph "The Struggle for Kurdistan" published in 1963 is presented, in particular, a letter from the USSR Ministry of Foreign Affairs, an analysis of criticism of Armenian historiography against Khalfin, due to his introduction of the term "Kurdistan" into scientific circulation. and the established Kurdish-Armenian onomastic antagonism – in connection with the name of the region, called Western Armenia by the Armenian historiographical and geographical sciences, and [Northern] Kurdistan by the Kurds. The context of the "fight of reviews" for this book is shown, which actually marked the beginning of a new direction in Kurdish studies, which consists in the study of the Kurdish issue in the historical and international context and the influence of its perception on the scientific activity of M. S. Lazarev. A letter from the famous Kurdologist

---

¹ Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nodarmossaki@gmail.com

Nodar Z. Mossaki, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nodarmossaki@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8268-006X

Celilê Celil to M. S. Lazarev is presented. The perception of N. A. Khalfin's monograph by researchers of Kurdish origin is also shown, and information about the translations of this book into Eastern languages is presented.

Keywords: N. A. Halfin, M. S. Lazarev, Jalile Jalil, oriental studies, Kurdish studies, Institute of Oriental Studies, Kurdistan, Kurdish question, Kurdish problem, Armenian historiography

For citation: Mossaki N. Z. Contribution of N. A. Khalfin to Kurdish Studies. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 111–131. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-111-131

В 1963 г. была издана знаменитая монография Халфина «Борьба за Курдистан» [Халфин, 1963], ставшая важнейшей вехой в истории курдоведения, положив начало историко-международной школе в курдологии. Примечательно, что хотя вышедшая на следующий год монография Лазарева «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. — 1917 г.)» [Лазарев, 1964], ставшая первой частью его знаменитой трилогии [Лазарев, 1964; 1972²; 1989; 2005a], существенно больше по объему и в какой-то степени глубже и скрупулезнее, ее автор отмечал, что именно книга Халфина, положившая начало новому направлению в курдоведении — изучению «международного аспекта курдской проблемы» [Лазарев, 1968a, с. 163; Лазарев, 1964, с. 11] и «впервые доказывающая наличие курдского вопроса в системе международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в течение всего XIX века» [Лазарев, 1968b, с. 19; Лазарев, 1972, с. 21; Лазарев 1968c], создала «научную основу для изучения курдской проблемы в XIX в. и, в частности» [Лазарев, 1994, с. 178], послужила «отправной точкой для» его «исследований по этой теме» [Лазарев, 1994, с. 178; Лазарев, 1968b, с. 19; Лазарев, 1968a, с. 163; Лазарев, 1972, с. 21]. Мне представляется, что в этом утверждении Лазарева о роли монографии Халфина имеется некоторое преувеличение, поскольку Халфин и Лазарев в изучении курдской проблемы двигались, можно сказать, параллельным курсом, причем Лазарев более сконцентрированно и надолго. Эта гипербола со стороны Лазарева обусловлена характерным для биографических работ стилем, и им, очевидно, проявлена скромность в отношении своей персоны, однако в ней, несомненно, видится заслуженное уважение к Халфину как к старшему товарищу. В этом контексте можно считать неслучайным даже спустя много лет общую ссылку на монографию Халфина [Халфин, 1963a] и последовавшую за ней свою книгу [Лазарев, 1964; 1972] при анализе стремления колониальных и империалистических держав «установить военно-политический», а впоследствии «и экономический контроль над территорией Курдистана» [Лазарев, 2012, с. 105, 112].

Отдельно анализировать содержание монографии Халфина, ставшей, безусловно, важнейшей вехой в истории курдоведения, весьма оперативно доставленной в западные библиотеки, а также скоро переведенной на крупнейшие языки Ближнего и Среднего Востока, в связи с чем главные потребители информации о курдах (западные курдоведы и историки-востоковеды, курдские политические деятели, а также, очевидно, представители соответствующих служб стран, в состав которых входит Курдистан, не говоря уже о советских исследователях курдов) получили доступ к ней, в отличие от многих других советских востоковедных изданий, представляется излишним. Она (включая переводные версии) до сих пор является одним из важнейших источников при изучении международного аспекта курдской проблемы и зарождении курдского вопроса и весьма активно цитируется. Более интересным аспектом историографии этой работы является анализ ее влияния на различные стороны курдоведения сквозь призму политического восприятия курдского вопроса различными сторонами, что ранее не являлось темой исследования. Почти все материалы, используемые в связи с этим, ранее не изучались и вводятся в научный оборот впервые.

² Монография «Курдский вопрос. 1891–1917» [Лазарев, 1972] является переработанным и дополненным новыми материалами изданием книги «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. — 1917 г.)» [Лазарев, 1964].

Будучи выполненной, как уже отмечалось, по поручению «сверху» в связи с актуализацией курдского вопроса, монография Халфина перед изданием направлялась в МИД СССР (скорее всего, она направлялась и в международный отдел ЦК КПСС, однако сведений об этом не имеется), правда, неизвестно, в порядке ознакомления или получения разрешения на публикацию. О заблаговременном направлении в МИД СССР работы Халфина понятно из следующей хронологии. На концевом титульном листе книги Халфина указано, что она сдана в набор 16.08.1963, а подписана к печати — 15.10.1963. Между тем Министерством иностранных дел СССР за подписью заместителя начальника Историко-дипломатического управления В. Мазаева директору Института народов Азии Б. Г. Гафурову было направлено письмо (на бланке МИД) от 17 апреля 1963 г., то есть еще за несколько месяцев до сдачи в набор и подписания в печать. В нем говорилось:

«Историко-дипломатическое управление МИД СССР считает работу тов. Халфина Н. А. «Курды в международных отношениях XIX — начала XX в.» весьма полезной для оперативного использования в служебной работе и просит выразить благодарность её составителю.

Одновременно прошу Вас дать указание предоставить в распоряжение Историко-дипломатического управления 3–4 экземпляра упомянутой работы».

Хотя работа Халфина не была связана с современным положением курдов в странах Ближнего и Среднего Востока, ее «полезность» с точки зрения «оперативного использования в служебной работе», очевидно, означала необходимость ее изучения для понимания истоков курдской проблемы дипломатами, по роду своей деятельности сталкивающимися с курдским вопросом.

На этом, ранее неизвестном, письме от руки дописано: «Доложено Б. Г. Гафурову. Получено его согласие на благодарность. 28.04.1963».

Письмо Историко-архивного управления МИД СССР за подписью Валерия Ивановича Мазаева (1927–2000) тем более ценно, что он являлся не просто дипломатом и «одним из крупнейших советских германистов», но «и самым компетентным экспертом по истории внешней политики России до 1917 года», долгое время возглавляя Архив внешней политики России³ [Максимычев, 2011, с. 45–46] (ныне — Архив внешней политики Российской империи МИД России, сокр. АВПРИ, ранее — АВПР), фонды которого широко использовались Халфиным при подготовке его монографии [Халфин, 1963, с. 7]. Очевидно, Халфин, работая в этом архиве, был знаком с В. И. Мазаевым.

Сведения о книге Халфина, понятно, были указаны в изданных советских справочных работах. Причем особо отмечалась ее антиимпериалистическая направленность, «разоблачение» колонизаторов, «борьба свободолюбивого народа».

В обзоре о советском востоковедении между двумя международными конгрессами (1960–1964), опубликованном в «Народах Азии и Африки», о монографии Халфина говорилось: «Советские востоковеды исследуют основные этапы осуществления империалистической политики западных держав, разоблачают миф о «цивилизаторской миссии» колонизаторов, выявляют правду о колонизаторах, выявляют правду о колониальных захватах и вызванных ими бедствиях народов Востока. Таковы работы... Н. А. Халфина «Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)» (М.: ИВЛ, 1963)» [Советское востоковедение, 1963, с. 247].

В справочнике о книгах Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» о «Борьбе за Курдистан» было сказано: «В книге рассказано о трагической судьбе курдского

³ После окончания МГИМО в 1951 г. В. И. Мазаев был направлен в командировку в Берлин в отдел информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ), в 1955–1957 гг. служил в консульстве СССР в Лейпциге, после чего вернулся в Москву, был назначен директором АВПР, оставаясь его руководителем до своей отставки в 1989 г. [Максимычев, 2011, с. 45–46]. Заместителем Историко-архивного управления МИД СССР В. И. Мазаев был назначен в 1961 г.

народа, оказавшегося в силу исторических условий разделенным между различными государствами. На основании малоизвестных источников автор повествует о борьбе курдов за свои права, о политике Англии и царской России в Курдистане, о деятельности разграничительных комиссий в этой горной стране, об особенностях жизни свободолюбивого курдского народа» [Книги, 1968, с. 41].

Вскоре после издания «Борьба за Курдистан» [Халфин, 1963] была включена советскими курдоведами в небольшие списки литературы к статьям о курдах [Вильчевский, 1965, с. 311] и восстании шейха Обейдуллы 1880 г. [Джалиле, 1971, с. 393], а также в обширный список источников к статье об Иране [Советская, 1965, с. 262].

Как уже отмечалось, «Борьба за Курдистан» [Халфин, 1963] весьма скоро после издания была переведена на все крупнейшие языки Ближнего и Среднего Востока. В 1969 г. она была издана в Ираке, в котором курдская проблема и освободительная борьба курдов под руководством Мустафы Барзани в тот период гремела на весь мир — в Багдаде и Сулеймании (Иракский Курдистан), соответственно, на арабском [Khalfin, 1969⁴] и курдском (диалект сорани) языках [Xalfin, 1969]. Первоначально ее перевод на арабский язык выходил частями в издании Демократической партии Курдистана в Багдаде — газете «аль-Таахи»⁵. Вскоре она была опубликована в Тегеране, являвшемся традиционно и особенно в тот период одним из основных игроков курдской проблемы в Ираке, в 1971 г. — на персидском и в Анкаре, где начинали действовать курдские политические группировки, в 1976 г. — на турецком языке [Halfin, 1976⁶]. Уже после распада СССР она была издана в Турции и на диалекте курманджи⁷ курдского языка [Xalfin, 2018] под названием «Положение курдов в XIX в.», что не совсем верный перевод оригинала — «Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)»⁸. Примечательно, что на сайте этого издательства о Халфине приведены краткие, но полностью вымышленные или даже, можно сказать, фантастические сведения, в целом характерные для курдских учреждений и организаций. Так, говорится, что, хотя о Халфине имеется мало информации, он из тех лиц, которых советское государство под видом дипломата отправило в Северный (Турецкий. — Н.М.) Курдистан, поручив подготовить книгу об истории курдов и Курдистана и собрать материалы о курдах в официальных и неофициальных архивах. Также отмечается, что от другого курдоведа — И. А. Орбели — известно, что Халфин для использования архивных материалов на восточных языках о курдах изучил персидский, арабский и османский языки⁹. Естественно, все это, за исключением поручения подготовить книгу о курдах, очевидно, имея в виду период после революции в Ираке 1958 г., является вымыслом — Халфин не был дипломатом, тем более не был отправлен в Турецкий Курдистан (да и как вообще советский дипломат мог быть отправлен в этот регион в конце 50-х — начале 60-х гг. с учетом

⁴ Сведения об этом арабском издании книги Халфина приводятся по [Ghalib, 2011, pp. 40, 145, 158].

⁵ Эта информация была добавлена Мартином ван Брюинессеном в примечании в статье [Mossaki, 2021, p. 117].

⁶ Переиздана в 1992 г.

⁷ Примечательно, что в изданной на курманджи книге Джалиле Джалила, неоднократно дававшего в своих работах высокую оценку монографии Халфина, название «Борьба за Курдистан» переведено разными способами и неправильно — один раз как «Война за курдов» [Celil, 1985, г. 116], второй раз — «Гнёт над Курдистаном» [Там же, г. 193].

⁸ Говоря о публикациях переводов книг советских курдоведов, следует отметить и такую проблему, не связанную с темой настоящей работы, как получение разрешения на эти издания. Насколько мне известно, все эти издания осуществлены фактически пиратским способом, то есть без получения соответствующих разрешений от учреждений, в которых работали соответствующие авторы (гриф которых присваивался изданиям), так и непосредственно от самих авторов. Западные учреждения и авторы традиционно более внимательно отслеживают нарушения авторских прав, в то время как труды советских востоковедов и писателей, в данном случае курдоведческого направления, зачастую выходили в переводе в различных курдских и не только курдских издательствах даже без уведомления владельцев этих прав (учреждений, авторов или их наследников). Далекое не всегда авторов извещали после издания переводов их работ. В определенном смысле советская наука сыграла для курдов большую социальную просветительскую роль в деле изучения их собственной истории, культуры, языка и литературы.

⁹ <https://www.lisyayinevi.com/n-a-xalfin#>.

сложностей в отношениях между СССР и Турцией, представлявшей южный фланг НАТО?), не мог собрать какие-либо материалы о курдах в «Северном Курдистане», тем более в «местных архивах». Орбели не говорил указанных слов о Халфине, а Халфин не знал восточных языков. Происхождение этого вымысла нами не установлено, однако, очевидно, турецкое издание книги «Борьба за Курдистан» в 1976 г. [Halpin, 1976], ставшей важным источником изучения новейшей истории Курдистана и политики великих держав по отношению к нему и оказавшей заметное влияние на лидеров разворачивающегося курдского движения в Турции, сделало Халфина в какой-то мере легендарным человеком, вокруг которого легко стало плести различные небылицы. Хотя, возможно, это вымысел переводчика, стиль переводов и лексикон которого несколько напоминает приведенный текст, для привлечения внимания читателей к книге.

Книга Халфина получила противоречивые отзывы советских рецензентов, причем эта противоречивость обусловлена не научными, а историко-политическими (точнее — сугубо политическими) соображениями, в данном случае сложившимся курдско-армянским ономастическим антагонизмом в связи с названием региона, обозначаемого армянской историографической и географической науками как Западная Армения, а курдами — как [Северный] Курдистан. Широкое участие курдов (курдов-мусульман) в геноциде армян, осуществленном турецкими властями, в 60-е годы XX в. в армянской историографии особо широко не афишировалось, хотя армянским историкам хорошо было известно.

В январе 1964 г. Джалиле Джалил (род. в 1936 г.), незадолго до этого закончивший аспирантуру в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР (в кабинете курдоведения), где он обучался после получения диплома историка в Ереванском университете, и защитивший кандидатскую диссертацию по близкой к монографии Халфина теме [Джалиле, 1963¹⁰], опубликовал рецензию на «Борьбу за Курдистан» в главной газете Армянской ССР — органе ЦК Компартии республики [Джалил, 1964а], в которой, кратко рассказав о монографии, в частности, отметил проведенный в ней анализ социальных отношений в Курдистане, политики «царских властей в отношении курдских племен», заключавшейся «в обеспечении нейтралитета», и нежелание курдов «отстаивать интересы Турции или Ирана», превращение курдского вопроса в международный после усиления интересов внешних держав к региону, традиционную антикурдскую политику англичан и особенно деятельность шейха Обейдуллы, восстанию которого были посвящены работы собственно Джалила, высоко оценил работу Халфина, назвав ее «серьезным вкладом в отечественное курдоведение», заполнившим «пробел... в представлениях об истории курдского народа» [Джалил, 1964а]. Можно сказать, что рецензия Джалила, скорее, являлась расширенной аннотацией и выражала, учитывая его происхождение, прокурдский подход к оценке монографии.

Спустя 20 дней после публикации рецензии Джалила, 15 февраля 1964 г., состоялось расширенное заседание отдела курдоведения Сектора востоковедения АН Армянской ССР¹¹, являвшегося одним из важнейших центров советской, да и, без преувеличения, на тот период мировой курдологии, на котором была обсуждена книга Халфина, о чем было опубликовано сообщение

¹⁰ Вскоре на основе этой диссертации была издана монография [Джалиле, 1966а], ответственным редактором стал Н. А. Халфин. В этом смысле период 1963–1966 гг., когда были изданы три важнейшие монографии по истории курдского вопроса [Халфин, 1963; Лазарев, 1964; Джалиле, 1966а], можно считать «золотым» в истории этого направления советского курдоведения.

¹¹ Сектор востоковедения АН Армении был организован в октябре в 1958 г., в его деятельности и научных планах курдоведение являлось одним из основных направлений [Инджикян, 1962; От сектора, 1960; Еганян, 1965]. В 1959 г. в секторе была создана курдологическая группа под руководством известного курдоведа Аджие Джинди, вскоре, в начале 60-х гг. преобразованная в отдел курдоведения, кроме которого действовали отделы арабских стран, Турции и Ирана [Еганян, 1965]. С 1967 г. отдел курдоведения возглавил Х. М. Чатоев, которого в 1982 г. сменил Ш. Х. Мгои. Сектор востоковедения АН Армянской ССР стал Институтом востоковедения в 1971 г.

в «Известиях АН АрмССР» [Аванесов, Саакян, 1964]. Сейчас, конечно, трудно предположить, обусловлено ли было это обсуждение именно рецензией Джалиле Джалила или оно было запланировано вне зависимости от нее.

Указанное заседание, точнее — сообщение о нем в армянской академической научной периодике, фактически так и не вызвавшее никакого интереса в советском и зарубежном курдоведении (очевидно, за исключением Халфина и Лазарева), скорее всего, так и оставшееся неизвестным, можно сказать, представляло собой коллективную рецензию (точнее — попытку разгромной рецензии) армянских востоковедов, позиция которых, в немалой степени обусловленная их естественной этнической ангажированностью, была легитимизирована сотрудниками курдского происхождения. Учитывая важность и научную новизну монографии Халфина, ее категорическое неприятие видными армянскими специалистами и отсутствие сведений об этом сообщении в курдоведческой литературе, представляется нелишним подробно остановиться на этой коллективной рецензии. В заседании, превратившемся в судилище над Халфиным, не участвовал Дж. Джалил, к слову, единственный специалист по близкой к книге Халфина теме, вскоре (в том же году) вернувшийся после обучения в Ленинграде в Ереван, в отдел курдоведения Сектора востоковедения АН АрмССР¹².

Отмечая «большой интерес» к книге среди армянских специалистов, отсутствие исследований по теме работы, важность и актуальность ее изучения, а также дежурно указав на «использование Н. Халфиным значительного количества работ иностранных авторов, новых архивных материалов, что дало ему правильно ответить на ряд вопросов, особенно связанных с политикой Англии в этих районах» [Аванесов, Саакян, 1964, с. 91], участники совещания по книге Халфина в Секторе востоковедения АН АрмССР заявили о неудаче автора в деле изучения этой «исключительно важной», «но весьма трудной проблемы», причиной чего называлось использование источников и литературы лишь на европейских (включая русский) языках, без привлечения материалов на восточных, в том числе армянском, языках, что помогло бы «правильно понять и оценить события с курдской проблемой». В связи с этим они обвиняли Халфина в недостаточном знании «фактического материала», подчеркивая при этом, что он «не являлся курдоведом, что привело к отсутствию должного критического отношения к архивным материалам царских послов, консулов, военных деятелей и пр.», расширении рамок работы, замене «борьбы за Курдистан» «борьбой в самом Курдистане», заявке на изучение новых вопросов о характере движений XIX в. [Там же, с. 91]. Это были замечания общего характера, за которыми следовала уже критика конкретных сотрудников-востоковедов Академии наук Армении. Эти общие замечания, подчеркивающие поверхностное знание Халфиным курдов, опору лишь на европейские источники, где-то, возможно, не совсем верное название, которое, по-видимому, было заимствовано Халфиным из его кандидатской диссертации — «Борьба за Памир» — броское, привлекательное, хотя в той работе речь шла в основном о политике внешних сил в Памире, в то время как в монографии о курдах действия внешних сил являлись лишь одной из частей работы, очевидно, имели целью уже более конкретную критику, связанную с позицией армянской историографии, основанной, как и все другие национальные историографии, на в определенном смысле националистических интересах.

Первым в сообщении указывалось выступление Х. М. Чатоева, который опровергал анализ Халфина о социально-экономической жизни курдов XIX в. и особо подчеркивал неправомочность его утверждения об основной роли кочевых и полукочевых племен (аширетов) в социально-экономической и военно-политической жизни Курдистана [Аванесов, Саакян, 1964, с. 91; Халфин, 1963, с. 12], считая, что таким образом Халфин солидаризировался с авторами, считавшими

¹² Дж. Джалил вернулся в отдел курдоведения в Ереван в 1964 г. То, что это было после данного совещания, указано в его обширном интервью курдоязычной версии известного французского издания *Le Monde Diplomatique* [Kurij, 2012].

основным занятием курдов разбои и грабежи [Аванесов, Саакян, 1964, с. 91], хотя в своей монографии Халфин опровергал европейских авторов, именовавших курдов «грабителями и разбойниками» разграничивал деятельность «феодалной верхушки» и «трудовых слоёв» [Халфин, 1963, с. 19–20]. Критика Чатоевым Халфина о преувеличении им роли кочевых племён в какой-то степени напоминала подход туркменской историографии в изданной в конце 40-х гг. книге, авторы которой пытались исключить определённые этапы общественного развития турмен, позиция Халфина в «Борьбе за Курдистан» по этому вопросу являлась аналогичной положению, отражённому в его рецензии на труд о туркменах [Халфин, 1948, с. 155].

Однако все это не представляло особой важности и являлось прологом к основному пункту неприятия Х. М. Чатоевым (на самом деле — армянской историографией) монографии Халфина, указавшим, что Халфин «путает географические границы Курдистана, ошибочно причислив к его территории районы исторической Армении», в частности, Ванский округ, и «подобные искажения вредят дружбе армянского и курдского народов, приводят к недоразумениям и нежелательным разговорам» [Аванесов, Саакян, 1964, с. 91–92].

Далее отмечалось также несогласие Чатоева с вопросом оценки Халфиным освободительного движения курдов, влияния на шейха Обейдуллу Османской империи и Англии, а также воздействия на народные массы Курдистана различных сил [Там же, с. 92]. Чатоеву не нравились суждения Халфина, которые преимущественно базировались на реализме.

Таким образом, Чатоев подвергал критике книгу Халфина, с одной стороны, с позиций курдского национализма, но без темы границ Курдистана, с другой — армянской национальной историографии в вопросе границ Курдистана и Западной Армении. Причем для армянской историографии изложенное выступление известного курдоведа, еще и курдского происхождения, впоследствии 15 лет возглавлявшего отдел курдоведения в Секторе/Институте востоковедения АН Армении, представляло определенный компромисс, поскольку за критику Чатоевым Халфина в деле введения в научный оборот в отношении курдских районов Малой Азии термина «Курдистан», фактически исключавшего концепт «Западной Армении», армянам приходилось толерантно относиться к утверждениям Чатоева, представлявшим курдов и курдское движение того периода в более благоприятном виде, исходя из антиколониального взгляда из современности, что также противоречило взгляду армянской национальной историографии.

Следующий участник заседания по книге Халфина — сотрудник Сектора востоковедения АН Армении А. Х. Сафрастян — недостатком работы считал отсутствие отношения «местных народов», под которыми, в первую очередь, очевидно, имелись в виду армяне, «к планам великих держав», а также неубедительное утверждение о полунезависимом положении курдов, подразумевающая отсутствие у курдов каких-либо этатистских либо территориальных образований, для лишения их какой-либо территориальной легитимности и сужения географии Курдистана, логично завершая свою критику словами о явных искажениях в работе Халфина «в определении территорий» «исторической Армении» и «Курдистана» [Там же]. Следует отметить, что в начале 60-х годов курдская тема, особенно касающаяся районов Восточной Анатолии, значительная часть которой в армянском историческом дискурсе аксиоматично считается Западной Арменией, являлась особо чувствительной в Армении, где еще были живы уцелевшие от геноцида армяне Турции. Арам Хачатурович Сафрастян (1888–1966), являвшийся уроженцем Вана, проработавший какое-то время в конце «нулевых» годов XX в. учителем в ванских школах, получивший диплом Стамбульского университета (1916) и преподававший в знаменитом стамбульском лицее Галатасарай [Милибанд, 2008, кн. II, с. 941], очевидно, считал этот район Арменией, а не Курдистаном, и скорее всего воспринимал Халфина в этом вопросе по сравнению с собой некомпетентным специалистом, что,

если говорить о фактическом знании региона, да и Турции в целом и их истории, вряд ли было лишено оснований.

Специалист по этнической истории курдов Г. Б. Акопов высказал мнение, что книга Халфина не смогла представить что-то новое по сравнению с монографией Аверьянова [Аванесов, Саакян, 1964, с. 92], которую российский офицер опубликовал еще до революции [Аверьянов, 1900], хотя, как известно, она в значительной степени опиралась на Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Акопов заявлял, что Халфин, «будучи специалистом по истории Средней Азии, не обнаружил такой же компетентности в вопросах истории курдского народа», и основным его недостатком считал «неудовлетворительное знание источников и конкретных фактов», приведя несколько подтверждающих примеров, после чего перешел к уже упоминаемому, наиболее сенситивному для армянской историографии вопросу — проблеме географии Курдистана, в отношении которой Халфин, по его словам, допустил «путаницу» [Аванесов, Саакян, 1964, с. 92], обвинив заодно в невнимательности ответственного редактора книги — «знатока истории Ближнего Востока» Д. М. Данцига [Там же] — другого сотрудника «отдела Бондаревского». Далее Г. Б. Акопов весьма подробно остановился на появлении названия «Курдистан» (лишь в XIV в.), очерчивая его границы районами без занятых впоследствии курдами в результате осуществления османскими властями мер по их переселению в Армению, а главной причиной «объявления» некоторыми европейскими и турецкими авторами значительной ее части Курдистаном называл опасение присоединения Россией вслед за Восточной Арменией Западной [Там же].

Н. М. Еганян заявлял о многочисленных ошибках и неточностях в монографии Халфина, кроме того, о подгонке отдельных фактов, взятых «из царских архивов», «под заранее надуманные тезисы», сознательном извращении «политики царской России на Ближнем и Среднем Востоке», оправдании ее и противопоставлении этому действий Англии [Там же, с. 93]. Таким образом, в этой критике Халфина советский армянский востоковед в какой-то мере повторял слова западных оппонентов в связи с его работами по истории Средней Азии, хотя здесь очевидны различные мотивы подобных оценок: если западные историки подвергали Халфина критике в связи с их попытками оправдать политику Англии (и США), то цель Н. М. Еганяна состояла в разрушении того образа Курдистана, который был представлен Халфиным. В данном случае сходство позиции армянского историка с западными критиками Халфина было обусловлено недовольством некоторой симпатией России по отношению к курдам, пусть и не всегда отражаемой в ее действиях, и могло открыто высказываться армянами в тот период в связи со значительной их историографией.

Как и предыдущие выступающие, Еганян указывал на «недостаточное знание истории соседних стран» Халфиным, включившим, «по непонятным причинам, азербайджанские и армянские земли... в Курдистан (например, Салмаст, Ван, Эрзурум и т. д.)» [Там же]. Несомненно, Г. М. Еганян, уроженец столицы иранской провинции Восточный Азербайджан — города Тебриз — лучше Халфина знал географию хотя бы того же Ирана, не соглашаясь с ним о включении Салмаса (чаще встречается именно такое название) в [Иранский] Курдистан, однако, судя по всему, этот город был указан для, так сказать, диверсификации (выхода за пределы лишь армянских) ошибок Халфина, чтобы не создавать впечатление в этнической (армянской) ангажированности против Халфина. Однако Г. М. Еганян в то же время, выступая в защиту азербайджанской географии (в данном случае в части Салмаса), делал это дозированно, не опровергая Халфина в части указанного им в этом контексте другого города, если исходить из этой логики, не менее спорного — Урмии.

Н. О. Оганесян — известный армянский арабист, впоследствии, в постсоветское время возглавивший ИВ АН Армении, обвинял Халфина в несерьезном отношении к написанию книги и, соответственно, грубых ошибках, утверждая, что он, приводя порочные высказывания Керзона, обвинял

всю западную литературу по курдам в необъективности, при этом активно используя ее. Естественно (что было главным), «удивляли» рецензента «искажения географического порядка» [Там же].

Ш. Мгои заявил о разочаровании курдской интеллигенции Армении, особенно курдологами, книгой Халфина. Также указав о «допущенных... искажениях географических понятий» [Там же] (имея в виду отнесение Халфиным к Турецкому Курдистану северо-восточных и восточных областей Османской империи и указание, что «ввиду наличия армянского населения в северных районах Турецкого Курдистана эту область часто называют Западной Арменией» [Халфин, 1963, с. 11]), Мгои не соглашался с ним, писавшим об организованности курдов благодаря кочевой и полукочевой жизни, а также с анализом восстания Езданшира, оценкой Обейдуллы. Возражения Мгои вызывала и оставшаяся невыявленной «колониаторская политика царской России в отношении курдов», хотя он и соглашался с мнением Халфина о курдах как «пушечном мясе» «для великих держав — Англии и России» [Аванесов, Саакян, 1964, с. 93].

При чтении отрывка сообщения о выступлении Мгои, как, впрочем, и других курдоведов курдского происхождения, создается впечатление о приписывании ему мнений армянских историков. Ш. Х. Мгои в беседах со мной в конце 90-х годов XX в. — «нулевых» годах XXI в. неоднократно подчеркивал важность племени в деле организации курдов, и это было, очевидно, его убеждением, возникшим не недавно, а исходя из глубокого знания истории курдов, для которой трайбализм являлся характерной чертой. В связи с этим он придавал огромное значение работам Е. И. Васильевой, посвященным курдским племенам, коих она написала немало. Его слова о «колониаторской роли царской России в отношении курдов» удивительным образом сходны с позицией Г. М. Еганяна, однако, если для последнего они были объяснимы, то для Мгои — нет.

В сообщении также говорилось, что «Мгои подверг критике полную ошибок рецензию Джалиле Джалила на книгу Халфина» [Аванесов, Саакян, 1964, с. 93], однако она не могла содержать ошибок, так как лишь кратко описывала содержание работы, избегая какой-либо критики. Вряд ли можно было считать ошибкой утверждения Джалиле Джалила об обстоятельном анализе, интересных страницах и серьезном вкладе этой книги в отечественное курдоведение. Примечательно, что в опубликованной вскоре в «Вестнике общественных наук АН АрмССР» статье Джалиле Джалила о положении курдов накануне восстания шейха Обейдуллы в 1880 г. встречались неоднократные ссылки на книгу Халфина [Джалиле, 1966b, с. 108, 110], что, видимо, уже не вызвало неприятия рецензентов и редакторов армянского научного издания.

Б. П. Балаян возразил мнению Халфина об агрессивной политике Англии [Аванесов, Саакян, 1964, с. 93].

Весьма откровенным было выступление видного армянского историка академика АН АрмССР С. Т. Еремяна, специалиста по совершенно другому направлению, нежели тема, которой была посвящена книга Халфина. Начав с выражения поддержки борьбы «курдского народа за свободу и независимость» [Там же], что настраивало на ожидание сильной критики, которая заключалась в обвинении Халфина, своей работой якобы способствовавшего «возникновению недоразумений, нездоровых отношений между отдельными народами» (имелись в виду армяне и курды. — *Н. М.*) и допустившего «извращения исторического и географического порядка», Еремян далее утверждал, что Халфин искажал исторические события и факты, внося таким образом «элементы отчуждения между братскими народами». По мнению С. Т. Еремяна, границы исторической Армении в научном смысле «четки и определены» [Там же], что подразумевало умысел Халфина в его действиях. Однако совершенно точно, что то, что для С. Т. Еремяна, да и всей армянской историографии, было весьма «четким и определенным», не всегда таким являлась, и вряд ли его можно назвать образцом объективности историка (если таковой вообще существует),

что наглядно показано, в частности, в известной работе В. А. Шнирельмана [Шнирельман, 2003, с. 27, 63, 66–71]¹³.

Р. Г. Саакян считал искусственно натянутым в монографии наличие курдского вопроса в международных отношениях XIX в., а также приводил примеры игнорирования фактов, связанных с Арменией, при анализе определенных событий (присоединение Восточной Армении к России при описании русско-иранской войны 1826–1828 гг.), что объяснялось армянским востоковедом подменой Халфиным понятия «Армения» «Курдистаном» и введением им «в “научный” оборот» терминологии «английских империалистов и турецких ассимиляторов», договорившихся, по словам Р. Г. Саакяна, «между собой вычеркнуть слово “Армения” из официальной географии и заменить его словом “Курдистан”». Частые и категоричные «искажения географического порядка в книге Н. А. Халфина» — причисление Хнуса¹⁴, Муша, Маназкерта¹⁵, Вана и др. «исконно армянских городов и провинций» к Курдистану, объяснялись Р. Г. Саакяном не просто незнанием Халфиным истории Армении и Курдистана [Аванесов, Саакян, 1964, с. 94] — он весьма прозрачно намекал на умышленное искажение.

В заседании принял участие и заведующий Сектором востоковедения АН Армении О. Г. Инджикян, также подвергнувший критике монографию Халфина, причем по некоторым вопросам несогласие выразилось с бытовавшими в советской литературе положениями (о национальном вопросе для Турции как проклятом вопросе). Критика Халфина в деле представления курдов «разменной монетой» в руках империалистических держав несколько не вязалась с утверждением о том, что «европейские державы не считались с национальными целями курдов». Не говоря, в отличие от других рецензентов, об искажениях географии, О. Г. Инджикян заявил об искусственном игнорировании Халфиным фактов «совместной борьбы народов, населяющих Турцию», что препятствовало, по его словам, «марксистской разработке многовековой истории курдского народа» [Там же]. Понятно, что «совместная борьба» являлась разновидностью географических претензий армян к Халфину, очевидно, имелось в виду преуменьшение роли армян в исторических процессах этого региона.

Завершивший заседание заведомо курдоведения известный курдовед Аджие Джинди лишь подчеркнул необходимость знания армянских и других восточных источников и литературы, отсутствие которых в книге Халфина привело к тому, что «полноценной работы не получилось», в связи с чем считал крайне важным взаимное обсуждение и рецензирование работ по курдоведению [Аванесов, Саакян, 1964, с. 94].

Итак, указанное обсуждение книги «Борьба за Курдистан» армянскими востоковедами имело целью, в первую очередь, критику термина «Курдистан», фактически введенного в научный оборот в историко-международном отношении в советской курдологии Халфиным, что подразумевало сужение т. н. исторической Западной Армении XIX в. Все иные замечания к этой монографии и ее автору (а также к ответственному редактору) — некомпетентность, отсутствие армянских и других восточных источников, некритичное отношение к российским дореволюционным архивным материалам, оправдание российской политики и необоснованная критика Англии, неправильное

¹³ Для понимания контекста борьбы между национальными историографиями в тот период необходимо отметить, что недовольство армянской историографии, понятно, вызывали не только работы о курдах, но и исследования о других соседних народах либо внешних историков по истории Армении, в частности, труды грузинских историков, которые, впрочем, в отличие от курдов, находились в равном положении с армянами. См., например, ответ грузинского академика Георгия Чубинашвили своим армянским оппонентам, заблокировавшим издание книги грузинского историка в издательстве «Наука» [Чубинашвили, 1969].

¹⁴ Город Хыныс в провинции Эрзурум.

¹⁵ Город Малазгирт в провинции Муш.

освещение положения курдов и т. д. — а также выражение некоторой симпатии к курдам, что выглядело сумбурно, имели подчиненное значение и не могли скрыть этнополитической ангажированности армянских востоковедов, желавших ограничить Курдистан в османской части, судя по всему, небольшой территорией вокруг района Хакяри. Вовлечение в этот процесс курдоведов курдского происхождения должно было вроде бы лишить критику работы Халфина армянской этничности, однако, учитывая очевидную цензуру, вряд ли кто-то мог поверить в искренность их замечаний. Фактически книга Халфина армянскими востоковедами была полностью «завалена», однако, несмотря на имеющиеся в ней недостатки, история доказала высокое качество этой новаторской монографии, широко используемой в мировом курдоведении, а коллективная критика армянских востоковедов, не отметивших фактически никаких положительных характеристик, так и осталась очередным локальным эпизодом этнической историографической ангажированности, в связи с чем и оказалась неизвестной даже в курдоведении. Причем совершенно надуманным, на первый взгляд, выглядело обвинение Халфина в нанесении им вреда дружбе армянского и курдского народов, что, однако, объяснимо, если учитывать удовлетворение курдов от получения дополнительного обоснования для курдистанской географии со стороны главного советского востоковедческого учреждения и издательства. Если бы армянские историки действительно верили в разочарование курдской интеллигенции в связи с распространением термина «Курдистан» на Западную Армению, о чем заявляли выступавшие курдологи курдского происхождения (по крайней мере, так приводилось в сообщении), они бы не переводили, по их словам, ошибки или даже умышленные искажения Халфиным в возможное межнациональное курдско-армянское противоборство, однако для них было очевидно, что курды получали действенный аргумент для утверждения вопроса Курдистана в международных отношениях в XIX в. в востоковедении, с чего начинались все дискуссии, связанные с его разделом и, соответственно, целями освободительного движения.

Армянские историки, подвергая критике монографию Халфина, не обращали внимания на ограничения, высказанные автором в предисловии, где, говоря об отсутствии «сводных, обобщающих трудов по истории курдов» [Халфин, 1963, с. 7], да и вообще о весьма слабом ее освещении в новое и новейшее время [Халфин, 1963, с. 3], он четко указывал, что эта работа не восполняет этот пробел, а подчинена более узкой и скромной задаче — «показать международное значение курдской проблемы на протяжении большей части XIX в...» и осветить ряд других вопросов, связанных с политикой в этих регионах Турции и Ирана, а также внешних держав, подчеркивая, что «ввиду общей неизученности темы предлагаемая работа, затрагивающая крайне слабо освещавшиеся в прошлом работы, носит в какой-то степени очерковый характер» [Халфин, 1963, с. 7].

Хотя коллективная критика армянских востоковедов не повлияла на дальнейшую научную деятельность Халфина и Лазарева, но, по словам М. С. Лазарева, высказанным в беседах со мной, «сильно попортила им нервы». К слову, похожей критике подверглась вышедшая на следующий год монография Лазарева «Курдистан и курдская проблема» [Лазарев, 1964]. Подобная коллективная рецензия на монографию Лазарева, насколько мне известно, не была опубликована, однако, со слов Лазарева, она от имени курдоведческого подразделения Сектора востоковедения АН Армении была направлена в ИВ АН СССР. Позиция армянских востоковедов и курдоведов, как рассказывал мне М. С. Лазарев, на несколько лет сдвинула защиту им докторской диссертации, в качестве которой он вначале планировал представить монографию «Курдистан и курдская проблема» [Лазарев, 1964]. Защита состоялась лишь в 1969 г., ему пришлось на основе книги отдельно написать диссертацию [Лазарев, 1968].

В начале «нулевых» годов М. С. Лазарев передал мне адресованное ему письмо Джалили Джадила, датированное 10 ноября 1964 г. с указанием места составления — Ереван, где

(в курдоведческом подразделении Сектора востоковедения АН Армении) он работал младшим научным сотрудником. Это письмо, проливающее свет на некоторые аспекты отечественного курдоведения, в частности, в деле противостояния армянской историографии «русской» (московской и ленинградской) курдологии, представляло ответ Дж. Джалила М. С. Лазареву и, как следует из него, касалось вопросов М. С. Лазарева о восприятии «местными учеными» (ереванскими. — Н. М.) «(армянскими и курдскими)» его монографии. Однако в этом письме Джалиле Джалила несколько раз упоминается Халфин.

Джалиле Джалил писал М. С. Лазареву, что «конечно, нет такого психоза, который созданлся вокруг книги Нафтулы Ароновича [Халфина], ведь она была первая работа. Сначала были какие-то разговоры, в общем, просто болтовня, но никто серьезно не взялся выступить против или организовать так, как сделали с книгой Нафтулы Ароновича». Далее Джалил, судя по всему, понимая, что подобная позиция армян направлена не лично и конкретно против Халфина и Лазарева, писал, что, видимо, «придется в широком плане ставить и вопрос подхода армянской (советской) историографии к курдской истории». Джалил понимал и зависимое положение сотрудников Сектора востоковедения АН Армении курдского происхождения («курдские ученые в Ереване» ничего не делают «без указки своих “шефов”»). Впрочем, он не терял надежды на преодоление препятствий, чинимых армянской историографией, в том числе ожидая возвращения из Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР Ордихане Джалила и возможности проведения отдельного обсуждения книги Лазарева в курдской группе АН Армении в узком кругу. Также Джалиле Джалил писал Лазареву, что «очень положительно... к книге» Н. А. Халфина отнесся К. Курдоев.

Таким образом, Джалиле Джалил, подчеркнув не вполне адекватное восприятие армянскими востоковедами книги Халфина, верно указывал на принятие удара армянской историографии этой монографией в связи с ее новизной и истощение подобных реакций в отношении последовавшей вскоре работы в связи с пониманием стратегической бесперспективности своего подхода, поскольку эти рецензии могли отсрочить публикации в Москве либо временно повлиять на психологическое состояние автора, но не отменить выход в свет критикуемых работ, при этом справедливо замечая отсутствие каких-либо личных мотивов армянских историков против Халфина и Лазарева, а фундаментальное противостояние центральной (русской) советской курдологии, комплиментарно настроенной к курдам, особенно в период размаха курдского движения, и особо не вчитывающейся в дебри истории армяно-курдской географии востока Малой Азии, к тому же после геноцида армян населенного лишь курдами..

Дж. Джалил спустя более чем полвека утверждал, что армяне (он имел в виду армянских историков) события, предшествовавшие Первой мировой войне, воспринимали весьма волнительно. По его словам, лишь упоминание турок или курдов вызывало у них раздражение, поскольку они (армяне) видели их (турок и курдов) своими врагами [Kurij, 2012].

Джалил в своем интервью об истории советского курдоведения вспоминал также о своей положительной рецензии «в одной из газет в Армении» (имея в виду рецензию в газете «Коммунист» [Джалил, 1964а]), в то время как Сектор востоковедения Академии наук Армении, «создав комиссию», которая раскритиковала книгу как ошибочное исследование, содержащее многочисленные недостатки (имея в виду [Аванесов, Саакян, 1964]), осудил работу Халфина. Как отмечал Джалил, негативное отношение армянских историков к книге Халфина было обусловлено «объективным» подходом Халфина к «истории Курдистана» и «курдским восстаниям за свободу и независимость», положительной оценкой курдских восстаний и отражением их в качестве «национальных движений», «движений за свободу и независимость», а также его дружелюбностью к курдам [Kurij, 2012].

Именно восприятием армянами курдов врагами Джалил объяснял возникновение вражды по отношению к нему после публикации его монографии о восстании шейха Обейдуллы [Джалиле, 1966а], где, по его словам, Обейдулла был назван курдским лидером, патриотом, поднявшим восстание за свободу курдов, в то время как армянская историография, включая примкнувших к ней из-за определенных выгод «одного-двух курдов», воспринимала его феодалом, отсталым и шейхом, не способным к лидерству [Kurij, 2012].

В связи с этим, по утверждению Джалила, его исследование о шейхе Обейдулле, основанное на части диссертации [Джалиле, 1963], не было опубликовано в Ереване, после чего он «отправил его в Москву», где оно и было издано [Kurij, 2012] при ответственном редактировании Халфина [Джалиле, 1966а]. Вторую его книгу, также основанную на диссертации и завершённую в 1968 г., по его словам, в Армении на несколько лет затянули, однако все же были готовы опубликовать при внесении небольших изменений в нее, а именно требовалось указать, что пресловутые «шесть армянских вилайетов», использованные при разработке международных договоров 1878 г. — Ван, Битлис, Хакяри, Диярбакыр и др. (на самом деле Ван, Битлис, Диярбакыр, Эрзурум, Мамурет-эль-Азиз/Харпут, Сивас. — Н.М.), «протянувшиеся чуть ли не до Ревандуза» — «земля исторической Армении». Но он отказался это делать [Kurij, 2012]. Судя по всему, речь шла об изданной в 1973 г. в Москве книге «Курды Османской империи в первой половине XIX века» [Джалиле, 1973], ответственным редактором которой стал М. С. Лазарев¹⁶.

Необходимо также добавить, что один из участников указанной коллективной рецензии на монографию Н. А. Халфина — Р. Г. Саакян — вскоре опубликовал обзор незадолго до этого (в первой половине 60-х гг. XX в.) вышедших советских работ по проблемам истории Турции, в которой подвергал ряд из них критике, один из пунктов которой был посвящен вопросу использования названия «Западная Армения», точнее — ее замене на «Восточную Анатолию». Р. Г. Саакян утверждал, что А. Д. Новичев в своей «Краткой истории» Турции [Новичев, 1965], а также ряд других авторов избегают названия «Западная Армения», продолжая, что «если учесть, что за последние годы вышли книги (Н. А. Халфина «Борьба за Курдистан», М. С. Лазарева «Курдистан и курдская проблема» и др.), в которых название Западная Армения исключено из употребления и подмечено “Восточной Анатолией”, “восточными вилайетами Турции”, “Северным Курдистаном” и т. д., то можно прийти к выводу, что делаются попытки вовсе вывести из обращения конкретное понятие “Западная Армения”, оказывая тем самым немалую услугу турецким историкам-фальсификаторам, беззастенчиво заявляющим, что конкретного исторического понятия Армения никогда не существовало» [Саакян, 1966, с. 117–118]. Как видно, для армянских историков для усиления своей позиции были характерны совершенно фантастические доводы, точнее — угрозы. Очевидно, что в середине 60-х годов XX в., когда выходили монографии Халфина и Лазарева, угрозой для «турецких историков-фальсификаторов» представляла не [Западная] Армения, где уже не проживали армяне, а Курдистан, что и отражалось в политике турецких властей, установивших тотальные запреты на все курдское.

Известный армянский востоковед, иранист, курдовед и езидовед Гарник Асатрян утверждал, что определение характера курдских восстаний в конце XIX — начале XX вв. — от шейха Обейдуллы до Симко — и обозначение их в качестве проявлений «курдской национально-освободительной

¹⁶ Следует, однако, отметить, что в словах Джалила имеется все же некоторое преувеличение и желание произвести впечатление на курдскую аудиторию. Так, в своей книге [Джалиле, 1973], в которой он якобы отказался признать территорию «шести армянских вилайетов» Арменией, не говоря прямо об этом, он все же не выделяет границы Курдистана, упоминая его рядом с Арменией [Джалиле, 1973, с. 9], где-то северо-восточные районы Османской империи называет «Западной Арменией», упоминая далее Муш, Битлис, Сасун, Ван, Эрзурум и т. д., то есть относя их к Армении [Джалиле, 1973, с. 20–24].

борьбы против турецких или иранских угнетателей является важнейшим элементом идеологии творцов курдской идентичности» [Asatrian, 2009, с. 9–10], считая ответственной за это, то есть «“национальную” характеристику этих восстаний», «советскую историографию», рассматривавшую «всякое мало-мальски заметное насилие национального меньшинства вне так называемого социалистического лагеря как видный “национальный” бунт против правящего большинства, этакую *национально-освободительную борьбу* или даже *движение*» [Asatrian, 2009, с. 9–10] и приводя в обоснование этого работы Халфина [Халфин, 1963], Лазарева [Лазарев, 1972] и Дж. Джалила [Джалиле, 1966а] [Asatrian, 2009, с. 10].

В 1964 г. в журнале «Азия и Африка сегодня» была опубликована рецензия на работу Халфина, точнее — две рецензии на монографии Халфина [Халфин, 1963] и Лазарева [Лазарев, 1964] под общим названием «Курды и курдская проблема». В какой-то степени две рецензии под единым названием, в котором с его первого слова — «Курдистана» — начинались названия обеих книг, а вторая часть — «курдская проблема» — имела в заглавии проспекта ранее планировавшейся совместной книги Халфина и Лазарева [Халфин, Лазарев, б. г.], были оправданны. Авторами первой рецензии являлись незадолго до этого защитившие кандидатские диссертации курдоведы из Ирака (Иракского Курдистана) — литературовед Маруф Хазнадар [Хазнадар, 1963] и историк Каус Кафтан [Кафтан, 1963] [Хазнадар, Кафтан, 1964], а второй — уже упомянутый Джалиле Джалил [Джалил, 1964b].

Рецензия М. Хазнадара и К. Кафтана, опубликованная спустя несколько месяцев после сообщения об обсуждении книги Халфина армянскими востоковедами (соответственно, октябрьский и майский номера), полностью противоречила выводам армянских ученых. Безусловно, она также являлась ангажированной, правда, не совсем в противоположном направлении, как можно было бы предположить, а исходя из полностью иной оценки. Рецензия, несомненно, являлась пристрастной и политически обусловленной, что и не скрывалось рецензентами, являвшимися представителями Иракского Курдистана, где освободительное движение курдов находилось в самом разгаре. Хазнадар и Кафтан, начав свои рассуждения о мужественной борьбе «свободолюбивого курдского народа за демократию, за уважение своего национального достоинства», заканчивали их утверждениями о не только большом научно-историческом, но и политическом значении, которого нельзя недооценивать. Неявно противостоя мнению армянских востоковедов о работе Халфине, они выстроили свой отзыв в антиколониальном смысле. Указывая о периоде исследования — XIX в. — они называли его не только временем гнета иранских шахов и турецких султанов, но и усилий британских колонизаторов по проникновению в Курдистан и подчинению его для настраивания курдов воинственных курдских племен «против своего соперника на Востоке — царской России». Отмечался обширный круг различных видов источников, особенно архивных материалов, впервые введенных в оборот, но также и различной литературы, что, по их мнению, позволило автору «нарисовать яркую картину обстановки в Курдистане». М. Хазнадар и К. Кафтан считали, что Халфин «убедительно» опровергнул «фальшивые бредни о курдах как о “диких разбойниках”, которые проповедовались буржуазными историками» для обоснования подчинения курдов. Рецензенты подчеркивали отказ курдов, несмотря на жестокое давление иранских и турецких властей, выступать вместе с ними против России, придерживаясь политики нейтралитета, что, как известно, не всегда соответствовало действительности. Интересными считали М. Хазнадар и К. Кафтан и анализ английской экспансии в Курдистане, подрывной деятельности миссионеров, участия внешних держав в турецко-иранском разграничении, что не только не урегулировало споры между этими странами, но обострило конфликты. Мимоходом упомянув о дискусионности некоторых положений работы, что было неудивительно, учитывая ее новизну, рецензенты рекомендовали Халфину «еще

более усилить полемическое направление книги, выступив против некоторых современных фальсификаторов истории Курдистана» [Хазнадар, Кафтан, 1964]. То есть здесь наблюдалась полная противоположность суждениям армянских востоковедов, хотя и тема Турецкого Курдистана, в том числе его границ, не затрагивалась. Если для армянских авторов, уязвленных появлением в советском востоковедении Курдистана, по их мнению, за счет «исторической Армении», важнейшим являлся именно этот вопрос в работе Халфина, то курдские авторы связывали Курдистан XIX в. с современной освободительной борьбой курдов, как это в заключении к своей монографии сделал и сам Халфин, поддержав «патриотов Иракского Курдистана» в их смелой и решительной борьбе «за элементарные человеческие права, которые нарушаются антидемократическим режимом» [Халфин, 1963, с. 153].

При этом всего лишь спустя год после выхода в свет книги Халфина, причем весьма значительным для научных изданий тиражом (4 тыс. экз.), иракские курдоведы в связи с быстрым распространением и значительным неудовлетворенным спросом рекомендовали переиздать ее, особенно — в переводе на курдский язык [Хазнадар, Кафтан, 1964], что достаточно оперативно и было сделано.

В рецензии на книгу М. С. Лазарева [Лазарев, 1964] ее автор, отмечая слабую изученность истории курдов, представляющей «не только научный, но и большой политический интерес» [Кузнецов, 1965, с. 202], называл монографию Н. А. Халфина «одной из первых попыток в этой области в советской исторической литературе..., в которой в целом удачно освещены важные внешнеполитические аспекты истории Курдистана» XIX в. [Кузнецов, 1965, с. 201–202].

В работе о восстании шейха Обейдуллы [Джалиле, 1966а], ответственным редактором которой, как уже отмечалось, являлся Халфин, в связи с чем известный западный рецензент советских востоковедческих публикаций Х. Эванс называл ее автора представителем школы Халфина [Evans, 1966, p. 68], Дж. Джалил в качестве первой работы, в которой освещался этот вопрос «в советской исторической литературе», отмечал книгу Халфина, посвятившего выступлению шейха Обейдуллы отдельную главу [Джалиле, 1966а, с. 10; Халфин, 1963, с. 108–134]. Весьма полезной по этому вопросу Дж. Джалил называл и работу Лазарева [Джалиле, 1966а, с. 11; Лазарев, 1964]. Вообще эти три монографии [Халфин, 1963; Лазарев, 1964; Джалиле, 1966а], изданные друг за другом в течение трех лет, можно поместить в единую линию курдоведения, что в каком-то смысле отмечалось и западными рецензентами [Evans, 1966, p. 68; Rondot, Bois, 1967, p. 46].

В другой своей монографии, посвященной курдам Османской империи в первой половине XIX в. [Джалиле, 1973], Джалиле Джалил также особо отмечал эти «значительные монографии» «московских востоковедов» Н. А. Халфина [Халфин, 1963] и М. С. Лазарева [Лазарев, 1964] и писал, что Н. А. Халфиным «на основе нового, обширного материала» была изучена история курдов XIX в. ... в ее международном аспекте», показана внешнеполитическая сторона «освободительного движения курдских племен» [Джалиле, 1973, с. 13], а исследование Лазарева [Лазарев, 1964] называл «как бы продолжением работы Н. А. Халфина» [Джалиле, 1973, с. 13]. Джалиле Джалил подчеркивал и важный вклад этих монографий в периодизацию истории курдов XIX в. [Джалиле, 1973, с. 4]. А «цикл исследований международного аспекта курдской проблемы» — «фундаментальные труды» М. С. Лазарева и Н. А. Халфина [Лазарев, 1964; 1972; Халфин, 1963], по мнению Джалиле Джалила, положил начало выделению из «курдологического комплекса» в рамках дифференциации гуманитарных дисциплин «собственно исторического знания» [Джалиле, 1991, с. 12].

М. С. Лазарев в предисловии к своей книге «Империализм и курдский вопрос (1917–1923)», изданной в 1989 г., отмечая, что это «исследование предпринято... в порядке последовательной очередности», подчеркивал, что «курдский вопрос в XIX — начале XX в. уже подвергся всестороннему изучению в трудах Н. А. Халфина, Д. Д. Джалиле» и М. С. Лазарева, имея в виду

монографии [Халфин, 1963; Джалиле, 1966а; 1973; Лазарев, 1964; 1972], а также ряд других статей Джалиле [Лазарев, 1989, с. 6, 282], причем справедливо добавляя, что «за рубежом подобных работ не появлялось» и «советское востоковедение в этом смысле безусловно» являлось «пионером» [Лазарев, 1989, с. 6].

В известном французском *L'Afrique et l'Asie* в 1967 г. были представлены краткие сведения о значительном числе вышедших в 60-х гг. (преимущественно в середине 60-х гг.) книг по курдоведению. Монография Халфина вместе с книгами Дж. Джалила [Джалиле, 1966], Лазарева [Лазарева, 1964] и англичанина Иглтона [Eagleton, 1963] была включена в рубрику «исторические исследования» [Rondot, Bois, 1967, p. 46].

В обширной статье, посвященной обзору советских работ по иранистике, монография Халфина [Халфин, 1963] отмечалась в числе ряда других трудов по курдам и национальным меньшинствам Ирана [Atkin, 1987, p. 248].

Монография Халфина на Западе и в странах Ближнего и Среднего Востока вскоре после ее издания стала одним из важнейших источников и исследований по зарождению курдской проблемы, курдскому вопросу в международных отношениях, политике Англии и России в отношении курдского региона, а он справедливо получил славу большого знатока по этой теме. Известный современный нидерландский курдовед М. ван Бруинессен весьма высоко оценивает вклад его работы в курдоведение [Bruinessen, 2021, p. 235].

Халфин является автором двух историографических обзоров о курдоведении [Халфин, 1965; Халфин, 1966], один из которых [Халфин, 1966] нашел широкое распространение в научной курдоведческой литературе, в то время как другой [Халфин, 1965] практически неизвестен.

Обзор о новых исследованиях советских востоковедов по истории национально-освободительного движения курдского народа был опубликован в изданном в Кишинёве сборнике по итогам конференции в Кишинёве [Халфин, 1965], посвященной историографии колониальной политики и национально-освободительному движению на Балканах и на Ближнем и Среднем Востоке. Примечательно, что Халфин, очевидно, знакомый с крайне негативной оценкой его монографии армянскими востоковедами, не проявлял в ответ какой-либо враждебности, говоря об их трудах, в частности, к Г. Б. Акопову [Халфин, 1965, с. 357] или Ш. Х. Мгои [Халфин, 1965, с. 359–360]. Особо высоко он оценивал монографию Лазарева [Лазарев, 1964], назвав ее первым серьезным и глубоким марксистским (в данном случае это слово можно пропустить. — *Н. М.*) исследованием «внешнеполитического аспекта курдской истории в годы окончательного перехода капитализма в империалистическую стадию развития» [Халфин, 1965, с. 357]. Говоря о привлечении М. С. Лазаревым широкого круга источников, а именно документов «почти всех государственных архивов, в которых можно было предполагать наличие соответствующих материалов, периодическую печать и мемуары, а также специальную литературу на русском, турецком и западноевропейском языках», Халфин, очевидно, помня коллективную рецензию армянских востоковедов на его монографию и, судя по всему, имея в виду неопубликованную рецензию армянских востоковедов на книгу Лазарева (о которой рассказывал мне М. С. Лазарев), заранее предупреждал, что «критики могут упрекнуть автора в том, что он оставил в стороне литературу на курдском, армянском, персидском и турецком языках», опровергая этот довод аргументом, что издания на этих восточных языках, содержащие «ценный материал для характеристики внутренней истории курдского народа, менее богаты по проблемам международных отношений, чему, собственно», и была посвящена книга Лазарева [Там же, с. 358], которой в своем обзоре Халфин уделил значительное место.

Некоторые доводы Халфина в защиту Лазарева относились и к его собственной работе, в частности, «убедительное разоблачение [Лазаревым] попыток буржуазной западноевропейской

историографии и шовинистически настроенных иранских и турецких историков в фальсификаторских целях представить курдский народ «разбойниками и бандитами»» [Халфин, 1965, с. 358], в чем бесосновательно обвинял Халфина, например, Чатоев. Халфин не обходил и армянский вопрос в книге Лазарева, отделяя действия курдской феодальной знати от интересов «курдских трудящихся, стремящихся жить в мире и согласии» с армянским народом [Там же, с. 358–359].

Более обширный историографический обзор, хотя и содержащий некоторые отрывки из доклада в Кишинёве [Халфин, 1965], был представлен в хорошо известной статье Халфина в «Вопросах истории» под названием «Курдская историография СССР и ее проблемы» [Халфин, 1966], отраженной в западной библиографии [Bibliography, 1968, p. 555] и являющейся, пожалуй, наиболее емкой и глубокой работой о советской курдской историографии. В ней, кроме весьма подробного обзора изданных работ по этой теме, Халфин отмечал проблемы, с которыми сталкивалось это направление востоковедения, связанные с разобщенностью и нескоординированностью исследований, недостатком работ по внутренней и социально-экономической истории курдов, обобщающих трудов.

В середине 60-х гг. в первую очередь благодаря «Борьбе за Курдистан» Халфин, несмотря на небольшой период научной деятельности в сфере курдологии, получил немалую известность. Известный советский и российский иранист-литературовед Дж. Дорри (1932–2018) в своих воспоминаниях об общении с выдающимся русским востоковедом В. Ф. Минорским, состоявшим с ним в переписке, отмечал, что в своих письмах к нему Минорский интересовался научной деятельностью иранистов в СССР — лингвистов, литературоведов, историков, среди которых указывал на М. С. Иванова, М. Н. Иванову, Н. А. Халфина, Э. А. Грантовского, С. М. Алиева [Дорри, 1995, с. 59]. Судя по всему, в переписке Минорского с Дорри о Халфине речь шла в контексте его работы о курдах¹⁷.

Публикацией «Курдской историографии СССР» в «Вопросах истории» [Халфин, 1966] завершилось курдоведческое направление деятельности Халфина. Лишь спустя два десятилетия в журнале «Азия и Африка сегодня» выходит его рецензия на работу А. М. Ментешашвили [Ментешашвили, 1984], ответственным редактором которой являлся М. С. Лазарев и, судя по всему, по его просьбе и был написан текст Халфина [Халфин, 1985]. Фактически — это не рецензия, а несколько расширенная аннотация без какой-либо критики, хотя в этой книге имеются ошибки, которые, можно сказать, были бы заметны для курдоведа¹⁸.

Халфин участвовал в защите диссертаций по курдоведческой тематике, однако в целом, как отмечалось, после 1966 г. он уже не был погружен в курдологию. Специально не занимаясь подготовкой курдоведческих кадров, он сыграл определенную роль и на этом поприще. Именно под его руководством в Группе (впоследствии — Секторе) Средней Азии начинала свою востоковедческую деятельность О. И. Жигалина, ставшая одним из ведущих отечественных курдоведов и неоднократно подчеркивавшая в беседах со мной огромный вклад Халфина в ее становление востоковедом, «с гордостью отмечая, что начала свою научную деятельность с прохождения «школы Халфина» при работе над мемуарами Бларамберга» [Мосаки, 2023, с. 144; Мосаки, 2012, с. 206; Бларамберг, 1978]. В 1971 г. под его руководством была защищена кандидатская диссертация, посвященная курдским политическим партиям и общественным организациям [Барзани, 1971], оппонентами

¹⁷ В переписке с В. Минорским по курдской тематике состоял и М. С. Лазарев [Лазарев, 2005b].

¹⁸ Отметим, что рецензии Н. А. Халфина, опубликованные в журнале «Азия и Африка сегодня», больше напоминают расширенные аннотации без какой-либо критики и указания на недостатки, в то время как рецензии, которые выходили в «Народах Азии и Африки», как правило, отвечали требованиям рецензии, то есть комплексному разбору анализируемой работы, что, конечно, обусловлено спецификой этих журналов.

которой являлись М. С. Лазарев и К. К. Курдоев, однако в связи с грифом «ДСП» она осталась малоизвестной.

Итак, хотя Н. А. Халфин и не являлся профессиональным курдологом, занявшись курдской проблемой в связи с изменившимися обстоятельствами и «по поручению начальства», он, имея определенный опыт исследования смежных или сходных тем, весьма быстро и глубоко изучил этот вопрос, внес значительный вклад в курдоведение, став вместе со своим коллегой и другом М. С. Лазаревым основателем нового направления в этой отрасли отечественного, да и в целом мирового востоковедения. Хотя его монография получила весьма отрицательную оценку армянской историографии, обусловленной естественной этнической ангажированностью, она сразу же стала настольной книгой исследователей, изучающих курдский вопрос и его возникновение.

Литература / References

Аванесов С., Саакян Р. В секторе востоковедения (обсуждение книги Н. Халфина). *Известия АН АрмССР. Общественные науки*. 1964. № 5. С. 91–94 [Avanesov S., Saakyan R. In the sector of oriental studies (discussion of the book by N. Khalfin). *Izvestiya Akademii nauk Armyanskoi SSR. Obshchestvennyye nauki*. 1964. № 5. Pp. 91–94 (in Russian)].

Аверьянов П. И. *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия: Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов: Исторический очерк* П. И. Аверьянова, Ген. штаба кап. Тифлис: Отд. Ген. штаба при Штабе Кавк. воен. окр., 1900 [Averyanov P. I. *Kurds in the wars of Russia with Persia and Turkey during the 19th century: The current political situation of Turkish, Persian and Russian Kurds: A historical essay*. Tiflis, 1900 (in Russian)].

Барзани Х. Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы (начало XX века — 1967 г.). Автореф. дисс... к. и. н. / АН СССР, ИВ. ДСП. М., 1971. 30 с. [Barzani H. *Kurdish political parties and public organizations in the struggle to resolve the Kurdish problem (beginning of the twentieth century — 1967)*. Abstract of the PhD Thesis. Moscow, 1971, 30 p.] (in Russian)].

Бларамберг И. *Воспоминания*. Пер. с нем. О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта. М., 1978 [Blaramberg I. *Memories*. Transl. from German by O. I. Zhigalina and E. F. Schmidt. Moscow, 1978 (in Russian)].

Вильчевский О. Л. Курды. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 8: Кошала–Мальта. М., 1965. С. 310–311 [Vil'chevskij O. L. *Kurds. Sovetskaya Istoricheskaya Entsiklopediya*. Vol. 8. Moscow, 1965. Pp. 310–311 (in Russian)].

Джалиле Дж. *Освободительная борьба курдов в 50–80-х годах XIX века*. Автореф. дисс... к. и. н. / АН СССР. ИНА. М., 1963. 20 с. [Dzhalile Dzh. *The liberation struggle of the Kurds in the 50–80s of the XIX century*. Abstract of the PhD Thesis. Moscow, 1963. 20 p. (in Russian)].

Джалиле Дж. Исследование о курдах. [Газета] *Коммунист* [Ереван]. 1964а, 25 января. С. 1 [Dzhalile Dzh. *Research about Kurds*. [Newspaper] *Kommunist* [Yerevan]. 1964a, 25 January. P. 1].

Джалиле Дж. Курдистан и курдская проблема. *Азия и Африка сегодня*. 1964б. № 10. С. 62–63 [Dzhalile Dzh. *Kurdistan and the Kurdish problem*. *Aziya i Afrika segodnya*. 1964b. № 10. С. 62–63 (in Russian)].

Джалиле Дж. *Восстание курдов 1880 года* / АН СССР. ИНА. М.: Наука, 1966а. 132 с. [Dzhalile Dzh. *1880 Kurdish uprising*. Moscow, 1966a. 132 p. (in Russian)].

Джалиле Дж. Положение курдов накануне восстания шейха Обейдуллы в 1880 г. *Вестник общественных наук АН АрмССР*. 1966б. № 2. С. 105–115 [Dzhalile Dzh. *The situation of the Kurds on the eve of the uprising of Sheikh Obeidullah in 1880*. *Vestnik obshchestvennykh nauk Akademii nauk ArmSSR*. 1966b. № 2. Pp. 105–115 (in Russian)].

Джалиле Д. Обейдуллы Восстание 1880. *Советская историческая энциклопедия*. Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 10: Нахимсон–Пергам. 1971. Столб. 392–393 [Dzhalile Dzh. *Obeidullah Uprising 1880*. *Sovetskaya Istoricheskaya Entsiklopediya*. Vol. 10. Moscow, 1971. Pp. 392–393 (in Russian)].

Джалиле Дж. *Курды Османской империи в первой половине XIX века*. М.: «Наука», ГПВЛ, 1973. 198 с. [Dzhalile Dzh. *Kurds of the Ottoman Empire in the first half of the 19th century*. Moscow, 1973. 198 p. (in Russian)].

Джалиле Дж. Дж. *Становление и развитие курдского освободительного движения в Османской империи (XIX — начало XX вв.)*. Автореф. дисс... д. и. н. / АН СССР, ИВ. М., 1991. 32 с. [Dzhalile Dzh. *Formation and development of the Kurdish liberation movement in the Ottoman Empire (XIX — early XX centuries*. Abstract of the Hab Thesis. Moscow, 1991, 32 p.) (in Russian)].

Дорри Дж. Мой путь в иранистику. *Азия и Африка сегодня*. 1995. № 11. С. 58–65 [Dorri J. My way to Iranian Studies. *Aziya i Afrika segodnya*. 1995. № 11. С. 58–65 (in Russian)].

Егнян Г. У востоковедов Армении. *Народы Азии и Африки*. 1965. № 2. С. 194–195 [Yeganyan G. At the Orientalists of Armenia. *Aziya i Afrika segodnya*. 1965. № 2. Pp. 194–195 (in Russian)].

Инджикян О. Г. Изучение проблем новой и новейшей истории Турции и Ирана в секторе востоковедения Академии наук Армянской ССР. *Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции (1962; Баку)*. Тезисы докладов / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: ИВЛ, 1962. С. 14 [Indzhikyan O. G. Studying the problems of modern and recent history of Turkey and Iran in the sector of Oriental studies of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. *Session on the history and economy of Afghanistan, Iran and Turkey (1962; Baku)*. Abstracts. Moscow, 1962. P. 14 (in Russian)].

Кафтан К. *Барзанские восстания 1900–1945 гг. — блестящая страница национально-освободительной борьбы курдского народа в Иракском Курдистане*. Автореф. дисс... к. и. н. / Ленингр. гос. ун-т. Ленинград, 1963. 18 с. [Kaftan K. *Barzan uprisings 1900–1945 — a brilliant page of the national liberation struggle of the Kurdish people in Iraqi Kurdistan*. Abstract of the PhD Thesis. Leningrad, 1963. 18 p. (in Russian)].

Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». 1957–1966. Аннотированный каталог. М.: «Наука», ГПВЛ, 1968. 304 с. [Books of the Main Editorial Board of Oriental Literature of the Nauka Publishing House. 1957–1966 Annotated catalogue. Moscow, 1968. 304 p. (in Russian)].

Кузнецов А. А. [Рец. на:] М. С. Лазарев. *Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX — 1917 г.)*. М.: Наука, 1964. 400 с. *Народы Азии и Африки*. 1965. № 3. С. 201–204 [Kuznetsov A. A. [Rev. on:] M. S. Lazarev. *Kurdistan and the Kurdish problem (90s of XIX — 1917)*. Moscow: Nauka, 1964. 400 p. *Narody Azii i Afriki*. 1965. No. 3. Pp. 201–204 (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. — 1917 г.)* / АН СССР. ИНА. М.: Наука, 1964. 400 с. [Lazarev M. S. *Kurdistan and the Kurdish problem. (90s of the 19th century — 1917)*. Moscow, 1964. 400 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. Заметки о курдоведении (история, экономика, политика). *Народы Азии и Африки*. 1968а. № 1. С. 158–167 [Lazarev M. S. Notes on Kurdish studies (history, economics, politics). *Narody Azii i Afriki*. 1968а. № 1. Pp. 158–167 (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдский вопрос в связи с международными отношениями на Ближнем Востоке (конец XIX века — 1917 г.)*. Автореф. дисс... д. и. н. / АН СССР. ИНА. М., 1968b. 45 с. [Lazarev M. S. *The Kurdish issue in connection with international relations in the Middle East (the end of the 19th century — 1917)*. Abstract of the Hab Thesis. Moscow, 1968b. 45 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдский вопрос в связи с международными отношениями на Ближнем Востоке (конец XIX века — 1917 г.)*. В 2-х томах. Дисс... д.-ра ист. наук: 07.00.00. М., 1968с. 836 с. [Lazarev M. S. *The Kurdish issue in connection with international relations in the Middle East (the end of the 19th century — 1917)*. Two volumes. Hab Thesis. Moscow, 1968с. 836 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдский вопрос. 1891–1917*. М.: Наука, 1972. 472 с. [Lazarev M. S. *Kurdish issue. 1891–1917*. Moscow, 1972. 472 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923) / АН СССР, ИВ. М.: Наука, 1989. 327 с. [Lazarev M. S. *Imperialism and the Kurdish issue (1917–1923)*. Moscow, 1989. 327 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. Путь в востоковедение. Н. А. Халфин (1921–1987). *О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов*. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 169–184 [Lazarev M. S. Path to Oriental studies. N. A. Khalfin (1921–1987). *About colleagues and comrades: Moscow Orientalists of the 60–80s*. Moscow, 1994. Pp. 169–184 (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдистан и курдский вопрос (1923–1945)* / РАН, ИВ. М.: Вост. лит. РАН, 2005а. 308 с. [Lazarev M. S. *Kurdistan and Kurdish issue (1923–1945)*. Moscow, 2005a. 308 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. В. Ф. Минорский о курдском вопросе. *Восточный архив*. 2005b. № 13. С. 116–120 [Lazarev M. S. V. F. Minorsky about the Kurdish issue. *Vostochnyj arkhiv*. 2005b. № 13. Pp. 116–120 (in Russian)].

Лазарев М. С. Категории курдской истории. *Лазаревские чтения*. Вып. 1 / Отв. ред. О. И. Жигалина. М.: ИВ РАН, 2012. С. 72–113 [Lazarev M. S. Categories of Kurdish history. *Lazarevskie chteniya*. Issue, Ed. by O. I. Zhigalina. Moscow, 2012. Pp. 72–113 (in Russian)].

Максимычев И. Ф. *Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине*. М.: Вече, 2011. 352 с. [Maksimychyev I. F. *Fall of the Berlin Wall. From the notes of the Minister-Counselor of the USSR Embassy in Berlin*. Moscow, 2011. 352 p. (in Russian)].

Ментешашвили А. М. *Курды: Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта*. М.: Наука, 1984. 238 с. [Menteshashvili A. M. *Kurds: Essays on socio-economic relations, culture and life*. Moscow, 1984. 238 p. (in Russian)].

Милибанд С. Д. *Востоковеды России: XX — начало XXI в.: биобиблиографический словарь*: в 2 кн. М.: Вост. лит., 2008. Кн. I: А–М. Кн. II: Н–Я [Miliband S. D. *Orientalists of Russia: XX — early XXI century: bio-bibliographic dictionary*: in 2 books. Moscow, 2008 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К юбилею Ольги Ивановны Жигалиной. *Восток (Oriens)*. 2012. № 1. С. 206–209 [Mosaki N. Z. To the anniversary of Olga Ivanovna Zhigalina. *Vostok (Oriens)*. 2012. No. 1. Pp. 206–209 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1971–1987 гг.). Статья вторая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 136–156 [Mosaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1971–1987). Part II. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 2. Pp. 136–156 (in Russian)].

Новичев А. Д. *Турция. Краткая история*. М.: Наука, 1965. 270 с. [Novichev A. D. *Turkey. Short story*. Moscow, 1965. 270 p. (in Russian)].

От сектора. *Востоковедческий сборник* / АН АрмССР. Сектор востоковедения. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1960. С. 7–8 [From sector. *Vostokovedcheskij sbornik*. Yerevan, 1960. P. 7–8 (in Russian)].

Саакян Р. Г. Об освещении некоторых вопросов новой и новейшей истории Турции. *Вестник общественных наук АН АрмССР*. 1966. № 12. С. 113–118 [Saakyan R. G. On the coverage of some issues of modern and recent history of Turkey. *Vestnik obshchestvennykh nauk Akademii nauk Arm.SSR*. 1966. No. 12. Pp. 113–118 (in Russian)].

Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия / Науч. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Отделение ист. наук АН СССР. Т. 6: Индра–Каракас. 1965. 1022 столб. [Soviet historical encyclopedia. Ed. by E. M. Zhukov. Vol. 6. Moscow, 1965. 1022 p. (in Russian)].

Советское востоковедение между двумя конгрессами. *Народы Азии и Африки*. 1963. № 6. С. 242–253 [Soviet Oriental Studies between two congresses. *Narody Azii i Afriki*. 1963. No. 6. Pp. 242–253 (in Russian)].

Хазнадар М. К истории курдской литературы. (Конец XIX — первая половина XX вв.). Автореф. дисс. к. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Ленинград, 1963. 16 с. [Khaznadar M. On the history of Kurdish literature. (The end of the 19th — the first half of the 20th centuries). Abstract of the PhD Thesis. Leningrad., 1963. 16 p. (in Russian)].

Хазнадар М., Кафтан К. Курдистан и курдская проблема. *Азия и Африка сегодня*. 1964. № 10. С. 62 [Khaznadar M., Kaftan K. Kurdistan and the Kurdish problem. *Aziya i Afrika segodnya*. 1964. No. 10. P. 62 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рецензия на:] *Россия и Туркмениция в XIX веке. К вхождению Туркмениции в состав России*. Ашхабад, 1946. *Вопросы истории*. 1948. № 10. С. 155–157 [Khalfin N. A. [Review on:] *Russia and Turkmenistan in the 19th century. To the entry of Turkmenistan into Russia*. Ashgabat, 1946. *Voprosy istorii*. 1948. No. 10. Pp. 155–157 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)* / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Издательство вост. лит., 1963а. 171 с. [Khalfin N. A. *Struggle for Kurdistan (Kurdish question in international relations of the 19th century)*. Moscow, 1963. 171 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Новые исследования советских востоковедов по истории национально-освободительного движения курдского народа. *Колониальная политика и национально-освободительное движение (из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока)*. Кишинев, 1965. С. 355–361 [Khalfin N. A. New studies of Soviet orientalists on the history of the national liberation movement of the Kurdish people. *Colonial policy and the national liberation movement (from the modern and recent history of the Balkans, the Near and Middle East)*. Chisinau, 1965. Pp. 355–361 (in Russian)].

Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы. *Вопросы истории*. 1966а. № 8. С. 154–161 [Khalfin N. A. Kurdish historiography in the USSR and some of its problems. *Voprosy istorii*. 1966. № 8. Pp. 154–161 (in Russian)].

Халфин Н. А. Новая книга о курдах. [Рец. на:] Ментешашвили А. М. *Курды: очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта*. М.: Наука, 1984. *Азия и Африка сегодня*. 1985а. № 7. С. 63–64 [Khalfin N. A. A new book about the Kurds. [Rev. on:] Menteshashvili A. M. *Kurds: Essays on Socio-Economic Relations, Culture and Life*. Moscow: Nauka, 1984. *Aziya i Afrika segodnya*. 1985. No. 7. Pp. 63–64 (in Russian)].

Чубинашвили Г. Ответ рецензентам. *Мацне (Вестник)*. Орган отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба. 1969. № 4. С. 203–216 [Chubinashvili G. Response to reviewers. *Matsne (Vestnik)*. Tbilisi, 1969. No. 4. Pp. 203–216.

Шнирельман В. А. *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 592 с. [Shnirel'man V. A. *Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Moscow, 2003. 592 p. (in Russian)].

Asatrian G. Prolegomena to the Study of the Kurds. *Iran and the Caucasus*. 2009. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–58.

Atkin M. Soviet and Russian scholarship on Iran. *Iranian Studies*. 1987. Vol. 20. No. 2–4. Pp. 223–271.

Bibliography of Periodical Literature. *Middle East Journal*. 1968. Vol. 22. No. 4. Pp. 539–565.

van Bruinessen M. In memoriam Kamal Mazhar Ahmad (1937–2021), doyen of Kurdish historians. *Kurdish Studies*. 2021. Vol. 9. No. 2. Pp. 233–241.

Celil, Celilê. *Jiyana rewşenbiri û siyasi ya kurdan (Di Dawiya Sedsala 19'a û Destpêka Sedsala 20'a de)*. Uppsala: Jina Nû, 1985. 200 rûp. [Dzhalile Dzhalil. Cultural and political life of the Kurds (late 19th — early 20th century). Uppsala: Jina Nû, 1985. 200 p. (in Kurmanji Kurdish)].

Eagleton W. Jr. *The Kurdish Republic of 1946*. L., O. U. P., 1963. 142 p.

Evans, H. New Soviet books. *Middle Eastern Studies*. 1966. Vol. 3. No. 1. Pp. 68–73.

Ghalib S. A. *The Emergence of Kurdistan with Special Reference to the Three Kurdish Emirates within the Ottoman Empire, 1800–1850*. Submitted to the University of Exeter as a thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Arabic and Islamic Studies in October 2011.

Halfin. *19. Yüzyılda Kürdistan Üzerine Mücadeleler*. Ankara: Komal Yayınevi, 1976. 134 sayfa [Halfin. *Struggles over Kurdistan in the 19th Century*. Ankara, 1976. 134 p. (in Turkish)].

Khalfin, Dr. N. A. (1969). *Al-Siraa ala Kurdistan*, (Arabic text). Translated from Russian by Dr. Ahmad Othman Abubakr. Baghdad: al-Shaab Press, 1969.

Kurij S. Bi Prof. Dr. Celilê Celil re li ser xebatên kurdnasîyê hevpeyvînek. Kurtedîroka kurdnasîya li Sovyetê. *Le Monde Diplomatique kurdî*. 2012. Sibat. No. 27. Rûpel 22 [An interview with Prof. Dr. Jalilê Jalil on Kurdish studies. A brief history of Kurdish studies in the Soviet Union/ *Le Monde Diplomatique kurdî*. 2012. February. No. 27. P. 22 (in Kurmanji Kurdish)].

Mossaki N. In memoriam: Izzaddin Mustafa Rasul (1934–2019), Iraqi Kurdish man of letters and Soviet-trained scholar. *Kurdish Studies*. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 113–128. DOI: 10.33182/ks.v9i1.639.

Rondot P., Bois Th. Chronique de Sociologie Kurde. № 12. Avril 1967. *L'Afrique et l'Asie*. 1967. 2^e Trimestre. № 78. P. 44–49.

Xalfin N. *Xebat le riy Kurdistanda*. Silêmani: Çapxaney Raperin, 1969. 224 r. [Xalfin N. *Struggle for Kurdistan*. Sulaymaniyah [Iraq], 1969. 224 p. (in Sorani Kurdish, with Arabic script)].

Xalfin N. A. *Di sedsala 19'emîn de rewşa kurdan*. Amadekar & werger: Têmûrê Xelil. Ankara: Lis Yayınları, 2018. 184 rûp. [Xalfin N. A. The situation of the Kurds in the 19th century. Ankara, 2018. 184 p. (in Kurmanji Kurdish)].

**СОЦИОЛИНГВИСТ ОТ БОГА.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Б. НИКОЛЬСКОГО**

© 2024

М. С. Каменева¹

Статья посвящена знаменательной дате — столетию со дня рождения видного российского ученого-востоковеда, специалиста в области корейского языкознания, одного из основателей социолингвистического направления в востоковедении Леонида Борисовича Никольского. Имя Леонида Борисовича широко известно в нашей стране, среди европейских ученых и в КНДР и Республике Корея. В статье отмечается, что начало его научной и педагогической деятельности было связано с преподаванием и изучением корейского языка, описанию одного из аспектов грамматической структуры которого была посвящена его кандидатская диссертация. Особо подчеркивается вклад Л.Б. Никольского в создание двуязычных корейско-русских и русско-корейских словарей, в том числе в творческом соавторстве с северокорейскими лингвистами. Среди его многочисленных заслуг — воспитание не одного поколения специалистов по Корее. Автор статьи также отмечает, что не менее значимыми являются работы Леонида Борисовича, посвященные разработке проблем общей и востоковедной социолингвистики, в которых анализируется широкий круг вопросов, связанных с такими понятиями, как предмет социолингвистики, языковая ситуация, билингвизм и диглоссия, языковая политика и многие другие. Особое место занимает рассмотрение Л.Б. Никольским языка как признака социальных явлений и процессов, разработка им проблем использования языка в сфере политики и идеологии в странах зарубежного Востока, а также соотношения культуры и языка, религии и языка в восточных обществах. Заслуги Леонида Борисовича были отмечены орденами и медалями СССР.

Ключевые слова: Никольский, Институт востоковедения, корейский язык, востоковедная социолингвистика, зарубежный Восток

Для цитирования: Каменева М. С. Социолингвист от бога. К 100-летию со дня рождения Л. Б. Никольского. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 132–136. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-132-136

**BORN SOCIOLINGUIST.
FOR THE CENTENARY OF L. B. NIKOLSKY**

Marina S. Kameneva

The article is dedicated to a significant date - the centenary of the birth of Leonid Borisovich Nikolsky, a prominent Russian orientalist, a specialist in the field of Korean linguistics, one of the founders of the socio-linguistic direction in Oriental studies. Leonid Nikolsky is widely known in our country, among European scientists, as well as in the DPRK and the Republic of Korea. The article notes that the beginning of his academic and pedagogical activities was associated with teaching and studying the Korean language. Particular emphasis is

---

¹ Каменева Марина Самуиловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; kamenevamarina@mail.ru

Marina S. Kameneva. PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kamenevamarina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3680-0301

placed on L.B. Nikolsky's contribution to the creation of bilingual Korean-Russian and Russian-Korean dictionaries, including creative collaboration with North Korean linguists. Among his many merits is the education of several generations of specialists in Korea. The author of the article also notes that no less significant are Leonid Nikolsky's works devoted to the development of problems of general and oriental sociolinguistics, which analyze a wide range of issues related to such concepts as the subject of sociolinguistics, the linguistic situation, bilingualism and diglossia, language policy and many others. A special place is occupied by L.B. Nikolsky's consideration of language as a sign of social phenomena and processes, his development of problems of the use of language in the sphere of politics and ideology in the countries of the foreign East, as well as the relationship between culture and language, religion and language in Eastern societies. Leonid Nikolsky was awarded orders and medals of the USSR.

Keywords: Nikolsky, Institute of Oriental Studies, the Korean language, Oriental Sociolinguistics, foreign East

For citation: Kameneva M. S. Born Sociolinguist. For the Centenary of L. B. Nikolsky. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 132–136. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-132-136

2 июня 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного российского ученого, специалиста по корейскому языку и одного из основателей востоковедной социоллингвистики, доктора филологических наук Леонида Борисовича Никольского. Участник Великой Отечественной войны, Л. Б. Никольский после ее завершения в 1950 г. с отличием окончил восточный факультет Военного института иностранных языков, который в разные годы воспитал целую плеяду известных специалистов в области филологии и не в последнюю очередь востоковедения, прославивших в дальнейшем российскую науку. Он был одним из первых выпускников Института, избравших своей специальностью корейский язык. Леонид Борисович получил хорошую языковую практику, проработав некоторое время в качестве референта-переводчика Военного атташе при Посольстве СССР в Пхеньяне (Северная Корея), куда был командирован Генштабом Советской армии. Результаты пребывания в Корее нашли отражение в его дальнейшей научной и преподавательской деятельности [Концевич, Мазур, Пак, 1998, с. 219–220].

После окончания ВИИЯ Л. Б. Никольский успешно совмещал педагогическую деятельность с научной работой. Почти 20 лет своей жизни он отдал преподаванию в высших учебных заведениях Москвы — в родном ВИИЯ и ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, а в дальнейшем в Московском государственном лингвистическом университете. И почти все эти годы вплоть до ухода из жизни в 1997 г. он являлся научным сотрудником Института востоковедения.

Уже через три года после окончания ВИИЯ Л. Б. Никольский защитил диссертацию на тему «К вопросу о “неполнозначных именах существительных” в современном корейском языке» и стал кандидатом филологических наук. В 1975 г. ему было присвоено звание доктора филологических наук за работу на социоллингвистическую тематику, с которой будет связана значительная по времени часть его будущей научной деятельности, — «Очерки по теории социоллингвистики». В 1986 г. ему было присвоено ученое звание профессора [Милибанд, 2008, с. 34–35].

Леонид Борисович Никольский, по мнению всех, кому в свое время посчастливилось с ним работать, был талантливым ученым, умным, внимательным и доброжелательным, остроумным и легким в общении человеком, всегда готовым прийти на помощь своим коллегам, находиться рядом с которым было большим удовольствием.

Л. Б. Никольский является автором более 120 работ, опубликованных на русском, английском и немецком языках [Список основных научных трудов, 1984, с. 200–201]. Он внес большой вклад в развитие отечественного корейского языкознания, особенно в область его лексикографии. При его участии и под его руководством были созданы «Корейско-русский военный словарь» (1966), «Большой корейско-русский словарь» в двух томах (1976), новый «Корейско-русский

словарь» (1994), причем два последних словаря явились результатом плодотворного сотрудничества с лексикографами КНДР. Очень востребованным стал «Русско-корейский словарь», созданный в 1988 г. в соавторстве с Ю. Н. Мазуром и выдержавший несколько изданий, в том числе и в Республике Корея.

Помимо этого, большую научную ценность представляют его работы, посвященные изучению различных аспектов корейского языка, прежде всего его грамматического строя. Л. Б. Никольским был предложен нетривиальный подход к рассмотрению агглютинации на материале корейского языка. В ряде его статей также анализируются такие актуальные для корейского языкознания вопросы, как нормирование и кодификация корейского языка в условиях расчлененной Кореи [Концевич, Мазур, Пак, 1998, с. 219–220]. В 1960 г. он впервые на русском языке опубликовал очерк о становлении национального литературного языка в Корее, предложив свою схему периодизации [Никольский, 1960, с. 59–69].

Помимо изучения проблем корейского языка и его описания Л. Б. Никольский внес неоценимый вклад в становление и развитие востоковедной социоллингвистики в нашей стране.

Востоковедное направление социоллингвистических исследований получило научное оформление в Институте востоковедения в самом начале 70-х гг. XX в., хотя отдельные исследования по социоллингвистическим проблемам стран зарубежного Востока появились раньше, когда во главе Отдела языков стоял Г. П. Сердюченко. После его смерти уже при В. М. Солнцева социоллингвистическое направление становится все более популярным, и в 1971 г. создается сектор социоллингвистики и лексикографии.

В течение 20 лет, с самого начала существования сектора социоллингвистики как самостоятельного научного подразделения им руководил Л. Б. Никольский, автор целого ряда основополагающих трудов по отечественной, прежде всего востоковедной социоллингвистике.

По инициативе и при активном участии сотрудников сектора социоллингвистики был написан ряд коллективных и индивидуальных монографий, сборников статей и справочных изданий, анализирующих такие основополагающие социоллингвистические проблемы стран Востока, как сформировавшиеся и формирующиеся языковые ситуации и проводимая языковая политика, отношения языка и религии, языка и идеологии, билингвизм и диглоссия и многие другие.

В 1977 г. вышла коллективная монография «Языковая политика в афро-азиатских странах», ответственным редактором и автором основополагающего раздела которой стал Л. Б. Никольский. Монография сконцентрировала внимание на языковых проблемах, возникающих в странах Азии и Африки в условиях победы национально-освободительных движений, демократизации общественной жизни и научно-технической революции, причем языковая политика была рассмотрена авторами разделов как часть национальной политики, проводимой в независимых государствах.

Л. Б. Никольский в разделе «Роль языка и языковая политика в афро-азиатских странах» дал анализ базовых проблем, стоявших перед востоковедной социоллингвистической наукой. Он обратил основное внимание на социальные функции языка — консолидирующую, разъединяющую, символическую и интегрирующую в социально-этнических общностях и территориально-политических объединениях. Им был поставлен вопрос о языке-макропосреднике в зависимости от сложившихся в разных странах этнолингвистических, социально-политических и национально-языковых ситуаций. Автор также дал определения основным социоллингвистическим понятиям — языковой ситуации и языковой политике, которые в последующих его работах становятся предметом более глубокого и детального анализа [Языковая политика в афро-азиатских странах, 1977, с. 5–28].

В 1983 г. также под научным руководством Л. Б. Никольского была опубликована коллективная монография «Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период)»,

которая стала первым в советском востоковедении исследованием изменений, происшедших в автохтонных языках народов Востока главным образом в период после Второй мировой войны в результате как социальных сдвигов, так и взаимодействия экстралингвистических и внутрискруктурных факторов, что, в том числе, подробно анализируется Леонидом Борисовичем в соавторстве с М. И. Исаевым в первом разделе, предлагаемом вместо введения к работе [Развитие языков в странах зарубежного Востока, 1983, с. 5–15].

Значимым событием в области социолингвистики стал изданный в 1986 г. справочник «Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика», в роли ответственного редактора и автора первого общетеоретического раздела которого также выступил Л. Б. Никольский. В справочнике были собраны сведения о населяющих страны Востока народах, их языках, изменениях в этнолингвистической ситуации, использовании языков в различных сферах общения, а также в СМИ и в системе образования, о соотношении языков и диалектов и некоторые другие. По замыслу его авторов, он должен был преследовать как научные, так и прикладные цели. Леонид Борисович в теоретическом введении «Языковые ситуации и языковая политика на зарубежном Востоке» предварил описание языковых ситуаций по странам и проводимой там языковой политике общетеоретическими выкладками по этой проблематике. Им были даны объяснения необходимых социолингвистических понятий, освещены социолингвистические явления и процессы, характерные для всего зарубежного Востока. По широте охвата материала и по качеству представленной информации справочник стал уникальным изданием в социолингвистической науке. Он сохраняет свою научную ценность и по наши дни [Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика, 1986, с. 5–20].

Л. Б. Никольский был также инициатором проведения ряда симпозиумов, конференций, рабочих совещаний как в России, так и за рубежом, посвященных социолингвистической проблематике.

Помимо активного участия в коллективных трудах Леонид Борисович написал немало собственных работ, которые стали явлением в современном языкознании и до настоящего времени не потеряли своей научной значимости. Он открыл новую перспективную область языкознания — лингвосоциологию, где язык рассматривается как признак социальных явлений и процессов.

Интерес к проблемам социолингвистики, который начал формироваться у него уже в конце 60-х гг., реализовался прежде всего в книгах «Синхронная социолингвистика (теория и проблемы)», вышедшей в 1976 г., и «Введение в социолингвистику», написанной в соавторстве с коллегой и другом, известным лингвистом Александром Давидовичем Швейцером в 1978 г.

Совместный труд двух известных ученых стал первым в отечественной и зарубежной учебной литературе пособием для высших учебных заведений, в котором излагаются теоретические основы современной социолингвистики (проблема предмета и статуса социолингвистики, описание разновидностей социально-коммуникативных систем и их функционирование, типология языковой политики, интерпретация речевого поведения), освещаются методологические проблемы этой дисциплины (взаимоотношение языка и социальной структуры, проблема языка как социального фактора, взаимоотношения языка и культуры, языка и личности) и методы социолингвистических исследований (сбор социолингвистических данных, социолингвистический анализ) [Швейцер, Никольский, 1978].

В монографии «Синхронная социолингвистика» автором рассмотрены основные теоретические проблемы этого направления в языкознании — принципы выделения языковых подсистем, языковая ситуация, двуязычие, языковая политика и речевое поведение. Отдельно представлены также языковые проблемы, стоящие перед развивающимися странами и требующие своего

решения. Именно в этой работе выделена область исследования, называемая автором лингвосоциологией [Никольский, 1976].

Особое место в научном творчестве Л. Б. Никольского занимает работа «Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока», в которой раскрыта роль языка как одного из активных факторов социального развития освободившихся стран, выявлены условия, при которых язык становится средством политической и идеологической борьбы, рассмотрено соотношение культуры и языка, идеологии и языка, освещены основные тенденции развития языковых ситуаций и эволюции автохтонных языков в восточных обществах [Никольский, 1986].

Л. Б. Никольский пользовался большим научным авторитетом в лингвистических и востоковедных кругах в нашей стране и за рубежом, он был членом ряда научных обществ по лингвистике и корееведению. Нередко к нему обращались за помощью и рекомендациями по вопросам национально-языковой политики представители правительственных структур. Научные заслуги Л. Б. Никольского были отмечены орденами и медалями СССР.

Литература / References

Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. Отв. ред. Л. Б. Никольский. М., 1986 [The Foreign East. Linguistic Situation and Language Policy. Reference Book. Ed. by L. B. Nikolsky. Moscow, 1986 (in Russian)].

Концевич Л. Р., Мазур Ю. Н., Пак М. Н.. Памяти Леонида Борисовича Никольского. *Восток (Oriens)*. 1998. № 3 [Kontsevich L. R., Mazur Yu.N., Pak M. N. In memory of Leonid Borisovich Nikolsky. *Oriens*. 1998. № 3 (in Russian)].

Милибанд С. А. *Востоковеды России.* Библиографический словарь. В двух томах. Т. 2. М., 2008 [Miliband S. D. *Orientalists of Russia*. In two volumes. Vol. 2. Moscow, 2008 (in Russian)].

Никольский Л. Б. Из истории становления национального литературного языка в Корее. *Проблемы востоковедения*. 1960. № 6 [Nikolsky L. B. Excerpts on the history of the formation of the national literary language in Korea. *Problems of Oriental Studies*. 1960. No. 6 (in Russian)].

Никольский Л. Б. *Синхронная социолингвистика (теория и проблемы)*. М., 1976 [Nikolsky L. B. *Synchronic Sociolinguistics (Theory and Problems)*. Moscow, 1976 (in Russian)].

Никольский Л. Б. *Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока*. М., 1986 [Nikolsky L. B. *Language in Policy and Ideology of Foreign Eastern Countries*. Moscow, 1986 (in Russian)].

Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). Отв. ред. Л. Б. Никольский. М., 1983 [Language Development in Foreign Eastern Countries (post-war period). Ed. by L. B. Nikolsky. Moscow, 1983 (in Russian)].

Список основных научных трудов доктора филологических наук Л. Б. Никольского (К 60-летию со дня рождения). Сост. С. Д. Милибанд. *Народы Азии и Африки*. 1984. № 5 [List of main scientific works of Doctor of Philology L. B. Nikolsky (To the 60th anniversary of his birth) Comp. S. D. Miliband. *Peoples of Asia and Africa*. 1984. No. 5 (in Russian)].

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. *Введение в социолингвистику (Для институтов и факультетов иностранных языков)*. М., 1978 [Shveytser A. D. Nikolsky L. B. *Introduction to Sociolinguistics (For Institutes and Faculties of Foreign Languages)*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Языковая политика в афро-азиатских странах. Отв. ред. Л. Б. Никольский. М., 1977 [Language Policy in Asian and African Countries. Ed. by L. B. Nikolsky. Moscow, 1977 (in Russian)].

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТДЕЛЕ ЛИТЕРАТУР ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ПАМЯТИ Е. Я. КАЛИННИКОВОЙ)**

С. В. Прожогина¹

Эссе об истории Отдела литератур ИВ РАН, о судьбе отечественной школы филологии Востока и о замечательном индологе-литературоведе Елене Яковлевне Калининковой.

Для цитирования: Прожогина С. В. Воспоминания об отделе литератур Института востоковедения Российской академии наук (памяти Е. Я. Калининковой). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 137–143. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-137-143

**REMINISCING DEPARTMENT OF LITERATURES,
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
IN MEMORIAM OF E. YA. KALINNINKOVA**

Svetlana V. Projogina

Essay on the history of the Department of Literatures of the IOS RAS, on the fate of the Russian school of Oriental philology and on the remarkable Indologist and literary scholar Elena Yakovlevna Kalinnikova.

For citation: Projogina S. V. Reminiscing Department of Literatures, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, in Memoriam of E.Ya. Kalinninkova. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 137–143. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-137-143

В августе 2024 г. этому замечательному человеку и ученому исполнилось бы 95 лет. Но вот уже десятилетие как ее нет с нами. А с ее светлым образом связана целая эпоха в развитии филологического знания в ИВ РАН.

Она была индологом, знала несколько восточных языков, жила и работала во многих странах, но научную судьбу свою связала с изучением англоязычной литературы Индии. Список ее трудов, быть может, и не столь велик, но весьма значим для отечественного литературоведения как показатель возможностей расширения горизонтов востоковедческих дисциплин, связанного с глубоким пониманием того, что взаимодействие различных цивилизаций не только необходимо, но и реально существует. Даже в известном смысле благодаря и одновременно вопреки эпохе колониализма.

---

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru
Svetlana V. Projogina, D.Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

Е. Я. Калинникова

Руководителям (и создателю И. С. Брагинскому) Отдела литератур стран Азии и Северной Африки — так назывался отдел долгое время² — в целом это было давно понятно, и в мое время, когда я пришла на работу в ИВ РАН (1976), будущий академик Е. П. Чельшев, сам индолог по образованию, это осознавал. Всю свою творческую жизнь он продолжал расширять горизонты изучения различного рода цивилизационных взаимодействий вплоть до конца 90-х — начала 2000-х гг. Сам он начал с небольшого труда о поэзии на языке хинди, а завершал свои исследования о значимости русской литературы для мировой, о необходимости рассмотрения творчества тех русских писателей, которые жили в эмиграции, в едином составе наследия великой русской литературы. И прекрасно понимал, как Иосиф Самойлович Брагинский, уже в 60-е гг. необходимость изучения восточных литератур, написанных на языках европейских в системе литератур национальных, включая в нее творчество писателей, живших после получения их странами независимости по разным причинам в диаспоральном, транснациональном пространстве. А это уже непосредственно касалось изучаемых и мною франкоязычных магрибин-

цев, да и многих индийских писателей, живущих по тем или иным причинам на Западе³.

Сейчас, увы, многое меняется в понимании значимости объемного литературоведческого знания и порой смещаются акценты в удивительно крайнем — почти радикальном — призыве некоторых, особо арабистов, к изучению, к примеру, творчества только тех, «кто в арабских странах пишет только по-арабски»... Впрочем, и в ту далекую эпоху в нашем отделе позволяли себе такие «полярности», рьяно настроенные на «идеологическую борьбу», и другие востоковеды, особо почему-то тюркологи, отрицавшие *всякого рода новации* в традициях литератур Востока. Вообще, объективные исследования творчества некоторых восточных писателей группой востоковедов упорно отрицались⁴, что случилось и с последней работой об индийском писателе Салмане Рушди, написанной Е. Я. Калинниковой. Отрицались эти исследования именно потому, что чаще всего изучаемые писатели были критически настроены по отношению ко многим переменам, происходившим в социальных отношениях уже независимых обществ и существовавшим в них радикальным традициям в сфере некоторых конфессий. Салман Рушди, написавший свою книгу «Сатанинские стихи» и резко критиковавший некоторые особенности проявлений исламизма, позднее

² Необходимо отметить, что в созданном И. С. Брагинским (1905–1989) отделе сосуществовали собственно Отдел литератур народов Азии и Африки и то, что сейчас называется Отделом памятников письменности народов Востока.

³ Увы, сын И. С. Брагинского — В. И. Брагинский — малаист, этого не понимал, но и отрицал вообще диаспоральное существование любых народов, кроме еврейского... В дальнейшем он переселился в Англию.

⁴ Разве можно забыть, как подверглась запрету книга о пролетарской поэзии в Японии, написанная В. Логуновой, или как беспощадно критиковалось исследование творчества литераторов Индии на языке маратхи В. Ламшукова, или неприятие в целом работы З. Н. Петруничевой о литературе на языке телугу? А ведь зачастую так называемые оценки всех этих бесценных сейчас работ давали либо представители арабистики, либо бессмысленно претендующий на пост руководителя Отдела так называемый африканист (суахилист), случайно оказавшийся в Отделе и в конце концов уволенный из ИВ РАН, я уж не говорю о жестокой внутренней борьбе тюркологов, закончившейся драматическим уходом из жизни таких специалистов, как Н. Айзенштейн и Л. Османова...

сам пострадал от рук террористов, будучи (хоть и скандальным) всемирно известным писателем, получившим Нобелевскую премию и много других разных титулов и званий... Но работа Калининковой Е. Я. о нем была сочтена трудом недостойным и не рекомендованным к изданию под грифом ИВ РАН... Я все это пишу не для того, чтобы вспомнить печальные факты из прошлого, постепенно уже на моих глазах «угасавшего» отдела. Когда я в 1994 г. ушла из него вслед за многими другими, в отделе оставалось не больше полутора десятков человек из ранее числившихся в нем более шестидесяти...

Я это пишу для того, чтобы еще раз подчеркнуть и «узаконить» присутствие в Отделе литератур (даже в общей тогдашней многочисленности коллег — и китаистов, и японистов, и арабистов, и монголоведов, и тибетологов, и цейлонистов и др. специалистов — литературоведов по странам Юго-Восточной Азии) исследователей, занимавшихся различными проблемами восточных литератур, написанных на языке английском или французском (вспомним, что в ИМЛИ параллельно с нами шло с конца 60-х до середины 90-х активное исследование и испано-, и португалоязычных литератур Африки). Их наследие и творческие усилия сегодня особенно очевидны и не пропали даром.

Я имею в виду также и многие бесценные работы и тех арабистов, кто изучал сиро-ливанскую школу (на английском языке), или литературу Ливана на французском, или тех индологов (в мою эпоху их было около двух десятков!), некоторые из которых, в том числе и Е. Я. Калининкова, владевшая хинди и урду, изучали литературу Индии именно на английском: Н. Гаврюшина, С. Эминова, Н. Колесникова и некоторые другие занимались творчеством известных в Индии художников слова, писавших на языке бывшей своей метрополии. И эти исследователи оставили не просто свидетельства эволюции мирового литературного процесса в целом, но и глубокое знание культуры, истории, социологии, политики, этноконфессиональных отношений в изучаемом регионе, что абсолютно не мешало, а только приумножало творчество тех, кто изучал литературу Индии на всех ее многочисленных языках — от санскрита до тамили и телугу, включая и такие языки, как маратхи, непали, урду, хинди... Особо вспоминаю В. Семенцова, В. Волкова, А. Сухачева, В. Ламшукова, З. Петрунчеву и других. В отделе тогда было и много аспирантов — всех уже не упомянуть. Но имя Е. Я. Калининковой связано для меня не только с ее научным творчеством, но и с тем, что она была примером умения преодолевать «бездну противоречий», порой возникавшую в многообразной научной среде, и примером *претерпевания*⁵ порой незаслуженных и резких критических оценок тех, кто не терпел никогда ни авторского «стиля» (кроме своего собственного), ни несколько других методов исследования художественных текстов, нежели кем-то навязанные когда-то и ставшие почти схематическими, а порой и неадекватными «каноны академического изучения», по большей части основанные, как это водится, на другом историко-литературном материале...

Е. Я. Калининкова была еще и примером бесконечной, бескрайней щедрости, душевной доброты и теплоты и того умения сопрягать свое беззаветное служение в научном учреждении (а я это видела на протяжении 30 лет) с семейными заботами и проблемами. Жизнь щедро одарила ее талантливым супругом и детьми, а с ними — и огромным племенем внуков и правнуков. Она ими всеми гордилась — и была права: они и сегодня — поэты, исследователи, культурологи, переводчики, преподаватели или просто творческие люди, многим обязанные своей маме, бабушке и прабабушке. Ее сын и дочь (Сергей и Ольга) прислали мне недавно факты из биографии Е. Я. Калининковой,

⁵ Как-то она прислала мне записку во время одного из бурных заседаний нашего отдела, когда я в очередной раз возмущалась нелепостью оценок тюркологами и некоторыми арабистами творчества североафриканцев из стран Магриба, писавших на французском языке, которых обзывали, не стесняясь места и времени, даже «врагами» своего народа. В этой записке — стих М. Лохвицкой, поэтессы «Серебряного века»: «Умей терпеть, умей страдать, умей молчать...»

Я только на похоронах Е. Я. Калининковой, а ее отпевали в церкви, узнала, что сама она была глубоко верующим человеком и как истинная христианка умела все и всем прощать.

нам почти неизвестные, хотя мы часто бывали — все ее подруги — на хлебосольных застольях у нее дома и отмечали ее и золотую, и бриллиантовую свадьбы. И в этой биографии, знакомой детям, — истоки ее особенного упорства идти до конца, до избывания сил на фоне уже почти угасшего пространства самого отдела, из которого, не выдержав разного рода «противоречий» и самодостаточности, самолюбования нового руководителя многие ушли, уехали и не вернулись, а если вернулись, то не в этот отдел. Созданный И. С. Брагинским и расцветший при Е. П. Челышеве, отдел, если честно сказать, умирал в прямом смысле по разным причинам, в том числе и по причине некоторой переориентации собственно литературоведения на т. н. культурную антропологию, в которой изучались уже не столько художественные тексты, сколько контекст и личности той или иной эпохи.

Но дадим слово детям Е. Я. Калининковой, которые прислали мне следующий текст:

«Это написал папа»⁶:

Вместе с моей супругой Еленой Яковлевной Калининковой мы прожили 62 года; из них 35 лет в доме на Икше, то есть больше половины жизни в нашем бриллиантовом супружестве. Да, с Леной мы справили и золотую, и бриллиантовую свадьбу — 60 лет вместе! Сам себе завидую.

...Познакомился я с Леной Калининковой при поступлении в институт в 1947 г. Окончив вуз, она стала индологом-литературоведом, а я — тюркологом и арабистом. Все эти годы мы сохраняли верность не только друг другу, но и востоковедению.

...Лена не раз печаталась в журнале «Азия и Африка сегодня». Там был опубликован в четырех номерах и ее очерк «Познание Индии». В начале статьи она поместила эпиграф из знакового стихотворения Редьярда Киплинга:

*Кто услышал зов Востока,
Вечно помнит этот зов.*

...Интересно и ярко она рассказала, как русская девочка из интеллигентной семьи с дворянскими корнями из Саратова увлеклась Индией, как приехала поступать в Московский институт востоковедения и как ее не приняли, потому что тогда девочек туда не принимали. Но она не потерялась и пошла отстаивать свои права на прием к депутату Верховного Совета СССР от Саратова — академику Б. Д. Грекову, известному историку. Он принял юную поборницу справедливости и подивился ее настойчивости. В результате Лена добилась того, чтобы ее, золотую медалистку, приняли в Институт востоковедения на индологическое отделение (а там работали те, кто вдохновенно читали лекции при переполненных аудиториях, и нередко их выступления заканчивались аплодисментами).

Нашими с Леной сокурсниками были писатели Анатолий Алексин и Юлиан Семенов, будущие профессора Александр Медовой, Георгий Мирский, Александр Пятигорский, Евгений Примаков и другие востоковеды, ставшие потом известными журналистами, учеными, крупными государственными деятелями.

Лена была необыкновенно красивой в молодости, но и в преклонные годы оставалась хороша собой. В юности легко быть красивой, а красоту в старости надо заслужить. Лена светила внутренней красотой, и ее духовная красота преобразовывалась в красоту внешнюю. И в этом, наверное, суть по-настоящему красивого человека.

За нашу долгую совместную жизнь Лена лишь два раза меняла свою девичью фамилию на мою — при наших совместных заграничных командировках. Лена всегда относилась к своей фамилии — Калининкова — очень трепетно, ведь по линии отца, заслуженного хирурга, который спас

⁶ Л. И. Медведко — востоковед, доктор исторических наук, академик РАЕН, долго служивший и в ИВ РАН.

тысячи жизней в войну и не меньше — в мирное время, она приходилась родственницей известному композитору Василию Сергеевичу Калининкову. По линии матери она происходила из дворянской семьи, была племянницей талантливого русско-немецкого художника Николая Загрекова, выпускника Вхутемаса, ученика Петра Кончаловского и Ильи Машкова.

Так уж получилось, что после революции Николай Загреков уехал учиться в Берлин и там остался. Он прожил в эмиграции в Германии более 70 лет. До 1936 года он поддерживал переписку с сестрой из Саратова, но когда в годы репрессий посадили их брата, Николай, опасаясь за жизнь близких в СССР, прекратил с ними переписку.

Вернулся художник в Россию уже после смерти в 2004 году — выставками в лучших музеях страны: в Третьяковской галерее в Москве и в Русском музее в Санкт-Петербурге. Елена Яковлевна с радостью и гордостью открывала выставку «Николай Загреков. Возвращение в Россию». Таким образом семья, разлученная ураганом событий XX в., воссоединилась в XXI в. с помощью культурного наследия, возвращенного на родину.

Лена служила востоковедению так же преданно, как и своей семье. Как профессиональному индологу после окончания института ей было, конечно же, обидно вместе со мной оказаться в командировке в Турции, на берегах Босфора, а не в Индии на берегах Ганга. Но и в Турции в новой для нее обстановке и к тому же матерью двоих детей она не растерялась. Лена быстро освоилась и за короткое время успела стать еще и культурологом, и переводчиком.

В своих воспоминаниях о нашей жизни в Турции Лена умолчала, как нас обоих потрясла услышанная 5 марта 1953 г. по радио из Москвы весть о смерти Сталина. Лена, прижавшись ко мне, испуганно спросила: «Как же мы теперь будем жить?» Но у меня не было никаких сожалений, и я ее успокоил: «Хуже не будет, у нас жизнь теперь только начинается».

Мы с Леной в нашем посольстве в Анкаре, а потом и в Стамбуле были самой молодой парой. К тому же я оказался еще и единственным из мужчин беспартийным. Поэтому мне было поручено возглавить местную комсомольскую организацию, состоявшую из одних женщин.

На первом дипломатическом приеме после нашего приезда в Турцию для меня стало открытием, что Лена уверенно проявила себя как полиглот. На том приеме она познакомилась с супружеской парой из Индии. Воспользовавшись удобным случаем, заговорила с ними на государственном языке Индии — хинди, чему советник индийского посольства очень удивился. Еще большее удивление у него вызвало, что, кроме хинди, она знает государственный язык Пакистана — урду. Советник признался, что сам он ни урду, ни хинди не знает и предпочитает говорить по-английски. После этого их разговор происходил на английском. Индус-англофил стал доказывать нам важность распространения английского языка для многоязыкой Индии. Английский там стал языком общения между разными штатами и языком государственного законодательства. Упомянул он также, что многие индийские писатели тоже пишут на английском. И благодаря английскому их творчество становится культурным достоянием всего мира. Тот разговор и надоумил Лену заняться именно творчеством англоязычных писателей в Индии. Но в Турции не было интересующих ее книг, поэтому Лена стала ходить в библиотеки английского и американского Культурных центров в Анкаре. Эта встреча и определила дальнейшее направление ее научной деятельности.

В 60-х годах у меня была длительная командировка на Ближний Восток, и это были годы странствий, открытий других культур, встреч с интересными людьми. Позже Лена написала несколько статей о жизни и быте народов Сирии, Иордании, Ливана, которые были опубликованы в разных журналах и газетах.

Возвратившись в Институт востоковедения в начале 1960-х гг., после защиты кандидатской диссертации по теме «Творчество Разипурама Кришнасами Нарайана» в 1968 г., Елена

Калинникова положила начало целому научному направлению — изучению в России современной англоязычной литературы Индии. Ее книга, посвященная этой тематике, была встречена очень благожелательно, в том числе и иностранными экспертами. Через некоторое время книгу перевели на английский язык и издали в самой Индии. Это — высшее признание, которого может в наши дни удостоиться настоящий индолог-профессионал. Поверьте, добиться этого очень нелегко. Широко известными среди востоковедов в России и за рубежом стали ее книги об индийских писателях: «Сароджини Найду», «Мулк Радж Ананд» и др.

Леночку все любили, потому что она была исключительно отзывчива и искренна. Может быть, она иногда была на удивление наивна, но всегда честна, даже во вред себе, совершая поступки невиданной гражданской смелости в середине 60-х гг. Когда в 1968 г. советские танки вошли в Прагу, она оказалась одной из горстки честных востоковедов, которые подписали протестное письмо. В то время это был поступок невиданной гражданской смелости. Но Лена всегда, с юности боролась за справедливость. Это к вопросу о правде, правоте и гражданственности.

Последняя работа Елены Калинниковой — «Феномен Салмана Рушди» — стала первой книгой в России, которая рассказала читателям о всемирно известном англоязычном индийском писателе, снискавшем «скандальную» известность после выхода в свет его романа «Сатанинские стихи». Тютчевские слова «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется» предпосланы были эпиграфом к этой книге, которая в переводе на арабский вышла в 2017 г. в Каире. В дальнейшем Салман Рушди — автор более 20 книг — стал лауреатом многих литературных премий, а позже получил от королевы Великобритании рыцарский титул — «За достижения в области литературы». Книга Лены имела большой успех везде — ведь она была первым ученым в России, которая отважилась написать не статью, а целое научное исследование о талантливом писателе, которого критики называли «гением и индийским Достоевским» ...

Прожитые нами 60 лет совместной жизни можно назвать по-настоящему *золотым* веком. Правда, обручальными золотыми кольцами мы обменялись только после возвращения из заграничных командировок — на нашей серебряной свадьбе. Могу честно сказать уже после отмеченных нами «золотой», а потом и «бриллиантовой» свадеб: Лена была золотой женой, примерной матерью и любящей бабушкой нашим внукам и правнукам. А для меня на протяжении всей жизни она была самым надежным другом и любимой женой. Жаль, что по-настоящему понимание этого приходит только с утратой близкого человека...

Невольно задаюсь теперь вопросом: что остается после жизни человека, в чем он продолжает жить? Прежде всего, в своих детях и внуках, потом — в своем деле, творчестве и книгах и в той светлой памяти по себе, которую он оставил в близких и друзьях.

Человек умирает трижды — первый раз физически, второй — когда о нем забывают близкие и друзья, и третий — когда умирает его дело. Слава Богу, наша Лена будет продолжать жить во всех этих ипостасях и после смерти.

Нам с Леной посчастливилось пожить и, не знаю, в более ли счастливом — XXI в...

Лены не стало 16 ноября 2014 г. Все принятые в народе поминальные дни прошли как в дыму... Ушла, как называли ее дети и домашние, Лелечка, тихо. Наверное, она не хотела даже знать о причине подстерегавшего ее проклятого рака.

Один из ведущих онкологов Москвы, посетивший наш дом, поведал, что только в редких случаях (один из ста!) при подобных заболеваниях больные уходят без боли. Как выразился доктор, такой уход еще *надо заслужить*. Его удостаиваются только очень добрые люди, жившие в первую очередь не для себя, а для других. Такой и была в нашем представлении семейная богиня в четырех ипостасях — жены, матери, бабушки и востоковеда.

На поминках дочь Ольга сказала: «Люди, подобные маме, приходят к нам, чтобы мы не совсем отчаялись и верили, что Красота и Доброта все-таки спасут мир. Она была камертоном нравственности, честности и порядочности и своей кроткой улыбкой побеждала зло во многих его проявлениях». А внучка Лелечки — Наташа — добавила: «Чтобы быть *такой* доброй в наше время, надо быть *очень* сильной».

Мой P. S.

Что можно добавить к образу этой красавицы и умницы, замечательного человека, матери, подруги, из тех, кто приходит всегда вовремя на помощь, и ученого, создавшего немало для **основ системного исследования** и сегодняшней литературы многонациональной, поликультурной, поликонфессиональной Индии? Только упомянуть список ее замечательных трудов, не считая многочисленных публикаций в журналах и коллективных монографиях: «**Англоязычная литература Индии**» (М.: Наука, 1974); «**Разипурам Кришнасвами Нарайан**» (М.: Восточная литература, 1981); «**Мулк Радж Ананд**» (М.: Восточная литература, 1986); «**Феномен Салмана Рушди**» (М.: Русский Двор, 2009). Это была первая книга в России, которая, как было сказано выше, рассказывала о тогда уже всемирно известном англоязычным писателе и его творчестве, снискавшем славу еще в 1988 г., после выхода в свет его романа «Сатанинские стихи». Сегодня он — автор многих произведений. Е. Я. Калининкова написала свое исследование иронично, живым языком, затрагивая наболевшие проблемы и Востока, и Запада, и я надеюсь, что искры того пламени, которые горят в ее трудах, разгорятся и для современных востоковедов-индологов, в среде литературоведов заметно поуменившихся в последнее время.

Ведь, как сказано мудрецами, «Традиция не пепел, а факел». И пусть светит и сегодня имя этой замечательной женщины, ученого — Е. Я. Калининковой, преодолевшей все, даже нелепость неожиданного для всех, постигшего ее ненастья — запрета на выход ее последнего труда под грифом ИВ РАН, Института, которому она отдала так много лет и сил своей жизни.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-144-150

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ. К 100-ЛЕТИЮ
СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА ПОТАБЕНКО»**

© 2024

А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Н. К. Чарьева¹

В настоящей статье представлен обзор круглого стола «Многогранный талант. К 100-летию С. И. Потабенко», посвященного жизни и деятельности известного ученого-востоковеда, индолога, искусствоведа и художника. Мероприятие состоялось в Москве в Институте востоковедения РАН 13 декабря 2023 г. и было организовано Отделом истории Востока. Святослав Игоревич Потабенко (1923–2011) многие годы работал в Институте востоковедения РАН. Он был крупным специалистом по искусству и культуре Индии и талантливым художником. Его перу принадлежат многочисленные научные статьи и монографии, его картины демонстрировались на выставках, а иллюстрации украшали книги. В работе круглого стола, приуроченного к 100-летию ученого, приняли участие коллеги Святослава Игоревича, сотрудники Отдела истории Востока, Отдела истории и культуры Древнего Востока, Центра индийских исследований, Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН, а также приглашенные гости. Собравшиеся на мероприятие рассказали о научной деятельности С.И. Потабенко, работе в общих проектах, совместных планах в разных областях и их воплощении, искусстве и творчестве, проекте ЮНЕСКО по изучению культур Центральной Азии, сотрудничестве с журналом «Восточный архив». Участники круглого стола поделились своими воспоминаниями о знакомстве со Святославом Игоревичем, впечатлениях от встреч с ним, дружбе, его семье, супруге Наталье Романовне Гусевой, тоже индологе. Участниками круглого стола были продемонстрированы дружеские шаржи, которые легко и виртуозно создавал Святослав Игоревич по случаю юбилея или другого значимого события.

Ключевые слова: Святослав Игоревич Потабенко, индология, отечественное востоковедение, искусствоведа, художник

Для цитирования: Васильев А.Д., Курникова О.М., Чарьева Н.К. Круглый стол «Многогранный талант. К 100-летию Святослава Игоревича Потабенко». *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 144–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-144-150

¹ Васильев Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, Dr.S (Hist.), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2947-4413

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru

ORCID: 0000-0001-9593-8912

Чарьева Наталья Какабалыевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ailatan_51@mail.ru

Natalia K. Charyeva, PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ailatan_51@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3057-4713

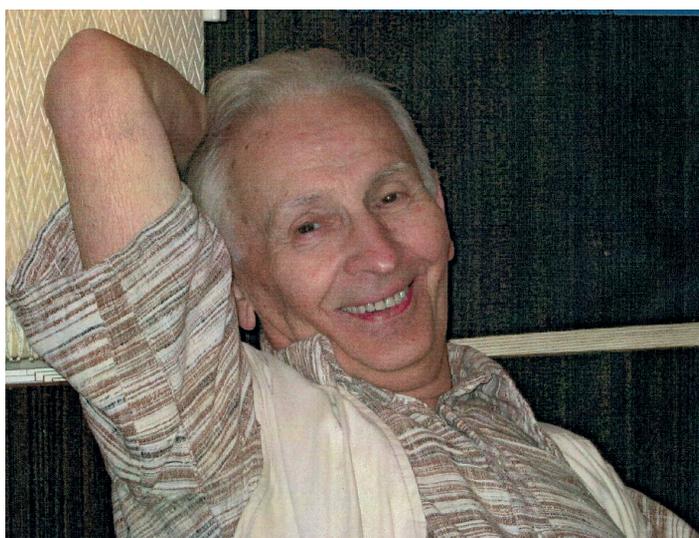
ROUND TABLE “A MULTIFACETED TALENT. TO THE CENTENARY OF SVYATOSLAV IGOREVICH POTABENKO”

Alexander D. Vasilyev, Oxana M. Kurnikova, Natalia K. Charyeva

This article provides an overview of the round table “Multifaceted talent. To the 100th anniversary of S. I. Potabenko,” dedicated to the life and work of the famous orientalist, Indologist, art critic and artist. The event took place in Moscow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on December 13, 2023 and was organized by the Department of Oriental History. Svyatoslav Igorevich Potabenko (1923-2011) worked for many years at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. He was a major expert on the art and culture of India and a talented artist. He authored numerous scientific articles and monographs, his paintings were shown at exhibitions, and his illustrations adorned books. Svyatoslav Igorevich’s colleagues from the Department of Oriental History, the Department of History and Culture of the Ancient East, the Center for Indian Studies, the Department of Comparative Cultural Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, as well as invited guests attended the round table. The participants spoke about the scientific activities of S.I. Potabenko, work in common projects, joint plans in different areas and their implementation, art and creativity, a UNESCO project for the study of the cultures of Central Asia, cooperation with the Eastern Archive magazine. The round table participants shared their memories of meeting Svyatoslav Igorevich, their impressions of meetings there, relations with his family, his wife Natalya Romanovna Guseva, also an Indologist. The round table participants demonstrated friendly cartoons that Svyatoslav Igorevich easily and masterfully created on the occasion of an anniversary or other significant event.

Keywords: Svyatoslav Igorevich Potabenko, Indology, domestic oriental studies, art critic, artist

For citation: Vasilyev A. D., Kurnikova O. M., Charyeva N. K. Round Table “A Multifaceted Talent. To the Centenary of Svyatoslav Igorevich Potabenko”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 144–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-144-150

С. И. Потабенко

13 декабря 2023 года в Институте востоковедения РАН, в Зале Ученых советов прошел круглый стол «Многогранный талант. К 100-летию Святослава Игоревича Потабенко», приуроченный к юбилейной дате известного ученого-индолога, искусствоведа и художника. Круглый стол был организован Отделом истории Востока, в котором на протяжении многих лет работал Святослав Игоревич.

С. И. Потабенко родился в Ялте в 1923 г. Атмосфера Крыма, смешение европейской и восточной культур оказали огромное влияние на его мировоззрение и выбор будущей профессии. Предки С. И. Потабенко происходили из дворян, сумели выжить в годы Гражданской войны и, будучи связанными с флотом, поселились в Крыму. С. И. Потабенко оказался в Москве в 1939 г., куда он приехал вместе с родителями. После начала Великой Отечественной войны был зачислен в танковое училище связи в Ульяновске и уже оттуда был отправлен в Военный институт иностранных языков. Здесь он впервые начал изучать индийскую культуру. И здесь же он познакомился со своей будущей женой — индологом Н. Р. Гусевой. После окончания ВИИЯ С. И. Потабенко вместе с супругой был направлен на службу в Ташкент, где на практике познакомился с восточной культурой. После службы в армии он вернулся в Москву, где поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР, директором которого тогда был А. А. Губер. С. И. Потабенко много работал за рубежом — на Цейлоне, в Индии, а затем — в Германии и Франции по проекту ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии. Помимо изучения Южной и Центральной Азии Святослав Игоревич запомнился коллегам как прекрасный журналист, исследователь изобразительного искусства Индии, художник и иллюстратор. Его кисти принадлежат многочисленные скетчи, рисунки и иллюстрации к научным и популярным книгам. Долгая жизнь Святослава Игоревича Потабенко была неразрывно связана с наукой и творчеством. Кандидат искусствоведения, он, будучи знатоком индийского искусства и культуры, опубликовал пять монографических исследований и десятки статей.

Тематикой круглого стола стали воспоминания о встречах и совместной научной и творческой деятельности со Святославом Игоревичем Потабенко как в Институте востоковедения, так и вне его стен. Коллеги и знакомые представили вниманию собравшихся разные сюжеты о жизни, знакомстве, дружбе, творческих пересечениях и общих проектах. Примечательно, что выступавшие отмечали не только профессионализм С. И. Потабенко как ученого, но и его человеческие качества. Хорошо знавшие лично С. И. Потабенко коллеги говорили о нем и как о неординарной личности, его влиянии на формирование дружеской творческой атмосферы в коллективе, о его семье и супруге Наталье Романовне Гусевой.

Круглый стол открылся выступлением к. э. н., в. н. с. Отдела сравнительного культуроведения ИВ РАН **Виктора Михайловича Немчинова** «Художник–индолог, интеллигент-гуманист С. И. Потабенко в отечественном востоковедении».

Начало творческого пути С. И. Потабенко совпало с исторической «оттепелью» середины 50-х гг. прошлого века, ознаменовавшей качественно новую атмосферу свободной научной деятельности в Институте востоковедения АН СССР под руководством академика Б. Г. Гафурова. Вдохновленный «ветром перемен», С. И. Потабенко не только органично вписался в новую реальность, но и внес заметный личный вклад в новый облик ученого-востоковеда с его мощным обаянием, скромностью, академичностью, особенно образностью видения мира, щедрой открытостью в отношении коллег, подлинной демократичностью. В нем отразились замечательные черты отечественного востоковедения — гуманизм, интеллигентность и объективизм.

В. М. Немчинов обратил внимание, что С. И. Потабенко был не только крупным специалистом в области индийского искусства, но и талантливым художником, чьи работы были представлены на выставках и на страницах книг.

Обладая удивительно тонкой наблюдательностью исследователя и одновременно художника, он — мастер шаржа мог создать графический образ научного работника на затянувшемся собрании. И это были феноменальные, точные по жанру и фотографичности зарисовки. Святослав Игоревич никогда не делал карикатуры. А шарж отличается от карикатуры очень основательно, потому что это совсем другое графическое искусство. Это доброжелательный взгляд на твоего визави как на Альтер эго, как на собеседника. Талант художника-графика С. И. Потабенко мы можем увидеть во многих институтских изданиях.

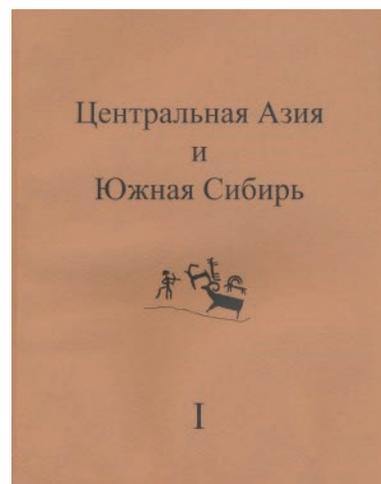
Наталья Матвеевна Виноградова, к. и. н., с. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН, осветила другую грань таланта Святослава Игоревича, выступив с сообщением «С. И. Потабенко — руководитель и редактор Информационного бюллетеня МАИКЦА». Под руководством Льва Ивановича Мирошникова и Святослава Игоревича Потабенко в Институте востоковедения был создан Центр информации и документации Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Центром издавался информационный бюллетень под эгидой ЮНЕСКО на русском и на английском языках. Первый бюллетень вышел в 1981 г. Всего было выпущено 24 брошюры и последний, 24-й выпуск, в 2004 г.

Выходивший дважды в год, бюллетень освещал новейшие археологические изыскания, публиковал обзоры новой научной литературы и периодики, материалы международных форумов и конференций, прежде всего о странах Центральной Азии. На страницах издания, которое и сейчас востребовано в научном мире, печатались исследования историков, археологов, этнографов Москвы, Средней Азии, Дальнего Востока и Сибири, таких как Б. А. Литвинский, Г. А. Кошеленко, Б. Я. Ставиский, В. А. Масон и многих других.

Дробышев Юлий Иванович, к. и. н., к. биол. н., с. н. с. Отдела истории Востока ИВ РАН, в своем выступлении «Центральная Азия и Южная Сибирь. Еще один творческий замысел Потабенко», поделился своими воспоминаниями о Святославе Игоревиче, о совместной работе над Альманахом. В памяти Ю. И. Дробышева Святослав Игоревич остался энергичным новатором, позитивным, общительным и жизнерадостным человеком, фонтанирующим идеями, активно общавшимся с коллегами-учеными и художниками, прежде всего Индии и других стран. Его обаяние притягивало коллег, способствовало дружной работе над междисциплинарными коллективными проектами, в частности, уже упомянутым центральноазиатским проектом ЮНЕСКО.

В своем сообщении автор рассказал, что именно на почве реализации проекта по Центральной Азии и началось их сотрудничество. В 2004 г., когда было прервано издание бюллетеня, С. И. Потабенко стал инициатором возрождения издания в обновленном формате: «Альманах. Центральная Азия. Южная Сибирь».

Главной целью было не останавливать работу, так как члены ассоциации — археологи, историки, лингвисты, очень большой коллектив самых разных специальностей, принимавших участие в составлении информационных бюллетеней, продолжали работать и накапливать материалы.

Альманах вышел в 2009 г., но в 2011 г. Святослава Игоревича не стало. Таким образом, Альманах имеет уникальный, только один выпуск. В ходе дискуссии участники круглого стола высказали идею о продолжении данного издания в Институте востоковедения РАН.

Будучи человеком многогранным, Святослав Игоревич был не просто кабинетным ученым, он много путешествовал по Индии, общался со своими индийскими коллегами, с индийскими художниками и, безусловно, его творчество и шаржи и картины, которые он писал, — это неотъемлемая часть его образа и того, как мы его воспринимаем.

В следующем докладе с названием «Многоликая Индия Святослава Потабенко» д. филос. н., профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем РУС ГЦОЛИФК **Шапинская Екатерина Николаевна** в полной мере продемонстрировала разные стороны таланта Святослава Игоревича Потабенко, рассказала о многолетней дружбе с семьей Гусева–Потабенко, которые образовывали единый как личный, так и творческий союз.

В своей красочной презентации Екатерина Николаевна уделила внимание некоторым аспектам научной и творческой деятельности Потабенко и представила нам Святослава Игоревича, во-первых, как редкого знатока и популяризатора, как художника и исследователя искусства Индии после обретения независимости, как автора книг «Изобразительное искусство Индии в новое и новейшее время» и «Искусство независимой Индии», открывшего массовому читателю в СССР и России своеобразие развития искусства от традиционных к современным формам.

Святослав Игоревич в роли ведущего программы «Творчество народов мира» в Доме дружбы представлен докладчиком вниманию собравшихся. Екатерина Николаевна, прожив в Индии длительное время, профессионально освоив индийский танец, принимала участие в одной из пере-

дач Потабенко. Характеризуя его как прекрасного ведущего, автор рассказала о цикле тематических передач, выходящих в эфир с 70-х до 90-х годов. Проект был направлен на массовую аудиторию и знакомил с жизнью, культурой и искусством зарубежных стран. Молодой, привлекательный Святослав Потабенко гармонично вписывался в этот проект и немало сил прилагал к пропаганде искусства и культуры Индии в качестве ведущего данной телепрограммы.

Образ С. И. Потабенко был бы неполон без упоминания его как замечательного художественного оформителя книг, например, его иллю-

страции к «Забавным рассказам о великомудром и хитроумном Бирбале» — известному в Индии народному фольклору, где в технике китайских мастеров иероглифики одним росчерком очаровательно представлен мир Древнего Востока, грозного падишаха и коррумпированных торговцев.

Естественен был интерес Потабенко к творчеству Рериха, проявившийся в ряде научных трудов, посвященных его особой манере письма горных массивов Гималаев, сравнительному анализу творчества Рериха с современными художественными школами.

Наконец, незаменим вклад Потабенко в художественное оформление журнала «Восточный архив», его талант несколькими штрихами отразить суть описываемых сюжетов.

Чарьева Наталья Какабальевна, к. и. н., н. с. Отдела истории Востока, в качестве ответственного секретаря редакции журнала «Восточный архив» многие годы работала в тесном сотрудничестве с С. И. Потабенко и как никто другой видела, с какой ответственностью он относился

к этой работе, в том числе и к графическому оформлению рисунков и обложки журнала. В память об С. И. Потабенко редколлегия приняла решение сохранить авторскую графику обложки журнала «Восточный архив» с последним рисунком в качестве постоянного символа издания. Во время работы круглого стола была представлена выставка журналов «Восточный архив», которые иллюстрировал С. И. Потабенко в течение 10 лет.

По просьбе дирекции ИВ РАН С. И. Потабенко разработал и осуществил ориентальное оформление помещений института.

Наталья Какабальевна рассказала, что в канун каждого Нового года Святослав Игоревич обычно обновлял свою коллекцию графических знаков восточного гороскопа: это стало его традиционным дополнением интерьера отдела.

Беляков Владимир Владимирович, д. и. н., в. н. с. Отдела истории Востока, главный редактор журнала «Восточный архив» поделился своими воспоминаниями о С. И. Потабенко, а в подтверждение изумительного дара художника передавать графически дружеским шаржем характер натуры продемонстрировал подаренный ему на 60-летие памятный рисунок.

Продолжил круглый стол **Александр Александрович Столяров**, к. и. н., с. н. с. Отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН «Воспоминаниями о Потабенко как художнике». «Я знаком со Святославом Игоревичем с детства...» — так начал свое сообщение Александр Александрович. Родители привели его на спектакль Центрального детского театра по эпосу «Рамаяна», где ему, 14-летнему подростку, представили Н. Р. Гусеву, позднее в общей индологической компании произошло знакомство с ее мужем Святославом Потабенко, а через много-много лет они стали коллегами по Институту. Воспоминания Александра Александровича сохранили Свет Потабенко, а именно так, по словам докладчика, все называли Святослава Игоревича как человека, обладающего внутренним обаянием, притягивающего и располагающего к себе и общению. А. А. Столяров также продемонстрировал шарж, полученный от Святослава Потабенко к 60-летнему юбилею, и иллюстрации, сделанные к произведениям И. С. Тургенева и И. А. Бунина, а также дополнил слова предыдущих ораторов о Святославе Потабенко как о чудесном книжном иллюстраторе, рисунки которого украшают не одну книгу.

Татьяна Николаевна Загородникова, к. и. н., в. н. с. Центра индийских исследований отметила, что при всей многогранности таланта С. И. Потабенко главным для него всегда оставалось изучение Индии, а в плане личного общения он всем памятен как непревзойденный мастер дружеского шаржа, одаривший практически всех работников Института — от директора до гардеробщицы, и неизменный художественный оформитель незабываемых «капустников» в ИВ РАН.

Подвел итог мероприятия **Александр Дмитриевич Васильев**, д. и. н., заведующий Отделом истории Востока ИВ РАН с сообщением «С. И. Потабенко и его скетч об Институте востоковедения», отметив особый художественный стиль Святослава Игоревича и предложив вниманию собравшихся целую коллекцию шаржей.

Рассматривая их, становится возможным проследить историю института в лицах сотрудников, которые трудились в его стенах в XX — начале XXI вв.

Коллеги и товарищи С. И. Потабенко рассказывают о нем и рассматривают его дружеские шаржи

Избранные научные труды С. И. Потабенко

Потабенко С. И. Драматургия хинди в борьбе за свободу и независимость Индии: диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 1962. 180 с.

Потабенко С. И. Изобразительное искусство Индии в новое и новейшее время (конец XVIII — середина XX в.). М., 1981. 151 с.

Потабенко С. И. Искусство независимой Индии (1950–1970-е годы). М., 2003. 262 с.

Гусева Н. Р., Потабенко С. И. Индия. Гоа. Древние храмы и золото пляжей. М., 2004. 415 с.

Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах I // Отв. ред.: Кошеленко Г. А., Потабенко С. И. / Сост.: Кошеленко Г. А., Потабенко С. И. М., 2009. 312 с.

Potabenko S. I. Vision of India in the works of Russian and Soviet artists. Sterling Publishers, 1989. 64 p.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-151-155

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«BYZANTINOTAUICA–II: БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В IV–XVI вв.:
ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ, ВЛИЯНИЯ, КОНФЛИКТЫ»**

© 2024

В. В. Прудников¹

Обзор посвящен Всероссийской научной конференции «BYZANTINOTAUICA–II: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты», проходившей с 27 по 30 ноября 2023 г. в городе Севастополе. Мероприятие было организовано Историко-археологической лабораторией по комплексному изучению Византийского Причерноморья Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета и Национальным комитетом византистов РФ. В течение трех рабочих дней конференции было сделано около тридцати докладов, посвященных актуальным вопросам истории Византии и сопредельных областей эпохи античности и средневековья.

Ключевые слова: Византия, Крым, Таврика, Большое Средиземноморье

Для цитирования: Прудников В. В. Всероссийская научная конференция «BYZANTINOTAUICA–II: большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 151–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-151-155

**THE ALL–RUSSIAN CONFERENCE “BYZANTINOTAUICA–II:
THE GREATER MEDITERRANEAN IN THE FOURTH–SIXTEENTH
CENTURY: TRENDS, FACTORS, INFLUENCES, AND CONFLICTS”**

Vitaly V. Prudnikov

The review describes the All-Russian conference “BYZANTINOTAUICA–II: The Greater Mediterranean in the fourth–sixteenth centuries: trends, factors, influences, conflicts”, held from November 27 to 30, 2023 in the city of Sevastopol. The event was organized by the Historical and Archaeological Laboratory for the Comprehensive Study of the Byzantine Black Sea Region of Institute of Social Sciences and International Relations of Sevastopol State University and the National Committee of Byzantinists of the Russian Federation. In three working days, thirty reports were made on topical issues in the history of Byzantium and adjacent regions of antiquity and the Middle Ages.

Keywords: Byzantium, Crimea, Tavrca, Greater Mediterranean

For citation: Prudnikov V. V. The All–russian Conference “Byzantinotaurica–II: The Greater Mediterranean in the Fourth–Sixteenth Century: Trends, Factors, Influences, and Conflicts”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 151–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-151-155

---

¹ Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; gviskar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0355-2324

27 ноября 2023 г. в конференц-зале гостиницы «Севастополь» была торжественно открыта Всероссийская научная конференция «BYZANTINOTOURICA—II: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты».

Данное научное мероприятие было организовано Историко-археологической лабораторией по комплексному изучению Византийского Причерноморья Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета и Национальным комитетом византинистов РФ. Следует отметить, что проводилось оно в крайне сложных погодных условиях, и природные катаклизмы бушевали не только в Крыму, но и на черноморском побережье Кавказа. Ранее, 25–28 сентября того же года в не менее сложных условиях на высочайшем уровне была проведена «BYZANTINOTOURICA—I: Византия и византийское наследие в Черноморском регионе, Средиземноморье и Восточной Европе».

По традиции с приветственным словом к участникам конференции обратился почетный гость — председатель Российского комитета византинистов, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОИМО СевГУ Сергей Павлович Карпов.

Далее выступили организаторы конференции, ведущие сотрудники Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОИМО СевГУ: директор Научно-образовательного центра «Археологические исследования», кандидат исторических наук, доцент Сергей Геннадиевич Бочаров и ведущий научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века исторического факультета МГУ, кандидат исторических наук Михаил Вячеславович Грацианский.

В качестве аннотации конференции, размещенной на сайте СевГУ, организаторы предложили следующие рассуждения: «В современной историографии благодаря внедрению понятия «поздней античности» в значительной мере оказались размыты хронологические границы между античным и средневековым периодами. С другой стороны, не утихают споры о хронологических границах Средневековья и раннего Нового времени. Эта неопределенность дает возможность взглянуть на процессы, протекающие в макрорегионе Большого Средиземноморья вплоть до XV в., как на производную от политических, экономических и идейных трансформаций Римской империи IV–VII вв., давших различные всходы и имевших различные последствия на Западе и на Востоке. Огромный средиземноморский бассейн, античная Ойкумена, на протяжении тысячелетия после распада единой Римской империи стал ареной конфликтов и взаимодействия, странством военных, торговых, научных и религиозных отношений между многочисленными государствами-преемниками античной Римской империи. Целью конференции является дать картину взаимодействия и взаимного влияния регионов Большого Средиземноморья, начиная с периода позднеантичной трансформации Римской империи и завершая началом экспансии в регионе Османской империи».

В первый день работы конференции был заслушан ряд докладов. Вначале «О навигации венецианских судов в Тану в первой половине XV в.» сообщил С. П. Карпов. Вслед за ним выступил М. В. Грацианский с докладом на тему ««Синод» и «вселенский синод» в античности: от язычества к христианству». С. Г. Бочаров поведал про «Исследования средневековых укреплений (исаров) Южного берега Крыма в Севастопольском государственном университете». Также он в соавторстве с кандидатом исторических наук, заведующим научно-исследовательской лабораторией

«Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», старшим научным сотрудником Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОНМО СевГУ Романом Станиславовичем Зорей представил вниманию аудитории следующий доклад: «Методические аспекты изучения средневековых крепостей (исаров) Южного берега Крыма в Севастопольском государственном университете на примере археологических раскопок укрепления Рускофиль-Кале».

Далее с докладами выступили представители Белгородского государственного национального исследовательского университета: доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета БелГУ; старший научный сотрудник СевГУ Николай Николаевич Болгов в соавторстве с кандидатом педагогических наук, доцентом Анной Михайловной Болговой — «Кипрская церковь ранневизантийского времени (кафедры, епископы, письменное наследие)». А также декан историко-филологического факультета, профессор кафедры всеобщей истории, доктор исторических наук, доцент Елена Викторовна Литовченко, которая рассмотрела деловые и частные поездки в Поздней Античности (по эпистолярному Квинта Аврелия Симмаха).

В этот день выступил и доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Никита Игоревич Храпунов с докладом: «К вопросу о поздних названиях византийского Херсона и Херсонесского городища».

Научный сотрудник кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ, научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОНМО СевГУ Мария Александровна Рябова рассказала про «Применение коммерческого кредита в венецианской торговле первой половины XV в.».

Честь закрытия первого рабочего дня конференции выпала кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику отдела византийской истории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» Александру Александровичу Роменскому, представившему свою работу «Таврика, Половецкая Степь и Русь в XI–XIII вв.: контакты и конструирование идентичности».

Работа второго дня конференции началась с доклада младшего научного сотрудника Лаборатории исследований церковных институций Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Владимира Александровича Конюхова с названием «Жречество и священство у Тертуллиана и Киприана Карфагенского: грани сопоставления».

Главный редактор Церковно-научного центра «Православная энциклопедия», кандидат исторических наук Илья Николаевич Попов поведал о «Месте Авраама и Моисея в концепции мировой истории религии Евсевия Памфила».

Младший научный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Алексей Владимирович Мигальников рассказал про «*Primus omnium pastorum*: роль апостола Петра в Церкви по письмам папы Григория I Великого (590–604)».

Заведующий Лабораторией исследований церковных институций Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета кандидат исторических наук Павел Валерьевич Ермилов в своем докладе осветил «Место московского патриаршества в поствизантийской ойкумене: взгляд с православного Востока (XVI–XVII вв.)».

После небольшого перерыва руководитель Отдела религиозного образования и катехизации Борисоглебской епархии Русской Православной Церкви, кандидат исторических наук Ярослав

Викторович Манохин сделал доклад на тему «Палестино-египетская христианская традиция и теологумены в антропологии свт. Епифания Саламинского».

Аспирант историко-филологического факультета БелГУ Никита Александрович Гудков выступил с докладом на тему «Дипломатические отношения восточноримского и западноримского двора во время узурпации Флавия Иоанна 423–425 гг.».

Старший преподаватель кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук Мария Александровна Руднева и ассистент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета БелГУ, кандидат исторических наук Яна Алексеевна Дронова поделились результатами своих исследований в следующем докладе: «Аммоний и Захария в интеллектуальной среде Александрии второй половины V в.».

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета БелГУ Ирина Викторовна Денисова представила «Афины IV–VI вв.: провинциальный город и метрополия интеллектуалов».

Старший преподаватель кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук Евгения Сергеевна Зайцева поведала про «Взаимоотношения между римлянами и готами в середине VI в.: война и дипломатия».

Старший научный сотрудник Отдела истории Белгородского государственного историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук Анастасия Юрьевна Елисеева (Рышковская) дала ответ на вопрос о том, кем были интеллектуалы ранневизантийского Египта (V–VI вв.).

Преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина, кандидат исторических наук Маргарита Леонидовна Радченко рассказала про карьерный путь учеников Либания и протекцию в студенческой среде.

Завершил сессию во второй рабочий день конференции старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук Виталий Владимирович Прудников с сообщением «Норманны, турки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках италонорманских авторов конца XI в.».

Выступления участников начались на следующий день, 29 ноября, с доклада кандидата исторических наук, ассистента кафедры истории Древнего мира и Средних веков УрФУ Татьяны Евгеньевны Белоруссовой «Албанский фактор в конфликтах ромеев и латинян на Пелопоннесе в первой половине XV в.».

Руководитель Отдела религиозного образования и катехизации Борисоглебской епархии Русской Православной Церкви, кандидат исторических наук Павел Иванович Лысиков представил доклад со следующим названием: «“Императорская доля”: к вопросу о принципах раздела военной добычи в раннепалеологовское время (на примере мятежа под руководством Алексея Филантропина)».

Ассистент кафедры истории и международных отношений Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета Анастасия Валерьевна Зыкова провела анализ проблем взаимоотношений императора Иоанна VI Кантакузина и оппозиции.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков УрФУ Наталья Эдуардовна Жигалова представила доклад с названием «Анатолийские бейлики в византийской политике первой половины XV в.».

Аспирант Института ИОНМО СевГУ Ирина Евгеньевна Лебедева рассказала о категории времени в актах венецианского нотариуса Пьетро Пеллакано (1446–1456). Аспирант исторического факультета МГУ, младший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОНМО СевГУ Иван Витальевич Кравченко выступил со следующим сообщением: «Внутренние сложности и внешние враги: два документа из фонда Оффиции Попечения Романии».

Старший научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века исторического факультета МГУ и Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОНМО СевГУ, заведующий лабораторией комплексных цифровых исследований ИВ РАН Николай Игоревич Быстрицкий рассмотрел ряд вопросов описания местоположения в исторической географии.

Младший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОНМО СевГУ Денис Юрьевич Головкин рассказал про перспективы почвенно-археологических исследований на средневековых памятниках Крыма.

Младший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья ИОНМО СевГУ Константин Сергеевич Кирпилев сделал доклад на тему «Однонефные храмы Херсонской епархии X–XV вв.: историографические заметки и сравнительный анализ».

Лаборант-исследователь Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья ИВ РАН Звиади Вахтангович Махачашвили посвятил свое выступление византийским памятникам Причерноморья по материалам «Известий Русского археологического общества в Константинополе».

По заявлениям организаторов конференции данное научное мероприятие планируется проводить ежегодно. Для ученых-востоковедов открывается еще один форум, что позволяет значительно расширить исследовательские горизонты.

**ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

К. В. Вертяев¹

Настоящая статья предлагает обзор Третьей международной научной конференции «Лазаревские чтения», посвященной памяти проф. М. С. Лазарева. Проведение конференции, которая собирает как ведущих специалистов в области курдоведения — историков, политологов, лингвистов, специализирующихся на изучении курдов, так и молодых специалистов, стало доброй традицией за последние десять лет. Указанная конференция, как и в прошлые годы, стала знаковым событием в жизни института востоковедения РАН благодаря привлечению и российских, и иностранных ученых.

Для цитирования: Вертяев К. В. Третья международная научная конференция «Лазаревские чтения». *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 156–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-156-160

**THE THIRD INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“LAZAREV READINGS”**

Kirill V. Vertiaev

This article reviews the Third International Conference “Lazarev Readings” dedicated to the memory of prominent Russian Kurdologist prof. M. S. Lazarev. The conference brings together leading experts in the field of Kurdish studies, historians, political scientists, linguists specializing in the study of the Kurds, along with young specialists, that has become a good tradition over the past ten years. This conference, as in the previous years, became a landmark in the life of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences due to the involvement of both Russian and foreign scientists.

For citation: Vertiaev K. V. The Third International Scientific Conference “Lazarev Readings”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 3. Pp. 156–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-156-160

11 декабря 2023 г. в ИВ РАН состоялась Третья международная научная конференция «Лазаревские чтения», посвященная памяти проф. М. С. Лазарева. Организатором выступил Сектор курдоведения Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. Конференция была посвящена обсуждению широкого спектра исторических и современных проблем, связанных с курдским фактором на Ближнем и Среднем Востоке. Михаил Семенович Лазарев (1930–2010) — выдающийся отечественный историк-исследователь курдского вопроса на Ближнем и Среднем Востоке. Его труды, освещающие курдское национальное движение XX в., роль империалистических держав в становлении специфической политической

---

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezh@mail.ru

Kirill V. Vertiaev, PhD (Politicalology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kitezh@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3533-3684

архитектуры Ближнего и Среднего Востока, актуализации курдского фактора в регионе, не теряют значения до сих пор. Предыдущие «Лазаревские чтения» проходили в 2010 и 2012 гг. По их результатам выходили сборники статей участников. Сектором курдоведения ИВ РАН было принято решение проводить в дальнейшем «Лазаревские чтения» раз в два года. Третьи «Лазаревские чтения», как и предыдущие, собрали ведущих ученых как в очном, так и в онлайн формате из России, Австрии, Белоруссии, Нидерландов, Турции, Швеции и молодых специалистов, занимающихся исследованиями в области изучения курдов, их исторического прошлого, специфики курдского вопроса в регионе. В рамках конференции проведено обсуждение широкого круга проблем, связанных с историческим, современным и будущим развитием курдского народа.

С приветственным словом обратился руководитель ЦИСБСВ ИВ РАН проф. В. Я. Белокреницкий, который подчеркнул важность и своевременность научного анализа современных проблем в курдском этноареале Ближнего и Среднего Востока и пожелал успехов участникам конференции.

В тематическом плане конференция была посвящена событиям и процессам, происходящим в основном в сирийской и иракской частях этнического Курдистана. Профессор политологии Университета Вены Томас Шмидингер (Австрия) выступил с докладом и визуальной презентацией по теме «Последствия турецкого вторжения в Африн и положение езидов в Рожаве». В докладе было освещено положение езидов в оккупированных турецкими прокси районах Сирийского Курдистана. Он отметил, что до турецкого вторжения Африн являлся этнически и конфессионально разнородным регионом, однако большинство здесь составляли курды (из которых курды-сунниты ханефийского мазхаба составляли большинство, но были представлены также езиды и алевиты (по 10 тыс. чел), курды-христиане и армяне. До 2018 г. в регионе курдам-мусульманам позволялось переходить в христианство в рамках применявшейся здесь политической системы «демократического конфедерализма», а в древности Африн управлялся езидской династией Менди, обратившейся затем в ислам, которая находилась в подчинении Аййюбидам, а затем — Османской империи. Участники были ознакомлены с результатами полевых исследований, проведенных им в указанном регионе. В частности, значительная часть езидов на этой территории считает, что езиды ведут свою религиозную родословную от зороастризма.

Зав. сектором курдоведения ЦИСБСВ ИВ РАН, старший научный сотрудник, кандидат политических наук К. В. Вертяев затронул в своем выступлении вопросы изучения феномена «повстанческих государств» и возможности аналитической экстраполяции общемирового повстанческого опыта на курдское национальное движение. Он сделал вывод, что каждое повстанческое государство проявляется в кризисе принципов государственности, является результатом фрагментации политического пространства, которая может быть спровоцирована как внутренними, так и внешними причинами. Однако при этом возможна трансформация повстанческого квазигосударства в субъект федерации, как произошло в случае с Иракским Курдистаном.

Одной из ключевых тем конференции стал именно Иракский Курдистан — Курдский автономный район в Ираке, который ведущим научным сотрудником ИМЭМО, кандидатом исторических наук С. М. Ивановым был признан авангардом курдского национально-освободительного движения, культурным и образовательным центром этнического Курдистана. В своем выступлении «Иракский Курдистан на перекрестке истории» он рассмотрел политическое и социально-экономическое положение иракских курдов, их особый статус в государстве и характер взаимоотношений со своими соплеменниками в соседних странах.

В результате дискуссии было отмечено, что важным достижением иракских курдов является тот факт, что они добились равных прав и свобод с арабским большинством в стране и закрепили

это в конституции страны. В какой-то мере это бывшее «повстанческое государство» может служить примером мирного решения курдской проблемы для других стран, где компактно проживают миллионы курдов. Статус субъекта федерации в новом демократическом Ираке позволяет иракским курдам не только сохранять свою национальную самобытность, но и развивать приграничные торгово-экономические и другие связи и контакты с курдами в соседних провинциях Турции, Ирана и Сирии, не нарушая при этом законов этих государств. В качестве одного из дестабилизирующих ситуацию на севере Ирака и в целом в регионе факторов С. М. Иванов назвал деятельность боевиков Рабочей партии Курдистана и ее сателлитов, которые провоцируют турецкие и иранские власти на ответные карательные операции и ракетно-бомбовые удары по приграничным населенным пунктам Иракского Курдистана. Он отметил, что искусственно раздуваемая турецкими и другими политиками угроза курдского сепаратизма — создания Великого Курдистана сегодня не имеет под собой никаких предпосылок, оснований и аргументов. Пока еще нет общекурдской идеологии, какой-либо единой политической организации, общего лидера. Каждая курдская община в вышеназванных странах находится на разной стадии своего самоопределения и действует самостоятельно. Более того, иракские курды являются связующим звеном в нестабильном Ираке и выполняют важную посредническую роль в преодолении правительственных кризисов.

В рамках конференции был обсужден концепт национальной идентичности Иракского Курдистана, который остается объектом сложной и уже немало времени длящейся дискуссии. Основным препятствием курдскому интегральному национализму по-прежнему остается тот факт, что курды говорят на разных диалектах курдского языка, имеют ярко выраженные политические и межклановые конфликты в деле распределения власти и полномочий, не говоря уже о практической невозможности определения политических границ гипотетически независимого Иракского Курдистана. По мнению К. В. Вертяева, практически с теми же противоречиями столкнулась и Англия в период оккупации Месопотамии в момент окончания Первой мировой войны (сразу после Мудросского перемирия 31 октября 1918 г). Попытки Англии (а точнее, действовавших на местах ее политических офицеров) создать здесь независимое курдское государство потерпели крах по целому ряду причин. При этом в тот период началось осознанное стремление к государственности в курдской среде в виде формирования повстанческого государства на примере королевства Курдистан (1919–1924), имевшее классические характеристики вожества, однако носившее при этом выраженную антиколониальную, антиимпериалистическую направленность.

Месту и роли региона Иракского Курдистана на международном газовом рынке был посвящен доклад доцента кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ, кандидат исторических наук М. Э. Икбаля Дюррэ (Турция). Он сделал вывод, что приход на международные рынки курдистанского газа сильно ударит по геэкономическим интересам многих стран региона и поэтому они будут активно использовать самые различные геополитические комбинации, чтобы этого не допустить.

Кандидат политических наук Ю. Р. Дасни в своем докладе проанализировал жизнь курдовезидов в иракском Синджаре после попытки геноцида езидского населения со стороны ИГИЛ. В результате исламской религиозной политики на сегодняшний день они являются религиозным меньшинством и одной из самых преследуемых общин в регионе.

А. О. Победоносцева-Кая (кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург) посвятила свой доклад событиям в Сирийском Курдистане и взаимоотношениям курдов с центральным сирийским правительством. Справедливо отмечено, что в свое время помимо палестинских групп сирийское правительство работало и с неарабскими акторами (курдами), что показывает готовность центрального правительства Сирии рисковать

в проявлении солидарности не только в палестинском вопросе. Был сделан вывод, что сирийское руководство пыталось использовать курдов как инструмент давления на соседние страны.

В докладе И. Н. Веденеева (кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва), посвященном отражению повстанческого движения М. Барзани в Ираке в архивах советской и американской внешнеполитических служб, анализируются материалы рассекреченных архивов внешнеполитических служб СССР и США, которые позволяют уточнить некоторые детали поддержки национального движения Барзани внешними силами. Было отмечено, что М. Барзани продолжал, с одной стороны, получать поддержку от СССР, а, с другой стороны, постоянно обращался за помощью к США, несмотря на отказы. Однако в 70-х годах ситуация поменялась: теперь СССР был более заинтересован в сближении позиций Барзани и центрального правительства в Багдаде ввиду активного сотрудничества СССР с баасистами, которые пришли к власти в Ираке. В свою очередь, союзники США (в первую очередь Иран) отказались от поддержки национального движения курдов в Ираке. Как следствие этого, «Сентябрьская революция» потерпела поражение.

В. В. Макаренко (старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва) в своем докладе отметил, что политическая система в Иракском Курдистане построена на балансе сил двух крупных социально-территориальных структур (общностей), каждая из которых доминирует в своем субрегионе, но они вынуждены сотрудничать, чтобы поддерживать функционирование региональной системы политической власти. По мнению В. В. Макаренко, Иракский Курдистан вступил в процесс создания региональной политической системы в начале 1990-х годов, опередив остальной Ирак, поэтому опыт его развития представляет значительный интерес. Отмечено, что в совокупности опыт политического развития Ирака важен для понимания переходных социально-политических процессов в восточных обществах, которым свойственна глубокая внутренняя разделенность.

В докладе М. С. Озмаян (младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва) отмечено, что новая конституция Ирака (2005) породила немало проблем, связанных с будущим государственным устройством страны и становлением новых национальных структур на федеративной основе, которых никогда не было в политической системе этого государства. В выступлении показано, как была разработана и утверждена новая конституция Ирака. Было проанализировано влияние конституции как на решение проблем Ирака, так и на их усугубление.

Экрем Онен из Центра изучения языков (Стокгольм) выступил по теме «Сравнительное изучение политики России и западных держав в отношении курдского вопроса». Гершом Кипри-счи, учредитель и генеральный директор Лейденского Института рациональной теологии и монотеизма (Нидерланды), выступил с докладом «Между иудаизмом, христианством, манихейством и исламом: мессианские движения Курдистана периода становления и распространения ислама».

О. А. Лях (аспирант, сотрудник Центра международных исследований факультета международных отношений БГУ, Минск) коснулся в своем выступлении политических изменений в курдской среде в период сирийского кризиса. Он отметил, что в начале сирийского кризиса курдские группы объединились в рамках Курдской национальной коалиции (ENKS). Целью этих организаций было защищать права курдов и добиваться автономии в рамках будущей политической реформы в Сирии, что свидетельствует об усилении национальной мобилизации курдов после начала сирийского кризиса.

М. Р. Вафина, ассистент кафедры востоковедения УрФУ им. Б. Н. Ельцина, представила вызвавший живой интерес доклад и презентацию на тему «Роль и место курдского языка в политической жизни современной Турции на примере песен предвыборных кампаний политических

партий». А. О. Дементьева (Финансовый университет при правительстве РФ, факультет социальных наук и массовых коммуникаций) выступила с докладом «Вхождение курдских племен в состав Османской империи. Условия и регуляторы отношений».

Темы, связанные с иракскими и сирийскими частями этнического Курдистана, были затронуты в выступлениях студентов и аспирантов. А. Багирова (студентка, 3 курс бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва) в своем докладе проанализировала области трансграничного взаимодействия между курдами из сопредельных частей Большого Курдистана, включающего исторические территории компактного проживания курдов в пределах Турции, Ирака, Ирана и Сирии, с конца 70-х годов XX в. по настоящее время. В рамках данной темы было уделено особое внимание сотрудничеству курдов, принадлежащих к таким политическим объединениям, как Рабочая партия Курдистана (РПК), Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК), по вопросам, связанным с установлением добрососедских отношений и союза против общих врагов, размещением военно-тренировочных лагерей, партизанским движением и взаимным присоединением курдских добровольцев.

Также выступили Дж. И. Ализаде, студент 2 курса магистратуры (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки), с докладом «Иранский Курдистан в политике Российской империи на Ближнем Востоке на рубеже XIX–XX вв.», М. Барави, аспирантка при Институте международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород) с докладом «Специфика обеспечения безопасности курдов-езидов в условиях конфликтов в Ираке и Сирии (2011–2021)», Дж. Н. Джасим Джоджи, аспирант кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского с докладом «Влияние международных отношений на политическое и этническое пространство Иракского Курдистана (1961–1976 гг.)»

Информационный материал о конференции вышел в эфире телевизионного канала «Курдистан-24» (Ирак).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-161-166

ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ

© 2024

С. М. Иванов¹

В статье рассматриваются политическое и социально-экономическое положение иракских курдов, их особый статус в государстве и характер взаимоотношений со своими соплеменниками в соседних странах. Автор считает Курдский автономный район в Ираке или, как его еще принято называть — Иракский Курдистан авангардом курдского национально-освободительного движения, культурным и образовательным центром этнического Курдистана. Важным достижением иракских курдов является тот факт, что они добились равных прав и свобод с арабским большинством в стране и закрепили это в конституции страны. В какой-то мере этот курдский анклав может служить примером мирного решения курдской проблемы для других стран, где компактно проживают миллионы курдов. Статус субъекта федерации в новом демократическом Ираке позволяет иракским курдам не только сохранять свою национальную самобытность, но и развивать приграничные торгово-экономические и другие связи, а также контакты с курдами в соседних провинциях Турции, Ирана и Сирии, не нарушая при этом законов этих государств. В качестве одного из дестабилизирующих ситуацию на севере Ирака и в целом в регионе факторов автор считает деятельность боевиков турецкой Рабочей партии Курдистана и ее сателлитов, которые провоцируют турецкие и иранские власти на ответные карательные операции и ракетно-бомбовые удары по приграничным населенным пунктам Иракского Курдистана. Весьма важен тезис о том, что искусственно раздуваемая турецкими и другими политиками угроза курдского сепаратизма — создания Великого Курдистана сегодня не имеет под собой никаких предпосылок, оснований и аргументов. Пока еще нет общекурдской идеологии, какой-либо единой политической организации, общего лидера. Каждая курдская община в вышеназванных странах находится на разной стадии своего самоопределения и действует самостоятельно. Более того, иракские курды являются связующим звеном в нестабильном Ираке и выполняют важную посредническую роль в преодолении правительственных кризисов между блоками арабов-шиитов и арабов-суннитов. Вместе с сирийскими курдами они смогли не только успешно противостоять вторжению бандформирований Исламского государства (запрещено в РФ), но и приняли самое активное участие в освобождении территорий Ирака и Сирии от этого террористического монстра.

Ключевые слова: иракские курды, соплеменники, Турция, Сирия, Иран, приграничное сотрудничество

Для цитирования: Иванов С. М. Иракский Курдистан на перекрестке истории. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 161–166. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-161-166

---

¹ Иванов Станислав Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», Москва; s.ivanov@imemo.ru

Stanislav M. Ivanov, PhD (Hist.), Leading Research Fellow of the Federal State Budgetary Scientific Institution “National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences, Moscow; s.ivanov@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-9360-7431

IRAQI KURDISTAN AT THE CROSSROADS OF HISTORY

Stanislav M. Ivanov

The article examines the political and socio-economic situation of Iraqi Kurds, their special status in the state and the nature of relationships with their fellow tribesmen in neighboring countries. The author considers the Kurdish Autonomous Region in Iraq, or, as it is also commonly called, Iraqi Kurdistan, the vanguard of the Kurdish national liberation movement, the cultural and educational center of ethnic Kurdistan. An important achievement of the Iraqi Kurds is the fact that they achieved equal rights and freedoms with the Arab majority in the country and enshrined this in the country's constitution. To some extent, this Kurdish enclave can serve as an example of a peaceful solution to the Kurdish problem for other countries where millions of Kurds live compactly. The status of a federal subject in the new democratic Iraq allows the Iraqi Kurds not only to preserve their national identity, but also to develop cross-border trade, economic and other ties and contacts with the Kurds in the neighboring provinces of Turkey, Iran and Syria, without violating the laws of these states. The author considers the activities of militants of the Turkish Kurdistan Workers' Party and its satellites, who provoke the Turkish and Iranian authorities to retaliatory punitive operations and missile and bomb attacks on the border settlements of Iraqi Kurdistan, as one of the factors destabilizing the situation in northern Iraq and in the region as a whole. Very important is the thesis that, artificially inflated by Turkish and other politicians, the threat of Kurdish separatism — the creation of Greater Kurdistan, today has no basis, grounds or arguments. There is not yet a common Kurdish ideology, any unified political organization, or a common leader. Each Kurdish community in the above countries is at a different stage of its self-determination and acts independently. Moreover, the Iraqi Kurds are a link in unstable Iraq and play an important mediating role in overcoming government crises between the Shia Arab and Sunni Arab blocs; together with the Syrian Kurds, they were able not only to successfully resist the invasion of the Islamic State (banned in the Russian Federation), but they also took an active part in the liberation of the territories of Iraq and Syria from this terrorist monster.

Keywords: Iraqi Kurds, tribesmen, Turkey, Syria, Iran, cross-border cooperation

For citation: Ivanov S. M. Iraqi Kurdistan at the Crossroads of History. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 161–166. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-161-166

В отличие от курдов Турции, Сирии и Ирана, которые пока официально не имеют прав даже на культурную национальную автономию, иракские курды смогли добиться статуса субъекта федерации в постсаддамовском Ираке с самыми широкими правами и полномочиями. Большую роль в национально-освободительном движении и самоопределении иракских курдов сыграл их легендарный вождь — мулла Мустафа Барзани [Жигалина, 2013, с. 7–15]. Его дело продолжил сын и авторитетный лидер Курдского региона Ирака Масуд Барзани.

Как известно, сегодня Иракский Курдистан имеет свой флаг, гимн, свод региональных законов, судебную систему, парламент, президента, правительство, вооруженные силы (бригады пешмерга), полицию, службы безопасности, два международных аэропорта. Регион осуществляет внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, частично распоряжается своими природными ресурсами (нефтью и газом), на его территории аккредитовано свыше 40 иностранных дипломатических и торговых представительств, имеются национальные вузы и другие учебные заведения. Курдский язык признан вторым государственным языком в стране, он активно используется в общении, обучении и СМИ региона. Курды пропорционально представлены и в центральных органах власти. Второй по значению пост в государстве — президента Ирака — по традиции занимает курд, за курдами также сохраняются несколько министерских постов в федеральном правительстве,

имеется фракция в парламенте (совете представителей), курды представлены и в руководящих органах федеральных силовых структур [Иванов, 2011, с. 3–86].

Несмотря на нерешенность ряда проблем во взаимоотношениях между курдским регионом и Багдадом (спорные территории, распоряжение месторождениями нефти и газа, доля госбюджета на развитие региона, содержание бригад пешмерга), иракские курды чувствуют себя полноправными гражданами Иракской Республики. Более того, в периоды многомесячных правительственных кризисов в стране их лидер Масуд Барзани выступал посредником между блоками арабов-шиитов и арабов-суннитов и способствовал формированию новых кабинетов министров.

Решающую роль сыграли курды в свержении режима Саддама Хусейна в 2003 г., а также в освобождении страны от бандформирований «Исламского государства» (запрещено в РФ) в 2016–2018 гг. Такой высокий статус и авторитет иракских курдов в стране и регионе во многом определяет их отношения с соплеменниками в соседних странах, которые пока еще находятся на различных стадиях борьбы за свои национальные права и свободы. Можно сказать, что Иракский Курдистан является примером справедливого решения курдской проблемы в отдельно взятой стране. Он по праву считается авангардом курдского национального движения, культурным и образовательным центром курдов [Лазарев, 2004, с. 6]. По линии общественных и научных организаций регион поддерживает связи и контакты с курдами стран Европы, Южного Кавказа, России, Казахстана, Киргизии.

На отношения иракских курдов с курдами Турции и Ирана накладывает свой отпечаток официальный уровень добрососедских отношений региона с этими странами, которые представлены в Эрбиле и Сулеймании на уровне генеральных консульств, они развивают взаимовыгодные торгово-экономические отношения, инвестируют в инфраструктуру и экономику Иракского Курдистана. Политические отношения Эрбиля с Анкарой и Тегераном близки к партнерским, поэтому все связи и контакты курдского региона Ирака с курдами Турции и Ирана на сопредельных территориях осуществляются с учетом законодательств этих стран. Эрбиль посещают делегации турецкой парламентской прокурдской Партии демократии народов (ПДН), другие общественные деятели и представители муниципалитетов курдских регионов.

Омрачают отношения Анкары с Иракским Курдистаном подрывные действия запрещенной Турцией и рядом других стран Рабочей партии Курдистана [Вертяев, 2007, с. 4–10], функционеры и боевики которой после разгрома своих основных сил в Турции нашли прибежище в приграничных районах Ирака.

Иракские власти в свое время разрешили им создать лагеря беженцев на севере страны, но с условием разоружения, прекращения ими всякой политической и военной деятельности. К сожалению, это требование Багдада и Эрбиля оказалось невыполненным, РПК продолжила свою преступную активность на севере Ирака. В труднодоступных районах Кандильских гор она организовала лагеря боевиков, которые иногда совершают вылазки на сопредельную территорию Турции. ВС Турции время от времени наносят ответные ракетно-бомбовые удары по лагерям РПК и ее базам, проводят рейды и карательные операции сухопутных войск в приграничных районах Ирака. Жители сотен курдских деревень вынуждены были покинуть места своего постоянного проживания. К настоящему времени РПК превратилась в организованную преступную группировку и один из дестабилизирующих обстановку на севере Ирака факторов. Имелись случаи нападений боевиков РПК на иракских (курдских) пограничников и полицейских, похищений юношей и девушек, рэкета пастухов и водителей грузовиков, контрабанды наркотиков, оружия и боеприпасов. Лидеры РПК явно злоупотребили лояльностью властей Иракского Курдистана по отношению к курдам-беженцам из Турции. Пока в Эрбиле нет четкой позиции по дальнейшим действиям

в отношении к РПК. Прозвучавшие несколько лет назад из уст чиновников Иракского Курдистана слова, что они не допустят братоубийственной войны между курдами, оборачиваются трагедией для десятков тысяч курдских семей в приграничных с Турцией районах. На экспертном уровне есть мнение, что турецкие спецслужбы контролируют деятельность РПК и используют «жупел курдской угрозы» как во внутривосточной борьбе, так и для оправдания своих вторжений и военных операций на север Ирака и Сирии.

Непросто складываются отношения иракских курдов и с иранскими братьями. Дело в том, что приграничные с Ираном курдские провинции Сулеймания и Халабджа контролирует оппозиционная получившая большинство в Эрбиле Демократической партии Курдистана (ДПК) партия — Патриотический союз Курдистана (ПСК). Поскольку эти две основные партии региона были созданы на племенной основе (барзан и талабан), то их так и называют: барзанисты и талабанисты. Лидеры ПСК (талабанисты) тесно связаны с нынешними центральными властями в Багдаде, представляющими арабо-шиитскую верхушку с их внешними союзниками в лице иранских аятолл. Поэтому власти приграничных с Ираном курдских провинций Ирака стремятся извлекать максимально возможную для себя выгоду от приграничной торговли и инвестиций Тегерана в энергетику и другие отрасли. Отношения с нелегальными оппозиционными иранскими курдскими партиями ДПИК, Комала и Пежак (РЖАК) иракские курды стараются не поддерживать, хотя эти иранские партии и пытаются продолжать свою деятельность в лагерях беженцев в приграничных иракских районах. Иногда вылазки боевиков и диверсии на сопредельной иранской территории провоцируют иранские силовые структуры на ответные действия (артобстрелы, пуски ракет, авиаудары по Иракскому Курдистану). Здесь, как и на турецко-иракской границе, страдают местные жители. Хотя и в меньших масштабах, но на границах курдского региона Ирака с Ираном тоже действуют контрабандисты. Так называемые кольбары — носильщики из числа курдов с коробами за плечами пытаются скрытно пересекать границу, но иногда попадают в засады иранских пограничников и уничтожаются.

Функционеры турецкой РПК провоцируют иранскую партию Пежак на новые теракты. Наиболее тесные отношения Эрбиль поддерживает с Курдским национальным советом (КНС) Сирии, который объединяет все курдские демократические организации этой страны. К сожалению, власть в Сирийском Курдистане (автономном районе «Рожаве») захватила родственная турецкой РПК Партия демократического союза (ПДС), с которой Иракский Курдистан никаких отношений не поддерживает [Иванов, 2016, с. 48–58].

До появления «Исламского государства» в 2014 г. в Эрбиле проходили различные общекурдские региональные форумы с участием КНС и других курдских делегаций, предпринимались попытки создания общекурдских организаций, однако успеха они не имели. В 2014–2015 гг. иракские бригады пешмерга пришли на помощь своим братьям на севере Сирии, помогли удержать стратегически важный город Кобани, а затем разгромить бандформирования джихадистов ИГ. В настоящее время между иракскими и сирийскими курдами, главным образом КНС, поддерживаются отношения, осуществляется взаимовыгодная приграничная торговля. Правительство в Дамаске и его иранские спонсоры пока не контролируют северо-восточные районы Сирии и поэтому не препятствуют этим межкурдским приграничным связям.

В целом можно констатировать, что, несмотря на попытки властей Турции, Сирии, Ирана и Ирака ассимилировать свои курдские общины и изолировать их государственными границами, 40-миллионный курдский народ сохраняет свою национальную идентичность и продолжает трансграничное общение и сотрудничество. На уровне идеи и вековой мечты курды никогда не откажутся от создания своего собственного государства [Вертяев, Иванов, 2015, с. 15].

Референдум 2017 г. в Иракском Курдистане подтвердил стремление региона к независимости [Барзани, 2023, с. 92]. Но реалии и ситуация вокруг ИК таковы, что Масуд Барзани вынужден был заявить: «Волеизъявление населения региона может быть реализовано детьми или даже внуками нынешних курдских политиков». Клану барзани еще предстоит преодолеть внутрикурдские разногласия с кланом талабани, мирным путем за столом переговоров разрешить проблемы «спорных территорий» и эксплуатации углеводородов с Багдадом. Будут учитываться и другие реалии (свыше миллиона жителей ИК представлены другими этносами, а 1,5 млн курдов-фейли проживают в Багдаде и в юго-восточных районах Ирака на границе с Ираном. Очевидно, что при сохранении равных прав и свобод курдов с арабами в новом иракском государстве их мирное сосуществование будет взаимовыгодным. Вопрос об отделении ИК от Ирака может возникнуть лишь в случае распада этого государства или начала гражданской войны между арабами-шиитами и арабами-суннитами.

В более широком плане о создании Великого Курдистана говорить не приходится. Лишь небольшая кучка псевдоэкспертов и недалеких политиков время от времени будирует эту тему. Якобы существует угроза курдского сепаратизма, который может привести к разрушению таких «замечательных государств», как Турция, Ирак, Сирия и Иран. Не надо забывать, что первые три государства были созданы Великобританией и Францией на развалинах Османской империи во многом искусственно, без учета интересов проживавших там народов [Иванов, 2023, с. 122–131]. И если они распадутся, то отнюдь не из-за курдов. Объективно сегодня нет предпосылок для возникновения Курдистана в широком понимании этого слова. Нет общекурдской идеологии, какой-либо единой политической организации, общенационального лидера. Ни Абдулла Оджа-лан (Турция), ни Масуд Барзани (Ирак) на эту роль не претендуют. Каждая из курдских общин находится на разной стадии своего исторического развития и уровня самоопределения. Ближе всех к Иракскому Курдистану подошел Сирийский Курдистан (Рожава), который в боях с джихадистами завоевал статус самопровозглашенного автономного района. Но врагов у Рожавы гораздо больше, чем друзей. Дамаск, Тегеран и Анкара надеются военным путем решить курдскую проблему в Сирии в нужном для себя ключе и не допускают даже мысли о какой-либо национальной автономии или субъекте федерации в этой стране. Дамаск по-прежнему настаивает на сохранении статуса унитарного арабского государства в новой конституции Сирии. Пока лишь присутствие небольшого военного контингента США сдерживает амбиции региональных хищников, которые устремили свои взоры на богатые нефтью и газом районы Заевфратья. Таким образом, курдам Турции, Ирана и Сирии предстоит длительная борьба за равные права и свободы с титульными нациями (турками, арабами, персами) и за сохранение своей национальной идентичности.

Литература/ References

Барзани Масуд. *Заявляя о своих правах. Вопрос референдума в Курдистане*. Эрбиль, 2023 [Barzani Masoud. *Claiming your rights. Referendum issue in Kurdistan*. Translation from English. Erbil, 2023 (in Russian)].

Вертяев К. В. *Курдский вопрос в политике Турции (конец 20-го — начало 21-го века)*. М., 2007 [Vertyaev K. V. *The Kurdish question in the politics of Turkey (late 20th — early 21st century)*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Вертяев К. В., Иванов С. М. *Курдский национализм: история и современность*. М., 2015 [Vertyaev K. V., Ivanov S. M. *Kurdish nationalism: history and modernity*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Жигалина О. И. *Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет*. М., 2013 [Zhigalina O. I. *Mullah Mustafa Barzani. Historical portrait*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Иванов С. М. *Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.)*. М., 2011 [Ivanov S. M. *Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011)*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе за свои права и свободы. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 9. С. 48–58 [Ivanov S. M. Syrian Kurds in the struggle for their rights and freedoms. *World Economy and International Relations*. 2016. T. 60. No. 9. P. 48–58 (in Russian)].

Иванов С. М. Иракские курды как авангард курдского национального движения. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 4. С. 55–62 [Ivanov S. M. Iraqi Kurds as the vanguard of the Kurdish national movement. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 4. Pp. 55–62 (in Russian)].

Иванов С. М. Курдская проблема как наследство Версальской системы миропорядка. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2023. № 4 (34). С. 122–131 [Ivanov S. M. The Kurdish problem as a legacy of the Versailles system of world order. *Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 4 (34). Pp. 122–131 (in Russian)].

Лазарев М. С. Курдский вопрос в новой геополитической ситуации. *Материалы круглого стола «Курдский вопрос на рубеже тысячелетий»*. М., 2004 [Lazarev M. S. The Kurdish question in the new geopolitical situation. *Materials of the round table “The Kurdish question at the turn of the millennium”*. Moscow, 2004 (in Russian)].

**ОЧЕРК ОБ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ КУРДОВ В ИРАКЕ
ВО ГЛАВЕ С МУСТАФОЙ БАРЗАНИ:
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СЛУЖБ**

© 2024

И. Н. Веденев¹

Статья посвящена общему обзору национального движения курдов. Фиксируется, что на момент распада Османской империи у курдов не было традиции собственной централизованной, независимой государственности. В ситуации «вакуума власти» в регионе их лидеры (представленные традиционной аристократией) также оказались неспособны — в силу как объективных, так и субъективных причин — успешно консолидировать усилия ради обретения национальной независимости. Как следствие, этногеографический ареал Курдистан был разделен новыми государствами Ближнего Востока (Ираком, Сирией и Турцией), которые начали реализовывать собственные проекты построения национальных государств. Наиболее активно национальное движение курдов развивалось в XX в. в Ираке, достигнув апогея в ходе «Сентябрьской революции» (1961–1975) во главе с Мустафой Барзани. Материалы рассекреченных архивов внешнеполитических служб СССР и США позволяют уточнить некоторые детали с точки зрения поддержки национального движения Барзани внешними силами (глобальными державами). Так, с одной стороны делается вывод, что СССР и в начале 60-х гг., и в начале 70-х гг. придерживался политики поддержания национального движения. В свою очередь, США не были заинтересованы в поддержке национального движения в начале 60-х гг., считая это вмешательством во внутренние дела Ирака. Тем не менее Барзани продолжал, с одной стороны, получать поддержку от СССР, а с другой — постоянно обращаться за помощью к США, несмотря на отказы. По состоянию на начало 70-х гг. ситуация менялась. Теперь СССР был еще больше заинтересован в сближении позиций Барзани и центрального правительства в Багдаде ввиду активного сотрудничества с баасистами, которые повторно пришли к власти. В свою очередь, союзники США (в первую очередь Иран) отказались от поддержки национального движения. Как следствие этого, «Сентябрьская революция» потерпела поражение.

Ключевые слова: курды, национальное движение, Османская империя, национализм, курдский национализм, Ирак, Турция, Иран, Барзани

Для цитирования: Веденев И. Н. Очерк об истории национального движения курдов в Ираке во главе с Мустафой Барзани: по материалам архивов советской и американской внешнеполитических служб. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 167–174. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-167-174

---

¹ Веденев Илья Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ilya.vedeneev@gmail.com

Ilya N. Vedeneev, PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, Moscow; ilya.vedeneev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8808-9745

ESSAY ON THE HISTORY OF THE KURDISH NATIONAL MOVEMENT IN IRAQ LED BY MUSTAFA BARZANI: BASED UPON MATERIALS FROM THE ARCHIVES OF THE SOVIET AND AMERICAN FOREIGN SERVICES

Ilia N. Vedeneev

The article presents a general overview of the Kurdish national movement. It is noted that at the time of the collapse of the Ottoman Empire, the Kurds had no tradition of their own centralized, independent statehood. In a situation of “power vacuum” in the region, their leaders (represented by the traditional aristocracy) were also unable, for both objective and subjective reasons, to successfully consolidate efforts to gain national independence. As a consequence, the ethno-geographical area of Kurdistan was divided by the new states of the Middle East (Iraq, Syria and Turkey), which began to realize their own projects of nation-state (as well as nation itself) building. The Kurdish national movement developed most actively in the twentieth century in Iraq, reaching its peak during the “September Revolution” (1961–1975) led by Mustafa Barzani. Materials of declassified archives of the foreign policy services of the USSR and the United States allow us to clarify some details in terms of support of Barzani’s national movement by external forces (global powers). Thus, on the one hand, it is concluded that the USSR both in the early 60s and early 70s adhered to the policy of supporting the national movement. In turn, the US was not interested in supporting the national movement in the early 1960s, considering it an interference in Iraq’s internal affairs. Nevertheless, Barzani continued, on the one hand, to receive support from the USSR and, on the other hand, to constantly seek US assistance despite refusals. As of the early 1970s, the situation had changed. The USSR was now even more interested in bringing Barzani and the central government in Baghdad closer together, due to their active cooperation with the Baathists who had regained power. In turn, US allies (primarily Iran) refused to support the national movement. As a consequence, the “September Revolution” was defeated.

Keywords: the Kurds, national movement, Ottoman Empire, nationalism, Kurdish nationalism, Iraq, Turkey, Iran, Barzani

For citation: Vedeneev I. N. Essay on the History of the Kurdish National Movement in Iraq Led by Mustafa Barzani: Based upon Materials from the Archives of the Soviet and American Foreign Services. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2024. No. 3. Pp. 167–174. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-167-174

Этногеографический ареал Курдистан (далее — Курдистан) представляет собой территорию, населенную этническими курдами. Курдистан находится на Ближнем Востоке, на пересечении границ четырех современных национальных государств: Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Несмотря на то, что современное курдоведение признает за курдами право называться автохтонным населением Передней Азии, они никогда не обладали собственной, в полной мере независимой государственностью [Лазарев, 1972, с. 3, 28]. Некоторые исследователи возводят курдскую государственность к Кордуенскому царству (II–I вв. до н. э.), а этногенез самих курдов — к *кардухам* (*гордиенам*) и *куртиям*, населявшим Переднюю Азию в ту эпоху [Курды, 2018, с. 13]. Арабские источники впервые фиксируют знакомство с курдами вследствие включения территории современной северной Сирии (*Джазиры*) в состав Халифата в результате исламского завоевания [Большаков, 2002, с. 87]. Впоследствии курды оказываются под властью сельджукидов, монголов и туркменских династий Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. В период Халифата курдская государственность была представлена рядом княжеств, во главе которых стояли Хасанвайхиды (959–1015) и Марваниды (985–1085). Также известны Шаддакиды (951–1088) и Айюбиды

(1169–1252) [История, 1999, с. 52–58]. Династия последних была основана легендарным Салах ад-Дином (Саладином), однако правила в Египте и просуществовала недолго.

В более поздние времена, на заре Нового времени, курды оказались разделенными Османской империей и Ираном сефевидов. Это произошло вследствие турецко-персидской войны 1514–1555 гг., по итогам которой был заключен Амасийский мирный договор. Несмотря на то, что войны между обоими государствами имели место и позже², в Курдистане границы оставались неизменными вплоть до окончания Первой мировой войны [Farouk-Sluglett, 2001, p. 2]. Поскольку общественное и административное устройство обеих империй было феодальным, подчиненность представителей традиционной курдской аристократии (*аг*³ и *шейхов*) центральной власти в Стамбуле и Тегеране также носила характер вассальной зависимости. Признавая власть султана и шаха *de jure, de facto* курдские шейхи пользовались широкой автономией вплоть до конца XIX в. Наряду с этим уже в первой половине XIX в. в Османской империи происходит ряд курдских восстаний, ставящих своей целью выйти из-под власти Стамбула [Аккурт, 2019, p. 324]. Однако эти выступления сравнительно легко подавляются центральной властью. Говорить о наличии у курдов национального самосознания в ту эпоху также не представляется возможным.

Еще до того, как в 1923 г. была провозглашена — унитарная по своему устройству — Турецкая Республика (включившая в свой состав большую часть Курдистана), у курдов был шанс на обретение если не полностью независимого, то автономного существования. Как минимум, возможность этого предполагалась Севрским мирным договором 1920 г. [Sèvres, 2018, pp. 326–327]. На протяжении всего XX в. — равно как в настоящее время — курдские националисты и патриоты апеллируют к этому договору, который впервые признал курдов и их право на самоопределение на международном уровне.

Однако лидерам курдов того периода не удалось воспользоваться выпавшим на их долю историческим шансом вследствие сложного сочетания объективных и субъективных обстоятельств. К числу объективных следует отнести общую отсталость курдского общества, отсутствие у него (широких масс населения) собственно *национального* сознания, а также разобщенность общества, разделенность на феодальные — по своей природе — вотчины аг и шейхов. Это, в свою очередь, вело к разобщенности политического руководства, отсутствию единого политического курса и способности мобилизовать массовую поддержку. Также следует отметить, что кемалистам в Турции удалось переманить большое число представителей традиционной курдской аристократии на свою сторону в контексте противостояния международной интервенции [Гасратян, 1990, с. 21]⁴. Существует ряд свидетельств в пользу того, что М. Кемаль обещал курдам предоставление автономии, но впоследствии нарушил свое обещание [Шлыков, 2011, с. 139]. Аналогичным образом обязательства, взятые британцами по отношению к подмандатной территории Ирак, — о предоставлении курдам культурных прав — никогда в полной мере не исполнялись. То же самое касается периода после предоставления Ираку независимости (1932).

Однако курды не смирились со своей участью, и на протяжении всего XX в. во всех четырех странах, разделивших Курдистан (Турции, Сирии, Ираке и Иране), имели место многочисленные

² Так, например, Багдад находился во власти сефевидов в период 1623–1639 гг., мамлюков — в 1704–1831 гг.

³ Тур. *ağa*, перс. *آقا* [āqā], что означает «*господин*».

⁴ В этом отношении важно отметить, что во время войны за независимость еще не было известно, какой политический режим будет установлен. Халифат и султанат еще не были ликвидированы и в агитации кемалисты (и сам М. Кемаль) широко прибегали к риторике религиозной мобилизации. Впоследствии резкие шаги по вестернизации турецкого общества стали одной из причин (как минимум, предлогом) для курдского восстания во главе с шейхом Саидом, которое выступило во главе с религиозным лидером и под исламскими лозунгами. Данное обстоятельство максимально наглядно свидетельствует, какие лидеры (и идеи) единственно могли мобилизовать курдское общество в тот период.

восстания. Наибольшее развитие национальное движение получило в Ираке. Там оно было связано с именами Махмуда Барзанджи, а также братьев Ахмеда и Моллы Мустафы Барзани. Что касается М. Барзани, то в 60-е гг. он станет лидером национального движения иракских курдов, возглавив т. н. «Сентябрьскую революцию» (1961–1975). Этому будет предшествовать восстание в северном Ираке первой половины 40-х гг., по итогу поражения которого Молла Мустафа отправится в Иран, где примет участие в создании недолговечной курдской Мехабадской Ресублики во главе с Кази Мухаммедом (1946). После ухода Красной армии из северного Ирана (по итогам советско-британской операции «Согласие») республика будет разгромлена и М. Барзани также отступит на территорию СССР, форсируя вместе с группой единомышленников реку Аракс.

«Сентябрьская революция» стала восстанием северного Ирака против власти центрального правительства в Багдаде. После Июльской революции 1958 г. монархия в Ираке будет свергнута и к власти придет организация «свободных офицеров» во главе с Абд аль-Керимом Касемом. Признав — сразу после прихода к власти — курдов в качестве равноправных партнеров по политическому диалогу, вскоре Касем займет шовинистическую позицию⁵ отрицания права курдов на самоопределение. В этой связи важно отметить, что после своего возвращения из СССР Барзани никогда не будет заявлять о стремлении курдов выйти из состава Ирака, равно как и объединить несколько частей Курдистана [Веденеев, 2021, с. 90]. Эти сведения также подтверждаются мемуарами Е. М. Примакова, который в начале 70-х гг. вел с Барзани личные переговоры [Примаков, 2016, с. 350]. Несмотря на это, и в турецкой историографии, и с точки зрения высокопоставленных американских лиц (таких как шеф ЦРУ А. Даллес и президент США Д. Эйзенхауэр) Барзани являлся «агентом Кремля», цель которого — «вбить клин» между странами «свободного мира» на Ближнем Востоке [138. Telegram, 1993, pp. 344–346; 243. Memorandum, 1994, p. 594]. Ясно, что если бы Барзани начал продвигать идеи курдского ирредентизма⁶, ему пришлось бы столкнуться с угрозой вторжения одновременно из Турции и Ирана, что сделало бы продолжение восстания невозможным [Веденеев, 2021, с. 185].

По итогам послереволюционной политической турбулентности в Ираке к власти в стране в 1968 г. повторно пришли баасисты (сторонники панарабской Партии арабского социалистического возрождения — Баас). Ими — в лице Саддама Хусейна, второго на тот момент человека в партии и государстве — было подписано с М. Барзани в 1970 г. «Мартовское соглашение». Согласно ему курды прекращали вооруженную борьбу в обмен на предложение центром проекта курдской автономии, который включал в себя 15 пунктов. После этого в Иракском Курдистане наступил период относительного процветания, который, однако, оказался непродолжительным [Веденеев, 2021, с. 107].

Как фиксируют материалы отечественных архивов, Барзани не доверял Багдаду, имея к этому все основания и стремясь заручиться поддержкой СССР (не только финансовой, но также политической, дипломатической) [РГАНИ, с. 29–34]. Однако в то же самое время он стремился заручиться поддержкой США: более того, нелестно отзывался о советской экономической помощи, не считая ее «значительной» [49. Telegram, 1995, p. 116]. Не желая идти на компромисс по вопросу о спорных территориях (представленных нефтеносной провинцией Киркук и одноименным административным центром — крупным центром нефтепереработки), Барзани вступил в конфликт с баасистами, которые к этому моменту заключили крупное соглашение с СССР (подразумевавшее

⁵ Характерную для арабских националистов (и панарабистов) того периода.

⁶ Ирредентизм — стремление к объединению территорий, относящихся к разным государственным юрисдикциям, но единых по языку, народу, который их населяет, культуре и/или религии.

поставки, в т. ч. современных вооружений). По мнению Примакова⁷ (а также исследователя курдского национализма Дэвида Макдауалла), Барзани решился на конфронтацию, будучи введенным в заблуждение заверениями США о готовности поддержать курдское дело [Веденеев, 2021, с. 113; Примаков, 1978, с. 108–109; Примаков, 2016, с. 355]. Ясно, что СССР преследовал при этом собственные интересы.

Что касается архивов Госдепартамента США начала 60-х гг., то в них четко фиксируется нежелание США как-либо поддерживать курдских повстанцев. Поскольку вмешательство американцев могло бы ухудшить отношения со стремительно сменявшимися режимами в Багдаде, США придерживались политики, согласно которой восстание Барзани является «внутренним делом Ирака» [262. Memorandum, 1994, p. 655]. Тем не менее представители Барзани не оставляли надежд заручиться американской поддержкой и неоднократно обращались с просьбой о помощи. Самый первый визит курдов, говоривших от имени Барзани, фиксируется в архивах американской внешней политики 20 июня 1962 г. [305. Telegram, pp. 746–747].

В конечном счете центральное правительство приняло закон об автономии, который игнорировал требования Барзани относительно Киркука. Боевые действия на севере Ирака возобновились. Однако теперь соотношение сил — ввиду реорганизации и перевооружения армии центрального правительства — резко изменилось в пользу Багдада. Наконец, в 1975 г. между шахом Ирана и иракскими баасистами было заключено «Алжирское соглашение», согласно которому в ответ на территориальные уступки со стороны Ирака шах прекращал поддержку иракских курдов. Как итог, сразу после этого Барзани отказался от продолжения борьбы, хотя некоторые ресурсы еще оставались в его распоряжении.

Можно сказать, что, потерпев сокрушительное поражение, национальное движение иракских курдов вступит в следующий этап своего развития позднее, в условиях Исламской революции в Иране в 1979 г. и последовавшей за ней Ирано-иракской войны (1980–1988). Один из фронтов той войны проходил через северный Ирак. Поскольку часть иракских курдов выступила в той войне на стороне Ирана, это привело к репрессиям со стороны центрального правительства. В частности, было документально зафиксировано неизбирательное применение химического оружия, жертвами которого стали как минимум несколько тысяч мирного населения города Халабджа.

В результате войны в Персидском заливе (1990–1991) над северным Ираком была создана бесполетная зона, и ВС центрального правительства были вынуждены покинуть северный Ирак⁸. В 1992 г. иракскими курдами было сформировано местное законодательное собрание, которое функционирует по н. в. [Иванов, 2011, с. 7]. Наконец, в 2005 г. по итогу вторжения международной коалиции во главе с США была принята новая конституция Ирака, в которой автономный статус Иракского Курдистана был зафиксирован официально [Article 140, 2018, pp. 351–353]⁹.

Можно сказать, что последнее десятилетие XX в. — первое десятилетие XXI в. стали апофеозом процесса обретения курдами независимости/автономного статуса. Это касается не только Ирака, но также Турции, где на волне устремленности руководства страны в ЕС имела место либерализация культурной политики. В частности, появилось кино на курдском языке. Правительство

⁷ В работе «Анатомия ближневосточного конфликта» Е. М. Примаков делал акцент на помощи Барзани со стороны Израиля. С точки зрения подхода, изложенного в этой книге, нерешенность палестино-израильского конфликта провоцировала другие региональные конфликты, в т. ч. курдский (что с нашей точки зрения представляется несколько преувеличенным).

⁸ Как сообщают иракские СМИ, лишь весной с. г. федеральная армия впервые вернулась в северный Ирак (Захо).

⁹ Однако она содержит в себе ряд противоречий, в частности, по вопросу о том, кто должен получать доход от новых месторождений на территории страны, в т. ч. Автономии (руководство Автономии или федеральное правительство). Также неурегулированным остается вопрос о Киркуке, относительно которого предписывается проведение референдума, который до сих пор не имел места.

Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшее к власти в начале нулевых годов, поначалу проводило политику национального примирения. Однако впоследствии, к 2015 г., возобладал более «традиционный» для турецкой власти подход к курдскому вопросу. Так, были возобновлены боевые действия ВС Турции против Рабочей партии Курдистана (РПК), которую можно условно назвать организацией турецких курдов¹⁰. С нашей точки зрения, одним из основных факторов изменения политики турецкого руководства стало вхождение ПСР в коалицию с ультраправой Партией националистического движения (ПНД), для которой какой-либо компромисс по отношению к курдскому меньшинству был неприемлем по идеологическим соображениям.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В самом начале XX в. курды были разделены границами новых государств Ближнего Востока. Рассматривая ситуацию ретроспективно, можно сказать, что именно в момент распада Османской империи у курдов были наилучшие шансы обрести собственное государство. Однако это оказалось невозможно. С одной стороны, у курдов не было традиций собственной (сильной и централизованной) государственности (в противоположность народам, их окружавшим, в первую очередь туркам и иранцам). С другой стороны, они позволили кооптировать себя в проекты построения национальных государств других народов. В первую очередь это касается турецких курдов. Однако в Ираке ситуация получила иное развитие.

На протяжении всего XX в. наиболее активно национальное движение курдов действовало в Ираке. С точки зрения данной работы важно зафиксировать, что оно, во-первых, включало в себя ряд этапов, а, во-вторых, не существовало в вакууме. Это в равной степени справедливо как по отношению к региональной политике (отношениям между Ираком и Ираном и т. д.), так и с точки зрения противостояния глобальных держав (СССР и США). В конце концов, затруднительно понять политику на Ближнем Востоке во второй половине XX в. вне контекста Холодной войны. С этой точки зрения никак нельзя сказать, что курдский вопрос находился на периферии мировой политики.

На основании задействованных архивных материалов советской и американской внешнеполитических служб мы пришли к следующим выводам (уточнили представления, существующие по данному вопросу). С одной стороны, советская сторона была заинтересована в урегулировании курдского вопроса и оказывала поддержку национальному движению Барзани. С другой стороны, американская сторона не была заинтересована в поддержании национального движения курдов в Ираке. Тем не менее Барзани, получая помощь от СССР, также обращался к США. Нами установлено, что первое обращение курдов от лица Барзани к американским официальным представителям имело место еще до свержения первого революционного правительства Касема. Однако США проигнорировали просьбы курдов (как минимум, по состоянию на 1962 г.).

В свою очередь, в конце 60-х — начале 70-х гг. ситуация претерпела изменение. СССР по-прежнему придерживался политики мирного урегулирования конфликта между курдами и центральным правительством в Багдаде. Дополнительным стимулом к этому становилось возвращение в 1968 г. к власти баасистов, заинтересованных в выстраивании широкого сотрудничества с СССР. Ясно, что в этой ситуации Советский Союз не мог принять позицию Барзани по вопросу о спорных территориях. Наряду с этим также имели место контакты Барзани с США и их союзниками в регионе, что также не могло расположить страну Советов к национальному движению. В любом случае каждый в этой ситуации преследовал собственные интересы: СССР стремился к сближению с правительством в Багдаде (и хотел, чтобы курды пошли на компромисс с центральным правительством

---

¹⁰ Была основана в 1978 г. в Турции, и ее руководство было представлено турецкими курдами (Абдула Оджалан — основатель партии, Джамиль Байик — один из руководителей в н. в. и др.).

по вопросу о спорных территориях), в то время как Барзани прибегал к любым средствам, чтобы добиться целей своего движения (как он их видел)¹¹. Другое дело, что ресурсов для достижения этих целей у него не оказалось, а США и их союзники не увидели интереса для себя продолжать поддерживать его движение.

Архивные материалы /Archive References

Письмо Барзани советскому послу в Ираке, 6 марта 1974 г.; Запись беседы с членом ЦК ДПК, главным редактором газеты «Таахи» Д. Тауфиком. *РГАНИ*. Ф. 5. О. 67. Д. 833. С. 29–34 [Letter from Barzani to the Soviet Ambassador to Iraq, March 6, 1974; Recording of a conversation with a member of the Central Committee of the DPK, editor-in-chief of the newspaper «Taakhi» D. Taufik. *Russian State Archive of Contemporary History* F. 5. O. 67. D. 833. Pp. 29–34 (in Russian)].

Telegram From the Embassy in Iraq to the Department of State. Baghdad, September 20, 1962, noon p. *Foreign Relations of the United States, 1961–1963*, Vol. XVIII, Near East, 1962–1963. Washington, 1995. P. 116.

Telegram From the Embassy in Iraq to the Department of State. Baghdad, October 14, 1958, 7 a. m. p. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960*, Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula, V. XII. Washington, 1993. Pp. 344–346.

Memorandum of Conversation. Washington, April 12, 1962, 9:30 a. m. United States-Iran Relations p. *Foreign Relations of the United States, 1961–1963*. Vol. XVII, Near East, 1961–1962. Washington, 1994. P. 594.

Memorandum From the Deputy Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (Grant) to the Under Secretary of State for Political Affairs (McGhee). Washington, May 3, 1962. Contingencies in Iraq p. *Foreign Relations of the United States, 1961–1963*. Vol. XVII, Near East, 1961–1962. Washington, 1994. P. 655.

Telegram From the Department of State to the Embassy in Iraq. Washington, June 22, 1962, 9:17 p. m. p. *Foreign Relations of the United States, 1961–1963*. Vol. XVII, Near East, 1961–1962. Washington, 1994. Pp. 746–747.

Литература/ References

Большаков О. Г. *История халифата. Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656 гг.)*. М., 2002. 294 с. [Bolshakov O. G. *History of the Caliphate. T. 2. The era of great conquests (633–656)*. Moscow, 2002 (in Russian)].

Веденеев И. Н. *Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918–1980 гг.: факторы взаимовлияния*: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2021 [Vedeneev I. N. *Kurdish national movement of Iraq and Turkey in 1918–1980: factors of mutual influence*. Thesis for Ph.D. (History): 07.00.03. Moscow, 2021 (in Russian)].

Гасратян М. А. *Курды Турции в новейшее время*. Ереван, 1990. 384 с. [Gasratyan M. A. *Kurds of Turkey in modern times*. Yerevan, 1990. 384 p. (in Russian)].

Иванов С. М. *Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.)*. М., 2011 [Ivanov S. M. *Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011)*. Moscow, 2011 (in Russian)].

История Курдистана. М., 1999 [History of Kurdistan. Moscow, 1999 (in Russian)].

Курды. Легенда Востока. М., 2018 [The Kurds. A Legend of the East. Moscow, 2018 (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдский вопрос (1891–1917)*. М., 1972 [Lazarev M. S. *The Kurdish question (1891–1917)*. Moscow, 1972 (in Russian)].

Примаков Е. М. *Анатомия ближневосточного конфликта*. М., 1978 [Primakov E. M. *Anatomy of the Middle East Conflict*. Moscow, 1978 (in Russian)].

¹¹ Собственно, в телеграмме № 49, упомянутой ранее, представители Барзани так и выразились, что ради достижения своих целей они готовы сотрудничать с СССР или даже «самим дьяволом».

Примаков Е. М. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*. М., 2016 [Primakov E. M. *Confidential: The Middle East on stage and behind the curtains*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Шлыков П. В. Турецкий национализм в XX веке: поиски национальной идентичности. *Вопросы национализма*. 2011. С. 135–155 [Shlykov P. V. Turkish nationalism in the twentieth century: the search for national identity. *Issues of nationalism*. 2011. Pp. 135–155 (in Russian)].

Akkurt M. 1961–1971 Yılları Arasında Türkiye’de Kürtçülük. *Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*. 2019. № 42. Pp. 323–340 [Akkurt M. The Kurdish Nationalism in Turkey, 1961–1971 yr. *Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*. 2019. № 42. Pp. 323–340 (in Turkish)].

Article 140 of the New Iraqi Constitution from 2005: Permanent Constitution of Iraq from 2005 & Article 58 of the Transitional Administrative Law from 2003. *The Kurds: An Encyclopedia of Life, Culture, and Society*. Santa-Barbara, 2018. Pp. 351–353.

Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. London — New York, 2001.

Treaty of Sèvres, August 10. *The Kurds: An Encyclopedia of Life, Culture, and Society*. Santa-Barbara, 2018. Pp. 326–327.

СЕМЕЙНЫЕ ДИНАСТИИ ПРАВЯЩИХ ПАРТИЙ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

© 2024

В. В. Макаренко¹

Обособление Иракского Курдистана от Ирака в 1992 г. привело к возрождению там традиционных отношений, которые сложились не между отдельными гражданами, а между родоплеменными, территориально-конфессиональными и другими социально-территориальными общинами. Политическая система в Иракском Курдистане построена на балансе сил двух крупных социально-территориальных структур (общностей), каждая из которых доминирует в своем субрегионе, но они вынуждены сотрудничать, чтобы поддерживать функционирование региональной системы политической власти. В политической жизни эти социально-территориальные структуры представлены как ведущие политические партии — ДПК и ПСК, но этим определением их характеристика не исчерпывается. Эти партии изнутри пронизаны отношениями родоплеменной и клановой (семейной) солидарности. При этом ни племена, ни семьи формально не наделены ни в Ираке, ни в Иракском Курдистане властью, но они обретают ее за счет того, что на персональном уровне руководящие позиции в признанных политических институтах — в партиях, а через них и в органах законодательной и исполнительной власти — занимают лица, принадлежащие к традиционным структурам (родоплеменным, семейным, религиозным группам). Эти объединения (общности) принципиально отличаются от политических партий современного типа, поскольку предполагают обязательное участие в них определенной части населения. Их существование в корне противоречит представлениям о современных системах стратификации населения, требующих высвобождения индивидуумов из такого рода коллективных уз.

Ключевые слова: Курдистан, племя барзани, семья Барзани, клан Талабани, семья Ахмед-Талабани, родоплеменные структуры, политическая система, политические партии

Для цитирования: Макаренко В. В. Семейные династии правящих партий как фактор государственного строительства в Иракском Курдистане. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 175–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-175-183

FAMILY DYNASTIES OF THE RULING PARTIES AS A FACTOR OF STATE-BUILDING IN IRAQI KURDISTAN

Vadim V. Makarenko

The separation of Iraqi Kurdistan from Iraq in 1992 led to the revival of traditional relations there. They developed here not between individual citizens, but between tribal, territorial-confessional and other socio-territorial communities. The political system in Iraqi Kurdistan is built on the balance of forces of two large socio-territorial

---

¹ Макаренко Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makarenko.vadim@yandex.ru

Vadim V. Makarenko, PhD (Econ.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; makarenko.vadim@yandex.ru

structures (communities), each of which dominates its own subregion, but they have to cooperate in order to maintain the functioning of the regional system of political power. In political life, these socio-territorial structures are represented as the leading political parties — the KDP and the UCP, but their characteristics are not limited by this definition. These parties are imbued from the inside with relations of tribal and clan (family) solidarity. At the same time, neither tribes nor families are formally endowed with power either in Iraq or in Iraqi Kurdistan, but they acquire it due to the fact that at the personal level, leading positions in recognized political institutions - in parties, and through them in legislative and executive authorities — are occupied by persons belonging to these traditional structures (tribal, family, religious groups). These associations (communities) are fundamentally different from political parties of the modern type, since they imply the mandatory participation of a certain part of the population in them. Their existence fundamentally contradicts the ideas of modern stratification systems of the population, which require the release of individuals from this kind of collective bonds.

Keywords: Kurdistan, Barzan tribe, Barzani family, Talabani clan, Ahmed-Talabani family, tribal structures, political system, political parties

For citation: Makarenko V. V. Family Dynasties of the Ruling Parties as a Factor of State-building in Iraqi Kurdistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 175–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-175-183

Введение

В Ираке после революции 1958 г. попытки политических режимов, сменявших друг друга, создать общество, основанное на принципе политического гражданства, отрицающем этноконфессиональный партикуляризм (идентичность), оказались неудачными и привели к авторитарному правлению Саддама Хусейна. Свержение саддамовского режима и провал американской политики политической модернизации Ирака привели к ренессансу социально-территориальных общин, которые при С. Хусейне были подавлены и не могли открыто заявлять свои права на участие во власти. Сейчас в Ираке все еще крайне неэффективная система центральных органов власти и локальные социально-территориальные структуры существуют отдельно друг от друга и часто конфликтуют между собой. Перед страной стоит задача создать политическую систему, которая позволила бы интегрировать ее глубоко разделенное общество. Иракский Курдистан, раньше освободившись от авторитарных пут, уже прошел часть испытаний, которые еще предстоят остальной части Ирака, поэтому опыт его социально-политического развития представляет значительный интерес.

Развитие политической системы Ирака после свержения С. Хусейна

В 2003–2011 гг. после свержения режима Саддама Хусейна Ирак был оккупирован силами коалиции во главе с США. В 2005 г. под давлением США была принята демократическая Конституция Ирака. Она предусматривает разделение властей, политические свободы, регулярные выборы в национальные и местные органы представительной и исполнительной власти. Эти демократические механизмы должны были изменить природу иракского общества, в том числе создать условия для деятельности политических партий, конкуренция которых и предусмотренное конституцией разделение властей должны были исключить доминирование какой-либо одной партии, а тем более появление в стране вновь авторитарного лидера. Однако американцам не удалось произвести революцию в стране — разрушить родоплеменные и конфессиональные связи и добиться того, чтобы для иракцев гражданская принадлежность к стране значила больше, чем их принадлежность к той

или иной этнической (родоплеменной или клановой) или религиозной общине. После 2003 г. благодаря демократической конституции Ирака, где демократия наряду с исламом² рассматривается как фундаментальное условие жизни иракского общества, шиит был снова открыто признан прежде всего шиитом, суннит — суннитом, курд — курдом, и, более того, практически каждый из них является членом своего племени, своего клана (семьи) со всеми вытекающими из этого непреложными обязанностями солидарного поведения. В Ираке с новой полнотой возродилась система общественных отношений, которая столетиями поддерживалась исламом, по конституции (2005) признанным не просто государственной религией страны, а основным источником ее законодательства (ст. 2.1)³. С точки зрения европейских ценностей арабский мир не считается демократическим, поскольку там речь идет не о демократии как отношениях между гражданами, на Ближнем Востоке демократия — это тип равных отношений между социально-территориальными общностями. Этот тип отношений тысячелетиями был присущ обществам Ближнего Востока, являясь причиной того, что эти общества считаются глубоко расколотыми. Демократия социально-территориальных общин созвучна традиционному «антицарскому племенному этосу арабов», который «с самых ранних этапов исламской истории препятствовал формированию иерархизированных систем управления автократического типа» [Алексеев, Сырейщикова, 2009, с. 193].

После 2003 г. в плане «культурной легитимации нормативного порядка общества» [Парсонс, 1998, с. 25] ключевые позиции окончательно перешли к исламу. Ирак оказался в ситуации, которую К. Маркс описал применительно к евреям в Германии: «Это значит, он — *еврей* и остается *евреем* несмотря на то, что он *гражданин государства*, и живет в общечеловеческих условиях: его еврейская и ограниченная сущность всегда, в конце концов, берет верх над его человеческими и политическими обязанностями» [Маркс, 1955, т. 1, с. 384–385]. Но с той разницей, что в Ираке это касается всех этноконфессиональных групп, а внутри них еще более мелких сегментов (племен, кланов, семейств), из которых они состоят.

В отличие от политических партий, которые представляют собой добровольные ассоциации независимых друг от друга граждан, объединившихся в порядке самоорганизации [Парсонс, 1998, с. 38], социально-территориальные общины с их обязательной, идущей из глубины веков родоплеменной или религиозной солидарностью («отношения принадлежности к местному сообществу» [Парсонс, 1998, с. 92]), не являются личным выбором отдельного человека, а участие в них — непреложная норма поведения, которую индивидуум не может отвергнуть. В современных политических условиях Ирака социально-территориальные общины вынуждены добиваться представительства во власти как специфические партии, пронизанные родоплеменными отношениями, или как милицейские (хашд эш-шааби) формирования, связанные изнутри религиозной или территориальной солидарностью (земляков, соседей), или через своих, независимых от партий, депутатов, которые непосредственно представляют социально-территориальные общности, благодаря которым они избраны в парламент. Завязанное на современную систему разделения труда городское население, наоборот, вынуждено поддерживать политические партии, претендующие на то, что

² Статья 2: Первое: Ислам является официальной религией государства и основным источником законодательства:

А. Не может быть принят закон, противоречащий установленным положениям ислама.

В. Не может быть принят закон, противоречащий принципам демократии.

С. Не может быть принят ни один закон, противоречащий правам и основным свободам, закрепленным в настоящей Конституции. Конституция Ирака. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005. www.Constituteproject.org. (дата обращения: 15.03.2024).

³ «Ислам — официальная религия государства; он является основным источником законодательства». В Конституции 1970 года признавалось, что «ислам является государственной религией», — но речь не шла о том, что он является основой законодательства» [Хайруллин, Коротаев, 2017, с. 142].

они представляют общие, универсальные интересы иракского общества. Но там, где работа государственных и муниципальных органов оказывается неудовлетворительной, городское население прибегает к традиционным формам сплочения и создает социально-территориальные общины, одной из форм которых являются милицейские формирования, которые быстро обрастают социальными функциями (яркий пример — это объединения, возникшие вокруг Муктады ас-Садра).

Сложность политического устройства Ирака заключается в том, что множеству составляющих его этноконфессиональных общностей, каждая из которых стремится к максимальной автономии, необходимо выстраивать отношения между собой и с государством, без которого страна не может выступать в качестве полноправного члена регионального или мирового сообщества. Центральное правительство вынуждено найти и провести в жизнь единый принцип организации отношений в обществе. Это — сложная задача. Борьба идет между универсалистским и партикуляристским подходами. От того, на каком основании Ирак построит успешно действующее государство, зависит, в какое государство он превратится. Но до сих пор существует опасность, что процесс государственного строительства либо затянется, либо страна превратится в несостоявшееся государство.

Становление политической системы Иракского Курдистана

На иракском фоне политически порядки, сложившиеся в автономном Иракском Курдистане, не выглядят особенными, они вполне органичны для Ирака. Более того, междоусобная борьба, которая еще только разворачивается в арабской части Ирака, в Иракском Курдистане уже завершилась. Здесь уже есть определенность. В Иракском Курдистане доминируют две ведущие местные (региональные) правящие господствующие группы (ПГГ), сложившиеся на базе традиционных — родоплеменных и семейных — отношений. Ядра этих ПГГ образуют семейства Барзани и Ахмеда — Талабани, обладающие высокой внутренней сплоченностью, которая обеспечивает им прочные позиции в политической системе Иракского Курдистана, а сама система региональной власти обладает устойчивостью, не свойственной политическим системам либерально-демократического типа. Она существует четвертое десятилетие, и нет оснований думать, что в ближайшее десятилетие произойдут серьезные изменения. Элиты Иракского Курдистана не без споров, но в целом согласованно проводят конструктивную политику как внутри региона, так и по отношению к центральным властям и зарубежным соседям. Какой бы справедливой ни казалась критика власти в нынешнем Курдистане, а критиковать есть за что, особенно при сравнении ее с западными либеральными демократиями или преуспевающими монархиями Персидского залива, курды в социально-экономическом и политическом плане развиваются более успешно, чем арабские провинции Ирака. Результат был бы обратным, если бы вместо использования традиционных институтов управления курдские элиты пустились бы в социальные эксперименты по либерализации региональной политической системы, с чего они начинали в 1990-х годах.

При всем нынешнем сходстве ведущих курдских партий — Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК), которые воспринимаются как партии с харизматическими лидерами [Hama, Abdullah, 2020, p. 4], они принципиально различны по типу партийного строительства. Различие в природе этих партий заключается в изначально разных способах соединения их руководящей верхушки с партийной массой.

Мулла Мустафа Барзани (1903–1979) заложил основы современной политической системы Курдистана. Он отказался от соблазна стать одним из лидеров иракской революции, вместо этого сосредоточив свои усилия на защите собственного племени — барзани, опираясь на традиционную племенную солидарность. В интересах вооруженной борьбы с националистическим правительством

в Багдаде он преобразовал ДПК на традиционалистских или даже трайбалистских началах⁴. Но это позволило ему мобилизовать население и отстоять самостоятельность курдских районов в ходе сентябрьского восстания (1961–1975). Он положил в основу работы ДПК не идеологические постулаты, а традиционные отношения вождя и его соплеменников. Ни Мустафа Барзани, ни сменивший его сын, Масуд Барзани (1946 г. рождения), не подчеркивали свою принадлежность к династии шейхов, но они полностью разделяли традиционные ценности этого социального слоя и были нацелены на сохранение «старого порядка» (*фр.* Ancien régime). Успех ДПК — сохранение самостоятельности Курдистана — в значительной степени был обусловлен племенной солидарностью курдов, хотя и роль самого Мустафы Барзани, и его наследников трудно переоценить.

В отличие от них представители семейства Ахмед — Талабани, возглавляющие сейчас ПСК, пришли в политику как разночинные интеллигенты, отказавшиеся от «сословных предрассудков». Они стремились использовать революционную ситуацию в Ираке, чтобы кардинально преобразовать общества в Ираке и в Иракском Курдистане. Лидеры ПСК проявили волю, энергию и политическую изворотливость, во многом обусловленную накопленным в поколениях социальным капиталом, а Джаляль Талабани (1933–2017) явно обладал выдающейся харизмой. Это позволило этой группе, в конечном итоге связанной прежде всего семейными узами, создать сильную политическую партию. Руководство ПСК, безусловно, способствовало преобразованиям в Курдистане и в Ираке, а также смогло добиться для себя элитарного статуса и занять высокие позиции не только в Иракском Курдистане, но и в Ираке.

Несмотря на смену поколений, обе ППГ смогли сохранить внутреннее единство и руководство партиями, поскольку они управляющим ядром своих партий сделали семейные структуры, позволяющее их членам на постоянной основе занимать руководящие позиции в своих партиях, в Иракском Курдистане и в Ираке.

Обе нынешние партии появились в результате раскола ДПК, которая была создана в 1946 г. Раскол был неизбежен, настолько разнородными были объединившиеся силы: «Сулейманийский комитет Демократической партии Ирана», группа левых взглядов «Рызгари» («Освобождение») и коммунистическая группа «Шорш» («Революция»). Несмотря на то, что Мустафу Барзани избрали председателем партии, он реально смог вернуться к политической деятельности в Ираке только после возвращения из СССР, куда был вынужден уйти со своим отрядом после поражения Мехабадского восстания в 1947 г. В период с 1946 по 1961 г. ведущую роль в ДПК играла не племенная знать, а курдская революционная интеллигенция, чьим лидером был литератор Ахмед Ибрагим (1914–2000), с 1951 г. возглавлявший политбюро ДПК. В национальном вопросе эта группа делала ставку на единство разных по национальности сил в борьбе за независимость Ирака, рассчитывая на равенство курдов и арабов в демократической республике. Это было естественно: перспективы прогрессивного развития самого Курдистана отдельно от Ирака или от Ирана не просматривались, поскольку большая часть этого региона была заброшенным патриархальным захолустьем. Эти романтические взгляды городской курдской интеллигенции можно сравнить с нараставшим панарабизмом арабских националистических элит, стремившихся создать единое арабское государство или, как минимум, абсолютно доминировать на пространстве Ближнего Востока, не допуская появления там никакой другой, инородной государственности.

После революции 1958 г. ситуация в Ираке стала быстро меняться, резко обострились социальные и межэтнические противоречия. В начале 1960-х годов потребовалась консолидация

⁴ По мнению Дж. Талабани, «именно когда мулла Мустафа Барзани взял на себя руководство ДПК, трайбализм возродился и приобрел влияние в курдском националистическом движении. Это все еще существует в рамках движения в Иракском Курдистане» [Sheikhmous, 2016, p. 11].

курдских политических сил, которой нельзя было добиться на размытой идеологической основе. В этой ситуации сработал инстинкт Мустафы Барзани, который, отказавшись от разного рода идеологических догм, сделал ставку на племенную солидарность курдов. Племенная верхушка, наиболее ярким представителем которой был М. Барзани, и левая интеллигенция, которую представлял Ахмед Ибрагим, имели почти антагонистические интересы, но, столкнувшись с агрессивным давлением арабского национализма, они были вынуждены искать варианты взаимодействия. То, что М. Барзани возглавил сентябрьское восстание (1961–1975), а группа Ахмеда Ибрагима подчинилась его руководству, было формой компромисса между разнородными курдскими политическими силами. Это было вынужденное сосуществование, столь привычное для этого лимитрофного региона [Макаренко, 2022].

В 1964 г. ДПК раскололась, поскольку слишком разными были цели обеих групп, которые возглавляли прирожденные лидеры. Непосредственным поводом для раскола было то, что Мустафа Барзани без согласования с политбюро ДПК подписал перемирие с Саддамом Хусейном. С точки зрения Барзани оно было насущно необходимо, поскольку восстание исчерпало свои силы, группа Ахмеда — Талабани видела в этом прекращение революционной борьбы с националистическим режимом в Ираке и, по сути, крах своих надежд на перемены в стране. Барзани был готов договориться о мире с Багдадом на условиях получения курдами автономии, Талабани был заинтересован в продолжении революционной борьбы. Мустафа Барзани не был ни революционером, ни националистом. Он был защитником курдской традиционной идентичности, которой свойственен племенной полицентризм даже в рамках курдского региона, не говоря уже об Ираке в целом, поэтому он выступал за сохранение привычного образа правления, зафиксированного в исламе и в культурном (родоплеменном) коде.

В 1975 г. курдское восстание потерпело окончательное поражение, поскольку курды потеряли внешнюю поддержку: ни шахский Иран, ни США в сложившейся ситуации не видели перспективы в поддержке Мустафы Барзани, а собственные силы курдов уже не могли тягаться с современной армией саддамовского режима. Это привело к окончательному расколу ДПК. После 1975 г. ДПК полностью перешла под контроль семейства Барзани, а Талабани и Ахмед Ибрагим сформировали новую партию — ПСК, которая продолжила буржуазно-либеральную линию группы Ахмеда. Если ДПК сосредоточилась на курдских проблемах, то ПСК продолжила поиск места на иракской политической сцене. В 1990–1992 гг. Ахмед Ибрагим и Джаляль Талабани поддерживали создание Иракского национального конгресса (ИНК), вице-президентом которого стал зять Ахмеда и свояк Талабани — Абдул Латиф Рашид (1944 г. р.). Это направление сработало в 1992 г., когда западные страны ввели беспилотную зону над Курдистаном, в 2003 г., когда курды стали союзниками американской коалиции, вторгнувшейся в Ирак для свержения режима С. Хусейна, и в 2022 г., когда Абдул Латиф Рашид был избран президентом Ирака, обойдя благодаря поддержке шиитских арабских партий Бархама Салеха, кандидата от ПСК, но выступавшего за отказ от семейственности в партийной жизни. Особенно важной для семейства Ахмед — Талабани в 2022 г. была поддержка Нури эль-Малики, лидера партии Даава, сотрудничавшего с Джалялем Талабани еще с 1980-х годов. Кроме того, Абдула Латиф начиная с 2003 г. сам активно работал в правительстве Ирака с теми шиитскими и суннитскими силами, которые на первое место ставили политические вопросы Ирака в целом, а не свою этническую идентичность. По сути он продолжил прогрессистскую линию Ахмеда Ибрагима, намеченную еще 1940-х годах.

В этом направлении в 1990-е и особенно в 2000-е годы особенно активно работал лидер группы Дж. Талабани, одна из самых влиятельных политических фигур Ирака в период после 2003 г. В отличие от семейства Барзани он видел перспективу для себя лично и для своей партии в активном

участии в строительстве централизованной власти в Ираке. ПСК — это партия, ориентированная на активность в Ираке в целом, тогда как ДПК остается локальной, чисто курдской партией, что ярко проявилось в ходе кризиса 2017 г., которого Эрбиль избежал бы, будь жив Дж. Талабани.

Тем не менее в 1990-е годы, когда перспективы ситуации в Ираке были неясны, Талабани пошел на вооруженный конфликт с ДПК, чтобы ПСК смог обрести собственную территориально-ресурсную базу в провинции Сулеймания, в которой семейство Ахмед — Талабани обеспечило себе прочные олигархические позиции. Это изменило природу партии, сделав ее социально-территориальным образованием. Благодаря этому ПСК уверенно занимает ведущее место в политической жизни Южного Курдистана и Ирака в целом. Дж. Талабани много сделал для модернизации Ирака и Курдистана, но, зная характер иракского общества, сохранил за своей семьей полный контроль над ПСК, сделав партию практически семейным предприятием, а провинцию Сулеймания — своей вотчиной. В отличие от ДПК, где позиции семейства Барзани практически никто не оспаривал, в ПСК долгое время шла внутренняя борьба: ведущие члены в руководстве партии до ухода Дж. Талабани надеялись, что партия останется свободной ассоциацией, а не превратится в частное дело клана Ахмед — Талабани. Талабани не передал никому из них контроль над партией, он остался в семье основателя партии.

После смерти Дж. Талабани семейство Ахмед — Талабани сумело сохранить власть в своих руках. Его супруга Херо Ибрагим Ахмед де-факто возглавила ПСК. В 2021 г. ПСК преодолел еще один, на этот раз внутрисемейный кризис, устранив конкуренцию со стороны племянника Джаляля Талабани — Лахура Шейха Джанги Талабани (1975 г. рождения), который начал подминать под себя силовые структуры и стал сопредседателем ПСК наряду с Бавелом Талабани, явно затмевая политическим напором своего двоюродного брата. Его возвышение стало угрозой внутреннему единству клана Ахмед — Талабани и потребовало усиления и без того принципиальной для ПСК связи семейств Талабани и Ахмед, чтобы устоять во внутренней схватке за власть в ПСК и в Сулеймании. Сейчас полномочия в ПСК в связи с тяжелой болезнью Херо Ибрагим перешли к ее сестре — Шаназ Ибрагим Ахмед (1954 г. рождения). Показателем сохранения влияния династии Талабани — Ахмед стало избрание на пост президента Ирака мужа Шаназ Ахмед — Абдула Латиф Рашида. Клан Ахмед — Талабани, помимо политических позиций, опирается на значительные финансовые и земельные ресурсы и имеет хорошие позиции в бизнесе, что позволяют ему крепко держать власть в Сулеймании и быть влиятельным игроком в Иракском Курдистане и в Ираке в целом.

Парадоксальным образом в Иракском Курдистане семейные династии контролируют не только ДПК и ПСК, но все сколько-либо влиятельные партии в регионе независимо от заявляемой ими идеологической ориентации. Скорее всего, это отражает особенности структурирования общества, где сильны родоплеменные или клановые традиции. В руках семей аккумулируются организационные и финансовые ресурсы, которые необходимы для участия в политической жизни. Появление массовой партии, построенной по принципу свободной политической ассоциации, в Иракском Курдистане пока маловероятно (см.: [Nana, Abdullah, 2020, p. 16]). Это отражает глубокую разделенность курдского общества, которую исследователи считают причиной срыва попыток его демократизации [Львов, 1997, с. 211]. Однако если отбросить европоцентричные политические и идеологические догмы, которые блокируют понимание путей государственного строительства в странах Ближнего Востока, то нынешнюю политическую систему власти в Иракском Курдистане, на наш взгляд, следует признать демократией, т. е. обществом, в котором жизнь регулируется законами и правом, а политические лидеры нуждаются в ясно выраженной электоральной поддержке народа. Только в отличие от западных стран, где демократия поддерживается разделением властей, в Иракском Курдистане она строится на балансе сил между ведущими партиями региона, т. е. на системе взаимных

сдержек и противовесов, выстраиваемых между социально-территориальными общностями, какими являются эти партии. Равные, не допускающие доминирования какой-либо из сторон отношения между субрегионами Иракского Курдистана образуют базовый уровень общественных отношений, который определяет условия функционирования политической системы региона как консоциального образования по сути федеративного типа. Такой тип отношений между ДПК и ПСК обусловлен тем, что они исторически существуют в единой геосоциальной нише, которую невозможно разделить на самостоятельные части, и поэтому вынуждены взаимодействовать между собой.

Заключение

В силу доминирования представлений о либеральной демократии западных стран, где политические системы определяются абсолютным доминированием какого-либо одного универсального принципа на всем политическом пространстве, отношения между курдскими партиями воспринимаются как незавершенные, переходные к либерально-демократическому состоянию, тогда как именно на основе подобного взаимодействия субрегиональных партикуляристских общностей в Иракском Курдистане, представляющих собой единство и борьбу противоположностей, в ходе повседневного решения проблем региона нарабатывается новая культура политических отношений, т. е. возникает зрелая, но при этом не моноцентричная, не универсалистская политическая система. Внутри этих социально-территориальных структур (субрегионов) связь власти с населением обеспечивается родоплеменной солидарностью в случае с ДПК, а в случае с ПСК — более сложным — олигархическим — механизмом поддержания влияния мощного семейства Ахмед — Талабани в провинции Сулеймания, но следующим шагом может стать последовательный перенос демократических принципов правового равенства во взаимодействии субрегионов на отношения между их гражданами.

Парадокс восприятия ситуации, складывающейся в Иракском Курдистане, состоит в том, что считается, что в обществах, проходящих фазу модернизации, любые узы, идущие от прошлого, должны быть разрушены. Исходя из этих либеральных установок, особенности политической системы Иракского Курдистана оцениваются как отсталые. Причина этого предубеждения в том, что буржуазная революция долгое время считалась первопричиной британского и вообще буржуазного успеха [Барг, 1991, с. 6]. Смысл революций видели в отстранении от власти феодальных слоев. Отсюда шло негативное отношение к любым «пережиткам феодализма», с которыми связывали все сбой и задержки в социально-экономическом развитии стран бывшей колониальной и полуколониальной периферии.

Умозрительно можно полагать, что введение либеральных порядков и ожидаемая в связи с этим регулярная смена руководства ускорили бы развитие Курдистана, но с гораздо большей вероятностью переход к либеральной или, наоборот, к централизованной (моноцентричной) авторитарной политической системе будет чреват для региона большими проблемами. Скорее всего, такой переход породит хаос. Даже оставляя в стороне реакцию нынешних правящих кланов, насчитывающих десятки тысяч человек, занимающих ключевые должности в Иракском Курдистане, есть основания считать, что переход к конкурентной политической системе существенно ухудшил бы ситуацию в регионе, политизировав ее и сделав ее намного более волатильной, поскольку в этом случае базой мобилизации электоральной поддержки для любой партии на выборах будет либо идеология, либо популизм. В любом случае это означало бы обострение политической борьбы, эскалацию напряженности, что в условиях политической зависимости и относительной слабости курдского региона Ирака было бы смертельно опасно для него.

В складывании нынешней политической структуры проявилась партикуляристская культура отношений, традиционная для курдского этноса, который является одним из глубоко расколотых образований. Но это не указывает на кризисное состояние этноса, а подчеркивает его особенность — способность столетиями сохранять сложную внутреннюю структуру, несмотря на ожесточенную конкуренцию с соседними этносами унитарного типа. Такая структура отношений считается архаичной и не соответствует либеральным представлениям об организации современного общества, но эта сегментированная структура общества обеспечила курдскому этносу возможность выживания в Ираке и в непростых отношениях с соседними государствами, о которой вряд ли можно было мечтать, если бы отношения строились на основе свободного выбора политических индивидуумов (граждан), объединяющихся в конкурирующие между собой политические партии и добивающиеся политического доминирования в стране (регионе), что не обходится без политики и секьюритизации многих относительно простых для традиционного общества вопросов.

Литература/ References

Алексеев И. Л., Сырейщикова А. А. Ибн Халдуна в современной историографии. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2009. № 13. С. 195–218 [Alekseev I. L., Syreyshchikova A. A. Ibn Khaldun in modern historiography. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies*. 2009. No. 13. Pp. 195–218 (in Russian)].

Барг М. А. *Английская революция в портретах ее деятелей*. М., 1991. С. 397 [Barg M. A. *The English Revolution in the portraits of its actors*. М., 1991. Pp. 397 (in Russian)].

Львов В. В. Ирак: реалии власти и санкции. *Ближний Восток и современность*. 1997. Вып. 4. С. 210–233 [Lvov V. V. Iraq: the realities of power and sanctions. *The Middle East and Modernity*. 1997. Issue 4. Pp. 210–233 (in Russian)].

Макаренко В. В. Курдско-пуштунские параллели как отражение лимитрофной природы курдского и пуштунского миров. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 153–167 [Makarenko V. V. Kurdish-Pashtun parallels as a reflection of the limitrophic nature of the Kursk and Pashtun worlds. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 3. Pp. 153–167 (in Russian)].

Маркс К. К еврейскому вопросу. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., 1955, т. 1. С. 382–413 [Marx K. Towards the Jewish question. Marx K., Engels F. *Collected Works*, 2nd ed., 1955, vol. 1. Pp. 382–413 (in Russian)].

Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1998 [Parsons T. *The system of modern societies*. М., 1998 (in Russian)].

Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2017. Т. 13. № 2. С. 139–152 [Khairullin T. R., Korotaev A. V. The 2005 Constitution of Iraq and the principles of Islam. *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 139–152 (in Russian)].

Нама Н. Н., Abdullah F. H. Political Parties and the Political System in Iraqi Kurdistan. *Journal of Asian and African Studies*. July 2020. Pp. 1–20.

Sheikhmous O. The Concept of Nation and the Nation-State. *The Thought and Writings of Mam Jalal Talabani On the Kurds. Paper prepared for University of Sulaimani International Conference on Identity and Independence of Nations*. 2016. 15–16 May.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Iraqi Constitution. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005. *www. Constituteproject.org*. (дата обращения: 15.03.2024).

ЕЗИДЫ ИРАКА ПОСЛЕ ГЕНОЦИДА ИГИЛ*

© 2024

Ю. Р. Дасни¹

Исламизм — одно из самых значимых и трагичных явлений езидского геноцида. Оказавшись в исламском окружении, езиды на протяжении всего последнего тысячелетия в регионе своего автохтонного проживания испытывают на себе систематические преследования и методичный геноцид. Внедряя внутренние административные ресурсы, устанавливая жесткие правила и лишая людей самого необходимого, исламисты стремились и стремятся заставить езидов отказаться от своей исконной религии и принять ислам, в противном случае непокорных жестоко убивают. Сохранившиеся свидетельства прошлых геноцидов и недавнего геноцида 2014 г. напоминают о том, на какое злодеяние способен человек и к каким трагичным последствиями может привести трансформация религиозных предрассудков в идеологию. Исламская экстремистская идеология ИГ, направленная на тотальное уничтожение представителей немусульманских религий, обернулась для езидов тяжелыми бедствиями и страданиями. Последствия военных преступлений ИГ настолько значительны, что спустя десять лет после нападения езиды остаются в крайне тяжелом моральном и материальном положении, глубоко травмированы преступлениями против них и остаются с многочисленными социальными и политическими проблемами, имеющими решающее значение для их будущего пребывания в регионе и вообще дальнейшего существования как этнорелигиозной общности.

Ключевые слова: езиды, геноцид езидов, терроризм, ИГИЛ, ИГ, ДАИШ, исламизм, Синдjar, курды, Курдистан, Ирак

Для цитирования: Дасни Ю. Р. Езиды Ирака после геноцида ИГИЛ. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 184–195. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-184-195

YAZIDIS OF IRAQ AFTER THE ISIS* GENOCIDE

Yury R. Dasni

Islamism is one of the most significant and tragic phenomena of the Yazidi genocide. Finding themselves in an Islamic environment, the Yezidis have experienced systematic persecution and methodical genocide throughout the last millennium in the region of their autochthonous residence. By introducing internal administrative resources, establishing strict rules and depriving people of the most basic necessities, the Islamists have sought and are striving to force the Yazidis to renounce their original religion and embrace Islam, otherwise the disobedient are brutally killed. The surviving evidence of past genocides and the recent genocide in 2014 reminds us of the atrocities a person is capable of and the tragic consequences that can lead to the transformation of religious prejudices into ideology. The Islamic extremist ideology of the Islamic State, aimed at the total destruction of representatives

---

* Запрещена в РФ

¹ Дасни Юрий Романович, кандидат политических наук, Москва; yudasny@gmail.com
Yury R. Dasni, PhD (Politics), Moscow, Russia; yudasny@gmail.com
ORCID: 0009-0001-1463-3592

of non-Muslim religions, has resulted in severe disasters and suffering for the Yazidis. The consequences of IS war crimes are so significant that ten years after the attack, the Yazidis remain in an extremely difficult moral and financial situation, deeply traumatized by the crimes against them and are left with numerous social and political problems that are decisive for their future stay in the region and in general existence as an ethno-religious community.

Keywords: Yazidis, Yazidi genocide, terrorism, ISIS, IS, Daesh, Islamism, Sinjar, Kurds, Kurdistan, Iraq

For citation: Dasni Yu. R. Yazidis of Iraq after the ISIS genocide. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 184–195. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-184-195

3 августа 2014 г. вооруженная современной военной техникой многотысячная армия Исламского государства² напала на населенный езидами регион Синджар³. Регион расположен на иракско-сирийской границе и состоит из одноименного города и более сотни деревень, разбросанных вокруг подножия горы Синджар. По мнению многих военных экспертов, на момент наступления на Синджар армия ИГ представляла собой одну из самых мощных на Ближнем и Среднем Востоке. По составу она объединяла бывших профессиональных кадровых офицеров и солдат Ирака, многочисленных мусульманских фанатиков и боевиков из многих стран мира, имеющих отличную военную выучку и опыт боевых действий. На то время от одного только названия ИГ содрогался весь мир. В своей резолюции 2249 (2015) Совет Безопасности ООН определил, что ИГ «представляет собой глобальную и беспрецедентную угрозу международному миру и безопасности».

До нападения ИГ на Синджар езиды составляли абсолютное большинство населения региона, но правительство Ирака с целью изменения демографической ситуации и арабизации езидов стало заселять туда арабов⁴. Езиды и арабы жили вместе в городе и в нескольких селениях, многие семьи поддерживали дружеские отношения, охватывающие несколько поколений. Езиды никогда не представляли и не представляют никакой угрозы исламскому миру. Синджар не имеет особых экономических ресурсов и других богатств. Причина нападения на езидов кроется в сложном историческом аспекте. Известно, что целью ИГ было объединение всех мусульманских народов и образование Халифата. Синджар на то время оставался единственным регионом, где компактно в исламском окружении жила одна из крупнейших немусульманских (езидских) общин мира. Их целью была заветная мечта — обратить всех езидов в ислам или полностью уничтожить. Есть и другая причина — антикурдская. Езиды как носители исконной курдской веры и традиции в историческом аспекте играют важную роль в сохранении курдского национального самосознания, а в идеологическом — являются источником курдского национализма.

Перед мощной армией фанатически настроенных головорезов ИГ курдские отряды «пешмерга», призванные защищать Синджар отступили, оставив мирное население на произвол судьбы. Армия Ирака, которая в силу ст. 9 Конституции страны была обязана защищать езидов как граждан страны, не предприняла никаких действий в их защиту. К большой неожиданности для езидов местное арабское население, которое в тяжелые для них дни было любезно принято езидами на их земли

² Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ, арабское название ДАИШ), которое также известно как Исламское Государство (ИГ) — экстремистская исламская группа, создана в 2004 г. в Ираке, провозгласила себя халифатом и стремилась к созданию исламского государства, которое охватывало бы территорию Ирака, Сирии и других мусульманских стран. Группа пропагандировала насилие и терроризм в отношении немусульман, регулярно совершая жестокие нападения и зверства против мирных граждан, признана террористической организацией во многих странах мира, запрещена в РФ.

³ Синджар (курд. Шингар) — исторический регион автохтонного проживания курдов-езидов.

⁴ Исторически Синджар населяли в основном езиды. В 70-е гг. Саддам приказал разрушать езидские селения и переселять их в другие районы Ирака в специально построенные поселки, именуемые «муджамаат», а на езидские земли стали заселять бедных арабов с неплодородных земель юга страны.

и долгое время находилось с ними в дружеских отношениях, вероломно поддержало боевиков ИГ. Оказавшись наедине против армии ИГ, мирное и безоружное езидское население в панике массово подалось в бегство. Те, кто успел бежать, спаслись, оставшиеся и те, кто поверил сторонникам ИГ из местного арабского населения, подверглись чудовищному геноциду. Для того чтобы установить в обществе чувство страха и подчинения, исламисты постоянно проводили показательные казни — пытки, отрезание голов, поджоги людей заживо, разрезания живота у беременных женщин, массовые расстрелы, захоронение заживо и т.п.⁵. Террористы с варварским наслаждением убивали мужчин и зверски насиловали женщин и малолетних девочек на глазах их отцов и мужей. Подробности сексуального насилия и садомазохистских извращений над беззащитными езидками выходят за грани человеческого и мужского достоинства. Боевики ИГ, внедряя в езидское общество свои административные структуры, проводя казни, устанавливая жесткие правила и лишая людей самого необходимого, стремились заставить езидов принять ислам, в противном случае жестоко убивали. Коллективная память езидов хранит множество воспоминаний о кошмарных событиях тех дней. Приведу

*Август 2014 года. Исламское государство атакует езидов в Синджаре (Ирак). Десятки тысяч мужчин, женщин и детей бегут через северо-восток Сирии и оттуда направляются в основном в Иракский Курдистан и немного в курдские районы Турции.
Фото из архива автора*

лишь два примера, рассказанные очевидцами. Одну женщину долго принуждали к сожительству, но, несмотря на пытки, она не соглашалась, тогда боевик выхватил у нее ее малолетнего сына и выбросил во двор под лучи 50-градусной жары. Видя из-за решетки, как под жарким солнцем рыдает и буквально «жарится» ее сын, женщина согласилась. У другой езидки отобрали малолетнего сына, но она не соглашалась на сожительство. Она отказывалась от еды и каждый раз слезно умоляла показать ей сына. Через несколько дней ей принесли суп с мясом и сказали: «Съешь суп, и ты увидишь своего сына». Она буквально проглотила

суп и попросила показать ей сына. Тогда боевик ей хладнокровно ответил: «Ты только что его съела».

Эта чудовищная дикость была остановлена езидскими ополченцами с пришедшими им на помощь отрядами курдских партий — сначала Рабочей партии Курдистана (РПК), Партии Демократического союза (YPD), Демократической федерации Северной Сирии (DFNS), затем новыми отрядами пешмерга Иракского Курдистана и других курдских партий и, конечно, во многом благодаря международной коалиции во главе с США. 11 августа 2014 г. Совет Безопасности ООН принял декларацию, осуждающую преследование меньшинств в Ираке, и предупредил, что эти действия являются преступлением против человечности. За декларацию проголосовали все 15 стран-членов СБ, в том числе Российская Федерация. ООН официально назвала трагедию езидов геноцидом и призвала страны мира также признать их геноцид и срочно принять меры для защиты этой общины, которая на тот момент в Ираке подвергалась жестокому обращению и уничтожению вооруженными силами ИГ. В своем докладе⁶ Комиссия ООН по расследованию престу-

⁵ Подробно см.: An uncertain future for Yazidis: A report marking three years of an ongoing genocide; www.yazda.org

⁶ They came to destroy: ISIS Crimes Against the Yazidis. Human Rights Council Thirty-second session, 15 June 2016.

плений ИГ в Сирии (ЮНИТАД⁷) сделала однозначный вывод, что ИГ стремилось уничтожить езидов посредством убийств; сексуального рабства, порабощения, пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения; создания условий жизни, приводящих к медленной смерти; введения мер по предотвращению рождения детей-езидов, включая насильственное обращение взрослых в ислам; похищение детей-езидов из их семей и помещение их в лагерь боевиков ИГИЛ, тем самым отрезая их от верований и практик их религиозной общины и стирая их идентичность как езидов. Публичные заявления и поведение ИГ и его боевиков ясно демонстрируют, что ИГ намеревалось уничтожить всех езидов Синджара, отказывающихся принимать ислам.

Число убитых, похищенных и пропавших без вести езидов Ирака исчисляется тысячами, однако из-за отсутствия статистики точную цифру никто не знает. По официальным данным Департамента по делам похищенных езидов при правительстве Иракского Курдистана, опубликованным на их сайте 15.02.2021 г., в ходе геноцида было убито по меньшей мере около 1293 езидов, 6417 женщин и девочек были похищены в рабство, 2745 детей остались сиротами, на территории Синджара обнаружено 82 массовых захоронения⁸. По данным езидских организаций, число убитых доходит до 14 тыс. чел., похищенных — до 9 тыс.

Город Синдженар и его окрестности были полностью разрушены. Исламисты в первую очередь уничтожили езидские храмы⁹, общественные здания, дома, дороги, затем инфраструктуру, похищали или уничтожали системы электро- и водоснабжения, телекоммуникационные системы, линии электропередач и трансформаторы, технику и другое инженерное оборудование; сжигали сельскохозяйственные угодья, вырубали фруктовые сады и травили колодцы с водой, чтобы езидам некуда было вернуться. Повсюду после себя боевики расставляли взрывчатые вещества и мины¹⁰.

До нападения ИГ в Синджаре проживало более 550 тыс. езидов. Подавляющее большинство из них в августе 2014 г. достигло Иракского Курдистана, часть бежала в Сирию и Турцию. Из-за их большой численности и безразличного отношения правительства Ирака к их судьбе власти региона Курдистан оказались не в силах должным образом принять беженцев. Люди хаотично были размещены кто где, включая школы, общественные помещения, недостроенные здания и т. п. Поскольку школы и другие общественные помещения были необходимы для своего функционального назначения, региональное правительство постепенно стало перемещать беженцев в специально построенные лагеря для временно перемещенных лиц (ВПЛ).

Прошло десять лет со дня нападения ИГ на езидов Синджара. Многие проблемы езидов все еще остаются не решенными. Многие жертвы все еще числятся пропавшими без вести. Из-за притеснений со стороны боевиков и запрещенных вооруженных групп в Синджаре ситуация в регионе не нормализовалась, и перемещенные лица не смогли вернуться в свои дома. Езиды ожидали (как им было обещано правительством Ирака), что после войны с ИГ будут направлены инвестиции на восстановление Синджара, освобождение его территории от экстремистских группировок и очистку от взрывчатых веществ, которые оставили после себя боевики, спасение оставшихся в плену людей (в т. ч. женщин, находящихся в сексуальном рабстве) и поиск пропавших без вести, но почти ничего из этого до сих пор не сделано. По данным езидской международной организации «Езиди Фондейшн», зарегистрированной в Нидерландах, на ноябрь 2023 г. при разносторонней

⁷ Следственная группа ООН по расследованию и привлечению к ответственности за преступления, совершенные членами ИГ.

⁸ В Курдистане опубликованы последние данные о езидских жертвах геноцида ИГ. URL: https://kurdistan.ru/2021/02/17/news-41328_V_Kurdistane_orepublik.html (дата обращения: 15.03.2024).

⁹ Согласно докладу Департамента по делам езидов при правительстве ИК, боевиками ИГ было взорвано 68 езидских зиккуратов.

¹⁰ Подробно см. в многочисленных материалах ООН на вебсайте: <https://www.un.org/ru/>

помощи удалось освободить 3322 похищенных езидов, из них 1156 женщин, 337 мужчин, 956 девочек и 873 мальчика, более 3000 продолжают находиться в руках террористов ИГ. По сей день город Синджар и его окрестности остаются в руинах. В регионе по-прежнему бесчинствуют различные экстремистские группировки, а территория не очищена от взрывчатых веществ, из-за чего сотни тысяч езидов Синджара до сих пор не могут вернуться на родину и продолжают бедствовать в лагерях для ВПЛ, абсолютно не пригодных для постоянного проживания. По настоящее время в Курдистане проживает более 1 022 293 беженцев, включая 746 174 внутренне перемещенных лиц, причем более 135 000 человек проживают в лагерях, значительную часть из которых составляют езиды¹¹. По данным езидских организаций, в палаточных лагерях, сосредоточенных в Иракском Курдистане, находятся более 260 тыс. езидов. Люди нуждаются в удовлетворении самых элементарных потребностей, страдают от недостатка еды, чистой воды, медикаментов. Условия их жизни ужасны. В этом лично убедилась научная экспедиция, организованная ИВ РАН в Иракский Курдистан в марте 2019 г. в составе директора центра езидских исследований Дасни Ю. Р., научных сотрудников ИВ РАН Вертяева К. В., Раванди-Фадаи Л.М. и Жигульской Д. В. В ходе экспедиции нами были посещены три езидских лагеря для ВПЛ (один 21.03.2019 в местечке Дара шакран по дороге в г. Духок и два 22.03.2019 в районе г. Баадра), где нами были проведены многочисленные интервью с езидскими беженцами разного возраста, в том числе с малолетними детьми.

Сравнивая увиденное нами в 2019 г. с информацией на июль 2024 г., видно, что за эти годы мало что изменилось. До сих пор в лагерях беженцы живут в палатках из полиамидных и полиэфирных материалов, которые совершенно не пригодны для проживания (летом перегреваются, а зимой не держат тепло); кругом антисанитария, отходы утилизируются несвоевременно; много опасных насекомых и грызунов; количество мест общего пользования (кухонь, туалетов и душевых) недостаточно; часто отключается электричество; не хватает медперсонала; среди беженцев распространены различные заболевания; тысячи больных и инвалидов нуждаются в лечении, сотни — в хирургических операциях; среди беженцев есть много людей, страдающих психическими расстройствами, в первую очередь это девочки и женщины, которые освободились из рабского плена, а также сироты и одинокие люди, потерявшие своих близких. Эти люди крайне нуждаются в помощи и реабилитации.

Печальная ситуация сложилась с похищенными женщинами и девочками. По оценкам депутата парламента Ирака Виан Дахил¹², «в сексуальном рабстве остаются около 2 тысяч езидских женщин и девочек, которых боевики ИГ постоянно подвергают сексуальному насилию и перепродают как рабынь. Около 3 тыс. детей в ходе геноцида остались сиротами, сотни пожилых людей остались без семьи и поддержки».

В интервью Х. Омархали профессор Ян Кизилхан¹³, который в рамках германского проекта был направлен в Ирак для оказания психологической помощи женщинам-езидкам, освобожденным после захвата и порабощения ИГ, и провел среди них много работы, в частности, отметил: «Террор

¹¹ The Kurdistan Regional Government's Ongoing Commitment: 10th Anniversary of Yazidi Genocide and Pursuit of Justice. URL: <https://gov.krd/ocia-en/activities/news-and-press-releases/2024/august/the-kurdistan-regional-governments-ongoing-commitment-10th-anniversary-of-yazidi-genocide-and-pursuit-of-justice/> (дата обращения: 04.08.2024).

¹² Депутат иракского парламента езидского вероисповедания. 5 августа 2014 г. в условиях беспощадного отношения ИГ к езидам в Ираке В. Дахил на экстренном заседании парламента Ирака прорвалась к микрофону и обратилась к коллегам с призывом об оказании экстренной помощи езидам Синджара. В ответ спикер парламента Салим аль-Джабури несколько раз прерывал ее речь, а некоторые депутаты выкрикивали оскорбительные слова в ее адрес, но она слезно продолжала умолять коллег и просила проявить гуманность и спасти езидов, оказавшихся на грани тотального уничтожения. Ее голос был услышан во всем мире. Двумя днями позже, 7 августа 2014 г., президент США Барак Обама, объявляя о начале войны в Ираке и оказании гуманитарной помощи езидам Ирака, сказал: «На этой неделе одна жительница Ирака прокричала на весь мир — никто не приходит нам на помощь, сегодня на помощь им пойдет Америка».

¹³ Ян Кизилхан является главой кафедры психического здоровья и наркологии Госуниверситета Баден-Вюртемберга, Германия.

ИГ вызвал хроническую тревогу и ужас у освобожденных женщин и детей езидов. Жестокие убийства, издевательства, насилие, продажи в рабство, обезглавливание людей оставили неизгладимую травму в их душе. Боевики не просто совершали преступления, но и снимали их на камеры и показывали эти кадры в онлайн-сетях. Этот новый вид исламского терроризма ИГ превосходит человеческое понимание жестокости и страданий. Помимо насилия, женщин и детей подвергали ежедневной идеологической обработке, чтобы вызвать ненависть к езидскому обществу и убивать тех, кто отказывается присоединиться к ИГ. Эти женщины тяжело травмированы, испытывают постоянную тревогу, страх, безнадежность и стыд из-за того, что их изнасиловали, и часто думают о самоубийстве, а некоторые из них уже покончили с собой. Они остро нуждаются в медицинской и психологической помощи, что, к сожалению, малодоступно в Курдистане. Из-за неуверенности в завтрашнем дне, обеспокоенности тем, что их дети в этих условиях не выживут, большинство езидов Синджара желают покинуть Ирак, чтобы выжить [Omarkhali, 2016, pp. 148–154].

Такого же мнения другой езидский исследователь Саад Салум: «Большинство езидов сегодня думают об эмиграции, потому что у них нет альтернативного варианта, обеспечивающего стабильность. Важно осознать, что прямое насилие и нападения на езидов не являются главными причинами миграционного вызова; скорее есть другие причины, такие как социальная дискриминация, подъем воинствующего ислама, потеря доверия к окружающим их людям и надежды на лучшее будущее. Даже те езиды, которые проживают за пределами территорий, которые не были захвачены ИГ и которые не подвергались непосредственному насилию, из-за страха за свое будущее продают свою собственность и эмигрируют навсегда» [Salloum, 2016, p. 122].

Весьма остро стоит детская проблема. У многих детей, переживших геноцид, сильно подорваны психика и здоровье. Одно поколение выросло, другое растет в этих ужасных палаточных условиях и кроме страданий и нужды почти ничего хорошего не видит. В лагерях недостаточно школ, имеется нехватка преподавательского состава, обучение ведется на примитивном уровне. Из-за недостатка образования и пребывания в замкнутом регрессивном пространстве, несколько поколений детей оказались оторванными от цивилизованного мира и имеют туманное будущее.

Есть серьезные социальные проблемы — это безработица и дискриминация по религиозному признаку. Ни для кого не секрет, что многие мусульмане в регионе плохо относятся к иноверцам, особенно к езидам. Их не берут на работу, а если берут, то на тяжелую, непопулярную и низкооплачиваемую работу, им сложнее получить высшее образование. В целом отношение к езидам со стороны мусульман высокомерное и неуважительное, поэтому им сложно жить, а тем более развиваться в среде мусульманского общества¹⁴.

Из-за бесконечно тяжелых условий жизни, отсутствия работы и средств к существованию, надежды на светлое будущее среди езидских беженцев зарегистрировано множество случаев самоубийств. Многие езиды, окончательно потеряв надежду обустройство на родине, пошли в эмиграцию. Тысячи из них, которые намерены попасть в Европу и просить убежища, застряли на границах Турции, Греции и других стран и живут в нищете. По данным езидских организаций, за эти годы более 120 тыс. езидов были вынуждены эмигрировать из Ирака в европейские страны (в основном в Германию, где бундестаг официально одобрил предоставление езидам Ирака убежища). Конечно, тем, кому удалось вырваться в Европу, повезло, но и они остаются жить на чужбине в относительно сложных материальных условиях и с нарушенной психикой, с трагической памятью о родной земле, залитой кровью родных и близких, и надеждой туда вернуться. Они нуждаются в реабилитации,

¹⁴ Подробно о социально-экономическом и политическом положении езидов в Ираке см. в отчете Езидской международной организации «Язда» на сайте: www.yazda.org: An uncertain future for Yazidis: A report marking three years of an ongoing genocide, с. 18–31.

работе, моральной и материальной поддержке. Среди них есть и те, кому пока не удалось обустроиться, они скитаются по миру в поисках убежища и обречены на нищенское существование.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что езиды не могут вернуться на свою родину по нескольким причинам.

- Во-первых, несмотря на обещания и функциональную обязанность правительства Ирака, в Синджаре до сих пор не только не восстановлена инфраструктура, но даже руины не расчищены.
- Во-вторых, там небезопасно. В регионе все еще присутствуют бывшие члены ИГ и другие экстремистские вооруженные группировки, а также множество оставленных повсюду боевиками ИГ взрывчатых веществ, что сильно препятствует проведению жителями самостоятельных восстановленных работ.
- В-третьих, из-за отсутствия инфраструктуры и безопасности люди не могут найти работу или начать свой бизнес, следовательно, лишены источника существования.

Как видно, иракское правительство не выполняет и не собирается выполнять свои государственные обязательства по оказанию необходимой помощи своим гражданам езидского вероисповедания, не работает над освобождением Синджара от преступных вооруженных группировок, восстановлением инфраструктуры и возвращением перемещенных лиц в их дома. Курдское региональное правительство и население Курдистана оказывали и оказывают езидским беженцам посильную помощь, но учитывая большое число беженцев и ограниченные возможности курдской автономии, эта проблема требует внешней поддержки¹⁵. Сами беженцы, лишившиеся всего нажитого и живущие в лагерях для ВПЛ, средств для восстановления своих домов и приобретения необходимых для жизни предметов не имеют (их имущество — мебель, бытовая техника, посуда, одежда и др., оставшиеся у них дома, сначала были разграблены боевиками ИГ, а все остальное после них — арабами ближайших деревень).

Очевидно, что в условиях отсутствия гарантии безопасности возврат езидов Синджара на родину и проживание там может быть невозможным, дискриминация может продолжаться, а геноцид повториться. Для решения этого вопроса необходимо вмешательство ООН и международного сообщества. Безусловно, ООН и международная коалиция во главе с США помогли остановить геноцид и спасти многим езидам жизнь. Целевые гуманитарные программы помогли многим беженцам выжить, а некоторым иммигрировать в западные страны, но, к сожалению, международное сообщество не завершило миссию защиты — не остановило трагедию и косвенное уничтожение езидов. Возвращение езидов на родину и дальнейшее их существование во многом зависит от решения вопросов безопасности в Синджаре и толерантности в Ираке, которые могут быть достигнуты только совместными усилиями, с участием Ирака, ООН и международного сообщества. Учитывая сложные исторические отношения мусульман с езидами, кардинальное решение этого вопроса возможно только путем определения особого статуса езидского региона, например, в виде автономии в составе Ирака или саморегулируемой провинции (культурной автономии) в составе Иракского Курдистана, а в случае недостижения соглашения между Багдадом и Эрбилем — под эгидой ООН или иной международной организации. Тем более что резолюция Европарламента № 2016/2956 разрешает меньшинствам, которые пострадали в результате международного преступления (геноцида) и стали жертвами ИГ, ради их безопасности право на автономию¹⁶.

¹⁵ Подробно о деятельности Курдского регионального правительства по поддержке курдов-езидов см. на официальном сайте: <https://gov.krd/english/>

¹⁶ European Parliament resolution of October 27, 2016, on the situation in Northern Iraq/Mosul, Resolution No. 2016/2956, October 27, 2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-%2F%2FEP%2F%2FTTEXT%2FTA%2FBP8-TA-2016-0422%2B0%2BDOC%2BXML%2BV0%2F%2FEN&language=EN> (дата обращения: 21.09.2023).

Фрэнсис О'Коннор и Роза Бурч по этому вопросу пишут: «Международное сообщество может внести свой вклад в долгосрочное решение проблемы езидов, переживших геноцид, продвигая политическое решение, которое позволит беженцам-езидам в Ираке и Европе вернуться на свою традиционную родину. Непосредственным краткосрочным приоритетом должно стать определение иракским правительством правового статуса региона Шенгал, например, провинции или автономии в конституционных рамках Иракской федеральной системы. Это обеспечило бы езидскому населению политическое признание, наделило бы его местное самоуправление и облегчило бы участие в процессах принятия политических решений, касающихся сообщества. Учитывая, что езиды превратились в территориально раздробленную общину и остро нуждаются в безопасных пространствах, культурной и политической автономии, вопрос о том, будет ли эта автономия находиться под контролем центрального иракского или курдского регионального правительства, должен быть рассмотрен на более позднем этапе [O'Connor, Burç, 2021, p. 4].

Есть также проблема с признанием геноцида. Несмотря на всеобщее декларативное признание мировым сообществом действий боевиков ИГ как геноцида езидского меньшинства и призыв ООН к мировому сообществу признать действия ИГ в отношении езидов геноцидом¹⁷, на июль 2024 г. геноцид езидов, по нашим данным, официально признали ООН (2016) и всего 15 стран мира. Среди них: Австралия (2018), Армения (2018), Бельгия (2021), Великобритания (2016), Германия (2023)¹⁸, Ирак (2021), Иракский Курдистан (2019), Канада (2016), Люксембург (2022), Нидерланды (2021), Португалия (2019), Сирия (2016), США (2016), Франция (2016), Шотландия (2017).

Между тем международное признание геноцида для езидской общины имеет не столько принципиальное или моральное, сколько превентивное значение. Езиды, пережившие не один геноцид, считают, что признание геноцида со стороны всех или большинства стран мира может серьезно предупредить «джихадистов» от повторного его совершения. По этому поводу Э. Шпет пишет: «Сам факт признания геноцида вряд ли изменит то, что произошло. Однако многие езиды считают, что от этого решения зависит их возможное спасение как общины в будущем. Езиды утверждают, что если геноцид будет официально признан, то они будут иметь «право» просить о своей автономии и, более того, они будут иметь право на защиту со стороны международных войск, «голубых беретов» ООН. (Хотя есть примеры того, что такие войска были малоэффективны в Боснии и других местах и были отвергнуты). Они заявили, что больше не доверяют курдским войскам. Единственным решением всегда была международная защита. Даже некоторые езиды из Курдистана заявляли, что они переедут в такой автономный регион, если это будет реализовано, потому что лучше жить вдали от мусульман [Spät, 2017, p. 8].

На самом деле международное признание геноцида очень важно не только для езидов, но и для всего человечества, поскольку это эффективный способ предупредить повторение новых преступлений геноцида не только против езидов, но и других меньшинств в будущем. Только

¹⁷ В рапорте Комиссии ООН по расследованию преступлений ИГ в Сирии «They came to destroy: ISIS Crimes Against the Yazidis», Human Rights Council Thirty-second session, 15 June 2016, размещенном на официальном сайте УВКПЧ, говорится: «Международное сообщество должно признать, что ИГ совершает преступление геноцида против езидов, и предпринять шаги, чтобы ситуация была рассмотрена органами правосудия, в том числе Международным уголовным судом или временным трибуналом». URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/ColSyria/A_HRC_32_CRP.2_en.pdf

¹⁸ Германский бундестаг не только признал геноцид езидов, но и все депутаты единогласно призвали правительство ФРГ способствовать расследованию преступлений против езидов на территории своей страны. Также представители всех фракций единогласно высказались за продолжение предоставления езидам убежища в Германии. Кроме того, ФРГ стала первой страной в мире, где свершился акт законного возмездия и виновный в геноциде езидов был привлечен к уголовной ответственности. 30 ноября 2021 г. Высший земельный суд во Франкфурте вынес приговор, в котором признал одного из бывших членов вооруженной группировки ИГ Таху Аль-Джея, арестованного в Германии, виновным в геноциде и преступлениях против человечности.

принцип неминуемости и неотвратимости наказания может сделать так, чтобы геноцид в мире никогда и нигде не повторился.

Важным историческим актом справедливости также является привлечение преступников ИГ к уголовной ответственности за совершенные ими злодеяния. Несмотря на обещания международного сообщества и рекомендации ООН, по настоящее время очень мало кто из преступников ИГ привлечен к ответственности. Между тем в своем докладе Комиссия ООН, ссылаясь на обязательства государств по Конвенции о геноциде¹⁹, дает важные рекомендации правительствам Сирии и Ирака и международному сообществу по защите и опеке езидской общины Синджара, Комиссия повторно обратилась к Совету Безопасности срочно передать преступления в Синджаре в Международный уголовный суд или учредить специальный трибунал с соответствующей географической и временной юрисдикцией для привлечения виновных к ответственности.

В пресс-релизе 02.07.2024 Премьер-министр КРП Барзани вновь заявил о своей поддержке законных требований езидского народа, подчеркнул: «Чрезвычайное положение в Синджаре должно быть прекращено и соглашение по Синджару должно быть полностью выполнено. Ополченцы и незаконные силы в регионе должны быть выдворены, чтобы мы могли восстановить регион и восстановить власть коренного народа Синджара при поддержке иракского федерального правительства и международного сообщества. Также он отметил, что при международной поддержке расследования преступлений были предприняты усилия по созданию специального трибунала для преследования террористов ИГИЛ за преступления, совершенные ими против человечности. Однако эти усилия не получают должной поддержки со стороны федерального правительства»²⁰.

Однако правительство Ирака, на территории которого был совершен геноцид и где геноцид юридически признан его парламентом в 2021 г. и принят «Закон о выживших езидах», предусматривающий госпрограмму, направленную на реализацию прав выживших езидов и возмещение им ущерба, основные условия до сих пор не выполнило. Вопрос не только в глобальном — восстановлении Синджара и возврате беженцев, но и в гражданских и политических правах. Многие езиды Ирака жалуются на дискриминацию и ущемление их прав. Так, в интервью агентству «Arab News» женщины-езидки выразили обеспокоенность тем, что в Ираке и Курдистане с езидами обращаются как с гражданами второго сорта и, несмотря на историю жестокого террора со стороны ДАИШ, не было предпринято никаких усилий по привлечению виновных к ответственности и устранению дискриминации²¹.

В своем выступлении перед Советом Безопасности ООН в 2017 г. Карим Хан²², в частности, отметил: «ЮНИТАД собрала множество убедительных доказательств того, что члены ИГ совершили геноцид в отношении езидской религиозной общины, жестокие преступления, включая казни, пытки, отсечение конечностей, изнасилование женщин и девочек и обращение их в сексуальное рабство. Распространение видео и фото боевиками ИГ убийств и казней езидов свидетельствует о том, что боевики ИГ не скрывали своих намерений совершить геноцид против них. Признание факта геноцида езидов является большим шагом вперед в поисках справедливости».

¹⁹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948 г.

²⁰ KRG Prime Minister Reiterates Support for the Yazidis, Calls for End to Sinjar Emergency Situation and Implementation of Sinjar Agreement. URL: <https://gov.krd/english/government/the-prime-minister/activities/posts/2024/july/krg-prime-minister-reiterates-support-for-the-yazidis-calls-for-end-to-sinjar-emergency-situation-and-implementation-of-sinjar-agreement/>

²¹ Nadia Al-Faour. Yazidi genocide anniversary serves as grim reminder of Daesh's crimes against humanity. URL: <https://www.arabnews.com/node/2134821/amp>

²² Карим Хан, Специальный советник ген. секретаря ООН, глава ЮНИТАД.

К сожалению, на сегодня, несмотря на международно признанную Конвенцию о геноциде и обещания о привлечении виновных к уголовной ответственности за геноцид и преступления против человечности, огромную работу ЮНИТАД по сбору материалов и доказательств преступлений геноцида в отношении мирных езидов для привлечения террористов ИГ к уголовной ответственности, международный суд над ними так и не состоялся.

В результате этого крупного и продолжающегося чудовищного преступления сегодня многие езиды Синджара находятся на грани тотального уничтожения и все еще актуален вопрос: кто спасет езидов Ирака? Мы живем во взаимозависимом мире, в котором чужого горя не бывает. Свобода не может существовать без ответственности. Трагедия одного народа по инерции затрагивает другие народы. Каждый из нас должен понимать, что никогда не будет мира, пока не будет согласия между народами, и делать все возможное, чтобы оградить будущие поколения от проявлений ксенофобии. С моральной точки зрения гуманность и человеколюбие являются основой любой религии, и в том числе ислама. Так, Джамаль Крафесс — гендиректор благотворительной организации «Исламская помощь» в статье «Ислам и гуманитарная помощь» пишет: «Для мусульман акты милосердия являются одним из важных элементов религиозной практики. Во многих сурах Корана и высказываниях пророка Мухаммеда содержится определение гуманитарных актов, а также призывы их совершать. Они носят обязательный и рекомендательный характер и не исключают не мусульман из числа получателей гуманитарной помощи» [Красный Крест, 2005, т. 87].

Это не первый джихад²³ против езидов. Согласно езидской памяти, в 2014 г. против их общины был совершен 74-й геноцид. До прихода ислама в Месопотамию езиды, будучи автохтонным населением современного Курдистана, составляли большинство населения этой страны. В результате исламской религиозной политики на сегодняшний день они являются религиозным меньшинством и одной из самых преследуемых общин в регионе. В сложившейся трагической ситуации езидская община мира возлагает большие надежды на ООН и международное сообщество. Очевидно, что езидское религиозное меньшинство Ирака сможет продолжить свою жизнь в этой стране только в том случае, если ему будет гарантирована международная защита или образовано безопасное пространство. Пока еще живы езиды — потерпевшие и свидетели трагедии, мир просто обязан принять превентивные меры, чтобы злодеяния этого геноцида не канули в лету, как предыдущие множества преступлений против этой общины. Нельзя оставлять это бесчеловечное преступление без наказания. Мы все несем ответственность за то, чтобы террористам был преподнесен жестокий урок, иначе подобные чудовищные преступления в будущем могут повториться с любым народом независимо от вероисповедания. В силу сложившихся обстоятельств только международное сообщество может помочь езидам в защите их человеческих прав, повлиять на Багдад, чтобы решить проблему Синджара, начать работу над его освобождением и помочь перемещенным лицам с возвращением на родину. В гуманитарном контексте помощь езидам Ирака в восстановлении Синджара и их возвращении на родину является гуманным долгом всего мирового сообщества.

Литература/ References

Крафесс Дж. Ислам и гуманитарная помощь. *Международный журнал Красного Креста*. 2005. Т. 87. № 858. С. 121–140 [Krafess Jamal, Islam and Humanitarian Aid. *International Review of the Red Cross*. 2005. Vol. 87. No. 858. Pp. 121–140 (in Russian)].

Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства». *Вестник МГИМО*. 2015. № 2(41). С. 174–183 [Fedorchenko A. V., Krylov A. V. The phenomenon of the “Islamic State”, *MGIMO Bulletin*. 2015. No. 2(41). Pp. 174–183 (in Russian)].

²³ Джихад у мусульман, предписанная Кораном священная война против иноверцев с целью обращения их в ислам.

Cheterian V. ISIS genocide against the Yazidis and mass violence in the Middle East. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2019.

Dinnayi M. *Recognizing Yazidi Genocide: Perspectives and Challenges of Initiating an (Inter) National Tribunal for the Crimes of ISIS against Yazidi Minority*. Maastricht, 2019.

Spät E. Yazidi Identity Politics and Political Ambitions in the Wake of the ISIS Attack. *Cultural Heritage Studies*. Budapest, 2017.

O'Connor F. and Burç R. Endangered future: Yazidis in Post-Genocide Iraq and the Need for International Support. *PRIF Spotlight*. 2020. No. 3.

Porkka J. *Terrorism and Genocide. The Islamic State and the Case of Yazidis*. Uppsala, 2017.

Dil Afroz M. *The crimes of ISIS: A comparative case study between the Islamic Law of Armed Conflict and International Humanitarian Law*. Geneva, 2019.

Omarkhali K. Transformations in the Yazidi Tradition after the ISIS Attacks. An Interview with Ilhan Kizilhan. *Kurdish Studies*. 2016. No. 4 (2). Pp. 148–154.

Salloum S. *Êzidis in Iraq. Memory, Beliefs and Current Genocide*. Baghdad, 2016.

Salloum S. *Media and Minorities issues in Iraq*. Copenhagen, 2019.

Zagoritou K. Yazidis — attempts to recover and struggle to survive in post-ISIS era. *Middle East Bulletin*. 2019. Vol. 36. Pp. 33–36.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Боевики ИГИЛ совершили геноцид против езидов и мусульман-шиитов в Ираке — следователи ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/05/1402712>. (дата обращения: 03.01.2024).

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml. (дата обращения: 03.01.2024).

Международная коалиция во главе с США против «Исламского государства». РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151002/1295279757.html> (дата обращения: 03.01.2024).

Ситуация в отношении Ирака. Доклад СБ ООН на 7314-е заседание 18.02.2014. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/634/87/pdf/n1463487.pdf?token=UF7JW63LXbsJqrGEMk&fe=true> (дата обращения: 13.01.2024).

Следственная группа — о прогрессе в преследовании боевиков ДАИШ, участвовавших в геноциде езидов. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1428892> (дата обращения: 13.01.2024).

Этнические меньшинства иракского Курдистана массово заканчивают жизнь самоубийствами. URL: <https://www.gumilev-center.ru/ehnticheskie-menshinstva-irakskogo-kurdistana-massovo-zakanchivayut-zhizn-samoubijstvami/>. (дата обращения: 15.01.2024).

An uncertain future for Yazidis: A report marking three years of an ongoing genocide, 2017, Published on the website: URL: www.yazda.org. (дата обращения: 15.01.2024).

American-led intervention in Iraq (2014-present). URL: [https://ru.wikibrief.org/wiki/Americanled_intervention_in_Iraq_\(2014%E2%80%93present\)#Obama_authorizes_airstrikes](https://ru.wikibrief.org/wiki/Americanled_intervention_in_Iraq_(2014%E2%80%93present)#Obama_authorizes_airstrikes) (accessed: 13.01.2024).

UN monitors demand urgent action to stop Yazidi 'genocide'. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/amp/un-monitors-demand-urgent-action-to-stop-yazidi-genocide-70340>. (accessed: 13.01.2024).

Isis may be gone but we are handing them a victory over the Yazidi people they tried to destroy. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/isis-yazidi-genocide-syria-iraq-mental-health-ptsd-a9044956.html> (accessed: 13.01.2024).

Britain Formally Recognizes Yazidi Genocide by IS. URL: <https://europeanconservative.com/articles/news/britain-formally-recognizes-yazidi-genocide-by-is/>. (accessed: 13.01.2024).

Ewelina U. Ochab, Can The Peshmerga Fighters Be Held Liable For Abandoning The Yazidis In Sinjar? URL: <https://www.forbes.com/sites/ewelinaochab/2017/07/31/can-the-peshmerga-fighters-be-held-liable-for-abandoning-the-yazidis-in-sinjar/amp/> (accessed: 13.01.2024).

Germany to formally recognize Yazidi Genocide by ISIS. URL: <https://npasyria.com/en/90746/> (accessed: 13.01.2024).

They came to destroy”: ISIS Crimes Against the Yazidis. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/CoISyria/A_HRC_32_CRP.2_en.pdf (accessed: 14.01.2024).

Will The Yazidi Nightmare Ever End? URL: <https://www.albawaba.com/amp/slideshow/will-yazidi-nightmare-ever-end-1371744>. (accessed: 14.01.2024).

Yazidi genocide anniversary serves as grim reminder of Daesh’s crimes against humanity. URL: <https://www.arabnews.com/node/2134821/amp> (accessed: 13.01.2024).

Statement by Prime Minister Masrour Barzani on the draft law on a special criminal court for ISIS crimes. URL: <https://gov.krd/english/government/the-prime-minister/activities/posts/2024/july/kgp-prime-minister-reiterates-support-for-the-yazidis-calls-for-end-to-sinjar-emergency-situation-and-implementation-of-sinjar-agreement/> (accessed: 02.07.2024).

UN has 8 million documents proving ISIS crimes. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1441777> (accessed: 02.02.2024).

A childhood of fear: The impact of genocide on Yazidi children in Sinjar URL: <https://www.savethechildren.org.nz/assets/Files/Reports/A-Childhood-of-Fear.pdf> (accessed: 02.07.2024).

THE ROLE OF THE INSURGENT STATES IN KURDISH NATIONAL MOVEMENT

© 2024

Kirill V. Vertiaev¹

This paper studies the phenomenon of the insurgent states (IS) and possibilities for extrapolation of this political paradigm on the Kurdish national movement. Author states that an IS is highly unlikely to emerge as a result of a social, stadial, dialectical, and political development. The insurgent state is a political phenomenon, first of all is a result of some traumatic affairs: civil war, intervention, revolution, coup d'Etat, collapse of the Soviet Union, Yugoslavia etc. Each IS manifests crisis in the principles of the statehood, fragmentation of political space, which may also be provoked by internal reasons. The author argues that the Kingdom of Kurdistan (1919-1924) led by Mahmoud Barzanji and his rebels, was a typical insurgent state fighting with Ottoman Empire on its dusk and British colonial rule lately, and its insurgent tradition politically has become extrapolated upon recent insurgences in Kurdistan including Ararat Republic (1930), Dersim rebellion in Turkey (1937-1938) and the September uprising led by Moustafa Barzani in Iraq since 1961.

Keywords: Kurdistan, insurgent state, insurgents, Kurdish national movement

For citation: Vertiaev K. V. The Role of the Insurgent States in Kurdish National Movement. *Vestnik Instituta vostokovedeniija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 196–204. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-196-204

РОЛЬ ПОВСТАНЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В КУРДСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

К. В. Вертяев

В данном докладе, представленном на английском языке, изучается феномен повстанческих государств (ПГ) и возможная экстраполяция их политического опыта на курдское национальное движение. Автор утверждает, что ПГ никогда не возникает в результате социально-стадиального диалектического, политического развития. Повстанческое государство — это политический феномен, прежде всего возникающий в результате травмирующих событий: гражданской войны, интервенции, революции, государственного переворота, распада Советского Союза, Югославии и т. д. Каждое ПГ проявляется в кризисе принципов государственности, является результатом фрагментации политического пространства, которая может быть спровоцирована и внутренними причинами. Автор утверждает, что Королевство Курдистан (1919–1924), созданное Махмудом Барзанджи и его повстанцами, было типичным повстанческим государством, воевавшим с Османской

---

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezh@mail.ru

Kirill V. Vertiaev, PhD (Politology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kitezh@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3533-3684

империей на ее закате и британским колониальным правлением в последующие дни, а его повстанческая традиция может быть экстраполирована на последовавшие повстанческие движения в Курдистане, включая Араратскую Республику (1927–1931), Дерсимское восстание в Турции (1937–1938) и сентябрьское восстание под руководством Мустафы Барзани в Ираке с 1961 по 1975 г.

Ключевые слова: Курдистан, повстанческое государство, повстанцы, курдское национальное движение

Для цитирования: Вертяев К.В. Роль повстанческих государств в курдском национальном движении. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 196–204. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-196-204

In my presentation, I would like to pay specific attention to what is called an insurgent state (IS) in modern Politology. I think it is useful to analyze and discuss how this definition may be extrapolated on the history of the Kurdish insurgency at least since the end of the WWI.

First of all, there are certain misunderstandings in terms of the Insurgent State in Russian, English, Turkish (*isyancı devlet*) and Kurdish (*dewleta serbîlder*) languages. In English both *insurgent states* or *rebellion states* refer to the same forms of proto-state formations, while the Russian literature identifies them as “a type of quasi-state formed as a result of an incidental actual secession” [Popov, 2012, 76] or the “territories under the full control of the opponents of the central government in the country (i. e., rebels)” [Turovsky, 2016]. This does not fully embrace all their specifics, which currently has a very significant research background especially in a light of the example of Kurdish insurgency.

The international community often mislabels a country that faces insurgent, secessionist movement or rebellion and governs itself without national sovereignty over its territory (or any part of it) as a failed state. This misdiagnosis is the result of a single viewed interpretation of the essence of political science, which advocates centralized, comprehensive governments as the norm instead of historical exceptions. This concept of “idealized state” leads policymakers to prioritize and resort to a military response, such as that has resulted in the war in Ukraine since 2014 when typical insurgences, namely Donetsk and Lugansk, self-proclaimed republics, have provoked Russian military intervention in 2022, which have let to actual secession of Russian speaking regions of Ukraine. On the other hand, pragmatic thinking about reunification of the periphery (rebels) and the center would have yielded more useful opportunities for preventing such military conflicts.

Insurgent state may built itself on existing informal institutions: economic, governance, and judicial, for example in order to increase security and stability to let the people to follow it. These priorities may lead to a stable mix of both centralized and decentralized decision-making power: what may be called mediated [Ucko, 2022] or aggregated states [Bogaturov, Vinogradov, 2002].

In English literature the concept of IS was developed by American geographer D. McColl (“Insurgent State”, 1969). The key concept of studying IS is the rebels’ control over the territory or what is called a territorial imperative, which bears definition of a statehood by means of creation of insurgent bases in the country. This concept was influenced by the Mao Zedong’s view on the revolutionary insurgency, that resulted in creation of the Peoples Republic of China (except Taiwan) in 1949 and for some period, the Communist China has become the iconic accomplished insurgent state till 1976 when it was officially recognized and seated in UN. Considering these definitions, we can see an unstoppable list of IS’s in the world now, that correspond to this definition which have emerged over the complete insurgent’s territorial control with a support of relatively loyal locals, local elites, and formation of their own self-defense structures (or national liberation movements) by means of insurgency, that may also be enforced by territorial police, armed forces, self-defense and self-government bodies, tax collection, formation of a parallel economy etc. (let us call them the IS of second level).

In this way, it is necessary to mention that the former leader of the Patriotic Union of Kurdistan (PUK) and former Iraqi president Jلال Talabani and the leader of PKK Abdullah Ocalan were aware of Maoist theory of the stadial insurgent war, and have read Mao Zedong's books [Talabani, 2018]. The theory of the "Socialist Kurdistan" as it was developed in works written by Ocalan in the 1970s had very many tactical and strategic features of Maoist approaches to the insurgency [Ocalan, 1998].

This pattern was also characteristic of the "Era of insurgency" of the 1940–1960s. Since then, modern national revolutions have adopted the creation of a territorially based "anti-state" as their primary tactic (IS) within a state. This mechanism represents the creation of territorial units with all the attributes of any legitimate state, control over territory and population and, in particular, the creation of its own main regions and administrative units. In fact, it is useful to view modern national revolutions as a process of evolution of a territorially determined political unit in a politically hostile territory [McCull, 1969, p. 619].

The source of emerging of any insurgent state is a rebellion, revolt; IS cannot emerge because of a social stadial dialectical development. The insurgent state is a political phenomenon, first of all is a result of some traumatic affairs: civil war, intervention, revolution, coup d'état, collapse of the Soviet Union, Yugoslavia etc. Each IS manifests crisis in the principles of the statehood, fragmentation of political space, which may also be provoked by internal reasons. In a purely legal sense, the formal rule of law of the state does not extend to areas of rebel control and a rebellion state exists due to the legal principle "ex facto jus oritur" [Mampilly, 2011, p. 40].

The emergence of insurgency can be traced worldwide and guerrilla and insurgent movements have fought foreign occupation forces throughout history. During the Napoleon wars in Spain in 1812 (which is referred to as the Peninsular War in British literature since then) Britain provided aid to the Spanish guerrillas, tying down tens of thousands of French troops. Encouraged by the spontaneous mass resistance against Napoleon in Spain, the British backed the guerrillas because it cost them much less than equipping British soldiers to face the French in conventional warfare. The Peninsular War was one of the most successful partisan wars in history and was where the Spanish term "guerrilla" was first used in its modern context in English. The rebels in Sudan (1881–1898) under the leadership of Muhammad Ahmad bin Abdullah bin Fahal who claimed to be a Makhdi, the Afrikaner Republics in the Second Boer War from 1899 to 1902 in South Africa — all employed guerrilla tactics with de-facto creating insurgent state and extensively after being defeated by British Army. After the military failure of the Easter Rising in 1916, the Irish Republican Army (IRA) also resorted to guerrilla tactics during the Irish War of Independence from 1919 to 1921. These conflicts document the presence of insurgencies throughout the history of warfare.

Better known as guerrilla warfare during the 19th and early 20th century, insurgency was employed by indigenous groups from defeated armies in opposition to foreign or colonial occupation.

As we will see below, the emergence of such rebel states was facilitated by the unsettled territorial separation of cultural, ethnic and religious identities, which led to uprisings under various slogans. Thus, the Kingdom of Kurdistan had the characteristics of a rebel state, the original source of which was a rebellion against Ottoman rule, however, as we will see, since 1919, the British occupational authorities has become Mahmoud Barzanji's main antagonist.

Nevertheless, many researches consider IS existing since WWII [McCull, 1969, Jones, 2016]. However, it is important to examine this phenomenon from the point of the insurgents. Such approach was developed in Seth Jones' "Waging Insurgent Warfare: From Vietcong to Islamic State" studying irregular warfare from the insurgents' perspective since the end of WWII. This work correlates different characteristics of insurgencies with their outcomes [Jones, 2016]. It brings to conclusion that in terms of Kurdish

national movement it is desirable to know how insurgents are adapting in response to current trends to catch a fundamental change in the security environment.

Emergence of insurgent states shows a crisis of the Westphalian system that has at least 300 years history. The Westphalian system established territorial control as a source of national sovereignty. But further emergence of national liberation movements worldwide has established the modern terms of the national sovereignty (when the people is the source of the power). As history shows, once a state is recognized by international community as an independent state (Uruguay in 1825) or gains its official status within the jurisdiction of the parent state (Iraqi Kurdistan in 2005), it loses its identity as an IS. Also Palestine is not an IS as it is officially recognized by UN.

All insurgent states are illegal in terms of jurisdiction of the parent state; they either exist in a form of armed conflict with it, or just struggle for the loyalty of citizens on their territory at the same time. One of the most important indicators of the viability of such rebel regimes are its claims to independence and external legitimacy. Insurgents seek to create a compelling narrative — the story of a party to an armed struggle is used to justify its actions in order to attain legitimacy and favor among relevant populations.

“The Era of Insurgency” in the 40–60s featured insurgent movements mostly of anti-imperialistic nature when territorially based insurgents were fighting against foreign intervention. But from the very beginning of the September uprising, 1961, led by Mustafa Barzani, many insurgent/separatist movements in the 1970s, 80s and mostly 90s after the collapse of the Soviet Union, were primarily based on ethnic or confessional particularism [Vanly, 1965].

IS’s may be divided into two main types: secessionist and expansionist movements. Expansionists are divided into national (Chinese Revolution since 1927, Sendero Luminoso in Peru etc.) and transnational (ISIS, banned in the Russian Federation). Their goals are not only to replace the current leadership of the state, but also is a fundamental change in the form of the government, and often in the structure of the society itself.

In the formation of a rebel/insurgent state, the most important role is played by the geographical aspect of its evolution, as well as the definition of the goals of such insurgent movement. There is a certain definite difference between separatist uprisings, revolutions and national revolutions, caliphate or jihadist movements (i. e. Northern-Caucasian Emirate, 1827–1859, led by Gazi Muhammed and Shamil)

Nowadays this term (IS) may be referred to the Gaza Stripe under the rule of the HAMAS quazi-parliamentary system, Rojava (AANES) in Syria, Iraqi Kurdistan until 2005, Donetsk and Lugansk People’s Republics in Ukraine (2014–2022), Bougainville in Papua New Guinea, Chechen Republic of Ichkeria (1991–2000), M23 in DRC, Chiampas in Mexico, Puntland and Somaliland in Somalia, etc.

According to American researcher D. Ucko, direct military confrontation with a state is becoming less attractive to would-be insurgents due to three significant changes in the post-Cold War international security environment. First, urbanization is accelerating, making it easier for states to control their populations, including insurgents. Now the states strengthened their internal security tools, including digital surveillance while citizens granted their governments broader legal authorities to combat terrorism at home and abroad. Second, much of the international community looked positively on anticolonial and national liberation movements during the post–World War II, but today, states are far less tolerant of regional instability created by violent insurgencies. Finally, and most importantly, while regional powers continue to meddle in their neighbors’ affairs by sponsoring insurgents, superpowers are less likely to offer them military support [Ucko, 2022].

The declining of state-sponsored insurgencies in the first two decades of the twenty-first century indicates a structural change in the international security environment. This is an intensified security contest between the United States, Russia, and China. As these superpowers attempt to avoid clashing

directly while managing nuclear escalation, supporting insurgencies may become even more attractive in the future, not less. Regardless, not every insurgent group will have a powerful state patronage within it.

In studying examples of post–Cold War insurgencies, some successful and others not, Ucko identifies three strategies: *localized*, *infiltrative*, and *ideational* insurgencies. Violence plays an essential role in all three of them. However, the modern insurgents' path to victory no longer solely depends upon violently wresting power from the state, more over the goal of this path, victory itself, permanently may remain vague and unreachable.

The first strategy is a localized insurgency in which insurgents carve out a geographic section of the country to control instead of trying to govern the entire state. This include many nationalists movement and insurgent states, including Kingdom of Kurdistan (1919–1924) led by Mahmoud Barzanji and his rebels. In many cases, rural, inaccessible regions, mountains and marginalized urban sectors are ripe for insurgent takeover, and these areas of neglect create conditions for settlement between the insurgents and the government. Thus, we can refer to the Jaysh al-Mahdi militia in Baghdad since 2004, which controlled large areas of the city. The insurgents are always free to renegotiate violently to further weaken the fragile state's institutions and to attract criminal and extremist outsiders.

Tobias Bernard Switzer of Modern War Institute counts that countries with open political systems are vulnerable to a second strategy, the infiltrative insurgency. Instead of overthrowing the state in a violent contest, this type of insurgent subverts the government by accessing legal avenues to power and then turning political institutions against the state. His examples, the Irish Republican Army in Northern Ireland and the Movimiento al Socialismo party in Bolivia, show that the states with deep social schisms are the most susceptible to the infiltrative insurgent². While the infiltrative insurgent enters politics openly as a political party, it trades in ambiguity to hide its true intention for secession. Infiltrative insurgents separate their militants and political figures, allowing mask their violent actions and even, duplicitously, condemn those acts. Unlike traditional political parties committed to the democratic process, the infiltrative insurgent uses democracy instrumentally. Once elected to power, according to Ucko, insurgents subvert the state's power to neuter counterbalancing institutions and lock in their power indefinitely.

Dealing with an infiltrative insurgent brings us is an excruciating challenge: The state must first unmask the insurgents' true intentions. Then, it must find a way to circumscribe democracy to save it. The state can try to eliminate the insurgent's political party, make it morally repugnant by refusing to deal with it, or make it illegal. Unfortunately, Ucko warns, these are the same tactics repressive regimes use to stifle dissent and maintain power, so states will find it difficult to suppress democratic expression while maintaining legitimacy in the eyes of the populace [Ucko, 2022].

This type of insurgency can provide a long-term symbiotic relationship between localized insurgent groups and the state. As an insurgent state, insurgents govern parts of the country abandoned by the national government, which focuses on the concerns of the elites, but gaining local support by development of the social infrastructure in the region, abandoned by the central government. Boko Haram till it was "technically defeated" in 2021 in Nigeria can be explained by ability to "maintain momentum" in part by the accumulated and unaddressed grievances against colonialism in the region, including the colonial boundaries (of Nigeria, Ghana, etc.) established by Europeans that bear no resemblance to pre-colonial empires, ethnic or cultural territories, and by the group's use of the "historical narrative" of the Islamic Kanem–Bornu Empire (926–1846). This comes to the third type of insurgency Ucko identifies as ideational insurgency, and it has less historical precedent. The ubiquity of internet access and the mass migration of social life to online spaces have created structureless, networked insurgencies. Insurgents employing this strategy seize on existing tensions to reshape ideas and perceptions over who and what is

---

² URL: <https://mwi.westpoint.edu/the-changing-face-of-insurgency/> (дата обращения: 06.12.2023).

to blame. By swaying the population to its interpretations of events and sowing doubt about the state and traditional sources of authority, the ideational insurgent erodes norms, changes culture, and influences policy. By becoming ephemeral and leaderless, ideational insurgents deny the state the ability to target individuals leaving only the ideology for it to confront. By sharing information, stories, memes, and other content online that serve the ideology's narrative but fall short of advocating for or directing violence, the insurgents keep the state at bay. Ideational insurgents employ violence by inspiring random followers to commit acts of terrorism and harassment without explicit direction [Ucko, 2022].

In modern Iraq, this is identified by the Kurds as a sectarian conflict: some groups seek the former status quo in which the Sunni minority have exercised power since the Ottoman period. Others are clearly restoration groups drawn from the former regime: the Baa'th Party, the paramilitary Fida'iyn, and the Republican Guard. Other groups are anti-Saddam nationalist groups with no desire to see Saddam restored but who resented the US and Western presence.

Insurgency will also continue to attract non-state actors, as they are not bound by internationally accepted standards of conduct. Insurgents will always seek to redefine the operating environment and create asymmetric conditions by quickly changing the nature of the conflict and employing capabilities, which their stronger military adversaries are least prepared for.

The vast majority of rebel states were extremely short-lived, and could survive due to the sponsorship of a foreign state or international organizations only. During this period, they may "accumulate their internal sovereignty" [McCull, 1969, p. 617]. The lack of information about the goals of the rebels and the degree of control of non-state actors in the territory makes it difficult to use a unified methodology for determining the IS's, depending on the strategy of action, geographical conditions, location of support bases, etc.

Insurgents are using historical, societal, political, or economic conditions that generate discontent among a segment of the population to rally support for their movement. These conditions affect one subgroup disproportionately, include a recent history of internal conflict that has left lingering grievances against the government or other ethnic groups or hostility among groups and that establishes violence as an accepted means of resolving political disputes. Also recent or ongoing conflicts in neighboring states that generate refugees who could become recruits to establish ungoverned spaces in the neighboring countries (like M23³ in DRC) to serve as sanctuaries for insurgents with a perspective transforming into an insurgent state. There may also be such social factors as a strong warrior or conspiratorial culture or a youth bulge (a high proportion of 15 to 25 year-olds relative to the adult population), which can provide a pool of potential recruits. Also inhospitable terrain such as jungles, mountains, forests, deserts, or swamps which allows insurgents to move, hide, train, and organize in areas that are difficult for government forces to enter. Increasingly, dense urban areas meet this need, as well as cross-border sanctuaries of rebellion's enclaves.

Government policies may disadvantage a segment of the population on the basis of religion, tribe, ethnicity, language or region, or class, reinforcing insurgent efforts to foster a group identity. Also a polarized "winner-takes-all" political system, which generates grievances among out-groups and undermines the potential for cooperation in pursuit of common agendas. Such a system often creates government paralysis in the face of a crisis because competing parties are unable to reach consensus. The emergence of insurgent states may be incepted by an inability of the government to provide basic services, such as security, justice, health care, education, utilities, or transportation infrastructure. Sometimes insurgent states provide such services in such fields as health care, where the central government has disadvantage (Boko Haram in Nigeria). It may be incepted by corrupt security forces, especially the police, because they

---

³ Insurgent movement of Rwandese origin in Democratic Republic of Congo.

interact most frequently with the people. An economic crisis or extended period of poor economic conditions that generates discontent with the government and provides a base of unemployed or underemployed youth ripe for recruitment. A “window of vulnerability”, created by events such as natural disasters, political assassinations, coup d'état, hotly disputed elections, acts of vandalism, terrorism or genocide.

An attempt to analyze the Kurdish national movement from the point of view of approaches and characteristics of a ISs makes sense if we to consider them appearing immediately after the end of the World War I, which was a clear indicator of the crisis and a certain insolvency of the then established new Versailles international legal system, which did not take into consideration the rights of the Kurds to self-determination, despite that the principle of the right of nations to self-determination was fundamental for this system. Since the time of the Treaty of Versailles, the primary actors on the world stage have been sovereign states, whose territoriality has been and remains one of their main features. At the same time, the sovereignty and territoriality of states have been repeatedly questioned, which has led to their fragmentation.

As for the Kurdish reality, the basic differences between state and tribe makes us conclude that the two systems seem fundamentally incompatible, their relations at best only temporarily symbiotic. States are static, intent on exercising a monopoly of power within a defined territory.. Tribes operate on kinship ideology and territoriality. The latter includes not only established villages but more fluid ideas that no state could entertain [McDowall, 2020, p. 16].

The fundamental reason, however, why states and tribes are incompatible lies with the whole reason for tribal hierarchy. Beyond the tribal group, the chief acts as mediator either with his peers and the paramount chief, or with the state. A chief jealously guards his monopoly of all relations with the outside world, including leadership if it comes to war.

If a state exercises a monopoly of power, its authority regarding taxation and the administration of justice will extend to every individual within its territory, rendering the mediation of a tribal chief with the outside world and thus the *raison d'être* of tribal existence meaningless.

Since 1918 that states abutting the Kurds have crushed and eroded the kinship ideology of the tribes [McDowall, 2020, p.16]. Secondly, due to the WWI processes the territory of Kurdistan has become more ethnically homogenic [Лазарев, 1964, с. 6–7]. The first Kurdish rebel state can be considered as Kingdom of Kurdistan, and with its broad social support in Sulaimani and had some similarities with the Hijaz, another insurgent state appeared as a result of the WWI. Thus, the Kingdom of Kurdistan, which was initially created as a puppet state by the British occupation authorities, but resulted out in the rebellion against the British rule in May 1919, briefly became a short-lived IS.

The uprising of Sheikh Said in Turkey in 1925 did not lead to the emergence of IS for the reason that the rebel tribes did not establish their own military bases that were difficult for the enemy to reach. Therefore, the uprising was also relatively easily suppressed using aviation by Britain and Turkey.

The Ararat Republic of 1927–1931 was one example of an entity initially conceived as a Kurdish IS (*Komara Agiriyé*) with a network of bases on Mount Ararat, including the support of the Armenians units. But it was military liquidated by Turkey due mostly to the lack of an external support.

The Dersim uprising against Turkey's assimilation policy also did not lead to the emergence of a IS with its own functions, since it was extremely brutally suppressed by the Kemalist government. Meanwhile, the experience of Dersim is the one relatively inaccessible to the central authorities, whose inhabitants, being ethnically and religiously isolated, participated in a series of uprisings in order to protect their desire to live according to their own laws. Thus, in the mid-30s, the leader of this uprising, Seyit Riza, considered Dersim to be the original Kurdish territory and, during the period of Turkey's suppression of the rebellion, he actively sought support in the international arena under the banner of Kurdish self-determination.

It is also quite difficult to consider the Mehabad Republic in Iran in 1946 as a rebel state, since its origin was not an uprising. It arose as a result of the political vacuum that formed here after the Soviet-British occupation of 1943, when Mukrin Kurdistan found itself in a neutral zone between the Soviet and British occupation zones.

The model insurgent state in the history of the Kurdish national movement is Iraqi Kurdistan from the beginning of the uprising in 1961 until 2005, when its autonomous status was formalized in the constitution. Meanwhile, the assertion that the formalization of the status of a PG within the parent state leads to getting rid of the characteristics of a PG is also controversial. This can be seen in the example of the same EC, which has unresolved territorial disputes with the central government in Baghdad.

The Socialist Kurdistan, which was conceived in the works of Öcalan and party documents of the PKK, banned in Turkey, as a typical rebel state, was largely seen as a nationwide Kurdish project with ultra-leftist specifics, including those based on Mao Zedong's theory of the staged nature of guerrilla armed struggle. Subsequently, Öcalan's theoretical approaches underwent revision, and in a series of his so-called prison writings, he developed the concept of "democratic confederalism", which is opposed to the concept of statehood in general. This did not deny the essence of the emerging Kurdish rebel state, which began to take shape in Turkey as a result of victories in municipal elections in a number of Kurdish regions by Öcalan's ideological supporters represented by the Democratic Community Party in 2010, whose supporters essentially began to form local government structures parallel to the state ones within an umbrella structure controlled by the Go K. Now many of them have been arrested and sentenced to various terms of imprisonment, just like Salahattin Demirtas, leader of the People's Democracy Party (Turkey), who came to us here at the institute. The most significant project of the Kurdish rebel state is Rojava (AANES).

As there remain few geographically remote areas outside government control where insurgencies can gestate, the initial stages of development tend to take place hidden in plain sight: in cities and other developed areas. The ongoing global trend towards urbanization means that future insurgencies will tend to form and develop in cities rather than rural areas. Urban regions are likely to be the insurgent secessionist area if the conflict brings them to identify themselves as secessionists based on shared common set of values (Donetsk and Lugansk republics in Ukraine (2014–2022)). While this is necessary for survival, this dispersion will make it difficult for insurgent movements to concentrate enough power to seize control of a state. Beckett notes that the "Maoist People's War" was effective because it was able to weaken the regime psychologically and politically, and then launch decisive military blows. Modern insurgents may never be able to develop enough military power to undertake conventional operations and thus have to rely more on psychological and political means. Widely dispersed, networked insurgencies are difficult to eradicate, but also less likely to gain victory than the more concentrated insurgencies prior to and during the 20th century.

Any IS undergoes a test of the quality of its statehood. As historical practice has shown, none of the previous Kurdish "rebel states" passed it. The "quality" of statehood is determined mainly by general criteria (the strength of national identity, the level of support for the ruling regime, the stability of the economic base, the advantageous geographical location). [Колосов, Себенцов, Туров, 2021, p. 29]. A special criterion for the effectiveness of institutions of the rebels is the ability to retain the population in such a state, providing them with jobs, a decent level of income and public services, and most importantly, ensuring their security. IS, like any other unrecognized states, compete for the loyalty of citizens primarily with the "mother" state, and the welfare of the citizens of its citizens in comparison with the rest of the country is one of the most important indicators of the viability of their political regimes and a criterion for assessing claims to independence and external legitimacy.

References / Литература

- Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 1. С. 23–51 [Kolosov V. A., Sebentsov A. B., Turov N. L. Uncontrolled territories in the modern world: theory, genesis, types, dynamics. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2021. T. 14. No. 1. Pp. 23–51 (in Russian)].
- Лазарев М. С. *Курдистан и курдская проблема*. М., 1964 [Lazarev M. S. *Kurdistan and the Kurdish problem*. Moscow, 1964 (in Russian)].
- Мгои Ш. *Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958–1970 гг.)*. Ереван, 1977 [Mgoi Sh. *The problem of the national autonomy of the Kurdish people in the Iraqi Republic (1958–1970)*. Yerevan, 1977 (in Russian)].
- Оджалан А. *Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК*. М.: Axina Welat, 1998 [Ocalan A. *Kurdistan reality from the 19th century to the present and the PKK movement*. M., 1998 (in Russian)].
- Попов Ф. А. *География сепаратизма в современном мире*. М., 2012 [Popov F. A. *Geography of secessionism in the modern world*. Moscow, 2012 (in Russian)].
- Туровский Р. Ф. *Политическая география*. М. — Смоленск, 1999 [Turovsky R. F. *Political Geography*. M. — Smolensk, 1999 (in Russian)].
- Mampilly Z. C. *Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war*. N.Y. — L., 2011.
- McCull R. W. The Insurgent state: Territorial Basis for the revolution. *Annals of the American Association of Geographers*. 1969. Vol. 59. No. 4. Pp. 613–631.
- McDowall D. *A modern history of the Kurds*. L., 2020.
- Talabani J. *Hiwar al-'umr. Mudhakirāt al-Rayis Jalal Tālabāni. Riblatu sittun 'aman min jibali Kurdistan ila qasri al-Salam*. Beyrouth, 2018.
- Ucko, D. H. *The Insurgent's Dilemma: A Struggle to Prevail*. Washington, 2022.
- Vanly I. Ch. *Revolution of Iraki Kurdistan*. Paris, 1965.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И СТРУКТУРНЫЕ НЕДОСТАТКИ КОНСТИТУЦИИ ИРАКА

© 2024

М. С. Озманян¹

После принятия новой Конституции Республики Ирак возникло немало проблем, связанных с будущим государственным устройством страны и становлением новых национальных структур на федеративной основе, которых никогда не было в политической системе этого государства. В данной статье рассмотрено, как была разработана и утверждена новая конституция Ирака. Было проанализировано влияние конституции на решение проблем Ирака или их усугубление. В статье рассмотрено, является ли конституция работоспособной или нуждается в поправках, что вызывает острую озабоченность по поводу того, могут ли такие поправки решить многие проблемы, возникшие в результате введения этого документа. Конституция Ирака имеет верховную силу в определенных областях, в отношении которых федеральное правительство обладает исключительной властью. Сразу после утверждения конституции курды издали собственную местную конституцию, которая включала многие положения, противоречащие положениям центрального правительства. Составители иракской конституции наделили курдский регион железным правом вето.

Ключевые слова: Конституция, Ирак, КРГ, США, законы, правительство, Багдад, Киркук

Для цитирования: Озманян М.С. Политические последствия и структурные недостатки конституции Ирака. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 205–212. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-205-212

POLITICAL IMPLICATIONS AND STRUCTURAL FLAWS OF THE IRAQI CONSTITUTION

Midiya S. Ozmanian

After the adoption of the new Constitution of the Republic of Iraq, many problems arose related to the future State structure of the country and the formation of new national structures on a federal basis, which had never existed in the political system of this State. This article examines how the new Constitution of Iraq was developed and approved. The influence of the Constitution on the solution of Iraq's problems or their aggravation was analyzed. The article examines whether the constitution is workable or needs to be amended, which raises acute concerns about whether such amendments can solve many of the problems that have arisen as a result of the introduction of this document. The Iraqi Constitution has supreme authority in certain areas over which the Federal Government has exclusive authority. Immediately after the approval of the constitution, the Kurds issued their

---

¹ Озманян Мидия Саидовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mid67674@gmail.com

Midiya S. Ozmanian, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mid67674@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9761-4663

own local constitution, which included many provisions that contradicted the provisions of the central government. The drafters of the Iraqi constitution gave the Kurdish region the right of veto.

Keywords: Constitution; Iraq, KRG, USA, laws, government, Baghdad, Kirkuk

For citation: Ozmanian M. S. Political Implications and Structural Flaws of the Iraqi Constitution. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 205–212. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-205-212

После террористических атак 11 сентября США решили привести в действие старый закон, Акт об освобождении Ирака 1998 г., который был принят Конгрессом, в качестве шага к вторжению. В апреле 2003 г. американские войска при поддержке международных союзников свергли режим Саддама Хусейна. Среди причин вторжения было отсутствие демократии в Ираке. Этот вопрос вызвал необходимость разработки новой конституции в Республике. Все международные соглашения, включая Гаагскую и Женевскую конвенции, не дают иностранной державе права навязывать конституцию оккупированной стране. Понимается, что агенты, сотрудничающие с оккупантом, также не имеют права навязывать конституцию [Arato, 2009, p. 54], они обязаны лишь издавать правила для защиты оккупированных территорий. Несмотря на это, администрация США в Ираке после 2003 г. аннулировала существующую конституцию Ирака, законы и подзаконные акты и издала свой собственный кодекс.

В период с 2003 по 2005 г. Ирак управлялся двумя сводами законов: законами, изданными главой Временной коалиционной администрации в Ираке Полом Бремером, и законом переходного периода «Об управлении государством Ирак» (далее TAL), который был издан Временной коалиционной администрацией, возглавляемой Бремером. Он ранее ничего не знал об иракской политике, но сразу же начал издавать приказы и постановления (всего около 100), которые рассматривались как законы и некоторые из которых действуют в Ираке по сей день [Bremer, McConnell, 2006]. Они включали запрет иракским судам рассматривать иски против американских солдат или подрядчиков по обеспечению безопасности, назначение советника по национальной безопасности, назначение советника США для каждого министерства и регулирование средств массовой информации. Бремер взял под контроль финансовые ресурсы Ирака, распустил иракские вооруженные силы и партию Баас, что привело к лишению гражданских прав сотен тысяч иракцев. Бремер также сформировал Руководящий совет, в который вошли 25 человек, отобранных в соответствии с их этническим происхождением и, самое главное, их лояльностью к США. Это был первый случай в истории Ирака, когда назначения производились по религиозному и этническому признаку. Если исключить лидеров курдских партий, то только пять членов Руководящего совета проживали в Ираке до 2003 г.

Генеральному директору было предложено одобрить TAL, и он сделал это лишь с незначительными изменениями. Главное возражение Совета заключалось в том, что в новом законе не упоминается ислам как официальная религия государства, и по его настоянию была включена статья 7(14) «Секта», которая упоминается в TAL несколько раз (например, статьи 12 и 20). Это вызывающее разногласия слово не использовалось в предыдущих конституциях Ирака, и его использование было отвергнуто большим числом иракцев. Единственными иракцами, которые с удовольствием использовали этот термин, были те, кто принимал участие в политическом процессе.

Законы действительно содержали положительные элементы. Статья 11 признавала курдский язык и объявляла Ирак двуязычным государством. Статья 4 объявляла Ирак федеративным государством. Статья 30 также устанавливала, что 30% иракского парламента должны составлять женщины.

Однако такой жизненно важный документ был подготовлен всего за два месяца [Arato, 2009, p. 8]. Никто из составителей не был экспертом в области конституционного права. Сам документ был написан на английском языке и плохо переведен на арабский [Allawi, 2007, p. 222].

Цель состояла не в том, чтобы строить демократическое государство [Feldman, 2004, p. 7]. В Ираке США стремились создать не национальное государство, а «гражданскую нацию» с «жизнеспособной идентичностью центробежных основных элементов арабского шиитского, арабского суннитского и курдского религиозного и светского населения, которые до сих пор удерживались вместе чередой авторитарных государств» [Arato, 2009, p. 3].

В новой конституции подчеркивались различия и вызывающие раскол проблемы, а не акцентировалось внимание на объединяющих элементах иракского общества. Составители конституции упустили из виду тот факт, что «главная цель любой конституции — служить соглашением, объединяющим различные сообщества в нечто, напоминающее единое государство. Такие документы, когда они полезны, служат важными символами, достойными почитания разрозненными группами» [Elkins Z., Ginsburg T., 2007].

Составители «Закона переходного периода», а затем и постоянной конституции были полны решимости ослабить центральное правительство и укрепить провинции. Полномочия курдской региональной администрации были распространены де-факто на мухафазы «спорных районов», такие как Киркук, Дияла и Мосул, в дополнение к трем признанным курдским провинциям: Дохук, Эрбиль и Сулеймания. Другим иракским провинциям, кроме Багдада и Киркука, было предоставлено право установить свой собственный федеральный статус.

План Коалиционной временной администрации по использованию американских советников для написания конституции Ирака был сорван иракской оппозицией, и Пол Бремер принял новый план: он хотел, чтобы «Закон переходного периода» выглядел так, как будто это временная конституция, а затем был выбран комитет для написания и утверждения постоянной.

Далее Генеральный совет назначил комитет из 55 человек для написания проекта и приступил к работе 13 июня 2005 г. В комитете не было представителей организаций гражданского общества, а обсуждения в комитете проводились тайно, игнорируя общественное мнение [Mogrow, 2005, p. 8]. Из обсуждений внутри комитета стало ясно, что каждая группа сосредоточилась на своих собственных целях и общий план, подготовленный в «Законе переходного периода», не обсуждался. Следовательно, не обсуждались положения, которые впоследствии стали весьма спорными, такие как широкая федеральная система, эксплуатация нефти и газа, а также слабость центра страны в отношениях с регионами.

После нескольких заседаний конституционного комитета основные разногласия заключались в следующем:

1. Курдские члены комитета настаивали на том, что Ирак должен быть федеративным государством, и требовали, чтобы официальное название государства включало слово «федеральный». Арабы-сунниты отказались принять эту терминологию и настаивали на том, что Ирак не состоит из совокупности различных образований, как указывает юридический термин «федеральный». Они хотели использовать слово «объединенный». Шииты не возражали против «федерального», поскольку положение, дающее курдам право на федеральное образование, распространяется и на другие провинции. Они надеялись, что это позволит им создать шиитский южный федеральный округ.
2. *Роль ислама.* Этот вопрос был главной заботой шиитов. Их цель состояла в том, чтобы внести в конституцию четкий пункт, объявляющий ислам государственной религией

и источником всего законодательства. Курды и некоторые члены партии «Аль-Иракия» хотели иметь светскую конституцию без упоминания религии.

3. Курды хотели широкой федеральной системы, в которой федеральное образование обладало бы полномочиями, превосходящими полномочия центрального правительства. Сунниты хотели иметь эффективное центральное правительство, предоставив Иракскому Курдистану лишь широкую автономию.
4. Арабы-сунниты хотели включить пункт о том, что Ирак является арабским государством и частью арабской нации. Этому категорически воспротивились курдские депутаты, которые рассматривали свою территорию страны как часть собственной разделенной курдской нации. Другие меньшинства хотели, чтобы упоминались их группы, в то время как некоторые шииты хотели включить иранскую национальность в состав иракского народа. Язык также был спорным, и курды настаивали на официальном признании курдского языка в двуязычном государстве.
5. Курды хотели включить Киркук, богатую нефтью провинцию, в состав курдского федерального образования. Арабы-сунниты и шииты отказались признать этот пункт, поскольку они рассматривали Киркук как смешанную провинцию.
6. Курды хотели, чтобы был пункт, позволяющий их федеральному округу исследовать и контролировать любые богатства в пределах своих границ и выплачивать центральному правительству только часть доходов. Сунниты утверждали, что, как и во всех других федеральных системах, центральное правительство должно обладать полномочиями по управлению национальным богатством, ведению переговоров о способах освоения этих ресурсов и распределению справедливой доли между всеми частями страны.

Эти споры не ограничивались конституционным комитетом, но вскоре в них была вовлечена администрация США. Она решительно высказывала свои взгляды по основным конституционным вопросам. 12 августа, стремясь ускорить процесс подготовки проекта, посольство США распространило свой собственный проект конституции на английском языке [Yousef, 2009]. Незавершенный проект был, наконец, представлен национальному собранию 23 августа 2005 г., несмотря на сильное недовольство суннитов и призывы не допустить его принятия. Чтобы преодолеть суннитскую оппозицию и избежать ее неприятия некоторыми провинциями (для блокирования конституции требовалось всего три несогласные провинции), был добавлен пункт в статье 142, в котором говорилось, что парламент может сформировать комитет из своих членов для представления поправок.

Проект был окончательно вынесен на референдум 15 октября и одобрен 78% избирателей. Этот результат был решительно оспорен многими иракскими политиками, особенно суннитами [Morrow, 2005, p. 3]. Тем не менее конституция была объявлена одобренной большинством избирателей.

В ней есть несколько позитивных и прогрессивных положений, например:

- не должен приниматься закон, противоречащий принципам демократии, правам и свободам граждан;
- народ является источником власти и ее легитимности;
- подчинение вооруженных сил гражданской власти;
- запрещение пыток;
- независимость правовой системы;
- важность организаций гражданского общества.

Некоторые из этих прав существовали в предыдущих конституциях. Однако эта конституция также содержала негативные моменты, вызывающее раскол. Основные проблемные вопросы заключаются в следующем:

1. В статье 115 конституции говорится, что в случае возникновения противоречий между центральными и местными законами любой региональной администрации полномочия передаются местной администрации. Федеральные структуры, прописанные в конституции, наделили Региональное правительство Курдистана (далее КРГ) полномочиями изменять иракские законы, не относящиеся к внешней политике; национальной безопасности или финансовым вопросам; контролировать свою собственную полицию и силы безопасности; распоряжаться природными ресурсами в регионе, включая права на управление и эксплуатацию определенных нефтяных месторождений. Сразу после утверждения конституции курды издали собственную местную конституцию, которая включала многие положения, противоречащие положениям центрального правительства, особенно в области эксплуатации национальных и региональных богатств, таких как нефть. Более того, курдский регион присваивает себе право заключать соглашения с иностранными организациями по вопросам, не относящимся к статье 110, и сохраняет за собой право подписывать сделки с иностранными организациями по вопросам, касающимся статьи 110, если на то есть согласие федерального правительства². В отсутствие четких статей, определяющих полномочия федерального центрального правительства, регион был волен делать все, что ему заблагорассудится. Составители наделили курдский регион железным правом вето (статья 126).

2. Статья 9 также была оставлена расплывчатой и вызывающей разногласия, поскольку в ней не говорится о полномочиях государства по созданию единой армии. Хотя в ней вооруженные силы Ирака описываются как единый орган, а формирование военного ополчения вне рамок вооруженных сил запрещено, однако на деле курдские вооруженные силы Пешмерга неподвластны Министерству обороны. Тот факт, что в курдском регионе есть постоянные вооруженные силы, консолидированные под руководством президента, безусловно, подтверждает аргумент о том, что Иракский Курдистан в конечном счете стремится к независимости. Политические подразделения внутри федераций обычно не вооружены. Более того, в соответствии со статьей 104(13) президент имеет право размещать курдские вооруженные силы за пределами Курдского региона с одобрения парламента³.

3. В федеративной системе иностранные дела государства обычно находятся в ведении центрального правительства. Однако пункт 4 статьи 121 гласит: «Регионы и мухафазы создают отделения в посольствах и дипломатических представительствах для контроля за культурными, социальными вопросами и вопросами развития». На самом деле некоторые из этих офисов стали более влиятельными, чем сама главная дипломатическая миссия, особенно те, которые возглавлялись послами, представляющими две основные курдские партии⁴.

4. **Киркук.** Этот вопрос, пожалуй, самый проблемный. Гигантское нефтяное месторождение, расположенное под городом, является достаточной причиной для любой группировки, чтобы попытаться установить над ним контроль. И в Эрбиле нет особого политического желания отказываться от него, несмотря на нежелание Багдада признавать Киркук частью Курдского региона. Курдский гамбит по возвращению Киркука включал в себя определение его как части региона Иракского Курдистана в статье 2 курдской конституции⁵. Это напрямую не противоречит конституции

---

² Конституция Курдистана, статья 9.

³ Конституция Курдистана, статья 104(13).

⁴ Nouri Al-Maliki's complaints. al-Bawwaba, 23.10.2012. URL: <http://www.albawwaba.net/news/111971> (дата обращения: 13.02.2024).

⁵ Конституция Курдистана, статья 2.

Ирака, которая в статье 143, включенной по настоянию курдских партий, гласит: «КРГ признается официальным руководством территорий, которые находились под управлением этого правительства 19 марта 2003 года в мухафазах Дахук, Эрбиль, Сулеймания, Киркук, Дияла и Ниневия». Таким образом, можно понять большую напряженность, которая сохраняется между центральным правительством и КРГ, а также между курдами и населением Ниневии и Диялы, поскольку Региональное правительство Курдистана рассматривает их части как спорные районы, в то время как богатую нефтью провинцию Киркук рассматривает как неотъемлемую часть Иракского Курдистана. Однако до оккупации США Ниневия, Киркук и Дияла не находились под властью КРГ.

5. Вопрос о разведке и эксплуатации природных богатств, особенно нефти, также вызывает серьезные разногласия, поскольку конституция оставляет этот вопрос расплывчатым. Статья 112 — это действующая часть федеральной конституции Ирака, которая предоставляет некоторое пространство для маневра КРГ в вопросе контроля над нефтяными ресурсами в Иракском Курдистане. Это следует рассматривать в контексте статьи 111, которая закрепляет право собственности на нефтяные богатства за народом Ирака и регионами⁶. Федеральная структура способствовала установлению новых административных и финансовых связей с Багдадом. Согласно конституции, КРГ получает 17% национального бюджета с правом полной эксплуатации нефти в курдском регионе, в то время как другие провинции получают гораздо меньше. Жизнеспособный регион в рамках федеральной структуры должен иметь экономическую базу, и эта база в Иракском Курдистане представляет собой сочетание сельского хозяйства и нефти. Неудивительно, что сельское хозяйство является наименее спорным из них. Таким образом, комитет по разработке конституции потратил много времени и усилий на решение вопроса о региональном контроле за разведкой и добычей нефти. Чтобы добиться большего равенства, центральное правительство разработало новый закон о нефти и газе, с помощью которого оно планировало отменить особые привилегии КРГ. Прежде чем закон смог быть внесен в парламент, КРГ объявило о своем несогласии и пригрозило выйти из состава федерального правительства, тем самым заблокировав принятие законопроекта. Исходя из того, что существует спор между федеральными и региональными властями по поводу нефти, статья 115 предусматривает, что приоритет должен отдаваться закону региона — при условии соблюдения только самой Конституции. Несмотря на экономическую зависимость курдского региона от Ирака, институциональные связи между КРГ и остальным Ираком остаются практически несуществующими [Natali, 2010, p. 106]. Хотя в Багдаде есть курдское представительство, реального сотрудничества между министерствами КРГ и Багдада нет, поскольку нет совместных комитетов или систематического сотрудничества между министерствами и секторами, такими как здравоохранение и образование. Это привело к появлению различных систем управления в Эрбиле и Багдаде. Отсутствие контактов между Эрбилем и Багдадом привело к существованию «двух систем и одной страны».

6. **Идентичность государства.** Арабо-суннитские члены конституционной комиссии настаивали на том, чтобы в конституции было указано, что Ирак является арабским государством и частью арабской нации (75–80% иракцев — арабы). Курдские депутаты категорически отказались от этого. Шиитские члены комиссии, которые всегда критиковали арабские страны за поддержку Саддама и Лигу арабских государств за то, что они не предприняли никаких действий против зверств, совершенных его режимом, объединились с курдскими членами при подготовке этой статьи, оставив представителей суннитов разочарованными.

7. **Проблема двойного гражданства.** Конституция разрешала иракцам иметь два гражданства, но предусматривала, что тот, кто назначается на высокий государственный пост или

⁶ Конституция Ирака, статья 111.

должность в сфере безопасности, должен отказаться от другого гражданства (статья 18, пункт 4). Однако ни один иракский чиновник не подчинился этому постановлению.

8. Терроризм. Статья о борьбе с терроризмом (пункт 2 статьи 7) была настолько широкой и нечетко определенной, что ее можно было использовать для осуждения любого, кто выступал против политического процесса. Суннитские члены редакционного комитета возражали против этой статьи.

9. Гендерные вопросы. Иракские женщины были недовольны конституцией, поскольку она предусматривала отмену прогрессивного закона о личном статусе 1959 г. со всеми внесенными в него дополнениями (статья 41) [al-Assaf, Jawad, 2012, pp. 119–120]. Он устанавливал брачный возраст с 18 лет, предусматривал ограничение многоженства, признавал за женщинами право на развод, решал вопрос об алиментах, сохранял за матерями право опеки над детьми после развода. В это же время можно заметить различные положения в курдской конституции, которые гарантируют права женщин, такие как равенство с мужчинами, запрещение дискриминации по признаку пола, гарантированные гражданские и политические права, предусмотренные конституцией и международными договорами, участником которых является Ирак, устранение всех препятствий, мешающих их равенству в культурной, социальной, экономической сферах и политической жизни⁷, и обязательство предоставлять приюты для защиты женщин, которые потеряли семейную безопасность по социальным причинам⁸. Кроме того, минимум 25% мест в региональном парламенте, местных советах и муниципалитетах зарезервированы за женщинами⁹.

Как только конституция была утверждена, были выдвинуты требования о внесении в нее поправок. Первый ответ поступил от суннитских членов конституционного комитета, которые отвергли конституцию, заявив, что они не согласовали условия, и призвали к международной поддержке, чтобы заблокировать ее [Allawi, 2007, p. 401].

Несмотря на всю эту критику и требования, поправки в конституцию Ирака внесены не были. Это произошло главным образом из-за двух факторов.

Во-первых, оказалось невозможным найти способ внести поправки в наиболее спорные вопросы. Например, никакая поправка не может касаться полномочий регионов в целом и курдского региона в частности (статья 126, пункт 4). Тем не менее большинство проблем, с которыми Ирак сталкивается, связаны с борьбой между центральным правительством и курдским федеральным образованием.

Во-вторых, сохранились резкие разногласия между иракскими политическими блоками и партиями. По иронии, все конфликтующие стороны ссылаются на конституцию, когда хотят поддержать свои требования, поскольку она настолько расплывчата и двусмысленна, что может быть использована для поддержки противоположных требований.

В заключение можно утверждать, что для граждан Ирака постоянная конституция остается противоречивой. Продолжаются споры о том, кто ее составил, а также о двусмысленном характере большинства ее статей. Составители оставили много лазеек, которые угрожают единству.

Настойчивое стремление разработчиков конституции сохранить центральное правительство более слабым, чем региональные власти, создало хроническую проблему для государства. Реальной повесткой для курдов всегда являлась независимость, и любой, кто внимательно прочтет курдскую конституцию, увидит, что она предназначена для достижения этой цели [Olson, 2005, pp. 219–220].

---

⁷ Конституция Курдистана, статья 21.

⁸ Конституция Курдистана, статья 49(4).

⁹ Конституция Курдистана, статья 23(2).

Центральное правительство будет бороться за то, чтобы курдский регион вел себя как часть более крупного федерального государства.

Чтобы исправить все ошибки и решить существующие проблемы, различные блоки, доминирующие в парламенте, должны прийти к согласию. Но будет чрезвычайно трудно убедить тех, кто извлек наибольшую выгоду из действующего законодательства, отказаться от него в слабой надежде создать единую, устоявшуюся и более безопасную страну.

Литература / References

al-Assaf S. I., Jawad S. N. *Iraqi women between the democracy of the occupation and the American principle of humanitarian intervention*. Dar al-Jinan, 2012.

Allawi A. *The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace*. New Haven and London, 2007.

Arato A. *Constitution Making Under Occupation: The Politics of Imposed Revolution in Iraq*. New York, 2009.

Bremer L. P., McConnell M. *My Year in Iraq: The Struggle to Build a Future of Hope*. New York, etc., 2006.

Elkins Z, Ginsburg T. *The Comparative Constitutions Project*. University of Illinois, 2007.

Feldman N. *What We Owe Iraq: War and the Ethics of Nation Building*. Princeton, 2004.

Morrow J. Iraq's Constitutional Process II: An Opportunity Lost. *United States Institute of Peace*. № 155. November 2005.

Natali D. *The Kurdish Quasi-State*. Syracuse, 2010.

Olson R. W. *The Goat and the Butcher: Nationalism and State Formation in Kurdistan-Iraq Since the Iraqi war*. Costa Mesa, 2005.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Nouri Al-Maliki's complaints. al-Bawwaba. 23.10.2012. URL: <http://www.albawwaba.net/news/111971> (дата обращения: 13.02.2024).

Yousef K. B. Did the US Intervention in the Iraqi Constitution Help Make It Illegal? DEAF WALLS. 17.03.2009. URL: <http://deafwalls.wordpress.com/2009/03/17/did-the-us-intervention-in-the-iraqi-constitution-help-make-it-illegal/> (дата обращения: 15.02.2024).

ОБЛАСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ КУРДАМИ ТУРЦИИ, ИРАКА, ИРАНА И СИРИИ С КОНЦА 70-х гг. XX в. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

© 2024

А. Э. Багирова¹

В настоящей статье анализируются области трансграничного взаимодействия между курдами из сопредельных частей Большого Курдистана, включающего исторические территории компактного проживания курдов в пределах Турции, Ирака, Ирана и Сирии, с конца 70-х гг. XX в. по настоящее время. В рамках данной темы автор уделяет особое внимание сотрудничеству курдов, принадлежащих к таким политическим объединениям, как Рабочая партия Курдистана (РПК), Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК), по вопросам, связанным с установлением добрососедских отношений и союза против общих врагов, размещением военно-тренировочных лагерей, партизанским движением и взаимным присоединением курдских добровольцев к рядам активисток и активистов упомянутых выше партий; обозначены время разрыва отношений между РПК и ДПК, а также причины их резкого обострения и последствия такого разрыва связей. Кроме того, данная статья содержит подробную информацию о проводимых курдами из сопредельных территорий Курдистана операциях в турецких городах Эрх и Шеминдли, закончившихся успешно. В условиях современных реалий предпочтение в контексте трансграничного взаимодействия отдается развитию экономики, культуры; борьбе с так называемым «общим врагом» в лице террористов «Исламского государства», а также помощи беженцам и просителям убежища, однако, в силу продолжающегося сопротивления со стороны радикально настроенных курдов, упоминаются также операции, проводимые курдами из сопредельных частей Курдистана и направленные на борьбу с Турецкой Республикой, придерживающейся недопустимого для них политического курса.

Ключевые слова: курды, Курдистан, трансграничный, Оджалан, РПК, ДПК, ПСК

Для цитирования: Багирова А. Э. Области трансграничного взаимодействия между курдами Турции, Ирака, Ирана и Сирии с конца 70-х гг. XX в. по настоящее время. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 213–218. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-213-218

AREAS OF CROSS-BORDER INTERACTION BETWEEN THE KURDS OF TURKEY, IRAQ, IRAN AND SYRIA FROM THE LATE 1970S TO THE PRESENT

Amina E. Bagirova

This article analyzes the areas of cross-border interaction between Kurds from neighboring parts of Greater Kurdistan, including the historical territories of compact Kurdish residence within Turkey, Iraq, Iran and Syria,

---

¹ Багирова Амина Эминовна, студентка, 3 курс бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва; aminaa.bagirovaa@mail.ru

Amina E. Bagirova, student, 3rd year Bachelor's degree, Russian State University for the Humanities, Moscow; aminaa.bagirovaa@mail.ru
ORCID: 0009-0000-4721-3984

from the late 1970s to the present. Within the framework of this topic, the author pays special attention to the cooperation of Kurds belonging to such political associations as the Kurdistan Workers' Party (PKK), the Kurdistan Democratic Party (KDP) and the Patriotic Union of Kurdistan (PUK) on issues related to the establishment of good-neighborly relations and alliance against common enemies, the deployment of military training camps, guerrilla the movement and mutual joining of Kurdish volunteers in the ranks of activists and activists of the mentioned parties and the time of the rupture of relations between the PKK and the KDP is indicated, as well as the reasons for their sharp aggravation and the consequences of breaking ties. In addition, this article contains detailed information about the operations carried out with the cooperation of Kurds from neighboring Kurdistan territories in the Turkish cities of Eruh and Shemindli, which ended successfully. In the conditions of modern realities, preference for cross-border interaction is given to the development of the economy, culture; the fight against the so-called 'common enemy' represented by the Islamic State terrorists, and assistance to refugees and asylum seekers, however, due to the ongoing resistance from radical Kurds, operations conducted by Kurds from neighboring parts are also mentioned Kurdistan and aimed at fighting the Turkish Republic, which adheres to a political course unacceptable to them.

Keywords: Kurds, Kurdistan, cross-border, Ocalan, PKK, KDP, PUK, inter-Kurdish

For citation: Bagirova A. E. Areas of Cross-border Interaction Between the Kurds of Turkey, Iraq, Iran and Syria from the Late 1970s to the Present. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 213–218. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-213-218

Курдский вопрос остается одной из нерешенных проблем Ближнего и Среднего Востока. Курды, проживающие на своей исторической земле, в 1923 г. по Лозаннскому мирному договору были разделены четкими границами между несколькими государствами, которые создавали преграды для их дальнейшей консолидации и построения собственной государственности.

До сих пор, по мнению некоторых специалистов, фрагментированные курдские партии, особенно из разных частей этногеографического Курдистана, не научились работать слаженно, создавая национальное единство, однако, несмотря на большие противоречия даже в курдских кругах, которые государства могут использовать для нанесения ущерба национальной безопасности друг друга [Гасратян, 1990, с. 50], разделенные этносы, преодолевая трудности по трансграничному взаимодействию, продолжают оказывать поддержку и выражать сестринскую и братскую солидарность.

Знаменательный и всеобъемлющий этап взаимодействия между разрозненными курдами, который отличается от предыдущих попыток организовать межкурдское трансграничное сотрудничество, по мнению автора статьи, начался с того обстоятельства, когда, за несколько лет до принятия Кенаном Эвренем, президентом Турции, пришедшим к власти в результате военного переворота, новой Конституции в 1982 г. ввиду усиления государственных репрессий против даже полуправовой деятельности курдских активисток и активистов, а тем более запрещенной ведущей Рабочей партии Курдистана (РПК) [Гасратян, 1990, с. 306; Ягудин, 2008, с. 209–210] лидер последней Абдулла Оджалан совместно с камадами принял решение релоцироваться и таким образом, путем трансграничной политики и солидаризации с сирийскими курдами, перенести военно-политический центр РПК из Турции в Сирию [Marcus, 2007, p. 50]. Это решение было мотивировано тем, что в столице Ливана Бейруте, находящемся в то время под контролем Сирии, Оджалан провел переговоры с членом Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) Наифом Хаватмахом, впоследствии перетекшие в сотрудничество на основе договоренности с руководством ДФОП в лице Абу Лайла уже в Дамаске, чтобы те обучили курдских партизан военному делу, взамен пообещав вместе с палестинцами защищать лагерь от военных атак Израиля [Marcus,

2007, р. 55]. Между 1980 и 1982 гг. около 300 тыс. курдских партизан прибыли на военное обучение в лагерь. Благодаря изменению локации в известной долине Бекаа Оджалан создает полноценный штаб РПК за границей, приобретает лагерь Хельве (в дальнейшем переименованный в академию имени Махсума Коркмаза [Marburg, 1997]), в котором предполагалось вести военно-политическое обучение партизан и где летом 1981 г. РПК провела свою первую конференцию, на которой было принято решение о начале партизанской войны [Вертяев, 2007, с. 35], а уже в августе 1982 г., на второй конференции в лагере ДФОП, — направить обученных бойцов в Северный Ирак для создания боевых лагерей вдоль иракско-турецкой границы в соответствии с соглашением, заключенным между РПК и лидером Демократической партии Курдистана (ДПК) Масудом Барзани из-за осложнений в отношениях с сирийскими властями, которые оказали поддержку турецким курдам, только чтобы иметь рычаг давления на Анкару [Marcus, 2007, pp. 69–70]. Тем не менее РПК продолжала получать материальную поддержку со стороны сирийских курдов, постепенно увеличивая сирийский контингент в своих вооруженных силах (в 1985 г. — 45 бойцов, в 1986 г. — 130 бойцов) [Marcus, 2007, pp. 100–101].

Как отмечал историк М. Лебский, «сопредельная Турции граница с Ираком и территория Северного Ирака, населенная курдами, будет играть в будущем роль важного стратегического плацдарма для мобильного перемещения отрядов РПК и набора новобранцев в партизанские силы». Турецкие власти, в свою очередь, осознавали опасность происходившего и с 80-х годов проводили крупные военные операции, намереваясь уничтожить плацдармы РПК на этих территориях [Лебский, 2016, с. 162–163].

К началу 1984 г. РПК была готова к началу восстания, сформировав в районе курдской деревни Мивроз вблизи от иракско-турецкой границы два вооруженных отряда, направлявшихся в турецкие города Эрух и Шеминдли [Marcus, 2007, р. 79]. Сложности операции возникли только на этапе отступления из Эруха и возвращения в лагерь, потому что партизанский отряд полевого командира Махсума Кормаза (Агита) при отступлении взял много тяжелых трофеев в виде оружия и был окружен, но не схвачен. Сам Агит прокомментировал наступления на Эрух в своем рапорте следующим образом: «Задачи, поставленные перед нами, успешно были выполнены. Выступление получило широкий резонанс как в стране, так и за рубежом. Упрочилось доверие курдского народа к нашему движению, расширился круг сочувствующих нашей борьбе. Продемонстрированы слабость и низкий боевой дух противника. Несмотря на незначительность урона, нанесенного живой силе врага, наша акция имела большое значение...» [Коркмаз, 1984]. Через два часа после нападения на Эрух вторая группа партизан начала военную операцию в Шемдинли, ставшую событием в истории национально-освободительной борьбы курдов и доказавшую свою силу перед турецкими противниками [Marcus, 2007, р. 81]. Таким образом партия продемонстрировала свой военно-политический потенциал и ознаменовала переход от тактики пассивной обороны к периодическим атакам против вооруженных сил противника.

Несмотря на обусловленные в том числе взаимодействием с иракскими курдами успехи в партизанской борьбе, ДПК, опасаясь повторения крупных бомбардировок, в 1986 и 1987 гг. осуществленных турецкими ВВС, разорвала соглашение с РПК, однако ее руководство, заручившись поддержкой со стороны иракского курдского населения и значительно укрепив свои позиции, отказалось покинуть территорию Ирака [Marcus, 2007, pp. 104–105]. Более того, М. Барзани пошел на сотрудничество с Анкарой в деле борьбы против РПК, опасаясь перехвата инициативы, а Анкара, в свою очередь, согласилась на строительство 65 фортов на протяжении 300 км турецко-иракской границы, которые должны были уничтожать отходящие военные соединения РПК, однако реализации данного плана помешала борьба за власть между ДПК и ПСК (Патриотический союз Курдистана),

благодаря которой РПК успешно смогла выйти из политического и военного окружения [Дружиловский, 2006, с. 143]. Кроме того, в 1991 г. была начата «гуманитарная интервенция» коалиции стран во главе с США против Ирака, что значительно ослабило какой-либо строгий контроль за турецко-иракской границей и позволило отрядам РПК глубже заходить на территорию Северного Ирака и формировать свои горные базы, где находилось оружие и даже имелись собственные пекарни и помещения для собраний [Лебский, 2016, с. 202–203]. Тем не менее «передышка» была недолгой, и в 1993 г. Турция перечислила ДПК 13 млн долларов для постройки и оборудования на иракско-турецкой границе контрольно-пропускных пунктов, а на территориях, подконтрольных М. Барзани, начали активно действовать турецкие разведывательные силы (например, в районе Дохука было создано бюро, в котором работали офицеры турецкой Национальной разведывательной организации (МИТ)) [Гасратян, 2001, с. 96]. Подорвал деятельность партизан и арест Абдуллы Оджалана, по случаю чего в феврале-марте 1999 г. был созван шестой съезд, собравший 300 делегатов на севере Ирака и нацеленный на обсуждение дальнейшей жизни партии [Marcus, 2007, р. 280].

В конце 90-х годов курды в связи со сложной внешнеполитической обстановкой на Ближнем Востоке, уйдя из Ливана и Сирии, переместили очаг движения на север Ирака, в горы Кандиль, которые находились на границе с Ираном, создавая главные тыловые базы РПК, где располагались госпитали, штаб движения и даже больница и кладбище. Весной 2006 г. численность партизан РПК варьировалась от 3 до 5 тыс. человек, по данным английского журналиста Джеймса Брендона и турецких военных соответственно, а в рамках сложной внутривосточной обстановки были сделаны шаги в сторону одностороннего перемирия с частичным прекращением партизанами боевых действий с момента ареста Абдуллы Оджалана в 1999 г. до 2004 г. [Brandon, 2006, р. 3]. По данным исследователя Ахмета Аккай, с ноября 2003 по 2005 г. организацию покинули и прекратили свою борьбу 1,5 тыс. партизан, в основном переселившись в Европу и Северный Ирак [Akca, Jongerden, 2010, р. 149].

В 2003 г. РПК претерпела серьезные изменения, когда образовались радикальное, поддерживающее Оджалана и намеревающееся распространить свое влияние на всем Ближнем Востоке, и реформистское, отстаивающее прекращение вооруженной борьбы, крылья. Радикалы в рамках своей борьбы создали союзнические партии в Ираке (Курдская партия демократического решения (2002)), Сирии (Партия демократического союза (2003)), Иране (Партия свободной жизни Курдистана (2004)). Реформисты, покинув РПК, нашли убежище в Северном Ираке и создали в 2004 г. Патриотическую демократическую партию (ПДП), которая должна была сотрудничать с ДПК². Противостояние между радикальными и умеренными движениями и трансграничное взаимодействие между организациями в разных странах происходят по сей день.

Тем не менее на современном этапе развития курдского сопротивления, которое, учитывая нижеизложенные факторы, можно назвать более умеренным и направленным скорее на развитие экономики, культуры, дипломатии и сотрудничество с ранее строго осуждавшимися западными державами, разумным будет выделить так называемый фактор «общего врага» в лице террористов «Исламского государства» (запрещенного на территории РФ). Например, в ходе обороны и освобождения Синджара, города на северо-западе Ирака, принимали активное участие бойцы РПК и сирийские силы Отрядов народной обороны Западного Курдистана (YPG). Местные езиды проводили собрания, чтобы присоединиться к сирийской автономии своих соплеменников, живущих в Ираке, а в январе 2015 г. сотни иранских курдов перешли ирано-иракскую границу и присоединились к отрядам иракских курдов «Пешмерга», играющим важную роль в обеспечении безопасности

² PWDK: Way forward for Turkey — founding of the National Democratic Union of Kurdistan. URL: <http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=10908> (дата обращения: 05.02.2024).

в Курдистане и других частях Ирака, для борьбы с ИГ (запрещенным на территории РФ)³. По мнению экспертов, объединение курдских народов в единую противоборствующую силу может значительно повысить вероятность стабилизации ситуации на Ближнем Востоке.

Более того, гражданские лица, которые покидали свою страну в поисках безопасного места, являются такими же участниками трансграничных процессов. Так, приток беженцев из Сирии, Мосула и других частей Ирака, находившихся под контролем ИГ (запрещено в РФ), привел к тому, что в Иракский Курдистан прибыло множество беженцев и внутренне перемещенных лиц из других районов Ирака [Gunter, 2018, p. 129].

Немаловажным будет упомянуть значение экономического потенциала Иракского Курдистана, играющего большую роль для продвижения общекурдского дела и влияющего на экономику сопредельных частей Курдистана за счет интенсивного товарооборота, который закладывает основы общенационального рынка. Так, более 20 тыс. рабочих из Турции, в основном курдов, в настоящее время работают в Иракском Курдистане. Здесь также заложены основы и национального образования: в университетах региона обучается курдская молодежь из всех частей Курдистана, прибытие которой поощряется курдскими властями, а также проводится большое количество конференций и научных симпозиумов по проблемам курдской культуры и языка при участии приезжих преподавателей и студентов из сопредельных частей Курдистана [Набиев, 2006].

Кроме того, трансграничные связи между сирийскими курдами, с одной стороны, и турецкими и иракскими курдами, с другой, заслуживают отдельного внимания. Это связано, по мнению историка Джорди Теджел, с возникновением курдского националистического движения в Сирии и прибытием десятков представителей интеллигенции и активистов из Турции в Сирию [Gunter, 2018, pp. 366–367]. Ученый Ахмадзаде Хашем, в свою очередь, утверждает, что эта тенденция сильнее, чем когда-либо, проявилась в присутствии иранских курдов в Иракском Курдистане, приводя в пример курдских поэтов Абдуррахмана Шарафканди, Мухаммада Амин Шиххолеслами, Халида Хисами, которые переехали из Иранского Курдистана в Иракский после распада Республики Мехабад в 1946 г. и продолжили там свою деятельность [Gunter, 2018, p. 100].

Доступность новых коммуникационных технологий и дешевого транспорта в современном мире также позволила рассеянным группам курдов и политическим элитам взаимодействовать и поддерживать тесные связи по всей Европе и в самом Курдистане. Так, например, Курдский Красный Полумесяц (ККП), гуманитарная некоммерческая организация, действующая в основном в Автономной администрации Северной и Восточной Сирии, в апреле 2023 г. выделила около 80 тыс. евро в помощь Иранскому Курдистану, объявив также об итогах своей гуманитарной кампании в поддержку родственников погибших и раненых во время протестов «Женщина, жизнь, свобода» в Иранском Курдистане⁴.

Тем не менее, несмотря на изменение курса деятельности многих курдских организаций, вооруженный характер борьбы за свои права продолжал сохраняться, о чем свидетельствует, например, стягивание в апреле 2006 г. Турцией крупных воинских подразделений на границу с Ираком и Ираном, где располагались военно-тренировочные лагеря курдских партизан из РПК, из-за участвовавших, согласно официальной версии, терактов со стороны бойцов РПК на юго-востоке страны и в других районах⁵.

³ Курдские отряды начали освобождение города Синджар в Ираке от ИГ. РИА Новости. 12.11.2015. URL: <https://ria.ru/20151112/1319323169.html> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ Курдский Красный Полумесяц выделил около 80 тысяч евро в помощь Восточному Курдистану. ANF. 20.04.2023. URL: <https://anfrussian.com/Новости/Kurdskij-Krasnyj-Polumesac-vydell-okolo-80-tysac-evro-v-pomos-Vostocnomu-Kurdistanu-47534> (дата обращения: 05.02.2024).

⁵ Турция стягивает крупные воинские подразделения на границе с Ираком и Ираном. Regnum. 07.04.2006. URL: <https://regnum.ru/news/620256> (дата обращения: 05.02.2024).

Таким образом, обширное трансграничное взаимодействие между курдами, разделенными между четырьмя территориями своего компактного проживания, несмотря на сложности и неудачи, значительно помогало консолидироваться и организовывать успешные операции на примере городов Эрух и Шеминдли и пр., вынося курдский вопрос на главную повестку дня не только в рамках Большого Ближнего Востока, но и всего другого мира, а также сохранять культурные традиции своего этноса и развивать их при участии новых поколений.

Литература / References

Вертяев К. В. *Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века)*. М., 2007 [Ver-tyaev K. V. *The Kurdish question in Turkish policy (late XX — early XXI century)*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Гасратян М. А. *Курды Турции в новейшее время*. Ереван, 1990 [Gasratyan M. A. *Kurds of Turkey in modern times*. Yerevan, 1990 (in Russian)].

Дружиловский Д. Б. Влияние Иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой республике. *Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в.* М., 2006. С. 141–152 [Druzhilovsky D. B. The impact of the Iraqi crisis on the settlement of the Kurdish problem in the Turkish Republic. *The Kurdish question in Western Asia at the beginning of the XXI century*. Moscow, 2006. Pp. 141–152 (in Russian)].

Коркмаз. М. *Рапорт о нападении на Эрух*. М., 1984 [Korkmaz. M. *Report on the attack on Erueh*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Лебский М. *Курды. Потерянные на Ближнем Востоке*. М., 2016 [Lebsky M. *Kurds. Lost in the Middle East*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Набиев Ю. *Перспективы курдской государственности*. М., 2006 [Nabiev Yu. *Prospects for Kurdish statehood*. Moscow, 2006 (in Russian)].

Ягудин Б. М. Государственный переворот 12 сентября в Турции. *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2008. Т. 150. Кн. 1. Серия: Гуманитарные науки. С. 207–213 [Yagudin B. M. The coup d'état on September 12 in Turkey. *Bulletin of Kazan State University*. 2008. Vol. 150. Book 1. Humanities. Pp. 207–213 (in Russian)].

Akkaya A., Jongerden J. The PKK in the 2000s: Continuity through breaks? *Routledge Studies in Middle Eastern Politics*. 2010. Pp. 143–162.

Brandon J. Mount Qandil: A Safe Haven for Kurdish Militants. Part 1. *Terrorism Monitor*. 2006. Vol. 4. Issue 17. Pp. 1–3.

Gunter M. *Routledge Handbook on the Kurds*. Abingdon, New York, 2018.

Marcus A. *Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence*. London, New York, 2007.

Marburg A. *Zur Geschichte und Politik der Arbeiterpartei Kurdistan (PKK)* [Marburg A. *On the history and politics of the Kurdistan Workers' Party (PKK)*. 1997 (in German)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Курдские отряды начали освобождение города Синджар в Ираке от ИГ. РИА Новости. 12.11.2015. URL: <https://ria.ru/20151112/1319323169.html> (дата обращения: 05.02.2024).

Курдский Красный Полумесяц выделил около 80 тысяч евро в помощь Восточному Курдистану. ANF. 20.04.2023. URL: <https://anfrussian.com/Новости/Kurdskij-Krasnyj-Polumesac-vydelil-okolo-80-tysac-euro-v-pomos-Vostocnomu-Kurdistanu-47534> (дата обращения: 05.02.2024).

Турция стягивает крупные воинские подразделения на границе с Ираком и Ираном. Regnum. 07.04.2006. URL: <https://regnum.ru/news/620256> (дата обращения: 05.02.2024).

PWDC: Way forward for Turkey — founding of the National Democratic Union of Kurdistan. URL: <http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=10908> (дата обращения: 05.02.2024).

ГАЗ ИЗ КУРДИСТАНА: БОЛЬШИЕ ЗАПАСЫ И БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2024

М. Э. Икбаль Дюрре¹

Данная статья посвящена потенциальному месту и роли региона Иракского Курдистана на международном газовом рынке. В последние десятилетия в регионе были обнаружены значительные запасы газа, оцениваемые многими экспертами в 3% от общемировых. В настоящее время газ в регионе добывается в небольших объемах, необходимых для обеспечения генерации электроэнергии внутри Курдистана, но в условиях перемен на современном международном рынке газа курдистанские резервы могут оказаться востребованными в значительных масштабах. В статье показывается, что развитие газодобычи в регионе очень сильно зависит от внутривосточной ситуации в Ираке и внешнеполитического расклада на Ближнем и Среднем Востоке. Более того, приход на международные рынки курдистанского газа сильно ударит по геэкономическим интересам многих стран региона, и поэтому делается вывод, что эти страны будут активно использовать самые различные геополитические комбинации для того, чтобы затормозить самостоятельный выход Курдистана на международный газовый рынок.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, Ирак, газ, газовый рынок

Для цитирования: Икбаль Дюрре М. Э. Газ из Курдистана: большие запасы и большие проблемы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 219–223. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-219-223

GAS FROM KURDISTAN: LARGE RESERVES AND BIG PROBLEMS

Mehmet Emin Iqbal Durre

This article is devoted to the potential place and role of the Iraqi Kurdistan region in the international gas market. In recent decades, significant gas reserves have been discovered in the region, estimated by many experts at 3% of the global total. Currently, gas in the region is produced in small volumes necessary to ensure electricity generation inside Kurdistan, but in the context of changes in the modern international gas market, Kurdistan reserves may be in demand on a significant scale. The article shows that the development of gas production in the region depends very much on the domestic political situation in Iraq and the foreign policy situation in the Middle East. Moreover, the entry of Kurdistan gas into international markets will severely affect the geo-economic interests of many countries in the region, and therefore it is concluded that these countries will actively use a variety of geopolitical combinations in order to slow down Kurdistan's independent entry into the international gas market.

Keywords: Iraqi Kurdistan, Iraq, gas, gas market

For citation: Iqbal Durre M. E. Gas from Kurdistan: Large Reserves and Big Problems. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 219–223. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-219-223

---

¹ Мехмет Эмин Икбаль Дюрре, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета, Москва; ikbal@mail.ru

Mehmet Emin Iqbal Durre, PhD (Hist.), Associate Professor Moscow State Linguistic University, Moscow; ikbal@mail.ru

В нынешней сложной и перманентно изменяющейся ситуации с поставками газа в Европу значительную роль может сыграть газ из Иракского Курдистана. Проблема, однако, состоит в том, что вокруг газовых резервов этого автономного региона Ирака сворачивается целый клубок политических и экономических проблем.

В настоящий момент в свете резкого сокращения объемов поставок российского газа в Европу, связанного с общеполитической обстановкой вокруг подрыва на российских газопроводах «Северный поток», внимание западных потребителей этого вида сырья вновь обращено к газовым резервам стран Ближнего Востока и Центральной Азии, в том числе и к Иракскому Курдистану.

Коммерческая добыча газа в регионе началась сравнительно недавно. Ее ведут с 2008 г. на месторождениях Хор-Мор и Чамчаль компании из ОАЭ Dana Gas и Crescent petroleum. Позднее к ним присоединились компании из Европы — австрийская OMV, венгерская MOL, германская RWE. Газ до настоящего времени добывается в относительно небольших объемах, часть его перерабатывается на предприятии в Хор-Мор, приспособленном под производство газовых конденсатов и сжиженного попутного нефтяного газа. В 2019 г. компания Dana Gas подписала с региональным правительством Курдистана договор об увеличении объемов добычи и продаж газа сроком на 20 лет. Первые продажи из расширенных объемов добываемого газа намечены на 2024 г., и в них должно быть инвестировано до 806 млн долларов США².

Вплоть до настоящего времени газ Курдистана используется для генерации электроэнергии для внутренних нужд региона в объеме около 2000 мегаватт. Однако по геологоразведочным данным, впрочем, еще требующим дополнительной верификации, недра Иракского Курдистана содержат до 5,67 млрд кубометров газа, что делает регион потенциально одним из ключевых игроков на мировом рынке газа, так как приведенная цифра означает ни много ни мало — 3% мировых запасов газа. Называется также и чуть меньшая цифра в 2,83 млрд кубометров, но это также представляет собой показатель мировой значимости. Однако для такого масштабного развития газодобычи в Курдистане есть серьезные препятствия внутри- и внешнеполитического плана. [Dourian and Van Heuvelen, 2023]³.

Проблемы внутривнутриполитического плана

Совершенно очевидно, что в нынешней ситуации власти арабской части Ирака будут всячески препятствовать масштабной коммерциализации газового потенциала стремящегося к как можно большей самостоятельности Курдистанского региона. Ведь арабский Ирак хотя и богат на нефть, но запасы природного газа в нем крайне малы. Предпринятые в начале прошлого десятилетия с помощью британских компаний попытки коммерциализации попутного нефтяного газа с супергигантских месторождений юга страны не принесли должных результатов. Кроме того, в правящей элите Иракского Курдистана сегодня существуют разногласия между двумя в общем равновеликими политическими силами — ДПК и Патриотическим союзом Курдистана. Последний склонен к определенным компромиссам с Багдадом по вопросу уровня самостоятельности курдского региона, и он вряд ли позволит Региональному правительству установить полный контроль над региональной добычей и коммерциализацией газовых запасов.

---

² <https://www.danagas.com/operations/kri/> (дата обращения: 11.11.2023).

³ Khor Mor expansion gets \$250 million boost from U.S.; Khor Mor Gas Field Expansion, Kurdistan Region, Iraq // Hydrocarbons Technology. URL: <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/khor-mor-gas-field-expansion/> (дата обращения: 22.11.2023).

Так, в апреле 2022 г. сопредседатель ПСК Бафель Талабани открыто заявил, что его партия будет препятствовать газовому экспорту из Курдистана до тех пор, пока в этой сфере не будет установлен должный уровень транспарентности (прозрачности). Он заявил также, что контролируемая ПСК провинция Слимани (Сулеймания) не получает полагающейся ей доли доходов от экспорта углеводородов из региона. Таким образом, это заявление прозвучало в пику многочисленным декларациям правительства региона, контролируемого ДПК, о готовности экспортировать курдистанский газ в Турцию и страны Европы⁴.

Многое также зависит от того, как будет колебаться соотношение сил в Багдаде, особенно между суннитскими и шиитскими политическими альянсами, ведь курды — сунниты и потенциально ориентируются на суннитские политические силы. Есть также проблема с Рабочей партией Курдистана, действующей в регионе на стыке границ Турции, Ирака и Ирана. Эта группа использует в своей деятельности методы вооруженного насилия. А в нынешней ситуации, когда руководство партии в лице Абдуллы Оджалана находится в заключении, практически нет адекватной информации о целях, стратегии и политической мотивации действий этой группы в настоящий момент. Но ведь именно РПК в последние годы брала на себя ответственность за террористические акты на многих энергетических коммуникациях региона.

Внешиполитические сложности для развития газодобычи в Курдистане

Но, пожалуй, наиболее значимыми являются возможные внешнеполитические сложности, связанные с развитием национальной газодобычи в Курдистане. Одна из них на виду. Такие страны традиционного экспорта газа, как Азербайджан и Туркменистан, станут рассматривать Курдистан как своего конкурента и предпринимать действия по его ослаблению. Впрочем, их возможности в этом направлении серьезно ограничены. У Азербайджана недостаточно собственных запасов газа для того, чтобы играть определяющую роль в экспорте газа в Европу, а все попытки развернуть на Запад значительные газовые резервы Туркменистана (имеются в виду и закрытый в 2013 г. проект НАБУККО, и нынешние попытки реанимировать его в формате проекта Транскаспийского газопровода) пока не удаются, поскольку в Ашхабаде продолжают утверждать, что стоимость реализации такого проекта по-прежнему неподъемна для него.

Для понимания ситуации важно отметить, что большой стратегический интерес к курдистанскому газу проявляет Турция. Анкара активно пытается замкнуть на себя развитие газового сектора в Курдистане.

Активные шаги к этому предпринимаются уже с 2013 г., когда Турция и Курдистан приняли историческое решение о стратегическом сотрудничестве в сфере газодобычи, договорившись о строительстве нефте- и газопровода в Турцию без санкции центральных властей Ирака. Это показало, что Анкара равнодушна к газовому потенциалу Курдистана и тогда пыталась использовать его в качестве рычага давления на Багдад, активно противившийся проведению Турцией военных операций против РПК на своей территории.

Вопрос о проекте поставок газа из Курдистана активно ставился в стране и в последующие годы. Например, глава Босфорского энергетического клуба Мехмет Огючючу в интервью агентству «Анадолу» в 2015 г. отметил, что реализация турецко-курдистанского соглашения по газу может начаться в течение ближайших трех лет при наличии инвестиций в 4–5 млрд долларов.

---

⁴ Rafi Alaadin geopolitics of Iraqi Kurdistan gas reserves: challenges and prospects Middle East council of Global Affairs April 2023. URL: <https://mecouncil.org/publication/the-geopolitics-of-iraqi-kurdistan-gas-reserves-challenges-and-prospects/> (дата обращения: 22.11.2023).

Предполагалось использовать газ с курдистанских месторождений Миран и Бина-Бави. Планировалось на первом этапе организовать добычу газа в нужном объеме и его десульфуризацию (очищение от серы), а на втором — соединить курдистанскую газотранспортную систему с трансанатолийским газопроводом компании Botas с помощью интерконнектора протяженностью 350 км.

Правда, одновременно турецкий энергоэксперт отметил, что Багдад, безусловно, попытается повлиять на проект газового экспорта из Курдистана в своих интересах. Кроме того, по его мнению, нынешняя конституция Ирака и другие правовые акты страны упоминают нефть, но ничего не говорят о природном газе. Этот правовой вакуум также может стать фактором, тормозящим развитие газового сектора в Курдистане в целом, тем более в условиях одновременного коллапса федеральной власти в Багдаде и стремления к большему самоопределению в Курдистане [John M. Roberts, 2018].

В начале февраля 2022 г. президент автономного Курдистана Нечирван Барзани посетил Анкару, чтобы обсудить с президентом Эрдоганом развитие связей в области энергетики. Была достигнута договоренность о строительстве газопровода в Турцию протяженностью более 120 км (112 миль), предназначенного для транспортировки газа с курдистанских месторождений. Реализация этих договоренностей, безусловно, усилит прежде всего Турцию как потенциальный газовый хаб. Но это нравится далеко не всем в политической элите Курдистана⁵.

Еще один момент. Многие наблюдатели увидели в разработке курдистанского газа своего рода попытку создания геоэкономической оси Курдистан–Турция–ОАЭ, поскольку основным разработчиком курдистанского газа является компания из Эмиратов. Но этому может воспрепятствовать Катар, поскольку подобный альянс подорвет его позицию ключевого экспортера газа из региона. Кроме того, у катарского руководства имеются хорошо налаженные связи с арабской политической элитой в Багдаде⁶.

Равнодушным к усилению газового потенциала Курдистанского региона не останется и соседний Иран, обладающий вторыми по значению после российских газовыми резервами в мире. Иран поставляет определенный объем газа для обеспечения электростанций в Басре и Багдаде и в мае 2023 г. это соглашение было продлено и расширено. Экспорт газа очень важен для Ирана именно в Ирак, так как в последнее время Тегеран достаточно серьезно влиял на политику Ирака, сделав его практически своим прокси-союзником, и вряд ли в Иране будут одобрительно смотреть на усиление газовой самостоятельности Курдистана. Причем для Ирана в этих действиях будет важна именно опора на Багдад и защита его интересов, а не решение проблемы иракского Курдистана. Поскольку курды и внутри Ирака представляют собой оппозицию и режим исламской республики⁷.

Были сведения о шагах России по участию в развитии газового потенциала Курдистана. Повышенное внимание к нему проявилось в 2017 г., когда было объявлено о подписании в рамках Петербургского экономического форума юридически значимого соглашения между российской НК «Роснефть» и правительством региона Курдистан о добыче газа в регионе и его экспорте в Турцию и далее на Запад. По имеющейся информации, договором были предусмотрены 4–5 млрд долларов российских инвестиций в строительство магистрального экспортного газопровода из Курдистана на Запад⁸.

⁵ <https://www.rudaw.net/english/middleeast/syria/02022022> (дата обращения: 12.11.2023).

⁶ <https://www.rudaw.net/english/middleeast/25032022> (дата обращения: 22.11.2023); <https://www.al-monitor.com/originals/2021/08/iraqi-kurdish-leader-helps-ease-turkey-uae-tensions> (дата обращения: 01.11.2023).

⁷ https://kurdistan.ru/2023/05/14/news-46082_Iran_i_Irak_prodlili.html?ysclid=lqmjqkdn6781926532 (дата обращения: 22.11.2023).

⁸ <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraq-kurds-rosneft-idUSKBN1CP16L> (дата обращения: 20.11.2023).

С точки зрения замысла это был очень умело сделанный ход, сильно укрепляющий как политический, так и экономический потенциал России и ее компаний в регионе, а следовательно, и в мире. Поскольку монополистом на экспорт трубопроводного газа непосредственно из России является исключительно «Газпром», данный проект позволил бы другим крупным российским компаниям, таким как «Роснефть», а также НОВАТЭК (эта единственная частная газовая компания РФ проявляет интерес к Ближнему Востоку) косвенно преодолеть это монополию.

Правда, после этого в прессе промелькнуло сообщение, что в Эрбиле началось следствие по заключению данного контракта, и о каких-либо продвижениях в его реализации нет на сегодня определенных сведений. вполне вероятно, что этот проект также стал заложником внутренних политических коллизий в Курдистане.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать выводы, что газ Курдистана в случае начала его масштабной добычи и коммерциализации может стать настоящим гейм-ченджером всего мирового газового рынка. Именно поэтому отношение, складывающееся сейчас к газовому потенциалу этого национального региона Ирака, можно охарактеризовать как настороженное. Это обстоятельство вкупе с тем, что разработка больших газовых резервов в природных реалиях Курдистана является сложной в технологическом и финансовом отношении, дает основания полагать, что в обозримой перспективе газ Курдистана не превратится в значимый фактор мирового рынка голубого топлива.

Литература / References

John M. Roberts. Türkiye and the Kurdistan Region of Iraq: Strained Relations. TPQ 17. No. 3 (November 2018). URL: <http://turkishpolicy.com/article/937/turkey-and-the-kurdistan-region-of-iraq-strained-energy-relations> (дата обращения: 22.11.2023).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДЕ КУРДОВ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

© 2024

О.А. Лях¹

Участие курдов в сирийском кризисе, начиная с 2011 г., является одним из важных аспектов этого конфликта. Курды — крупнейшая безгосударственная нация на Ближнем Востоке, проживающая на территории нескольких стран, включая Сирию. В этой статье мы рассмотрим роль курдов в сирийском кризисе, их стремление к автономии и влияние на политическую и военную ситуацию в регионе. Сирийский кризис начался в 2011 г., когда в стране начались массовые протесты против правления президента Башара Асада. В ходе этого конфликта курдская община в Сирии стала активным его участником, стремясь реализовать свои долговременные амбиции национальной автономии. Курды в Сирии живут в основном на северо-востоке страны, в районах, близких к границе с Турцией и Ираком. Они составляют значительную часть населения в таких городах, как Кобани, Африн, Камышлы и других. Исторически курдские области в Сирии были лишены прав на использование своего языка и культуры, а также сталкивались с дискриминацией со стороны правительства. В начале сирийского кризиса курдские группы объединились в рамках Курдской национальной коалиции (ENKS). Целью этих организаций было защищать права курдов и добиваться автономии в рамках будущей политической реформы в Сирии. Курдские вооруженные силы, известные как Народные защитные отряды (YPG) и Женские защитные отряды (YPJ), также сыграли важную роль в сирийском кризисе. Они стали одними из основных сил, борющихся против Исламского государства (ИГИЛ) в Сирии, и выполняли ключевую роль в освобождении городов, таких как Кобани и Ракка.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика, сирийский кризис, курды, внутренняя и внешняя политика

Для цитирования: Лях О. А. Политические изменения в среде курдов в рамках развития сирийского кризиса. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 224–229. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-224-229

CHANGES IN THE POLICY OF THE KURDS WITHIN THE DEVELOPMENT OF THE SYRIAN CRISIS

Oleg A. Liakh

The participation of the Kurds in the Syrian crisis since 2011 is one of the important aspects of this conflict. The Kurds are the largest stateless nation in the Middle East, spread across several countries including Syria. In

---

¹ Лях Олег Александрович, аспирант, сотрудник Центра международных исследований факультета международных отношений БГУ, Минск; o.liakh92@gmail.com

Oleg A. Liakh, graduate student, employee of the Center for International Studies, Faculty of International Relations, BSU, Minsk; o.liakh92@gmail.com
ORCID: 0009-0006-5608-4743

this article we will look at the role of the Kurds in the Syrian crisis, their desire for autonomy and the impact on the political and military situation in the region. The Syrian crisis began in 2011, when mass protests against the rule of President Bashar al-Assad began in the country. During this conflict, the Kurdish community in Syria became an active participant, seeking to realize their long-term ambitions of national autonomy. Kurds in Syria live mainly in the northeast of the country, in areas close to the border with Turkey and Iraq. They make up a significant part of the population in cities such as Kobani, Afrin, Qamishli and others. Historically, Kurdish areas in Syria have been denied rights to use their language and culture, and have faced discrimination from the government. At the beginning of the Syrian crisis, Kurdish groups united and created the Syrian National Coalition of Kurdish Parties (PYD), which later became the basis for the formation of the Kurdish National Coalition (ENKS). The purpose of these organizations was to defend the rights of the Kurds and achieve autonomy as part of future political reform in Syria. The Kurdish armed forces, known as the People's Protection Units (YPG) and the Women's Protection Units (YPJ), have also played an important role in the Syrian crisis. They became one of the main forces fighting the Islamic State (ISIS) in Syria and played a key role in the liberation of cities such as Kobani and Raqqa.

Keywords: Syrian Arab Republic, Syrian crisis, Kurds, domestic and foreign policy

For citation: Liakh O. A. Changes in the Policy of the Kurds within the Development of the Syrian Crisis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 224–229. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-224-229

Из участия курдов в сирийском кризисе текущего столетия следует, что вовлеченные курдские силы повлияли на развитие ситуации как внутри Сирии, так и на выбор политики в отношении сирийского государства на внешнеполитической арене. Курды — это крупнейшая безгосударственная нация на Ближнем Востоке, проживающая на территории нескольких стран, включая Сирию [Йылдыз, 2005]. В свою очередь сирийский кризис, образовавшийся в 2011 г., когда в стране начались массовые протесты против правления президента Башара Асада, также затронул курдские общины, отличавшиеся своей нелояльностью к действующему лидеру сирийского государства.

Таким образом, курдские представители в Сирии приняли решение о непосредственном участии в протестах и влиянии на внутривластную ситуацию в САР. Одной из их главных целей являлось стремление реализовать свои долговременные амбиции национальной автономии. Основным лейтмотивом такого решения послужило то, что курды на протяжении долгих лет притеснялись со стороны режима Б. Асада, а поэтому лидеры курдской общины попытались извлечь из сложившейся ситуации возможности для решения долговременных проблем [Лебский, 2016].

В начале сирийского кризиса курдские группы объединились и создали Сирийскую национальную коалицию курдских партий (PYD), которая впоследствии стала основой для формирования Курдской национальной коалиции (ENKS)². Целью этих организаций было защищать права курдов и добиваться автономии в рамках будущей политической реформы в Сирии. Курдские вооруженные силы, известные как Народные защитные отряды (YPG)³ и Женские защитные отряды (YPJ)⁴, также сыграли важную роль в сирийском кризисе. Они стали одними из основных сил, борющихся против Исламского государства (ИГИЛ)* в Сирии, и сыграли ключевую роль в освобождении таких городов, как Кобани и Ракка.

² ENKS: Second stage of Syrian Intra-Kurdish talk starts soon. URL: <https://npasyria.com/en/36985/> (дата обращения: 05.12.2023).

³ What is the Syrian Kurdish YPG. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/what-is-syrian-kurdish-ypg-2023-10-05/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁴ YPJ: Women's Protection Units. URL: <https://thekurdishproject.org/history-and-culture/kurdish-women/ypj/> (дата обращения: 05.12.2023).

* запрещена в РФ.

В ходе углубленного анализа материалов по ситуации следует выделить период 2014–2016 гг. В указанный промежуток времени курдские военизированные группировки действительно получили признание благодаря совместным операциям с сирийскими и международными воинскими формированиями с целью ослабления влияния ИГИЛ на ключевые районы САР. На этом фоне происходит усиление политических позиций курдских лидеров в Сирии, которые получают право на выражение собственного мнения на политической арене. При этом автономия курдской Рожавы с 2014 г. позволяет установить единогласный контроль на данной территории и использовать ее в качестве базы для подготовки военного контингента и обучения молодого пополнения [Warrick, 2021]. На этом фоне курдские боевые отряды вынуждены установить перемирие с армией Б. Асада и организовать двусторонний диалог с представителями сирийской власти. Потепление в отношениях между курдской общиной и администрацией Б. Асада открыло поле для расширения регионального сотрудничества⁵. Более того, сирийский кризис продемонстрировал, что все заинтересованные в нем акторы прибегали к тактике, аналогичной той, которую использовал официальный Вашингтон, а именно дистанционному управлению сформированными боевыми отрядами в регионе [Лях, 2022, с. 144].

Таким образом, курды прямо влияют на ход событий сирийского кризиса, и без учета их мнения сложно вести успешные боевые действия, направленные на освобождение Сирии от ИГИЛ. Курдские военизированные формирования на высоком уровне демонстрируют тактику борьбы с боевиками ИГИЛ и рядом других радикальных исламистских движений. В ходе конфликта курды заслуженно получают уважение со стороны Запада и России. Официальный Вашингтон убирает из списка террористических организаций отряды сирийских курдов⁶. В этой связи следует, что сирийские курды и их стремление к собственной автономии демонстрируют факт оказания влияния на развитие сирийского конфликта. Поэтому решение курдского вопроса является частью его политического урегулирования.

На этом фоне формируются три самостоятельных курдских кантона. Из них следует выделить Рожаву, которая в 2014 г. получает официальное название Демократическая Федерация Северной Сирии — ДФСС⁷. При этом создание ДФСС позволяет укрепить позиции курдов в Сирии, однако также приводит к возникновению противоречий внутри общины сирийских курдов и между ключевыми участниками, которые напрямую вовлечены в сирийский кризис.

В дальнейшем в ходе успешного сотрудничества с курдскими боевыми группами происходит однозначная победа над ИГИЛ в Сирии. Освобождение территорий от одной из главных проблем для мирного урегулирования сирийского кризиса — ИГИЛ, с одной стороны, позволяет рассуждать о том, что курды в данных условиях должны получить ряд преференций от правительства Сирии. Однако в нестабильной обстановке позиции Б. Асада для получения контроля над внутривластной ситуацией в стране находятся на недостаточном уровне. Администрация сирийского лидера дипломатично затягивает процесс выполнения ранее достигнутых договоренностей. Таким образом, курдская община по-прежнему остается без права на полноценное существование в Сирии [Mironova, 2019].

---

⁵ MRG calls on Turkey government to end pressure on pro-Kurdish institutions and urges renewed dialogue with PKK for peaceful solution to current conflict 2016. URL: <https://minorityrights.org/2016/08/19/mrg-calls-turkey-government-end-pressure-pro-kurdish-institutions-urges-renewed-dialogue-pkk-peaceful-solution-current-conflict/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁶ The Case for Delisting the PKK as a Foreign Terrorist Organization. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/case-delisting-pkk-foreign-terrorist-organization> (дата обращения: 06.12.2023).

⁷ Rojava in Syria — growing local democracy and defending ecology in the midst of conflict. URL: <https://rapidtransition.org/stories/rojava-in-syria-growing-local-democracy-and-defending-ecology-in-the-midst-of-conflict/> (дата обращения: 09.12.2023).

В дальнейшем наступает период противоречий между сирийскими курдами и Турцией, что следует отнести к отдельной части сирийского кризиса, который продолжается по настоящее время. При этом с 2019 г. развитие курдского вопроса в Сирии определяется соотношением сил между курдами, официальным Дамаском, Вашингтоном, Москвой и Анкарой⁸. Непосредственные участники в ходе выполнения собственных внешнеполитических планов в Сирии затрагивают интересы курдской общины и сирийского государства, т. к. осознают важность поиска решения проблем.

Место сирийских курдов в политической системе Сирии с начала кризиса

В рамках исследования по теме проведен анализ актуальности курдского вопроса в Сирии с начала кризиса в 2011 г. С момента наступления «арабской весны» курдская община в САР представлена примерно 2 млн человек, данный показатель свидетельствует о том, что 1/10 населения арабской страны — это курды [Erllich, Chomsky, 2014].

Учитывая данное обстоятельство, администрация Б. Асада в первый год кризиса разработала указ для курдской общины, который позволяет им пользоваться определенными привилегиями в Сирии⁹. Однако данная мера не получает ожидаемого политического эффекта для сирийского лидера, и внутренняя конфронтация продолжается. В свою очередь курды, на фоне ослабления влияния Б. Асада, требуют политического признания внутри страны для их представителей. В этой связи политическое движение курдов развивается пропорционально относительно ухудшения ситуации внутри страны.

Таким образом, создается ряд общественных направлений среди курдского меньшинства в Сирии. В первый год сирийского кризиса в стране набирают популярность две основные организации, представляющие курдскую общину. Во-первых, партия «Демократический союз» (ДС). Во-вторых, Курдский национальный совет (КНС).

На момент начала «арабской весны» ДС в Сирии существует на протяжении 10 лет, лидером является С. Муслим. Основными требованиями ДС являются получение автономии и признание конституционных прав курдов в Сирии. Отличительная характеристика ДС — приверженность левым течениям. Для этого активно осуществляется подбор молодых лидеров и лиц из разных социальных слоев. С учетом данного факта курдская община Сирии уважает принципы и модель управления ДС.

Однако, несмотря на работу над общими целями для курдской общины, С. Муслим постоянно подвергается обвинениям в отношении его тесного сотрудничества с РПК (рабочая партия Курдистана)¹⁰. Данная ситуация полностью удовлетворяет Б. Асада, который использует складывающуюся обстановку вокруг лидера союза. В этой связи на международной арене у ДС отсутствует поддержка для его признания в качестве участника разрешения существующего конфликта. В качестве примера выдвинутого тезиса следует отметить, что на международной конференции по мирному урегулированию сирийского конфликта «Женева 2»¹¹, которая состоялась в первом квартале 2014 г., делегаты от ДС не были представлены.

⁸ Conflict Between Turkey and Armed Kurdish Groups. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/conflict-between-turkey-and-armed-kurdish-groups> (дата обращения: 10.12.2023).

⁹ Human Rights Council debates situation of human rights in Syrian Arab Republic in Special Session. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2011/08/human-rights-council-debates-situation-human-rights-syrian-arab-republic> (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁰ Who is Syrian Kurdish leader Salih Muslim? URL: <https://www.dw.com/en/who-is-salih-muslim-the-syrian-kurdish-leader-wanted-by-turkey/a-42899328> (дата обращения: 14.12.2023).

¹¹ Explaining the Geneva II peace talks on Syria. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2014/1/19/explaining-the-geneva-ii-peace-talks-on-syria> (дата обращения: 16.12.2023).

С другой стороны — Курдский национальный совет, который был представлен на вышеуказанной конференции и получил право на официальное выступление на мероприятии. По состоянию на 2011 г. КНС объединяет в себе 16 курдских партий. При этом он тесно сотрудничает с Иракским Курдистаном, что позволяет получать политическую поддержку со стороны лидера иракских курдов М. Барзани. Цели КНС и ДС совпадают, за исключением одной отличительной особенности, что КНС желает создать федерацию для курдской общины на территории Сирии.

На этом фоне в 2012 г. предпринимается попытка организации высшего совета курдов в Сирии, однако ввиду их разобщенности по региональному признаку данная инициатива затухает в начале своего пути [Simmons, 2014].

Тот же региональный признак играет на стороне ДС. В частности, в связи с потерей контроля центральными органами власти над северными районами местное население переходит под управление ДС. В дальнейшем конфронтация между ДС и КНС усиливается на фоне неоднозначности в выборе компаньонов из числа представителей сирийской оппозиции. КНС придерживается мнения о том, что сотрудничество следует выстраивать с Национальной коалицией оппозиционных и революционных сил (НКОРС)¹², что соответственно решительно осуждается лидером ДС. С. Муслим заявил, что сближение с НКОРС ставит под угрозу существование курдской общины в Сирии, т. к. лидеры оппозиции находятся за рубежом и не в состоянии повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в стране¹³. Безусловно, подобного рода союз заставит сирийских курдов находиться в еще большей зависимости от внешних сил и в конечном итоге приведет к серьезному расколу внутри общины.

Финальным этапом полной потери диалога между двумя ведущими общественными движениями курдов в Сирии становится победа над ИГИЛ, где превосходство военизированных групп ДС признается на международном уровне. В свою очередь Б. Асад, получая информацию о происходящей ситуации между ДС и КНС, принимает решение о невмешательстве в диалог между лидерами курдов. По мнению автора, Б. Асад осознает, что его армия не в состоянии получить контроль над самопровозглашенными курдскими автономиями, тем более после победы над ИГИЛ. В этой связи сирийский лидер занял выжидательную позицию, при этом он использует курдов в качестве авангарда в борьбе с рядом других исламистских движений на территории страны. Положение дел среди сирийских курдов полностью устраивает администрацию Б. Асада.

В результате администрация Б. Асада приходит к диалогу с сирийскими курдами, которые также осознают важность определенной интеграции с сирийской государственной системой. Таким образом, в 2017 г. образуются совместные комитеты в хозяйственной, промышленной и других основных сферах¹⁴. Цель — повышение уровня взаимодействия и устранение имеющихся проблем в регионах.

Однако с момента нормализации отношений между курдской общиной и официальной властью в Сирии на сцене появляется Турция. В частности, официальная Анкара решительно осуждает помощь со стороны Дамаска курдским общинам в приграничных с ней зонах. По мнению Р. Эрдогана, усиление позиций сирийских курдов вблизи границ расценивается как посягательство на территориальную целостность Турции, где, с другой стороны, представлены турецкие курды, которые также являются проблемой для турецкого режима¹⁵.

---

¹² Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил: развитие событий на заседании Генерального Совета в Стамбуле. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19258> (дата обращения: 17.12.2023).

¹³ Syria's Kurds: A Struggle Within a Struggle. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/51028552.pdf> (дата обращения: 18.12.2023).

¹⁴ Syrian Foreign Policy under Bashar al-Asad. URL: http://orsam.org.tr/d_hbanaliz/1hinnebusch.pdf (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁵ What Is Erdogan's Real Plan for Kurds? URL: https://www.asmeascholars.org/index.php?option=com_dailyplanetblog&view=entry&year=2019&month=10&day=30&id=29:what-is-erdogan-s-real-plan-for-kurds- (дата обращения: 19.12.2023).

Заключение

Оценивая результаты событий вокруг курдов в Сирии, следует отметить, что сирийские курды к настоящему времени переживают наиболее тяжелый этап становления собственной истории. Стремление к автономии и влиянию на политическую и военную ситуацию в регионе приводит курдов к тому, что, несмотря на ряд успешных политических решений, лидеры региона не готовы считаться с появлением курдского самоуправления на своих территориях.

Правительство Б. Асада постепенно укрепляет контроль в Сирии, однако этот процесс займет длительный период времени для выхода на докризисный уровень. Развитие данного сценария будет сопряжено с ростом недовольства в отношениях между арабами и курдами на территории унитарного государства, поэтому существует вероятность возникновения новых очагов конфликтов внутри страны между представителями курдской общины и арабами на севере и юге страны.

В свою очередь, Анкара будет пристально наблюдать за сирийскими курдами и их устремлениями по кооперации с турецкими курдами в приграничной зоне двух государств. В этой связи турецкие власти будут проводить жесткую политику с применением военной силы по отношению к сирийским курдам. И маловероятно, что мировое сообщество уделит внимание данной проблеме на фоне возникновения новых кризисных очагов на Ближнем Востоке.

Литература / References

Йылдыз К. А. *Курды в Сирии: забытые люди*. М., 2005 [Yildiz K. *Kurds in Syria: a forgotten people*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Лебский М. А. *Курды. Потерянные на Ближнем Востоке*. М., 2016 [Lebsky M. *Kurds. Lost in the Middle East*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Лях О. А. Антиправительственная деятельность США в Сирии и ключевые подходы в поддержке различных боевых групп. *Журнал Проблемы управления (Минск)*. 2022. № 3(85). С. 140–144 [Liakh O. A. Anti-government activities of the United States in Syria and key approaches in supporting various combat groups. *Journal of Management Problems (Minsk)*. 2022. No. 3(85). Pp. 140–144 (in Russian)].

Erlich R., Chomsky N. *Inside Syria. The Backstory of Their Civil War and What the World Can Expect*. CBS Radio, Australian Broadcasting Corp., and National Public Radio, 2014.

Mironova M. *From Freedom Fighters to Jihadists: Human Resources of Non-State Armed Groups*. Oxford, 2019.

Simmons T., CIA. *Syrian intelligence, and the Russian SVR Competition for Syria and the Post-Assad Geopolitical Contiguous Space*. Washington, 2014.

Warrick J., *Red Line. The Unraveling of Syria and America's Race to Destroy the Most Dangerous Arsenal in the World*. Washington, 2021.

КУРДСКИЙ ФАКТОР В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СИРИИ

© 2024

А. О. Победоносцева-Кая¹

На протяжении большей части истории современного сирийского государства курдский вопрос для Сирии был больше связан с внешней, нежели внутренней политикой. Взаимодействие с иностранными радикальными политическими организациями является хорошо известной особенностью сирийской внешней политики. Помимо радикальных групп, открыто бросавших вызов США и Западу, Сирия работала и с более умеренными силами. Это позволяло Дамаску значительно усилить свои позиции в международной политике, пока такое сотрудничество не повлекло за собой жестких и всеобъемлющих санкций, которые начали налагаться Западом после завершения холодной войны. С конца 1950-х гг. сирийский режим претерпел ряд изменений, но сохранял связи с левой политической сценой в регионе и за его пределами. Его контакты с Организацией освобождения Палестины и ее отдельными фракциями представлены в ряде научных статей. Считалось, что такое взаимодействие укладывалось в идеологические рамки левонационалистического режима с его идейной установкой поддержки палестинского сопротивления. Но помимо палестинских групп, сирийское правительство работало и с неарабскими акторами, в частности, курдскими, что показывает готовность рисковать в проявлении солидарности не только в палестинском вопросе. В работе с ними сирийское руководство пыталось использовать их как инструмент давления на соседние страны. Статья реконструирует историю начального этапа взаимодействия сирийских властей и несирийских курдских организаций (1955–1974), для чего были использованы официальные документы и публикации того времени, а также воспоминания участников событий.

Ключевые слова: курды, Сирия, Ирак, Баас, арабский национализм, холодная война, региональная безопасность

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. Курдский фактор в ближневосточной политике Сирии. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 3. С. 230–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-230-237

KURDISH FACTOR IN SYRIA'S MIDDLE EAST POLICY

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

In the history of the modern Syrian state, it dealt with Kurdish issues more in the foreign policy realm rather than in the context of domestic politics. Engagement with foreign radical political organizations is a well-known feature of Syrian foreign policy. In addition to radical groups that openly challenged the United States and

---

¹ Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург; a.pobedonostseva@spbu.ru

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya, PhD (History), Associate professor, Department of History of the Middle East Countries, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg; a.pobedonostseva@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-6556-3950

the West, Syria also worked with more moderate forces. This allowed Damascus to strengthen its position in international politics, as long as such cooperation did not entail the harsh and comprehensive sanctions that began to be imposed by the West after the end of the Cold War. Since the late 1950s, the Syrian regime underwent many changes but maintained ties to the leftist political scene in the region and beyond. Its connections with the PLO and its constituent factions are studied in many scholarly articles. It was believed that such interaction fit into the ideological framework of the left-nationalist regime with its ideological stance of supporting the Palestinian resistance. But in addition to Palestinian groups, the Syrian government has also worked with non-Arab actors, particularly Kurdish ones, which shows a willingness to take risks in showing solidarity not only on the Palestinian issue. In working with them, the Syrian leadership tried to use them as an instrument of pressure on neighboring countries. The article reconstructs the history of the initial stage of interaction between the Syrian authorities and non-Syrian Kurdish organizations (1955–1974), for which official documents and publications of that time were used, as well as the memories of participants in the events.

Keywords: Kurds, Syria, Iraq, Baath party, Arab nationalism, Cold War, regional security

For citation: Pobedonostseva-Kaya A. O. Kurdish Factor in Syria's Middle East Policy. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 230–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-230-237

По словам О. А. Вестада, холодная война была последней великой международной системой, и «все ведущие державы мира основывали свою внешнюю политику на некотором отношении к ней» [Westad, 2017, p. 1]. Вестада признает, что некоторые конфликты, такие как арабо-израильские войны или конфликт в Южной Азии, были в большей степени движимы соответствующими региональными событиями, нежели процессами Холодной войны [Westad, 2017, p. 4]. Есть основания предполагать, что то же можно сказать и относительно процессов в курдских районах Ближнего Востока, яркой иллюстрацией чего может служить история отношений Сирии с политическими организациями несирийских курдов. Взаимодействуя с ними, Дамаск зачастую действовал не только без координации с СССР, но и против советских интересов, оставаясь при этом союзником СССР и продолжая получать советскую помощь.

История конфликта иракского правительства и курдов, а также история двух основных курдских партий связаны с Дамаском. Это стало возможным потому, что в случае связей Сирии с несирийскими курдскими организациями Дамаск действовал внутри региона, который сформировался в результате долгой истории и влияния общих географических особенностей. Различные части ближневосточных земель с преобладающим или значительным присутствием курдского населения — Турецкого, Иракского, Иранского и Сирийского Курдистанов — можно сравнить с «сообщающимися сосудами».

Обстоятельства холодной войны способствовали расцвету радикальных политических движений по всему миру, поскольку целый ряд государств, включая Сирию, имели возможность поддерживать те или иные политические организации. Обе сверхдержавы по своим собственным, постоянно меняющимся соображениям по очереди обеспечивали прикрытие и помощь этому относительно небольшому государству, возглавляемому радикальными лидерами, которые никогда не были политиками «одной проблемы» и не только противостояли Израилю, но и вмешивались в ряд других международных конфликтов.

В этой статье предпринята попытка реконструировать историю взаимодействия Сирии с курдскими организациями. Для чего были рассмотрены документы и публикации того времени, а также воспоминания участников событий — курдских политиков и активистов. Так как сирийские государственные архивы по понятным причинам недоступны для изучения этой темы,

соответствующие процессы были изучены на основе несирийских источников, например, архивных материалов ЦРУ и документов многолетнего руководителя ливанских спецслужб Эмира Фариды Шихаба (Wilson Center Digital Archive)².

Сирийская поддержка несирийских курдов в контексте сближения Сирии с СССР и Египтом

1955 г. стал точкой отсчета в истории отношений правительства Сирии с несирийскими курдами, которые начались в примечательном контексте. После того как в феврале 1955 г. три страны со значительной долей курдского населения — Турция, Иран и Ирак (вместе с Великобританией и Пакистаном) заключили Багдадский пакт, Сирия стала первой арабской страной, которая установила тесные отношения с СССР и закупила советское оружие.

Одновременно возрос и ее интерес к курдскому движению на Ближнем Востоке. Уже 16 июля 1955 г. в Баку произошла встреча Али Бузу³ и Мустафы Барзани⁴. Если попытка молодого курдского активиста Джаляля Талабани установить отношения с арабскими националистическими партиями в Сирии в том же 1955 г. не увенчалась успехом, то в 1956 г. он уже получил в Сирии политическое убежище и щедрую стипендию от правительства. Вместе с иранскими курдскими активистами — Абдуррахманом Забиhi⁵ и поэтом Хизаром Мукрияни⁶ Талабани участвовал в создании сирийских курдских партий, и результатом его деятельности стало начало контактов между арабскими националистическими партиями, правившими в Сирии, с Демократической партией Курдистана (ДПК). При посредничестве иракских партий Баас и Истиклал была организована серия встреч между активистами иракских курдов и сирийскими политиками, принадлежавшими к левым националистическим партиям. Так, Талабани, Забиhi и Камаль Фуад⁷ встретились сначала с председателем сирийского парламента и лидером Арабской социалистической партии⁸ Акрамом аль-Хурани⁹, а затем с главой сирийской военной разведки и влиятельным членом «Свободных офицеров» Абдель-Хамидом аль-Сарраджем¹⁰ [Talabani, 2018, pp. 521–522].

В 1958 г. курдско-сирийские связи получают новый импульс, что происходит в контексте создания в феврале Сирией и Египтом Объединенной Арабской Республики. Дамаск отныне мог

² URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org> (дата обращения: 01.01.2024).

³ Али бин Абдул-Вахаб Бузу (1916–1985) — влиятельный сирийский политик 1950-х гг. В 1954–1956 гг. был министром внутренних дел. С 1958 г. и до конца своей карьеры, когда к власти пришла партия Баас, был известен своей лояльностью идеологии арабского единства и сотрудничеством с Гамаль Абдель Насером.

⁴ «Ali Botho/Mustapha al Barazani», 07.10.1946, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165634> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵ Абд-ар-Рахман Забиhi (1920–1980) — курдский поэт, писатель, журналист, лингвист, политик. Родился в Мехабде, входил в руководство первой националистической политорганизации Иранского Курдистана «Комалай Жийанавай Курдистан», был главным редактором курдского журнала «Ништиман» (1943–1944), членом политбюро Демократической партии Курдистана и редактором газеты «Хебат».

⁶ Абд-ар-Рахман Шарафканди (1921–1991) — курдский писатель и поэт, известен под псевдонимом Хажар. Родился в Мехабде. Брат курдского политика и второго секретаря Демократической партии Иранского Курдистана (ДПК) Садека Шарафканди (1938–1992).

⁷ Камаль Абдул Карим Фуад (1932–2014) — курдский лингвист, политик, один из основателей Патриотического союза Курдистана. Получил образование в Германии.

⁸ В 1953–1963 гг. она объединилась с партией Баас, но позже вышла из нее.

⁹ Акрам аль-Хаурани (1912–1996) — сирийский политик, радикал, в 1940–1960-х гг. занимал ряд государственных должностей: спикер сирийского парламента, министр сельского хозяйства и обороны, один из вице-президентов Объединенной Арабской Республики.

¹⁰ Абдель Хамид аль-Саррадж (1925–2013) — сирийский государственный деятель, председатель Исполнительного Совета Северной Территории Объединенной Арабской Республики (премьер-министр Сирии) в 1960–1961 гг.

рассчитывать на поддержку сильнейшего арабского государства в своей внешней политике, в том числе по отношению к курдам. Этому способствовала позиция египетского лидера Гамалы Абдель Насера по курдскому вопросу, который чуть позже выступил посредником в возвращении Мустафы Барзани на родину.

После того как революция 14 июля 1958 г., возглавляемая националистически настроенными военными офицерами, свергла прозападную иракскую монархию и вывела Ирак из Багдадского пакта, Мустафа Барзани и его соратники вернулись из Советского Союза, а еще накануне его возвращения ДПК в 1959 г. возобновила открытую деятельность в Ираке. Бурный рост активности курдского движения, возглавляемого Барзани, немедленно повлек за собой обвинения относительно его связей с СССР. На то были причины, поскольку советские спецслужбы — несмотря на официальные опровержения [Мгои, 1977, с. 17–18] — пытались снабжать его оружием через Сирию. Есть советские свидетельства о том, что по крайней мере один крупный караван с оружием проходил через эту страну [Киселев, 2000, с. 111, 117–145]. Об этом стало известно практически сразу: еще осенью 1961 г. Ахмад Фаузи сообщил, что «Барзани и курды начали вооружаться советским оружием, которое они получили <...> через Халеда Багдаша¹¹ и сирийских коммунистов» [Fawzi, 1961, p. 13]. Такая версия развития событий вполне вероятна: курды действительно были непропорционально представлены в Сирийской коммунистической партии — в то время влиятельной политической силе в сирийском государстве и обществе, а сам Багдаш в 1950–1980-х гг. принадлежал к политическому истеблишменту. Как сообщает в своих мемуарах Талабани, в 1958–1961 гг. курды пытались привлечь на свою сторону некоторые страны, граничащие с Ираком, чтобы заручиться их помощью в случае вооруженной борьбы: «Я, Забиhi и Камаль Фуад связались с сирийскими официальными лицами с просьбой предоставить нам оружие, средства связи и все, что они могли бы нам предоставить на случай, если мы объявим вооруженную борьбу» [Talabani, 2018, pp. 143–144].

Однако сирийское правительство постепенно начало проявлять беспокойство относительно возрождения движения Барзани при участии Советского Союза, и в 1960 г. в Сирии прошла серия арестов курдских националистических активистов. Известные сирийские СМИ начали обсуждать «курдскую опасность», «второй Израиль», «проникновение курдов», намекая на известный в Сирии и регионе нарратив о курдах как о пришельцах из Турции, которые заселили нефтеносный регион Джазира [Blau, 1963, pp. 48–49]. Позже, в январе 1963 г., сирийское правительство начало официальную политику исключения курдов из важных государственных мер, таких как схемы распределения земли в рамках аграрной реформы. Многим курдам в Сирии даже было отказано в сирийском гражданстве, так как еще в 1962 г. Декрет № 93 классифицировал около 120 тыс. курдов как аджаниб, т. е. иностранцы [Gunter, 2014, p. 2].

Публикации, изданные в СССР при участии активистов движения Барзани, начали поступать одновременно и в Ирак, и в Северную Сирию в большом количестве после начала судьбоносного события в холодной войне — Корейской войны 1950 г. Эти публикации призывали курдов взять еврейское сионистское движение в качестве примера при создании курдского государства¹². Барзани продолжал обращаться не только к иракскому, но и к сирийскому населению и в последующие годы, активизировав свои усилия в середине 1950-х гг.¹³

¹¹ Халед Багдаш (1912–1995) — сирийский политик курдского происхождения, лидер Сирийской коммунистической партии в 1937–1995 гг.

¹² «The Kurds and the Russians», 1951, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165756> (дата обращения: 01.01.2024).

¹³ «Mustapha al Barazani's Activities», 16.08.1955, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165750> (дата обращения: 01.01.2024); «Mustapha al Barazani's Activities», 08.1955, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165749> (дата обращения: 01.01.2024).

Традиционные миграционные потоки на Ближнем Востоке, где курды были одним из наиболее крупных кочевых народов, путешествовавших давно сложившимися маршрутами внутри исторического Курдистана, усилили паранойю арабских националистов, которые к 1960-м гг. начали укреплять границы своих современных государств и были впечатлены успехами сионистского движения. Архивные записи ливанских служб безопасности свидетельствуют, что деятельность курдов в сирийском регионе Джазира и советские контакты с курдами были известны в регионе и безопасности власти в Дамаске с 1949 г.¹⁴

Курдское восстание 1961 г. и проблема снабжения

Когда 11 сентября 1961 г. в Ираке вспыхнуло курдское восстание, оно немедленно столкнулось со значительными трудностями. Племенное ополчение, естественно, не смогло противостоять иракской регулярной армии, в серьезную проблему превратилась логистика. Единственным способом связи с внешним миром для курдских повстанцев стали крайне ненадежные маршруты через Сирию: «Иракское правительство ввело экономическую блокаду, турецкая и иранская границы были закрыты, оставив воюющий Иракский Курдистан в осаде и без доступа к морю. В этом отношении Алжир во время войны находился в гораздо более выгодном положении, поскольку алжирцы в целом пользовались марокканской, тунисской и арабской помощью, а также имели доступ к морю» [Vanly, 1965, p. 18]. Неудивительно, что всего через несколько недель после начала восстания его лидер Мустафа Барзани попытался получить политическое убежище сначала в Турции, затем в Сирии, но был отвергнут обеими сторонами [Talabani, 2018, p. 137]. 28 сентября 1961 г. военный переворот привел к выходу Сирии из союза с Египтом, новое правительство начало репрессии против коммунистов, ослабило связи с Советским Союзом. Все это положило конец сирийской поддержке движения Барзани и заставило его искать союзников на Западе и в Иране, а в курдской политике Сирии наступило затишье.

В 1962 г. Барзани начал зондировать возможность наладить связи с США через журналистов, не ставя в известность советскую сторону. Ситуация с курдами еще больше ухудшилась, когда 8–10 февраля 1963 г. к власти в Ираке пришла партия Баас, а 8 марта ее примеру последовало сирийское отделение Баас. Дамаск и Багдад немедленно взяли курс на сближение, начав обсуждать даже вопрос создания совместного военного командования. Тем временем баасистское руководство в Багдаде, которое до переворота пользовалось некоторой поддержкой Запада и все это время демонстрировало явные проамериканские настроения, продолжило боевые действия против курдов Барзани, который все еще полагался на Советский Союз. Барзани, увидевший после прихода Баас к власти неминуемую опасность потерять свой единственный маршрут снабжения, по всей видимости, уже в марте написал в посольство США, но получил отказ [Rahmani, 2012, pp. 42, 45].

Сирийская Баас считалась более просоветской и левой, чем иракская. Это не помешало Дамаску в июне 1963 г. направить значительные военные силы на помощь иракским правительственным войскам в подавлении курдского восстания. Первоначально это было сделано тайно, и, несмотря на публичные обвинения СССР во вмешательстве, Дамаск до конца октября отрицал развертывание своих войск против курдов. Сирийская интервенция, вероятно, действительно помогла

---

¹⁴ См. более десятка документов по этому вопросу в документах Эмира Фарида Шехаба, в то время ключевого ливанского чиновника, отвечавшего за вопросы безопасности: «Jordanian Movements in Lebanon», 22.07.1949, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/176414> (дата обращения: 01.01.2024); «Communist Activities in Aleppo and al Jazeera», 1950, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/175811> (дата обращения: 01.01.2024); «The Kurds in Northern Syria», 1955, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165751> (дата обращения: 01.01.2024).

Багдаду в противодействии Барзани и была завершена к концу года после того, как баасисты в Багдаде были свергнуты пронассеристскими силами [Vanly, 1970, pp. 208–210].

Переориентация курдского движения

Так как СССР не смог организовать снабжение через Сирию, курдские повстанцы попытались наладить связи с израильянами и иранцами. Прозападный Иран, имевший протяженную границу с курдскими районами Ирака, которая проходила по пересеченной местности, предоставлял оружие, припасы и убежище силам Барзани, а израильяне — оружие, разведданные и дипломатическую поддержку на Западе¹⁵. К концу 1960-х гг. связи курдских повстанцев Барзани с режимом иранского шаха переросли в очевидную зависимость. Даже когда в 1966 г. левая фракция ДПК во главе с Ибрагимом Ахмадом и Талабани попыталась выступить против курса руководства Барзани, они обратились за помощью к Тегерану.

Тогда же в конце 1960-х гг. связи с Израилем закрыли для Барзани двери в Дамаск. В 1969 г. борьба за власть в Сирии завершилась победой группировки, возглавляемой Хафезом Асадом. Асад укрепил власть алавитов в Сирии и начал проводить активную политику по отношению к иностранным курдам. Иракские курдские активисты подчеркивали, что и оба сирийских политика-алавита, и обычные алавиты относились к курдам лучше, чем сирийские мусульмане-сунниты или христиане [Talabani, 2018, s. 520, 524].

В 1968 г. иракская Баас вернулась к власти в результате очередного военного переворота и предприняла шаги по прекращению войны в курдских районах. В марте 1970 г. она выпустила декларацию с обещанием создать автономию для курдов, передала некоторые полномочия в местных органах власти структурам ДПК и начала переговоры с Барзани об окончательном урегулировании. Все это вызвало критику Дамаска в адрес новых лидеров в Багдаде за то, что они пренебрегают «иракским арабизмом». Но, как отмечали иракские власти, одновременно сирийские спецслужбы принялись поставлять барзанистскому движению оружие на последнем — вооруженном — этапе его борьбы в 1974–1975 гг. [Arab Ba'th Socialist Party — Iraq, 1983, p. 59].

Сирийское правительство активизировало свою политику в отношении курдов и пошло на столь рискованные шаги после того, как смогло серьезно укрепить свое международное положение и привлечь огромные внешние ресурсы и поддержку, необходимые для финансирования развития страны и ее участия в международной политике. Дело в том, что после того, как в 1972 г. Египет отказался от военного сотрудничества с СССР, Сирия стала ключевым советским союзником на Ближнем Востоке и оставалась им до конца 1980-х гг. Советский Союз даже разместил в Сирии свои войска, чтобы помочь ей в конфронтации с Израилем. Успех Асада в получении советской помощи был связан не только с ролью Сирии в конфронтации с прозападным Израилем, но и с его обещаниями — выполненными лишь частично — предоставить СССР стратегические возможности в Средиземном море, прежде всего военно-морские базы.

Вдобавок Асад решил опереться на ряд консервативных режимов Ближнего Востока, прежде всего иранский. В апреле 1973 г. Дамаск восстановил дипломатические отношения с шахским Ираном, фактически разорванные в 1965 г. Тегеран, вовлеченный в конфликт с Ираком из-за

---

¹⁵ С июля 1963 г. началась операция «Спарта», которая шла в тесном сотрудничестве со спецслужбами шахского Ирана [Podeh, 2022, pp. 368, 467]. В конце 1966 г. по просьбе Барзани для встречи с ним Израиль направил своего официального представителя Арье Лова Алиева, который в 1960-е гг. по поручению руководства Израиля неоднократно посещал с секретными или гуманитарными миссиями мусульманские страны. Алиев и Барзани провели несколько встреч, в ходе которых обсуждались политические и гуманитарные вопросы [Podeh, 2022, p. 377; Aliiev, 5741, p. 21].

восстания Барзани, был заинтересован в восстановлении этих отношений и охотно оказывал поддержку Асаду, также враждовавшему с Багдадом¹⁶.

Курдское восстание продолжалось при все более открытой поддержке Ирана до тех пор, пока шах и иракское правительство не заключили 6 марта 1975 г. Алжирское соглашение. Согласно ему, Ирак отказался от своих притязаний на право судоходства по реке Шатт-эль-Араб в обмен на отказ Ирана от поддержки курдских повстанцев. После этого движение Барзани рухнуло за несколько дней. Западные дипломаты, посетившие регион через несколько недель после этого, охарактеризовали положение в Иракском Курдистане как «спокойное» и подчеркивали полный контроль иракской армии и пассивное отношение местных курдских жителей.

Заключение

Сирийская политика в отношении зарубежных курдов не была продуктом оппортунистического реагирования на возникающие проблемы и возможности, но представляла собой довольно последовательный курс взаимодействия с иракскими и турецкими курдскими организациями. При стабильности самого интереса Дамаска к курдскому вопросу на всем Ближнем Востоке — в историческом Курдистане — важным фактором сирийской политики в отношении несирийских курдов было наличие у сирийского правительства ресурсов и международной поддержки для ее реализации. Это было обусловлено экономической слабостью сирийского баасистского государства, чья политэкономическая база зависела от привлечения внешних ресурсов и поддержки.

Несмотря на эту потребность в привлечении внешних ресурсов, Дамаск руководствовался своими интересами при определении курдской политики, и она была основана прежде всего на региональной раскладке сил, а не на глобальной конфронтации, связанной с холодной войной. Сирия, как и многие другие страны, принадлежит сразу к нескольким регионам, которые либо входят в более крупные регионы, либо частично накладываются друг на друга. Например, она была частью не только Ближнего Востока, но и арабского мира, Средиземноморья. Кроме того, фактически все четыре страны, на территории которых проживает значительное курдское население образуют еще один такой регион — в силу связанности процессов в Сирийском, Турецком, Иракском и Иранском Курдистанах. Именно соображения, касающиеся национальных интересов Сирии, и амбиции ее руководства во внешнеполитической области определяли сирийскую политику в отношении несирийских курдов. И то, и другое было главным образом связано с региональным контекстом, а глобальное противостояние в рамках холодной войны скорее использовалось Дамаском (в частности, для привлечения материальных и нематериальных ресурсов от советского союзника), нежели определяло его поведение.

Именно потому Сирия последовательно саботировала советские попытки поддержать курдское восстание под руководством Мустафы Барзани, а затем допустила его переход на сторону оппонентов СССР. На этом, впрочем, все не закончилось. Впоследствии Сирия в сотрудничестве с тогдашним тесным союзником США — шахским Ираном — способствовала созданию Патриотического Союза Курдистана, который возобновил вооруженную борьбу против сблизившегося с СССР Ирака. Позже, в 1980-х гг., Сирия продолжила эту политику в сотрудничестве с уже исламистским Ираном, начав оказывать поддержку еще и Рабочей партии Курдистана турецких курдов. Излишне говорить, что все это время, с 1955 по 1991 г., Сирия считалась союзником Советского Союза при всех режимах, которые сменяли друг друга в Дамаске.

---

¹⁶ См. записи от 15 и 16 апреля 1973 г. [Alam, 1991, p. 284].

Литература / References

- Киселев А. В. *Секретная миссия на Ближнем Востоке*. М., 2000 [Kiselev A. V. *The Secret Mission in the Middle East*. Moscow, 2000 (in Russian)].
- Мгой Ш. *Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958–1970 гг.)*. Ереван, 1977 [Mgoi Sh. *The problem of the national autonomy of the Kurdish people in the Iraqi Republic (1958–1970)*. Yerevan, 1977 (in Russian)].
- Alam A. *The Shah and I: The Confidential Diary of Iran's Royal Court, 1969–1977*. London, 1991.
- Aliev A. L. In secret mission to Mustafa Barzani. In Kan Nesharim in Kurdistan. *Hidhadshut*. 1980/1981, 5741. Pp. 18–20.
- Arab Ba'th Socialist Party — Iraq. The Central Report of the Ninth Regional Congress (June 1982)*. Baghdad, 1983.
- Blau J. Le problème kurde. Essai sociologique et historique. *Le monde musulman contemporain, Initiations*, No. 4. Bruxelles, 1963 [Blau J. *The Kurdish problem. Sociological and historical essay*. Bruxelles, 1963 (in French)].
- Fawzi A. *Khanajir wa Jibal: Qasim wa al-Akrad*. Bagdad, 1961 [Fawzi A. *Daggers and Mountains: Qasim and Kurd*. Bagdad, 1961 (in Arabic)].
- Gunter M. M. *Out of Nowhere. The Kurds of Syria in Peace and War*. London, 2014.
- Podeh E. *From mistress to public knowledge: Israel's Secret Relations with States and Minorities in the Middle East, 1948–2020*. Tel-Aviv, 2022.
- Rahmani V. *Tarikh al-Ilaqat al-Amrikiya al-Kurdiya*. Arbil, 2012 [Rahmani V. *The History of American-Kurdish relations*. Arbil, 2012 (in Arabic)].
- Talabani J. *Hiwar al-'umr. Mudhakirāt al-Rayis Jalal Tālabāni. Riblatu sittun 'aman min jibali Kurdistan ila qasri al-Salam*. Beyrouth, 2018 [Talabani J. *Memoirs of President Jalal Talabani*. Beyrouth, 2018 (in Arabic)].
- Vanly I. Ch. *Revolution of Iraki Kurdistan*. Committee for the Defense of the Kurdish People's rights. April 1965.
- Vanly I. Ch. *Le Kurdistan Irakien entité nationale. Étude de la Révolution de 1961*. Neuchâtel, 1970 [Vanly I. Ch. *Iraqi Kurdistan national entity. Study of the 1961 Revolution*. Neuchâtel, 1970 (in French)].
- Westad O. A. *The Cold War: A World History*. London, 2017.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПАКИСТАН: ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ
В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА»**

И. Н. Серенко¹

В данной статье представлен обзор международной конференции «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса». Мероприятие проходило 29 января 2024 г. в Институте востоковедения РАН в смешанном, очно-заочном формате. Оно было организовано сектором Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН при содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и Посольства ИРП в РФ. В международном форуме приняли участие главы и сотрудники пакистанского и российского посольств в Москве и Исламабаде, представители Сената ИРП, деловых кругов России и Пакистана, а также руководители, научные сотрудники, преподаватели и молодые исследователи ведущих аналитических центров, институтов и общественных учреждений двух стран. Между участниками международной конференции состоялся широкий обмен мнениями по предложенной ее организаторами повестке российско-пакистанского интеллектуального диалога. В представленных на форуме докладах и выступлениях экспертов были рассмотрены такие актуальные вопросы, как эволюция исторически сложного пути демократизации политического процесса в Пакистане, потенциал многопланового взаимодействия ИРП с РФ и другими регионально близкими государствами после проведения намеченных на 8 февраля 2024 г. всеобщих парламентских выборов, в результате которых в соответствии с действующей конституцией страны к власти должно прийти новое демократически избранное правительство.

Международная дискуссионная площадка в ИВ РАН собрала свыше 80 участников, включая 7 российских и пакистанских послов, а также председателя Постоянного комитета сената Пакистана по правам человека сенатора Валида Икбала. При подведении итогов международной конференции участниками форума было выражено общее мнение о необходимости проведения парламентских выборов в Пакистане на демократической основе для формирования там нового правительства всеобщего доверия, способного вывести страну из глубокого экономического и политического кризисов, продолжить курс на сохранение позитивной динамики пакистано-российских отношений за счет совместных усилий официальной и публичной дипломатии двух стран в условиях возрастающей роли Москвы и Исламабада в процессах евразийской интеграции для обеспечения региональной взаимосвязанности, стабильности и безопасности.

Ключевые слова: парламентские выборы, пакистано-российские отношения, официальная и публичная дипломатия, евразийская интеграция

Для цитирования: Серенко И.Н. Международная конференция «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 238–265. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-238-265

---

¹ Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru
Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4949-254X

INTERNATIONAL CONFERENCE
“PAKISTAN: POTENTIAL OF COOPERATION WITH RUSSIA IN CONTEXT
OF DEMOCRATIZATION OF POLITICAL PROCESS”

Irina N. Serenko

This article is an overview of the International conference “Pakistan: Potential of Cooperation with Russia in Context of Political Process Democratization”. The event was held on January 29, 2024 at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in a hybrid, offline and online format. It was organized by the Pakistan Sector of the Center for the Near and Middle Eastern Countries Study of the IOS RAS with the assistance of the A.M. Gorchakov Foundation for Public Diplomacy and the Embassy of the IRP in the Russian Federation. The International forum was attended by heads and staff of the Pakistani and Russian Embassies in Moscow and Islamabad, representatives of the Senate of the IRP, Russian and Pakistani business communities, as well as heads, scholars, teachers and young researchers of leading analytical centers, institutes and public institutions of both countries. The participants of the International conference had a wide exchange of views on the Russian-Pakistan intellectual dialogue agenda proposed by the organizers. While presenting their papers and speeches they discussed such relevant issues, as the evolution of the complicated historical course of the political process democratization in Pakistan, the IRP potential for multilateral interaction with Russia and other regionally close states after the general Parliamentary elections scheduled for February 8, 2024, as a result of which, according to the current Constitution, the new democratically elected government should come to power there.

The International discussion platform at the IOS RAS assembled over 80 participants, including 7 Russian and Pakistani Ambassadors, as well as the Chairman of the Pakistan Senate Standing Committee on Human Rights, Senator Walid Iqbal. Summing up the results of the International conference, the Forum participants expressed their shared opinion on the importance of holding parliamentary elections in Pakistan on the democratic basis for the formation of a new government of national trust, capable to lead the country out of deep economic and political crises, and to continue the course of maintaining the positive dynamics of Pakistan–Russia relations through joint efforts of official and public diplomacy of the two countries in the context of Moscow and Islamabad increasing role in the processes of Eurasian integration for the promotion of regional connectivity, stability and security.

Keywords: parliamentary elections, Pakistani-Russian relations, official and public diplomacy, Eurasian integration

For citation: Serenko I.N. International Conference “Pakistan: Potential of Cooperation with Russia in Context of Political Process Democratization”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 238–265. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-238-265

В Институте востоковедения РАН 29 января 2024 г. состоялась международная конференция «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса». Она была организована сектором Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока при содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и Посольства ИРП в РФ. В ее работе приняли участие более 80 докладчиков и приглашенных гостей: главы и сотрудники пакистанского и российского посольств в Москве и Исламабаде, представители Сената ИРП, деловых кругов России и Пакистана, а также руководители, научные сотрудники, преподаватели и молодые исследователи ведущих аналитических центров, институтов и общественных учреждений двух стран. Данное мероприятие прошло в смешанном, очно-заочном формате с помощью использования платформы Zoom.

В целом было заслушано 35 докладов, затрагивающих обсуждение таких актуальных вопросов, как эволюция трудного пути становления и развития демократизации политического процесса в Пакистане, его потенциал многопланового взаимодействия с Россией и другими регионально близкими государствами после проведения 8 февраля 2024 г. всеобщих выборов в парламент Республики, предусматривающих создание в стране нового демократически избранного правительства. Работа международной конференции прошла в формате 3-х сессий. Рабочими языками были русский и английский.

Международный форум открыл и провел Сессию I заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН профессор **Вячеслав Яковлевич Белокреницкий**. Со словами приветствия к участникам конференции обратился директор ИВ РАН **Аликбер Калабекович Аликберов**.

Со вступительной речью выступил Посол Пакистана в Москве **Мухаммад Халид Джамали**, приступивший в сентябре 2023 г. к своим обязанностям главы дипмиссии ИРП в РФ. Он выразил удовлетворение в связи с тем, что Посольству Пакистана в Москве удалось наладить регулярный диалог и взаимодействие с известным во всем мире своими богатыми научными традициями Институтом востоковедения РАН. Он заверил собравшихся в том, что приложит все усилия для дальнейшего укрепления связей между научными кругами двух стран, направленных на расширение многопланового пакистано-российского сотрудничества, которое, по заявлению посла, остается одним из приоритетов во внешней политике Пакистана. Касаясь современного состояния двусторонних отношений и достигнутого прогресса в межгосударственном взаимодействии, он подчеркнул, что в политических кругах страны существует консенсус о необходимости дальнейшего улучшения отношений с Россией, что не только отвечает национальным интересам Пакистана, но также способствует укреплению региональной и глобальной стабильности и безопасности. И в этом контексте Пакистан играет конструктивную роль в совместном Московском формате по разрешению кризисной ситуации в Афганистане. Пакистан намерен активизировать сотрудничество с Россией

в таких областях, как торговля, экономика, безопасность, борьба с терроризмом, оборона, а также в сфере культуры, образования и гуманитарных контактов.

За 75 лет, прошедших после установления межгосударственных дипломатических отношений, юбилейная дата которых была совместно отмечена в 2023 г., отношения между двумя странами, по оценке пакистанского посла, кардинально изменились, и они характеризуются растущим потеплением и доверием. Глава дипмиссии с удовлетворением поделился своими воспоминаниями о том, что в ходе церемонии его вручения президенту России верительных грамот Владимир Путин охарактеризовал пакистано-российские отношения по-настоящему дружественными. По мнению высокопоставленного дипломата, обе страны создали крепкую архитектуру диалога на всех уровнях. В качестве примера была приведена важная встреча в октябре 2023 г. временного премьер-министра ИРП Анвара-уль-Хак Какара с российским президентом В. В. Путиным, а также предстоящий визит министра иностранных дел С. В. Лаврова в Исламабад после проведения в стране 8 февраля текущего года всеобщих парламентских выборов. Укрепляются межпарламентские связи, налаживаются регулярные межпарламентские обмены, в том числе и на высшем уровне. В июне прошлого года Москву с официальным визитом посетил председатель Сената Пакистана Садик Санджрани. Ответный официальный визит в Исламабад председателя Совета Федерации РФ Валентины Матвиенко запланирован на текущий год. Взаимодействие демократических институтов парламентаризма на двусторонней и многосторонней основе может служить более глубокому взаимопониманию между народами (текст его выступления см. *Muhammad Khalid Jamali. С. 266–267*).

Посол РФ в Исламабаде **Альберт Павлович Хорев** в своем выступлении (онлайн) выразил благодарность руководству ИВ РАН за организацию важной международной конференции и предоставленную возможность участия в ней, отметив высокий уровень взаимодействия научных кругов двух стран на современном этапе. Он также положительно оценил динамику двусторонних торгово-экономических отношений, политических контактов на высоком и высшем уровнях, взаимодействие России и Пакистана в рамках международных объединений и организаций, включая ШОС и ООН. Российский посол подчеркнул важность расширения образовательных и культурных связей между народами двух стран для налаживания долгосрочных межгосударственных отношений (текст его выступления см. *А. П. Хорев. С. 277–278*).

Данила Викторович Ганич (российский посол в Пакистане, 2019–2023) в своем обращении к участникам форума (на англ. яз.) также выразил глубокую признательность его организаторам за предоставленную возможность выступить перед авторитетными учеными, экспертами, исследователями, политиками и дипломатами. Была подчеркнута уверенность в том, что участие в данном мероприятии действующих послов России и Пакистана будет способствовать практической реализации совместных рекомендаций, выработанных в ходе обсуждения сторонами современного состояния и перспектив развития российско-пакистанских отношений. Основными в повестке двух государств остаются вопросы, касающиеся проведения в 2024 г. февральских общенациональных парламентских выборов в Пакистане и мартовских президентских — в России, которые не приведут к значительным изменениям на политическом поле. Важно, что российская и пакистанская правящие элиты стремятся к дальнейшему укреплению двусторонних отношений. Осознавая, что мир стал чрезвычайно опасным, Москва и Исламабад продвигают дух сотрудничества и равенства на международной арене — в противовес глобальной конфронтации и неокOLONIALИЗМУ, совместно выступая против исламофобии и всех других видов экстремизма, включая идеологию неоконсерваторов. Социальная структура двух стран во многом схожа и основана на семейных ценностях и традициях. По оценке опытного дипломата, будущее российско-пакистанских отношений вселяет оптимизм (полный текст его выступления см. *Danila V. Ganich. С. 268*).

С приветственной речью к участникам данного форума в онлайн формате обратилась также известный пакистанский дипломат **Масума Хасан** (председатель Научно-исследовательского института международных отношений, Карачи). Подчеркивая важность поддержания отношений Пакистана с Российской Федерацией, она выразила уверенность в том, что любой партии, пришедшей демократическим путем к власти в Пакистане в результате намеченных на 8 февраля 2024 г. всеобщих выборов, будет необходимо определять свои внешнеполитические приоритеты в условиях быстро меняющегося мирового порядка, включая российское направление межгосударственного взаимодействия. Пакистан с населением 241 млн человек является пятой по величине страной в мире. В XXI в. здесь уже четырежды проходили парламентские выборы (2002, 2008, 2013 и 2018 гг.). Президентские выборы запланированы и в Российской Федерации (март 2024 г.).

Хотя в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, опубликованной в начале 2023 г., Пакистан не упоминается поименно, в ней одновременно говорится о революционных изменениях в мировом порядке. Значение России для Пакистана возросло из-за стратегического совпадения ее интересов с Китаем — главным союзником Пакистана. Между двумя странами существует множество направлений сотрудничества. Обе страны верят в построение многополярной международной системы. Особенно после вывода Соединенных Штатов из Афганистана Пакистан попытался диверсифицировать свои международные отношения.

По мнению спикера, несмотря на многие имевшиеся в прошлом перипетии в отношениях Пакистана с Россией, меняющийся мировой порядок сблизил их. Российские инвестиции в Пакистан в энергетическом секторе представляются наиболее важными. Россия является крупнейшим в мире экспортером природного газа и вторым по величине экспортером нефти. Новое демократическое правительство Пакистана может обратиться за помощью к России в реализации гидроэнергетических проектов, а также попытаться возродить после завершения кризиса на Украине газопровод Pakistan Stream протяженностью 1100 км (PSGP), по которому СПГ будет доставляться из Карачи и Гвадара в Лахор. В последнее время расширились торговые и военные связи между двумя странами. Благодаря членству в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) обе страны взаимодействуют в поддержании мира в регионе и борьбе с экстремизмом, а также в рамках расширенного БРИКС, заявку на членство в котором Пакистан недавно подал. Пакистан является жертвой трансграничного терроризма из Афганистана, а также незаконного потока наркотиков. Противостоять этим угрозам эффективно можно при помощи российской стороны.

Наиболее важной опытному дипломату представляется также роль России в реализации таких транспортно-энергетических проектов взаимосвязанности Пакистана с государствами Центральной Азии (многие из них застопорились из-за нестабильной обстановки в Афганистане), как проект амбициозной железнодорожной магистрали Пакистан–Афганистан–Узбекистан протяженностью 573 км (ПАКАФУЗ), а также более известных проектов CASA 1000 и ТАПИ. Хотя Пакистан и Россия не имеют общей границы, он может поддержать российскую инициативу по созданию Большого евразийского партнерства путем объединения потенциала государств региона и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (BRI), активным участником которой является и Пакистан (полный текст ее выступления см. *Masuma Hasan. С. 273*).

В своей приветственной речи (на англ. яз.) председатель Ассоциации российских дипломатов **Игорь Васильевич Халевинский** поздравил руководство ИВ РАН и организаторов международного форума с инициативой проведения актуального мероприятия по укреплению российско-пакистанского сотрудничества. Он выразил удовлетворение и радость от того, что имеет возможность находиться в рядах так называемого Клуба друзей Пакистана на площадке Института востоковедения РАН с участием Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова,

а также пакистанского и российского посольств в Москве и Исламабаде. Он поделился с участниками конференции яркими воспоминаниями из своей давней юности, когда он во второй половине 1960-х годов впервые вместе со своими двумя сокурсниками 6-го года обучения в МГИМО приехал на полгода в Карачи для прохождения студенческой практики в Пакистане. Молодые люди были поражены динамичным развитием страны, которая представляла собой в то время большую строительную площадку с возводимыми фабриками, заводами и зданиями. При этом они повсюду чувствовали дружеское к себе отношение со стороны пакистанцев. Это ощущение дружелюбия, как следует из дальнейших воспоминаний спикера, не покидало его и во время двух других поездок в Пакистан, где он находился на дипломатической работе сначала в ранге атташе, а затем первого секретаря посольства Советского Союза. По роду службы ему приходилось постоянно сопровождать советского посла на различные приемы и встречи с президентами Пакистана, включая М. Айюб Хана, А. М. Яхья Хана, З. А. Бхутто и М. Зия-уль-Хака. Отношения между сторонами складывались в духе сердечности, поддержки друг друга и уважения. И это в то время, когда Пакистан был членом двух империалистических блоков — СЕАТО и СЕНТО. На встречах с руководством и представителями различных политических партий, прессы всегда чувствовался неподдельный интерес к Советскому Союзу, желание развивать с ним двусторонние отношения. После успешного проведения советскими специалистами работ по разведке месторождений нефти и газа при содействии и финансовой поддержке СССР в Пакистане была создана Корпорация по развитию нефтяной и газовой промышленности. Кроме того, при участии советских специалистов в Пакистане было осуществлено строительство линии высоковольтных передач и началось строительство Карачинского металлургического комбината. В целом после 7 лет пребывания в стране у советского дипломата сложилось общее впечатление о Пакистане как о динамично развивающейся нации и стране, имеющей большие перспективы.

Делясь опытом своей насыщенной и длительной работы на внешнеполитическом поприще, дипломат с удовлетворением вспомнил свое тесное взаимодействие с известными и яркими пакистанскими послами в Москве (Джамшид Маркер, Захир Джанджуа), а также с другими пакистанскими коллегами по внешнему ведомству в бытность работы в ООН, где он с удовольствием по старой привычке общался с пакистанскими партнерами на урду, что придавало их сотрудничеству на этой многосторонней площадке особый доверительный характер. На современном этапе российско-пакистанские отношения, по оценке опытного дипломата, развиваются вполне успешно. Он выразил благодарность сотрудникам сектора Пакистана за их энтузиазм и большую работу по выстраиванию российско-пакистанских отношений на дружественной основе, пожелав при этом послам России и Пакистана приложить максимум усилий для дальнейшего укрепления двустороннего межгосударственного сотрудничества.

Почетный гость данной международной конференции — председатель Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека Сенатор **Валид Икбал** обратился с приветственной речью к многочисленным участникам в своем видеообращении. Сохраняя традицию поддержания интеллектуального диалога между народами двух стран для продвижения межгосударственных отношений по нарастающей траектории дальнейшего сближения, он с удовлетворением отметил, что за последние 3–4 года ему посчастливилось трижды по приглашению Института востоковедения РАН принять участие в организованных этим ведущим мировым аналитическим центром международных конференциях. При этом сенатор выразил сожаление о том, что в связи с профессиональной и политической загруженностью в Пакистане накануне предстоящих парламентских выборов ему не удалось принять личное или онлайн участие в очередной российско-пакистанской конференции, используя в этот раз лишь возможность видеообращения к собравшимся на диалоговой

площадке ИВ РАН участникам для обсуждения столь важных для двух стран вопросов. Они касаются как российско-пакистанских отношений в целом, так и проблем региональной взаимосвязанности и развития государств, роли внутренней безопасности Пакистана в выстраивании внешней национальной политики на российском направлении, наведения мостов межгосударственного взаимодействия через научно-образовательное сотрудничество народов двух стран. Спикер выразил уверенность в том, что выработанные в результате проведения данной конференции аналитические выкладки и рекомендации внесут большой вклад в расширение пакистано-российских отношений, подчеркнув, что среди всего политического спектра Пакистана существует общее согласие по поводу необходимости их дальнейшего укрепления.

Касаясь непосредственно заявленной темы конференции, он напомнил собравшимся о своем участии в составе делегации пакистанских парламентариев в качестве международных наблюдателей за ходом проходивших в 2021 г. выборов депутатов Госдумы РФ. Было отмечено, что для пакистанской стороны это имело большую практическую значимость в плане ознакомления с демократическим процессом электронного голосования и подведения его итогов. Этот формат постепенно вводится и в Пакистане, но все еще не получил своего логического завершения. Ожидается, что за предстоящими в стране парламентскими выборами 8 февраля текущего года в свою очередь будет наблюдать и российская делегация, члены которой приглашены в Пакистан в качестве международных наблюдателей.

В заключение Сенатор еще раз выразил благодарность Институту востоковедения за большую работу по укреплению российско-пакистанских отношений, отметив свою готовность оказывать всяческую поддержку и содействие дальнейшим начинаниям ИВ РАН в расширении двустороннего сотрудничества, включая сферу культуры (литература, драма, музыка, искусство). В последние месяцы, по его признанию, он сам над этим активно работает, раскрывая великую историю России и ее богатое культурное наследие, знакомство с чем, по его убеждению, способно придать новый импульс сближению народов двух стран.

В своем онлайн обращении к собравшимся участникам форума бывший посол Пакистана в РФ (2016–2019), исполнительный директор Центра международных стратегических исследований Синда **Кази Мухаммад Халилулла** (Карачи) подчеркнул важность развития пакистано-российских отношений в современных реалиях региональной и мировой трансформации. В период его работы в Москве в качестве посла, по оценке спикера, в этом отношении было сделано многое, в том числе благодаря тесному сотрудничеству с учеными ИВ РАН (В. Я. Белокреницким, И. Н. Серенко и др.), а также с высокопоставленными сотрудниками Министерства иностранных дел РФ, других российских министерств и ведомств. При этом была выражена уверенность в том, что исход предстоящих 8 февраля выборов никак не повлияет на пакистано-российские отношения, поскольку все политические партии Пакистана и государственные институты разделяют общее стремление к укреплению отношений с Россией.

Было отмечено, что данная конференция является третьей пакистано-российской конференцией за последние девять месяцев, в которых спикеру довелось участвовать лично и онлайн. Первая конференция была организована Институтом востоковедения в Москве в мае 2023 г. в ознаменование 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Вторая была организована в Исламабаде в ноябре 2023 г. Институтом стратегического видения в сотрудничестве с Российским центром исследований энергетики и безопасности на тему «Пакистано-российские отношения в условиях трансформации глобального порядка».

Эти конференции, по мнению посла, свидетельствуют о совместных усилиях аналитических центров по дальнейшему укреплению пакистано-российских отношений при непосредственной

поддержке со стороны посольств и правительств обоих государств, что в конечном результате способствует продвижению двустороннего сотрудничества по восходящей траектории. Исламабад и Москва, по оценке опытного дипломата, поддерживают тесные и многогранные отношения, основанные на взаимном уважении, доброй воле и доверии. За последние два десятилетия стороны тесно сотрудничали и преуспели в укреплении отношений в различных областях, включая торговлю, энергетику, безопасность и взаимодействие военных структур. Пакистан и Россия также тесно сотрудничают на многосторонних форумах, включая ШОС.

Выстраивание взаимосвязанности государств через создание морских, автомобильных и железнодорожных коридоров Пакистан–Россия обуславливает необходимость долгосрочного двустороннего сотрудничества Исламабада и Москвы, которые обладают значительным историческим опытом совместной работы, уходящим в советские времена (Карачинский метзавод, энергетические проекты в Гудду, Музаффаргархе и т. д.). В мае прошлого года было запущено первое в истории двух государств прямое морское сообщение между Санкт-Петербургом и Карачи. Прибытие 25 мая 2023 г. судна NECO Line “MV Crystal St. Petersburg” в порт Карачи ознаменовало создание морского коридора между двумя странами. Однако морские торговые пути стали уязвимыми из-за геополитических разногласий и реакции на геноцид Израиля в Палестине, что подчеркивает важность сухопутных коридоров.

Основное внимание в экономическом сотрудничестве между Пакистаном и Россией, как и в советский период, по-прежнему уделяется энергетическим проектам, включая строительство газопровода «Пакистанский поток» (“Pakistan Stream”), подводного трубопровода с Ближнего Востока в Южную Азию, поставку сжиженного природного газа автомобильным транспортом через Афганистан и т. д. Создание временного правительства Афганистана после хаотичного вывода из страны в 2021 г. иностранных войск позволило Пакистану, России и республикам Центральной Азии расширить торговлю через Афганистан. В последние месяцы грузовики с товарами из России и Казахстана совершили первые в истории поездки в Пакистан через Афганистан, включая доставку автомобильным транспортом российского сжиженного газа. По данным пакистанских трейдеров, 90% товаров из Пакистана в Россию экспортируется через Афганистан и Узбекистан.

Было подчеркнуто, что концепция Пакистана «Видение Центральной Азии» фокусируется на расширенном и ориентированном на результат взаимодействии со странами Центральной Азии в рамках пяти основных направлений: политика; торговля и инвестиции; энергетика и связь; безопасность и оборона; контакты между людьми. Согласно Политике национальной безопасности Пакистана (2022–2026), геэкономический стержень Исламабада сосредоточен на укреплении торгово-экономических связей посредством подключения сухопутных маршрутов Центральной Азии к морским путям Пакистана для реализации совместных транспортно-энергетических проектов с центральноазиатскими республиками с возможностью подключения к ним и РФ (ТАПИ, CASA 1000 и др.).

Кроме того, согласно сообщениям СМИ, Россия проявляет интерес к проекту модернизации железнодорожной линии Кветта-Тафтан из Пакистана в Иран, что послужит созданию международного железнодорожного коридора между Пакистаном и Россией через Иран. Движение грузовых поездов между Пакистаном, Ираном и Турцией было возобновлено в декабре 2021 г. Поезд преодолевает более 1990 км по территории Пакистана, 2600 км по Ирану и 1850 км по Турции, прежде чем достигает своей конечной остановки в Стамбуле. Он совершает поездку в одну сторону за 11 дней. Это на 10 дней меньше, чем по морю (21 день). Помимо этого, в феврале 2021 г. лидеры Пакистана, Узбекистана и Афганистана согласовали дорожную карту строительства железнодорожного сообщения протяженностью 573 км от Мазари-Шарифа до Пешавара через Кабул. Уже

существуют железнодорожные и автомобильные маршруты от Термеза до Мазари-Шарифа, соединяющие Узбекистан с Афганистаном. Подключение также возможно в рамках ШОС. Пакистан планирует соединить китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) с другими коридорами в Центральной Азии. Для продвижения региональной взаимосвязанности ШОС обладает большим потенциалом, поскольку с точки зрения географического положения и численности населения эта крупнейшая в мире региональная организация охватывает около 60% площади Евразии, 40% мирового населения и более 30% мирового ВВП. Взаимодействие России и Пакистана в реализации совместных проектов соотносится с российской концепцией интеграции евразийского пространства.

В заключение было высказано мнение о том, что московский формат консультаций был очень эффективен в содействии миру в Афганистане, и сторонам теперь стоит подумать о создании аналогичного формата для содействия региональному взаимодействию в целях развития (полный текст его обращения см. *Kazi M. Khalilullah. С. 274–276*).

В рамках первой сессии конференции со своими докладами в смешанном, очно-заочном формате, помимо представителей официальной дипломатии, выступили ведущие ученые и эксперты из академических институтов, центров и организаций Пакистана и России.

Мухаммад Атар Джавед (генеральный директор аналитического центра международных отношений “Pakistan House”, Исламабад) в своем докладе «*Процесс демократизации Пакистана: вызовы и возможности*» указал на необходимость обсуждения процесса демократизации с точки зрения роли Пакистана в стабилизации Южноазиатского региона и его вклада в международную стабильность. При этом российско-пакистанские отношения докладчик рассматривает через призму как исторических связей, так и формирующейся новой нормальности в свете ведущей роли России в защите от экспансионистских замыслов западного мира посредством режима санкций и навязывания так называемых цивилизационных рамок Запада. Была отмечена возрастающая роль РФ в плане взаимосвязанности государств Южной и Юго-Восточной Азии, а также Среднего Востока. Касаясь исторического аспекта пакистано-российских отношений, он отметил, что краеугольным камнем всей дипломатической системы межгосударственного взаимодействия стал совместный проект строительства Карачинского металлургического завода, который способствовал созданию новой отрасли промышленности и индустриализации Пакистана в целом, предоставил значительное число рабочих мест пакистанцам, заложил основу взаимовыгодного сотрудничества. Одновременно было подчеркнуто, что внешнее насаждение демократических принципов западного образца без учета местной специфики, прямое и негативное воздействие внешнего давления и неоправданной, принудительной дипломатии являются неприемлемыми для Пакистана, побуждают его расширять свои региональные и глобальные дипломатические отношения на прагматичной, инклюзивной основе. Период однополярного мира закончился, он трансформировался в многополярный. Демократический процесс в Пакистане привнес несколько новых идей относительно того, как, с одной стороны, бороться с санкционным режимом Запада, а с другой, как пакистанскому государству установить взаимовыгодные отношения и с Западом, и с Россией, взаимодействие с которой в последнее время позитивно развивается на многоплановой основе, включая важную сферу транспортно-энергетического сотрудничества.

Раза Мухаммад (посол, д-р, генерал-майор в отставке, президент Исламабадского института политических исследований — IPRI), раскрывая тему доклада «*Формирование будущей траектории пакистано-российских отношений в меняющейся глобальной обстановке*», подчеркнул, что меняющийся глобальный геополитический и экономический ландшафт позволили Пакистану и России пересмотреть свои отношения. Прочная многосторонность рассматривается обеими

странами как наилучший курс действий в международных делах. Исламабад и Москва имеют много общего в своих внешнеполитических взглядах, помимо дальнейшего экономического, политического и оборонного сотрудничества. Обе страны институционализировали свои отношения путем создания межправительственных рабочих групп по экономике, торговле, стратегической стабильности и борьбе с терроризмом. Меняющаяся геостратегическая обстановка в Евразийском регионе определяет новые ориентиры, которые позволили Москве и Исламабаду работать сообща во имя регионального мира и безопасности. Они восстанавливают баланс в своих связях, принимая во внимание насущные реалии на местах и сотрудничая в области экономики и региональной интеграции. Они также пересмотрели свои политические позиции и сближаются в таких областях, как сотрудничество в области обороны и инвестиций. Закупка четырех вертолетов Ми-35, участие в многонациональных совместных военно-морских учениях «АМАН» наряду с военными учениями «Дружба», создание Совместного военного консультативного комитета и подписание Меморандума о взаимопонимании по инвестициям в Пакистанский сталелитейный завод, металлургию, железные дороги, энергетику, развитие научно-технических связей являются некоторыми из отличительных черт отношений Пакистана и России. Это оказывается очень важным для их будущего сотрудничества в качестве региональных союзников.

Одна из главных областей взаимной озабоченности и взаимодействия Москвы и Исламабада — Афганистан. Обе страны хотят мира, и между ними развивается стратегическое взаимопонимание. Положительным моментом является то, что обе страны выступают против гегемонии внешних держав и работают над всеобъемлющим партнерством в продвижении региональной и глобальной стабильности.

Россия, по убеждению докладчика, стала державой, с которой необходимо считаться, и она придала новый импульс стратегическому взаимопониманию с Китаем. Обе страны являются развивающимися экономиками и прошли долгий путь от небольших держав до образований, влияющих на геополитику за пределами своих регионов. Конечно, это создало новые возможности и вызовы для соседних стран, и Пакистан правильно воспользовался моментом, изучая новые пути взаимодействия и сотрудничества с ними.

По мнению эксперта, война на Украине нанесла огромный ущерб растущему влиянию России. Санкции, введенные против нее Западом, ущемляют ее статус державы, но она успешно смогла утвердить свое положение, диверсифицировав свои связи с Европейским союзом, Турцией и Ближневосточными государствами. Это прагматичное решение направлено на сохранение политического и экономического положения России в условиях внешнего давления. Россия восстанавливает свой имидж в многополярном мире и стремится к хорошим отношениям со всеми. Она также является активным игроком на мировой арене и автоматически скорректировала свои отношения с Соединенными Штатами и их западными союзниками. Исторически сложилось так, что Россия обладала значительным авторитетом в пределах территорий своего влияния, охватывающих Прибалтику, Кавказ и Центральную Азию. Российско-украинская война служит свидетельством напористости Москвы. Региональная стратегическая обстановка в Южной Азии и на Ближнем Востоке, особенно на фоне ситуации с безопасностью в Афганистане после вывода войск США, усиления ИГИЛ и конфликта в Газе (в прошлом гражданская война в Сирии), вынудила Россию сосредоточить свое внимание не только на сиюминутных проблемах безопасности. Расширение взаимодействия с Азией, особенно посредством принципиального партнерства с Пекином, позиционирует Пакистан в качестве ключевого игрока в стабилизации экономической траектории России.

Факторы, определяющие сотрудничество России, Китая и Пакистана, заложены в формирующихся межрегиональных экономических перспективах, которым способствуют такие инициативы,

как «Один пояс, один путь», Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и его преемник Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Эти совместные усилия направлены на объединение Европы и Азии в суперконтинент, открывая новые возможности для регионального сотрудничества. Инициативы Китая и России в рамках ЕАЭС и ИПП служат основой для их совместных усилий, отвечающих взаимным интересам. В совместной декларации о сотрудничестве между Россией и Китаем, принятой в мае 2015 г., подчеркиваются согласованные усилия по гармонизации проектов ИПП с ЕАЭС. Такое сопряжение приносит Исламабаду дивиденды, позволяющие использовать институциональные договоренности с ЕАЭС, а также дополнительные коммерческие интересы от взаимодействия с РФ и за ее пределами в регионе, особенно учитывая, что это играет важную роль в успехе Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Пакистан, позиционируемый как имеющий решающее значение для паневразийской интеграции, служит мостом между Центральной Азией, Южной Азией и странами ЕС, тем самым влияя на интеграцию Евразийского союза и возрождение Шелкового пути.

Изменение подхода России к Исламабаду является реакцией на изменение в международных структурах власти, напористость Москвы в глобальных делах и напряженные отношения с Вашингтоном. Это растущее геополитическое соперничество и проблемы региональной безопасности в Центральной и Южной Азии побуждают Москву и Исламабад выстраивать стратегические отношения. Формирующиеся региональные договоренности, такие как улучшение китайско-российских отношений и стратегическое сотрудничество между США и Индией, в сочетании с динамикой безопасности в Афганистане открывают возможности для продвижения взаимодействия России с Пакистаном.

Стратегическое значение России для Пакистана заключается в ее статусе крупнейшей державы, экономическом потенциале, праве вето в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) и ведущей роли в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Активные усилия Пакистана по расширению своих внешних связей очевидны в динамике двусторонних отношений, которые начали набирать обороты. Пакистан и Россия институционализировали свои отношения путем создания Пакистано-российской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, Совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом и Совместной рабочей группы по стратегической стабильности. Динамика начала диалога, характеризующегося улучшением отношений на экономическом, политическом, военном фронтах и в сфере безопасности, свидетельствует об их приверженности всеобъемлющему партнерству. Москва и Исламабад сходятся во мнениях по ряду вопросов, особенно тех, которые связаны с безопасностью и региональной интеграцией. Между Пакистаном и Россией нет конфликта интересов. Москва и Исламабад стремятся извлечь выгоду из налаживания экономических связей в регионе. Помимо экономического и стратегического взаимопонимания, многое предстоит сделать в области охраны окружающей среды и безопасности на Евразийском пространстве.

Решение России о расширении отношений с Пакистаном является, по мнению дипломата, стратегическим сдвигом, обусловленным желанием Москвы противостоять американскому влиянию в Евразийском регионе. Региональные проблемы, такие, как мир в Афганистане, создание транспортно-энергетических коридоров, являются другими важными направлениями сотрудничества сторон. Более того, у них также есть мощный оборонный рынок, который необходимо обслуживать. На правительственном уровне оба государства работают над институциональным взаимопониманием и укреплением официальных долгосрочных отношений взаимодействия. Это еще один горизонт, где их интересы совпадают для прогресса более широкого региона, что позволяет Пакистану привлекать потенциальные российские инвестиции, наращивать двустороннюю торговлю

и создавать совместные предприятия. Сотрудничество между ЕвразЭС и БРИКС открывает перспективы институциональных механизмов с коммерческой выгодой. Пакистано-российские отношения, по оценке посла, имеют стратегический и долгосрочный характер. Позитивным моментом является тот факт, что они избегают поспешных решений и обязательств. Двусторонние отношения требуют стратегического и многогранного подхода.

В этом контексте спикером были даны следующие важные рекомендации по развитию основных направлений российско-пакистанского взаимодействия:

Экономическое сотрудничество

- Активное изучение потенциала торговли в таких секторах, как энергетика, технологии, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность.
- Дальнейшее расширение спектра КПЭК и вовлечение в него России для перспектив мира и развития в Южной Азии.

Институциональные механизмы

- Укрепление существующих институциональных механизмов и регулярная оценка их результатов.
- Заключение новых соглашений в области обороны и передачи технологий.

Контакты между людьми

- Содействие культурным обменам, включая художественные выставки, музыкальные фестивали и образовательные программы.
- Расширение студенческих обменов и академического сотрудничества.

Сотрудничество в области безопасности

- Совместная разработка механизмов борьбы с терроризмом и обмена разведанными.
- Совместные военные учения и усиление безопасности на море.

Региональная интеграция

- Совместное продвижение проектов ЕАЭС и ИПП к общим целям.
- Содействие региональной взаимосвязанности и поддержка таких инициатив, как транспортный коридор Север–Юг с использованием потенциала порта Гвадар.

Дипломатическое взаимодействие

- Проведение политических диалогов на высоком уровне.
- Реализация дипломатических инициатив через взаимодействие академических кругов, аналитических центров и НПО.

Стратегическая коммуникация

- Повышение осведомленности о культуре и общей истории.

Политическая приверженность

- Твердая политическая воля к укреплению двусторонних отношений.

Сотрудничество в области энергетики

- Расширение сотрудничества в области нефти и газа, а также возобновляемых источников энергии.

Сбалансированный подход

- Обеспечение взаимодействия с внешними партнерами при разумном понимании меняющихся реалий (полный текст его выступления см. *Raza Mubammad. С. 269–272*).

С. А. Подоплелов (*третий секретарь, Посольство РФ в ИРП, Исламабад*), раскрывая тему своего доклада «*Роль внутренней безопасности Пакистана в формировании внешней политики на российском направлении*», выделил четыре основные угрозы безопасности Пакистана и благополучию его населения. Это — терроризм и экстремизм, наркотрафик и киберпреступность.

Было отмечено, что необходимость борьбы с трансграничными вызовами и укрепления потенциала сил безопасности Исламской республики обуславливают ее интерес к взаимодействию со странами региона. Россия, по мнению докладчика, является особенно ценным партнером, поскольку имеет и значительное влияние в регионе, и уникальный опыт борьбы с так называемыми новыми вызовами и угрозами, налаживания профильного двустороннего и многостороннего взаимодействия. Сотрудничество с Пакистаном в борьбе с терроризмом и экстремизмом не только входит в повестку контактов между Москвой и Исламабадом на высоком уровне, но и является предметом более подробного экспертного диалога, включая взаимодействие в рамках совместной межведомственной рабочей группы. Обе стороны неоднократно демонстрировали готовность к предметному сотрудничеству, проводя совместные учения и тренинги. Но потенциал их двустороннего взаимодействия, по оценке сотрудника российской дипмиссии, остается нереализованным в полной мере, в том числе в сферах борьбы с контрабандой и пограничного контроля, актуальность которых для Пакистана признают его власти.

В качестве одной из приоритетных задач для Исламабада является обеспечение безопасности на афганском направлении. Россия продолжает играть ключевую роль в международном содействии нормализации обстановки в Афганистане и совместно с Пакистаном участвует в многосторонних механизмах, включая Московский формат, которые направлены на укрепление безопасности в регионе в целом. Было показано, что задача противодействия вызовам и угрозам внутренней безопасности остается актуальной для официального Исламабада, поэтому его интерес к предметному и тесному сотрудничеству с Москвой по данной проблематике остается устойчивым.

С приветственным словом в формате видеообращения к участникам конференции обратилась **С. А. Минюрова** (доктор психологических наук, профессор, ректор Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург), которая поделилась положительным опытом налаживания эффективного сотрудничества УрГПУ с пакистанскими партнерами в сфере науки и образования, продвижения русского языка и культуры через Центр открытого образования, созданный в Исламабаде в августе 2023 г. на базе Открытого университета им. Аллама Икбала. В завершение своего приветственного слова она пожелала всем собравшимся коллегам успеха в проведении актуальной международной конференции, выразив уверенность в том, что данное событие станет очередным значимым этапом научно-образовательного сотрудничества между Россией и Пакистаном.

Л. А. Васильева (ИВ РАН), обращаясь к теме своего выступления *«Неофициальная дипломатия как важный инструмент в развитии российско-пакистанских отношений. (Из личного опыта)»*, высказала мысль о том, что одной из задач нового правительства Пакистана, выборы которого намечены на 8 февраля 2024 г., станет определение базовых черт государственной политики. Она предположила, что отношениям с Россией будет уделено особое внимание, т. к. в последнее время неоднократно на разных уровнях отмечались явные тенденции к улучшению отношений между двумя странами. Ученый-востоковед в своем выступлении затронула ту область человеческих общений, которые определенным образом способны влиять на развитие положительных тенденций в области политики, а именно — неофициальную дипломатию, являющуюся эффективным дополнением к официальной, играя важную роль в установлении доверия и сотрудничества между странами. Такая сфера общения, на ее взгляд, ориентирована не на политические цели, а на гражданский диалог, на общение обычных людей. Главными целями и задачами так называемой «народной дипломатии» является развитие взаимопонимания, доверия и укрепление межгосударственной солидарности. А это, в конечном результате, позволяет расширить горизонты международной кооперации, в чем заинтересованы обе страны.

Было отмечено, что история неофициальной дипломатии насчитывает множество примеров успешного укрепления международных отношений, и российско-пакистанские связи — один из показательных тому примеров. Среди основных преимуществ такого общения, в котором задействована прежде всего интеллигенция, является непосредственность и аутентичность, и это позволяет различным людям выступать в качестве «послов», представителей своих стран, передавать свои идеи и культурные ценности. Было подчеркнуто, что между народами России и Пакистана изначально установились прочные, благоприятные и во многом дружеские отношения именно благодаря такой неофициальной, «народной дипломатии». Исключительно доброжелательное отношение проявляли и официальные дипломаты — послы Пакистана в Москве и сотрудники посольства. Докладчик с теплотой отозвалась о лично знакомых ей искренних друзьях-пакистанцах, выступавших в качестве «народных послов» Пакистана в России даже во времена напряженных политических отношений между двумя государствами (таких, как Фаиз, Хаким Мухаммад Саид, Ифтихар Ариф, Валид Икбал, Мониза и Салима Хашми, Муслим Шамими, бывшие студенты УДН и др.). Кто-то из них уже ушел навсегда, оставив светлую память в сердцах россиян, а благородные устремления живущих продолжают способствовать упрочнению пакистано-российских связей и сегодня. В них, пакистанских друзьях россиян, сеющих семена добрососедства, толерантности и доброжелательства, ученому-востоковеду видится залог дальнейшего расширения и укрепления межгосударственных отношений.

В заключение Сессии I слово для подведения итогов было предоставлено послу Пакистана в Москве **Мухаммаду Халиду Джамали** и директору ИВ РАН **Аликберу Калабековичу Аликберову**, которые отметили продуктивность состоявшейся между участниками конференции дискуссии и обмена мнениями по актуальным вопросам ее повестки, представляющей взаимный интерес. Было выражено общее мнение, что, несмотря на все вызовы мировой трансформации, общая тенденция региональной интеграции с учетом специфики происходящих процессов демократизации, ее уникальных особенностей в каждой стране будет способствовать укреплению российско-пакистанских отношений на основе выстраивания взаимосвязанности двух государств и их взаимовыгодного сотрудничества.

Председателем и сопредседателем Сессии II и III выступили профессор В. Я. Белокреницкий и И. Н. Серенко.

В ходе двух заключительных сессий международной конференции в смешанном формате были заслушаны доклады ряда ведущих российских и пакистанских ученых, преподавателей, экспертов и молодых исследователей.

Сикандер Афзал (генерал-лейтенант, председатель Центра «Экономический Форум Золотого кольца» (GREF, Лахор), выступая с докладом «*Вероятное новое политическое устройство, складывающееся после выборов в Пакистане*», поделился своими мыслями с участниками конференции о возможных сценариях политического расклада сил после проведения предстоящих 8 февраля выборов в Пакистане, их репрезентативности в новых правительствах на федеральном и провинциальном уровнях. Он отметил, что с момента отстранения от власти предыдущего избранного правительства страна столкнулась с многочисленными кризисами, ростом инфляции, внутреннего и внешнего долга, девальвацией национальной валюты, давлением внешних финансовых институтов на Пакистан и т. д. Была выражена надежда на то, что предстоящие выборы помогут смягчить кризисную ситуацию в стране при условии прихода к власти сильного правительства в Центре с поддержкой на провинциальном уровне. Однако докладчик с сожалением констатировал факт наличия высокой степени поляризации в обществе накануне выборов. Это свидетельствует о том, что процесс парламентских выборов, по его прогнозам, все же будет сложным, с возможными

протестными акциями после подведения их итогов. Было высказано предположение о создании слабого коалиционного правительства в центре, которое будет не способно эффективно решать внутренние и внешние проблемы государства, противостоять давлению на него внешних нерегиональных игроков. При этом в качестве рекомендации было внесено предложение о трансформации ШОС в экономическое объединение стран-членов на основе уже имеющейся Евразийской модели, что открывает новые возможности для укрепления двусторонних отношений между Пакистаном и Россией в условиях региональной интеграции и быстро меняющейся геополитической динамики.

Д. В. Сапрынская (ИСАА МГУ, руководитель проектов Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова) поблагодарила от лица представляемой ею общественной организации руководство и сотрудников ЦИС БСВ ИВ РАН за проведение данной конференции, отметив эффективность совместной работы двух учреждений в продвижении публичной дипломатии, направленной на укрепление российско-пакистанских отношений. Приступая к раскрытию темы своего доклада «*Образ Пакистана в странах Центральной Азии: общественное мнение и двусторонние проекты*», автор отметила ее актуальность в контексте важной роли пакистанского государства в активизации процессов региональной интеграции, выстраивании новых транспортных коридоров, включая российскую инициативу МТК Север–Юг. Докладчик подробно остановилась на многовекторном подходе стран Центральной и Южной Азии, включая Пакистан, к реализации региональных проектов по взаимосвязанности государств, которые при всей их перспективности сталкиваются с определенными вызовами транзитной конкуренции и диверсификации отношений между участниками формирующихся транспортно-логистических коридоров, порой под давлением нерегиональных игроков в условиях глобальной трансформации.

Талат А. Визарат (независимый исследователь, бывший профессор кафедры международных отношений, университет Карачи), приступая к раскрытию темы доклада «*Пакистанороссийские отношения: возникающие вызовы и ответы*», провела анализ глобального и регионального фона их двустороннего взаимодействия. Было отмечено, что за последние несколько лет отношения между ведущими державами претерпели изменения. Превращение Китая в крупную экономическую державу и возрождение России рассматриваются США и другими западными странами как новые вызовы. В результате США приступили к использованию новой версии своей политики сдерживания двух держав. Вашингтон осуществляет операции по смене режимов против развивающихся государств, которые пытаются наладить тесные отношения с Россией и Китаем. Давление оказывается также через МВФ и другие финансовые институты, находящиеся под контролем США и Запада. Если эти меры не приводят к благоприятному результату, то они в качестве альтернативы прибегают к тайным операциям или открытому военному вмешательству, используя в том числе и государства-посредники, как, например, Украину.

Для предотвращения развития событий по столь опасному сценарию России и Пакистану, по мнению докладчика, необходимо принять следующие меры, направленные на усиление двустороннего межгосударственного взаимодействия:

1. Содействовать расширению контактов между народами двух стран для достижения взаимопонимания между ними, т. е. связи, сформированные на человеческом уровне, обеспечивают лучшую координацию на более высоких уровнях официальной дипломатии;
2. Способствовать укреплению сотрудничества между российскими и пакистанскими университетами и аналитическими центрами;
3. Осуществлять дальнейшее продвижение двустороннего сотрудничества в энергетическом секторе, не полагаясь на западные нефтегазовые компании. Консорциум китайско-российских компаний был бы лучшим вариантом для таких стран, как Пакистан.

Возможен и вариант отдельного сотрудничества с российскими или китайскими компаниями;

4. Оказывать поддержку технологическому развитию Пакистана со стороны российских компаний для замены менее эффективных западных. Некоторые китайские компании уже занимаются этой работой в Пакистане. Карачинский метзавод, созданный при содействии Советского Союза в 1970-х годах, также нуждается в возрождении. Его модернизация необходима для развития экономики страны;
5. Предпринять совместные усилия для защиты от биологического оружия, которое может быть использовано Вашингтоном в случае очередного конфликта. Биологические лаборатории, созданные США, были, в частности, обнаружены российскими войсками на Украине.

Хамдан Хан (научный сотрудник, Центр стратегического видения/SVI, Исламабад), выступая с докладом *«Текущие геополитические и геоэкономические изменения: возможности для отношений Пакистана и России»*, подчеркнул, что на волне нынешних перемен в международной системе у Пакистана и России открываются огромные возможности для обновления своих отношений. Пакистано-российские связи развиваются по позитивной траектории уже более десяти лет, и две страны демонстрируют совпадение внешнеполитических интересов по целому ряду региональных и международных вопросов. В марте 2023 г. Россия объявила о переориентации своих внешнеполитических приоритетов на Восток. Пакистан тем временем, определив глобальные и региональные тенденции, также пересматривает свои внешнеполитические приоритеты. Исламабад в настоящее время уделяет повышенное внимание центральной роли геоэкономики и неоднократно заявлял о своем желании избегать блоковой политики и поддерживать хорошие отношения со всеми глобальными игроками. В то время как Пакистан и Россия поддерживают значительные оборонные связи, существует огромный потенциал для расширения экономических отношений между двумя странами, особенно в секторах энергетики и продовольственной безопасности, которые открывают непосредственные возможности для сотрудничества. Кроме того, существуют огромные возможности для расширения контактов между людьми, а также научно-образовательных и культурных обменов между Пакистаном и Россией, которые могут быть еще более расширены за счет преодоления языковых барьеров.

Шабана Файяз (д-р, председатель факультета обороны и стратегических исследований Университета Куэйд-и-Азам, Исламабад) при раскрытии темы доклада *«Наведение мостов через образование: пакистано-российский сценарий»* опиралась на концепцию «Содействия глобальному образованию», которая выступает в качестве руководящей философии, выходящей за рамки географических границ в образовании в современную эпоху, и отмечена глобальными связями и культурным разнообразием. Она строится на коллективной роли образовательных учреждений по всему миру в устранении барьеров, которые могут препятствовать свободному обмену идеями и исследованию разнообразных академических ландшафтов. При этом происходит преобразующий сдвиг в образовании, который осознает внутреннюю ценность содействия межкультурному взаимопониманию, воспринимает разнообразие и расширяет возможности для сотрудничества между учащимися и преподавателями из разных социальных слоев. Всестороннее накопление знаний, основанное на поощрении образовательного партнерства и использовании технологических достижений, способствует инклюзивному сотрудничеству, несмотря на географическую разобщенность, преодолению языковых и материально-технических барьеров для создания устойчивой образовательной экосистемы. По мнению докладчика, для обеспечения взаимовыгодного российско-пакистанского образовательного партнерства крайне необходим комплексный подход, направленный на создание

благоприятной учебной среды, обогащенной разнообразными взглядами, культурами и совместными инициативами. Российско-пакистанский коридор знаний, отмеченный общим стремлением к совершенству, инновациям и инклюзивности, может способствовать укреплению образовательных связей, воспитанию подрастающих поколений в духе сотрудничества во взаимосвязанном мире. По оценке эксперта, динамика отношений между Пакистаном и Россией претерпела значительные изменения, эволюционируя от напряженности, типичной для эпохи холодной войны, к позитивно развивающемуся в последнее время сотрудничеству. В прошлом обе страны разделяли сложные отношения, на которые в значительной степени влияли геополитические факторы, когда Пакистан преимущественно поддерживал Соединенные Штаты, а СССР — Индию. Тем не менее в период до 1979 г. более 300 пакистанских студентов были зачислены по различным специальностям при финансовой поддержке СССР в советские высшие учебные заведения. В постсоветский период взаимодействие между Пакистаном и Россией неуклонно развивалось, что привело к активизации их сотрудничества в различных секторах, включая образование. Двусторонние отношения расширились за пределы исторических границ, сосредоточившись на взаимных интересах и стабильности в регионе. Этот сдвиг означает отход от прежних ограничений, способствуя более диверсифицированному и инклюзивному подходу к двустороннему взаимодействию.

Программы обмена студентами и преподавателями играют ключевую роль в развитии глобального понимания, формировании межкультурных компетенций и повышении качества образования и научных исследований, знакомя участников совместных образовательных проектов с различными подходами и методологиями в условиях академической среды. В конечном счете основная цель состоит в расширении перспектив, поощрении междисциплинарного обучения и установлении прочных академических связей между учебными заведениями. Для укрепления образовательного партнерства и экспертного обмена был внесен ряд следующих конкретных предложений: оказание финансовой и материально-технической поддержки со стороны правительств Пакистана и России через внедрение совместных стипендиальных программ и научных грантов, упрощение визовых процедур; облегчение процесса академической аккредитации; спонсирование совместных академических практикумов, семинаров и конференций; инвестирование в образовательную инфраструктуру и технологии для поддержки онлайн-сотрудничества, виртуальных аудиторий и научных обменов, обеспечивая благоприятную среду для совместных академических занятий и т. д.

А. А. Постникова (д-р, доцент, директор Центра открытого образования УрГПУ, Екатеринбург), выступая с докладом *«Потенциал российско-пакистанского сближения через Центр открытого образования в Исламабаде»*, выделила основные направления функционирования Центра открытого образования на русском языке в Пакистане, отметив, что его инаугурация состоялась 21 августа 2023 г. на базе Открытого университета им. Аллама Икбала. За несколько месяцев преподаватели УрГПУ провели обучение русскому языку 307 граждан Пакистана. Параллельно было установлено научно-образовательное сотрудничество с университетами Пакистана, проведены совместные круглые столы, конференции, мастер-классы. Докладчик также осветила основные направления деятельности и перспективы российско-пакистанского научно-образовательного сотрудничества, которое развивается в рамках программы «Российский учитель за рубежом», выполнения НИР «Сравнительное исследование систем подготовки педагога в Российской Федерации и Исламской Республике Пакистан: формирование единой модели дипломного и последипломного сопровождения педагогических кадров».

И. Н. Серенко (ИВ РАН), выступая с презентацией на тему *«Россия-Пакистан: потенциал научно-образовательного сотрудничества»*, подчеркнула, что культурно-гуманитарному взаимодействию между двумя странами, как подсистеме всего комплекса российско-пакистанских связей,

долгое время не уделялось должного внимания на фоне складывавшихся исторически непростых взаимоотношений между этими государствами. На современном этапе российско-пакистанские отношения постепенно выходят на новый уровень конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества, включая активизацию научно-образовательной кооперации. Докладчиком был показан весомый совместный вклад Института востоковедения РАН, Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и Уральского госпедуниверситета в продвижение при поддержке официальной дипломатии гуманитарной повестки взаимодействия с пакистанской стороной, раскрыты возможности и перспективы дальнейшей совместной работы по этому направлению российско-пакистанского сотрудничества.

З. Ф. Хан (президент Торгового дома Пакистана в России, исполнительный директор Делового совета по сотрудничеству с Пакистаном при ТПП РФ, Москва), приступая к раскрытию темы своего доклада «*Отношения между Россией и Пакистаном при новом правительстве после 8 февраля 2024 года*», отметил, что в историческом плане межгосударственное взаимодействие складывалось весьма непросто. Однако в последние два десятилетия появились объективные предпосылки для укрепления двусторонних отношений, и Исламабад все больше стал тяготеть к России как по вопросам внешнеполитической повестки, так и в торгово-инвестиционной сфере. С момента установления дипломатических отношений основная проблема между двумя государствами заключалась в налаживании координации взаимодействия на деловом и общественном уровне. Между тем на современном этапе обе стороны предприняли конкретные шаги в этом направлении и заложили прочный фундамент сближения и развития деловых отношений.

Было отмечено, что в настоящее время Пакистан претерпевает сложные времена политического кризиса. Однако докладчик выразил надежду на то, что в результате проведения всеобщих выборов 8 февраля положение в стране стабилизируется. Одновременно была выражена уверенность в том, что какая бы партия ни пришла к власти в стране, вновь сформированное правительство продолжит развивать двусторонние отношения с Россией в сфере энергетики, машиностроения, авиапрома, фармацевтики и биотехнологий. При этом российская сторона, по мнению эксперта, заинтересована в реализации крупных инфраструктурных проектов на пакистанской территории (строительство магистрального газопровода «Пакистанский поток»/«Север–Юг», модернизация Карачинского металлургического завода).

Вместе с тем было отмечено, что для успешной реализации подобных крупных совместных проектов требуется политическая воля и Москвы, и Исламабада, кропотливая работа по улучшению двустороннего экономического взаимодействия. Российско-пакистанский товарооборот в 2021 г. увеличился по сравнению с 2020 г. на 45,6%. Несмотря на достаточно скромный объем торгово-экономических отношений России и Пакистана, они имеют большой потенциал и положительную динамику развития. Основным механизмом и фундаментом межгосударственного взаимодействия и развития деловых отношений между двумя странами является Российско-Пакистанская Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которая проводится раз в год попеременно в России и Пакистане. Последняя Межправкомиссия, в работе которой принимал участие и сам докладчик, прошла, по его оценке, в очень доброжелательной атмосфере в пакистанской столице Исламабаде. В условиях, когда коллективный Запад обрушивает на Россию один за другим пакеты санкций, взгляд Москвы обращается на Восток. И в нынешней непростой геополитической международной обстановке особое звучание приобретает развитие отношений с Пакистаном, который отрицательно относится к введенным против России санкциям и не поддерживает их. Пакистан крайне негативно относится к подобной политике и выстраивает свои отношения с Россией на дружественной, доверительной основе.

Н. А. Замаева (ИВ РАН) в своем докладе «*Пакистан: особенности избирательной кампании 2024 года*» подробно проанализировала ход сложного электорального процесса в стране в условиях многочисленных кризисов и общественной поляризации. Было показано, что одной из первых особенностей избирательной кампании 2024 г. в Пакистане является превышающий 90 дней мандат функционирования переходного правительства во главе с премьер-министром А. Какаром (предусмотрено по Конституции страны 1973 г.). Эксперт отметила, что экономический кризис в стране связан с кризисом платежного баланса, с которым Пакистан сталкивается начиная с 2018 года. В целом экономика страны находится на критическом изломе. Причин несколько: наследие несогласованной экономической политики, включая бюджетный дефицит, либеральную денежно-кредитную политику и завышенный обменный курс, которые стимулировали потребление и краткосрочный рост, одновременное истощение макроэкономических резервов, увеличение внешнего долга и т. п. К структурным недостаткам следует отнести слабое налоговое администрирование, сложную деловую среду, неэффективные и убыточные госпредприятия и т. д.

Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ) оказывали поддержку Пакистану. Но выход из экономического тупика диктовал жесткие условия глобального кредитора, включая политические, дисциплину исполнения и время, которого у Пакистана крайне недостаточно, чтобы в кратчайшие сроки выйти на уровень самообеспечения жизненно важными ресурсами сельскохозяйственной продукции, электроэнергии, природными полезными ископаемыми и т. д. Экономический кризис опосредованно замедлял введение в эксплуатацию ряда объектов китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), флагманского проекта китайской инициативы Пояса и Пути.

Политический кризис в формате вотума недоверия премьер-министру Имран Хану в апреле 2022 г. эхом отозвался на внутривнутриполитическом развитии страны в 2022–2024 гг. Противники И. Хана, представители разных политических партий, зачастую в прошлом политические оппоненты согласились на формирование коалиционного правительства, которое возглавил премьер-министр Шехбаз Шариф. Но роспуск кабинета министров в августе 2022 г. по истечении срока его конституционного мандата вновь «выбросил» на политическую арену политических «врагов» — Пакистанскую мусульманскую лигу (Наваз) — ПМЛ (Н) и Пакистанскую народную партию (ПНП), которые яростно борются за парламентские мандаты.

Шестнадцать месяцев пребывания у власти коалиционного правительства Ш. Шарифа — достаточный срок для ПМЛ (Н), чтобы парламентскими актами, решениями судов разных инстанций, включая вердикты Верховного суда, «вернуть» право трижды экс-премьер-министру Наваз Шарифу, трижды низвергаемому с вершин власти, вновь участвовать в парламентских выборах 2024 г. «Непотопляемый» Наваз Шариф, как птица Феникс, «восстал из пепла» и вновь рвется в большую политику. Одной из особенностей его предвыборного статуса 2024 г. является отказ Саудовской Аравии финансировать его избирательную кампанию и поддерживать ее извне, что стало вызовом для ПМЛ (Н).

Сопредседатель ПНП Билавал Бхутто-Зардари, успешно пройдя курс «молодого дипломата» в ранге министра иностранных дел в кабинете министров коалиционного правительства (апрель 2022 — август 2023 гг.), по возрасту уже имеет право участвовать в парламентских выборах и войти в Национальную ассамблею (нижнюю палату парламента). Династичность в местной политике — одна из отличительных черт Пакистана.

Главным в пакистанском обществе остается вопрос о том, состоятся ли вообще парламентские выборы, назначенные на 8 февраля 2024 г. Избирательной комиссией Пакистана (ИКП). Так, в январе 2024 г. поступили заявления от нескольких сенаторов о невозможности их проведения,

учитывая рост террористических атак запрещенных в стране группировок боевиков в ряде районов провинции Хайбер-Пахунхва, приводились и другие причины. Они вызывают в стране неоднозначную реакцию. Докладчик задается вопросом, что или кто заставляет этих сенаторов настаивать на отсрочке парламентских выборов, учитывая, что дата 8 февраля 2024 г. давно согласована с МВФ? Ведь сформированное новое центральное правительство Пакистана в конце февраля 2024 г. планирует получить очередной транш от глобального кредитора на продолжение реформ в экономике и банковском секторе страны.

П. В. Топычканов (ИВ РАН), приступая к раскрытию темы доклада «*Влияние Вооруженных сил Пакистана на текущий избирательный цикл*», подчеркнул, что силовые ведомства Пакистана не имеют формальной роли в процессе проведения выборов в стране. Между тем они решают как видимые, так и менее заметные его задачи. К первым относятся обеспечение безопасности избирательного процесса и обороны страны от внутренних и внешних угроз. Эти угрозы могут быть связаны с активизацией террористов внутри страны и недружественными действиями внешних сил. К менее видимым задачам относятся попытки института Вооруженных сил Пакистана сохранить по итогам выборов свои позиции в государстве. Эти попытки зачастую остаются в тени политических баталий, поскольку ни военные, ни партии и гражданская бюрократия не считают уместным в современных условиях подчеркивать чрезмерное влияние военных на внутреннюю политику. Одна из причин — сохранение имиджа Пакистана как гражданского и демократического государства, необходимого для создания благоприятных внешних и внутренних экономических условий для восстановления страны. В докладе была дана оценка эффективности решения задач Вооруженными силами и другими силовыми ведомствами Пакистана на данном этапе политического развития страны, показано отношение военных к новой конфигурации власти, отвечающей их интересам, а также дана оценка влияния нового этапа военно-гражданских отношений в Пакистане на перспективы развития связей между ИРП и РФ.

Сайед Алмас Хайдер Шах (докторант, Школа политики и международных отношений, Университет Каид-и-Азама, Исламабад; стажер, факультет мировой политики МГУ, Москва) в докладе «*Цивилизационный аспект современных пакистано-российских отношений: экспертная оценка*» сделал акцент на том, что помимо геополитических и геоэкономических предпосылок сближения Пакистана с Россией существуют также благоприятные цивилизационные и культурные предпосылки. Было отмечено, что поскольку Российская Федерация позиционирует себя в качестве цивилизационного государства с отходом от либеральной повестки стандартизации и универсализации и с признанием государств «дружественной исламской цивилизации» в качестве «надежных партнеров» России, то в этом контексте Исламская Республика Пакистан имеет возможность дальнейшего углубления межгосударственных отношений с Российской Федерацией в сфере безопасности, экономического и культурного сотрудничества в условиях развивающегося полицентричного мира. В докладе была предпринята попытка проанализировать цивилизационный аспект современных пакистано-российских отношений с выявлением основ цивилизационной идентичности, ее роли в укреплении межцивилизационных отношений с мусульманским миром, включая Пакистан. По мнению ученого, цивилизационная эмпатия создает благоприятные условия для дальнейшего улучшения отношений между Россией и Пакистаном. Учет цивилизационного подхода после окончания холодной войны может послужить основой межгосударственного сближения. Оценка эволюционирующей российской цивилизационной самобытности и исламской уникальности позволяет сопоставить ценности и нормы, которые обеспечивают основы для цивилизационного взаимодействия между Пакистаном и Российской Федерацией. В заключение докладчик приходит к выводу о том, что наряду с политическими и экономическими интересами

цивилизационная близость также играет важную роль в дальнейшем развитии отношений между Пакистаном и Россией, учитывая, что фундаментальные структуры международной политики являются социальными и формируют идентичность и интересы всех акторов.

Л. А. Черешнева (проф., д-р, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк), выступая с докладом «*Конституция Лиаката Али Хана: политическая стратегия и государственно-правовые реалии независимого Пакистана*», подчеркнула, что, возникнув в результате раздела колониальной Индии при окончании британского владычества, Пакистан явился одним из первых государств Индостана, продемонстрировавших своеобразие алгоритмов становления суверенитета освободившихся стран Востока. Перед ним стояла необходимость решения ряда следующих проблем: сочетание традиционности и модернизации в государственном строительстве (возврат к восточной деспотии, монархическим княжеским формам правления или же образование республики); роль религии и религиозных институтов в новообразованном государстве; система разделения властей и др. Докладчиком была дана характеристика программной модели государственного устройства, выработанной ведущей политической силой, создателем Пакистана — Мусульманской Лигой, и ее соотнесение с государственно-правовыми реалиями независимой Исламской Республики, конституцией 1956 г. Она отметила, что до раздела Индии Лига обозначала общие представления о государствообразовании и нациестроительстве Пакистана, что не могло не сказаться на специфике последующей реализации провозглашенного ею религиозно-конфессионального принципа «двух наций — двух Индий» в традиционном мультикультурном обществе. Была показана взаимосвязь развития демократического законодательства с процессом обеспечения равноправия титульной нации и этноконфессиональных меньшинств и/или «нетитульного» большинства.

И. Б. Дежкин (Липецкий государственный педагогический университет, Липецк) в своем докладе «*К вопросу об особенностях политической борьбы в Пакистане (1972–1977 гг.)*», связанной с периодом нахождения у власти правительства Пакистанской Народной Партии (ПНП) во главе с харизматичным и эксцентричным политиком Зульфикаром Али Бхутто, указал на ее следующие основные моменты:

- **многопартийность**, причем весьма значительно фрагментированная (Хорошо известных, активных и заметных на политической арене партий насчитывалось более пятнадцати);
- **отсутствие монолитности партийных рядов** (Почти во всех пакистанских партиях фракционность — вполне нормальное явление. Она вызвана такими факторами, как пестрый социальный состав и, как его следствие, плюрализм мнений; регионализм; личные амбиции партийных лидеров);
- **условность партийных понятий** («Левый», «правый», «центрист», «социалист», «революционный демократ» и т. п. Это деление пакистанских партий весьма условно. Но партии, относимые к «левым», в гораздо большей степени использовали социалистическую фразеологию, могли себя называть революционными, а своей идеологией именовать «научный социализм»; «правые» партии больше внимания в своих программах уделяли исламу, традиционным ценностям, защите частной собственности и государственного единства);
- **политический популизм** (Ярчайшим популистом был сам З. А. Бхутто, получивший блестящее образование и одинаково уверенно чувствовавший себя и на трибуне ООН, и на митинге в пакистанской глубинке. Его правление порой называют «популистским экспериментом», а «бхуттоизм» — единственной идеологией нации);

- **темперамент пакистанских политиков** (Жесткие, подчас авторитарные методы правления законно избранного правительства З. А. Бхутто были не только причиной, но и следствием крайних форм борьбы оппозиции за власть, включая вооруженную. Сам Бхутто объяснял такой накал борьбы «нашим южным темпераментом»).

Подводя итог, докладчик указал на необходимость комплексного рассмотрения перечисленных особенностей политической борьбы 1970-х гг. в Пакистане, отметив, что отдельные из них могут встречаться в политической жизни иных периодов пакистанской истории и новейшей истории многих государств Азии, да и других стран мира.

В. П. Кашин (ИВ РАН) в докладе «*Сталин о Пакистане (по материалам РГАСПИ)*» подчеркнул, что пакистанское государство не являлось для советского лидера экзотической страной. Он был знаком с проблемами современного ему Пакистана и возлагал надежды на сотрудничество с ним. Но потепление в советско-пакистанских отношениях было непродолжительным (оно охватывает период с весны 1948 г. по конец 1949 г.). Раздел Британской Индии в 1947 г. и образование доминионов Пакистан и Индийский Союз Сталин находил искусственным и называл «жульнической штукой, организованной англичанами». Он советовал индийским коммунистам добиваться союза Пакистана, Индии и Цейлона, которые в будущем объединятся. «Бенгальские провинции отпадут от Пакистана в первую очередь», — предсказал в феврале 1951 г. Сталин. Он не исключал способности Пакистана одержать военную победу над Индией и «покорить» ее. Для Индии, по мнению Сталина, это таит серьезную опасность, учитывая, что «в Пакистане много реакционеров».

Н. В. Мелехина (ИВ РАН), приступая к рассмотрению доклада «*Перспективы пакистано-индийских отношений после парламентских выборов в ИРП*», остановилась на характеристике современного состояния межгосударственного взаимодействия Пакистана и Индии, отметив его рекордно низкий уровень с фактическим выходом формальных дипломатических отношений «на паузу» после событий, связанных с изменением Нью-Дели особого статуса Джамму и Кашмира и последующим признанием Верховным судом Индии этого решения как соответствующего ее Конституции. Было подчеркнуто, что перспективы двусторонних отношений будут определяться не только результатами предстоящих выборов в Пакистане, но и в Индии, хотя их итоги в обеих странах во многом предreshены. Немаловажным остается и фактор учета позиций военного истеблишмента во внешней и внутренней политике. Между тем, как показал проведенный докладчиком анализ материалов СМИ двух стран, пакистанские и индийские эксперты в целом смотрят на перспективы своих двусторонних отношений с осторожным оптимизмом. При этом одного желания Пакистана нормализовать отношения с Индией, на взгляд востоковеда, недостаточно, необходим позитивный настрой и с индийской стороны на потенциальное примирение. Подводя итог сказанному, докладчик пришла к выводу о том, что после всеобщих выборов и в Пакистане, и в Индии резкого прорыва в их двусторонних отношениях ожидать не стоит; скорее всего, на первоначальном этапе стороны могут предпринять меры по укреплению взаимного доверия.

Г. Г. Макаревич (ИМЭМО), раскрывая тему доклада «*На западном фронте без перемен (к лучшему): ожидания индийского экспертного сообщества от выборов 2024 г. в Пакистане*», отметил, что они стали удачным поводом для обсуждения перспектив отношений Нью-Дели и Исламабада. Хотя дискуссия в индийских экспертных кругах покрывает большое количество вопросов, докладчик в качестве ключевых выделил следующие:

- исход политического противостояния между бывшими участниками коалиции PDM и сторонниками Имрана Хана;
- трансформация роли военных элит;

- экономические проблемы Пакистана;
- борьба Исламабада с терроризмом (в первую очередь — ДТГП);
- вероятность эскалации/деэскалации в индийско-пакистанских отношениях.

Наибольший интерес в Нью-Дели вызывает вопрос о том, какая из политических сил будет представлять гражданское руководство. Индийские эксперты, по мнению докладчика, хорошо осведомлены о перипетиях политической борьбы последних полутора лет в Пакистане, а также о программах основных партий и ориентируются в электоральных перспективах каждой из сторон. Несмотря на отсутствие прямой артикуляции, заметны симпатии в отношении Имрана Хана. Такая позиция, скорее всего, объясняется декларируемым намерением политика бороться не только с «коррупцированными старыми элитами», но и с военным истеблишментом. При этом иллюзий по поводу судьбы военных элит в Индии не питают: согласно имеющимся оценкам, армия останется самым влиятельным политическим и экономическим институтом. Главный вопрос состоит в том, будет ли генералитет пытаться осуществить объявленный курс на «уход из политики». Пока что фиксируется тренд на большее вовлечение военных в управление страной, в том числе — в хозяйственных вопросах.

Экономические проблемы страны не могут быть решены в кратчайшие сроки ни одним правительством. При этом апокалиптических прогнозов наподобие дефолта тоже не наблюдается. Предполагается, что Пакистан подтвердит свою репутацию «выживающего государства», способного перенести тяжелый кризис.

Однако дополнительным фактором нестабильности индийские эксперты называют ситуацию в Хайбер-Пахтунхве и Белуджистане, где фиксируется рост террористической активности. В Нью-Дели отмечают, что совокупный объем проблем на границе с Афганистаном сможет отвлечь ресурсы Исламабада и не позволит пакистанцам совершать «скрытые операции по дестабилизации Кашмира и прочих пограничных районов».

Соответственно, обсуждение проблемы индо-пакистанских отношений как таковых в индийском экспертном сообществе обладает рядом особенностей. Во-первых, эта проблема вызывает наименьший интерес и практически исключает прогностическую составляющую — предоставлять какую-либо конкретику индийские эксперты не решаются. Во-вторых, Пакистан продолжает восприниматься как источник угроз — страна, от которой стоит ожидать в первую очередь «экспорта террористической активности». В-третьих, игнорируется какая-либо возможность «первого шага к диалогу» со стороны индийского правительства. Наконец, единственным относительно новым положением в дискуссии стала попытка посмотреть на «заморозку» индо-пакистанских отношений с 2016 г. как на «новую норму», при которой ни одна из сторон, в сущности, не заинтересована в возобновлении диалога.

Омар Нессар (ИВ РАН) в докладе «*Динамика афгано-пакистанских отношений (современный этап)*» проанализировал развитие взаимоотношений между афганскими талибами и Пакистаном, выявив их продвижение по негативному сценарию. Эксперт придерживается мнения о том, что отношения между сторонами продолжают развиваться неоднозначно и явно не так, как ожидали в Пакистане. Напряженность фиксируется по нескольким направлениям: во-первых, речь идет о несбывшихся ожиданиях Исламабада по поводу эффективности афганских талибов как посредников с ТГП; во-вторых, пограничные вооруженные столкновения между сторонами приобрели системный характер; в-третьих, сохраняется активность Индии в Афганистане, включая ее контакты с афганскими талибами. Пакистан за последний год предпринял целый ряд мер для трансформации характера взаимоотношений с талибами, однако пока нет оснований прогнозировать нормализацию отношений.

Самеулла Пойя (ИВ РАН), анализируя «*Современное состояние афгано-пакистанских отношений и их влияние на страны региона и Россию*», особый акцент сделал на взаимоотношениях стран после свержения премьер-министра Имран Хана и прихода к власти временного правительства во главе с исполняющим обязанности премьер-министра Пакистана Анвар-уль-Хак Какаром. Были рассмотрены взаимные претензии сторон, а также меры, предпринимаемые ими для нормализации двусторонних отношений на фоне сложной политической ситуации в Пакистане накануне всеобщих парламентских выборов. В итоговой части доклада был сделан вывод о негативном влиянии складывающейся конфликтной ситуации в афгано-пакистанских отношениях на безопасность и развитие государств региона, включая Россию.

Г. В. Грызлов (аспирант факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, программный ассистент Российского совета по международным делам/РСМД) при раскрытии темы выступления «*Текущая ситуация с безопасностью в Пакистане и влияние фактора Афганистана*» отметил, что за последние несколько лет она заметно ухудшилась. Негативная тенденция особенно хорошо прослеживается после 2021 г., когда к власти в Афганистане пришло Движение талибов (ДТ). Главной угрозой государственной безопасности Пакистана остается Техрик-е Талибан Пакистан (ТТП). При этом группировка тесно взаимодействует с ДТ и получила наибольшую выгоду от восстановления Исламского Эмирата Афганистан. Наихудшая ситуация с безопасностью остается в провинциях Хайбер-Пахтунхва и Белуджистан — регионах, граничащих с Афганистаном. Большой проблемой остается плохо контролируемая афгано-пакистанская граница. При этом на границе нередко происходят столкновения пакистанских силовиков не с террористическими группировками, а с представителями действующего афганского режима.

Несмотря на наличие рычагов влияния и близкие контакты Исламабада с ДТ, пакистанскому правительству так и не удалось убедить афганских талибов отказаться от сотрудничества с ТТП. При этом ДТ выступает главным посредником в переговорах Исламабада и пакистанских талибов. По мнению докладчика, решение проблемы с ТТП должно стать приоритетным для нового правительства в целях улучшения в стране ситуации с безопасностью. Были рассмотрены несколько сценариев развития событий: 1) попытка силового решения вопроса путем проведения антитеррористических операций; 2) проведение новых мирных переговоров с ТТП при поддержке ДТ; 3) сохранение статус-кво.

О. П. Чекризова (ИВ РАН) в своем докладе «*Перспективные направления взаимодействия Пакистана с государствами Персидского залива на современном этапе и их значение для самого Пакистана*» дала положительную оценку их сотрудничеству. Было отмечено, что за последние десятилетия оно получило значительный размах и, помимо традиционно оказываемой арабскими государствами финансовой поддержки Пакистана, распространяется на многие важные для обеих сторон сферы экономики. В силу такой значимости эксперт полагает вполне уместным говорить о стратегически важном арабском векторе во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Исламабада. Торговые связи Пакистана с арабскими государствами развиваются быстрыми темпами, взаимодействие осуществляется и в области инвестиций. Страны Персидского залива активно вовлечены в масштабные и долгосрочные проекты на территории Пакистана, в том числе в программы разведки, добычи и транспортировки полезных ископаемых и углеводородов, модернизацию пакистанских электростанций, а также проекты по электрификации и строительству автодорог. Реализуются и проекты по созданию свободных экономических зон для арабских инвесторов.

Среди приоритетных направлений расширения взаимодействия сторон эксперт выделила сельское хозяйство. Участие государств Персидского залива в аграрных проектах на территории

Пакистана с их зависимостью от импорта продовольствия и необходимостью решения проблемы обеспечения собственной продовольственной безопасности представляет для партнеров взаимовыгодный интерес, открывая большие возможности для сотрудничества. Показательным в этом контексте является запуск летом 2023 г. новой гибридной структуры — Специального совета по содействию инвестициям (Special Investment Facilitation Council, SIFC), заинтересованность во взаимодействии с которым проявили государства Персидского залива. Специальным советом было утверждено около 30 масштабных проектов для потенциальных инвесторов из 23 арабских государств, в первую очередь из Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна. Предварительные схемы инвестиционного взаимодействия связаны с продовольственным, сельскохозяйственным, информационно-технологическим, горнодобывающим, нефтяным и энергетическим секторами экономики. Примечательно, что для Пакистана подобные проекты содержат и возможности экономического развития ряда отдаленных либо труднодоступных регионов, таких, как, например, Тар.

Продолжая блок тем по региональному сотрудничеству, **И. Е. Федорова** (ИВ РАН) в своем докладе «*Взаимодействие в треугольнике Россия—Пакистан—Иран. Вызовы и перспективы*» остановилась на расширении сотрудничества этой триады государств в области логистики, а также борьбы с терроризмом и наркотрафиком, отметив, что они будут иметь неоспоримый синергетический эффект. Для достижения взаимовыгодных целей, по мнению докладчика, данной тройке государств необходимо задействовать новые механизмы преодоления односторонних санкций, введенных США, и искать новые точки соприкосновения в рамках международных организаций, в первую очередь ШОС.

А. Н. Обухова (ИВ РАН), рассматривая «*Роль Пакистана в формировании новых экономических коридоров*», высказала мнение о том, что страна остается «слабым звеном» расширяющегося геополитического партнерства Россия—Иран—Китай. Не обладая природными ресурсами, в которых были бы заинтересованы большие евразийские игроки, Пакистан не обладает и рычагами экономического влияния на своих соседей. Кроме того, предпринимая, по оценке докладчика, неудачные политические шаги, Пакистан отрезает себя от интеграционных процессов в Средней Азии. Статус определенности ИРП принципиально важен для РФ на фоне дезинтеграционных процессов с коллективным Западом. В недалеком будущем Пакистану будет необходимо встроиться в проекты Евразии, чтобы иметь возможность закупать российский и иранский газ по выгодной для страны цене (сниженной), провести ее электрификацию, построить мощную транзитную дорожную инфраструктуру (например, путем привлечения китайских инвестиций).

Было отмечено, что страна с населением 240 млн чел. находится в глубоком экономическом кризисе: за последние 25 лет Пакистан каждые пять лет удваивал свой государственный долг (при среднегодовом росте ВВП в 3% долг рос на 14% ежегодно), в 2023 г. инфляция превысила 50% (более 20% в 2022 г.). Оставаясь крупным потребителем природного газа и обеспечивая себя с помощью своих ресурсов лишь на 3%, Пакистан продолжает испытывать серьезные трудности в секторе энергетики (на фоне перекупленных ЕС в 2022 г. законтрактованных поставок СПГ). Для РФ рынок Пакистана мог бы стать солидной альтернативой сократившемуся в 2022–23 гг. экспорту природного газа в Европу. Перспективы поставок российского газа через свою территорию в Пакистан предлагаются Ираном.

В течение многих лет РФ и Пакистан обсуждают проект магистрального газопровода (МГП) Пакистанский поток (ранее МГП Север—Юг), который обеспечит поставки газа с юга Пакистана (где расположены СПГ-терминалы) в северные промышленные районы страны. В 2022 г. Россию также пригласили участвовать в завершении строительства газопровода ТАПИ (Туркмения—Афганистан—Пакистан—Индия), по пропускной способности (33 млрд куб. м.) превосходящего

«Турецкий поток». По поставкам нефти и сжиженных углеводородных газов (СУГ) между сторонами, по мнению эксперта, могут быть достигнуты конкретные договоренности. В июне 2023 г. была осуществлена доставка первой, пробной партии нефти из РФ в Пакистан. Совместные с РФ инвестиционные проекты с привлечением специалистов из Пакистана также будут способствовать укреплению энергетической безопасности Пакистана. В марте 2023 г. между Россией, Ираном, Пакистаном и Афганистаном было подписано Соглашение по добыче полезных ископаемых и модернизации газопровода в Герате, строительству угольной ТЭС, станций водоочистки, автомагистрали Кабул — Милак, развитию угольных месторождений.

Будучи членом ШОС, Пакистан предпринимает попытки инициировать свою логистическую интеграцию в рамках подписанного в 2023 г. Протокола о строительстве Трансафганской железнодорожной магистрали, которая соединит узбекскую железнодорожную сеть с пакистанскими железными дорогами через афганскую территорию, а также МОВ по созданию и развитию МТК Беларусь—Россия—Казахстан—Узбекистан—Афганистан—Пакистан. Между тем, заключив, по некоторым данным, сделку с британским военным ведомством на поставки боеприпасов, стрелкового оружия, систем ПВО, танков через Германию, Румынию и Польшу в зону конфликта северо-западного Причерноморья, Пакистан тем самым подрывает свою обороноспособность.

Е. В. Голубцова (ИСАА МГУ) в докладе «*Сравнение стратегических культур Пакистана и России*» показала, что данный концептуальный подход, популярный в настоящее время среди специалистов в области международных отношений, позволяет провести более глубокий анализ двусторонних связей для выявления факторов, как осложняющих межгосударственное взаимодействие, так и оказывающих на них потенциально благоприятный эффект.

Ссылаясь на мнение пакистанского исследователя Х. А. Ризви, было показано, что стратегическая культура (СК) пакистанцев неразрывно связана с конфликтом с Индией. Значительное влияние на ее формирование оказали следующие факторы: раздел в 1947 г. Британской Индии, сопровождавшийся дележом «колониального наследства» между доминионами Индийский Союз и Пакистан и осложненный разногласиями вокруг территориальной принадлежности ряда княжеств, а также массовыми столкновениями на почве религии; скептицизм лидеров индийского национально-освободительного движения по поводу жизнеспособности Пакистана; специфика расстановки политических сил в Пакистане и чрезмерная роль армейского аппарата, для которого характерно преимущественно настороженное отношение к Индии; опасения лидерских амбиций Индии, которые постепенно переросли в перманентное ощущение угрозы в связи с ее превосходством в военном плане; «теория двух наций», утверждавшая, что индийский национализм основывается на индуизме, в то время как пакистанский — на исламе и, таким образом, противопоставляющая мусульман и индусов.

Исследователи — как отечественные, так и зарубежные — сходятся во мнении о прохождении российской СК после распада СССР стадии формирования. Тем не менее, исходя из особенностей российской истории и идеологии, докладчик полагает, что СК является гибридом имперской и советской стратегических культур. Была дана ссылка на мнение ряда отечественных ученых (В. Н. Шевченко, Д. В. Тренин, К. Е. Кожухова) о следующих особенностях, характерных для российской СК: приоритет государства и его интересов над интересами отдельной личности; отстаивание суверенитета и равенства России с другими мировыми державами; поддержание справедливого миропорядка. При этом историки А. А. Вершинин и А. А. Кривопапов считают, что от советской власти российское руководство унаследовало видение национальной безопасности, основанное на разделении сфер влияния и баланса сил. Упоминается и тенденция оценивать риски для национальной безопасности сквозь призму военно-политических блоков, в результате

чего несоответствие российским ожиданиям политики США и стран Евросоюза привело к возобновлению антизападной риторики.

СК Пакистана и России, по мнению докладчика, обладают своей спецификой. Наиболее существенное отличие в СК пакистанского и российского руководства заключается в том, что Россия воспринимает себя как важнейшего актора на глобальном уровне, в то время как амбиции Пакистана ограничиваются усилением своих позиций в региональном масштабе. Кроме того, СК Пакистана тесно связана с религией, в то время как для России роль религиозного компонента менее существенна. Важным отличием является и стратегия выстраивания отношений с США: для Пакистана характерно тесное длительное взаимодействие с Соединенными Штатами, в то время как американо-российские отношения остаются преимущественно напряженными.

Вместе с тем можно выделить и ряд схожих черт. Высокая концентрация власти при неблагоприятной социально-экономической ситуации часто приводит к поиску внешнего врага для отвлечения внимания общественности от внутренних проблем. Генералитет, на протяжении длительного времени игравший значительную роль в политической жизни Пакистана, связывал внутреннюю безопасность и благополучие страны с борьбой с внешними «врагами», в первую очередь с Индией. Для России характерны устоявшиеся напряженные отношения с коллективным Западом. Поскольку ощущение перманентной внешней угрозы обуславливает повышенное внимание к оборонным нуждам и поддержанию в высокой готовности вооруженных сил, для СК обеих стран характерны элементы милитаризма. В то же время хроническая конфронтация Пакистана и России с перечисленными выше странами во многом связана и с культурными травмами их народов. Распад СССР, ознаменовавший поражение в холодной войне с Западом, раздел в 1947 г. Британской Индии, а также потеря в 1971 г. Восточного Пакистана — события, оставившие след в сознании многих поколений россиян и пакистанцев и повлиявшие на СК этих государств.

Р. Е. Прохоров (ИВ РАН) в докладе «*Диаспора как инструмент дипломатии Пакистана в странах Европы и в России*» рассмотрел роль диаспоры в развитии двусторонних отношений Исламской Республики Пакистан с такими европейскими странами, как Соединенное Королевство, Франция и Италия. Отдельное внимание было уделено пакистанской диаспоре на территории России. Докладчик проанализировал вклад выходцев из Пакистана в поддержание многостороннего диалога. Было подчеркнуто, что Великобритания, Италия и Франция входят в первую десятку стран мира по численности выходцев из этой страны Южной Азии. Были также исследованы вопросы, касающиеся роли трудовых мигрантов из Пакистана, их вклада в экономику стран проживания, традиционные для них сферы деятельности. Показано, что в странах пребывания пакистанской диаспоры отмечается различная степень их активности в проведении культурных и образовательных мероприятий.

В результате проведенного анализа докладчик пришел к выводу о том, что пакистанская диаспора через своих представителей в политической элите и бизнесе способствует развитию партнерских связей Пакистана на государственном уровне. Ее взаимодействие на неофициальном и официальном уровнях в такой чувствительной сфере, как религия, свидетельствует о важной роли профессионального фактора в развитии межгосударственных отношений, определяя и их перспективы.

В заключение участниками конференции было выражено общее мнение о том, что, какая бы партия ни пришла к власти в результате предстоящих парламентских выборов в Пакистане, сформированное новое правительство сохранит тенденцию к расширению многопланового сотрудничества с Россией, выстраиваемого в условиях активизации процессов евразийской интеграции².

---

² Подробнее об этом см. также: Новости ИВ РАН. Международная конференция «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса». URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=214978> (дата обращения: 10.03.2024).

* * *

Работа данной международной конференции получила освещение на ряде пакистанских и российских медийных платформ:

On Participation of Russian Ambassador to Pakistan Albert Khorev in an International Conference organized by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. URL: https://pakistan.mid.ru/en/news/on_participation_of_russian_ambassador_to_pakistan_albert_khorev_in_an_international_conference_orga/;

ED CISSS virtually delivered a talk on “Vitality of Pakistan-Russia Relations for Regional Connectivity and Development” in International Conference titled “Pakistan: Potential of Cooperation with Russia in Context of Political Process of Democratization” organized by Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow — 29 January 2024 — CISSS | The Center for International Strategic Studies Sindh (CISSS). URL: <https://ciyss.org.pk/ed-ciyss-virtually-delivered-a-talk-on-vitality-of-pakistan-russia-relations-for-regional-connectivity-and-development-in-international-conference-titled-pakistan-potential/>;

Международная конференция «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса». URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/mezhdunarodnaya-konferentsiya-pakistan-potentsial-vzaimodeystviya-s-rossiey-v-usloviyah-demokratizatsii-politicheskogo-protssesa>;

Представители УрГПУ приняли участие в конференции «Пакистан: потенциал взаимодействия с Россией в условиях демократизации политического процесса». URL: <https://uspu.ru/news/predstaviteli-urgpu-prinyali-uchastie-v-mezhdunarodnoy-konferentsii-pakistan-potentsial-vzaimodeystv/> и др.

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПАКИСТАН: ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ
В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА»**

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-266-267

OPENING STATEMENT

© 2024

Muhammad Khalid Jamali¹

Honorable Director Institute of Oriental Studies, Professor Alikberov,
Respected Chairman, Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of
Oriental Studies Professor Belokrenitsky,
Distinguished Scholars,
Assalam Alaikum!
Dobrey Oootro (Good Morning)!

It is a great honor for me to address this distinguished gathering of scholars of one of the richest literary and advanced scientific traditions in the world. An opportunity to speak in the hallowed halls of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences is an experience I will always hold close to my heart.

I took up my assignment here in Moscow in September last year and as I experienced the dazzling array of art, culture and the warmth of Russian people I have simply fallen in love with this city. I am glad to note that Pakistan Embassy has established regular dialogue and interaction with the prestigious Institute of Oriental Studies and I assure you one of the goals for my tenure here is to strengthen interaction between the scholarly communities of our two countries.

I would now like to briefly apprise the distinguished guests here of the progress in Pakistan-Russia relations.

Strengthening relations with the Russia Federation remains an important priority of Pakistan's foreign policy. We believe that Pakistan-Russia relations not only serve our respective national interests but also contribute to regional and global stability and security. We intend to intensify cooperation with Russia in areas of trade, economy, security, counter-terrorism, defence as well as cultural, educational and people-to-people contacts.

Pakistan and Russia celebrated the 75th anniversary of establishment of diplomatic relations in 2023 and in these 75 years, our bilateral relations have witnessed a sea-change. Our relations today are marked by increased warmth and trust. I am glad to share with you that during my official ceremony for presentation of credentials to President Putin, the President characterized Pakistan-Russia relations as "truly friendly".

We have established a strong architecture of dialogue at all levels. Last October, Caretaker PM Kakar held a very positive meeting with President Putin. We are keenly working on strengthening economic cooperation particularly in the fields of energy and connectivity.

---

¹ Muhammad Khalid Jamali. H.E. Ambassador of the Islamic Republic of Pakistan to the Russian Federation.
Его превосходительство Мухаммад Халид Джамали, посол Исламской Республики Пакистан в Российской Федерации.

More specifically on the focus of today's conference Pakistan and Russia have solidified parliamentary cooperation with regular exchanges over the past years. Last year Pakistan Chairman Senate on the invitation of Speaker of the Russia Federation Council, had a very positive visit to Moscow. It is a matter of satisfaction that Pakistan-Russia parliamentary friendship group exist in Upper and Lower Houses of Parliaments.

Parliamentary cooperation is an important element of effective diplomacy and cordial relations between nations. Pakistan's parliament has been playing a dynamic role to enhance multilateral linkages and synergies between parliaments at key international parliamentary forums such Inter-Parliamentary Union, Common Wealth Parliamentary Association and Asian Parliament Assembly. Parliamentary leaders are true representatives of people and in this role; they are the true embodiment of the democratic will of citizens of states. Parliaments with their legislative powers, their role as national debating chambers, their oversight function and budgetary responsibilities are in a unique position to find innovative solutions for the complex unconventional challenges faced by the world today in the form of economic recession, pandemics, climate change, Islamophobia, extremism and trans-national terrorism etc. Parliament is the only institution in the democratic setup, which exists on the basis of direct contact with people.

I strongly believe that regular, open and constructive dialogue amongst the parliaments of the world can help develop a deeper understanding amongst nations. Both our countries have scheduled elections for this calendar year I wish all the success for this democratic endeavor to my Russian friends.

In the end, I once again thank you for inviting me to express my views here at your prestigious institute. I eagerly look forward to continuing this journey of friendship and cooperation.

Thank You!

WELCOME SPEECH

© 2024

Danila V. Ganich¹

Ladies and Gentlemen!

I am sincerely grateful for the opportunity to address such a distinguished audience comprising reputable academicians, scholars, researchers, politicians, diplomats. Undoubtedly, the participation of the Russian Ambassador to Islamabad H. E. Albert Khorev and the Pakistani Ambassador to Moscow H. E. Muhammad Khalid Jamali inspires hope that today's deliberations will have practical output.

2024 is an election year. In February, there will be national elections in Pakistan, and in March Russia will hold her presidential elections. It looks like the February vote will signify Pakistan's return to its traditional two-party system where Muslim League and People's Party dominate. No change of guard is expected in Russia. Importantly, both the Russian and the Pakistani ruling elites strive for further strengthening of relations between our nations. Being aware that the world has become extremely dangerous, Moscow and Islamabad are promoting the spirit of cooperation and equality in the international arena — as opposed to global confrontation and neocolonialism. We stand shoulder to shoulder against Islamophobia and all other kinds of extremism including the neocon ideology. Our social fabric is similar. Russian and Pakistani societies are based on traditions and family values. That said, I am optimistic about the future of Russian-Pakistani friendship.

Thank you for your attention.

---

¹ H.E. Danila V. Ganich, Ambassador of the Russian Federation to the Islamic Republic of Pakistan (2019–2023). Ганич Данила Викторович, Его превосходительство посол Российской Федерации в Пакистане (2019–2023).

SHAPING THE FUTURE TRAJECTORY OF PAKISTAN-RUSSIA RELATIONS IN THE EVOLVING GLOBAL MILIEU

© 2024

Raza Muhammad¹

INTRODUCTION

The changing global scenario in terms of reshaping of new alignments between states has had an impact on Russia and Pakistan relations. They are rebalancing their ties by keeping in view the pressing ground realities and collaborating in the fields of economics and regional cooperation. They have also revisited their political stands, and are coming closer together in areas such as defence cooperation and investments. Purchasing of four Mi-35 ‘Hind E’, participation in the Multinational joint Naval AMAN exercise along with ‘Friendship’ military exercise, establishment of Joint Military Consultative Committee, and signing a Memorandum of Understanding on investment in the fields of Pakistan Steel Mill, metallurgy, railways, power, science and technology are some of the hallmarks of Pakistan and Russia relations. This is proving very important for their future collaboration as regional allies.

One of the prime areas of their concern as well as interaction is Afghanistan. Both countries want peace, and a strategic understanding is evolving. The good point is that both the countries are opposed to hegemon by outside powers, and are working for an inclusive partnership in promoting regional and global stability.

GLOBAL MILIEU AND GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

This new transformation is marked with new contours. Russia is now a power to be reckoned with, and has struck a new chord of strategic understanding with China. Both are emerging economies and have come a long way from being small powers to entities that are influencing geopolitics beyond their regions. Of course, this has set in new opportunities and challenges for the neighbouring countries, and Pakistan has rightly seized the moment by exploring new avenues of interaction and cooperation.

The war in Ukraine has come as a great detriment to the growing influence of Russia. The sanctions imposed on it by the West are pinching its power status, but it has successfully carved out a place for it by diversifying its ties with the European Union, Turkey and the Middle Eastern states. This pragmatic rationale is aimed at preserving Russia’s political and economic standing amid external pressures.

---

¹ Dr. Raza Muhammad. H.E. former Ambassador of Pakistan to Mauritius, Madagascar, Seychelles and Comoros. Major General (retd). President, Islamabad Policy Research Institute (IPRI), Pakistan.

Доктор Раза Мухаммад, Его превосходительство бывший посол Пакистана на Маврикии, Мадагаскаре, Сейшельских и Коморских островах, генерал-майор в отставке, президент Исламабадского института политических исследований, Пакистан.

Russia is resetting its image in a multipolar world and is eager for good relations with all. It is also an active player on the world stage and has auto-corrected its relations with the United States and other Western allies.

Historically, Russia has exercised significant power and influence within its spheres of influence, encompassing the Baltic, the Caucasus, and Central Asia. The Ukraine-Russia War serves as a testament to Moscow's assertiveness. The regional strategic environment in South Asia and the Middle East especially in the backdrop of the security situation in Afghanistan in the wake of the withdrawal of US forces, the rise of Daesh and the Gaza conflict (Syrian Civil War in the past) has compelled Russia to extend its focus beyond immediate security concerns. Increased engagement with Asia, particularly through a principal partnership with Beijing, positions Pakistan as a key actor in stabilising Russia's economic trajectory.

CHINA-PAKISTAN-RUSSIA COOPERATION UNDER BRI

The determinants of cooperation between Russia, China, and Pakistan are embedded in the emerging inter-regional economic prospects fostered by initiatives like the Belt and Road Initiative (BRI), the Eurasian Economic Community (EurAsEC), and its successor Eurasian Economic Union (EAEU). This collaborative effort aims to assimilate Europe and Asia into a supercontinent, presenting new avenues for regional cooperation.

China's BRI and Russia's EAEU serve as pillars for this collaborative effort, aiming to align and complement each other's interests. A joint declaration on cooperation between Russia and China in May 2015 highlights the concerted effort to harmonize the BRI with the EAEU. This alignment brings in dividends for Islamabad to make use of the institutional arrangements with the EAEU, and further commercial interests with Moscow and beyond in the region, especially as it has a major role to play with the success of CPEC. Pakistan, positioned as critical to Pan-Eurasian integration, serves as a bridge between Central Asia, South Asia, and EU countries, thereby influencing the integration of the Eurasian Union and the resurgence of the Silk Route.

WILLINGNESS TO ENHANCE BILATERAL TIES

The shift in Russia's approach towards Islamabad is a response to changing international power structures, Moscow's assertiveness in global affairs, and strained relations with Washington. This evolving geopolitical competition and regional security concerns in Central and South Asia are driving Moscow and Islamabad to build strategic relations. Emerging regional arrangements, such as improving China-Russia relations and U.S.-India strategic cooperation, coupled with the security dynamics in Afghanistan, offer avenues for advancing Russia's engagements with Pakistan.

The strategic importance of Russia for Pakistan lies in its major power status, economic potential, veto power at the United Nations Security Council (UNSC), and leading membership in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Pakistan's proactive efforts to broaden its foreign relations are evident in the momentum of bilateral relations, which started gaining pace.

Pakistan and Russia have institutionalized their relations through the establishment of the Pakistan-Russia Intergovernmental Commission on Trade, Economic, and Scientific & Technical Cooperation, the Joint Working Group on Counter-Terrorism, and the Joint Working Group on Strategic Stability. The momentum of launching a dialogue featuring improved relations across economic, political, military, and security fronts is indicative of the commitment to a comprehensive partnership.

Moscow and Islamabad concur on several issues, particularly those related to security and regional integration. There is no conflict of interest between Pakistan and Russia, irrespective of the fact that Moscow has great designs of collaboration in the region, and Pakistan too is eager to benefit from economic linkages that are on the anvil.

PROMISING FUTURE OF PAKISTAN-RUSSIA RELATIONS

The convergence of interests has come with a promising future for the two states which seem to be geared to exploit several opportunities and there exists a strong will on both sides to avail them. The fact is that apart from economic and strategic understanding, there is much to do in the fields of environment in the Eurasian region and security mosaic.

Russia's decision to broaden relations with Pakistan is a strategic shift, driven by Moscow's assertiveness on the global stage and the desire to counter American influence in the Eurasian region. Regional issues such as peace in Afghanistan, benefitting from connectivity options and energy needs are other unavoidable avenues. Moreover, they also have a robust defence market to cater. At the governmental level, both states are working on institutional understanding and cementing formal long-term interactions.

CPEC is another horizon where their interests get along for the progress of the broader region. It enables Pakistan to attract potential Russian investments, bilateral trade, and joint ventures. The collaboration between the EurAsEC and the BRI offers prospects for institutional arrangements with commercial benefits. Pakistan-Russia relations are strategic and long-term. It is good that they are avoiding hasty engagements.

TANGIBLE RECOMMENDATIONS

The bilateral relationship requires a strategic and multifaceted approach. Here are some recommendations:

Economic Collaboration

- Actively explore trade opportunities in sectors such as energy, technology, agriculture, and manufacturing.
- Further broaden the mosaic of CPEC and bring Russia into it. This will be of significant importance for South Asian peace prospects and development.

Institutional Arrangements

- Strengthen existing institutional frameworks and regularly evaluate their outcomes.
- Undertake new agreements in defence and technology transfer.

People-to-People Contacts

- Promote cultural exchanges, including art exhibitions, music festivals, and educational programs.
- More student exchanges and academic collaborations.

Security Cooperation

- Collaborate on counterterrorism mechanisms and intelligence-sharing expertise.
- Joint military exercises and expansion of maritime security.

Regional Integration

- Push ahead with EAEU and BRI for common goals.
- Promote regional connectivity and support initiatives like the North-South Transport Corridor and buoying the potential of Gwadar Port.

Diplomatic Engagement

- High-level political dialogues are needed.
- More Track II diplomatic initiatives including academics, think tanks, and NGOs.

Strategic Communication

- Raise awareness about culture and shared history.

Political Commitment

- Strong political will to enhance bilateralism.

Energy Collaboration

- More collaborations in oil and gas, as well as renewable energy.

Balanced Approach

- Secure external engagements with a prudent understanding of evolving realities.

STEERING PAKISTAN'S RELATIONS WITH THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024

Masuma Hasan¹

With a population of 241 million people, Pakistan is the fifth largest country in the world. In the 21st century, it has already held four parliamentary elections in 2002, 2008, 2013 and 2018. The next election is scheduled to be held on 8 February 2024. Presidential elections will also be held in the Russian Federation in March 2024. Whichever party comes to power democratically in Pakistan will have to steer its foreign policy priorities in a fast changing global order. Although the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, released in early 2023, does not mention Pakistan by name, it refers to revolutionary changes in the global order. Russia's importance for Pakistan has increased because of its strategic convergence of interests with China, Pakistan's principal ally. There are many avenues of collaboration between the two countries. Both countries believe in building a multipolar international system. Especially after the withdrawal of the United States from Afghanistan, Pakistan has tried to diversify its foreign relations. In spite of many vicissitudes in Pakistan's relations with Russia in the past, the changing world order has brought them closer. In the energy sector, Russian investments in Pakistan would be most critical. Russia is the world's largest exporter of natural gas and the second largest of oil. The new democratic government in Pakistan can seek Russian help in hydropower projects and try to revive the 1100 km Pakistan Stream Gas Pipeline (PSGP) which will carry LNG from Karachi and Gwadar to Lahore, after the crisis in Ukraine has abated. Trade and military cooperation between the two countries have recently increased. Through membership of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) both countries cooperate in maintaining peace in the region and fighting extremism, as also through the recently enlarged BRICS, of which Pakistan has applied for membership. Pakistan is a victim of cross border terrorism from Afghanistan, which can be countered with Russian influence, and also the illicit flow of drugs. Most important is the facilitating role Russia can play in Pakistan's connectivity projects with the Central Asian States, many of which are stalled because of the turmoil in Afghanistan, such as the ambitious 573 km Pakistan-Afghanistan-Uzbekistan (PAKAFUZ) railway line and the better known CASA 1000 and TAPI projects. Although Pakistan and Russia do not share a common border, Pakistan can support Russia's inspirational aim of establishing a Greater Eurasian Partnership by combining the potential of the states in the region and China's One Belt One Road Initiative (BRI) of which Pakistan is a committed member.

---

¹ Dr. Masuma Hasan, Chairperson, The Pakistan Institute of International Affairs.
Доктор Масума Хасан, председатель Пакистанского института международных отношений.

VITALITY OF PAKISTAN-RUSSIA RELATIONS FOR REGIONAL CONNECTIVITY AND DEVELOPMENT

© 2024

Qazi M. Khalilullah¹

Dear Chairman,
Honourable Director of the Institute of Oriental Studies,
Excellences,
Dear Guests,
Ladies and Gentlemen,
Good Afternoon,
Assalam o Alaikum!

At the outset, allow me to thank the Chair for the invitation to participate in this important conference along with many distinguished speakers from Pakistan and Russia. I have very fond memories of my stay in Moscow as Ambassador of Pakistan to Russia from 2016 to 2019. Moscow is one of the most beautiful capitals of the world. People of Russia are friendly and hospitable.

During my stay in Moscow as Ambassador, I worked very closely with researchers of the Institute of Oriental Studies, in particular Prof. Dr Belokrenitsky and Dr Irina Serenko to exchange views on bilateral, regional and global issues of mutual interest from time to time. Let me also mention that I had the fullest support of senior officials of the Russian Ministry of Foreign Affairs as well as other ministries and departments of Russia.

Let me now say a few words with regard to the title of the Conference. Pakistan is all set to hold Federal and Provincial elections on 8 February. However, I am confident that the outcome of the elections will have no impact on Pakistan-Russia relations as all political parties in Pakistan and State institutions share common desire to enhance relations with Russia.

Today's conference is the third Pakistan-Russia conference in nine months. The first conference was organized by the Institute of Oriental Studies in Moscow in May last year to celebrate 75 years of establishment of diplomatic relations between Pakistan and Moscow. The second was organized in Islamabad in November 2023 by the Strategic Vision Institute in collaboration with the Russian Center for Energy and Security Studies on "Pakistan-Russia Relations Amid Transforming Global Order". I participated in the previous two conferences and am delighted to participate in this one as well.

These conferences are in line with the upward trajectory of Pakistan-Russia relations and speak positively about the efforts of our think tanks to further enhance Pakistan-Russia cooperation with the support of our respective Embassies and Governments.

---

¹ Qazi M. Khalilullah. H.E. former Ambassador of Pakistan to the Russian Federation. Executive Director, Center for International Strategic Studies Sindh, Karachi, Pakistan.

Кази М. Халиулла, Его превосходительство бывший посол Пакистана в Российской Федерации, директор Центра международных стратегических исследований, Синд, Карачи, Пакистан.

Pakistan and Russia enjoy close and multifaceted relations based on mutual respect, goodwill and trust. Over the last two decades, both sides have worked closely and succeeded in enhancing relations in various areas including trade, energy, security and military-to-military engagement. Pakistan and Russia also enjoy close cooperation in multilateral fora. We come together as partners in the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Let me now focus on my topic which is “Vitality of Pakistan-Russia Relations for Regional Connectivity and Development.”

At this point, let me recall a term that was coined by the then Defense Minister of Pakistan Mr Khurram Dastgir Khan during his visit to Moscow in 2018. The term was “RUPEC”, which stands for Russia-Pakistan Energy Corridor, similar to China-Pakistan Economic Corridor, which is being built in Pakistan with Chinese investment of more than 60 billion dollars. But I will not restrict myself to RUPEC. I will also talk about Pakistan-Russia Maritime, Road and Rail corridors.

Pakistan-Soviet relations developed gradually after establishment of diplomatic relations on 1st May 1948. Although Pakistan was in the Western bloc during the Cold War, Pakistan and Soviet Union were able to cooperate on a number of important projects such as establishment of Pakistan Steel Mills, power projects at Guddu and Muzaffargarh and OGDCL. The desire to do more such mutually beneficial projects exists on both sides and will be the focus of my presentation.

In May last year, first ever direct shipping service between St. Petersburg and Karachi was launched. Arrival of NECO Line vessel “MV Crystal St. Petersburg” on 25 May 2023 at Karachi port marked the commencement of this service and establishment of a Maritime Corridor between the two countries. However, maritime trade routes have become vulnerable to geopolitical contestation and reaction to Israel’s genocide in Palestine. This highlights the significance of land corridors.

As during the Soviet period, focus of economic cooperation between Pakistan and Russia has remained on energy projects. These projects include:

1. In 2015, Islamabad and Moscow signed a USD2.5 billion contract to build the Pakistan Stream Pipeline, an 1,100 km north-south gas pipeline to supply gas from LNG terminals from Karachi and Gwadar to Lahore.
2. An Inter-Governmental Agreement on Cooperation in the Sphere of Liquefied Natural Gas (LNG) was signed between the two countries on 13 October 2017.
3. Pakistan and Russia also have interest in a regional undersea gas pipeline. In this connection, the two countries signed a MoU in February 2019 in Moscow on conducting feasibility study for a subsea pipeline from Middle East to South Asia.

Formation of Afghan Interim Government after the chaotic withdrawal of foreign forces from Afghanistan in 2021 has enabled Pakistan, Russia and Central Asian Republics to enhance trade through Afghanistan. In recent months, trucks carrying goods from Russia and Kazakhstan have made first ever trips to Pakistan through Afghanistan. Also, Russian LPG has been transported by road from Russia to Pakistan through Afghanistan.

Interestingly, Afghanistan, which divided Islamabad and Moscow during the Soviet invasion was helpful in bringing the two countries closer due to shared concerns and approaches to the peace process, and orderly exit of foreign forces from Afghanistan. According to Pakistani traders, 90% of goods from Pakistan to Russia are being exported via Afghanistan and Uzbekistan.

Pakistan’s “Vision Central Asia” policy focuses on enhanced and result-oriented engagement with Central Asian countries under its five pillars:(i) Political; (ii) Trade and Investment; (iii) Energy and Connectivity; (iv) Security and Defence; and (v) People-to-People Contact.

According to the National Security Policy of Pakistan 2022–2026, Islamabad’s geo-economic pivot is focused on enhancing trade and economic ties through connectivity that links Central Asia to our warm waters. Pakistan is therefore working towards actualizing agreements on energy and transit with the Central Asian Republics. These include:

1. TAPI, conceived in 1992. It will be 1,800 km long pipeline from Turkmenistan through Afghanistan and Pakistan to India. Construction of the pipeline will transport 33 billion cubic meters of gas to the three countries.
2. CASA 1000 is one of Central Asia’s largest electricity transmission project from Kyrgyzstan and Tajikistan to Afghanistan and Pakistan. It is 1,250 km long. The project will provide 1500 MW of electricity from Tajikistan and Kyrgyzstan to Afghanistan and Pakistan.

Russia has the opportunity to participate in these projects.

I recall that in 2017, during a session of Pakistan-Russia Inter-Governmental Commission, Russia expressed interest in upgrading Quetta-Taftan Railway line from Pakistan to Iran. According to media reports, Russia has expressed renewed interest in this project. This will be helpful in establishing a rail corridor between Pakistan and Russia via Iran.

Let me share with you that freight train service between Pakistan, Iran and Turkey resumed in December 2021. The train covers more than 1,990 km inside Pakistan, 2,600 km in Iran and 1,850 km in Turkey before reaching its final stop in Istanbul. It completes one side of the trip in 11 days. The journey takes 10 days less than the voyage of 21 days by sea. It is therefore possible to talk of a train corridor from Pakistan to Russia via Iran.

In February 2021, leaders of Pakistan, Uzbekistan and Afghanistan agreed to a roadmap for a 573 km rail link from Mazar-i-Sharif to Peshawar, via Kabul. Rail and road routes already exist from Termez to Mazar-i-Sharif connecting Uzbekistan with Afghanistan.

Connectivity is also possible within the framework of SCO. Pakistan wishes to connect CPEC with other corridors in Central Asia. SCO holds a lot of potential for promoting connectivity in the region as in terms of geographic scope and population, it is the world’s largest regional organization, covering approx. 60% of the area of Eurasia, 40% of the world population, and more than 30% of global GDP.

Connectivity for development between Russia and Pakistan and realization of projects that I have spoken about will also be helpful in the realization of Russian President’s vision for integration of the Eurasian space.

Let me conclude by underscoring that the Moscow Format of Consultations was very effective in promoting peace in Afghanistan. We need a similar format to promote regional connectivity for development.

Thank you.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2024

А. П. Хорев¹

STATE AND PERSPECTIVES OF RUSSIA-PAKISTAN RELATIONS

A. P. Khorev

Российско-пакистанские отношения развиваются по стабильно позитивной траектории. Мы отмечаем высокий уровень межгосударственного взаимодействия, рост торговых показателей и укрепление гуманитарных связей.

Регулярный характер носит политический диалог, в том числе на высшем уровне. В октябре 2023 г. наш Президент встретился с Главой переходного Правительства Пакистана А. Какаром «на полях» форума высокого уровня «Один пояс, один путь» в Пекине.

Развиваются межпарламентские связи. Очередным свидетельством стал визит Председателя Сената ИРП М. С. Санджрани в Москву в июне 2023 г. Поездка в Исламабад российской делегации во главе с Первым заместителем председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности В. А. Чижовым с наблюдательной миссией на всеобщих выборах в Пакистане 8 февраля 2024 г. также поспособствует упрочению взаимодействия между законодателями двух стран.

Традиционно интенсивное и предметное взаимодействие осуществляют внешнеполитические ведомства России и Пакистана. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в 2023 г. встречался со своими пакистанскими визави и в Москве, и «на полях» мероприятий ШОС, и в ходе недели высокого уровня Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Пакистан посетили заместители министра иностранных дел России А. Ю. Руденко и С. В. Вершинин.

Поддерживаем высокий уровень партнерской координации с Исламабадом в рамках многосторонних форматов. В ситуации, когда неонацизм, к сожалению, поднимает голову во многих странах, прежде всего западных, особо ценим неизменную поддержку Пакистаном выдвигаемой нами ежегодно резолюции Генассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости».

Хорошие результаты дает двустороннее торгово-экономическое сотрудничество. Товарооборот демонстрирует положительную динамику, и есть все основания полагать, что по итогам 2023 г. его объем впервые в истории отношений превысит отметку в 1 млрд долл. США. Это достойный показатель, но важно не останавливаться на достигнутом. Стимулом к дальнейшему росту торговли может стать улучшение региональной железнодорожной и автотранспортной инфраструктуры, в том числе на пакистанской территории. Полезным в этом плане стало бы подключение

---

¹ Хорев Альберт Павлович, Его превосходительство посол РФ в Исламабаде.
H. E. Albert P. Khorev, ambassador of Russia to Pakistan.

Пакистана к международному транспортному коридору «Север–Юг», который призван напрямую связать Россию со странами Азии.

Другим важным направлением развития инфраструктуры и связуемости является улучшение трубопроводной системы. Лишь растет актуальность флагманского проекта российско-пакистанских отношений — строительства газопровода «Пакистанский поток» из Карачи в Лахор. Его реализация послужила бы мощной основой для комплексной модернизации пакистанской энергетической отрасли при участии Москвы.

Имеется задел для дальнейшего наращивания сотрудничества в рамках образовательных и гуманитарных проектов. Ежегодно пакистанским студентам выделяются десятки стипендий для обучения в российских вузах. Показатель неплохой, однако он не отражает масштабы двух стран с их многомиллионным населением. Прорабатывается вопрос о значительном увеличении квоты для абитуриентов из ИРП.

Наши учебные заведения и сами обращают все больше внимания на пакистанское направление. В августе 2023 г. на базе Открытого университета Аллама Икбала в Исламабаде Уральским государственным педагогическим университетом был создан Центр открытого образования, организовавший курсы русского языка для широкого круга слушателей. Надеемся на продолжение такой деятельности российскими образовательными центрами. Высоко оценили недавнюю инициативу пакистанской стороны о подключении России к проекту «Культурный караван Китайско-пакистанского экономического коридора». Диалог между нашими культурами способен не только взаимно их обогатить, но и увеличить туристические потоки.

Отношения между Россией и Пакистаном имеют прочную базу и значительный потенциал для роста. Их дальнейшее развитие отвечает долгосрочным интересам обеих стран. Поэтому мы не сомневаемся, что российско-пакистанские связи продолжат крепнуть независимо от того, какими будут результаты предстоящих в обеих странах выборов.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПАКИСТАНЕ (1972–1977)

© 2024

И. Б. Дежкин¹

Статья посвящена особенностям, проявившимся в партийно-политической системе и политической борьбе Исламской Республики Пакистан в один из самых интересных периодов ее истории – пребывания у власти первого правительства Пакистанской Народной Партии (ПНП) в декабре 1971 – июле 1977 гг. В эти годы партию и правительство Пакистана (до вступления в силу в августе 1973 г. в качестве президента, а затем – в качестве премьер-министра страны) возглавлял незаурядный, харизматичный политический деятель независимого Пакистана, основатель ПНП Зульфикар Али Бхутто, свергнутый в результате военного переворота генерала М. Зия-уль-Хака 5 июля 1977 г. и казненный в апреле 1979 г. по надуманному обвинению в организации политического убийства в его бытность главой правительства. Автором рассмотрены выделенные им такие особенности политической жизни и политической борьбы Пакистана 1970-х гг., как многопартийность, фрагментированность партийно-политической системы; фракционность, отсутствие монолитности партийных рядов; свойственная для пакистанской политики условность традиционного деления партий и политиков на левых, центристских и правых; широкое использование популистской риторики пакистанскими политиками; бурный темперамент политиков Пакистана.

Ключевые слова: политическая система, политическая борьба, политическая партия, политический популизм, многопартийность, З. А. Бхутто

Для цитирования: Дежкин И. Б. К вопросу об особенностях политической борьбы в Пакистане (1972–1977). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 279–284. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-279-284

ON THE ISSUE OF THE PECULIARITIES OF POLITICAL STRUGGLE IN PAKISTAN (1972–1977)

Igor B. Dezhkin

The article discusses the peculiarities of the party-political system and political struggle of the Islamic Republic of Pakistan during one of the most interesting periods of its history – the tenure of the first government of the Pakistan People's Party (PPP) in December 1971 – July 1977. During these years, the party and the government of Pakistan (before coming into force in August 1973 as President, and then as Prime Minister of the country) was headed by an outstanding, charismatic politician of independent Pakistan, the founder of the PPP, Zulfikar Ali Bhutto, who was

---

¹ Дежкин Игорь Борисович, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, Липецк; bcp1176@yandex.ru

Igor B. Dezhkin, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of History, Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk; bcp1176@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-8267-6197

overthrown as a result of a military coup by General M. Zia-ul-Haq on July 5, 1977 and executed in April 1979 on far-fetched charges of organizing a political assassination during his prime-ministership tenure. The author considers such features of party and political system of Pakistan as factionalism, the lack of monolithic party ranks; the conventionality of the traditional division of parties and politicians into Left, Centrist and Right, that is characteristic of Pakistani politics; the widespread use of populist rhetoric by Pakistani politicians; the stormy temperament of Pakistani politicians.

Keywords: political system, political struggle, political party, political populism, multiparty system, Z. A. Bhutto

For citation: Dezhkin I. B. On the Issue of the Peculiarities of the Political Struggle in Pakistan (1971–1977). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 279–284. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-279-284

Политическая борьба в Исламской Республике Пакистан в период нахождения у власти правительства Пакистанской Народной Партии (ПНП) во главе с харизматичным и эксцентричным политиком Зульфикаром Али Бхутто (1972–1977) отличалась некоторыми особенностями.

Во-первых, это — многопартийность, причем весьма значительно фрагментированная. Только хорошо известных, активных и заметных на политической арене Пакистана в то время партий можно насчитать более пятнадцати.

Помимо правящей тогда **левоцентристской** ПНП, это:

— стоявшая у истоков пакистанского государства **правоцентристская** *Мусульманская Лига* (в стране в 1970-е годы существовал уже целый ряд мусульманских лиг в качестве отдельных партий);

— **ряд правых исламистских партий**: крайне фундаменталистские партии *Джамаат-ислами (ДИ)* — «Общество ислама», превратившаяся в ее филиал партия *Низам-и-ислам* — «Организация ислама», *Джамиат-ул-улема-и Пакистан (ДУП)* — «Общество богословов Пакистана», умеренно фундаменталистская *Джамиат-ул-улема-и-ислам (ДУИ)* — «Общество исламских богословов» и др.;

— **умеренно левые**: *Национальная народная партия (ННП)* — основная оппозиционная партия в 1972–1973 гг. и образовавшиеся после ее запрещения в 1975 г. *Национально-демократическая партия (НДП)*, *Пакистанская национальная партия* и др.;

— резко оппозиционная партия вождистского типа *Техрик-и-Истикляль (ТИ)* — «Движение за независимость» маршала Мухаммада Асгар-хана — **центристская** по своей программе;

— умеренно оппозиционная **правоцентристская** *Пакистанская демократическая партия (ПДП)*;

— **левоцентристская** *Маздур Кисан Парти (МКП)* — «Крестьянско-рабочая партия»;

— **левые партии**: *Пакистанская социалистическая партия (ПСП)* марксистского толка и фактически вышедшая из подполья марксистско-ленинская *Коммунистическая партия Пакистана (КПП)*;

— не претендующие на статус общенациональных **регионалистские партии**, самой заметной из которых являлся *Объединенный фронт Синда (ОФС)* [Дербишайр, 2004, с. 235–236; Политические партии, 1967, с. 159–162. 1974, с. 180–184. 1981, с. 169–171. 1986, с. 193–195; Политические системы, 2012, с. 397–398 Танин-Львов, 2001, с. 869–871].

Второй существенной особенностью политической борьбы в 1970-е гг. было отсутствие монолитности партийных рядов. Почти во всех пакистанских партиях фракционность — вполне нормальное явление. Она вызвана такими факторами, как пестрый социальный состав и, как его

следствие, плюрализм мнений, регионализм, личные амбиции партийных лидеров [Political Parties, 1992, pp. 228–229, 238–239].

Причем взаимоотношения между фракциями могут строиться вполне мирно, а могут быть откровенно враждебными. Например, в одной из провинциальных организаций ПНП внутрипартийные разногласия вылились в побоище [Rizvi, 1976, pp. 272–273]. Очень многие политические деятели Пакистана за время своей политической карьеры поменяли несколько партий. При этом нет ничего необычного, если политик был активным деятелем левой ПНП, а стал функционером правой МЛ или наоборот.

Вообще понятия «левый», «правый», «центрист», «социалист», «революционный демократ» и т. п. в Пакистане весьма условны. И это — еще одна особенность политической жизни пакистанского общества 1970-х гг. Обычно к левому крылу политического спектра в 1970-е годы относят КПП, ПСП, МКП, ННП (НДП) и, с оговорками, ПНП. К правому крылу — ДИ, НИ, ДУП, ДУИ, МЛ, а к центру — ТИ и ПДП. Это деление пакистанских партий весьма условно.

Конечно, партии, относимые к «левым», в гораздо большей степени использовали социалистическую фразеологию, могли себя называть революционными, а своей идеологией именовать «научный социализм». «Правые» партии больше внимания в своих программах уделяли исламу, традиционным ценностям, защите частной собственности и государственного единства [Москаленко, 1981, с. 104–107].

Однако это не означает, что, скажем, в ПНП или ННП не было сторонников исламского государства, а в МЛ и ДУИ все с враждебностью относились к социализму. Так думать было бы абсолютно неверно. Ряд деятелей МЛ, ДУИ и других партий правого крыла был склонен к употреблению социалистической фразеологии [Плешов, 1997, с. 53–54; 2003, с. 83].

Интересно и то, что у пакистанских политиков слова слишком часто расходились с делами. Например, ННП выступала за радикальную аграрную реформу, но стоило только правительству Бхутто начать реальное осуществление весьма умеренной аграрной реформы 1972 г., как провинциальные власти Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Белуджистана, сформированные ННП, организовали бешеное сопротивление реформам, а недовольство крестьян ее торможением пресекалось кровавыми репрессиями² [Ф. 117. Оп. 26. П. 39. Д. 7. Л. 48; Тансыкбаева, 1976, с. 135–136; The Pakistan Times, 1972, p. 1]. Д. Мукерджи отмечает, что ННП оставалась партией пуштунских помещиков, сражавшейся против пуштунских арендаторов [Mukergee, 1972, с. 198–199].

Такая реакция ННП на реальную попытку реформ во многом объясняется тем, что практически вся ее партийная верхушка состояла из феодальных помещиков и вождей племен. Впрочем, феодальный элемент был широко представлен и в руководстве ПНП, и особенно — в руководстве «правых» партий. Может, в этом и кроются причины крайне медленных темпов проведения аграрных реформ 1970-х гг. в Пакистане? Но даже робкие аграрные мероприятия администрации З. А. Бхутто обеспечили его партии безоговорочную поддержку крестьянства и заставили все другие партии, даже самые правые, включить в свои программы многие требования крестьянства [Морозова, 1983, с. 68–72; 1987, с. 54–58].

В то же время неэффективность работы госсектора, созданного в результате масштабной национализации, проведенной правительством З. А. Бхутто, способствовала отказу многих партий от лозунгов национализации, которые, в большей или меньшей степени, присутствовали в предвыборных манифестах 1970 г. почти всех партий [Шерковина, 1983, с. 133–138, 217–219].

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF)]. Фонд 117. Опись 26. Папка 39. Дело 7. Лист 48.

Следующей характерной особенностью политической жизни Пакистана в рассматриваемый период был политический популизм. Впрочем, ярчайшим популистом в Пакистане тогда был сам З. А. Бхутто, получивший блестящее образование и одинаково уверенно чувствовавший себя и на трибуне ООН, и на митинге в пакистанской глубинке. «Поднимайтесь! — гремел голос Бхутто, — Вы — люди, и у вас есть человеческие права! Добивайтесь демократии, такого порядка, когда голос бедняка столь же важен, что и голос самых богатых!» [Бхутто, 1991, с. 58, 128].

Правление З. А. Бхутто иногда называют «популистским экспериментом», или «левым популизмом» [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 246; Burki, 1980, pp. 153, 162]. Впрочем, к популизму в той или иной мере прибегают многие политики, и он не обязательно несет вред, а политики-популисты далеко не всегда дают неискренние, лживые обещания публике, не спеша их выполнять.

Так, нисколько не сомневается в искренности демократических и социалистических (не в советском их понимании, конечно) убеждений Бхутто, в его стремлении принести прогресс и социальную справедливость народу Пакистана бывший посол СССР в Пакистане А. А. Родионов, вообще считающий пакистанского лидера «феноменальной личностью» [Родионов, 2003, с. 296–298]. Он отмечает, что Бхутто, чуждый бюрократизму, чванству и высокомерию, был очень доступным простым людям и к тому же непревзойденным оратором [Родионов, 1997, с. 130–131]. Обозначая свои цели, Бхутто заявлял: «Мы хотим построить исламский социализм, чтобы у нашего народа были и хлеб, и масло, и прогресс» [Bhutto, p. 248].

Трудно отрицать, что популистская риторика и популистские мероприятия Бхутто вывели нацию из состояния психологического шока, вызванного отделением Бангладеш и разгромом в войне с Индией 1971 г., позволили людям вновь обрести веру в свои силы. На какое-то время имя Бхутто стало, по признанию индийского историка С. Н. Каушика, «синонимом политической системы Пакистана», а «бхуттоизм» стал единственной идеологией нации [Kaushik, Politics in Pakistan, 1985, pp. 3, 8]. После М. А. Джинны Бхутто стал единственным национальным лидером, получившим почетное прозвище — Каид-и-Авам («вождь народа») [Kaushik, Pakistan under Bhutto's Leadership, 1985, p. 65].

Наконец, еще одна особенность, на которой хотелось бы остановиться, это — темперамент пакистанских политиков. Публично заявляя о приверженности принципам ненасилия, оппозиция, подозревавшая З. А. Бхутто в намерении установить однопартийную систему, нередко прибегала к таким крайним формам борьбы за власть, как вооруженная борьба с правительственными войсками, которую вели в 1973–1974 гг. в СЗПП и Белуджистане сторонники ННП. Террористические акты, например, убийство в 1975 г. видного деятеля ПНП Хаята Мухаммед-хан Шерпао. призывы к армии свергнуть, посадить в концлагерь или убить «Адольфа Бхутто за его, ставшей фашистской, политику», по выражению одного из лидеров оппозиции маршала Асгар-хана³ [АВП РФ. Ф. 117. Оп. 26. П. 39. Д. 7. Л. 210, 308; Kaushik, Politics in Pakistan, 1985, pp. 16–19].

Жесткие, подчас авторитарные методы правления законно избранного правительства З. А. Бхутто были не только причиной, но и следствием такого поведения оппозиции, которая никогда не отличалась ни последовательностью, ни принципиальностью. Сам Бхутто объяснял такой накал борьбы «нашим южным темпераментом» [Kumar, 1978, pp. 366–367].

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что перечисленные особенности политической борьбы 1970-х гг. в Пакистане следует, на наш взгляд, рассматривать именно в комплексе. Разумеется, что конкретные из этих особенностей могут встречаться в политической жизни иных периодов пакистанской истории и новейшей истории многих государств Азии, да и других стран мира.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF)]. Фонд 117. Опись 26. Папка 39. Дело 7. Листы 210, 308.

Литература / References

- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век*. М., 2008. 576 с. [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. XX Century*. Moscow, 2008. 576 p. (in Russian)].
- Бхутто Б. *Дочь Востока. Автобиография*. М., 1991. 432 с. [Bhutto B. *Daughter of the East. Autobiography*. Moscow, 1991. 432 p. (in Russian)].
- Дербишайр Дж. Д., Дербишайр Я. *Политические системы мира*. В двух томах. Том 1. М., 2004. 512 с. [Derbyshire J. D., Derbyshire J. *Political Systems of the World*. In Two Volumes. Volume 1. Moscow, 2004. 512 p. (in Russian)].
- Морозова М. Ю. Политика военного режима Зия-уль-Хака в деревне. *Ближний и Средний Восток. Экономика и история*. М., 1983. С. 56–74 [Morozova M. Y. The Policy of the Military Regime of Zia-ul-Haq in the Village. *The Middle East. Economics and History*. М., 1983. Pp. 56–74 (in Russian)].
- Морозова М. Ю. Позиции основных пакистанских партий по аграрному вопросу (70–80-е годы). *Ближний и Средний Восток: история, экономика, политика. Ч. II. Пакистан*. М., 1987. С. 45–62 [Morozova M. Y. The Positions of the Main Pakistani Parties on the Agrarian Issue (70–80-ies). *The Middle East: History, Economics, Politics. Part II. Pakistan*. М., 1987. Pp. 45–62 (in Russian)].
- Москаленко В. Н. Политическое развитие и основные политические партии. *Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция)*. М., 1981. С. 94–109 [Moskalenko V. N. Political Development and the Main Political Parties. Problems of Development of the Countries of the Modern Near and Middle East (Iran, Pakistan, Turkey). М., 1981. Pp. 94–109 (in Russian)].
- Плешов О. В. *Ислам и демократия. Опыт Пакистана*. М., 1997. 162 с. [Pleshov O. V. *Islam and Democracy. The Experience of Pakistan*. М., 1997. 162 p. (in Russian)].
- Плешов О. В. *Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане*. М., 2003. 260 с. [Pleshov O. V. *Islam, Islamism and Nominal Democracy in Pakistan*. М., 2003. 260 p. (in Russian)].
- Политические партии. Справочник* / Под общей редакцией Е. И. Кускова и Г. А. Киселёва. М., 1974. 359 с. [Political Parties. Guide / Under the General Editorship of E. I. Kuskov and G. A. Kiselyov. Moscow, 1974. 359 p. (in Russian)].
- Политические партии. Справочник* / Под общей редакцией В. В. Загладина и Г. А. Киселёва. М., 1981. 351 с. [Political Parties. Guide / Under the General Editorship of V. V. Zagladina and G. A. Kiselyov. Moscow, 1981. 351 p. (in Russian)].
- Политические партии. Справочник* / Под общей редакцией В. В. Загладина и Г. А. Киселёва. М., 1986. 382 с. [Political Parties. Guide / Under the General Editorship of V. V. Zagladina and G. A. Kiselyov. Moscow, 1986. 382 p. (in Russian)].
- Политические партии зарубежных стран. Справочник* / Под общей редакцией А. Ф. Кудряшова и Е. И. Кускова. М., 1967. 351 с. [Political Parties of Foreign Countries. Guide / Under the General Editorship of A. F. Kudryashov and E. I. Kuskov. М., 1967. 351 p. (in Russian)].
- Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник в четырёх томах. Том 2. Азия* / Гл. ред. А. В. Торкунов. М., 2012. 599 с. [The Political Systems of Modern States. An Encyclopedic Reference Book in Four Volumes. Volume 2. Asia / Editor-in-chief A. V. Torkunov. М., 2012. 599 p. (in Russian)].
- Родионов А. А. Записки посла СССР в Пакистане в 1971–1974 гг. *Новая и Новейшая история*. 1997. № 1. С. 122–142 [Rodionov A. A. Notes of the USSR Ambassador to Pakistan in 1971–1974. *New and Recent History*. 1997. No. 1. Pp. 122–142 (in Russian)].
- Родионов А. А. *Зульфикар Али Бхутто. Каким я его знал*. М., 2004. 301 с. [Rodionov A. A. *Zulfikar Ali Bhutto. As I Knew Him*. Moscow, 2004. 301 p. (in Russian)].
- Танин-Львов А. А. *Выборы во всём мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник*. М., 2001. 1112 с. [Tanin-Lvov A. A. *Elections All Over the World. Electoral Freedom and Social Progress. Encyclopedic Reference Book*. Moscow, 2001. 1112 p. (in Russian)].

Тансыкбаева С. И. Реформа аграрного строя в Пакистане (начало 70-х годов). *Современный Пакистан. Экономика. История. Культура* / Под ред. Ю. В. Ганковского. М., 1976. С. 124–141 [Tansykbayeva S. I. Reform of the Agrarian System in Pakistan (Early 70s). *Modern Pakistan. Economy. History. Culture* / Edited by Yu. V. Gankovsky. M., 1976. Pp. 124–141 (in Russian)].

Шерковина Р. И. *Политические партии и политическая борьба в Пакистане (60–70-е годы)*. М., 1983. 264 с. [Sherkovina R. I. *Political Parties and Political Struggle in Pakistan (60–70s)*. M., 1983. 264 p. (in Russian)].

Burki S. J. *Pakistan under Bhutto, 1971–1977*. New York, 1980. 202 p.

Bhutto Z. A. *Marching Towards Democracy. 1970–1971*. Karachi, 1971. 276 p.

Kaushik S. N. *Pakistan under Bhutto's Leadership*. New Delhi, 1985. 362 p.

Kaushik S. N. *Politics in Pakistan: with Spec. to Rise a Fall of Bhutto*. Jaipur, 1985. 135 p.

Kumar S. *The New Pakistan*. New Delhi, 1978 (Bhutto's Perception of Pakistan: An Interview with the Author). P. 351–372.

Mukerjee D. *Zulficar Ali Bhutto. Quest for Power*. Delhi, 1972. 230 p.

Political Parties of Asia & the Pacific / Edited by D. S. Lewis & D. J. Sagar. Detroit, 1992. 364 p.

Rizvi H. A. *The Military and Politics in Pakistan. 1947–1997*. Lahore, 1976. 347 p.

The Pakistan Times. 28.08.1972.

РОЛЬ ПАКИСТАНА В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОРИДОРОВ

© 2024

А. Н. Обухова¹

В статье дается оценка статусу геополитического позиционирования Пакистана, приобретающему принципиально важное значение для России на фоне развивающихся дезинтеграционных процессов с коллективным Западом. С населением 236 млн чел. Пакистан находится в глубоком экономическом кризисе: ВВП составил \$1600 на душу населения в 2022 г.; уровень инфляции превышает 20% с 2022 г.; сальдо торгового баланса Пакистана остается отрицательным, свыше одной трети национального импорта приходится на нефть, нефтепродукты, прочие энергоресурсы. Страна остается крупным потребителем природного газа, обеспечивая себя собственными ресурсами только на 3%.

Статья акцентирует внимание на том, что при отсутствии природных ресурсов, в которых были бы заинтересованы большие евразийские игроки, Пакистан не обладает рычагами экономического влияния на своих соседей, а предпринимая неудачные политические шаги, отрезает себя от интеграционных процессов в Средней Азии. Автор отмечает, что в расширяющемся геополитическом партнерстве Россия — ИРИ — КНР решение задач энергетической безопасности и логистической интеграции играет важнейшую роль.

В статье подчеркивается, что Пакистану необходимо встроиться в формируемые логистические и энергетические коридоры Азии, новые экономические интеграционные проекты Евразии, чтобы иметь возможность покупать российский и иранский газ, провести модернизацию энергогенерирующих мощностей страны, построить надежную транзитную дорожную инфраструктуру (в том числе путем привлечения иностранных инвестиций). Автор делает вывод, что для России рынок Пакистана мог бы стать солидной альтернативой сократившемуся в 2022–23 гг. экспорту природного газа в Европу. Будущее сотрудничество Пакистана не только с Россией, но и с Ираном представляется интересным и взаимовыгодным, поскольку государства-соседи Ирана — это емкие рынки с большими потребностями в газе, а совместные с РФ инвестиционные проекты смогут увеличить энергетическую безопасность Пакистана.

Ключевые слова: энергетические коридоры, логистическая интеграция, энергогенерация, атомная энергия, нефтегазовое сотрудничество с Россией

Для цитирования: Обухова А. Н. Роль Пакистана в формировании новых экономических коридоров. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 3. С. 285–297. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-285-297

---

¹ Обухова Анастасия Николаевна, магистр экономики, м.н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего востока Института востоковедения РАН, Москва; anastasia.n.obukhova@yandex.ru

Anastasia N. Obukhova, MA in Economics, Junior Researcher, Center for the Middle East Countries' Study, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; anastasia.n.obukhova@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-6232-172X

PAKISTAN`S ROLE IN FORMING NEW ECONOMIC CORRIDORS

Anastasia N. Obukhova

The article surveys the status of Pakistan's geopolitical positioning as having a crucial importance to Russia amid the disintegration processes with the collective West. With a population of 236mn, Pakistan is in a deep economic crisis: country's GDP per capita was \$1,600 in 2022; the inflation rate has exceeded 20% since 2022; Pakistan's trade balance remains negative, with oil, oil products, and other energy resources accounting for over one-third of national imports. The country remains a major consumer of natural gas, providing itself with only 3% of its own resources.

The article highlights that in the absence of natural resources that could be of interest to large Eurasian players, Pakistan does not have a significant bargaining power over its neighbors, and by taking unsuccessful political steps, it cuts itself off from integration processes in Central Asia. The author notes that expanding Russia-Iran-China geopolitical partnership aims at solving energy security and logistical integration problems. Thus the article further underlines that Pakistan needs to integrate into the Asian emerging logistics and energy corridors, new economic integration projects of Eurasia in order to be able to buy Russian and Iranian gas, modernize the country's energy generating capacities, and build a reliable transit road infrastructure (e.g. with the help of foreign investment). The author concludes that the Pakistani market could become a viable alternative for Russia to replace the natural gas exports volumes to Europe reduced in 2022–23. Future cooperation between Pakistan, Russia and Iran, seems interesting and mutually beneficial, since Iran's neighboring states are capacious markets with great demand for gas, while Russian-Pakistan joint investment projects would bode well for Pakistan's energy security.

Keywords: Energy corridors, logistics integration, energy generation, nuclear energy, oil and gas cooperation with Russia

For citation: Obukhova A. N. Pakistan's Role in Forming New Economic Corridors. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 285–297. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-285-297

Статус определенности Пакистана приобретает принципиально важное значение для России на фоне развивающихся дезинтеграционных процессов с коллективным Западом. В настоящее время идет процесс формирования многополярного миропорядка, ключевую роль в котором играет российско-китайское стратегическое партнерство, и отношения со странами-соседями выходят на первый план. Пакистан остается «слабым звеном» расширяющегося геополитического партнерства Россия — ИРИ — КНР, где решение задач энергетической безопасности и логистической интеграции играет важнейшую роль. В отсутствие природных ресурсов, в которых были бы заинтересованы большие евразийские игроки, Пакистан не обладает рычагами экономического влияния на своих соседей, а предпринимая неудачные политические шаги, отрезает себя от интеграционных процессов в Средней Азии.

Экономический профиль Пакистана

Страна с населением 236 млн чел. находится в глубоком экономическом кризисе: ВВП составил \$1600 на душу населения в 2022 г.² Уровень инфляции превышает 20% с 2022 г., достигнув 23,1% в феврале 2024 г. (по последним опубликованным данным), снизившись с 31,4% в сентябре 2023 г.³ В марте 2023 г. Центральный банк Пакистана поднял ключевую ставку на 300 базисных

² World Economic Outlook (WEO) Database: April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/pakistan/inflation-cpi> (дата обращения: 10.01.2024).

пунктов — до 20%⁴. Таким образом, ставка достигла самого высокого уровня с октября 1996 г. и стала наибольшим показателем среди азиатских стран на тот момент. В сентябре 2023 г. учетная ставка Центрального банка Пакистана была увеличена до 22% в попытках руководства страны сдержать рост цен и углубляющийся финансовый кризис. При этом за последние 25 лет Пакистан каждые пять лет удваивал свой государственный долг: при среднегодовом росте ВВП в 3% долг рос на 14% ежегодно. Соотношение государственного долга к ВВП составило 89% в 2022 г. при ВВП в \$377млрд⁵.

Таблица 1. Структура экспорта и импорта Пакистана по ключевым статьям, 2022 г.⁶

Экспорт Пакистана, 2022 г.			Импорт Пакистана, 2022 г.		
Экспортируемые товары	млрд долл.	%	Импортируемые товары	млрд долл.	%
Текстиль	5,6	19	Энергоресурсы	24,0	34
Трикотаж	5,1	17	Реакторы, котлы	4,3	6
Одежда	3,9	13	Жиры, масла	4,2	6
Хлопок	3,4	11	Черные металлы	3,9	6
Злаки	2,6	9	Электрооборудование	3,8	5
Медь	0,9	3	Оргхимия	3,3	5
Кожа	0,7	2	Пластмассы	3,0	4
Напитки	0,6	2	Транспортные средства	2,6	4
Инструменты	0,5	2	Хлопок	2,0	3
Рыба	0,4	1	Семена	1,3	2
Другие	6,5	22	Другие	17,6	25
ИТОГО:	30,0		ИТОГО:	70,0	

Сальдо торгового баланса Пакистана остается отрицательным, составив \$40 млрд в 2022 г., когда экспорт вырос на ~7% г./г. — до \$30 млрд, а импорт упал на 4% — до \$70 млрд⁷. Три четверти экспорта страны приходится на десять стран, включая США, КНР, Великобританию, Нидерланды, Германию, ОАЭ, Испанию, Италию, Афганистан, Бангладеш.

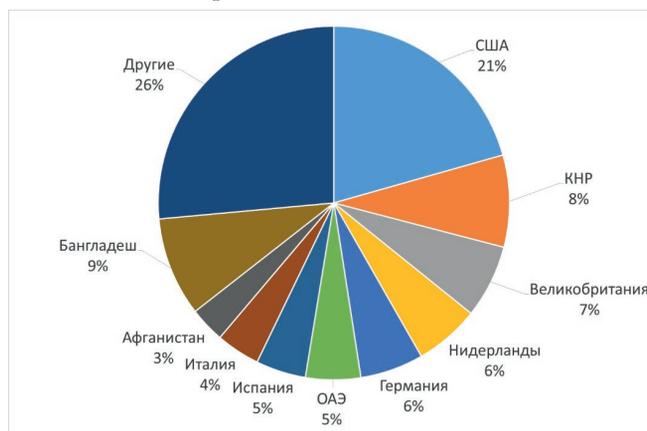

Рис. 1. Экспорт Пакистана по странам, 2022 г.⁸

⁴ Pakistan raises interest rates to 20%, the highest in Asia, 02.03.2023. Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/be5cad44-89fe-438a-bdf7-42f1d35977fa> (дата обращения: 25.01.2024).

⁵ World Economic Outlook (WEO) Database: April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶ TrendEconomy. URL <https://trendeconomy.ru/data/h2/Pakistan/TOTAL> (дата обращения 28.01.2024).

⁷ World Economic Outlook (WEO) Database: April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 25.05.2024).

⁸ TrendEconomy. URL <https://trendeconomy.ru/data/h2/Pakistan/TOTAL> (дата обращения: 28.01.2024).

Практически 60% экспортных продаж (\$17,9 млрд по данным за 2022 г.) идет за счет текстиля, изделий из хлопка, трикотажа, в то время как свыше одной трети национального импорта (\$24,0 млрд приходится на нефть, нефтепродукты, прочие энергоресурсы. Для России рынок Пакистана мог бы стать солидной альтернативой сократившемуся в 2022–23 гг. экспорту природного газа в Европу. Варианты поставок российского газа через свою территорию в Пакистан предлагаются и Ираном, для которого Пакистан является значимым торговым партнером с 3–4% долей в экспорте ИРИ⁹.

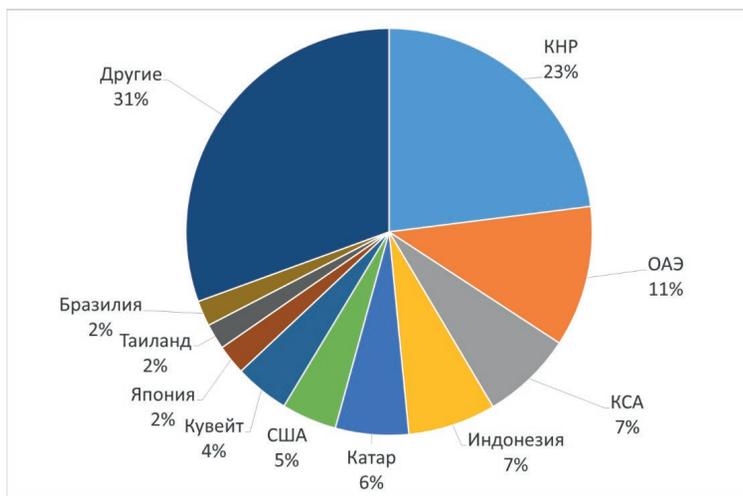

Рис. 2. Импорт Пакистана по странам, 2022 г.¹⁰

Энергетический профиль Пакистана

На Пакистан приходится лишь 0,173% мировых доказанных извлекаемых запасов природных энергоносителей, включая сырую нефть (0,118 млрд т. у. т.), природный газ (0,662 млрд т. у. т.), уголь (1,698 млрд т. у. т.)¹¹. В стране практически отсутствуют газовые месторождения, и Пакистан остается крупным потребителем природного газа, обеспечивая себя собственными ресурсами только на 3%¹². (Для сравнения: самообеспеченность Индии природным газом составляет 6,3%¹³. Страна импортирует около половины потребляемого природного газа из ОАЭ, США и Катара, доли которых в газовом импорте Индии составляют 13%, 16% и 42% соответственно¹⁴). Проблемы с газоснабжением были усугублены перекупленными в 2022 г. ЕС законтрактованными поставками СПГ.

Пакистан испытывает серьезные трудности в секторе энергетики: доля импорта в топливном балансе страны возросла с 11% в 1992 г. до 34–35% в 2020–2021 гг.¹⁵

⁹ European Union. Trade in goods in Iran. European Commission. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_afghanistan_en.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁰ TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Pakistan/TOTAL> (дата обращения: 28.01.2024).

¹¹ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-pakistan> (дата обращения: 25.05.2024).

¹² «Пакистанский поток»: зачем Россия построит еще один газопровод, 01.06.2021. ТАСС. URL: <https://tass.ru/eko-nomika/11528859?ysclid=lwyys63wd0882658558> (дата обращения: 18.01.2024).

¹³ Government sets target to raise share of natural gas in energy mix to 15% by 2030, 22.07.2022. The Economic Times. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/government-sets-target-to-raise-share-of-natural-gas-in-energy-mix-to-15-by-2030/articleshow/93112104.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 19.01.2024).

¹⁴ TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Pakistan/TOTAL> (дата обращения: 28.01.2024).

¹⁵ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-pakistan> (дата обращения: 25.05.2024).

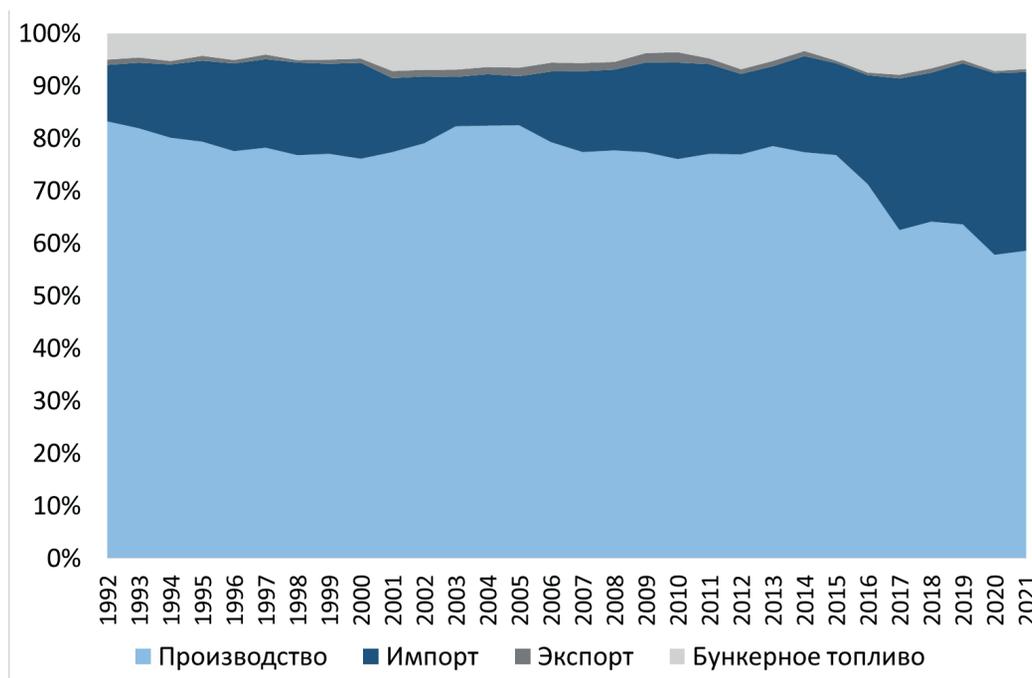

Рис. 3. Структура сводного топливного баланса Пакистана, 1992–2021 гг.¹⁶

По оценкам за 2021 г., суммарные запасы энергоносителей Исламской республики Пакистан составляли 2,479 млрд тонн условного топлива (т. у. т.), а расчетное время использования установленной мощности достигло 3,290 часов. При этом установленная мощность электростанций за 1992–2021 гг. увеличилась в пять раз — до 42,166 МВт (с 9,369 МВт), которые производят 144,435млн кВт/ч электроэнергии. Конечное потребление электроэнергии в 2021 г. составило 128,698 млн кВт/ч., эквивалент валовому потреблению электроэнергии в размере 578 кВт•ч/чел. (и 291 кВт•ч/чел. населением). Используя угольный (теоретический) эквивалент, душевое потребление энергоносителей составляло 458 кг угольного эквивалента на человека¹⁷.

По оценкам ЕЕС ЕАЕС, уровень технологического развития (УТР) Пакистана в 2021 г. достиг 14,79% за счет строительства и модернизации таких высокотехнологичных энергетических сооружений, как атомные электростанции, а также за счет использования других возобновляемых источников энергии (ВИЭ), таких как солнечные, ветровые и гидроэлектростанции¹⁸. (Для сравнения: расчетный УТР в КНР составил 41,82%, РФ — 20,27%, в Индии — 14,46%, в Иране — 12,6%¹⁹). Доля ТЭС в установленных национальных мощностях Пакистана остается неизменной последние три десятилетия: 62% по данным за 2021 г. против 63% в 1992 г.; за тридцать лет соответствующая доля ТЭС сократилась до 25% (с 36–40%), но Пакистану удалось нарастить установленную

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Национальную энергетическую эффективность можно оценить благодаря расчету уровня технологического развития (УТР). Это доля полезной электрической энергии в конечном потреблении первичной энергии с учетом расхода на собственные нужды энергетического сектора и потерь. (Здесь полезная электроэнергия пересчитывается по угольному (теоретическому) эквиваленту, приблизительно равному ~123 г/кВт•ч). УТР отображает уровень развития страны в зависимости от уровня ВВП на душу населения, энергоёмкости (потребление энергоносителей на единицу ВВП) и электроёмкости ВВП (потребление электроэнергии на единицу ВВП) — прим. авт.

¹⁹ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseacc.org/energeticeskij-profil-pakistana> (дата обращения: 25.05.2024).

мощность АЭС в 21 раз до 2870 МВт (7% от общих энерго мощностей). Начиная с 2011 г. идет строительство ветряных электростанций (ВЭС) и с 2016-го — солнечных электростанций (СЭС), доля которых в национальных мощностях достигла 4% и 1% соответственно²⁰.

Обеспечение национальной энергобезопасности путем международных соглашений

Совместные с РФ инвестиционные проекты с привлечением специалистов из Пакистана смогут увеличить энергетическую безопасность Пакистана. В частности, соглашение между РФ, ИРИ, Пакистаном и Афганистаном по добыче полезных ископаемых и модернизации газопровода в Герате, о строительстве угольной ТЭС, станций водоочистки, автомагистрали Кабул–Милак, развитии угольных месторождений было подписано в марте 2023 г.

В течение многих лет РФ и Пакистан обсуждают проект магистрального газопровода (МГП) «Пакистанский поток» (ранее МГП Север–Юг), который обеспечит поставки газа с юга Пакистана (где расположены СПГ-терминалы) в северные промышленные районы. Протяженность МГП мощностью 12,4 млрд кубометров газа в год составит около 1100 км.²¹ По газопроводу будет поставляться регазифицированный СПГ из Катара. Если России удастся выступить в качестве генерального подрядчика строительства газопровода, то это означает, что РФ будет владеть долей в проекте и в дальнейшем участвовать в управлении «Пакистанским потоком». Когда катарский газ пойдет в Пакистан, емкие рынки других стран региона (например, Индии, КНР) высвободятся для России, вырастет потребление СПГ в Южной Азии. Рост спроса на природный газ в регионы выгоден РФ, что будет способствовать, в том числе, расширению рынка сбыта для российской промышленной продукции.

Рис. 4. Проект прохода газопроводов «Пакистанский поток» и TAPI²².

Основные промышленные предприятия построены на севере Пакистана, а порт (Карачи) — на юге. Таким образом, необходимо везти сжиженный природный газ с побережья Аравийского моря в промышленные северные районы, что возможно осуществить, если будет построен магистральный

²⁰ Там же.

²¹ «Пакистанский поток»: зачем Россия построит еще один газопровод, 01.06.2021. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11528859?ysclid=lwyys63wd0882658558> (дата обращения: 18.01.2024).

²² Открытый источник: <https://flectone.ru/pakistan-otkuda.html> (дата обращения: 18.01.2024).

газопровод. В связи с этим в 2015 г. совместным предприятием «Ростеха» и пакистанской государственной Inter-State Gas Systems (ISGS) было согласовано строительство в Пакистане газопровода протяженностью 1100 км. Межправительственное соглашение об этом подписали Александр Новак, министр энергетики России (в 2018–2020 гг.), и Шахид Хаккан Аббаси, министр нефти и природных ресурсов Пакистана (в 2013–2017 гг.). Россия была представлена консорциумом, состоящим из двух трубостроительных компаний (частной и контролируемой Минэнерго), который должен был начать работы в июле 2021 г.

Значительная часть территории Пакистана представляет собой нагорья и горные районы, и протянуть по такому ландшафту газопровод — технически сложнейшая задача, которую пытаются решить за счет строящегося магистрального газопровода Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ). Оценочная стоимость МГП — \$8–10 млрд с учетом планируемой протяженности 1735 км и проектируемой пропускной способности 33 млрд куб. м., превосходящей «Турецкий поток». Запуск проекта планировался на 2017 г. но несколько раз откладывался, поскольку существует ряд геополитических сложностей. В частности, газопровод прокладывают через районы, контролируемые талибами, при этом на территории Афганистана действуют и другие формирования. Кроме того, в пакистанском Белуджистане нестабильная ситуация, постоянно происходят волнения.

При прокладке газопровода ранее использовались российские трубы, но работы были приостановлены. В 2022 г. Россию снова пригласили участвовать в завершении строительства газопровода ТАПИ, где для ее участия в проекте необходимо согласие четырех стран. Туркмения добывает порядка 65 млрд куб. м природного газа. Учитывая мощность газопровода (33 млрд куб. м в год), Ашхабаду предстоит вдвое увеличить объем добычи, поскольку страна является участником еще одного проекта «Трубопровод Центральная Азия — Китай» (этот магистральный газопровод, проходящий по территории Туркмении, Узбекистана, Казахстана, практически полностью построен на кредиты, предоставленные КНР. При этом прибыль проекта будет уходить на погашение кредитов китайской стороне). В случае экспорта газа по ТАПИ Россией можно было бы осуществлять своповые поставки с Туркменией на имеющейся необходимой инфраструктуре. Поэтому если Туркменистан и Пакистан заинтересованы видеть Россию в строительстве МГП, то с Индией и Афганистаном не все однозначно. В случае присоединения России к ТАПИ помимо доступа на рынки Пакистана и Индии у РФ возникают возможности выхода на рынок Афганистана с 40 млн населения (и большим потенциалом роста потребления). В дальнейшем совместно с Россией Пакистан мог бы принять участие в разработке природных богатств Афганистана.

В 2022–2023 гг. объем экспорта российского газа уменьшался, а выход на новые рынки требует средств. В связи с этим будущее сотрудничество Пакистана не только с Россией, но и с Ираном представляется интересным и взаимовыгодным, поскольку государства-соседи Ирана — это емкие рынки с большими потребностями в газе. Через территорию Ирана можно транспортировать российский газ (и нефть) и покупателям юга Персидского залива.

Для ПАО «Газпром» сотрудничество с Ираном означало бы возможность экспорта газа через Иран. Еще в 2021 г., чтобы выйти на рынки Индии, СПГ-поставки осуществлялись ПАО «Газпром» с Ямала. Напомним, что до 2013 г. на иранском шельфе создавался проект по разработке газового месторождения Фарзад Б, открытого индийскими государственными компаниями, получившими лицензию на геологическую разведку и приступившими к разработке согласно соглашению о разделе продукции (СРП). С введением санкций СБ ООН в 2013 г. проектные работы были приостановлены. По условиям СРП Индия должна была вести разработку за свой счет, и доля Ирана должна была идти в счет оплаты, а далее вырученные деньги делились бы между

сторонами. В 2021 г. Индия предлагала проект морского газопровода до территории Ирана (расстояние между странами составляет около 400 км), что, по плану Индии, означало бы строительство СПГ-завода на территории Ирана и регазификационный терминал на территории Индии [Марцинкевич, 01.06.2021]. Часть маршрута от Фарзада Б проходит по территориальным водам Пакистана, с которым Индия не может достичь договоренности. Если Индия не сумеет предложить другой сценарий, то будет рассмотрена другая компания, в том числе, вероятно, и Газпром.

Потенциал развития «нефтяного» коридора с РФ

В результате перенаправления потоков экспортируемой нефти за 2022–2023 гг. более 80% объема российской нефти экспортируется в три страны — КНР, Индию и Турцию. С Пакистаном по поставкам нефти и сжиженного углеводородного газа (СУГ) также могут быть достигнуты конкретные договоренности. Летом 2023 г. Россия начала поставки энергоносителей в Пакистан: доставка пробной партии нефти сорта Urals (с перегрузкой в Омане) была завершена в июне 2023 г., переработку ее провела на своем НПЗ Pakistan Refinery Limited (PRL)²³. В результате схема поставок была признана технически и коммерчески возможной, но дальнейшего развития поставки российской нефти в Пакистан не получили. Планировалась покупка еще одной спотовой партии российской нефти, но только при условии, что она будет доступна на более привлекательных для Пакистана условиях. Однако текущая рыночная динамика не способствует реализации пожеланий Пакистана, что сподвигло искать более долгосрочное решение.

В сентябре 2023 г. Россия поставила в Пакистан первую партию сжиженного нефтяного газа (СНГ, СУГ). В частности, партия российских СУГ (100 тыс. т) была отгружена ФортеИнвестом со своего НПЗ Орскнефтеорсинтез в г. Орск Оренбургской области, транспортирована транзитом в Пакистан по автодороге через иранскую ОЭЗ Серахс, где имеется ширококолейный железнодорожный участок (шириной 1520 мм)²⁴. Партия СУГ была разгружена специальным железнодорожным вагоном для перевозки СУГ, загружена в специальные автоцистерны и доставлена на пограничный пункт Реймадан в провинции Систан и Белуджистан частными транспортными компаниями Ирана.

Основным транзитным центром на северо-востоке Ирана служит ОЭЗ Серахс, через которую и расположенную на юго-востоке Ирана СЭЗ Чабахар проходит важнейший транзитный маршрут в восточной части Ирана. Протяженность ширококолейного участка в ОЭЗ Серахс (т. н. Дорога дружбы) составляет 31 км (железнодорожные участки с широкой колеей в Иране имеются еще в СЭЗ Арас на северо-западе страны). В настоящее время Иран и Россия обсуждают заключение нового контракта на транспортировку второй партии российских СУГ в Пакистан. (ФортеИнвест получил от Пакистана запрос о поставках в страну бензина, дизельного топлива и новой партии СУГ). Трудность заключается в том, что в Иране используется европейский стандарт (с шириной колеи 1435 мм) для приема железнодорожных составов из Центральной Азии.

²³ В Пакистан доставлена первая партия российской нефти, 12.06.2023. Деловой журнал «Neftegaz.RU». URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/782910-v-pakistan-dostavlena-pervaya-partiya-rossiyskoj-nefti/?ysclid=lwz1z2ljun358754156> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁴ Через Иран. Россия поставила в Пакистан первую партию сжиженного газа, 26.09.2023. Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/795538-cherez-iran-rossiya-postavila-v-pakistan-pervuyu-partiyu-szhizhennogo-gaz-a/?ysclid=lwz3bxb4he462728459> (дата обращения: 14.01.2024).

Проекты логистической интеграции

Пакистан стремится встроиться в формирующиеся экономические проекты Глобального Юга. С июня 2017 г. страна является членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), куда входят КНР, РФ, Индия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Иран и с недавнего времени — Белоруссия (в качестве наблюдателей — Афганистан и Монголия), участвует в Китайско-пакистанском экономическом коридоре (КПЭК). Это часть китайской инициативы «Один пояс — один путь», предложенной председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Совместные проекты с Пакистаном включают в себя:

- Создание транспортных сетей, энергетических проектов, инфраструктуры, особой экономической зоны (ОЭЗ) в Пакистане с ориентировочной стоимостью \$46–62 млрд 80% которой предполагается финансировать из инвестиций в СП Пакистана и КНР, а 20% — через долговое финансирование.
- МОВ, подписанный в октябре 2023 г. между United Energy Group и Pakistan Refinery Ltd., о предоставлении \$1,5 млрд китайских инвестиций на увеличение производственных мощностей принадлежащего Пакистанской нефтеперерабатывающей компании (Pakistan Refinery Limited, PRL) НПЗ.
- Соглашение в октябре 2023 г. о снижении стоимости реализации с \$9 до \$6,7 млрд реконструкции железной дороги Main Line — 1 (ML-1) протяженностью 1872 км (проходящей от Карачи до Пешавара), на которую приходится свыше $\frac{3}{4}$ грузового и пассажирского трафика страны. В рамках проекта по реконструкции ML-1 планируется удвоить длину всей железнодорожной линии от Карачи до Пешавара. После обновления скорость пассажирских поездов увеличится со 110 км/ч до 160 км/ч, а скорость грузовых поездов — до 120 км/ч.

Пакистан предпринимает попытки инициировать свою логистическую интеграцию. В 2023 г. был подписан протокол о строительстве Трансафганской железнодорожной магистрали, которая соединит узбекскую железнодорожную сеть с пакистанскими железными дорогами через афганскую территорию, и МОВ по созданию и развитию МТК Беларусь — Россия — Казахстан — Узбекистан — Афганистан — Пакистан.

Пакистан не менее России и Индии заинтересован проектом железной дороги через Иран. В краткосрочной перспективе геополитические риски остаются высокими, но руководству Пакистана необходимо будет решение ситуации с обеспечением электроэнергией в стране. Пакистан неоднократно заявлял о долгосрочном приоритете развития (более дешевой) угольной генерации, поскольку поставки СПГ и строительство газовых электростанций обойдутся дороже. В этом случае у России как крупного поставщика угля на внешние рынки могли бы потенциально появиться новые экспортные направления (из Восточной Сибири, например). Тот факт, что Пакистан ищет пути сотрудничества с Россией, прорабатывает проекты с российскими компаниями, свидетельствует о том, что влияние РФ в данном регионе не только сохраняется, но и расширяется.

В начале февраля 2021 г. по итогам узбекско-афганско-пакистанских переговоров была утверждена дорожная карта строительства железной дороги «Кабульский коридор» по маршруту Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар²⁵. Проектная протяженность — 600 км, предполагаемая стоимость строительства — \$4,8 млрд срок строительства — около пяти лет, колея — 1520 мм,

²⁵ Узбекистан и Афганистан приступили к восстановлению железной дороги «Хайратон — Мазари-Шариф», 22.02.24. Asia Plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20240222/uzbekistan-i-afganistan-pristupili-k-vostranovleniyu-zheleznoi-dorogi-hairaton-mazari-sharif?ysclid=lw7xcf6o90285220689> (дата обращения: 02.05.2024).

планируемый грузооборот — 20 млн т/год²⁶. Напомним, что в Пакистане собственный стандарт железнодорожной колеи — 1676 мм (как в Индии). Соединение регионов Южной и Центральной Азии посредством «Кабульского коридора» для Узбекистана означало бы выход к пакистанским портам и участие в транзите грузов из Европы и в обратном направлении [Марцинкевич, 01.09.2021]. Параллельно Россия и Узбекистан в 2021 г. начали переговоры по синхронизации работы таможенных и пограничных пунктов обеих стран для формирования железнодорожного агрологистического коридора, что будет способствовать бесперебойной доставке скоропортящихся грузов до центральной части России.

Инициативы регионального энергетического сотрудничества

В то время как производство электроэнергии в стране утроилось за тридцать лет (в 1992–2021 гг.), объемы электрогенерации на пакистанских ТЭС также увеличились втрое — до 83484 млн кВт·ч, гидроэлектрогенерация удвоилась за аналогичный период до 35069 млн кВт·ч, производство электроэнергии на атомных электростанциях выросло в 41 раз — до 17045 млн кВт·ч²⁷.

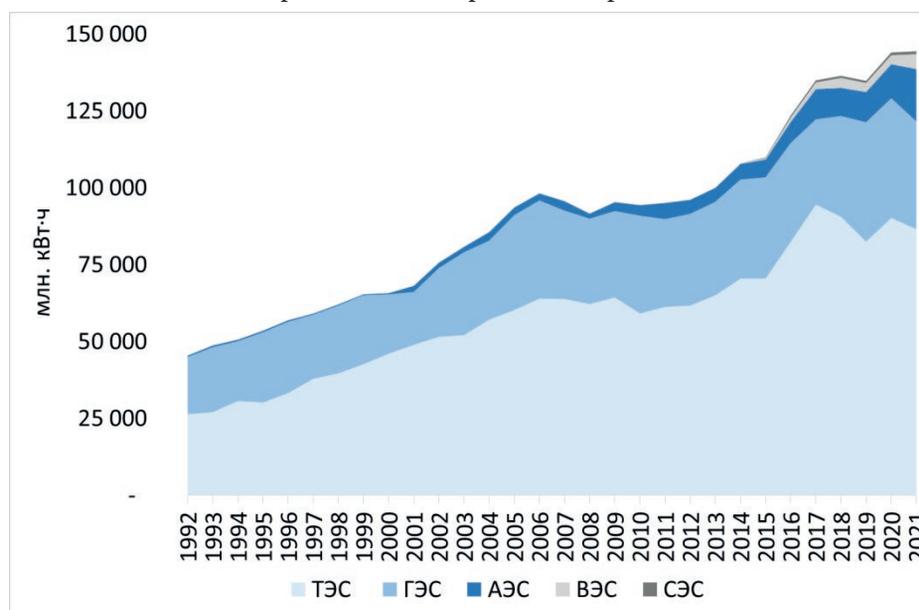

Рис. 5. Производство электроэнергии в Пакистане по видам источников, 1992–2021 гг.²⁸

Доля тепловых электростанций в национальной электрогенерации практически не изменилась, но доля гидроэлектрогенерации сократилась с 41% в 1992 г. до 24% в 2021 г. за счет увеличения веса атомной генерации с 1% до 12% в 2021 г. и появления новых видов ВИЭ — ветровой (с долей 3%) и солнечной (1%).

²⁶ Битва за экономический суверенитет, 05.06.2023. Официальный информационный ресурс «Точка сборки». URL: <https://dzen.ru/a/ZH3qinPTRWN2XnQk> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁷ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-pakistana> (дата обращения: 25.05.2024).

²⁸ Там же.

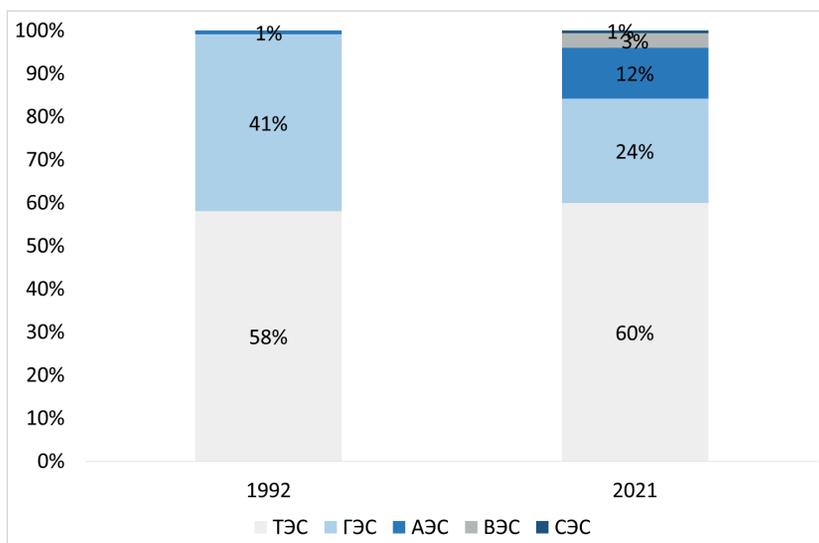

Рис. 6. Структура электрогенерации Пакистана по видам источников, 1992–2021 гг.²⁹

Крупнейшими ТЭС и ГЭС в Пакистане являются:

ТЭС Гудду (Combined Cycle Power Plant — ССРР) — одна из старейших и крупнейшая тепловая электростанция страны, работающая на мазуте и природном газе, была запущена в 1974 г. (Решение о строительстве ее было принято после визита Зульф리카ра Бхутто в СССР). Мощность электростанции — 1655 МВт. Собственником выступает пакистанская Центральная компания по производству электроэнергии с ограниченной ответственностью (Central Power Generation Company Limited — CPGCL).

Дамба Тарбела — крупнейшая ГЭС Пакистана с установленной мощностью 3478 МВт (треть всех национальных гидро мощностей), которой владеет Управление по развитию водных и энергетических ресурсов Пакистана (WAPDA).

В стране действуют две атомные электростанции. Текущая установленная мощность по производству атомной энергии в Пакистане составляет 3530 МВт(э)³⁰. Помимо двух реакторов на АЭС «Карачи», на АЭС «Чашма» в штате Пенджаб имеется четыре энергоблока: два реактора мощностью 325 МВт(э) и два реактора мощностью 340 МВт(э).

АЭС Карачи (Karachi NPP — KANUPP), строительство которой в провинции Синд началось еще в 1966 г. (первый реактор был выведен из эксплуатации в 2021 г.), располагает двумя реакторами, подключенными к сети в 2021–2022 гг. с общей установленной мощностью 2200 МВт. Строительство энергоблока № 2 началось в 2015 г., за ним последовало строительство энергоблока № 3 в 2016 г. Энергоблок № 3 был полностью введен в эксплуатацию в апреле 2023 г. и оснащен китайским реактором Hualong One (HPR1000) мощностью 1100 МВт(э)³¹. Это второй поставленный Китаем трехконтурный водяной реактор под давлением поколения III +, произведенный China General Nuclear Power Group на базе реактора модели ACPR-1000 корпорации China National Nuclear Corp (CNNC). Инвестиции в третий энергоблок составили \$2,7 млрд строительство

²⁹ Там же.

³⁰ Pakistan launches unit 3 at Karachi NPP. Nuclear Engineering International, February 8, 2023. URL: <https://www.neimagazine.com/news/pakistan-launches-unit-3-at-karachi-npp-10577061/> (дата обращения: 25.01.2024).

³¹ Пакистанский ядерный реактор китайской постройки начинает работать, 16.04.2021. URL: <https://prc.today/pakistanskij-yadernyj-reaktor-kitajskoj-postrojki-nachinaet-rabotat/> (дата обращения: 21.01.2024).

осуществлялось в рамках инициативы Китайско-Пакистанского экономического коридора³². Кроме того, весной 2023 г. представители Пакистанской комиссии по атомной энергии (РАЕС) заявили, что планируется строительство еще двух реакторов на АЭС «Карачи», возможно, это будут южнокорейские энергоблоки APR-1400. РАЕС также планирует разместить два энергоблока мощностью 1400 МВт(э) на площадке в г. Музаффаргархе штата Пенджаб.

Вторая АЭС — Чашма (Chashma NPP — Chasnupp) — была введена в эксплуатацию в 2000 г. и включает четыре реактора мощностью 1330 МВт. Собственником обеих АЭС выступает Комиссия по атомной энергетике Пакистана. Строительство второго реактора («Чашма-2») на 350 МВт было начато в апреле 2005 г. и закончено в 2011 г., главным подрядчиком выступила КНР³³. В июле прошлого года КНР начала строительство пятого блока атомной АЭС «Чашма»; стоимость проекта — \$4,8 млрд [Шевченко, 23.06.2023]. Это седьмой атомный энергоблок, поставленный КНР в Пакистан, и третий блок класса 1 млн кВт, оснащенный китайской технологией реакторов третьего поколения «Хуалун-1». До 2023 г. Китаем в Пакистане было возведено шесть энергоблоков, которые генерируют около 30 млрд кВт энергии ежегодно³⁴. Развитие атомной энергии укрепляет энергетическую безопасность Пакистана.

Пакистану необходимо встроиться в формируемые логистические и энергетические коридоры Азии, новые экономические интеграционные проекты Евразии, чтобы иметь возможность покупать российский и иранский газ, провести модернизацию энергогенерирующих мощностей страны, построить надежную транзитную дорожную инфраструктуру (в том числе путем привлечения иностранных инвестиций). За вероятность возобновления энергетического сотрудничества с Пакистаном говорит и то, что посредником на переговорах по проекту газопровода в последние годы выступала Россия, а также идея России создать «газовую ОПЕК», сформировать газовый хаб в Иране или в РФ. Напомним, что иранский газ уже поставляется в Турцию и Ирак. Поскольку для работы хаба нужны покупатели, принимая во внимание, что экспорт в Западную Европу для российского и иранского газа невозможен из-за санкций, для ликвидных объемов продаж нужны выходы на рынки Индии, Пакистана, а в будущем в КНР и страны АТР. В этой связи геополитическое позиционирование Пакистана приобретает особое значение для России.

Литература / References

Электронные ресурсы / Electronic sources

Марцинкевич Б. Пакистанский энергетический рынок более чем перспективен для РФ, 01.06.2021. Геоэнергетика. URL: <https://geonrg.ru/2021/06/01/pakistanskij-energeticheskij-rynok-bolee-chem-perspektivendlya-rf/?ysclid=lwz1d21nrd154525948> (дата обращения: 17.01.2024).

Марцинкевич Б. Запад паникует: чем интересен странам экс-СССР Афганистан в энергетике, 01.09.2021. КОИТ. URL: <https://cont.ws/@Severro/2075931?ysclid=lwz3k7el7n925454840> (дата обращения: 19.01.2024).

Шевченко А. Пакистан и Китай заключают контракт на строительство пятого блока АЭС «Чашма», 23.06.2023. URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/06/23/pakistan-i-kitaj-zakljuchajut-kontrakt/> (дата обращения: 25.01.2024).

³² Pakistan launches unit 3 at Karachi NPP. Nuclear Engineering International, February 8, 2023. URL: <https://www.neimagazine.com/news/pakistan-launches-unit-3-at-karachi-npp-10577061/> (дата обращения: 25.01.2024).

³³ В Пакистане построят вторую АЭС, 25.11.2006. Дни.ру. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/307119380> (дата обращения: 20.01.2024).

³⁴ Китай приступил к строительству в Пакистане нового атомного энергоблока с реактором «Хуалун-1», 17.07.2023. Optimism.kz. <https://optimism.kz/2023/07/17/kitaj-pristupil-k-stroitelstvu-v-pakistane-novogo-atomnogo-energobloka-s-reaktorom-hualun-1> (дата обращения: 17.01.2024).

В Пакистане построят вторую АЭС, 25.11.2006. Дни.ру. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/307119380> (дата обращения: 20.01.2024).

Пакистанский ядерный реактор китайской постройки начинает работать, 16.04.2021. URL: <https://prc.today/pakistanskij-yadernyj-reaktor-kitajskoj-postrojki-nachinaet-rabotat/> (дата обращения: 21.01.2024).

«Пакистанский поток»: зачем Россия построит еще один газопровод, 01.06.2021. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11528859?ysclid=lwyy563wd0882658558> (дата обращения: 18.01.2024).

Government sets target to raise share of natural gas in energy mix to 15% by 2030, 22.07.2022. The Economic Times. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/government-sets-target-to-raise-share-of-natural-gas-in-energy-mix-to-15-by-2030/articleshow/93112104.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 19.01.2024).

Pakistan launches unit 3 at Karachi NPP. Nuclear Engineering International, February 8, 2023. URL: <https://www.neimagazine.com/news/pakistan-launches-unit-3-at-karachi-npp-10577061/> (дата обращения: 25.01.2024).

Pakistan raises interest rates to 20%, the highest in Asia, 02.03.2023. Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/be5cad44-89fe-438a-bdf7-42f1d35977fa> (дата обращения: 25.01.2024).

Битва за экономический суверенитет, 05.06.2023. Официальный информационный ресурс «Точка сборки». URL: <https://dzen.ru/a/ZH3qinPTRWN2XnQk> (дата обращения: 20.01.2024).

В Пакистан доставлена первая партия российской нефти, 12.06.2023. Деловой журнал «Neftegaz. RU». URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/782910-v-pakistan-dostavlena-pervaya-partiya-rossijskoj-nefti/?ysclid=lwz1z2ljun358754156> (дата обращения: 20.01.2024).

Китай приступил к строительству в Пакистане нового атомного энергоблока с реактором «Хуалун-1», 17.07.2023. Optimism.kz. <https://optimism.kz/2023/07/17/kitaj-pristupil-k-stroitelstvu-v-pakistanenovogo-atomnogo-energobloka-s-reaktorom-hualun-1> (дата обращения: 17.01.2024).

СМИ: Индия создаст стратегические запасы газа в целях энергетической безопасности, 21.11.2023. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19338597?ysclid=lwyzl1vbwr471247954> (дата обращения: 16.01.2024).

Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-pakistana> (дата обращения: 25.05.2024).

Через Иран. Россия поставила в Пакистан первую партию сжиженного газа, 26.09.2023. Neftegaz. RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/795538-cherez-iran-rossiya-postavila-v-pakistanpervuyu-partiyu-szhizhennogo-gaza/?ysclid=lwz3bxb4he462728459> (дата обращения: 14.01.2024).

Узбекистан и Афганистан приступили к восстановлению железной дороги «Хайратон — Мазари-Шариф», 22.02.24. Asia Plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20240222/uzbekistan-i-afganistanpristupili-k-vosstanovleniyu-zheleznoi-dorogi-hairaton-mazari-sharif?ysclid=lw7xsf6o90285220689> (дата обращения: 02.05.2024).

European Union. Trade in goods in Iran. European Commission. https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_afghanistan_en.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

TrendEconomy. URL <https://trendeconomy.ru/data/h2/Pakistan/TOTAL> (дата обращения: 28.01.2024).

Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/pakistan/inflation-cpi> (дата обращения: 10.01.2024).

World Economic Outlook (WEO) Database: April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 25.05.2024).

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА ПРЕБЫВАНИЯ ТАЛИБОВ У ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

© 2024

О. Е. Митрофаненкова¹

В феврале 2024 г. исполнилось два с половиной года нахождения талибов у власти в Афганистане. Повторное установление режима Движения Талибан* (далее ДТ) в стране ознаменовало собой очередной этап международной изоляции, ухудшения экономической ситуации и обострение социального кризиса. Помимо того, афганское направление во внешней политике ведущих мировых держав ушло на периферию после начала украинского кризиса в 2022 г. В связи с этим произошло существенное сокращение поставок гуманитарной помощи в Афганистан, от которых сильно зависит местное население. Кроме ухудшения социально-экономической ситуации, до сих пор не удалось достигнуть гражданского мира в стране. Все еще сохраняется ущемление экономических и гражданских прав женщин, несмотря на последовательное давление со стороны мирового сообщества.

Актуальность афганское направление имеет прежде всего для России. Это обусловлено тесным военно-политическим и экономическим сотрудничеством стран Центральной Азии и России. Потенциальные угрозы (терроризм и нелегальный наркобизнес) из Афганистана способны дестабилизировать ситуацию не только в Центральноазиатском регионе, но и в России. Наряду с Россией и Центральной Азией Афганистан продолжает быть на повестке дня для своих ближайших соседей – Пакистана, Ирана и Индии. Для этих стран в дополнение к вышеупомянутым угрозам добавляется еще и проблема афганских мигрантов.

В Институте востоковедения РАН прошла научная конференция, посвященная новому режиму ДТ в Афганистане. В статье приводятся краткие сведения о ней.

Ключевые слова: Афганистан, безопасность, мигранты, Движение Талибан

Для цитирования: Митрофаненкова О. Е. Научная конференция «Два с половиной года пребывания талибов у власти в Афганистане: проблемы и перспективы». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 298–300. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-298-300

CONFERENCE “TWO AND A HALF YEARS OF THE TALIBAN RULE IN AFGHANISTAN: PROBLEMS AND PERSPECTIVES”

Olga E. Mitrofanenkova

February 2024 marked two and a half years of the Taliban’s rule in Afghanistan. The re-establishment of the Taliban regime (hereinafter referred to as MT) in the country marked the next stage of international isolation, deterioration of the economic situation and aggravation of the social crisis. In addition, the Afghan direction in

---

¹ Митрофаненкова Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН, Москва; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Olga E. Mitrofanenkova, PhD(Hist.), Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mitrofanenkova.olga@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0076-2956

* организация запрещена в России

the foreign policy of the leading world powers went to the periphery after the outbreak of the Ukrainian crisis in 2022. In connection with this, there was a significant reduction in the supply of humanitarian aid to Afghanistan, on which the local population is heavily dependent. In addition to the deterioration of the socio-economic situation, it has still not been possible to achieve civil peace in the country. Infringement of women's economic and civil rights persists, despite consistent pressure from the international community.

The Afghan direction is relevant primarily for Russia. This is due to the close military-political and economic cooperation between the countries of Central Asia and Russia. Potential threats (terrorism and illegal drug trafficking) from Afghanistan can destabilize the situation not only in the Central Asian region, but in Russia. Along with Russia and Central Asia, Afghanistan continues to be on the agenda for its closest neighbors Pakistan, Iran and India. For these countries, in addition to the above-mentioned threats, there is also the problem of Afghan migrants.

Due to the fact that the Taliban continue to hold power in Afghanistan, a scientific conference was held. Brief information about the past conference is provided.

Keywords: Afghanistan, security, migrants, Taliban movement

For citation: Mitrofanenkova O. E. Conference “Two and a Half Years of the Taliban Rule in Afghanistan: Problems and Perspectives”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 298–300. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-298-300

В Институте востоковедения РАН 21 февраля 2024 г. прошла научная конференция, приуроченная к двум с половиной годам нахождения талибов у власти. Это была третья конференция, посвященная новому режиму ДТ в Афганистане. После начала вывода американских войск из Афганистана в 2021 г. талибы начали широкомасштабное наступление, захватывая провинцию за провинцией. В результате 15 августа 2021 г. ими снова была взята столица — г. Кабул. Президент Афганистана Ашраф Гани отказался от власти и бежал из страны. В результате в Афганистане был снова установлен талибский режим.

Со вступительным словом на конференции выступил научный руководитель Института востоковедения РАН академик **В. В. Наумкин**. Модераторами конференции были заведующий Центром изучения стран БСВ **В. Я. Белокреницкий** и руководитель сектора Афганистана **У. В. Окимбеков**. Было отмечено, что конференция является продолжением двух предыдущих, проведенных в феврале 2022 г. и феврале 2023 г., посвященных Афганистану на новом этапе — после прихода к власти ДТ.

В рамках конференции состоялись две сессии, на которых было представлено 13 докладов. В выступлениях были рассмотрены проблемы безопасности, экономики, социального и политического развития, международного признания, миграции и афганских беженцев в сопредельных странах, афгано-российские отношения и политика США на афганском направлении.

В ходе первой сессии с докладами выступили: **В. С. Христофоров** (член-корр. РАН, профессор РГГУ) — «Движение Талибан у власти в Афганистане: вопросы международного признания и особенности взаимоотношений с Россией»; **У. В. Окимбеков**, «Развитие социально-политической и экономической ситуации в Афганистане»; **О. М. Нессар**, «Правление талибов: ситуация в сфере безопасности»; **Ю. П. Лалетин**, «Соотношение национального и религиозного в Движении Талибан»; **С. Пойя**, «Анализ внешней политики правительства Талибана. Позиция США и стран региона»; **О. Е. Митрофаненкова**, «Производство наркотиков в Афганистане — внешняя и внутренняя политика талибов». Работа первой сессии завершилась дискуссией, в которой приняли участие авторы книг по Афганистану **М. А. Конаровский** (МГИМО, чрезвычайный и полномочный посол РФ), и **Е. Д. Островенко** (чрезвычайный и полномочный посол РФ).

На второй сессии свои доклады представили: **Н. Д. Саженов** («Миграционные проблемы Афганистана после прихода талибов к власти» (Кабул, онлайн)); **А. С. Евсеенко** (первый заместитель директора Института США и Канады им. Г. А. Арбатова) — «Уход Афганистана на периферию американской внешней политики: причины и последствия»; **П. В. Топычканов** («Контакты режима талибов с Индией и перспективы развития афгано-индийских отношений»); **Н. А. Замаева** («Влияние ИЭА на внутреннюю политику Пакистана»); **И. Е. Федорова** («Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г.»); **Е. В. Дунаева** («Афганские беженцы в Иране: отношение властей и общества»); **А. Н. Обухова** («Перспективы российско-афганских энергетических и логистических проектов»).

В завершающей части конференции состоялся обмен мнениями по обсуждавшимся вопросам и оценкам перспектив развития Афганистана.

В конференции приняли участие, помимо сотрудников ИВ РАН, специалисты, аспиранты и студенты РГГУ, МГИМО, РУДН, ИСАА МГУ, других научных и образовательных учреждений.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА ПРЕБЫВАНИЯ ТАЛИБОВ У ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-301-311

**АФГАНИСТАН 2023 г.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ**

© 2024

У. В. Окимбеков¹

В первые дни повторного захвата движением Талибан* Кабула (август 2021 г.) многими предсказывался скорый коллапс афганской экономики, возникновения серьезных проблем в других сферах жизни страны. Практика, однако, показывает, что за истекшее время талибам не только удалось удержать политическую власть, но и в некоторой степени обеспечить работу хозяйственного механизма, в чем отчасти косвенно им помогает поступающая по линии ООН гуманитарная и экономическая помощь, объемы которой за последние два года сокращаются. Успехи талибы показывают и в борьбе против коррупции, что положительно сказывается на эффективности работы по сбору налогов и пошлин.

Статья посвящена анализу социально-экономического и политического развития Афганистана в 2023 г. В ней, в частности, дается информация об имеющихся место проблемах в социальной сфере, достижениях в области экономики и торговли, активности афганского бизнеса в вкладывании средств в разные сектора национальной экономики, росте объемов этих инвестиционных вложений. На фоне некоторых успехов в условиях сравнительно небольших экономических возможностей отмечается продолжающееся постепенное давление не только в сфере прав и свобод женщин, но и других областях, что свидетельствует об усилении влияния власти эмира с его более консервативным окружением в Кандагаре и ослаблении позиции относительно умеренных представителей исполнительной власти Кабула.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, экономика, бюджет, внешняя торговля, образование, права женщин

Для цитирования: Окимбеков У. В. Афганистан 2023 г.: социально-политическая и экономическая ситуация. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 301–311. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-301-311

AFGHANISTAN 2023: SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC SITUATION

Ubaid V. Okimbekov

In the early days of the Taliban's (banned in the Russian Federation) recapture of Kabul (August 2021), many of experts predicted the imminent collapse of the Afghan economy and the emergence of serious problems in other areas of the country's life. Yet practice shows that over the past period of time the Taliban have not only

---

¹ Окимбеков Убайд Вафобекович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ubayd@inbox.ru

Ubaid V. Okimbekov, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia; ubayd@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3452-3630

* организация запрещена в России

managed to retain political power, but also to some extent secured the work of the economic mechanism, which is partly indirectly assisted by the humanitarian and economic aid provided by the UN, the volume of which has been decreasing over the past two years. The Taliban have also demonstrated achievements in the anti-corruption efforts, which has had a positive impact on the efficiency of tax and duty collection.

The article is focused on the analysis of socio-economic and political development of Afghanistan in 2023. In particular, it provides data on problems in the social sector, achievements in the field of economy and commerce, the activity of Afghan business in investing in different sectors of the national economy, and the growth of these investments. Against the backdrop of some progress in the context of relatively small economic potential, there is a continuing and gradual pressure not only in the area of women's rights and freedom, but also in other areas, indicating the increasing influence of the Emir and his more conservative constituencies in Kandahar and the weakening position of relatively moderate representatives of the executive branch in Kabul.

Keywords: Afghanistan, Taliban, economy, budget, foreign trade, education, women's rights

For citation: Okimbekov U. V. Afghanistan 2023: Socio-political and Economic Situation. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 301–311. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-301-311

Социально-политическая и экономическая ситуации Афганистана с начала 2023 г. в целом показывают признаки стабильности, поскольку обстановка во всех сферах жизнедеятельности по сравнению с 2022 г. практически остается неизменной. Тем не менее наблюдаются некоторые перемены в отношениях на уровне высшего руководства, свидетельствующие об усилении власти кандагарской группировки во главе с эмиром. Первые полтора года представителями исполнительной власти Кабула допускалась публичная критика или выражалось несогласие касательно тех или иных решений эмира, но с февраля 2023 г. подобное не имеет места.

Хотя лидер движения Х. Ахундзаде по-прежнему работает в условиях некоторой самоизоляции, не показываясь перед публикой, но все же впервые официально принял двух иностранных представителей: в мае 2023 г. главу МИД Катара Мухаммада бен Абдурахмана аль-Тани², а в начале января текущего года — лидера пакистанской партии «Джамиат Уламаи Ислам» Фазль ар-Рахмана³.

Важными вопросами, по которым у талибов сохраняется неопределенность, являются формирование правительства, остающегося все еще временным, а также принятие Основного закона страны. Официальные лица движения связывают их друг с другом и не дают однозначного ответа по ним. Представитель талибов З. Моджахед несколько раз говорил о продолжающейся работе над текстом конституции, которая должна прийти на замену прежнего Основного закона. Так, в апреле 2023 г. он указал на важность ее принятия, но в то же время отметил, что в центре внимания властей находятся более приоритетные задачи⁴, не уточнив при этом, что именно имеется в виду. Позже, в сентябре, повторив те же мысли, он продолжил, что после утверждения текста конституции, создания Совета, а также решения некоторых управленческих вопросов будет решен и вопрос о кабинете министров⁵. Более точно и, возможно, открыто позиция движения по этому вопросу была озвучена в феврале текущего года. Отрицая наличие правового вакуума в Афганистане, З. Моджахед фактически подчеркнул неактуальность вопроса принятия конституции и назвал исламский шариат

² Exclusive: Qatar prime minister, Taliban chief hold secret Afghan talks. Reuters. 31.05.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatar-prime-minister-taliban-chief-hold-secret-afghan-talks-source-2023-05-31/> (дата обращения: 10.02.2024).

³ منابع: مولانا فضل الرحمان در قندهار بار رهبر طالبان دیدار کرده است — اطلاعات روز (etilaatroz.com) (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Tolo News. 26.02.2023. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-183102> (дата обращения: 05.02.2024).

⁵ Tolo News. 17.09.2023. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-185142> (дата обращения: 05.02.2024).

весьма всеобъемлющим законом, способным определять обязанности каждого человека в правительстве и системе, а исламскую юриспруденцию — как подробно описывающую эти обязанности⁶.

Социальная сфера

Социальная жизнь населения всегда находилась в центре внимания представителей религии, поэтому именно здесь проявляются некоторые признаки ужесточения жизненных норм со стороны властей талибов. Особо заметны ограничительные меры в действиях, направленных на регулирование правил поведения афганского общества [Нессар, с. 407–409], в первую очередь женской половины, а также изменения в образовательной сфере. Одной из поставленных перед властями задач, судя по заявлениям представителей министерства *амр бил ма'руф* (министерства поощрения добродетели и предотвращения порока), является полное изменение общественного мнения, над которым «враги работали в течение последних 20 лет, и *улемы* должны сыграть свою роль в соответствии с религиозными установками». В этой работе власти полностью полагаются на помощь и сотрудничество *улемов*, которые «могут создать единство и гармонию в обществе»⁷. Министерство образования талибов в рамках этих планов переработало учебную программу для учеников до 6 класса и работает над ее пересмотром для старших классов, а именно занимается исключением из нее всего, что, на их взгляд, противоречит шариату и афганской культуре.

Очевидно, что ограничение прав женщин в перспективе может создавать серьезные проблемы для социальной сферы и экономики. В афганских медучреждениях уже сегодня ощущается нехватка медперсонала, прежде всего акушеров, а местами испытывается негативный эффект принятых в этой области решений. Следовательно, там, где есть острая необходимость, власти вынуждены, во-первых, дать женщинам право на поступление в медицинские высшие учебные заведения, во-вторых, привлекать к обучению девушек, ранее получивших полное среднее образование. Министерство здравоохранения Афганистана в этих целях объявило набор девушек в подведомственные институты 12 провинций (Каписа, Парван, Панджшер, Майдан, Вардак, Газни, Пактика, Логар, Хост, Бадахшан, Бамиан и Пактия)⁸.

В продолжение женского вопроса можно отметить и факты задержания со стороны органов правопорядка представителей женского пола за нарушение правил ношения хиджаба, на что многократно внимание талибов обратили представители ООН, других организаций. Власти, однако, в ответ на критику указывают на отсутствие фактов ареста или взятия под стражу призывавших женщин к неповиновению⁹.

Другим показателем движения в сторону ужесточения является рост количества мечетей, которых и так в стране было много. Согласно официальной статистике, на 2020 г. по всей стране имелось 83 тыс. [Afghanistan..., p. 119], а по сведениям министерства хаджа еще в 2018 г. — около 170 тыс. мечетей и 100 тыс. религиозных школ¹⁰. До ноября 2022 г., то есть более чем за год, в разных

⁶ Tolo News. 23.02.2024. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187548> (дата обращения: 28.02.2024).

⁷ The Ministry for the Propagation of Virtue and the Prevention of Vice. 15.07.2023. URL: morvpe.gov.af | وزارت امر بالمعروف و نهی عن المنکر وسمع شکایات معین پالیسی و مسلکی وزارت امر بالمعروف؛ نقش علماء را در اصلاح افکار جامعه مهم خواند (дата обращения: 18.02.2024).

⁸ طالبان از آغاز: Daily Etilaat-e roz. 20.02.2024. URL: etilaatroz.com — جذب دختران در انستیتوت های صحی در شماری از ولایت ها خبر دادند (дата обращения: 20.02.2024).

⁹ Tolo News. 04.02.2024. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187260> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁰ حکومت بر 164 هزار مسجد و مرکز دینی: Daily Etilaat-e roz. 10.02.2018. URL: etilaatroz.com (дата обращения: 15.02.2024).

провинциях было построено еще около 1 тыс. мечетей. В частности, в Кабуле — 400, Бадахшане — 114, Майдан Вардаке — 147, Логаре — 132, Парване — 171, Урузгане — 18 мечетей¹¹. Параллельно с этим прорабатываются методы решения кадрового вопроса для религиозных школ. В этих целях в 2023 г. лидер талибов своим указом поручил подготовить 100 тыс. преподавателей религии¹².

Очередным шагом к радикализации является директива и. о. губернатора Кандагара Мухамад Ширин Ахунда относительно деятельности афганских средств массовой информации. Речь идет о введении запрета на фото- и видеосъемки гражданским и военнослужащим на официальных и неофициальных мероприятиях, хотя и сегодня везде можно встретить фото и изображения, в частности, официальных лиц из Кабула¹³. Возможно, это одна из причин, по которым эмир талибов не показывает свое лицо на публике. Более серьезным сигналом было последнее заявление эмира талибов Х. Ахундзаде, в котором он угрожал применить на практике в отношении женщин лапидацию¹⁴.

Параллельно с этим представители движения в Кабуле продолжают подчеркивать важность светского образования. Призывы такого характера поступают из уст сотрудников различных министерств и ведомств, включая консервативное министерство *амр бил маъруфа*. На встречах с учащимися средних школ говорится об актуальности «в дополнение к исламскому образованию совершенствовать навыки в современных науках»¹⁵. Министр образования временного правительства талибов, признавая неудовлетворительность уровня образования в Афганистане, отметил невозможность роста и развития страны без получения современных знаний¹⁶, а Абдул-Баки Хаккани, глава экзаменационной комиссии Министерства высшего образования, заявил, что талибы «донесли до мира послание джихада и показали, что это значит», а теперь наступила очередь послания науки, и что «Афганистан является центром религиозных и современных наук точно так же, как является центром джихада»¹⁷. Из Кабула за эти годы часто поступали позитивные сигналы, но, как известно, окончательное решение по социальным вопросам всегда принимает консервативный Кандагар [Поя, с. 435–437].

Что касается военно-политической ситуации, то в этой сфере также продолжается стабильность, а безопасность удается обеспечивать практически во всех провинциях и районах. Против талибов борьбу продолжают вести ячейки оппозиции и террористы группировки ИГИЛ (запрещена в РФ). Первые совершают атаки непосредственно на боевиков и представителей движения, а вторые организуют теракты, в частности, в шиитских кварталах. Талибы продолжают вести операции против последних, а также усиливают контроль в районах с преимущественно таджикским населением, где имеются сторонники оппозиции. Путешественники, в частности, из России пишут

¹¹ طالبان از فعالسازی نزدیک به ۱ هزار مسجد خبر می دهند Hasht-e-Subh Daily. 24.11.2022. URL: <https://8am.media/fa/the-taliban-announce-the-activation-of-nearly-1000-mosques/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹² مدرسه‌سازی یا سر‌بازگیری؛ طالبان ۱۰۰ هزار بست جدید برای مدرسه‌های دینی ایجاد می‌کنند Hasht-e-Subh Daily. 30.06.2023. URL: <https://8am.media/fa/schooling-or-recruitment-the-taliban-create-100000-new-posts-for-religious-schools/> (дата обращения: 15.02.2024).

¹³ ادامه محدودیت‌های رسانه‌های طالبان؛ گرفتن عکس «گناه کبیره» و تماس تلفنی زنان فساد اخلاقی است Hasht-e-Subh Daily. 26.02.2024. URL: <https://8am.media/fa/the-continuation-of-taliban-media-restrictions-taking-photos-of-great-sin-and-calling-women-on-the-phone-is-moral-corruption/> (дата обращения: 28.02.2024).

¹⁴ تأکید رهبر طالبان: «تأکید رهبر طالبان بر اجرای مجازات علنی: «زنان را در ملاء عام سنگسار می‌کنیم» (etilaatroz.com) (дата обращения: 30.03.2024).

¹⁵ محتسبین کابل: شاگردان مدارس بر علاوه علوم دینی در فراگیری علوم عصری نیز تلاش نمایند The Ministry for the Propagation of Virtue and the Prevention of Vice. وزارت امر بالمعروف و نهی عن المنکر وسمع شنکایات (morvpe.gov.af) (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁶ وزیر معارف طالبان: آموزش کنونی در افغانستان از نظر کیفیت ضعیف است Hasht-e-Subh Daily. 24.01.2024. URL: <https://8am.media/fa/taliban-minister-of-education-current-modern-education-in-afghanistan-is-of-poor-quality/> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁷ Афганцам пришло время показать миру, что они умеют не только воевать. Sputnik Афганистан. 10.02.2024. URL: <https://tigrm.ru/channels/@sputnikaf/27119> (дата обращения: 10.02.2024).

о трудностях, связанных с въездом в провинции Панджшер и Бадахшан, куда переброшены большие силы талибов.

Внешняя помощь

Политическая стабильность и безопасность, обеспеченные властями талибов, формируют условия для развития, но в целом экономика Афганистана продолжает находиться в состоянии кризиса. Уровень безработицы остается высоким, поэтому, по некоторым оценкам, больше половины населения все еще нуждается в гуманитарной и экономической помощи, на что в начале 2023 г. ООН запросила 4,62 млрд долл.,¹⁸ но к середине года сумму скорректировали до 3,23 млрд из-за ужесточения условий труда женщин-сотрудниц организаций, вызванных введенными администрацией Талибан ограничениями¹⁹. По итогам года Афганистан получил только 1,54 млрд долл., или 48% от необходимой суммы, что более чем в два раза меньше полученной в 2022 г. помощи (3,36 млрд). США, на долю которых приходилось 24,1% (371 млн долл.) выделенной помощи, по-прежнему остаются главными донорами Афганистана. Кроме них сравнительно крупным был объем поступившей помощи от АБР — 13% (200,6 млн), Европейской комиссии — 11% (169,5 млн) и Германии — 8% (123,9 млн)²⁰.

В рамках этой помощи в страну продолжает поступать наличная валюта, объемы которой за 2022 г. составили 1,8 млрд долл., а за семь месяцев 2023 г. (январь–июль) — 1,1 млрд [Cash Shipments..., р. 6]. Талибы формально не имеют доступа к этим средствам, которые депонируются в частном банке и предназначаются для поддержки гуманитарных операций, но фактически из-за нехватки ликвидности некоммерческим организациям приходится обращаться к услугам афганского Центрального банка. Внешняя помощь в виде наличной валюты помогает афганской экономике не только материально, но и наряду со слабым внутренним спросом, вызванным падением уровня доходов населения, способствует укреплению курса национальной валюты. Следовательно, продолжается и процесс снижения уровня цен, в частности, на 14,5% на продукты питания²¹.

Гуманитарная ситуация в последние месяцы 2023 г. осложнялась также стихийным бедствием и притоком афганских беженцев из соседних стран. В результате землетрясения, произошедшего 10 октября 2023 г. в провинции Герат, по разным оценкам, погибли до 1,5 тыс. человек и ранения получили около 2 тыс., в разной степени пострадали порядка 43 тыс. человек. Сумма нанесенного ущерба оценивается в 93 млн долл.²² Кроме того, Пакистан приступил к массовой депортации афганских беженцев. К концу декабря указанного года в Афганистан были возвращены около 500 тыс. человек²³, которые продолжают находиться в не очень приемлемых условиях.

¹⁸ ООН озвучила гуманитарный призыв по Афганистану на 2023 год: 4,62 миллиарда долларов. Организация Объединенных Наций. 14.03.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438652> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁹ Budget for Afghanistan aid plan revised down to \$3.2 billion. Reuters. 05.06.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/budget-afghanistan-aid-plan-revised-down-32-billion-2023-06-05/> (дата обращения: 20.02.2024).

²⁰ Afghanistan Humanitarian Response Plan 2023. OCHA Financial Tracking System. 25.03.2024. URL: <https://fts.unocha.org/plans/1117/summary> (дата обращения: 28.03.2024).

²¹ Afghanistan Economic Monitor. January, 2024. The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/804528b1d98fc6a3012fb1754ba4bd45-0090012024/original/Afghanistan-Economic-Monitor-January-2024-002.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

²² ООН: на восстановление Афганистана после землетрясения требуется более 93 млн долларов. Организация Объединенных Наций. 16.10.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445847> (дата обращения: 10.02.2024).

²³ Over half a million Afghans returned home, says International Organisation for Migration. Dawn. 23.01.2024. URL: <https://www.dawn.com/news/1807886> (дата обращения: 10.02.2024).

Бюджет и отрасли экономики

В сфере экономики властная структура талибов показывает эффективность. Им удается в рамках имеющихся возможностей и ресурсов создавать условия для развития экономики. В 2023 г. афганские власти, в отличие от 2022/23 финансового года [Окимбеков, с. 59], не обнародовали информацию о структуре государственного бюджета, особенно его расходной части. Это, скорее всего, связано с высокой долей в бюджете расходов на силовые структуры и усиление религиозного обучения. Только оценки, встречающиеся во внешних источниках, дают возможность формировать представление о финансовом состоянии правительства талибов. Так, по данным ВБ, доходы казны за 10 месяцев 2023 г. за счет собственных внутренних источников составили 2,28 млрд долл., из которых 54% — таможенные пошлины²⁴. Рост доходов бюджета прежде всего происходит за счет прозрачности работы фискальных служб.

Официальные данные по расходам бюджета, в частности, расчетам по внутренним и внешним задолженностям, также косвенно подтверждают рост его доходной части. В частности, данные о выплатах государством социальных пособий, общая сумма которых в 2023 г. составила 150 млн долл. Кроме того, в январе текущего года властями было объявлено о начале выплат по государственной задолженности, составляющей 2,4 млрд долл., оставшейся от прежней власти. Только в течение первых трех месяцев обещали выплатить 10% от указанной суммы, в т. ч. зарплату 1 млн госслужащих, из которых 87 тыс. — женщины²⁵.

По части внешних задолженностей следует отметить оплату по долгам за импортируемую электроэнергию. Кабул рассчитался со всеми соседними странами за накопившиеся долги в размере 627 млн долл. По утверждению талибов, эта сумма также состояла из задолженностей Исламской Республики Афганистан перед Ираном, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном²⁶.

Растут и показатели по внешней и транзитной торговле. Официально зарегистрированный экспорт товаров в 2022–2023 гг. составил около 1837,6 млн долл. США, что на 73,6% больше, чем в 2021–2022 гг. Из них 1178 млн долл. приходилось на долю ввоза в Пакистан, 416,3 млн — в Индию. Общий объем импорта в 2022–2023 гг. достиг 7006,7 млн долл. Тремя главными торговыми партнерами здесь выступали Иран (1469,4 млн), Китай (1272,4 млн) и Пакистан (1165,6 млн долл.) [Statistical..., p. 279–280]. Для сравнения отметим, что за 2019 г. общий объем экспорта составил 863 млн а в 2020 г. — 776,7 млн [Afghanistan..., p. 245]. По оценкам ВБ, в 2023 г. общий объем афганского экспорта вырос благодаря росту объемов вывоза сельхозпродукции (на 13%) и текстиля (на 46%), достигнув 1,9 млрд что чуть больше, чем в 2022 г. Из них 54% приходится на долю ввоза в Пакистан, 31% — Индию, а импорт вырос на 23% и достиг 7,8 млрд долл. Главными импортерами афганской продукции стали Иран (23%), Пакистан (19%), Китай (15%) и ОАЭ (15%)²⁷.

Ежемесячные объемы перевозок по афганским автомобильным и железным дорогам бьют новые рекорды. Если в апреле-июне 2023 г. (т. е. за три месяца) через Афганистан прошли 309 тыс.

²⁴ Afghanistan Economic Monitor. January, 2024. The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/804528b1d98fc6a3012fb1754ba4bd45-0090012024/original/Afghanistan-Economic-Monitor-January-2024-002.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

²⁵ مجاهد: وزارت مالیه برای یک میلیون تن معاش می‌دهد Tolo News. 05.02.2024. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187286> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁶ Афганистан рассчитался по долгам перед Узбекистаном за двухгодичные поставки электроэнергии. Daryo. 08.02.2024. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/02/08/afganistan-rasscitalsa-po-dolgam-pered-uzbekistanom-za-dvuhgodicnyye-postavki-elektroenergii> (дата обращения: 18.02.2024).

²⁷ Afghanistan Economic Monitor. January, 2024. The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/804528b1d98fc6a3012fb1754ba4bd45-0090012024/original/Afghanistan-Economic-Monitor-January-2024-002.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

тонн транзитных грузов²⁸, то с 22 декабря 2023 г. по 21 января 2024 г., то есть за месяц объемы достигли 386 тыс. т. Из них 295 тыс., или 76%, приходились на долю узбекского порта Хайратон, около 74 тыс. т., или 19% — Торгунди и 17,6 тыс. т (5%) — Акина (провинция Фарьяб)²⁹. Если рассматривать транзит по направлениям, то большую часть товаропотоков составляли перевозки из Пакистана в Узбекистан (80,9 тыс. т) и Таджикистан (25,8 тыс. т). Трансафганские перевозки в Пакистан в совокупности составили 117,8 тыс. т, в частности, из Таджикистана — 52,6 тыс. т, Узбекистана — 30,9 тыс. и Туркменистана — 16,6 тыс. т. Узбекистан получил 112,5 тыс. и Таджикистан — 70,5 тыс. т груза через Афганистан. Вывоз Пакистана составил 111,2 тыс. т. Из этих данных видно, что транзиты Узбекистана и Таджикистана полностью приходились на долю Пакистана³⁰.

В области внешней торговли проблемы у Афганистана возникли только с Пакистаном, который часто закрывал контрольно-пропускные пункты, задерживал отправку афганских товаров, не разрешал грузовикам въезд на свою территорию, что нанесло ущерб афганскому бизнесу. Приведенные выше данные показывают, что Пакистан, как раньше, закрытием границы не сможет оказывать давление на Кабул, поскольку условия изменились и две страны сегодня находятся во взаимной зависимости друг от друга. Афганский бизнес ныне имеет возможность по альтернативным направлениям, например, через Иран заниматься поставкой товаров. С одной стороны, Пакистан выступает главным импортером афганских продукции, с другой — в определенной степени сам стал зависимым от транзита товаров в Центральную Азию через Афганистан. Пакистанская пресса уже к концу года сообщала о замещении афганским бизнесом на фоне возникших осложнений заказов в Иране на аналоги пакистанских товаров и потоке иранских продовольственных товаров на рынки Кабула и Джелалабада³¹.

С момента прихода талибов к власти Таджикистан остался единственной соседней страной, занявшей противоположную позицию к новым властям, однако в сфере торговли и транзита отношения развиваются. В августе 2023 г. Душанбе заново открыл приграничную торговлю с Афганистаном, а консульство в Хороге, административном центре ГБАО Таджикистана, официально перешло под контроль талибов. Как заявил директор Центра стратегических исследований при президенте Таджикистана Х. Усмонзода, «целью афганского консульства в Хороге, которое в настоящее время возглавляет представитель «Талибана», является правильное налаживание торгово-экономического сотрудничества двух стран»³².

Нынешние афганские власти намерены открыть прямое транспортное сообщение со всеми сопредельными странами. В конце года прошла информация о завершении строительства автомобильной дороги до китайской границы по Ваханскому коридору. Афганские власти предлагают Пекину возродить шелковый путь, но китайская сторона пока не торопится с этим. В открытии сообщения по этому маршруту заинтересованность также проявляет и Иран.

Представители иностранных компаний, наиболее активными среди которых являются китайские, продолжают вести переговоры с афганскими властями по поводу инвестирования в тот

²⁸ مقدار ترانزیت به تفکیک مملکت در ربع اول سال ۱۴۰۲ National Statistic and Information Authority. 18.10.2023. URL: <http://nsia.gov.af/media-room/media/14564> (дата обращения: 05.02.2024).

²⁹ در برج جدی از طریق خط آهن (۳۸۶۶۴۹) متریک ٹن انتقالات صورت گرفته است Afghanistan Railway Authority. 24.01.2024. URL: <https://ara.gov.af/index.php/ps/node/1739> (дата обращения: 05.02.2024).

³⁰ مقدار ترانزیت به تفکیک مملکت در ربع اول سال ۱۴۰۲ National Statistic and Information Authority. 18.10.2023. URL: <http://nsia.gov.af/media-room/media/14564> (дата обращения: 05.02.2024).

³¹ Пакистан рискует навсегда потерять афганский рынок. Sputnik Афганистан. 21.01.2024. URL: <https://tigrm.ru/channels/@sputnikaf/26737> (дата обращения: 02.02.2024).

³² Директор ЦСИ: «Афганское консульство в Хороге содействует работе рынков». Азия плюс. 09.02.2024. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/politics/20240209/direktor-tssi-afganskoe-konsulstvo-v-horoge-sodeistvuet-rabote-rinkov> (дата обращения: 10.02.2024).

или иной сектор экономики Афганистана, но реальные шаги пока не предпринимаются. Иностранные инвестиции реально работают только в сфере добычи нефти. Основными инвесторами выступают представители афганского бизнеса, которые продолжают вкладывать ресурсы в сферы производства товаров и разработки месторождений. В 2022 г. размеры этих вложений варьировались от 200 тыс. до 5 млн долл., но сегодня речь идет о гораздо больших суммах. Сравнительно крупной на сегодня являются обещанные главой «Азизи-банка» Мирвайсом Азизи инвестиции в 10 млрд долл., которые он намерен вкладывать в ближайшие 5 лет в энергетику и строительство железных дорог Афганистана³³. Другая афганская компания уже подписала контракт стоимостью 247,4 млн долл. на добычу свинца и цинка³⁴. Промышленные предприятия продолжают функционировать, но сталкиваются с рядом сложностей, связанных с нехваткой электроэнергии³⁵, плохой логистикой, проблемой сбыта продукции и другими трудностями.

Улучшение ситуации наблюдалось и в аграрном секторе. По оценочным данным, в 2023 г. объем полученного урожая пшеницы составил 4,3 млн т, что на 13% больше, чем в 2022 г. (общие потребности страны составляют 6,62 млн т). Власти считают, что благоприятные погодные условия, а также переход крестьян от производства наркотических культур к пшенице способствовали этому. По их данным, только в Гильменде расширение полей пшеницы за счет сокращения маковых посевов составило 49%³⁶. Для сравнения отметим, что в 2018 г. полученный урожай пшеницы составил 3613 тыс. т, в 2019 г. — 4890 и в 2020 г. — 5185 тыс. т, а площадь посевов соответственно 1909 тыс. га, 2842 и 3043,6 тыс. га [Afghanistan..., p. 159–160].

Заключение

Талибы, с одной стороны, показывают успехи в сфере экономики, с другой — продолжают усиливать давление на социальный сектор, что связано с противоречиями на уровне высшего руководства движения. Явных признаков разногласий, однако, не видно, поскольку эмиру в некоторой степени удалось укрепить свою власть. Внутреннее недовольство в большей степени может иметь место среди членов среднего звена, то есть полевых командиров, *улемов* и чиновников провинциального уровня, которые не готовы к каким-либо изменениям. Воспитавшиеся и получавшие образование в стенах религиозных школ, воевавшие десятилетиями под лозунгами внедрения исламских норм, они не в состоянии принимать нововведения. Следовательно, при таких обстоятельствах даже при желании руководство талибов не сможет пойти на компромисс по тем вопросам, которые поднимаются другими странами или общественными активистами. Об этом косвенно говорят редкие открытые заявления представителей движения. Например, в середине ноября 2023 г. глава правления культуры и информации по провинции Хост Шабир Ахмад Османи с сожалением писал в социальной сети о несправедливости, наблюдаемой под властью талибов, а именно отсутствием признаков применения в отношении преступников положенных шариатских наказаний — *худуд* и *кысас*. Высшее руководство во главе с эмиром опирается именно на эту категорию людей и будет вынуждено прислушиваться к ним. Исходя из этого, можно заключить, что на сегодня для движения

³³ *мировис عزیزى* Bakhtar News Agency. 12.01.2024. URL: [bakhtarnews.af](https://www.bakhtarnews.af) (дата обращения: 23.01.2024).

³⁴ *عقد قرار داد نیم بلاک سوم سرب و جست و لایت غور* Ministry of Mines and Petroleum. 10.02.2024. URL: [momp.gov.af](https://www.momp.gov.af) (дата обращения: 15.02.2024).

³⁵ *دندش هجاوم قرب دوبمک اب تی الو ۱۱ و یتعنص یاهکراپ؛ ناتسکیبزا زا یتادراو قرب شاهک* Daily Etilaat-e roz. 30.12.2023. URL: [etilaatroz.com](https://www.etilaatroz.com) (дата обращения: 23.01.2024).

³⁶ *افزایش ۱۳ درصدی میزان تولید گندم در کشور* Tolo News. 21.09.2023. URL: <https://tolonews.com/fa/business-185193> (дата обращения: 24.01.2024).

внутренняя консолидация важнее, чем выполнение условий международного признания. Прошедший через долгий и сложный путь борьбы за власть, Талибан за 2,5 г. ни по одному из волнующих других стран вопросов не шел на уступки и, возможно, дальше будет настаивать на своем. Нынешние тенденции показывают, что по мере достижения успехов в экономике произойдет дальнейшее движение по пути радикализации и ожесточения работы социальной системы, поскольку лидеры движения, находящиеся в Кандагаре, убеждены, что реализация божественных законов не навредит экономике и социальной сфере.

Литература / References

Нессар М.О. Политическое управление талибов в динамике (современный этап). *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. статей. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко; Ин-т востоковедения РАН. М., 2023 [Nessar M.O. Political governance of the Taliban in dynamics (modern stage). *Muslim Region to the South of Russian Boundary (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, ethnic Kurdistan)*. Collection of articles. Ed. by V. Ya. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Yu. Ulchenko; Institute of Oriental Studies RAS. Moscow, 2023 (in Russian)].

Окимбеков У.В. Афганская экономика: полтора года правления талибов. *Восточная аналитика*. 2023. №1 (Том 14). С. 52—68 [Okimbekov U.V. The Afghan Economy: A Year and a Half of the Taliban Rule. *Eastern Analytics*. 2023. No. 1 (Vol. 14). Pp. 52–68 (in Russian)].

Поя С. Состояние режима талибов и позиция международного сообщества. *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. статей. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко; Ин-т востоковедения РАН. М., 2023 [Poya S. The state of the Taliban regime and the position of the international community. *Muslim Region to the South of Russian Boundary (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, ethnic Kurdistan)*. Collection of articles. Edited by V. Ya. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Yu. Ulchenko. Moscow, 2023 (in Russian)].

Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. Kabul, 2021.

Cash Shipments to Afghanistan: The UN Has Purchased and Transported More than \$2.9 Billion to Afghanistan to Implement Humanitarian Assistance. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. SIGAR 24–12 Evaluation Report. January, 2024.

Statistical Yearbook 2022–23. National Statistics and Information Authority. Kabul, No. 44. July, 2023.

Электронные ресурсы/ Electronic resources

Афганистан рассчитался по долгам перед Узбекистаном за двухгодичные поставки электроэнергии. Daryo. 08.02.2024. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/02/08/afganistan-rasscitalsa-po-dolgam-pered-uzbekistanom-za-dvuhgodicnye-postavki-elektroenergii> (дата обращения: 18.02.2024).

Афганцам пришло время показать миру, что они умеют не только воевать. Sputnik Афганистан. 10.02.2024. URL: <https://tlgrm.ru/channels/@sputnikaf/27119> (дата обращения: 10.02.2024).

Директор ЦСИ: «Афганское консульство в Хороге содействует работе рынков». Азия плюс. 09.02.2024. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20240209/direktor-tssi-afganskoe-konsulstvo-v-horoge-sodeistvuet-rabote-rinkov> (дата обращения: 10.02.2024).

ООН озвучила гуманитарный призыв по Афганистану на 2023 год: 4,62 миллиарда долларов. Организация Объединенных Наций. 14.03.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438652> (дата обращения: 15.02.2024).

ООН: на восстановление Афганистана после землетрясения требуется более 93 млн долларов. Организация Объединенных Наций. 16.10.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445847> (дата обращения: 10.02.2024).

Пакистан рискует навсегда потерять афганский рынок. Sputnik Афганистан. 21.01.2024. URL: <https://tlgrm.ru/channels/@sputnikaf/26737> (дата обращения: 02.02.2024).

Afghanistan Economic Monitor. January, 2024. The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/804528b1d98fc6a3012fb1754ba4bd45-0090012024/original/Afghanistan-Economic-Monitor-January-2024-002.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

Afghanistan Humanitarian Response Plan 2023. OCHA Financial Tracking System. 25.03.2024. URL: <https://fts.unocha.org/plans/1117/summary> (дата обращения: 28.03.2024).

Budget for Afghanistan aid plan revised down to \$3.2 billion. Reuters. 05.06.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/budget-afghanistan-aid-plan-revised-down-32-billion-2023-06-05/> (дата обращения: 20.02.2024).

Exclusive: Qatar prime minister, Taliban chief hold secret Afghan talks. Reuters. 31.05.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatar-prime-minister-taliban-chief-hold-secret-afghan-talks-source-2023-05-31/> (дата обращения: 10.02.2024).

Over half a million Afghans returned home, says International Organisation for Migration. Dawn. 23.01.2024. URL: <https://www.dawn.com/news/1807886> (дата обращения: 10.02.2024).

۱.۱ در پی نگرانی کارشناسان؛ هیچ زنی به علت پوشش در زندان قرار ندارد. Tolo News. 04.02.2024. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187260> (дата обращения: 05.02.2024).

ادامه محدودیت‌های رسانه‌ای طالبان؛ گرفتن عکس «گناه کبیره» و تماس تلفنی زنان فساد اخلاقی است. Hasht-e-Subh Daily. 26.02.2024. URL: <https://8am.media/fa/the-continuation-of-taliban-media-restrictions-taking-photos-of-great-sin-and-calling-women-on-the-phone-is-moral-corruption/> (дата обращения: 28.02.2024).

افزایش ۱۳ درصدی میزان تولید گندم در کشور. Tolo News. 21.09.2023. URL: <https://tolonews.com/fa/business-185193> (дата обращения: 24.01.2024).

«تأکید رهبر طالبان بر اجرای مجازات علنی: «زنان را در ملاء عام سنگسار می‌کنیم» (etilaatroz.com) (дата обращения: 30.03.2024).

حکومت بر 461 هزار Daily Etilaat-e roz. 10.02.2018. URL: etilaatroz.com) (дата обращения: 15.02.2024).

مسجد و مرکز دینی اشراف ندارد - اطلاعات روز. Afghanistan Railway Authority. 24.01.2024. URL: <https://ara.gov.af/index.php/ps/node/1739> (дата обращения: 05.02.2024).

پس از تصویب قانون اساسی کابینه رسمی اعلام خواهد شد. Tolo News. 17.09.2023. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-185142> (дата обращения: 05.02.2024).

نبود قانون اساسی خلای قانونی نیست. Tolo News. 23.02.2024. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187548> (дата обращения: 28.02.2024).

طالبان از آغاز جذب دختران در انستیتوت‌های صحی در شماری از ولایت‌ها خبر دادند. Daily Etilaat-e roz. 20.02.2024. URL: etilaatroz.com) (дата обращения: 20.02.2024).

طالبان از فعال‌سازی نزدیک به ۱ هزار مسجد خبر می‌دهند. Hasht-e-Subh Daily. 24.11.2022. URL: <https://8am.media/fa/the-taliban-announce-the-activation-of-nearly-1000-mosques/> (дата обращения: 10.02.2024).

عقد قرار داد نیم بلاک سوم سرب و جست ولایت غور. Ministry of Mines and Petroleum. 10.02.2024. URL: momp.gov.af) (дата обращения: 15.02.2024).

کاهش برق وارداتی از ازبیکستان؛ پارک‌های صنعتی و ۱۱ ولایت با کمبود برق مواجه شدند. Daily Etilaat-e roz. 30.12.2023. URL: etilaatroz.com) (дата обращения: 23.01.2024).

مجاهد: کار برای ساختن قانون اساسی کشور جریان دارد. Tolo News. 26.02.2023. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-183102> (дата обращения: 05.02.2024).

وزارت مالیه برای یک میلیون تن معاش می‌دهد. Tolo News. 05.02.2024. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187286> (дата обращения: 10.02.2024).

ПРОИЗВОДСТВО НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ ПОВТОРНОГО ПРИХОДА К ВЛАСТИ ТАЛИБОВ

© 2024

О. Е. Митрофаненкова¹

Переход к массовому производству наркотиков в Афганистане произошел при первом режиме талибов* (1996–2001). В результате данный вид незаконной деятельности на несколько десятилетий стал не только значимым источником существования для местного крестьянского населения, но также и ресурсом для талибов. Помимо того, в некоторые годы доходы от наркоторговли опиатами составляли до 2/3 ВВП страны.

В 2021 г. после повторного прихода к власти Движения Талибан было принято решение ликвидировать нелегальное производство опиатных наркотиков в стране. По итогу в 2023 г. был впервые с 2001 г. достигнут явный успех в сокращении как полей, занятых посевами опийного мака, так и производства опиатных наркотиков. Помимо прочего увеличилось количество провинций, где полностью исчезли поля, засеянные маком. Освободившиеся от мака территории были засеяны пшеницей, так как, по мнению властей, это поможет решить проблему голода в Афганистане. Экономическая ситуация в стране до сих пор остается крайне тяжелой. При этом доход от посевов пшеницы не может компенсировать тот доход, который давало производство нелегальных опиатов.

Но, хотя производство опиатов серьезно сократилось в 2023 г., в соседних с Афганистаном странах растет количество изъятий другого наркотика, имеющего афганское происхождение. Отмечается, что за прошедший год в стране сильно увеличилось в объемах нелегальное производство метамфетамина. Производство данного наркотика обходится намного дешевле, что делает его более выгодным, чем героин.

Ключевые слова: Афганистан, наркопроизводство, Движение Талибан, наркотики

Для цитирования: Митрофаненкова О. Е. Производство наркотиков в Афганистане после повторного прихода к власти талибов. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 312–319. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-312-319

DRUG PRODUCTION IN AFGHANISTAN AFTER THE TALIBAN RETURN TO POWER

Olga E. Mitrofanenkova

The transition to mass drug production in Afghanistan occurred during the first Taliban regime (1996–2001). As a result, this type of illegal activity became not only a significant source of livelihood for the local peasant population for several decades, but also a resource for the Taliban. In addition, in some years, income from the opiate drug trade amounted to up to 2/3 of the country's GDP.

---

¹ Митрофаненкова Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН, Москва; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Olga E. Mitrofanenkova, PhD (Hist.), Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mitrofanenkova.olga@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0076-2956

* организация запрещена в России

In 2021, after the Taliban came to power again, it was decided to eliminate the illegal production of opiate drugs in the country. As a result, in 2023, for the first time since 2001, clear success was achieved in reducing both the fields occupied by opium crops and the production of opiate drugs. Among other things, the number of provinces where poppy fields have completely disappeared has increased. The areas freed from poppy were sown with wheat, as, according to the authorities, this would help solve the problem of hunger in Afghanistan. The economic situation in the country still remains in an extremely difficult condition. At the same time, income from wheat crops cannot compensate for the income generated by the production of illegal opiates.

While opiate production has fallen significantly in 2023, seizures of another drug of Afghan origin are increasing in countries neighboring Afghanistan. It is noted that over the past year, the illegal production of methamphetamine has increased significantly in the country. The drug is much cheaper to produce, making it more profitable than heroin.

Keywords: Afghanistan, drug production, The Taliban Movement, drugs

For citation: Mitrofanenkova O. E. Drug Production in Afghanistan after the Taliban Return to Power. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 312–319. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-312-319

В конце XX в. при первом режиме талибов (1996–2001 гг.) Афганистан стал мировым лидером в области незаконного производства наркотиков. Производимые в Афганистане опиаты (преимущественно героин) занимали до 90% мирового рынка нелегальных наркотических веществ данного вида. Тенденция к росту объемов незаконного производства опиатов сохранилась и после падения режима талибов в 2001 г. Важно также отметить, что в начале 2000-х гг. руководство Движения Талибан было вынуждено провести «успешную» борьбу с наркопроизводством под давлением международного сообщества, так как из-за этого под угрозой оказывались поставки гуманитарной помощи, от которой зависело местное население. В результате в 2001 г. в Афганистане было произведено всего 185 т² наркотиков опиатной группы. Длительное время это был единственный случай столь ощутимого сокращения наркопроизводства.

Производство опиатов в Афганистане в 2021–2024 гг.

После вывода военного контингента США из Афганистана Движение Талибан снова пришло к власти 15 августа 2021 г. В августе 2021 г. не было еще ясно, какую политику в отношении наркопроизводства будут проводить талибы. С одной стороны, именно талибы вывели Афганистан в мировые лидеры по незаконному производству наркотиков и полностью сформировали наркоиндустрию (были налажены поставки реагентов, основные маршруты сбыта и т. д.), с другой стороны, именно талибы были теми, кому принадлежал единственный успешный случай борьбы с наркопроизводством. Согласно отчету Управления ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН), афганские опиаты занимали 86–90% мирового рынка нелегальных опиатов. При этом наркотики афганского происхождения поставлялись почти во все регионы мира: в страны Европы, Азии, Африки и даже незначительное количество — в Северную Америку. Единственным континентом, куда не осуществлялись поставки, была Латинская Америка (которая сама является производителем наркотиков) [World drug report, 2022, p. 71]. Можно сказать, что на нелегальном рынке опиатов Афганистан был почти монополистом (86%), остальные 14% приходились на производство в Мьянме, Мексике и Колумбии. Согласно данным УНП ООН за 2021 г., доход Афганистана от торговли опиумом и его производными составлял 1,8–2,7 млрд долл. При этом производство

² The taliban's successful opium ban is bad for afghans and the world. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/06/talibans-successful-opium-ban-bad-afghans-and-world> (дата обращения: 13.03.2024).

опиатов составило от 6% до 11% ВВП Афганистана, 22% ВВП приходилось на международную помощь [Drug situation in Afghanistan, 2021, pp. 3–7]. Данные показатели говорят о сильной зависимости афганской экономики как от международной помощи, так и от незаконных источников дохода, но уже в меньшей степени.

Доходы, получаемые от культивирования опийного мака и последующих процессов производства наркотиков (сбор урожая, первичная обработка опиума сырца и т. д.), несколько десятилетий были важным и зачастую практически единственным источником существования для местного крестьянского населения. Стоит отметить, что большую часть афганского населения составляют именно крестьяне. Последние годы их численность держалась на уровне в 30 млн чел³. При этом общая численность населения равна 42 млн чел⁴. Данные показатели говорят о том, что в Афганистане крайне низкий уровень урбанизации и в экономике преобладает сельское хозяйство. Соответственно возможность найти источник дохода за пределами сельскохозяйственной отрасли для большей части населения ограничена.

Другими серьезными проблемами для Афганистана по-прежнему остаются голод и крайняя бедность страны. Около 50% афганского населения живет за чертой бедности⁵. Наркобизнес был одним из самых крупных секторов теневой экономики страны, обеспечивая работой на полный рабочий день более чем полмиллиона человек⁶. Важно также отметить, что в ряде случаев он являлся и определенным социальным лифтом, давая возможность как получить доход, так и обрести некоторое влияние в социуме.

В апреле 2022 г. руководство Движения Талибан издало новый закон, в соответствии с которым в стране полностью под запрет попало не только культивирование опийного мака, но и последующее производство наркотиков⁷. Примечательно, что афганское население с момента прихода талибов к власти ожидало, когда же новое руководство страны наложит полный запрет на опиатную индустрию. Из-за потенциальных рисков, связанных с повторным приходом талибов к власти, в Афганистане отмечался рост цен на опиум в 2021 г. [Opium cultivation in Afghanistan, 2022, p. 3].

При этом в 2022 г. было получено 6200 т опиума-сырца, что немногим превысило 80% от мирового рынка опиатов [Drug situation in Afghanistan, 2021, p. 3–7]. В 2022 г. также отмечалось увеличение общей площади, занятой посевами опийного мака, на 32% по сравнению с 2021 г. И в связи с заявлением о запрете цены на опиум продолжили расти, что позволило крестьянам и наркоторговцам получить сверхприбыль [Opium cultivation in Afghanistan, 2022, p. 3]. Важно подчеркнуть, что руководство талибов в 2022 г., несмотря на введенный запрет, позволило крестьянам собрать и реализовать урожай того года. Запрет на опиум был введен, когда уже урожай 2022 г. был готов для сбора и дальнейшей реализации [Митрофаненкова, 2023, с. 109]. Поэтому результат от запрета на культивирование мака должен был появиться только в 2023 г. Нельзя также не отметить, что период ввода запрета дал возможность афганским крестьянам получить доход от мака за 2022 г.

³ Afghanistan rural population 1960–2024. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/AFG/afghanistan/rural-population#:~:text=Afghanistan%20rural%20population%20for%202022,a%202.81%25%20increase%20from%202019> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Afghanistan population. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/afghanistan-population/> (дата обращения: 12.02.2024).

⁵ Poverty data: Afghanistan. URL: <https://www.adb.org/where-we-work/afghanistan/poverty#:~:text=In%20Afghanistan%2C%2049.4%25%20of%20the,access%20to%20electricity%20in%202021> (дата обращения: 10.02.2024).

⁶ Afghanistan's drug trade is booming under Taliban rule. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/southasiasource/afghanistans-drug-trade-is-booming-under-taliban-rule/> (дата обращения: 27.12.2022).

⁷ Taliban's poppy ban in Afghanistan: can't it work? URL: <https://www.un.org/ru/video/talibans-poppy-ban-afghanistan-can-it-work> (дата обращения: 04.05.2023).

В 2023 г. из-за запрета, наложенного талибами, производство опиатов сократилось на 95% и составило 333 т, а площадь, занятая посевами, согласно данным ООН составила 10800 га. На фоне запрета опийного мака бывшие маковые поля крестьяне в поисках альтернативы стали засеивать пшеницей [Afghanistan opium survey, 2023, p. 4].

Стоит отметить, что доходность легальных культур (той же пшеницы, риса и т. д.) ниже, чем нелегальных наркотических. Согласно данным отчета *Afghanistan Opium Survey*, стоимость урожая пшеницы с 1 га в 2023 г. составляла 770 долл, тогда как стоимость урожая опия с той же площади — 10 тыс. долл [Afghanistan opium...]. Столь высокая цена за урожай опия в 2023 г. была связана преимущественно с ростом цен на фоне запрета. Так, по данным этого же отчета, в 2022 г. стоимость урожая с 1 га оценивалась в 6800 долл. [Afghanistan opium...]. Совершенно очевидно, что афганские крестьяне, которые заменили опийный мак пшеницей, очень сильно потеряли в доходах. По примерным подсчетам, они могли потерять в доходах в 9 раз по сравнению с 2022 г.

Производство опиатов в Афганистане в 2023–2024 гг. сохранилось в Кандагаре, Гильменде, Бадахшане, Заболе, Нанганхаре, Балхе, Фарахе, Бадгисе, Фарьябе, Урузгане. При этом провинция Гильменд более не является основным производителем опиатов в стране. Первое место по площадям, занятым посевами мака, теперь у провинции Кандагар, где общая площадь посевов составляет 3,5 тыс. га. Полностью маковые поля в 2023 г. исчезли в провинциях Дай Кунди, Кабул, Каписа [Afghanistan opium survey, 2023, p. 18].

Тем не менее предполагается, что выращивание пшеницы поможет снизить проблему продовольственной безопасности в Афганистане. Важно будет также рассмотреть, почему было принято решение повсеместно замещать посевы мака именно пшеницей. Одной из ключевых причин стала доступность семян пшеницы для местного населения в отличие от других однолетних культур (бамия, горох). Плюс ко всему пшеница — однолетняя культура, то есть возможно получить урожай в короткие сроки. Если бы поля мака были засажены культурами, первый урожай от которых необходимо ждать годами (пример — фруктовые деревья), то это бы усугубило проблемы голода и нищеты в стране. Согласно данным ООН, в 2022 г. около 20 млн афганцев находились на грани острого голода⁸. И как было ранее уже отмечено, предполагается, что выращивание пшеницы снизит проблему голода в Афганистане. Несмотря на то, что пшеница является одной из важнейших культур для страны и объемы ее культивирования растут, в 2022–2023 гг. еще не удалось достичь тех масштабов, которые бы полностью удовлетворяли внутреннее потребление, не говоря уже об экспорте из страны [Afghanistan opium survey, 2023, p. 7].

В отчете Всемирного Банка за 2023 г. отмечается, что несмотря на то, что ситуация в Афганистане стабилизировалась и не наблюдается активных фаз конфликта, сопровождаемых военными действиями, уровень бедности остается крайне высоким. При этом в большинстве домохозяйств уже исчерпаны все задействованные за последний год ресурсы для повышения качества жизни и роста доходов [Afghanistan welfare monitoring survey, 2023, p. 4]. Экономика страны также продолжает сильно зависеть от международной помощи. В 2023 г. объем гуманитарной помощи составил более 3 млрд долл.⁹ При этом ВВП Афганистана составляет около 14 млрд долл.¹⁰ Гуманитарная помощь составляет 10–11% ВВП страны, и если сравнивать ее объемы с 2021 г., то совершенно очевидно, что она сокращается. Учитывая также, что Афганистан до сих пор не имеет официального международного признания и соответственно не имеет прямого доступа к международной финансовой

⁸ Почти половина населения Афганистана — на грани голода. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1423462> (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Afghanistan Socio-Economic Outlook 2023 — Executive Summary. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-socio-economic-outlook-2023-executive-summary-enarfarsips> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁰ Afghanistan GDP. URL: <https://take-profit.org/en/statistics/gdp/afghanistan/> (дата обращения: 13.02.2023).

системе (инвестиции, кредиты, международная банковская система и т. д.), экономическая ситуация является самым сложным и слабым местом текущего режима в стране.

Многие годы производство опиатов было одним из самых стабильных и доходных видов нелегальной экономической деятельности, поддерживающей и развивающей легальную экономику страны.

Скорее всего, восполнить доход от производства опиатов легальной экономической деятельностью в краткосрочной перспективе (от 1 года до 3 лет) Афганистану будет крайне сложно. Безусловно, ситуацию усугубляет отсутствие у режима талибов международного признания. Однако это в ряде случаев может и не быть ключевым фактором для ведения торгово-экономических отношений, но правительство талибов не внушает доверия как экономический партнер.

Производство метамфетамина

Последние шесть лет отмечается рост производства метамфетамина в Афганистане. На протяжении нескольких десятилетий страна ассоциировалась преимущественно с производством героина — наркотика, который по своим свойствам и эффекту отличается от метамфетамина. Героин относится к веществам седативного ряда, тогда как метамфетамин является стимулятором.

Возможность в Афганистане для производства метамфетанами связана с произрастанием на его территории растения эфедры, содержащего эфедрин, являющийся основным активным веществом метамфетамина. При этом для производства метамфетамина также активно используются лекарства от простуды и промышленные химикаты, в состав которых также входит эфедрин. Производство метамфетамина из лекарств и продукции химической промышленности обходится дешевле, чем из самого растения эфедры¹¹.

Согласно данным УНП ООН, на конец 2023 г. в соседних с Афганистаном странах отмечается рост объемов контрабанды метамфетамина. В период с 2017 по 2021 г. объем изъятий увеличился в 12 раз — с 2,5 т в 2017 г. до 29,7 т в 2021 г.¹² Выше уже было отмечено, что после повторного прихода к власти в 2021 г. Движение Талибан наложило запрет как на культивирование опийного мака, так и на последующее производство героина. При этом, согласно тем же данным УНП ООН, в 2022 г. отмечалось сокращение объемов наркотрафика героина из Афганистана. Однако объемы наркотрафика метамфетамина, напротив, увеличились¹³. Подобное развитие событий говорит о том, что есть возможность не только быстро расширить и увеличить объемы производства метамфетамина, но также и нарастить спрос на нелегальном рынке наркотиков, поскольку он есть и сейчас. Если до 2022 г. оба наркотика производились параллельно и в стране было диверсифицировано наркопроизводство, то после 2022 г. производство героина было практически полностью заменено производством метамфетамина.

В отчете Европейского центра мониторинга за наркотиками и наркозависимостью, который был подготовлен еще до вывода войск США, отмечалось, что у Афганистана есть потенциал стать крупным в мире производителем метамфетамина. Прежде всего на это указывали следующие факторы: 1) произрастание в центральной части страны большого количества дикой эфедры; 2) низкая себестоимость эфедры, которая могла бы позволить афганским производителям производить метамфетамин сопоставимого качества, но по более низкой цене, чем более авторитетные

---

¹¹ Methamphetamine trafficking in and around Afghanistan. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2023/September/unodc_methamphetamine-trafficking-in-and-around-afghanistan-expanding-rapidly-as-heroin-trade-slows.html (дата обращения: 14.04.2023).

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

производители в Мексике, Нидерландах и Юго-Восточной Азии; 3) слабость правоохранительных органов Афганистана (до повторного прихода к власти талибов); 4) сложная экономическая ситуация в Афганистане [Methamphetamine from Afghanistan: signals indicate that Europe should be better prepared, 2021, p. 5].

Ситуация, связанная с необходимыми реагентами (перкурсорами) для производства метамфетамина, лучше, чем с производством героина. Для изготовления нелегального метамфетамина используются легальные реагенты. Для производства метамфетамина необходимы следующие перкурсоры: псевдоэфедрин (входит в состав безрецептурных лекарств от простуды), безводный аммиак (используется в качестве сельскохозяйственного удобрения), красный фосфор (используется в спичках)¹⁴. Все эти виды товаров можно ввозить в Афганистан как легально, так и в составе гуманитарной помощи. Весьма сложно определить, идет ли данный товар на развитие сельского хозяйства, лечение простуды или для производства наркотиков.

В отличие от метамфетамина, ситуация с перкурсорами для производства героина была кардинально противоположной. Для его производства необходим уксусный ангидрид, который также является легальным товаром и используется для производства бумаги, красок, фото- и киноплёнок. При этом в Афганистане нет отраслей промышленности, где бы уксусный ангидрид мог ввозиться легально. Соответственно с конца 1990-х гг. на афганскую территорию он ввозился контрабандой из соседних стран (Пакистан, Центральная Азия). Вместе с тем контрабандный рост крайне негативно сказывался на финальной стоимости уксусного ангидрида для наркопроизводителей. Если в легальной закупке стоимость 1 л уксусного ангидрида составляет 1 долл., то в случае с контрабандным ввозом его цена поднималась от 350 до 750 долл. за 1 л. Общая стоимость всей закупки уксусного ангидрида составляла в среднем до 165 млн долл. в год. Сам уксусный ангидрид также мог составлять до 20% цены финального продукта [The global afghan opium trade. A threat assessment, 2011, p. 93]. Учитывая подобные особенности ввоза и стоимости реагентов для производства, очевидно, что в этом контексте намного выгоднее производить метамфетамин.

Афганский метамфетамин был уже обнаружен в странах Европейского Союза, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и Восточной Африки. Было установлено, что страны Юго-Западной Азии играют роль перевалочного пункта для метамфетамина, который в дальнейшем будет поставляться в Европу, Африку, Юго-Восточную Азию¹⁵. На основе вышеизложенного видно, что рынок сбыта для метамфетамина такой же, как и для героина. Поэтому можно сделать вывод, что происходит процесс замещения на рынке одного наркотика другим.

В период с 2019 по 2022 г. изъятие метамфетамина, имеющего афганское происхождение, отмечалось в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, Пакистане, Иране, Индии, Бахрейне, Йемене, ОАЭ, Восточной Африке, Китае, Индонезия, Шри-Ланке [Understanding illegal methamphetamine manufacture in Afghanistan, 2023, p. 6]. На данный момент нет точных данных о маршрутах распространения метамфетамина, но, судя по данным изъятий, очевидно, что потоки наркотиков идут через все граничащие с Афганистаном страны. Исходя из того, что наркотики были обнаружены в Восточной Африке и в странах Персидского залива, можно сделать вывод, что активно используются перевозки по морю. Кроме морских перевозок, безусловно, осуществляются контрабандные перевозки по суше. Что касается авиасообщения для транспортировки метамфетамина, вывод о его использовании сделать сложно из-за отсутствия данных. Однако учитывая, что

---

¹⁴ Controlling Precursor Chemicals. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/ondcp/precursor-chemicals> (дата обращения: 03.03.2023).

¹⁵ Methamphetamine trafficking in and around Afghanistan expanding rapidly as heroin trade slows. https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2023/September/unodc_-methamphetamine-trafficking-in-and-around-afghanistan-expanding-rapidly-as-heroin-trade-slows.html (дата обращения: 23.02.2022).

авиасообщение у Афганистана развито слабо, можно предположить, что роль этого способа нелегальных поставок минимальна.

Если маршруты наркотрафика опиатов из Афганистана (Балканский маршрут, Северный маршрут, Южный маршрут) уже известны и изучены, то маршруты поставок метамфетамина пока еще не так хорошо исследованы. Можно сделать предположение, что на каких-то этапах маршрут поставки метамфетамина дублирует маршрут поставки опиатов (страны Центральной Азии, Пакистан, Иран, страны Восточной Африки).

Мировой спрос на наркотики

Важной тенденцией, влияющей на производство метамфетамина в Афганистане, является также спрос на мировых рынках. Согласно данным за 2018 г., в мире было около 24,7 млн человек, употребляющих метамфетамин на ежедневной основе, и эта цифра продолжала расти¹⁶. В 2021 г. этот показатель был уже равен 36 млн человек. В 2021 г. 31,5 млн человек употребляли героин на ежедневной основе, а около 60 млн человек употребляли медицинские препараты опиатов не в медицинских целях [World drug report, 2023, p. 12]. Из данной статистики совершенно очевидно, что метамфетамин является наркотиком с растущей популярностью у потребителей. Учитывая динамику роста популярности, можно сказать, что в краткосрочной перспективе (1–3 года) она продолжит расти. При этом количество потребителей метамфетамина превышает количество потребителей героина.

Вместе с тем не так просто обстоит ситуация со спросом на героин. Из приведенной статистики видно, что основным спросом пользуются медикаментозные опиаты, которые можно приобрести в аптеке, и их популярность растет. Помимо того, в мире есть рынки, где существенно доминируют непосредственно именно медикаментозные опиаты. В частности, это США и Канада, где последние годы большой проблемой стала оксиконтинная наркомания, вызванная приемом в медицинских целях препарата оксиконтин¹⁷. Важно отметить, что рынок США является желанным для многих легальных и нелегальных производителей, так как всегда отличался высокой покупательной способностью. Афганским наркотикам ранее не удавалось занять американский рынок, так как возможности производить медицинские опиаты, на которые существует спрос в США, у страны нет. Иначе обстоит дело с метамфетамином. В американских источниках отмечается, что на метамфетамин также последние годы сильно растет спрос¹⁸. Выше уже было отмечено, что у Афганистана есть возможность производить дешевый метамфетамин, способный конкурировать с другими производителями. Поэтому потенциал занять помимо уже освоенных европейского, постсоветского, азиатского и американского рынков у афганского метамфетамина есть. Это делает его более прибыльным для Афганистана наркотиком, чем героин.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что сокращение производства опиатов в Афганистане было связано как с падением спроса на них, более высокой ценой производства и попытками Движения Талибан выполнить какие-то из своих обещаний, так и с попытками решить проблему голода в стране.

---

¹⁶ Meth Use Statistics Around the World (2019). URL: <https://delphihealthgroup.com/stimulants/methamphetamine/global-use-statistics/> (дата обращения: 23.02.2023).

¹⁷ Oxycodone. URL: <https://www.dea.gov/factsheets/oxycodone> (дата обращения: 30.04.2020).

¹⁸ Methamphetamine Trends in the United States. URL: <https://www.uspharmacist.com/article/methamphetamine-trends-in-the-united-states> (дата обращения: 01.03.2023).

Литература / References

- Afghanistan opium survey 2023*. Vienna, 2023.
Afghanistan welfare monitoring survey. Round 3. World Bank.
Drug situation in Afghanistan 2021. Latest findings and emerging threats. UNODC, Vienna, 2021.
Methamphetamine from Afghanistan: signals indicate that Europe should be better prepared. EMCDDA, 2021.
Opium cultivation in Afghanistan 2022. UNODC, Vienna, 2022.
The global afghan opium trade. A threat assessment. UNODC, Vienna, 2011.
Understanding illegal methamphetamine manufacture in Afghanistan. UNODC, New York, 2023.
World drug report 2022. Booklet 3. Vienna, 2022.
World drug report 2023. New York, 2023.

Митрофаненкова О. Е. Борьба Движения Талибан с производством наркотиков в Афганистане в 2023 г. *Восточная аналитика*. 2023. № 3. С. 105–110 [Mitrofanenkova O. E. The struggle of Taliban movement with drug production in Afghanistan 2023. *Vostochnaya analitika*. 2023. № 3. Pp. 105–110 (in Russian)].

Электронные ресурсы/ Electronic Resources

- Afghanistan GDP. URL: <https://take-profit.org/en/statistics/gdp/afghanistan/> (дата обращения: 13.02.2023).
- Afghanistan population. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/afghanistan-population/> (дата обращения: 12.02.2024).
- Afghanistan rural population 1960–2024. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/AFG/afghanistan/rural-population#:~:text=Afghanistan%20rural%20population%20for%202022,a%202.81%25%20increase%20from%202019> (дата обращения: 25.12.2023).
- Afghanistan Socio-Economic Outlook 2023 — Executive Summary URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-socio-economic-outlook-2023-executive-summary-enarfarsips> (дата обращения: 12.01.2022).
- Afghanistan's drug trade is booming under Taliban rule. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/southasiasource/afghanistans-drug-trade-is-booming-under-taliban-rule/> (дата обращения: 27.12.2022).
- Controlling Precursor Chemicals URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/ondcp/precursor-chemicals> (дата обращения: 03.03.2023).
- Meth Use Statistics Around the World (2019). URL: <https://delphihealthgroup.com/stimulants/methamphetamine/global-use-statistics/> (дата обращения: 23.02.2023).
- Methamphetamine trafficking in and around Afghanistan expanding rapidly as heroin trade slows URL: https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2023/September/unodc_-methamphetamine-traffic-in-and-around-afghanistan-expanding-rapidly-as-heroin-trade-slows.html (дата обращения: 23.02.2022).
- Methamphetamine Trends in the United States URL: <https://www.uspharmacist.com/article/methamphetamine-trends-in-the-united-states> (дата обращения: 01.03.2023).
- Oxycodone. URL: <https://www.dea.gov/factsheets/oxycodone> (дата обращения: 30.04.2020).
- Poverty data: Afghanistan. URL: <https://www.adb.org/where-we-work/afghanistan/poverty#:~:text=In%20Afghanistan%2C%2049.4%25%20of%20the,access%20to%20electricity%20in%202021> (дата обращения: 10.02.2024).
- Taliban's poppy ban in Afghanistan: can't it work? URL: <https://www.un.org/ru/video/talibans-poppy-ban-afghanistan-can-it-work> (дата обращения: 04.05.2023).
- The taliban's successful opium ban is bad for afghans and the world. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/06/talibans-successful-opium-ban-bad-afghans-and-world> (дата обращения: 13.03.2024).
- Почти половина населения Афганистана — на грани голода. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1423462> (дата обращения: 15.03.2023).

ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПАРТНЕРСТВА С АФГАНИСТАНОМ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ, ЛОГИСТИКИ, ТЕХНОЛОГИЙ

© 2024

А. Н. Обухова¹

Исламский Эмират Афганистан остается, с одной стороны, одной из самых бедных стран мира, с другой — одной из немногих оставшихся существенных экономик с высоким потенциалом развития сфер энергетики, логистики, технологий. В статье сделан обзор состояния энергетики, логистики и информационно-коммуникационной отрасли Афганистана. Автор акцентирует внимание на проектах, связанных с международным сотрудничеством страны в этих сферах. В статье отмечается роль соседних стран в развитии электроэнергетики и инфраструктуры Афганистана, дается оценка национального логистического и транспортного потенциала, подчеркивается, что энергетическое сотрудничество с Россией и странами СНГ — это фундамент энергобезопасности Афганистана, что в стране, являющейся сердцем Центральной Азии, необходимо выстраивать логистику, независимую от США и ЕС, что развитие и модернизация средств связи способствует обеспечению национального технологического суверенитета. Большая роль в становлении энергетики Афганистана принадлежит России и среднеазиатским странам СНГ. На фоне развивающегося мирового энергокризиса реализация российско-афганских инвестиционных проектов в транспортных и ТЭК отраслях способствует усилению национального суверенитета Афганистана. Несмотря на давление со стороны США, страны Азии инвестируют в строительство железных и автомобильных дорог, стимулируя региональные логистические интеграционные процессы с вовлечением Афганистана в мультимодальные маршруты. В статье далее отмечается, что после многолетних войн и гражданских конфликтов в стране в значительной степени удалось практически с нуля восстановить телекоммуникационную инфраструктуру. В настоящее время телекоммуникационные сети охватывают свыше 90% ее населения. Несмотря на сложные экономические, социальные, географические условия и проблемы региональной безопасности, в Афганистане существует конкурентный рынок мобильной связи, однако инфраструктура страны пока не может поддерживать высокотехнологичные IVAS (интернет-услуги с добавочной стоимостью) в полном объеме. Автор делает вывод, что усиливающиеся геополитические противоречия между Глобальным Севером и Глобальным Югом, движение к многополярности, возглавляемое российско-китайским сотрудничеством, увеличивает роль Афганистана как важного экономического и стратегического партнера в Азии.

Ключевые слова: энергетика, логистика, технологии Афганистана, энергобезопасность, национальный суверенитет

Для цитирования: Обухова А. Н. Значение и перспективы международного партнерства с Афганистаном в сфере энергетики, логистики, технологий. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 320–332. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-320-332

---

¹ Обухова Анастасия Николаевна, магистр экономики, м.н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего востока Института востоковедения РАН, Москва; anastasia.n.obukhova@yandex.ru

Anastasia N. Obukhova, MA in Economics, Junior Researcher, Center for the Middle East Countries' Study, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; anastasia.n.obukhova@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-6232-172X

THE IMPORTANCE AND PROSPECTS OF INTERNATIONAL PARTNERSHIP WITH AFGHANISTAN IN THE FIELDS OF ENERGY, LOGISTICS, AND TECHNOLOGY

Anastasia N. Obukhova

The Islamic Republic of Afghanistan remains, on the one hand, one of the poorest countries in the world, on the other hand, one of the few remaining significant economies with high potential of energy, logistics, and technology. The article provides an overview of Afghanistan's energy, logistics, telecoms and technology sectors. The author underlines the importance of the projects related to the country's international cooperation in these areas. The article surveys the role of neighboring countries in the development of Afghanistan's electricity sector and infrastructure, and estimates the national logistics and transport potential. The author further highlights that Afghanistan's energy security is based on energy cooperation with Russia and the CIS countries, that given that the country is in the heart of Central Asia, it is necessary to build logistics independent of the USA and the EU, that the development and modernization of communications contributes to the national technological sovereignty strengthening. Russia and the Central Asian CIS countries historically have played a significant role in the Afghanistan's energy sector development. Amid global energy crisis scaling, the Russian-Afghan investment projects in the transport and energy sectors bode well for strengthening the Afghanistan's national sovereignty. Despite the US pressure, Asian countries are investing in the construction of railways and roads, thus shaping regional logistics integration processes with Afghanistan's involvement in multimodal routes. The article further underlies that after many years of wars and civil conflicts, the country managed to a large extent to restore its telecommunication infrastructure almost from scratch. Currently, 90% population have access to telecommunication coverage. Despite difficult economic, social, geographical conditions and regional security problems, Afghanistan has a competitive mobile communications market, but the country's infrastructure does not yet fully support high-tech IVAS (Internet value-added services). The author concludes that the growing geopolitical contradictions between the Global North and the Global South, the movement towards multipolarity, led by Russian-Chinese cooperation, increases the role of Afghanistan as an important economic and strategic partner in Asia.

Keywords: Afghanistan's energy, logistics and technologies, energy security, national sovereignty

For citation: Obukhova A. N. The Importance and Prospects of International Partnership with Afghanistan in the Fields of Energy, Logistics, and Technology. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 320–332. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-320-332

Начиная со второй половины XX в., практически все международные конфликты в мире — это битвы за энергоресурсы и за маршруты их транспортировки. Поступательное развитие экономики позволяет повысить уровень жизни населения, а топливно-энергетический комплекс (ТЭК) — это фундамент национальной экономики каждой страны, включая Афганистан.

С населением 42 млн человек и ВВП на душу населения порядка \$400 (в 2023 г.) Исламская Республика Афганистан, с одной стороны, остается одной из самых бедных стран мира, с другой — одной из немногих существенных экономик с высоким потенциалом развития сфер энергетики, логистики, технологий. До 2020 г. экономика Афганистана демонстрировала рост, основными драйверами являлись добыча угля, производство сельскохозяйственной и животноводческой продукции. Согласно докладу Азиатского банка развития (АБР), темпы экономического роста в 2019 г. составили 2,5% по сравнению с 1,2% в 2018 г., чему способствовало улучшение ситуации

в сельском хозяйстве из-за изменений погодных условий в стране². В 2020–2023 гг. экономика сократилась почти на треть.

С 2001 по 31.08.2021 г. Афганистан находился под оккупацией США и НАТО. Популярности и поддержке оппозиционных сил способствовали экстренные меры, используемые США, приведшие к значительному увеличению потерь среди гражданского населения, что привело к разочарованию в афганском государстве и увеличению доверия к «Талибану», как к явственно более сильному игроку³.

Из-за непрекращающегося многолетнего военного конфликта экономика Афганистана сильно зависит от импорта. Основными торговыми партнерами Афганистана являются его соседи и географически ближайшие государства. На долю шести стран-соседей (Ирана, Пакистана, Китая, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана) и двух относительно близко расположенных — Казахстана и Индии приходится 75% общего объема импорта. 90% экспорта афганских товаров направляются в четыре страны: Пакистан, Иран, Китай и Индию. Во внешней торговле Афганистана существует узкая «специализация»: 77% общего объема экспорта приходится на сельхозпродукцию, 10% — на уголь. За исключением Кыргызстана, все остальные страны Центрально-Азиатского региона пытаются занять место на афганском рынке. Лидерами в регионе по торговле с Афганистаном являются Казахстан и Узбекистан. Эти две страны занимают 4-е и 5-е места среди импортеров на афганском рынке. Существует огромный дисбаланс между объемами импорта и экспорта. Афганистан ежегодно закупает товаров и продукции извне на сумму около \$7,0 млрд а объемы экспорта в 3–4 раза меньше импорта — \$1–1,8 млрд в год⁴. Отрицательное сальдо торгового баланса с внешним миром в 2022 г. составило \$5,2 млрд при общем объеме внешнеторгового оборота \$8,8 млрд. Это означает, что ~80% внешней торговли страны составляет закупка товаров из других стран.

Энергетическое сотрудничество с Россией и странами СНГ — фундамент энергобезопасности Афганистана

Уровень жизни афганцев можно оценить по показателю доступа к электроэнергии, который имеют 30% населения, в сельской местности — 15%. Для сравнения, 45% населения Эфиопии не имеют доступа к электричеству, столько же (52 млн чел.) испытывают трудности⁵. В то время как в США производится 13,500 кВт*ч /чел в год, в Индонезии (обладающей огромным гидропотенциалом) всего 1 кВт*ч /чел в год, а в Египте энергообеспеченность (на 1 чел.) в 5 раз меньше, чем в ЕС⁶.

В Афганистане установленная мощность имеющихся электростанций достигает 560 МВт, из которых 230 МВт (41%) вырабатывают построенные советскими специалистами в 1960-е гг. электростанции, включая две тепловые электростанции (ТЭС) и три гидроэлектростанции (ГЭС): Шиберганская ТЭС (мощностью 42 МВт) и Мазари-Шарифская ТЭС (мощностью 50 МВт), работающие на газе, Джелалабадская ГЭС (мощностью 12 МВт), две очереди ГЭС Пули-Хумри

² “Афганский изюм” или как торгует Афганистан с внешним миром? 11 июня 2019 г. ASIA-Plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190611/afganskii-izyum-ili-kak-torguet-afganistan-s-vneshnim-mirom> (дата обращения: 26.04.2024).

³ Егорова А. Выход США из Афганистана: последствия и перспективы. 13 сентября 2019 г. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2718583.html> (дата обращения: 07.05.2024).

⁴ European Union. Trade in goods in Afghanistan. European Commission. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_af_en.pdf (дата обращения: 24.02.24).

⁵ Statistical Review of World Energy, 70th edition, 2021. URL: [bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf](https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf) (дата обращения: 22.02.24).

⁶ International Energy Agency (Международное Энергетическое Агентство). URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 25.02.24).

(мощностью 25 МВт), Наглу ГЭС (мощностью 100 МВт)⁷. Все пять электростанций недавно были модернизированы за счет финансирования Всемирного банка, США, ЕС, но силами российских специалистов, выигравших тендеры.

Запуск разработки и экспорта природного газа Афганистаном относится к середине прошлого века. Начиная с 1958 г. в Афганистане работали советские геологи, открывшие в 1964 г. на севере страны три крупных газовых месторождения возле Шибирган — Етым-Таг, Ходжа-Гутердаг и Ходжа-Булан, в 1967 г. — Джаркудук. Все месторождения расположены рядом с границей Узбекистана.

С 1968 г. Афганистан начал экспортировать природный газ, и на протяжении тридцати лет (1968–1989) смог оплачивать строительство инфраструктуры, производимое советскими специалистами, экспортом природного газа в СССР. Тогда общий объем извлекаемого газа в стране составлял 150 млрд куб. м. Для обеспечения экспорта природного газа СССР использовал магистральный газопровод (МГП) Бухара — Южный Урал протяженностью 4500 км (в том числе через две пустыни — Кызылкум и Каракум) с новаторским диаметром трубопровода 1020 мм, с годовой мощностью 8 млрд куб. м., запущенный в 1966 г. изначально для обеспечения природным газом из газового месторождения Газли (Узбекской ССР) городов Южного Урала (Магнитогорск, Челябинск, Свердловск, Нижний Тагил, Орск). Газопровод был достроен через р. Аму-Дарья до границы, был обустроен его воздушный переход. Если в 1968 г. экспорт природного газа из Афганистана в СССР составлял 1,5 млрд куб. м в год, то по мере дальнейшей разработки месторождений объем вырос до 2,5 млрд куб. м в год или 20–25% от общего годового объема экспорта Афганистана. Этот объем позволил СССР заполнить дефицит МГП Бухара — Южный Урал (вызванный изначально завышенной оценкой запасов газового месторождения Газли), а Афганистану получать \$256 млн экспортной выручки в год (по ценам конца 1980-х гг.). Трубопровод был построен до Мазари-Шарифа, второго по величине города Афганистана, где СССР также соорудил завод по производству минеральных удобрений и газовую ТЭЦ мощностью 36 МВт, увеличенную до 50 МВт после модернизации, выполненной в 2017 г. российскими специалистами «Интер РАО».

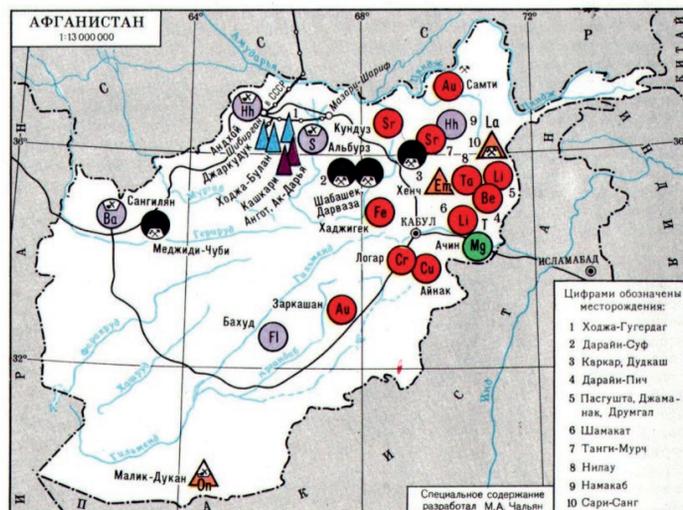

Рис. 1. Полезные ископаемые Афганистана

Источник: https://ya.ru/images/touch/search?img_url=https%3A%2F%2Fcont.ws%2Fuploads%2Fpic%2F2023%2F3%2Fafganistan2.jpg&lr=10717&pos=3&rpt=simage&source=serp&text=Карта%20полезных%20ископаемых%20афганистана

⁷ U. S. Energy Information Administration (EIA). URL: <https://www.eia.gov> (дата обращения: 21.02.24).

Большая роль в энергосистеме Афганистана принадлежит среднеазиатским странам СНГ. Все крупные газовые месторождения Афганистана расположены рядом с границей Узбекистана, который поставляет в страну почти 40% потребляемой электроэнергии. В 2019 г. общий объем потребления электроэнергии в Афганистане составил 5,7 млрд кВтч, из которых собственная выработка — 1,1 млрд импорт — 4,6 млрд. Поставки из Таджикистана составили 1,2 млрд кВтч, Туркмении — 0,7 млрд кВтч, Ирана — 0,7 млрд кВтч (в приграничные районы), Узбекистана — 2,1 млрд кВтч. Примечательно, что до 2008 г. объем поставок электроэнергии в Афганистан составлял всего 300 млн кВтч. Семикратный рост объемов экспорта электроэнергии произошел в 2009 г., когда была введена в эксплуатацию ЛЭП из Сурхандарьинской области Узбекистана до афганского Хайратона.

Национальный импорт электроэнергии возможно осуществлять, поскольку объединенная энергосистема Афганистана синхронизирована с энергосистемами бывших советских республик Средней Азии, то есть и с энергосистемой РФ. Напомним, что Объединенная энергетическая система (ОЭС) советской Средней Азии не успела войти в состав Единой энергетической системы (ЕЭС) СССР, поскольку ее закончили конструировать только в декабре 1990 г. Поэтому в 2017 г. все пять республик Средней Азии подписали договор о восстановлении объединенной энергосистемы с центром в Ташкенте (так как Узбекистан имеет границы со всеми остальными республиками).

Для долгосрочного сотрудничества со странами Средней Азии и РФ имеет большое значение, что две трети неразрабатываемых запасов газа (500 млрд куб. м) и нефти (1,6 млрд барр.) Афганистана, подтвержденных в 2002 г. геологической службой США, расположены вдоль северной границы, то есть вдоль южных рубежей Узбекистана, Таджикистана и Туркмении⁸⁹. Планы Узбекистана по наращиванию экспорта электроэнергии в Афганистан требуют строительства новых электростанций и увеличения импорта газа. Таким образом, новым потенциальным фактором роста афганской экономики могут стать транзитные платежи.

На фоне развивающегося мирового энергетического кризиса задачей номер один для Афганистана является усиление национальной энергетической безопасности с помощью РФ. Совместные российско-афганские инвестиционные проекты направлены на поддержание энергетической безопасности страны. В частности, в 2022-м г. Россию пригласили участвовать в завершении строительства газопровода ТАПИ (Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия), по пропускной способности (33 млрд куб. м) превосходящего «Турецкий поток». Далее в марте 2023 г. было подписано соглашение между РФ, ИРИ, Пакистаном и Афганистаном, включающее:

- добычу полезных ископаемых и модернизацию газопровода в Герате,
- строительство угольной ТЭС,
- возведение станций водоочистки,
- строительство автомагистрали Кабул–Милак,
- модернизацию и развитие угольных месторождений.

Увеличение объемов поставок электроэнергии в Афганистан и Пакистан, реализация проекта ТАПИ и другие инфраструктурные проекты, связанные с поставками энергоресурсов и электроэнергии в Пакистан через территорию Афганистана, будут стимулировать и объемы транзитных платежей в пользу Афганистана, что, в свою очередь, будет способствовать экономическому росту Афганистана, а также реализации энергетических инфраструктурных проектов внутри страны.

В условиях развертывающегося глобального энергетического кризиса фактически независимо от сценариев его развития Афганистан может стать пространством для работы России, Китая

⁸ BP Energy Outlook. 30 January 2023. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook.html> (дата обращения: 27.02.24).

⁹ Organisation of the Petroleum Exporting Countries. URL: <https://opec.org> (дата обращения: 26.02.24).

и Ирана, которые будут пытаться сократить риски в приграничных афганских провинциях на севере и западе страны, возможно, в условиях развития региональной геополитической нестабильности.

Выстраивание независимой от США и ЕС логистики в сердце Центральной Азии

Железной дороги как сети в Афганистане нет, помимо небольших отрезков рядом с бывшей советской границей (с колеей 1520 мм). Исключение составляет железная дорога до Герата (с колеей 1435 мм) протяженностью 225 км, построенная Ираном от иранского города Хаф, рассчитанная на 7 млн т грузов и 1 млн пассажиров в год¹⁰. После того как в Герате будет организована перестановка вагонных тележек с колеи 1520 мм на колею 1435 мм, железная дорога Мазари-Шариф — Герат станет выходом России, Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии на железнодорожную сеть Ирана.

Рис. 2. Схема фактических и планируемых ж/д маршрутов Афганистана

Источник: <https://triptonkosti.ru/3-foto/zheleznaya-doroga-afganistana-karta-85-foto.html>.

В 2010 г. железная дорога от Хайратона была продлена до Мазари-Шарифа силами узбекских специалистов. Общая протяженность железной дороги «Хайратон — Мазари-Шариф» (с колеей 1520 мм), которая соединяет Узбекистан и Афганистан, составляет 75 км. Ее строительство было профинансировано Узбекистаном, для чего Азиатский банк развития выделил \$129 млн долл. Железнодорожная линия, следовательно, была оборудована устройствами сигнализации, телекоммуникаций и электроснабжения в соответствии с техническими стандартами и требованиями, применяемыми в Узбекистане. Линия позволила организовать железнодорожное соединение с наиболее развитыми и густонаселенными районами северных провинций Афганистана, уменьшить затраты на грузовые перевозки между Афганистаном и другими странами региона. Напомним, что совокупная протяженность всех отрезков железной дороги в Афганистане ненамного превышает 200 км, построенных в том числе за счет иранских инвестиций, а теперь и узбекских. Таким образом, с Афганистаном соединены все пять среднеазиатских республик, а российская железная дорога на юге теперь доходит до Мазари-Шарифа.

В ноябре 2021 г. руководители железнодорожных компаний Узбекистана и Афганистана договорились о ремонте участка железной дороги «Хайратон — Наибабад — Мазари-Шариф»,

¹⁰ Марцинкевич Б. Афганские перспективы, 16.09.2021. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/afganskie_perspektivi?ysclid=lw7xjdk29v716479355 (дата обращения: 30.04.2024).

и в феврале 2022 г. Узбекистан приступил к реконструкции и ремонту железнодорожной линии «Хайратон — Мазари-Шариф», являющейся также звеном китайского мегапроекта «Один пояс — Один путь». По договоренности между АО «Узбекистон темир йуллари» и железнодорожным управлением «Талибана» на первом этапе планируется завершить участок до станции Наибабат и восстановить движение по нему грузовых поездов. На этом этапе планируется доставить грузовые вагоны на станцию Наибабат. Для этого будут проведены комплексные восстановительные работы в парке «Б» станции Хайратон и на 57-м км линии. Работы проводят 120 узбекских специалистов. По заверениям афганской стороны, глава «Узбекистон темир йуллари» Зуфар Нарзуллаев обещал провести ремонт с предоставлением «скидки в 50%»¹¹.

Таким образом, несмотря на давление на международные организации с американской стороны и заморозку активов Афганистана в США, Узбекистан помогает стране развиваться, а КНР предоставляет финансирование. Напомним, что по оценке ЕАБР объемы накопленных взаимных инвестиций между КНР и 12 странами Евразийского региона, включая Узбекистан, Армению, Азербайджан, Беларусь, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Молдову, РФ, Таджикистан, Туркменистан, Украину и Узбекистан, за последние 7 лет увеличились на 25% и сохраняют устойчивые темпы роста. К концу первого полугодия 2023 г. объем накопленных взаимных инвестиций практически достиг \$80 млрд. В обрабатывающей промышленности накопленный объем китайских инвестиций в страны Евразийского региона составляет более \$12 млрд где доля Узбекистана составила 7%¹².

Продолжается развитие мультимодальных маршрутов «Кабульский коридор» (Узбекистан — Афганистан — Пакистан) и «Китай — Кыргызстан — Узбекистан». Оба маршрута работают в смешанном автодорожно-железнодорожном формате и в дальнейшем будут связаны с международным транспортным коридором «Север—Юг». Проект строительства железной дороги «Кабульский коридор» (так называемый «вертикальный проект») по маршруту Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар протяженностью около 600 км с колеей 1520 мм и предварительной сметой в \$4,8 млрд был утвержден 8 февраля 2021 г. Предполагаемый срок строительства составляет около пяти лет, планируемый грузооборот — 20 млн т в год.

Помимо России и Узбекистана, попытки логистической интеграции с Афганистаном предпринимают и другие страны. В июне 2012 г. Афганистан получил статус страны-наблюдателя Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), постоянными членами которой являются РФ, КНР, Индия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, ИРИ, Пакистан, Белоруссия, странами-наблюдателями — Афганистан и Монголия. В 2023 г. между Пакистаном и Афганистаном был подписан Протокол о строительстве Трансафганской железнодорожной магистрали для соединения железнодорожной сети Узбекистана с железной дорогой Пакистана. Также в прошлом году Беларусь подписала МОВ по созданию и развитию МТК Беларусь — Россия — Казахстан — Узбекистан — Афганистан — Пакистан.

На данный момент «Кабульский коридор» является наиболее проработанным железнодорожным проектом из всех существующих. Если он будет реализован первым, то колея 1520 мм станет стандартом для Афганистана¹³. На пересечении железных дорог в Мазари-Шарифе паки-

¹¹ Узбекистан и Афганистан приступили к восстановлению железной дороги «Хайратон — Мазари-Шариф», 22.02.24. Asia Plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20240222/uzbekistan-i-afganistan-pristupili-k-vosstanovleniyu-zheleznoi-dorogi-hairaton-mazari-sharif?ysclid=lw7xcf6o90285220689> (дата обращения: 02.05.2024).

¹² Винокуров Е. Помощь Центральной Азии стать транспортным узлом, 26.10.2023. Евразийский банк развития. URL: <https://eabr.org/analytics/research-articles/kolonka-glavnogo-ekonomista-eabr-evgeniya-vinokurova-v-glavnoy-ekonomicheskoy-gazete-kitaya-tszintz/> (дата обращения: 28.04.2024).

¹³ Марцинкевич Б. Стальные скрепы для Афганистана, или Другая геополитика, 04.11.2023. Канал Точка Сборки. URL: https://www.youtube.com/watch?v=U3R_NM_9uIY (дата обращения: 01.05.2024).

станские грузы смогут уходить в КНР, ИРИ, грузы из КНР и Ирана пойдут на юг, а грузы из РФ и Европы смогут уйти на восток, запад и юг через Мазари-Шариф. Это позволит Евразии выстроить геополитику совершенно нового уровня и качества, без участия ЕС и США. «Кабульский коридор» даст возможность России, Китаю, Южной и Центральной Азии наладить систему железнодорожных перевозок без вмешательства США, Британии, ЕС.

Что касается автомобильных дорог, то в конце января 2024 г. Афганистан официально объявил о завершении строительства дороги Вахан в провинции Бадахшан к границе с Китаем на севере страны за пять месяцев. Хотя речь идет об узком пограничном 15-километровом дорожном горлышке между Афганистаном и Китаем, Ваханский коридор — также фрагмент Великого шелкового пути, расположенный на территории длиной около 295 км и шириной от 15 до 57 км в долинах рек Памир, Вахан и Пяндж. Когда в 1963 г. официально оформляли китайско-афганскую границу, на ней не было заложено ни одного пропускного пункта, хотя это был прямой выход Афганистана и КНР друг к другу. По договору между Китаем и Афганистаном от 1964 г. отмечена линия разграничения и семь перевалов высотой более 4800 м от китайской территории в Ваханский коридор. Пакистан также закрыл пять основных пунктов пропуска с Афганистаном, что наносит серьезный ущерб торговле и экономике стране, не имеющей выходов к морю, а это вынуждает Афганистан выстраивать торговые наземные коммуникации к морю через Иран. Напомним, что рост влияния КНР в регионе через проект «Китайско-пакистанский экономический коридор» вызывает негативную реакцию США, хотя китайская Народная вооруженная полиция (аналог Нацгвардии) с 2012 г. действует в граничащем с Таджикистаном, Китаем и Пакистаном Ваханском коридоре на афганской территории. Далее в 2017 г. Китай выделил более \$90 млн на проекты развития в северо-восточной провинции Бадахшан, где пролегает Ваханский коридор. Таким образом, в 2024 г. впервые в новейшей истории появилась дорога, соединяющая две соседние страны, что станет существенным стимулом для экономического развития как Афганистана, так и всего региона.

Информационно-коммуникационные технологии — основа национального технологического суверенитета

Афганистан — одна из беднейших стран мира, где непрерывные военные столкновения на протяжении свыше двадцати лет — с 1979 г. до конца XX в. уничтожили большую часть инфраструктуры страны, вынудили многих граждан покинуть родину, привели к деградации национального кадрового и технологического потенциала. Крах режима талибов в 2001 г. привел к появлению нового правительства в Кабуле, благодаря чему Афганистан отчасти открылся миру. Однако в ряде провинций страны военные конфликты продолжались вплоть до вывода американских войск, что вынуждало афганское правительство сохранять зависимость от поддержки внешних вооруженных сил.

Экономика страны до сих пор находится в переходной стадии от военного режима к мирной жизни. В 2001 г. в Афганистане было всего 20000 оперативных телефонов, большинство из которых находились в Кабуле; не было международной связи (многим афганцам приходилось пересекать границу, чтобы совершить международный телефонный звонок). Бывшее Министерство связи объединило политические, регулирующие и операционные функции, и сейчас Министерство связи и информационных технологий Исламской Республики Афганистан отвечает за формирование политики и реализацию национальной политики в сфере ИКТ. Помимо этого, в результате принятия в 2005 г. Закона о регулировании услуг (Закон о связи) в 2006 г. было сформировано Управление по регулированию электросвязи Афганистана (АТРА), выполняющее функции Совета

по регулированию сектора электросвязи в Афганистане с независимой организационной структурой и отдельным бюджетом. АТРА выдает лицензии операторам связи, регламентирует их деятельность, регулирует сектор электросвязи, управляет Фондом универсальных услуг связи (Фонд развития электросвязи) в соответствии с международными стандартами нормативно-правовой среды для обеспечения услугами ИКТ по доступным ценам, способствует развитию образования и социальной сферы. Минсвязи инициировало развитие проекта «Оптоволоконное исследование Ваханского коридора», первого этапа плана по установке трансграничной оптоволоконной линии, соединяющей Афганистан с Китаем.

За разработку, продвижение и реализацию национальной политики по развитию ИТ-индустрии отвечает Министерство науки и технологий Исламской республики Афганистан (MST).

После многолетних войн и гражданских беспорядков сектор телекоммуникаций восстанавливался практически с нуля¹⁴. В настоящее время телекоммуникационные сети охватывают более 90% населения, страна поэтапно подключается к глобальным информационным сетям на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии. Несмотря на сложные экономические, социальные, географические условия и проблемы региональной безопасности, в Афганистане существует конкурентный рынок мобильной связи с относительно высоким уровнем покрытия. Хотя государством предпринимаются усилия по развертыванию услуг фиксированной связи, телекоммуникационные услуги в стране в значительной степени зависят от наличия мобильной инфраструктуры. Проникновение на рынке фиксированного широкополосного доступа за последние пять лет существенно не увеличилось, общее ШПД проникновение останется крайне низким, но наблюдается устойчивый рост подключений¹⁵. Общий объем частных инвестиций в сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с 2001 г. превысил \$2 млрд.

Рынок мобильной связи Афганистана характеризуется высокой степенью конкурентности. Работают шесть операторов. Умеренный рост рынка продолжается, несмотря на имеющиеся место столкновения в стране. Главным фактором роста мобильной связи является отсутствие эффективных альтернатив фиксированной связи. Первым оператором мобильной связи стала созданная в 2002 г. Афганская компания беспроводной связи. Вторым оператор, Roshan, был запущен в 2003 г. В 2006 г. на рынок вышел третий оператор, Areeba (впоследствии купленный южноафриканской MTN и переименованный в MTN Афганистан). Etisalat Афганистан стал четвертым оператором мобильной связи в стране в 2007 г. Афганский телекоммуникационный оператор (Афган Телеком, AFGTEL), действующий государственный оператор фиксированной связи, получил лицензию на мобильную связь в 2014 г. и запустил свои мобильные услуги под брендом Salaam. На фоне усилившейся конкуренции наиболее сильный прирост абонентов мобильной связи в Афганистане произошел с 2012 по 2018 г., в результате чего к 2019 г. свыше 90% афганских домохозяйств обладали мобильными телефонами. В марте 2012 г. была запущена мобильная широкополосная связь 3G. Пилотные услуги LTE были запущены операторами мобильной связи в 2017 г., общий объем инвестиций составил \$2,4 млрд¹⁶. С 2013 г. в стране отмечается динамичный прирост абонентов мобильной широкополосной связи, однако рост идет с низкой базы, и проникновение остается небольшим по сравнению с другими азиатскими странами.

---

¹⁴ From Transition to Transformation: The Role of the ICT Sector in Afghanistan. May 2013. The World Bank. URL: https://www.infodev.org/infodev-files/final_afghanistan_ict_role_web.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁵ Afghanistan-Telecoms, Mobile and Broadband — Statistics and Analyses. 20 April 2020. Paul Budde Communication Pty Ltd. URL: <https://www.marketresearch.com/Paul-Budde-Communication-Pty-Ltd-v1533/Afghanistan-Telecoms-Mobile-Broadband-Statistics-13202555/> (дата обращения: 27.04.2024).

¹⁶ Afghanistan Telecommunications 2019. 23 July 2019. BMI Research. URL: <https://www.marketresearch.com/Business-Monitor-International-v304/Afghanistan-Telecommunications-12550553/> (дата обращения: 02.05.2024).

Что касается ситуации с фиксированной связью, то количество стационарных телефонов в стране ограничено, большая часть инвестиций, особенно в сельских районах, вкладывается в фиксированный беспроводной стандарт CDMA. Основным провайдером фиксированной связи является Афган Телеком, учрежденный в соответствии с указом президента в 2005 г.¹⁷ Также функционирует Wasel Telecom, в 2006 г. запустивший беспроводную фиксированную связь в ряде северных провинций, в 2014 г. получивший национальную лицензию. Количество абонентов фиксированной широкополосной связи в Афганистане невелико из-за ограниченного предложения и высокой стоимости услуг, сравнимых с тарифами в ряде островных государств (Соломоновы Острова, Тимор-Лешти, Вануату), где цены на фиксированную широкополосную связь недоступны для большинства населения, в результате чего пользователи выбирают более доступный мобильный широкополосный доступ для подключения к интернету. В городских районах развиваются ADSL и фиксированная беспроводная широкополосная связь, предоставляемая также Афган Телекомом. Последней в 2008 г. была запущена сеть VCN, востребованная у МСП, инвестировавших \$2000 за установку терминала и продажу голосовой телефонии в сельской местности; доступ к VCN получили свыше 1 млн пользователей. Два оператора предоставляют услуги WiMAX, 62 национальных и местных интернет-провайдера предоставляют услуги интернета в стране, в результате чего интернет-проникновение в Афганистане выросло с 1,1% в 2006 г. до 18,8% в 2020 г.¹⁸ Строительство национальной волоконно-оптической сети передачи было начато в 2007 г. у государственным Афган Телекомом, первым оператором, которому было дано разрешение владеть и продавать доступ к магистрали оптоволоконного кабеля, в результате была развернута сеть протяженностью 4700 км с семью точками международного соединения с соседними странами. В соответствии с политикой открытого доступа в 2016 г. монополия на волоконно-оптическую систему передачи (ВОСП) была устранена, и четырем другим операторам были выданы разрешения развернуть свою собственную ВОСП в стране.

Отсутствие в Афганистане развитой инфраструктуры, нестабильность в политической и экономических сферах, затруднительный доступ к финансированию, высокие налоги препятствуют развитию ИТ-стартапов, малого и среднего бизнеса, несмотря на поддержку со стороны государства и международных организаций (многие из которых финансировались на американские средства до 2021 г.). Были созданы инкубаторы, поддерживающие развитие ИТ-стартапов (Ibtikaar, Valley2, grind3), а также организации (Asra4), предлагающие онлайн торговые площадки для делового сообщества (B2B online market places). Компании с ограниченным капиталом и финансированием не могут участвовать в торгах по госконтрактам вследствие высокой стоимости участия в них (20% налог на выигравшие заявки на государственные контракты часто делает невыгодным участие в потенциальном проекте).

Существует огромная нехватка квалифицированного персонала: международные компании, действовавшие в Афганистане, готовы были платить \$5000–10000 квалифицированному ИТ-специалисту, что было непосильно для небольших местных частных компаний и стартапов и делало их неконкурентоспособными, приводило к неплатежеспособности, закрытию. Зарплата в местных компаниях составляет от \$100 до \$500 в месяц младшим ИТ-специалистам, \$500–1000 старшим ИТ-экспертам. Опытные ИТ-специалисты с более высокими зарплатными ожиданиями предпочитают не работать на эти небольшие частные компании, поскольку последние не могут себе позволить

---

¹⁷ IT Industry Development Policy For Afghanistan (Draft) 2015–2020. Ministry of Communications and IT. Government of the Islamic Republic of Afghanistan. URL: <https://mcit.gov.af/sites/default/files/2018-12/IT%20Industry%20Development%20Policy-Draft%202015-2020.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).

¹⁸ Internet World Stats. Usage and Population Statistics. URL: <https://www.internetworldstats.com> (дата обращения: 04.05.2024).

нанять их. Так как шансы на карьеру и зарплату по-прежнему ограничены, афганский ИТ-сектор также страдает от последствий утечки мозгов. Квалифицированные специалисты покидают Афганистан, когда им выпадает такая возможность. Недостаток опытных ИТ-специалистов сказывается на качестве предоставляемых ИТ-услуг. Повышение уровня сотрудничества образовательных учреждений и ИТ-компаний могло бы стать взаимовыгодным для сторон.

Практически ни одна компания в Афганистане не использует лицензионное программное обеспечение, что подразумевает риски безопасности для всей инфраструктуры, сети ИТ-компаний, клиентов. Использование пиратского программного обеспечения является обычной практикой для всех компаний по причине высокой стоимости лицензии на ПО. Пиратские копии международного ПО доступны на рынках крупных городов. Например, пиратская копия Microsoft Office Suite стоит около \$2–5 на рынках Кабула¹⁹. Распространение ПО на базе open source может быть решением многих проблем, связанных с пиратским и устаревшим ПО. Переход на лицензированное ПО осуществляется очень медленно, зачастую отсутствуют и базовые стандарты безопасности. Отсутствие инфраструктуры, соответствующего персонала, лицензионного безопасного и современного ПО, финансирования объясняют технологическое отставание афганской ИТ-сферы.

Инфраструктура страны в настоящее время не может поддерживать высокотехнологичные IVAS (интернет-услуги с добавочной стоимостью), мультимедийные интерфейсы, которым требуется хорошая скорость и высокая пропускная способность сети. Точками роста ИТ могут стать онлайн-платежи, рост электронной торговли, разработка мобильных приложений для социальных сетей. В Афганистане организована местная мобильная социальная сеть Paywast с более 0,3 млн пользователями²⁰.

Неспокойная обстановка в стране (гибель специалистов при строительстве национальной волоконно-оптической линии, отключение мобильных сетей в ночное время с целью защиты базовых станций от грабителей), проблемы с базовой инфраструктурой (включая отсутствие электричества в сельских районах) и низкое качество образования, существенные различия в доходах и грамотности среди населения, консервативные социальные нормы, влияющие на использование современных коммуникаций и ограниченные возможности трудоустройства (особенно для женщин) создают проблемы для развития сектора ИКТ и социально-экономического развития. Политические и регуляторные инициативы, снижение налогов могут способствовать решению ряда проблем сектора ИКТ.

При поддержке Всемирного банка и USAID в конце 2010-х гг. правительство начало реализацию ряда программ по расширению услуг электронного и мобильного правительства для граждан. Частные компании начали предлагать информационные и медицинские информационные услуги с использованием мобильных сетей и устройств, услуги денежных переводов, онлайн оплату счетов, появляются инновационные предприятия, использующие ИКТ. В стране было создано около 100 000 прямых и косвенных рабочих мест в секторе ИКТ и связанных с ним видов деятельности²¹. Эти показатели указывают потенциал восстановления экономики с помощью ИКТ инфраструктуры и в наши дни.

---

¹⁹ Information Technology Market Study for Afghanistan. IT Competence center for Afghanistan. URL: http://www.itcc-afghanistan.org/itcc_papers/IT%20market%20Study%202018_ITCC.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

²⁰ Measuring the Information Society Report 2018. Volume 1, 2. International Telecommunication Union. URL: www.itu.int (дата обращения: 01.02.2022).

²¹ Afghan youth-driven IT sector has e-commerce potential. 1 April 2019. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2036> (дата обращения: 27.04.2024).

Вывод

Усиливающиеся геополитические противоречия между Глобальным Югом и Глобальным Севером, стремление к миропорядку, основанному на переходе к многополярности, возглавляемому российско-китайским сотрудничеством, увеличивают значение Афганистана как важного экономического и стратегического партнера в Азии. РФ, КНР, ИРИ, Индия, Узбекистан, Пакистан, Таджикистан, Туркмения — ключевые бенефициары геополитической стабильности в Афганистане, расположенном в средоточии Центральной Азии. Исторически через Афганистан проходил кратчайший путь из южной Евразии в северную, из восточной — в западную. Поэтому страна на протяжении многих лет была ареной противостояния России, Ирана, Британии, США. Последним двум сохранение разобщенности, нестабильности в стране дает возможность бесплатного (или дешевого) доступа к национальным ресурсам страны, а разжигание региональных конфликтов англосаксами смогло бы гарантировать, что Афганистан еще долго не войдет в число платежеспособных рынков и останется на периферии международного экономического сотрудничества.

Литература / References

Электронные ресурсы/ Electronic resources

“Афганский изюм” или как торгует Афганистан с внешним миром? 11 июня 2019 г. ASIA-Plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190611/afganskii-izyum-ili-kak-torguet-afganistan-s-vneshnim-mirom> (дата обращения: 26.04.2024).

Винокуров Е. Помощь Центральной Азии стать транспортным узлом, 26.10.2023. Евразийский банк развития. URL: <https://eabr.org/analytics/research-articles/kolonka-glavnogo-ekonomista-eabr-evgeniya-vinokurova-v-glavnoy-ekonomicheskoy-gazete-kitaya-tszintz/> (дата обращения: 28.04.2024).

Егорова А. Выход США из Афганистана: последствия и перспективы. 13 сентября 2019 г. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2718583.html> (дата обращения: 07.05.2024).

Марцинкевич Б. Афганские перспективы, 16.09.2021. Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/afganskie_perspektivi?ysclid=lw7xjdk29v716479355 (дата обращения: 30.04.2024).

Марцинкевич Б. Стальные скрепы для Афганистана, или Другая геополитика, 04.11.2023. Канал Точка Сборки. URL: https://www.youtube.com/watch?v=U3R_НМ_9uIY (дата обращения: 01.05.2024).

Узбекистан и Афганистан приступили к восстановлению железной дороги «Хайратон — Мазари-Шариф», 22.02.24. Asia Plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20240222/uzbekistan-i-afganistan-pristupili-k-vosstanovleniyu-zheleznoi-dorogi-hairaton-mazari-sharif?ysclid=lw7xcf6o90285220689> (дата обращения: 02.05.2024).

Afghanistan — Telecoms, Mobile and Broadband — Statistics and Analyses. 20 April 2020. Paul Budde Communication Pty Ltd. URL: <https://www.marketresearch.com/Paul-Budde-Communication-Pty-Ltd-v1533/Afghanistan-Telecoms-Mobile-Broadband-Statistics-13202555/> (дата обращения: 27.04.2024).

Afghan youth-driven IT sector has e-commerce potential. 1 April 2019. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2036> (дата обращения: 27.04.2024).

Afghanistan Telecommunications 2019. 23 July 2019. BMI Research. URL: <https://www.market-research.com/Business-Monitor-International-v304/Afghanistan-Telecommunications-12550553/> (дата обращения: 02.05.2024).

BP Energy Outlook. 30 January 2023. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook.html> (дата обращения: 27.02.24).

European Union. Trade in goods in Afghanistan. European Commission. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_af_en.pdf (дата обращения: 24.02.24).

From Transition to Transformation: The Role of the ICT Sector in Afghanistan. May 2013. The World Bank. https://www.infodev.org/infodev-files/final_afghanistan_ict_role_web.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

Information Technology Market Study for Afghanistan. IT Competence center for Afghanistan. URL: http://www.itcc-afghanistan.org/itcc_papers/IT%20market%20Study%202018_ITCC.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

International Energy Agency (Международное Энергетическое Агентство). URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 25.02.2024).

Internet World Stats. Usage and Population Statistics. URL: <https://www.internetworldstats.com> (дата обращения: 04.05.2024).

IT Industry Development Policy For Afghanistan (Draft) 2015–2020. Ministry of Communications and IT. Government of the Islamic Republic of Afghanistan. URL: <https://mcit.gov.af/sites/default/files/2018-12/IT%20Industry%20Development%20Policy-Draft%202015-2020.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).

Measuring the Information Society Report 2018. Volume 1, 2. International Telecommunication Union. URL: www.itu.int (дата обращения: 01.02.2022).

Organisation of the Petroleum Exporting Countries. <https://opec.org> (дата обращения: 26.02.2024).

Statistical Review of World Energy, 70th edition, 2021. URL: bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf (дата обращения: 22.02.2024).

U. S. Energy Information Administration (EIA). URL: <https://www.eia.gov> (дата обращения: 21.02.2024).

АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА «ТАЛИБАНА». ПОЗИЦИЯ ПАКИСТАНА, США, РОССИИ И СТРАН РЕГИОНА ПО АФГАНИСТАНУ

© 2024

С. Пойя¹

Статья состоит из трех частей. В первой рассматриваются взаимосвязи внешней и внутренней политики «Талибана»* за 2,5 года пребывания его у власти, а также отношения между двумя центрами власти — Кандагаром и Кабулом, возможные сценарии развития ситуации в стране в ближайшей перспективе. Во второй анализируются афгано-пакистанские отношения, так как они всегда имели и имеют большое значение для стран региона, особенно на современном этапе. В третьей части делается акцент на геополитические игры США в афганском направлении, а также политику Китая, Ирана и стран региона. Более подробно анализируется позиция России на афганском направлении и целесообразность разработки новой концепции России по Афганистану в условиях меняющегося вектора отношений с Западом на Восток. Цели и задачи всех заинтересованных стран разные, но факт остается фактом: ни одна страна не относится к «Талибану» как к временной власти в Афганистане, т.к. альтернативы ей в стране в обозримом будущем не предвидится. Прекрасно понимая реальность сложившейся ситуации, государства региона постепенно устраивают свои отношения с Афганистаном на основе стратегической концепции.

Неопределенность во внешней политике правительства «Талибана» относительно стран региона и на международной арене в целом не дает ясности, пытается ли «Талибан» сохранить нейтралитет Афганистана в соперничестве между Соединенными Штатами, Россией и Китаем.

Ключевые слова: «Талибан», Афганистан, Пакистан, США, Россия, Китай, Иран, Центральная Азия

Для цитирования: Пойя С. Анализ внешней политики правительства «Талибана». Позиция Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 333–341. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-333-341

ANALYSIS OF THE FOREIGN POLICY OF THE TALIBAN GOVERNMENT. POSITION OF PAKISTAN, USA, RUSSIA AND COUNTRIES OF THE REGION ON AFGHANISTAN

Sameulla Poya

The article consists of three parts. In the first part: the author examines the relationship between the foreign and domestic policies of the Taliban during its 2.5 years in power, as well as the relationship between the two

---

¹ Пойя Самеулла, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; sameullah.poya@mail.ru

Poya Sameulla, PhD (Hist.), Senior Researcher Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; sameullah.poya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8259-1216

* организация запрещена в России

centers of power - Kandahar and Kabul, and possible scenarios for the development of the situation in the country in the near future. The second part examines Afghan-Pakistani relations, since these relations have always been and are of great importance for the countries of the region, especially at the present stage. The third part focuses on the geopolitical games of the United States in the Afghan direction, as well as the policies of China, Iran and the countries of the region. The position of Russia in the Afghan direction and the feasibility of developing a new Russian concept for Afghanistan in the conditions of a changing vector of relations from West to East are analyzed in more detail. The goals and objectives of all interested countries are different, but the fact remains that no country treats the Taliban as a temporary power in Afghanistan, because there is no alternative to it in the country in the foreseeable future. Understanding perfectly the reality of the current situation in this country, the states of the region are gradually organizing their relations with Afghanistan on the basis of a strategic concept.

Uncertainty in the Taliban government's foreign policy toward countries in the region and in the broader international arena makes it unclear whether the Taliban is trying to maintain Afghanistan's neutrality in the competition between the United States, Russia, and China.

Keywords: Taliban, Afghanistan, Pakistan, USA, Russia, China, Iran, Central Asia

For citation: Poya S. Analysis of the Foreign Policy of the Taliban Government. Position of Pakistan, USA, Russia and Countries of the Region on Afghanistan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 333–341. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-333-341

За прошедшие два с половиной года правления «Талибана» особых изменений ни в состоянии режима, ни в позиции международного сообщества не произошло. Что касается внешней политики «Талибана», то, несмотря на большие усилия, предпринимаемые и. о. министра иностранных дел Амир-хан Муттаки, они не могут иметь особых успехов, пока не произойдут изменения во внутреннем состоянии режима.

Внешняя политика правительства «Талибана» зависит от множества факторов. Прежде всего — от сложных внутренних политических процессов, которые еще находятся в турбулентном состоянии. По-прежнему Кандагар сосредоточил все процессы принятия решений в руках нескольких человек (Хайбатуллы Ахундады и его ближайшего окружения), т. н. «Совета Кандагара» (Шурай Кандагар). По-прежнему страна живет не по закону, а по понятиям, основанным на букве и законах Шариата. Пока ситуация не претерпела никаких изменений. Однако за 20 лет изменился состав движения. Вероятно, этим можно объяснить некоторое смягчение и изменения в запретительной политике [Нессар, 2023, с. 45].

По-прежнему исполнительная власть в Кабуле, имеющая более близкие контакты с народом, а также с мировым сообществом, не может ответить ни на требования афганского общества, ни на призывы мирового сообщества, в частности — об отмене указа, запрещающего образование девочек и трудоустройство женщин, и другие спорные директивы.

Тем не менее сегодня временное правительство «Талибан» в Кабуле ищет себе место в системах региональных и международных отношений, однако Кандагар бескомпромиссно стоит на своих нравственных и моральных позициях и ни на шаг не отходит от них.

Парадоксально: с одной стороны, исполнительная власть «Талибан» в Кабуле желает международного признания своего временного правительства как «Исламского Эмирата Афганистана», с другой стороны, за эти годы не смогла сделать должные шаги для образования легитимного государства. Де-факто многие страны мира признают «Талибан» как реально имеющий власть над всей территорией страны, а де-юре государство, не имеющее конституции, соответствующих законодательных, или другими словами, правотворческих, исполнительных, судебных и контрольно-надзорных институтов, а также принимающее решения, не отвечающие требованиям

международных конвенций, по меньшей мере не сможет претендовать на признание со стороны мирового сообщества. По словам Кабулова, заявленным в преддверии Московского формата в Казани в мае этого года, «Талибан» еще должен «заслужить» признание России².

Следовательно, «Талибан» не заслуживает признания всего мирового сообщества не потому, что не готов к созданию этнополитического инклюзивного правительства, на чем настаивают Россия и страны региона, а потому, что не готов к созданию легитимного государства.

Еще один немаловажный момент: «Талибан» по-прежнему находится в черном списке СБ ООН. До сих пор непонятно, почему «Талибан» не предпринимает никаких дипломатических шагов для исключения своего движения из этого списка, хотя имеет все основания для обращения в СБ ООН по этому очень важному вопросу. Что касается снятия с движения талибов статуса террористической организации в РФ, по сообщению ТАСС от 1 апреля 2024 г., этот вопрос прорабатывается МИД России, Минюстом России и другими российскими профильными ведомствами. Окончательное решение примет высшее политическое руководство страны³.

Стоит отметить, что уже 2,5 года правительство «Талибан» не только не занимается террористической деятельностью, но и утверждает, что активно и успешно борется с терроризмом на территории Афганистана, в частности с «ИГ-Хорасаном»*.

17 февраля в Бишкеке в рамках формата «Центральная Азия–ЕС», посвященного Афганистану, состоялась конференция высокопоставленных силовиков из стран региона. В ней участвовали коллеги практически из всех стран региона — России, КНР, Индии, Ирана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, в очередной раз без участия в ней представителей Кабула обсуждали афганскую проблему. По словам секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева, «самая активная и опасная» группировка в Афганистане — это «Исламское государство». Патрушев добавил, что «для противостояния угрозам с территории Афганистана необходимо заблаговременное принятие мер противодействия экспорту нестабильности в регионе и нужны коллективные усилия по охране границ в рамках ОДКБ и ШОС, а также обмен информацией о террористах»⁴.

«Талибан» заявляет, что готов делиться своими разведанными со странами региона. Но его призывы пока ни одна страна не принимает всерьез.

Неменяющаяся позиция внешних игроков не дает возможности прогнозировать дальнейшее развитие отношений Афганистана с внешним миром. Существенно, чтобы от него не исходила угроза безопасности соседям, как близким, так и дальним, в том числе России. Причем угроза эта двоякая — террористическая и наркотическая [Белокрыцкий, 2023, с. 45].

Теперь стоит вопрос, как в такой ситуации исполнительная власть в Кабуле способна взаимодействовать с региональным и мировым сообществом?

В первую очередь, что касается отношений Афганистана с главным соседом — Пакистаном.

Еще год назад многие эксперты сходились во мнении о том, что Исламабад намерен иметь исключительный контроль над картой талибов и быть незаменимым партнером.

Политический вектор отношений Пакистана с Афганистаном резко изменился сразу после смещения с поста начальника военной разведки Пакистана генерала Файза Хамида и переворота в августе 2022 г., сменившего законно избранного премьер-министра Имран-хана, а также

² Кабулов: Россия в будущем может признать «Талибан». 28.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6239470> (дата обращения: 24.03.2024).

³ ТАСС: МИД РФ заявил о проработке снятия с «Талибана» статуса террористической организации 01.04.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20412217> (дата обращения: 05.04.2024).

* запрещенная в России террористическая организация.

⁴ Афганистан и его отношения с миром. 17.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6522867> (дата обращения 28.03.2024).

и последующей отставки начальника штаба сухопутных войск Пакистана генерала Камара Джабеда Баджва.

Новые власти Пакистана сразу заняли жесткую позицию. Премьер-министр Шахбаз Шариф заявил, что ТТП получает в Афганистане убежище, перегруппировывается, вооружается, а потом устраивает в Пакистане теракты⁵.

Глава МИД Пакистана Билавал Бхутто Зардари заявил, что если афганские власти не нейтрализуют угрозу, то по международному праву это сделают пакистанские власти в рамках самообороны. Он заверил, что военная операция не станет единственной мерой, к которой они прибегнут. Пакистан готов помочь талибам, если они захотят исполнить свои обязательства, но если не захотят, то разговор пойдет совсем по-другому⁶.

Афгано-пакистанские отношения обострились особенно после прихода к власти временного правительства Анвар-уль-Хака Какара. Стороны обвиняют друг друга во вмешательстве во внутренние дела. Пакистан обвиняет «Талибан» в поддержке ТТП и делает жесткие заявления, а афганская сторона обвиняет Пакистан в поддержке ИГИЛ в Афганистане. У них есть серьезные противоречия. «Талибан» очень беспокоится о планах Пакистана, поскольку хорошо знает, на что способен Пакистан.

Для выхода из политического кризиса обе стороны включили своих политических тяжеловесов в сглаживание возникшей ситуации. 3 января 2024 г. по приглашению «Талибан» в афганскую столицу прибыла делегация пакистанских улемов во главе с т. н. духовным лидером «Талибана» и лидером партии «Джамиат уламаи-Ислам» Фазль ар-Рахманом. Говорят, что его сопровождал мавлови Идрис, который является директором медресе Сами уль-Хака, где учились многие руководители «Талибана».

По словам Фазль ар-Рахмана, готовясь к визиту в Афганистан, он переговорил со всеми официальными лицами Пакистана, которые детально изложили свои требования в отношении талибов. Особое внимание уделяется проблеме «Техрик-и Талибан Пакистан»⁷.

В начале этого года губернатор провинции Кандагар мулла Ширин Ахунд (мулла Мохаммад Али Ханафи) посетил Пакистан, чтобы разрешить озабоченность Пакистана⁸. Он является одним из основателей и ключевой фигурой Движения Талибана. Формально он занимает пост губернатора Кандагара, а фактически — один из ближайший соратников муллы Хибатулла Ахундзады. Ранее он был заместителем министра обороны, возглавлял военную разведку, в последующем сместил муллу Юсуфа Вафа с поста губернатора Кандагара. Почему он возглавил делегацию? По всей видимости, Кандагар не хотел, чтобы клан Хаккани возглавлял переговоры с Пакистаном, и решил послать своего человека.

В Исламабаде в рамках 6-го заседания двустороннего координационного комитета мулла Ширин встретился с врио главы пакистанского МИДа Аббасом Джилани⁹. Следует отметить, что

⁵ Пакистан призывает афганский «Талибан» не допускать пересечения боевиками границы. The Independent. 01.08.2023. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.46e95700-660e5b35-2095af21-74722d776562/https://www.independent.co.uk/news/ap-afghanistan-islamabad-peshawar-shehbaz-sharif-b2385883.html?__ya_mt_enable_static_translations=1 (дата обращения: 23.08.2024).

⁶ Действуйте против террористов, или мы это сделаем, Пакистан говорит Афганистану. 02.08.2023. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.08e8d153-660e5f62-ddc6d906-74722d776562/https://www.geo.tv/latest/502776-act-against-terrorists-or-we-will-pakistan-tells-afghanistan?__ya_mt_enable_static_translations=1 (дата обращения: 24.08.2023).

⁷ Can Pakistan's Maulana Fazlur Rehman Mend Ties With the Taliban? The Diplomat, 10.01.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/01/can-pakistans-maulana-fazlur-rehman-mend-ties-with-the-taliban/> (дата обращения: 24.01.2024).

⁸ Афганистан изнутри, 31.12.2023. URL: https://t.me/afghanistan_ru/8244 (дата обращения: 24.02.2024).

⁹ Там же.

Джилани одновременно занимал и пост главы департамента стратегической разведки Минобороны Пакистана. Мулла Ширин провел переговоры и со спецслужбами по вопросу разрешения тупиковой ситуации с «Техрик-и Талибан Пакистан»¹⁰.

У талибов с Пакистаном есть разные отношения. Следует обратить внимание на то, что многие в руководстве «Талибана» считают себя обязанными ТГП. Если вспомнить последнее интервью и. о. министра по делам беженцев «Талибана» Халилуллы Хакани «Шамшад-ТВ», он не скрывает своего гнева по отношению к пакистанским властям. Группа Хаккани еще не забыла, что Насруддин Хакани, отвечающий за финансирование «Талибана», был убит в ноябре 2013 г. в Пакистане и похоронен в Мираншах вблизи линии Дюранда.

Халилулла Хакани заявлял, что обязан пакистанским талибам своей свободой. По его словам, он провел в пакистанской тюрьме 4 года, а освобожден благодаря основателю и главе «Техрик-и Талибан Пакистан» Байтулле Мехсуду, который включил ряд афганских талибов в список на обмен пакистанских военных. По его словам, менялись 30 высокопоставленных функционеров обеих группировок на 300 пленных пакистанских солдат. Вместе с Халилуллой Хаккани тогда вышел на свободу Мали-Хан Седдик, который сейчас занимает пост замглавы Генштаба Минобороны Афганистана. Мехсуд тогда пригрозил Пакистану, что если они не согласятся на обмен, то военнопленные будут казнены.

Таким образом, мы видим, насколько близки отношения афганских талибов с ТГП, лидеры которых, не исключено, находятся на территории Афганистана. ТГП растет и представляет реальную угрозу пакистанским властям.

Визит муллы Ширина был косвенно связан с проведением выборов в Пакистане. Пакистан желал, чтобы «Талибан» попросил ТГП не мешать выборам парламента, т. к. ТГП способен провести ряд крупных террористических атак.

«Талибан» утверждает, что существует указ за подписью эмира Хайбатуллы Ахундзаде, в котором он квалифицирует перенос вооруженного джихада за пределы Афганистана как «харам». Более того, указ распространяется не только на боевиков афганского «Талибана», но и на все группировки, приносившие ему присягу. Стоит отметить, что настоящий эмир ТГП Нур Вали Мехсуд подтвердил присягу Хайбатулле Ахундзаде в августе 2021 г. Получается, что указ адресован и «Техрик-и Талибан Пакистан», на который постоянно жалуется Исламабад. Пакистанские чиновники добиваются официального обнародования указа эмира талибов Хайбатуллы Ахундзаде о запрете джихада вне Афганистана. Этот вопрос обсуждался еще в ходе визита в Кабул спецпредставителя Пакистана Асифа Дуррани; ему тогда сказали, что по внутренним каналам указ доведен до всех, кого касается¹¹.

Движение «Талибан» напоминает Исламабаду, что ответственность за безопасность Пакистана несет не «Талибан», а пакистанские силовые ведомства, которые получают на это приличные средства из бюджета — отвечать за их провалы талибы не собираются.

«Талибан» заявил, что готов содействовать переговорам между пакистанскими властями и ТГП, но пакистанская сторона сама сорвала этот процесс.

Однако «Талибан» обвиняет Пакистан в поддержке ИГИЛ в Афганистане. Для «Талибана» более актуальна проблема «Исламского государства Хурасана», и он заявляет, что нужно решать эту проблему всем странам региона сообща, и, как ранее было сказано, «Талибан» готов предоставлять странам региона соответствующие разведданные. Это заявление «Талибана» стоит принимать всерьез, так как угроза терроризма, исходящая из Афганистана, безусловно, еще остается на повестке дня всех соседних государств.

¹⁰ Там же.

¹¹ Sputnik Афганистан, 09.08.2023. URL: <https://t.me/sputnikaf/23224/> (дата обращения: 24.02.2024).

Проблема афгано-пакистанских отношений имела и имеет большое значение для стран региона, особенно в последние годы, с приходом «Талибана» к власти в Афганистане и проведением специальной военной операции России на Украине.

Понимая тяжелое экономическое, социально-политическое положение Афганистана и пока неопределенное отношение стран региона к правительству «Талибан», Соединенные Штаты Америки все еще желают оставаться одним из главных игроков на афганском направлении. Афганистан для США имеет большое значение в реализации их геополитических целей и задач в регионе. Здесь у них есть несколько основных стратегических задач: противодействовать влиянию Ирана, сдерживать и ослаблять позицию России, противодействовать реализации экономических проектов Китая.

С этой целью США, несмотря на уход из Афганистана, хотят любой ценой оставаться доминирующей силой, тратят ежемесячно многомиллионные средства, пользуясь методом давления и убеждения для поддержания своего влияния в Афганистане.

В условиях необъявленной доктрины внешней политики правительства «Талибан» относительно стран региона и международного сообщества в целом остается открытым ответ на главный вопрос: сохранит ли «Талибан» нейтралитет в политике страны в условиях противостояния интересов Соединенных Штатов, России и Китая [Пойя, 2023, с. 300]?

История внешней политики множества правительств Афганистана за последний век показывает, что, хотя все они декларировали нейтралитет, на практике страна, не обладающая необходимыми финансовыми возможностями и самодостаточностью, не могла эффективно проводить эту политику. Получится ли это у «Талибана»? Хотелось бы поверить.

Россия, Китай, Иран, Индия, Узбекистан и ряд других государств региона тщательно ищут пути к налаживанию отношений с талибами, предлагают различные проекты сотрудничества, ибо Афганистан остается главной фигурой на шахматной доске региональной системы отношений.

Что касается Китая, Индии и Центрально-Азиатских государств, стабилизация ситуации в Афганистане и Пакистане крайне важна для реализации крупных региональных проектов.

За последнее 20 лет много было сказано о существующих региональных энергетических, транспортных и экономических проектах, в реализации которых Афганистан является важным звеном.

Задачи этих стран разные, но факт остается фактом, что ни одна из них не относится к «Талибану» как временной силе в Афганистане, поскольку альтернативы ему пока нет. Прекрасно понимая реальность сложившейся ситуации, отношения с Афганистаном страны должны строить на основе стратегической концепции.

Осознавая, что сегодня Афганистан находится в сложной ситуации, Россия предельно внимательно и осторожно относится к политическим переплетениям между различными силами и группировками, которые бросают пустой вызов «Талибану».

19 февраля 2024 г. в рамках встречи спецпредставителей стран по Афганистану под эгидой генсека ООН Антониу Гутерриша в Дохе по просьбе талибских властей российской стороной было принято решение воздержаться от участия в сверстанном организаторами мероприятия с участием т. н. афганских гражданских активистов, отбор которых, к слову, велся нетранспарентно, за спиной Кабула¹². Этим самым официальная Москва дала ответ критикам, которые ранее бурно реагировали на инициативу «Справедливой России за Правду» от 23 ноября 2023 г. Москва показала, что не ведет многовекторную политику во внутриафганском противоречии.

---

¹² РФ не будет участвовать во встрече с афганскими активистами в Дохе. ТАСС. 10.02.2024. URL: <https://news.rambler.ru/world/52294096-rf-ne-budet-uchastvovat-vo-vstreche-s-afganskimi-aktivistami-v-dohe/> (дата обращения: 24.03.2024).

На конференции, которая по инициативе Сергея Миронова состоялась в «Президент-отеле» под брендом: «Международная конференция — Афганистан между прошлым и будущим, на пути к справедливому миру и устойчивому развитию», Миронов заверял: «Мы готовы оказать всяческое содействие афганскому народу в более активном включении в систему международных экономических связей и в создании современной транспортно-логистической инфраструктуры в регионе»¹³. Только стоит заметить, что такого заверения афганские гости от спикера не требовали.

Далее Миронов добавил: «Мы и наши партнеры по Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийскому экономическому союзу, Содружеству Независимых Государств заинтересованы в том, чтобы на землю Афганистана пришли мир, стабильность и процветание. Поэтому важно создать правительство, которое будет действовать в интересах всех проживающих на территории страны народностей, будет бороться с наркотиками и террористическими организациями»¹⁴.

Следует отметить, что эти ценности, которые декларировал в своем выступлении Сергей Миронов, ничего общего не имели с целями и задачами тех афганских политических персон, которые были приглашены из разных уголков мира в Президент-отель.

Очевидно, что на протяжении многих лет как раз некоторые из приглашенных афганцев составляли то «этническое многообразие», о котором говорил в своем выступлении Миронов. Многие из них до прихода «Талибана» были одновременно и во власти, и в оппозиции президенту Ашрафу Гани. Отчасти в результате их деятельности Афганистан получил разоренное общество, в котором процветали наркобизнес и коррупция. Ни один из выступающих с афганской стороны ни слова не говорил в поддержку позиции Миронова, только все в один голос, резко критикуя «Талибан», выражали готовность бороться за свержение режима.

Какова была целесообразность проведения такого рода мероприятия, для многих остается загадкой.

Москва прекрасно осознает, что не стоит искать себе союзников в стане оппозиции «Талибана» и соответственно предпринимает шаги к налаживанию отношений с де-факто новыми властями этой страны. Как известно, после захвата власти в Афганистане «Талибан», его представители стали частыми гостями в РФ. В 2022 г. высокопоставленные лица «Талибана» участвовали в Петербургском международном экономическом форуме, в сентябре 2023 г. представители «Талибана» были приглашены в столицу Татарстана на «Московский формат по Афганистану». В мае 2024 г. участие в международном форуме «Россия — Исламский мир: Kazan Forum» в Казани¹⁵ принял глава Министерства промышленности и торговли Афганистана Нуруддин Азизи. Республика Татарстан может демонстрировать участникам цивилизованную модель отношений и мирного сосуществования различных конфессий и вероисповеданий. Татарстан имеет исторические отношения с Афганистаном. Приведем только лишь один пример сотрудничества Афганистана с Татарстаном: одним из самых крупных региональных автотранспортных учреждений в 80-е годы двадцатого века считалось афгано-советское совместное предприятие «АФСОТР», в его автопарке насчитывалось около 1000 большегрузных машин КамАЗ и МАЗ. Сегодня можно было бы возобновить деятельность этой компании. Другая область сотрудничества между Татарстаном и Афганистаном — наука и образование. В этих направлениях республика имеет колоссальные достижения. В Республике Татарстан существуют 20 крупных мусульманских учебных заведений, где могут получать высшее и среднее

¹³ Пресс-центр С. М. Миронова. Россия готова оказать содействие Афганистану в развитии транспорта и инфраструктуры. 23.11.2023. URL: <https://mironov-online.ru/news/rossiya-gotova-okazat-sodejstvie-afganistanu-v-razvitii-transporta-i-infrastruktury-mironov/> (дата обращения: 28.03.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Министр «Талибана» принимает участие в форуме «Россия — исламский мир» в Казани. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/05/14/ministr-talibana-prinimaet-uchastie-v-forume-rossiya-islamskiy-mir-v-kazani> (дата обращения: 15.05.2024).

специальное образование студенты и аспиранты из многих стран мира, в том числе из мусульманских республик РФ. Ислам в России исповедуют более 20 млн человек, он является неотъемлемой частью российской культуры, истории и самобытности. На этом основании Россия является наблюдателем в Организации исламского сотрудничества [Аликберов, 2023, с. 608].

Список литературы / References

Аликберов А. К. *Человек и история в цифровую эпоху: Многомерный подход*. М., 2023 [Alikberov A. K. *Man and history in the digital age: A multidimensional approach*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Россия на Среднем Востоке — основные этапы геополитической эволюции (вторая половина XIX — начальные десятилетия XXI в.). *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. ст. М., 2023 [Belokrenitsky V. Ya. Russia in the Middle East — the main stages of geopolitical evolution (second half of the 19th century — early decades of the 21st century). *Muslim area south of the borders of Russia (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, ethnic Kurdistan)*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Нессар Н. М. Генезис и эволюция движения «Талибан». *Россия и мир: научный диалог*. 2023. № 2(8). С. 28 [Nessar N. M. Genesis and evolution of the Taliban movement. *Russia and the world: scientific dialogue*. 2023. No. 2(8). Pp. 28 (in Russian)].

Пойя С. Состояние режима талибов и позиция международного сообщества. *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. ст. М., 2023 [Poya S. The state of the Taliban regime and the position of the international community. *Muslim area south of the borders of Russia (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, ethnic Kurdistan)*. Collection of articles, Moscow, 2023 (in Russian)].

Электронные ресурсы/ Electronic resources

Can Pakistan's Maulana Fazlur Rehman Mend Ties With the Taliban? *The Diplomat*, 10.01.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/01/can-pakistans-maulana-fazlur-rehman-mend-ties-with-the-taliban/> (дата обращения: 24.01.2024).

Sputnik Афганистан, 09.08.2023. URL: <https://t.me/sputnikaf/23224/> (дата обращения: 24.02.2024).

Афганистан и его отношения с миром. 17.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6522867> (дата обращения: 28.03.2024).

Афганистан изнутри, 31.12.2023. URL: https://t.me/afghanistan_ru/8244 (дата обращения: 24.02.2024).

Действуйте против террористов, или мы это сделаем, Пакистан говорит Афганистану. 02.08.2023. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.08e8d153-660e5f62-ddc6d906-74722d776562/https/www.geo.tv/latest/502776-act-against-terrorists-or-we-will-pakistan-tells-afghanistan?__ya_mt_enable_static_translations=1 (дата обращения: 24.08.2023).

Кабулов: Россия в будущем может признать «Талибан». 28.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6239470> (дата обращения: 24.03.2024).

Пакистан призывает афганский «Талибан» не допускать пересечения боевиками границы. *The Independent*. 01.08.2023. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.46e95700-660e5b35-2095af21-74722d776562/https/www.independent.co.uk/news/ap-afghanistan-islamabad-peshawar-shehbaz-sharif-b2385883.html?__ya_mt_enable_static_translations=1 (дата обращения: 23.08.2024).

Пресс-центр С. М. Миронова. Россия готова оказать содействие Афганистану в развитии транспорта и инфраструктуры. 23.11.2023. URL: <https://mironov-online.ru/news/rossiya-gotova-okazat-sodejstvie-afghanistanu-v-razvitiitransporta-i-infrastruktury-mironov/> (дата обращения: 28.03.2024).

РФ не будет участвовать во встрече с афганскими активистами в Дохе. ТАСС. 10.02.2024. URL: <https://news.rambler.ru/world/52294096-rf-ne-budet-uchastvovat-vo-vstreche-s-afganskimi-aktivistami-v-doh/>, (дата обращения: 24.03.2024).

Талибов пригласили к участию в форуме «Россия — Исламский мир» в Казани. 01.04.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20412217> (дата обращения: 05.04.2024).

ТАСС: МИД РФ заявил о проработке снятия с «Талибана» статуса террористической организации. 01.04.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20408103> (дата обращения: 05.04.2024).

Министр «Талибана» принимает участие в форуме «Россия — исламский мир» в Казани. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/05/14/ministr-talibana-prinimaet-uchastie-v-forume-rossiya-islamskiy-mir-v-kazani> (дата обращения: 15.05.2024).

ПАКИСТАН — АФГАНИСТАН: ВЫЗОВЫ ДВУСТОРОННИМ ОТНОШЕНИЯМ (2021–2024 гг.)

© 2024

Н. А. Замараева¹

Отношения между Исламабадом и Кабулом остаются напряженными с тех пор, как «Талибан» вернулся к власти в августе 2021 г. Исламабад уже в декабре 2021 г. утратил иллюзию о снижении уровня опасности, исходящей от террористических группировок. Стратегические просчеты прежних лет обернулись волнами терактов в Пакистане.

Основной вызов для пакистанской стороны — террористическая группировка «Движение Талибан Пакистана»*. Пакистан обвинил временное правительство Афганистана в вооружении боевиков ДТГП, предоставлении убежища террористическим организациям и, как следствие, в серии трансграничных террористических атак в Пакистане с афганской территории.

Пакистан на протяжении последних двух лет просит «Талибан» разоружить ДТГП. Но лидеры ИЭА практически ничего не сделали для удовлетворения этих требований.

Исламский Эмират Афганистан обеспокоен:

- ужесточением режима транзитной торговли (введением запрета на ввоз ряда товаров Афганистаном через Пакистан);
- выдворением нелегальных афганских беженцев из страны.

2021–2024 гг. — период пересмотра афганского вектора внешней политики Исламабада: от уверенности в поддержке временным правительством Афганистана в разоружении боевиков ДТГП к осознанию того, что внутренние проблемы Афганистана решаются афганским народом; пакистанские боевики, базирующиеся в афганских провинциях, не являются его частью.

Однако Пакистан и Афганистан продолжали сотрудничество по линиям двусторонних связей, региональной платформы и международных форумов.

Несмотря на серию трансграничных террористических атак в Пакистане с афганской земли, ужесточение пограничного контроля, высылку афганских беженцев и т. д. стороны заинтересованы в развитии торгово-экономических отношений. Афганский рынок остается вторым по величине экспортным рынком для пакистанских товаров; территория Пакистана является одним из основных транспортно-логистических маршрутов для афганских товаров.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, боевики, запрещенные террористические организации

Для цитирования: Замараева Н. А. Пакистан – Афганистан: вызовы двусторонним отношениям (2021–2024 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 342–352. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-342-352

¹ Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; olunja@mail.ru
Natalia A. Zamaraeva, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; olunja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2457-0000

* ДТГП, запрещена в 2009 г.

PAKISTAN – AFGHANISTAN: CHALLENGES TO BILATERAL RELATIONS (2021–2024)

Natalia A. Zamaraeva

Relations between Islamabad and Kabul have remained tense since the Taliban returned to power in August 2021. By December 2021, Islamabad had lost the illusion of reducing the level of militants' attacks. Strategic miscalculations of previous years resulted in waves of terrorist attacks in Pakistan.

The main challenge for Pakistan is the outlawed in 2009 Tehreek-i-Taliban Pakistan. Pakistan accused the Afghan Interim government of arming militants TTP, providing a safe haven for terrorist organizations and as the result the series of cross-border terrorist attacks in Pakistan from Afghan soil.

Pakistan asks the Taliban over the past two years to disarm the TTP. But Taliban leaders have done little to meet these demands.

The Islamic Emirate of Afghanistan (IEA) is concerned about:

- the tightening the transit trade regime by imposing a ban on a number of items that be imported by Afghanistan via Pakistan;
- the expulsion of illegal Afghan refugees in the country.

2021–2024 has been the period of revision of the Afghan vector of Islamabad's foreign policy: from confidence in the support of the IEA in the disarmament of the militants of the road accident to the realization that the internal problems of Afghanistan are being solved by the Afghan people; Pakistani militants in Afghan provinces are not part of it.

Despite the challenges, Pakistan and Afghanistan continued to cooperate through bilateral ties, regional platforms and international forums.

Despite to a series of cross-border terrorist attacks in Pakistan from Afghan soil, tightening border controls, expulsion of Afghan refugees, etc. The parties are interested in developing trade and economic relations. The Afghan market remains the second largest export market for Pakistani goods; The territory of Pakistan is one of the main transport and logistics routes for Afghan goods.

Keywords: Pakistan, Afghanistan, militants, Proscribed terrorist organizations

For citation: Zamaraeva N. A. Pakistan — Afghanistan: Challenges to Bilateral Relations (2021–2024). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 342–352. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-342-352

Афганский кейс внешней политики Пакистана корректировался в силу изменения концепций внешней политики четырех кабинетов министров в Исламабаде, а также позиции генералитета:

- 2021–2022 гг. — переговоры с афганскими талибами; прямые переговоры с лидерами ДТТП с целью убедить боевиков сложить оружие, признать Конституцию 1973 г. Генералитет по инерции следовал политике прошлых лет, когда он был частью команды переговорщиков США. В этом одна из причин несостоятельности диалога с ДТТП и, как результат, их отказ сложить оружие, за которым последовал очередной всплеск террористических атак в Пакистане;
- 2022 — август 2023 г. — разработка коалиционным правительством премьер-министра Ш. Шарифа новой Программы взаимодействия с Исламским эмиратом Афганистан (ИЭА) и одновременно призыв ограничить генералитет в афганском векторе внешней политики;

- август 2023 — февраль 2024 гг. — переходное правительство премьер-министра А. Какара впервые в истории двусторонних отношений инициировало депортацию афганских беженцев, не имевших официальной регистрации в Пакистане, что привело к очередному витку напряженности в двусторонних отношениях;
- февраль 2024 г. — правительство премьер-министра Ш. Шарифа активизировало торгово-экономические связи; смягчило режим пребывания афганских беженцев в Пакистане и т. д.

Каждая администрация предлагала свой вариант урегулирования отношений с временным правительством Афганистана. Однако сквозными оставались призывы: разоружить боевиков ДТГП; убедить их признать Конституцию 1973 г.; социализироваться в пакистанском обществе и т. д.

В условиях экономического кризиса в Пакистане в 2018–2024 гг. и правления талибов в Афганистане пакистанские талибы вновь стали представлять угрозу национальной безопасности.

Генералитет федеральной армии инициировал переговоры с временным правительством Афганистана в сентябре 2021 г. Немногим позднее успешно стартовали прямые переговоры с лидерами ДТГП, базировавшимися в Афганистане. Пакистанская сторона настаивала на отказе боевиков от применения силы и признании Конституции 1973 г. в качестве условий добровольного возвращения на родину.

Пакистан вышел из прямого диалога с ДТГП уже в ноябре 2021 г. Пакистанские СМИ писали, что от 5000 до 6000 боевиков ДТГП укрываются в Афганистане. Именно отказ сложить оружие, социализироваться в пакистанском обществе и признать основной закон страны — главные причины прерванного диалога. Группировка отказалась предстать перед законом за совершенные ею в прошлом преступления, включая нападение на Армейскую государственную школу в Пешаваре в декабре 2014 г.²

Последовала серия терактов во внутренних районах страны, подъем сепаратистских лозунгов за выход районов пуштунских племен из состава Пакистана³.

В апреле 2022 г. в результате объявления вотума недоверия премьер-министру Имран Хану он и члены его кабинета министров ушли в отставку.

Коалиционное правительство премьер-министра Ш. Шарифа признало «стратегической ошибкой» политику прежних властей. Тупиковая ситуация — именно так характеризовали парламентарии Национальной ассамблеи пакистано-афганские отношения в 2023 г. Только прямой диалог с лидерами ДТГП, по мнению нового кабинета, дал возможность террористам восстановить силы и укрепить позиции в районах проживания пуштунских племен провинции Хайбер-Пахтунхва осенью 2021 — весной 2022 гг.

Несмотря на снижение интенсивности двусторонних отношений, стороны продолжали взаимодействие. Список требований к властям Афганистана сократился, реже стал звучать призыв к формированию инклюзивного правительства с этнически сбалансированным представительным составом в правительстве; а также призывы предоставления доступа женщинам к полному среднему и высшему образованию [Окимбеков, 2003].

Пакистан вновь призвал временное правительство лишить ДТГП возможности действовать с оружием в руках с их территории; угрожал нанести удары по местам укрытий пакистанских

---

² India funding TTP through Afghan proxies, says envoy. Dawn. 17.03.2024. URL: <https://www.dawn.com/news/1821995/india-funding-ttp-through-afghan-proxies-says-envoy> (дата обращения: 22.03.2024).

³ Pakistan, Afghan Taliban and TTP. The Express Tribune. 20.02.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402099/pakistan-afghan-taliban-and-ttp> (дата обращения: 20.03.2024).

боевиков на территории Афганистана, но отказывался от проведения трансграничных рейдов без необходимости.

Афганские талибы по-прежнему отвергали посредничество во встречах по формуле Пакистан — ДТГП, настаивали на прямых переговорах Исламабада с лидерами боевиков и оказании давления на них. Отказ предпринимать какие-либо действия против ДТГП диктовался убежденностью, что генералитет Пакистана не отдаст приказ о начале военного наступления, учитывая ряд обстоятельств, в том числе глубокий экономический кризис в стране.

Ни одно иностранное государство к этому времени не признало временное правительство Афганистана, которое не выполнило взятые в 2021 г. обещания сформировать инклюзивное правительство, предоставить гарантии прав женщинам и т. д.

Турбулентность внутривнутриполитической жизни, экономика на грани дефолта, уровень инфляции 34% и т. д. вычеркнули ИЭА из приоритетов кабинета министров Ш. Шарифа в первые месяцы правления.

Угроза безопасности, серия терактов боевиков ДТГП заставили федеральные власти вновь вернуться к афганскому вопросу. В феврале 2023 г. пакистанская делегация во главе с министром обороны Хаваджей Мухаммадом Асифом прилетела в Кабул. Высшее руководство временного правительства Афганистана заверило пакистанскую сторону в дальнейшем сотрудничестве для эффективного противодействия угрозе терроризма, исходящей от различных негосударственных субъектов и организаций⁴, продемонстрировало готовность учесть опасения Пакистана, исходящие от Движения Талибан Пакистана после всплеска терроризма, однако призвало Исламабад вновь вступить в прямой диалог с ДТГП.

Временное правительство:

- ставило цель активизировать отношения с внешним миром, включая торгово-экономические связи;
- призывало власти Пакистана освободить афганцев, содержащихся в заключении⁵;
- настаивало, чтобы Исламабад по примеру Нью-Дели предоставил стипендии афганским гражданам для обучения в военных и дипломатических академиях⁶;
- требовало гарантировать «бесперебойную торговлю» между Пакистаном и Афганистаном, включая транзитную;
- предлагало совершенствовать механизм оперативного оформления таможенных документов на погранпереходах Торхам, Гулам-Хан и Харлачи⁷ и т. д.

В ответ пакистанская сторона лишь подтвердила окончание политики прямых переговоров с ДТГП и выразила ожидание конкретных действий против террористических группировок. Тогдашний министр иностранных дел Пакистана Билавал Бхутто Зардари высказал сомнение в успехе борьбы ИЭА против боевиков террористических группировок, так как эмират не имел ни постоянной армии, ни даже пограничных войск, ни потенциала, ни сил для борьбы с терроризмом⁸.

⁴ Press release. Ministry for foreign affairs. Visit of a High Level Pakistan Delegation to Afghanistan. 22.02.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/visit-of-a-high-level-pakistan-delegation-to-afghanistan/> (дата обращения: 23.03.2024).

⁵ Pakistan gets 'fresh commitment' from Afghan Taliban on TTP. The Express Tribune. 22.02.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402681/pakistan-gets-fresh-commitment-from-afghan-taliban-on-ttp> (дата обращения: 24.02.2024).

⁶ "Afghanistan, India to train diplomatic staff together". The Express Tribune. 13.03.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2405827/afghanistan-india-to-train-diplomatic-staff-together#:~:text=Afghanistan%2C%20India%20to%20train%20diplomatic%20staff%20together> (дата обращения: 24.03.2024).

⁷ Officials promise removal of hurdles to Pak-Afghan trade. Dawn. 09.04.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1746679/officials-promise-removal-of-hurdles-to-pak-afghan-trade> (дата обращения: 23.03.2024).

⁸ Bilawal warns West of Afghan terror spillover effects. The Express Tribune. 19.02.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402043/bilawal-warns-west-of-afghan-terror-spillover-effects> (дата обращения: 23.03.2024).

В апреле 2023 г. правительство Ш. Шарифа анонсировало новую концепцию внешней политики, озаглавив ее «Десекуритизация, многосторонность, внутренняя консолидация и продвижение мягкой силы — ориентиры внешней политики Пакистана»⁹. Подчеркивалось, что в переходный период от однополярности к многополярности Пакистану необходимо отказаться от «менталитета холодной войны», расширить горизонты сотрудничества со странами мира; сделать парламент ключевым форумом для выработки внешней политики в Пакистане...» — иными словами, отстранить генералитет от власти.

Первым шагом обновления стала смена официального представителя в Афганистане. Специальным представителем Пакистана по Афганистану назначен в марте 2023 г. опытный дипломат Асиф Али Хан Дуррани вместо М. Садика, вышедшего в отставку по возрасту. Основная его миссия — стать связующим звеном между международными партнерами и пакистанским руководством¹⁰, активизировать отношения с временным правительством Афганистана в первую очередь для решения гуманитарной проблемы. Однако в то же время Исламабад подчеркнул, что восстановление отношений с ИЭА в полном объеме зависит от его усилий убедить ДТГ отказаться от применения оружия¹¹.

Кабул подхватил инициативу Исламабада в рассматриваемый период.

СБ ООН 1 мая 2023 г. разрешил министру иностранных дел ИЭА Амиру Хану Муттаки прилететь с визитом в Пакистан в мае 2023 г. для обсуждения вопросов мира, безопасности и стабильности¹². Обвинения в поставках оружия стали основой для включения его в санкционный список СБ ООН.

Региональное сотрудничество

Поиск Исламабадом выхода из ситуации стагнации в пакистано-афганских отношениях совпал по времени с активизацией международных и региональных организаций по афганскому урегулированию¹³.

Механизм регионального подхода соседних с Афганистаном стран был разработан еще в 2021 г. Пакистан первым провел встречу министров иностранных дел 8 сентября 2021 г.; в ноябре 2021 г. состоялась конференция в иранском Тегеране, в марте 2022 г. — в китайском Туньси. Одними из основных вызовов страны называли незаконный оборот наркотиков, угрозы терроризма, исходящие от группировок ДАИШ, ДТГ и Аль-Каиды и других.

Четвертая встреча в формате «Соседи» прошла в Самарканде в апреле 2023 г. Основными ее целями стали поиск консенсуса; продвижение региональных интересов, коллективная приверженность формированию мирного и стабильного Афганистана¹⁴.

---

⁹ NA Standing Committee on Foreign affairs organized it's second public hearing today on "Pakistan and the emerging world order" at Pakistan Institute for Parliamentary services (PIPS). 31.05.2023. URL: https://na.gov.pk/en/pressrelease_detail.php?id=5605 (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁰ Press release. Ministry for foreign affairs. Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Thursday 25 May 2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-25-may-2023/> (дата обращения: 25.03.2024).

¹¹ Pakistan wants TTP to surrender for talks. The Express Tribune. 04.06.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2420239/pakistan-wants-ttp-to-surrender-for-talks> (дата обращения: 22.03.2024).

¹² UN says Taliban envoy can meet Pakistan, China ministers next week. The Express Tribune. 02.05.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2414664/un-says-taliban-envoy-can-meet-pakistan-china-ministers-next-week> (дата обращения: 25.03.2024).

¹³ Press release. Ministry for foreign affairs. Statement by the Minister of State Ministerial Meeting of the Neighbours of Afghanistan (Samarkand, 13 April 2023). 13.04.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/statement-by-the-minister-of-state-ministerial-meeting-of-the-neighbours-of-afghanistan-samarkand-13-april-2023/> (дата обращения: 22.03.2024).

¹⁴ Press release. Ministry for foreign affairs. CURTAIN RAISER: Minister of State for Foreign Affairs to represent Pakistan at 4th Meeting of Neighbouring Countries of Afghanistan in Samarkand, Uzbekistan — 13 April 2023. 12.04.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/curtain-raiser-minister-of-state-for-foreign-affairs-to-represent-pakistan-at-4th-meeting-of-neighbouring-countries-of-afghanistan-in-samarkand-uzbekistan-13-april-2023/> (дата обращения: 22.03.2024).

Пакистан в лице государственного секретаря Хины Раббани Хар подчеркивал, что «...каскад неудовлетворенных ожиданий привел к тому, что критически важная поддержка, необходимая Афганистану для предотвращения глубокого гуманитарного кризиса, экономического спада и борьбы с терроризмом была приостановлена; ... требуется «терпение» и «взаимность»; международное сообщество должно продолжать взаимодействовать с временным афганским правительством; проявлять гибкость; этот процесс следует стимулировать; необходим сбалансированный подход, основанный на обязательствах сторон...»¹⁵.

Нестабильность в Афганистане угрожала не только народу страны, но и несла негативные последствия для региона и за его пределами.

Исламабад предлагал:

- применять поэтапный подход, определять проекты внутрирегиональной связности (CASA-1000, Трансафганские железные дороги, ГАПИ и др.) [Окимбеков, 2023];
- направлять гуманитарную помощь независимо от политических соображений. Афганский народ не должен становиться жертвой политического выбора, сделанного другими;
- стимулировать экономическую активность (анализировать варианты размораживания финансовых активов Афганистана в зарубежных банках; разработать дорожную карту восстановления и реконструкции объектов);
- разработать дорожную карту сотрудничества с афганскими властями на основе «иерархии приоритетов», с которыми временное правительство выразило готовность сотрудничать;
- усилить координацию между региональными и международными организациями, работавшими в Афганистане (например, Организация Исламского сотрудничества, которая выражает интересы более 1,8 млрд мусульман).

Конструктивное взаимодействие с временным афганским правительством оставалось одним из приоритетов во внешней политике Исламабада. Это диктовалось пониманием, что мир и стабильность в Афганистане являются залогом мира и стабильности в Пакистане.

Исламабад призывал международное сообщество продолжать взаимодействие, несмотря на невыполнение им взятых в 2021 г. обязательств. Экономика страны полностью зависела от иностранной помощи; и в случае дипломатической изоляции гуманитарная катастрофа представлялась неизбежной¹⁶, учитывая, что 97% афганцев проживали в бедности; 2/3 населения, ориентировочно 28 млн человек, оказались на грани выживания.

Тогда же, в мае 2023 г. ООН организовал глобальное совещание по афганской проблеме; участники вновь предлагали предоставить возможность временному правительству ИЭА решить свои проблемы и стать частью мирового сообщества.

Однако в июне-июле 2023 г. боевики ДТГП возобновили теракты во внутренних районах Пакистана; генералитет вновь предупредил афганских лидеров о необходимости предпринять конкретные действия против запрещенной группировки¹⁷.

Это был непростой период для внешнеполитического ведомства Пакистана, но именно в те дни он вновь консультируется с Пекином, ищет поддержки. Специальный посланник Китая

¹⁵ Press release. Ministry for foreign affairs. Statement by the Minister of State Ministerial Meeting of the Neighbours of Afghanistan (Samarkand, 13 April 2023). 13.04.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/statement-by-the-minister-of-state-ministerial-meeting-of-the-neighbours-of-afghanistan-samarkand-13-april-2023/> (дата обращения: 22.03.2024).

¹⁶ Will the Taliban respond to global aspirations re Afghanistan? The Frontier Post. 02.05.2023. URL: <https://thefrontierpost.com/will-the-taliban-respond-to-global-aspirations-re-afghanistan/> (дата обращения: 22.03.2024).

¹⁷ Army chief warns Kabul on TTP safe havens. The Express Tribune. 14.07.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2426207/army-chief-warns-kabul-on-ttp-safe-havens> (дата обращения: 22.03.2024).

по делам в Афганистане Юэ Сяююн убедил внешнеполитическое ведомство в Исламабаде продолжать «... конструктивное взаимодействие и практическое сотрудничество с временными властями Афганистана»¹⁸.

В августе 2023 г. истек срок мандата депутатов, избранных в законодательные органы власти Пакистана еще в 2018 г.; члены кабинета премьер-министра Ш. Шарифа подали в отставку. Переходное правительство премьер-министра А. Какара 10 августа 2023 г. приступило к исполнению обязанностей. Спустя несколько дней он написал письмо своему афганскому коллеге, в котором выразил намерение установить дружеские отношения и сотрудничество между двумя соседними странами.

В сентябре 2023 г. Китай стал первой страной, которая официально назначила нового посла в Афганистане после прихода к власти Движения «Талибан». Посланник Поднебесной вручил верительные грамоты на церемонии в Кабуле. Срок полномочий предыдущего посла истек в августе 2023 г.

Мохаммад Хасан Ахунд, исполнявший в рассматриваемый период обязанности премьер-министра, принял верительные грамоты.

Талибан официально не был признан ни одним иностранным государством; но Пекин не уточнил, является ли назначение нового главы миссии сигналом, первым шагом к официальному признанию афганского Движения «Талибан» (несколько членов временного правительства оставались под санкциями СБ ООН).

Исламабад воспринял дипломатический жест Китая как практический шаг в направлении укрепления регионального сотрудничества.

Смена кабинета министров привела к корректировке политики. Исламабад осенью 2023 г. усилил давление на власти в Кабуле.

Исламабад впервые депортировал на родину афганских беженцев, не имевших официальной регистрации в стране пребывания, численность которых, по оценкам, составляла 700 000 человек.

Известно о нескольких миграционных волнах. Наиболее масштабная, численностью до 3 млн граждан Афганистана, была в 1980-х гг. По состоянию на 2023 г. в Пакистане проживало до 4 млн беженцев, из которых 1,7 млн не имели идентификационной карточки (разрешения) на проживание в стране длительное время. Одновременно Министерство внутренних дел страны ужесточило пограничный контроль, а также ввело визовый режим для иностранцев на всех пунктах пересечения границы.

Депортация привела к новому витку напряженности в пакистано-афганских отношениях. Следует подчеркнуть, что власти Исламабада инициировали процесс выдворения именно в период мандата временного правительства страны. Таким образом, правительство Ш. Шарифа, пришедшее к власти по итогам всеобщих парламентских выборов в феврале 2024 г., не несло вины за действия предшественников, снимая, таким образом, с себя ответственность за очередной вызов двусторонним отношениям.

В октябре 2023 г. Исламабад с целью пресечения контрабанды ужесточил режим транзитной торговли:

- ввел запрет на ряд товаров, которые Афганистан традиционно импортировал через Пакистан;

---

¹⁸ Press release. Ministry for foreign affairs. Foreign Secretary meets China's Special Envoy on Afghanistan Ambassador Yue Xiaoyong. 18.07.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/foreign-secretary-meets-chinas-special-envoy-on-afghanistan-ambassador-yue-xiaoyong/> (дата обращения: 22.03.2024).

- ввел дополнительный сбор / увеличил размеры пошлины за таможенную очистку ряда категорий коммерческих товаров;
- обязал предоставлять банковские гарантии для обеспечения доставки импортируемых товаров в указанный пункт назначения и т. д.

Указанные действия Исламабад предпринял с целью оказать давление на временное правительство Афганистана.

Однако стороны продолжали поддерживать неформальные контакты. Визит лидера право-религиозной партии «Джамаат улема-и-Ислам-Фазл» маулану Фазлура Рехмана в Афганистан был частью неофициальных каналов по урегулированию разногласий. Известно, что начиная с 1990-х гг. исламистские партии Пакистана помогали афганским талибам. И визит его в Кабул подчеркивал, что Исламабад не закрыл все двери для переговоров с властями ИЭА, но и не предал национальные интересы.

Кабинет министров, сформированный из числа депутатов, победивших на всеобщих парламентских выборах 8 февраля 2024 г., принял присягу на верность Конституции в конце февраля 2024 г.

Члены временного правительства Афганистана, поздравив Шехбаза Шарифа со вступлением в должность премьер-министра, незамедлительно выразили намерение активизировать отношения с Исламабадом; устранить непонимание и вывести двусторонние отношения на новый уровень.

В ответ Исламабад направил в марте 2024 г. в Кандагар исполняющего обязанности посла Пакистана О. Низамани для встречи со старшим помощником верховного лидера ИЭА Х. Ахундзаде, губернатором Кандагара. Низамани впервые выехал из Кабула после покушения на его жизнь в 2023 г. Стороны традиционно подчеркивали важность решения проблем посредством диалога, формирования безопасной среды, реализации программ, основанных на политике двух стран. Соглашаясь с этим, афганская сторона одновременно призвала Исламабад:

- возобновить прямые переговоры с лидерами ДТП, устранившись от посредничества;
- отделить торговлю от политики;
- пересмотреть режим единого документа для афганцев, находящихся в Пакистане,
- остановить выдворение афганцев, не имевших документов, и т. д.

Экономическое сотрудничество

Несмотря на нерешенность основного противоречия в пакистано-афганских отношениях, разоружение боевиков ДТП, стороны не прерывали диалог по вопросам двусторонней и транзитной торговли, включая процедуру таможенной очистки товаров¹⁹. Каждая сторона соглашалась, что политические разногласия и вызовы безопасности не должны влиять на деловые вопросы [Окимбеков, 2022].

Торговые отношения Пакистана и Афганистана регулируются временным соглашением, известным как Соглашение о транзитной торговле между Афганистаном и Пакистаном, подписанным еще в 2010 г. Объем товарооборота между двумя странами, который оценивался в 2,5 млрд долларов в 2010 г., в 2022–2023 гг. упал до 1,6 млрд долларов. Отчасти это объяснялось удачным поиском властей ИЭА альтернативного транзитного маршрута через иранский морской порт Чабахар и, таким образом, уменьшением зависимости от Пакистана. Известно, что Исламабад

---

¹⁹ Pak-Afghan officials discuss transit trade issues Pakistani delegation stresses early implementation of 2010 agreement. The Express Tribune. 18.08.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2431295/pak-afghan-officials-discuss-transit-trade-issues> (дата обращения: 22.03.2024).

неоднократно использовал свое географическое положение как рычаг давления на Афганистан, который не имеет выхода к морю.

Позднее был зарегистрирован небольшой рост до 1,8 млрд долларов. Незначительное восстановление двусторонней торговли произошло благодаря увеличению объема афганского экспорта, в первую очередь угля, в Пакистан.

Несмотря на разногласия, стороны получили огромную выгоду от соглашений о транзитной торговле. Экономические связи в высшей степени важны для обеих стран: для Афганистана — пакистанский трек, т. е. транспортно-логистический доступ на мировые рынки был приоритетным; афганский рынок для Пакистана оставался одним из емких для экспортных товаров [Окимбеков, 2023].

Заключение

Достижение мира в Афганистане представляет собой долгий, трудоемкий путь для соседних стран, учитывая историю внутриафганских и региональных конфликтов.

Пакистан жестко наказан нестабильностью в соседней стране:

- принимает на протяжении четырех десятилетий миллионы афганских беженцев, предоставляет им социальные услуги, организует специальные лагеря, транспортирует их и т. д.;
- подвергается насилию, прямым угрозам боевиков Движения «Талибан» Пакистана;
- отказ от прямых переговоров с лидерами ДТП, продиктованный угрозами безопасности во внутренних районах страны, напряженность двусторонних отношений снизили потенциал Исламабада как регионального переговорщика.

Экономический спад, глубокий гуманитарный кризис, внутриафганские разногласия и т. д., по мнению Исламабада, — это проявление слабости верховенства закона, управления, экономики, отсутствия социальной защищенности населения. И, как результат, — повышенная активность «негосударственных субъектов» в Афганистане.

Региональные страны, включая Пакистан, в 2024 г. пересматривают подходы к сотрудничеству с временным правительством ИЭА, нейтрализуют жесткие в прошлом требования формирования инклюзивного правительства и предоставления женщинам права на полное среднее и высшее образование. Настойчивее звучат призывы протянуть руку помощи во имя мира, безопасности и достижения экономической состоятельности.

Стабильность в Афганистане требует регионального сотрудничества и терпения на многие годы.

Корректировка регионального подхода к современному режиму в Афганистане исходит из осознания, что решение внутриафганских проблем зависит от Афганистана, а роль соседних стран сводится к посильной помощи.

Призывы дипломатии к толерантности и терпению «разбиваются» о реальность. Генералитет Пакистана отдал приказ в марте 2024 г. нанести воздушные удары по укрытиям группировки ДТП, продолжавшей действовать на территории Афганистана. Это был ответ на серию трансграничных террористических атак в районе Северного Вазиристана с афганской территории, унесших жизни нескольких сотрудников службы безопасности. Командование федеральной армии возложило ответственность на Кабул, заявив, что временное правительство Афганистана не только вооружает террористов, предоставляет убежище террористическим организациям, причастным к террористическим актам в Пакистане, но и неспособно действовать против ДТП.

На следующий день пограничные силы Афганистана атаковали пакистанские «военные центры» вдоль линии Дюранда в ответ на авиаудары по домам мирных жителей в провинциях Пактика и Хост.

Несмотря на вызовы, авиаудары по территории Афганистана и террористические атаки ДТТ во внутренних районах Пакистана, стороны демонстрируют обоюдное желание избежать разрыва отношений и продолжить двустороннее взаимодействие.

Литература / References

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 265–271 [Belokrenitskiy V.Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Окимбеков У. В. Развитие двусторонних торгово-экономических отношений между Россией и Афганистаном (1921–2021). *Политика России на южных рубежах (к 100-летию договоров 1921 года с Ираном, Афганистаном и Турцией)*. Отв. ред. Н. М. Мамедова, сост. О. Е. Митрофаненкова. М., 2022. С. 154–165 [Okimbekov U. V. The Development of Trade and Economic Relations between Russia and Afghanistan (1921–2021). *The Policies of Russia on Its Southern Borders (for the Centenary of the 1921 Treaties with Iran, Afghanistan, and Turkey)*. Ed. by N. M. Mamedova, comp. by O. E. Mitrofanenkova. Moscow, 2022. Pp. 154–156 (in Russian)].

Окимбеков У. В. Торгово-экономические отношения Афганистана со странами Центральной Азии: состояние и перспективы развития. *Kazakhstan Journal of Foreign Studies*. 2022. № 1–2 (3–4). С. 128–145 [Okimbekov U. V. Trade and Economic Relations between Afghanistan and Central Asian States: Recent Situation and Perspectives of Development. *Kazakhstan Journal of Foreign Studies*. 2022. № 1–2 (3–4). 2022. Pp. 128–143 (in Russian)].

Окимбеков У. В. Афганская экономика: полтора года правления талибов. *Восточная аналитика*. 2023. № 1 (Т. 14). С. 52–68 [Okimbekov U. V. The Afghan Economy: One and a Half Year of the Taliban Rule. *Vostochnaya analitika*. 2023. № 1 (Vol. 14). Pp. 52–68 (in Russian)].

Окимбеков У. В. Внутриафганский конфликт и этнический фактор (1992–2023 гг.). *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. ст. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М., 2023. С. 393–403 [Okimbekov U. V. Internal Conflict in Afghanistan and the Ethnic Factor (1992–2023). *The Muslim Areal to the South of Russian Borders (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, Ethnic Kurdistan)*. Ed. by V. Ya. Belokrenitskiy, N. M. Mamedova, N.YU Ul'chenko, Moscow, 2023. Pp. 393–402 (in Russian)].

Окимбеков У. В. Женский вопрос в Афганистане при талибах. *Россия и мир: научный диалог*. 2023. № 2. С. 158–170 [Okimbekov U. V. Women's Question in Afghanistan under the Taliban. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog*. 2023. № 2. Pp. 158–170 (in Russian)].

Энциклопедия Пакистана. М., 1998. С. 60–61 [The Encyclopedia of Pakistan. M., 1998. Pp. 60–61 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic resource

“Afghanistan, India to train diplomatic staff together”. The Express Tribune. 13.03.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2405827/afghanistan-india-to-train-diplomatic-staff-together#:~:text=Afghanistan%2C%20India%20to%20train%20diplomatic%20staff%20together> (дата обращения: 24.03.2024).

Army chief warns Kabul on TTP safe havens. The Express Tribune. 14.07.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2426207/army-chief-warns-kabul-on-ttp-safe-havens> (дата обращения: 22.03.2024).

Bilawal warns West of Afghan terror spillover effects. The Express Tribune. 19.02.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402043/bilawal-warns-west-of-afghan-terror-spillover-effects> (дата обращения: 23.03.2024).

India funding TTP through Afghan proxies, says envoy. Dawn. 17.03.2024. URL: <https://www.dawn.com/news/1821995/india-funding-ttp-through-afghan-proxies-says-envoy> (дата обращения: 22.03.2024).

Pak-Afghan officials discuss transit trade issues Pakistani delegation stresses early implementation of 2010 agreement. The Express Tribune. 18.08.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2431295/pak-afghan-officials-discuss-transit-trade-issues> (дата обращения: 22.03.2024).

NA Standing Committee on Foreign affairs organized it's second public hearing today on "Pakistan and the emerging world order" at Pakistan Institute for Parliamentary services (PIPS). 31.05.2023. URL: https://na.gov.pk/en/pressrelease_detail.php?id=5605 (дата обращения: 23.03.2024).

Pakistan, Afghan Taliban and TTP. The Express Tribune. 20.02.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402099/pakistan-afghan-taliban-and-ttp> (дата обращения: 20.03.2024).

Pakistan wants TTP to surrender for talks. The Express Tribune. 04.06.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2420239/pakistan-wants-ttp-to-surrender-for-talks> (дата обращения: 22.03.2024).

Officials promise removal of hurdles to Pak-Afghan trade. Dawn. 09.04.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1746679/officials-promise-removal-of-hurdles-to-pak-afghan-trade> (дата обращения: 23.03.2024).

Pakistan gets 'fresh commitment' from Afghan Taliban on TTP. The Express Tribune. 22.02.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402681/pakistan-gets-fresh-commitment-from-afghan-taliban-on-ttp> (дата обращения: 24.02.2024).

Press release. Ministry for foreign affairs. CURTAIN RAISER: Minister of State for Foreign Affairs to represent Pakistan at 4th Meeting of Neighbouring Countries of Afghanistan in Samarkand, Uzbekistan — 13 April 2023. 12.04.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/curtain-raiser-minister-of-state-for-foreign-affairs-to-represent-pakistan-at-4th-meeting-of-neighbouring-countries-of-afghanistan-in-samarkand-uzbekistan-13-april-2023/> (дата обращения: 22.03.2024).

Press release. Ministry for foreign affairs. Foreign Secretary meets China's Special Envoy on Afghanistan Ambassador Yue Xiaoyong. 18.07.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/foreign-secretary-meets-chinas-special-envoy-on-afghanistan-ambassador-yue-xiaoyong/> (дата обращения: 22.03.2024).

Press release. Ministry for foreign affairs. Statement by the Minister of State Ministerial Meeting of the Neighbours of Afghanistan (Samarkand, 13 April 2023). 13.04.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/statement-by-the-minister-of-state-ministerial-meeting-of-the-neighbours-of-afghanistan-samarkand-13-april-2023/> (дата обращения: 22.03.2024).

Press release. Ministry for foreign affairs. Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Friday 08 September 2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-friday-08-september-2023/> (дата обращения: 08.09.2023).

Press release. Ministry for foreign affairs. Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Thursday 25 May 2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-25-may-2023/> (дата обращения: 25.03.2024).

Press release. Ministry for foreign affairs. Visit of a High Level Pakistan Delegation to Afghanistan. URL: <https://mofa.gov.pk/visit-of-a-high-level-pakistan-delegation-to-afghanistan/> (дата обращения: 22.02.2023).

"Taliban aim to boost anti-aircraft capacity to counter 'Pakistan threat'". The Express Tribune. 16.04.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2411554/taliban-aim-to-boost-anti-aircraft-capacity-to-counter-pakistan-threat#:~:text=Taliban%20aim%20to%20boost%20anti%20aircraft%20capacity%20to%20counter%20%27Pakistan%20threat%27> (дата обращения: 22.03.2024).

UN says Taliban envoy can meet Pakistan, China ministers next week. The Express Tribune. 02.05.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2414664/un-says-taliban-envoy-can-meet-pakistan-china-ministers-next-week> (дата обращения: 25.03.2024).

Will the Taliban respond to global aspirations re Afghanistan? The Frontier Post. 02.05.2023. URL: <https://thefrontierpost.com/will-the-taliban-respond-to-global-aspirations-re-afghanistan/> (дата обращения: 22.03.2024).

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом номере мы иницируем новую рубрику: «Исследовательский проект». Она будет знакомить читателей с планами востоковедных проект-групп, которые приступают к разработке новых, актуальных для нашей науки тем и направлений. Участники смогут не только рассказать о своих замыслах, но и опубликовать уже подготовленные материалы, пригласить коллег присоединиться. Рубрика дебютирует с проектом, посвященным такой исключительно важной социальной проблеме, как инвалидность. Положение людей с ограниченными возможностями здоровья в тех или иных афро-азиатских странах, государственная политика и, главное, общественное восприятие инвалидности являются важным аспектом социокультурной специфики изучаемых нами народов.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-353-359

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНВАЛИДНОСТИ И КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА: ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ*

© 2024

Е. Э Носенко-Штейн¹

В этой вводной статье (к специальному разделу журнала «Вестник Института востоковедения РАН») автор кратко описывает проблемы изучения инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), в том числе в странах и культурах Востока. Отмечается, что, хотя люди с ОВЗ составляют очень значительную группу населения мира, их проблемы пока почти не нашли места в отечественном востоковедении, несмотря на то, что инвалидность как феномен привлекала к себе внимание на Востоке в глубокой древности. Подчеркивается, что ее восприятие и отношение к разным группам людей с ограниченными возможностями здоровья менялось в зависимости от историко-культурного контекста в различные эпохи. Автор говорит о возникновении и распространении изучения инвалидности за рубежом, прослеживает разные этапы этих исследований, характеризует ряд концепций и терминов, употребляемых в этой междисциплинарной области знания. Автор также говорит о создании исследовательской группы по проблемам инвалидности в странах и культурах Востока в рамках Института востоковедения РАН и обрисовывает основные вопросы, изучением которых занимаются члены группы, подчеркивая, что в этом специальном разделе основное внимание авторов направлено на внедрение цифровых технологий и улучшение качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья. Заключает статью краткая характеристика материалов, вошедших в специальный раздел журнала.

---

* Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, грант №23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль».

¹ Елена Эдуардовна Носенко-Штейн, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; elednos21@gmail.com
Elena E. Nosenko-Stein PhD (education), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; elednos21@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9952-8582

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, исследовательская группа

Для цитирования: Носенко-Штейн Е. Э. Некоторые проблемы инвалидности и культуры Востока: попытки осмысления. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 353–359. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-353-359

SOME PROBLEMS OF DISABILITY AND ORIENTAL CULTURES: ATTEMPTS AT REFLECTION

Elena E. Nosenko-Stein

The author briefly describes major problems of Disability Studies, including Oriental states and cultures. In this introductory article to the special section in the journal the author stresses out, that although disable people consist a very significant group in humankind, their problems are still not reflected in the Oriental studies in Russia. However, disability as a phenomenon had found its place in the Oriental cultures since the ancient times, and disabled people were perceived differently depending upon the historical and cultural context in various periods. The author writes about emergency and important place of Disability Studies abroad, mentions main approaches and concepts, and tells about the creation of the new research group on Disability Research in Oriental states and cultures within the framework of Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. She also describes main research trends in activities of this group, especially studies of digital technologies for improving the quality of life of disabled people and concludes by briefly characterizing articles of special section in this journal.

Keywords: disability, disabled people, Oriental Studies, research group

For citation: Nosenko-Stein E. E. Some Problems of Disability and Oriental Cultures: Attempts at Reflection. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 353–359. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-353-359

Проблемы инвалидности как сложного, многоуровневого явления до недавних пор редко привлекали внимание отечественных востоковедов. На это были свои причины. Среди них — обращенность значительной части востоковедных исследований к наследию прошлого, особенно изучению классических текстов, языков, истории и филологии, а также увлеченность части российского востоковедного сообщества тем, что в последнее время стали называть политологией (прежде — новой и новейшей историей), точнее, к комментированию *post-factum* недавно произошедших событий. И в том, и в другом случае многие социокультурные проблемы в определенной мере оказываются в российском востоковедении маргинализированными.

Это в значительной мере относится к инвалидности. Между тем напомним, что по различным данным люди, имеющие серьезные ограничения в разных сферах жизни, связанные со здоровьем, составляют около 1,5 млрд человек², а учитывая их близких, нередко вовлеченных в их проблемы, представляют огромный пласт человеческого сообщества. Эти данные далеко не полны, поскольку статистика во многих странах Глобального Юга (в том числе в странах Востока) обстоит не лучшим образом: переписи населения проводятся не всегда регулярно, в них зачастую неверно учитываются люди с серьезными нарушениями здоровья. Этому также препятствуют вооруженные конфликты, в свою очередь «провоцирующие» появление новых людей с серьезными ограничениями здоровья, нередко невысокий уровень медицины, стигматизация инвалидности как феномена и негативные стереотипы по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья... Проблемы

---

² Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2011/disabilities_20110609/ru (дата обращения: 17.06.2023).

этих людей (далеко не всегда связанные с вопросами здравоохранения, но также с возможностью получения хорошего образования, с их трудоустройством, реализацией их способностей, досугом, общением и пр.) не только зачастую не осмыслены, но даже не поставлены и не стали предметом изучения в отечественном востоковедении.

Прежде чем переходить к исследованиям, недавно начатым в этой области участниками проекта по изучению качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья в странах Востока, осуществляемого в Институте востоковедения РАН, следует коротко остановиться на некоторых подходах и терминах, которые могут быть мало знакомы читателям журнала «Вестник Института востоковедения РАН».

Поэтому возьму на себя смелость очень коротко прояснить некоторые моменты. Как ни странно, но ни в научной литературе, ни в международных документах до сих пор нет общепринятого определения инвалидности. Авторы этого раздела журнала исходят из определения, данного в Конвенции ООН по правам инвалидов. Согласно ему, «Инвалидность есть следствие дефектов, являющихся физиологическими или функциональными отклонениями, возникшими в результате заболевания, несчастного случая и др.³. Здесь, как во многих случаях, инвалидность определяется исходя из медицинских показателей. Более сложная картина представлена в документах Всемирной организации здравоохранения, в которых обычно различают IMPAIRMENT (отсутствие того или иного органа, какие-либо нарушения физического или ментального плана); HANDICAP (трудности или препятствия для нормальной жизнедеятельности человека, возникающие вследствие указанных особенностей); DISABILITY (ограниченность возможностей в силу разных врожденных или приобретенных нарушений)⁴. Здесь обращается внимание на условия, препятствующие деятельности человека в разных сферах, хотя не уточняется, о каких препятствиях идет речь.

Уместно также напомнить, что к изучению инвалидности ученые вплотную обратились после двух мировых войн, когда многие общества столкнулись с проблемами огромного числа людей разного пола и возраста, пострадавших от военных действий и связанных с ними явлений (последствий военных действий, в том числе массовых бомбардировок и обстрелов, эпидемий, голода, жестокого обращения и др.). Усилению внимания к проблемам людей с серьезными нарушениями здоровья способствовали также многочисленные движения различных групп и меньшинств за свои права, развернувшиеся в 1960–1970-е гг. в странах Северной Америки и Европы (среди них были также люди с ограниченными возможностями здоровья). С тех пор изучение инвалидности за рубежом, в том числе в ряде стран Востока, превратилось в особую область социального и гуманитарного знания. В ней постепенно вырабатывались различные подходы и терминология (подробнее см.: [Barton, 1989; Oliver, 1996; Corker, Shakespeare, 2002; Siebers, 2008; Campbell, 2009; Goodley, 2011; Mallett, Runswick-Cole, 2014; Watson, Vehmas, 2020], а также различные модели инвалидности.

О моделях инвалидности написано очень много, есть хорошие обзорные работы и главы, в том числе в нашей стране [Ендальцева, 2018; Носенко-Штейн, 2022; Siebers, 2008; Goodley, 2011; Watson, Vehmas, 2020]. Поэтому совсем кратко охарактеризую некоторые из них. Наиболее ранней многие считают медицинскую модель, согласно которой инвалидность — это последствие тяжелого заболевания, травмы или нарушения функций организма, а человек с инвалидностью — тяжело больной, которого нужно лечить и реабилитировать, но который заведомо хуже так называемого

³ Конвенция ООН о правах инвалидов. 2006. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 12.02.2023).

⁴ Всемирный доклад об инвалидности. 2011. URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru (дата обращения: 23.12.2023).

условно здорового человека, несамостоятелен и не способен принимать решения [Fisher, Goodley, 2007; Thomas, 2007; Rasell, Iarskaia-Smirnova, 2014]. Эта модель давно подвергается справедливой критике, поскольку в ее рамках человек с ограниченными возможностями здоровья представлен как «худший», «неполноценный» и т. п., но она до сих пор господствует не только в массовом сознании населения большинства постсоветских стран (и не только), но и явно или латентно присутствует в ряде отечественных трудов. На смену медицинской пришла социальная модель инвалидности, последователи которой сместили фокус с трагедии личности на дискриминацию людей с инвалидностью как группы, осуществляемой ради контроля над ресурсами, поведением и разными сферами жизни этих людей [Ярская-Смирнова, 1999; Hughes, Paterson, 1997; Shakespeare, Watson, 2001; Bolt, 2005]. Эта модель в настоящее время наиболее распространена в изучении инвалидности, особенно за рубежом, но ее сторонники нередко игнорируют исторический и культурный контексты, а также личностные и физиологические проблемы (боль, чувство дискомфорта, психологическое напряжение и пр.) [Siebers, 2008]. Существуют и другие модели, выдвигающие на передний план уникальность опыта людей с инвалидностью, правовые проблемы и защиту их прав, проявления телесности и др. [Ендальцева, 2018; Jonston, 2005; Thomas, 2007; Mallett, Runswick-Cole, 2014].

В этом небольшом разделе журнала авторы статей придерживаются социокультурной (или историко-культурной) модели, которая исходит из того, что инвалидность — это имеющий био-медицинские корни феномен, однако конструируемый в конкретном обществе и изменяющийся в зависимости от исторических реалий, культурного контекста (включая религиозные предписания, этнические традиции, традиционные ценности и др.) [Ендальцева, 2018; Носенко-Штейн, 2022].

В этой связи необходимо сказать о некоторых терминах. Большинство исследователей в настоящее время избегают термина «инвалид», ибо, как показывают многочисленные работы, многие люди считают его не просто пейоративным, но даже оскорбительным (исключения составляют обращения к официальным документам и названиям организаций, где этот термин и производные от него используются). Не вдаваясь в длительную дискуссию, авторы этого раздела стараются употреблять термин «люди с ограниченными возможностями здоровья» (ОВЗ), хотя и он иногда подвергается критике. В ряде случаев мы также применяем термин «человек с инвалидностью» (в основном когда речь идет опять же о деятельности различных организаций или государственной политике). По тем же причинам мы не употребляем устаревшие термины «глухонемой», «умственно отсталый» (если речь не идет о цитировании текстов прошлого или фрагментов интервью), а также стараемся заменять слово «слепой» на «незрячий» и др.

Разумеется, проблемы тяжелых заболеваний, травм и их последствий, другой телесности, места человека с различными нарушениями в обществе, системе ценностей, принятых в конкретном обществе в конкретное время, обращали на себя внимание в странах и культурах Востока, начиная с древности. В иудаизме, например, тяжелая болезнь рассматривалась как божественная кара за грехи предков. Эти представления в видоизмененном виде перешли и в христианство. Так, слепота в иудаизме, как, впрочем, во многих культурах, считалась одним из самых тяжких несчастий, которые могут постигнуть человека, а ослепление врага — одним из самых страшных его наказаний (см., например, рассказ об ослеплении царя Седекии в 4 кн. Царств (25: 1–7)). Нельзя забывать, что в прошлом те или иные физические или ментальные нарушения нередко связывали с определенными, чаще негативными качествами личности. Отсюда и отношение к таким людям, например, к глухим в раннем исламе [Замалетдинова, 2009]. Тут следует упомянуть о таком понятии, как стигматизация инвалидности, т. е. отношение к ней как к каре, а к людям с ОВЗ — как к худшим, «обузе для общества» и пр. Об этом явлении в 1960-х гг. говорил американский социолог И. Гоффман, имея в виду восприятие и практики по отношению к различным группам, обладающим низкими

статусами [Goffman, 1963]. Она существовала в прошлом, продолжает существовать и в наши дни, будучи тиражируемой различными СМИ, отчасти художественной литературой и даже (около) научными публикациями. В конкретных обществах стигматизация приобретала различные формы: например, в Японии (стране «культуры стыда», по выражению Р. Бенедикт [Бенедикт, 2004]) в прошлом обычно стыдились ребенка с серьезными физическими или ментальными нарушениями, это сохраняется и в настоящее время. Впрочем, в последние полтора-два десятилетия во многих странах Востока тоже происходят изменения по отношению к людям с ОВЗ (при этом все шире начинают использовать новые технологии для доступа таких людей к образованию, для получения новых профессий, участия в религиозной жизни и т. п.): во многих странах ислама, например, появились телепередачи и проповеди в мечетях, сопровождаемые сурдопереводом (для глухих); издаются книги, набранные по системе Брайля (точечно-выпуклый шрифт), в том числе священные тексты; все чаще в судебном порядке в разных странах защищаются права людей с ОВЗ; развиваются разнообразные формы благотворительности, людей с ОВЗ можно видеть в музеях, театрах, ресторанах и других общественных пространствах, приспособленных под их особенности.

Если вернуться к изучению различных проблем инвалидности в культурах Востока, за последние годы за рубежом появляются работы, посвященные различным проблемам людей с ОВЗ: их образованию, трудоустройству, их репрезентации в литературе и СМИ, проявлениям их телесности и пр. [Choi, 2001; Miho, 2003; Gagan, 2019]. Отдельные исследования стали появляться и в нашей стране (например: [Замалетдинова, 2009; Носенко-Штейн, 2020; Савин, 2022]).

Тут уместно напомнить, что в 2022 г. в рамках Института востоковедения РАН была создана небольшая исследовательская группа «Инвалидность в странах и культурах Востока», куда помимо сотрудников института (Е. Э. Носенко-Штейн, И. С. Савин, М. А. Горбачева) вошли ученые из ряда российских академических институтов и вузов (А. В. Фролова и Н. З. Куров — Институт этнологии и антропологии РАН, Москва; А. И. Бугровский — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург; Р. Ш. Кузнецова и Х. Р. Курова — Кубанский государственный университет, Краснодар). Кроме того, участники группы постоянно сотрудничают с исследователями из других российских вузов и центров (Нижний Новгород, Самара, Сыктывкар, Томск), а также из Беларуси и Израиля.

Группа создана недавно, тем не менее ее участники уже провели ряд экспедиций в Республику Адыгея, Абхазию, Армению, Казахстан, опубликован ряд работ, в том числе сборник статей, планируются исследования в Грузии, Кабардино-Балкарии, Израиле и других странах, областях РФ. Основное внимание участников группы привлекают современные социокультурные, этнические и религиозные процессы, протекающие в указанных регионах и имеющие отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья, а также проблемы внедрения цифровых технологий, призванных улучшать качество жизни этих людей.

Многие проблемы вполне могли бы стать объектом изучения в Институте востоковедения: среди них восприятие инвалидности и ее отдельных категорий в религиях (исламе, иудаизме, буддизме и пр.); репрезентация людей с ОВЗ в литературе, фольклоре, искусстве; положение отдельных групп таких людей в различных странах и обществах в прошлом и настоящем; проблемы интеграции людей с ОВЗ на Востоке (включая статусные различия, дискриминационные практики, попытки реабилитации и адаптации, в том числе в образовании, трудоустройстве, развитии социальных бизнесов, благотворительности, семейной жизни и многое другое). Мы приглашаем к сотрудничеству историков, филологов, экономистов, социологов, антропологов — ученых и аспирантов из разных отделов нашего института. Помимо академического интереса, такие исследования могут

иметь вполне практическое значение: использование опыта разных стран во внедрении новых технологий и улучшении качества жизни весьма значительной группы населения.

Именно этому посвящены статьи данного небольшого раздела. А. И. Бугровский на материалах своих полевых исследований рассматривает деятельность различных неправительственных организаций в Армении, направленную на улучшение качества жизни людей с ОВЗ, включая распространение цифровой грамотности, использование цифровых технологий в образовании, а также возникающие на этом пути сложности. В статье И. С. Савина рассматриваются проблемы цифровизации разных сфер жизни людей с ОВЗ в Казахстане, а также освоение новых профессиональных компетенций этими людьми и формирование новых форм их идентичности.

Завершает подборку работа Х. Р. Куровой, которая, опираясь как на свои полевые материалы, так и на исторические свидетельства, изучает отношение к людям с ОВЗ в культуре адыгов и рассматривает проблемы благотворительности в Республике Адыгея.

Эта небольшая подборка — одна из первых в отечественном востоковедении, освещающая некоторые аспекты жизни людей в тех постсоветских странах и регионах РФ, которые традиционно относят к Востоку. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем российские востоковеды обратят на эти проблемы более пристальное внимание.

Литература / References

Бенедикт Р. *Хризантема и меч. Модели японской культуры*. СПб., 2004 [Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. St.-Petersburg, 2004 (in Russian)].

Ендальцева А. С. Disability Studies и поиски «чистой» модели: про швы, не-возможность и пространство: между Глобальным Югом и Глобальным Севером. *Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики)*. Отв. ред. А.С Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М., 2018. С. 43–74 [Yendaltseva A. S. Disability Studies and searches for the «pure» model: about stitches, disability of space — between the Global South and Global North. *The Back Side of the Moon, or What We Do Not know of Disability (Theory, Representation, Practices)*. Ed. by A.S Kurlenkova, E. E. Nosenko-Stein. Moscow, 2018. Pp. 43–74 (in Russian)].

Замалетдинова Ю. З. *Люди с нарушениями слуха и зрения в исламе*. М., 2009 [Zamaletdinova Yu. Z. *Visually and Hearing Impaired people in Islam*. 2009 (in Russian)].

Носенко-Штейн Е. Жить и работать в Израиле: опыт бывших советских граждан с нарушениями зрения. *Современный Израиль: языки, общество, культура*. Отв. ред. Е. Носенко-Штейн, Д. Соболев. М., 2020. С. 291–332 [Nosenko-Stein E. To live and to work in Israel: experiences of ex-Soviets with visual impairments. *Contemporary Israel: Languages, Society, Cultures*. Ed. by E. Nosenko-Stein, D. Sobolev. Moscow, 2020. Pp. 291–332 (in Russian)].

Носенко-Штейн Е. Э. Расширяя границы исследований: изучение инвалидности в гуманитарных и социальных дисциплинах. *Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*. 2022. № 2. С. 48–51 [Nosenko-Stein E. E. Expanding boundaries of research: studying disability in humanitarian and social sciences. *Newsletter of Nizhny Novgorod University. Social Sciences Series*. 2022. No. 2 (66). Pp. 48–51 (in Russian)].

Савин И. С. Инвалидность как социокультурный феномен в Казахстане: поселенческий и религиозный аспекты. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*. 2022. № 2 (66). С. 74–81 [Savin I. S. Disability as a sociocultural phenomenon in Kazakhstan: regional and religious aspects. *Newsletter of Nizhny Novgorod University. Social Sciences Series*. 2022. № 2 (66). Pp. 74–81 (in Russian)].

Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности. *Социологические исследования*. 1999. № 4. С. 38–45 [Yarskaia-Smirnova E. R. Social Construction of Disability. *Sociological Studies*. 1999. No. 4. Pp. 38–45 (in Russian)].

Barton L. *Disability and Dependency*. London — New York — Philadelphia, 1989.

- Bolt D. From Blindness to Visual Impairment: Terminological Typology and the Social Model of Disability. *Disability & Society*. 2005. Vol. 20 (5). Pp. 539–552.
- Campbell Th., Fontes F. Hemingway L., Soorenian A., and Till C. (ed.). *Disability Studies Emerging Insights and Perspectives*. Leeds, 2008.
- Choi Kyeong-Hee. Impaired Body as Colonial Trope: Kang Kyong'ae's "Underground Village". *Public Culture*. 2001. Vol. 13(3). Pp. 431–458.
- Corker M., Shakespeare T. *Disability / Postmodernity: Embodying Disability Theory*. Bloomsbury, 2002.
- Fisher P., Goodley D. The linear medical model of disability: mothers of disabled babies resist with counter-narratives. *Sociology of Health & Illness*. 2007. Vol. 29 (1). Pp. 66–81.
- Gagan Ch. Two worlds, too apart to converge? A comparison of social regulation policies aimed at the employment of disabled people in Norway and India. *ALTER*. 2019. Vol. 13 (2). Pp. 83–100.
- Goodley D. *Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction*. London, 2011.
- Hughes B., Paterson K. The social model of disability and the disappearing body: towards a sociology of impairment. *Disability & Society*. 1997. Vol. 12 (3). Pp. 325–340.
- Johnstone D. *An Introduction to Disability Studies*. 2nd ed. London, 2005.
- Mallett R., Runswick-Cole K. *Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives*. New York, 2014.
- Miho I. Being Disabled in Modern Japan: A Minority Perspective. Kramer E. M. (ed.). *The emerging monoculture: assimilation and the "model minority"*. Bloomsbury, 2003.
- Oliver M. *Understanding Disability: From Theory to Practice*. London, 1996.
- Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. Conceptualizing disability. *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life*. Ed. by M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. Abington, 2014.
- Shakespeare T., Watson N. The social model of disability: an outdated ideology. Barnartt S., Altman B. (eds). *Exploring Theories and Expanding Methodologies. Research in Social Science and Disability*. Amsterdam and New York, 2001. Pp. 9–28.
- Siebers T. *Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies*. Ann Arbor, 2008.
- Thomas C. *Sociologies of Illness and Disability: Contested Ideas in Disability Studies and Medical Sociology*. Basingstoke, 2007.
- Watson N., Vehmas S. (ed.). *Routledge Handbook of Disability Studies*. 2nd ed. New York, 2020.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ПРИМЕР РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ*

© 2024

А. И. Бугровский¹

Цель статьи — представить цифровые технологии, используемые для социальной защиты лиц с инвалидностью в Республике Армения, а также изучить вопрос о цифровой грамотности и ее влиянии на качество жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ — далее). Случай Армении любопытен для исследования в связи с ее современным контекстом цифровизации: унаследованные от советского времени практики работы с лицами с инвалидностью пересекаются с появлением инноваций и изменениями в социальной политике в отношении людей с ОВЗ, также прослеживаются активные действия некоммерческих акторов, улучшающие качество жизни данной категории граждан. Границы исследования зафиксированы в период распространения цифровизации в Армении во всех сферах с 2008 г. по настоящее время. Источниками для данной работы послужили транскрипты глубоких структурированных интервью с представителями неправительственных организаций и социальных стартапов, чья деятельность связана с вопросами цифровой грамотности, использования людьми с ОВЗ цифровых технологий, качества их жизни в Ереване и Гюмри. Дополнительно проведен анализ вторичных данных — информационных материалов о деятельности неправительственных организаций Армении в социальных сетях и веб-сайты организаций. Представленные в статье примеры цифровых технологий демонстрируют высокие позиции Армении по развитию ИТ сферы и цифровизации экономики среди постсоветских стран, однако это сочетается со средним уровнем цифровой грамотности, развитым преимущественно у молодежи. Несмотря на совершенствование законодательства о социальной защите инвалидов, исследование выявило проблемы применения цифровых технологий для улучшения жизни лиц с ОВЗ, препятствующие масштабированию практик использования цифровых технологий и повышению качества жизни лиц с инвалидностью.

Ключевые слова: цифровые технологии, качество жизни, лица с инвалидностью, Республика Армения

Для цитирования: Бугровский А. И. Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: пример Республики Армения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 360–374. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-360-374

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №23-18-00214: «Цифровые технологии и качество жизни людей с ОВЗ: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль».

¹ Бугровский Александр Игоревич, кандидат политических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; bugrovskiyalex93@gmail.com
Aleksandr I. Bugrovskii, PhD (Political science), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; bugrovskiyalex93@gmail.com
ORCID: 000-0001-5631-1842

DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE QUALITY OF LIFE OF PEOPLE WITH DISABILITIES: THE CASE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Aleksandr I. Bugrovskii

This article presents digital technologies used in social protection of persons with disabilities in the Republic of Armenia, as well as to explore the issue of digital literacy and its impact on the quality of life of persons with disabilities. The case of Armenia is interesting for the study due to its current context of digitalization where the Soviet legacy practices of working with people with disabilities intersects with the emergence of innovations and changes in social policy regarding people with disabilities and active non-profit actors improving the quality of life of people with disabilities in the republic. The boundaries of the study are fixed in the period of digitalization in Armenia in all spheres from 2008 to the present. The results of 16 in-depth structured interviews with representatives of non-governmental organizations and social start-ups on digital literacy, the use of digital technologies by people with disabilities, and the quality of life of people with disabilities in Yerevan and Gyumri are presented. Additionally, secondary data: information materials about the activities of Armenian NGOs in social networks and websites of the organizations were analyzed. The examples of digital technologies presented in the article demonstrate Armenia's high position in the development of the IT sphere and digitalization of the economy among post-Soviet countries, but this is combined with an average level of digital literacy, developed mainly among young people. The study reveals the problems of applying digital technologies to improve the lives of persons with disabilities, despite the Armenian developed legislation on social protection of persons with disabilities, hindering the scaling up of digital technology practices and improving the quality of life of persons with disabilities.

Keywords: digital technologies, quality of life, persons with disabilities, Republic of Armenia

For citation: Bugrovskii A. I. Digital Technologies and the Quality of Life of People with Disabilities: the Case of the Republic of Armenia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 360–374. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-360-374

Введение

Современный мир сталкивается с обширной цифровизацией услуг и сервисов, захватывающей как страны Глобального Севера, так и страны Востока. В ответ на вызовы цифровизации в виде изменения способов производства и экономической стоимости товаров и услуг [Beer, Burrows, 2013; Featherstone, 2009] различные государства пытаются обуздать этот процесс, изучить его и цифровой контекст, действующих в нем акторов [Lupton, 2013] и адаптировать включенные в цифровой контекст новшества и инновационные технологии ради блага своих граждан. Упомянув блага в данной статье, следует пояснить, что речь пойдет о качестве жизни граждан — одном из основных атрибутов постиндустриального общества. Сама по себе характеристика качества жизни является интегральной переменной, на состояние которой влияют как внешняя окружающая среда, включающая различные государственные системы обеспечения жизнедеятельности — транспорта, здравоохранения, образования, различные технологии [Лотопова, 2015], когнитивные аспекты, такие как степень удовлетворенности государственными системами жизнеобеспечения, а также эмоциональные особенности: ценностные ориентации граждан². Для данного исследования важно интерпретировать понятие «качество жизни» в связи с его

² Мельник Ю. В. Особенности социального движения инвалидов за независимую жизнь в России и за рубежом. URL: http://science.ncstu.ru/conf/past/2007/stud/theses/ped/29.pdf/file_download (дата обращения: 10.03.2024).

взаимосвязью с социальным благополучием граждан, как это анализирует Аргунова [Аргунова, 2016], и его междисциплинарной применимостью к людям с инвалидностью, как это характеризует Лотопова. Уровень качества жизни населения дифференцируются в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, в частности, лица с инвалидностью демонстрируют низкую удовлетворенность своим качеством жизни из-за малодоступности широкого спектра технологий, услуг и сервисов в сравнении с условно здоровыми людьми [Лотопова, 2015]. В отечественной науке исследования проблем качества жизни людей с ОВЗ в постсоветских странах, в том числе в Армении, очень немногочисленны. Данная статья — одна из первых такого рода. По итогам 2022 г. Министерство труда и социальной защиты Армении зафиксировало, что в республике проживает 193086 людей с инвалидностью, что составляет 6,9% от общей численности населения, равной 2780469 граждан. Из представленной численности лиц с ОВЗ мужчины составляют 52%, женщины — 48%, а лица до 18 лет — 4,8% от всей численности инвалидов. От 7 до 9% от общей численности лиц с инвалидностью старше 18 лет официально трудоустроены, большинство трудоустроенных представлены маломобильными гражданами — колясочниками. Наименьшее число работающих инвалидов представляют лица с инвалидностью по зрению. По статистике государственных органов Армении, инвалиды, как указано выше, составляют 6,9% среди условно здорового населения, на практике, как полагают эксперты, инвалидность имеют 13% людей, но у них нет официально зарегистрированного «инвалидного статуса». Скачок роста численности лиц с ОВЗ в Армении произошел в результате военных конфликтов в 2020–2023 гг. Между тем многие проблемы этих людей не изучены или изучены слабо. Представленное исследование демонстрирует отсутствие информации об особенностях использования технологий и качестве жизни лиц с ОВЗ, несмотря на множество работ по изучению феномена инвалидности в Армении и восполняет это поле исследований современным эмпирическим контекстом.

Данная статья продолжает серию исследований о помогающих технологиях для лиц с ОВЗ в постсоветских странах и является результатом экспедиция по исследованию цифровых технологий и качества жизни людей с инвалидностью в Республике Армения в сентябре 2023 г. Выбор современной Армении обоснован ее контекстом цифровизации, в котором унаследованные от советского времени практики работы с людьми с ОВЗ пересекаются с появлением инноваций и изменений в социальной политике в отношении людей с инвалидностью и активными неправительственными акторами, улучшающими качество жизни людей с инвалидностью в республике.

Экспедиция проведена с целью найти ответы на следующие вопросы: 1) Какие инновационные технологии внедряются в Армении в социальной защите лиц с инвалидностью? 2) Как цифровые технологии и цифровая грамотность в контексте цифровизации влияют на качество жизни людей с инвалидностью в этой стране.

Литература, источники и методы

Исследовательская литература по изучению инвалидности и качества жизни этой категории граждан в Республике Армения представляет разнообразие работ, посвященных зарождению гражданского активизма, формированию структуры гражданского общества и его акторов [Blue, Ghazaryan 2004; Ishkanian 2008; Paturyan, 2015], развитию помощи детям с ограниченными возможностями [Erickson, 2005], дискуссиям о специальном и инклюзивном образовании для детей и молодежи с ограниченными возможностями [Smidt, 2013], исследованиям социального капитала среди различных акторов гражданского общества Армении [Babajanian, 2008], участию волонтеров в деятельности неправительственных организаций [Акопян, 2008; Акопян и Тадевосян, 2010],

экологическому активизму [Ishkanian et al., 2013]. Другие работы изучают развитие гражданского общества и его акторов после распада Советского Союза. Третий сектор с активными субъектами гражданского общества в Армении консолидирован и достаточно развит, но в то же время он оторван от общества в целом и во многом определяется идеями и программами бенефициаров и доноров [Paturyan, Gevorgyan, 2016; Stefes and Paturyan, 2021].

Вопрос изучения качества жизни лиц с ОВЗ прослеживается в исследованиях социальной политики Армении. Например, группой исследователей [2020] выявлена эффективность целевых вмешательств для улучшения качества социальных взаимодействий и коммуникативных навыков детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), что ведет к повышению качества жизни [Ladrola et al., 2020; Kasari et al., 2012]. Цифровые технологии играют здесь решающую роль — мобильные приложения и программное обеспечение, разработанные для визуальной поддержки и социальных историй, помогают лицам с нарушениями зрения в общении и развитии новых навыков [Muradyan, 2023], лицам с РАС они облегчают общение и способствуют взаимодействию с условно нормальными детьми, подчеркивая потенциал цифровых технологий в улучшении социальных и эмоциональных навыков [Ramdoss et al., 2012]. Исследования учащихся с расстройствами аутистического спектра, дислексией или синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) демонстрируют, что они уязвимы к влиянию на них дезинформации из интернет-источников [Alcorn, Fletcher-Watson, 2022] в процессе образования и общения со сверстниками, а также зачастую не обладают навыками использования цифровых технологий. Дезинформация и отсутствие цифровой грамотности создают уникальные проблемы для учащихся с ОВЗ, повышая их уязвимость к тревоге, стрессу и замешательству, одновременно негативно влияя на их самооценку и социальное взаимодействие [Avetisyan, 2023], приводят к академическим неудачам и социально-психологическим расстройствам, что совокупности снижает удовлетворенность лиц с инвалидностью их качеством жизни.

По мнению В. Марукян, получение доступа к специализированным услугам, методам лечения и образовательным ресурсам для лиц с инвалидностью в Армении является серьезным вызовом для государства. Родители детей с инвалидностью могут столкнуться с препятствиями при навигации по системе здравоохранения, записи на прием к врачу и получении соответствующей образовательной поддержки. Исследовательница отмечает трудности с поиском услуг, необходимых и подходящих для детей с ОВЗ, родителям приходится выбирать ограниченный набор услуг, представляемый локально государственными структурами или неправительственными организациями [Marukyan, 2023].

Исследование Мурадян технологий реабилитации для лиц с ограниченными возможностями зрения в образовательных целях продемонстрировало, что слабовидящие учащиеся реже сталкиваются с проблемами при использовании компьютерных технологий, тотально незрячие испытывают массу затруднений при выполнении этих действий и могут пользоваться технологиями только с помощью преподавателей или друзей, родственников, что не способствует интеграции в общество и повышению качества их жизни [Muradyan, 2023].

Для ответа на поставленные вопросы с сентября по октябрь 2023 г. мной была осуществлена экспедиция в Республику Армения, проведены экспертные интервью с представителями организаций неправительственного сектора Армении в городах Ереван и Гюмри. Границы этого исследования определены с 2008 г. — момента активного распространения цифровизации в Армении во всех сферах, в частности в деятельности неправительственных организаций, фокусирующих свою работу на социальной защите лиц с инвалидностью.

Информантами для исследования выступили представители неправительственных организаций, поскольку они обладают опытом реализации государственной социальной политики

в отношении лиц с ОВЗ и предоставляют экспертную оценку в рамках своей профессиональной деятельности. Для сбора данных относительно цифровой грамотности лиц с инвалидностью и использования цифровых технологий для улучшения их качества жизни мной был разработан гайд из трех блоков вопросов: 1) общие вопросы о положении людей с ОВЗ в Армении; 2) вопросы о деятельности конкретной организации; 3) использование цифровых технологий лицами с инвалидностью в той или иной сфере. Поиск информантов для интервью происходил с помощью принципа «снежного кома». В рамках исследования проведены 16 глубинных структурированных интервью с представителями неправительственных организаций и социальных стартапов, занимающихся социальной защитой лиц с ОВЗ. Помимо интервью, источниками данных послужили информационные материалы о деятельности неправительственных организаций Армении в социальных сетях и веб-сайты организаций.

Цифровизация и цифровая грамотность в Республике Армения

В ходе экспедиции был изучен контекст Республики Армения как случая для изучения технологий для лиц с инвалидностью. К вопросу изучения цифровых навыков граждан в Республике Армения: под цифровой грамотностью я понимаю умение пользоваться цифровыми сервисами, эффективно работать с полученной информацией и личными данными, знать основы информационной безопасности.

Исследования цифровизации экономики и уровня развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) Г. Арутюняна, изучение изменений институциональной системы в целях перехода к цифровой экономике Г. Саргсяна демонстрируют высокий уровень цифровизации в Республике Армения. Подобный вывод следует из косвенной оценки тренда цифровизации через индексы сетевой готовности (Networked Readiness Index) и глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index). Исследователи отмечают, что Армения отражает показатели выше среднего по сравнению со странами СНГ [Арутюнян, 2022], что подтверждается высокой распространенностью интернета и широкополосной мобильной связи как в столице, так и в отдаленных регионах страны [Арутюнян, 2022], несмотря на существующую разницу в доходах населения. По показателю инновационной деятельности страна не является аутсайдером, а занимает 72-е место в общем рейтинге по оценке инновационного индекса в 132 странах³. В дополнение к вышесказанному в республике принята стратегия цифровизации, регулирующая внедрение цифровых норм в государственное управление, модернизацию экономики, создание безопасной цифровой среды, развитие цифровых навыков⁴. Исследователь отметил положительную динамику в развитии использования интернета в республике, однако темпы развития значительно ниже, чем мобильной связи. Граждане Армении используют интернет в большей степени для развлечения и взаимодействия в социальных сетях; что касается работы в интернете, торговли, создания цифрового контента, то эти показатели значительно ниже [Арутюнян, 2022]. Исследования М. Тадевосяна 2019 г. подтверждают выявленные особенности и фокусируются на цифровой грамотности населения Армении, индекс которой равен 16,6%. Исследование демонстрирует низкие процентные соотношения в познаниях об информационной безопасности, способности искать и верифицировать информацию, создавать контент среди граждан старше 35 лет. Ожидаемо высокий

---

³ Глобальный инновационный индекс 2023 года. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Стратегия цифровизации Армении на 2021–2025 годы, утвержденная решением правительства РА от 11 февраля 2021 г. № 183 (дата обращения: 15.03.2024).

уровень цифровой грамотности выявлен в Ереване, а самый низкий — в Арагацотнской области, более развиты цифровые компетенции у мужчин в возрасте от 26 до 35 лет, получивших высшее образование [Тадевосян, 2022]. Представленные исследования демонстрирует актуальную картину цифровизации и цифровой грамотности для граждан в целом, в рамках которой живут люди с ОВЗ в Армении, что подтверждается информацией из интервью (Мушрег, представитель Disability Rights Armenia, 25.09.2023):

«Что касается цифровой грамотности людей с ограниченными возможностями, то ситуация меняется. Молодые люди с ОВЗ в основном широко пользуются мобильными телефонами и компьютерами, потому что они начали пользоваться ими еще в детстве. Наше поколение еще не настолько изменилось, чтобы использовать некоторые технологии, сейчас дети рождаются с умением печатать, не зная букв, просто узнавая их формы. В Армении есть специальные организации, работающие с цифровой грамотностью для людей с ограниченными возможностями, и особенно важно иметь такие проекты и услуги, потому что в новостных СМИ много манипуляций вокруг политических тем, и людям с ограниченными возможностями важно знать, как определить, где находится актуальная и проверенная информация. С этого года в рамках национальной учебной программы все дети будут обучаться медиаграмотности, в том числе и дети с ограниченными возможностями».

Проведенное кабинетное исследование выявило исследовательскую лакуну в изучении особенностей использования технологий и качества жизни лиц с инвалидностью в Армении в исследовательской литературе.

Технологии и качество жизни лиц с инвалидностью в Республике Армения

Во время экспедиции мной были зафиксированы как инновационные, так и уже распространенные технологии, используемые, как мне довелось видеть, лицами с инвалидностью, о которых упоминали информанты. Зачастую они не говорили о наиболее очевидных технологиях, например об использовании компьютерных сетей и беспроводного интернета через мобильные устройства связи для коммуникации в социальных сетях. Тем не менее подобные технологии для людей с ОВЗ в Армении являются наиболее доступным способом взаимодействия ввиду дешевой стоимости интернета и мобильной связи. Социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Одноклассники» и другие являются способом коммуникации, а мессенджер вроде «WhatsApp» — основным инструментом взаимодействия для таких людей (Айк и Юрий, инвалиды по зрению, члены Армянского общества слепых, 28.09.2023):

«— Как вы взаимодействуете в социальных сетях? Голосовые сообщения тоже вроде не так давно появились?»

— Нет, сколько времени у меня телефон есть, столько я и пользуюсь (голосовыми). Чаще я WhatsApp пользуюсь, и мессенджерами пользуемся, всякими. Когда надо быстро, голосовое отправляем, и все. Надо писать, пишем, надо эмоции поставить, ставим».

Интересен опыт использования мессенджеров для проведения культурно-массовых мероприятий Домом культуры Армянского общества слепых. Посетители дома культуры адаптировали проведение викторин «Что? Где? Когда?» для онлайн аудитории, охватывающей не только армян, но и граждан других постсоветских стран с нарушениями зрения (Айк, инвалид по зрению, член Армянского общества слепых, 28.09.2023):

«Конечно, у нас есть разные голосовые программы. У нас есть место, где мы онлайн в «Что? Где? Когда?» играем. Мы в онлайн викторины начали очень давно, я вошел в эти чаты 5 лет назад, и в этих чатах мы на русском языке разные прикольные мероприятия делаем. Мы здесь записываем,

кто-то в России, кто-то на Украине, кто-то в Узбекистане. Эти записи делаем, потом делаем монтаж и отправляем очень многим. Очень многие, сидя дома, свою жизнь меняют. Бывает, что человек думает, чем бы ему заняться, и находит подобные чаты, мы видим новых участников и начинаем им предлагать участвовать в наших играх».

Распространенными среди людей с нарушениями зрения в Армении технологиями является программное обеспечение JAWS (Job Access With Speech), NVDA (Non-Visual Desktop Access) — программами экранного доступа, позволяющими незрячим работать на компьютере и выходить в интернет. Ранее в республике разработана собственная тифло-информационная система⁵ «Арев», позволяющая изучать расстановку букв и знаков на клавиатуре, озвучивать текстовые части веб-сайтов с помощью синтезированного голоса, читать книги и печатные документы, писать электронные письма, играть в шахматы, производить вычисления на калькуляторе, вести ежедневник и многое другое (Айк, инвалид по зрению, член Армянского общества слепых, 28.09.2023):

«Если не ошибаюсь, у меня появился сотовый телефон в 2004 году и компьютер. В то время у нас армянскую программу сделали «Арев», в переводе она называлась «Солнце». Я свои курсовые, дипломные работы делал в этой программе. Далее появилась программа NVDA — это компьютерная программа общая, которая все делает. Когда программа «Арев» уже нормально не функционировала, все перевелись на программу NVDA, и большинство сейчас из наших друзей ей пользуются. JAWS тоже пользуются, она общая, весь компьютер видно, и ей пользуются, но чаще всего NVDA пользуются, потому что NVDA и на армянском тоже читает».

Исследование помогающих технологий для школьников с инвалидностью по зрению выявило, что в школах используется только система «Арев». Следует отметить много недостатков этого ПО: количество языков невелико, возможности ограничены, произношение неудобное. Некоторые слабовидящие ученики могут полноценно пользоваться только этой системой, другие — с трудом или с помощью учителя [Muradyan, 2023]. Информанты подтверждают эти результаты, отмечая существование барьера в развитии технологий «текст в речь» (speech) ввиду отсутствия финансирования разработок полноценного синтезатора «армянского голоса» (Вахе, представитель White Cane, 28.09.2023):

«— Существует проблема в данный момент, что у нас армянского синтезатора нет. Есть синтезаторы голоса французские, русские, американские... То есть голос сам чтобы чисто армянский был, у нас нет... у нас армянский язык читает не очень качественно робот, а дети поэтому очень плохо учатся. В принципе если много с работать с имеющимся синтезатором, будет проблема со слухом, потому что это не человеческий голос, тембр и высота голоса вообще другие.

— А в чем проблема? Не могут перефразировать, перевести?

— Проблема в данный момент в денежных средствах. Я считал, гранты написал и т. д., 50 тысяч баксов, и все, эта проблема решается, но эту тему никто не продвигает вперед. Из Европы эксперты писали, что в скринридерах нужен армянский голос обязательно, даже в списке замечаний по есть сейчас, но опять ничего с этим не делается».

Помимо общеизвестных программ, люди с ОВЗ в Армении используют цифровые приложения для компьютеров и смартфонов, позволяющие коммуницировать с другими людьми, а также получать образование и заниматься развитием детей с инвалидностью. Так, например Армянское общество глухих предоставляет услугу видеозвонков для своих членов (Арташес, представитель Voice of Saliency, 06.10.2023):

⁵ «Тифло» — от греч. Тифлос — незрячий). Тифлоинформационная система — это комплекс программ, позволяющий людям с частично или полностью отсутствующим зрением получать, обрабатывать и передавать информацию с помощью персонального компьютера.

«Инвалидам по слуху не обязательно иметь сурдопереводчика, если вы идете к врачу, в государственные органы и т. д. В случае с Арменией — у нас всего 15 переводчиков на всю страну. Технологии решают эту проблему — можно организовать видеозвонок с переводчиком. Сейчас армянское общество глухих предоставляет переводчика своим членам, и это меняет качество их жизни». Однако, по мнению информантов, предоставление этой услуги носит скорее стихийный разовый характер и не покрывает потребностей членов общества. В ходе экспедиции мне удалось выявить, что технологии по автоматическому предоставлению субтитров на телевидении в Армении развиты в меньшей степени, чем в России, большинство субтитров создается людьми, а не автоматическим способом при помощи стенотайпа (стенографической машины с аккордовой клавиатурой, где набор текста происходит благодаря одновременному нажатию комбинаций клавиш. Прибор позволяет осуществлять синхронный перевод устной речи в текст)⁶. Информант отметил, что зачастую разработанные технологии просто не используются, и при отсутствии финансирования о них забывают:

«Была программа «SOS», нажимаешь кнопочку красную, и через определенное время если ты не отвечаешь, по твоему адресу отправляют полицейских, МЧС, скорую и т. д. Но почему-то эта программа сейчас не работает. Бюджетные деньги тратятся, но они не следят за тем, как они тратятся, есть ли, например, польза от этого или нет».

Цифровые технологии в процессе образования лиц с инвалидностью

Значительные усилия по развитию цифровых технологий для лиц с инвалидностью в виде компьютерных программ и мобильных приложений прикладывают неправительственные организации. Как уже говорилось выше, цифровой грамотностью обладает молодежь республики. Исходя из этого, неправительственные организации фокусируют свою работу на обучении цифровым технологиям детей и молодежи. Так, для решения вопросов обучения молодежи с ментальной инвалидностью НПО We Can разработало приложение для обучения детей членов организации предметам из школьной программы, их учат по картинкам через веб-приложение, интуитивно доступное и понятное пользователям (Армине, представитель We Can, 29.09.2023):

«Когда мой сын учился, у него были трудности с письмом и чтением, когда учителя задавали тесты, он тоже хотел участвовать, и я придумала тесты с картинками, чтобы вопрос читала учительница, и были бы картинки, которые он мог выбирать для ответа. Этот метод у нас получился с учительницей...Мой сын вот так учился, он и экзамены сдавал таким способом...он знает слова, но, как мой сын говорит, по лицу. Я думала, как это смотреть слову в лицо, думала, это из-за его проблемы, а оказалось, что человек просто хочет видеть слово. Если ему несколько раз показать, как пишется слово «мама», он будет не читать его буквами или слогами, а узнавать его. Таким образом он пользуется и компьютером. Так, чтобы сын мог пользоваться приложением, мы запросили у доноров средства, собрали команду и создали первое наше приложение. Оно общеобразовательное, разные там темы есть: и про математику, и про числа, и про окружающую среду, и про безопасность. Мы предоставили это Министерству образования, сейчас таких приложений три, и на это ушли месяцы труда. Люди, которые не умеют писать и читать, могут получать образование по звуку, по картинкам. Все, что написано, еще и говорится. В основе лежит тест, задаются вопросы и выбираются картинки, человек играет и учится. Это очень привлекательно, потому что это не ручка и не тетрадь, и не книжка, не учебник, а игра. Ребята через приложение играют и развивают свои способности. В конце есть итог, по которому специалист может увидеть

⁶ Информация о стенотайпе с сайта Всероссийского общества глухих. URL: <https://voginfo.ru/vog/2018/11/30/stenotajp-k-nam-prikhodit/> (дата обращения: 26.04.24).

результаты. Остальные 2 приложения для людей среднего возраста и молодежи. Одно называется «Права», а другое «Выборы», их разработку предложило нам государство».

Этим приложениями We can обеспечивает альтернативное обучение для своей группы благополучателей, а также выполняет задачи, поставленные органами власти, по привлечению лиц с инвалидностью к избирательным процессам, объясняя детям с ментальной инвалидностью их гражданские права и обязанности. Важно отметить, что НПО изменило формат приложений с использования на веб-сайте, расширив доступность приложений на смартфонах и другие гаджетах (Армине, представитель We Can, 29.09.2023):

«Наше приложение — это повод, чтобы у ребенка уже другие способности развивались, использовать телефон, компьютер, как все. Это как бы не потом садиться, а повод, чтобы он заходил играть, как он думает, и еще получил образование, и еще развивались какие-то другие способности». Одной из проблем в реализации обучения с помощью разработанных приложений является *пассивность* учителей. Эта проблема характерна для многих постсоветских стран, она объясняется низкими зарплатами, нередко немолодым возрастом учителей, отсутствием у них мотивации овладевать новыми технологиями, распространением в их среде предубеждений по отношению к людям с ОВЗ (Носенко-Штейн, 2019).

Несмотря на распространение интернета и средств связи в Республике Армения, информантом отмечено отсутствие современных гаджетов у людей с ОВЗ, что может быть барьером на пути к улучшению навыков коммуникации и взаимодействия в социальных сетях:

«Да, это не для всех доступно, есть люди, которым это недоступно. У нас в школах в основном есть интернет, потому что все учителя уже и отметки ставят онлайн. Не знаю, есть ли школы, где этот вопрос не решен, не знаю. После коронавируса мы пришли к выводу, что надо делать так, чтобы приложение было доступно на смартфонах, не у всех есть доступ к компьютерам». В планах у организации намечена разработка приложения онлайн-помощника перевода слов в картинки, чтобы человек, не умеющий читать и писать, мог понять информацию по знакомым ему картинкам и символам, а также создание приложения-кнопки «SOS» и обучение своего контингента ребят с ментальной инвалидностью, когда и при каких обстоятельствах использовать приложение.

Альтернативный вариант развития цифровых технологий для обучения детей с нарушениями зрения представлен приложением для смартфонов от фонда Navasaar (Амалия, представитель Navasaar, 03.10.2023):

«Мы размещаем аудио- и видеоматериалы для детей с нарушениями зрения, слуха, психики и интеллекта. Особенно много у нас аудио уроков для инвалидов по зрению с возможностью увеличения шрифтов и аудио озвучкой каждого выбора опций в меню. У нас есть видео с языками жестов для детей с нарушениями слуха. И видео с графическими решениями, анимационными решениями с легко читаемым шрифтом для детей с нарушениями интеллекта. Поскольку в Армении нет разработанных инструментов для переработки текста в звук, все аудио озвучки записаны нашим коллегой здесь, в офисе. В приложении можно выбрать себе аватар, который проговаривает выбор прически, цвета волос, цвета глаз и много других опций. Далее, пользователь может слушать уроки из школьной программы 1–2 класса, например армянского языка, математики, природоведения. В этом приложении есть дневник, в котором ребенок может написать что-то, нарисовать, поставить напоминание о домашнем задании. Также мы сотрудничаем с педагогическим, психологическим центром, который создает интерактивные тетради для первоклассников. Так вот, на основе этих тетрадей мы работаем над созданием игры, чтобы перенести упражнения из обычных тетрадей в интерактивную игровую платформу для детей, у которых нет достаточной возможности приобрести

печатные тетради по 14 или 15 предметам. Но в интерактивную игру будут играть много детей из других регионов, не только из Еревана».

Наиболее успешный пример развития цифровых технологий был выявлен мной в уставной НПО Arnav. Организация адаптировала систему дополнительной альтернативной коммуникации (PECS) в цифровое приложение, адаптированное под армянский и другие иностранные языки (Армине, представитель Arnav, 10.10.2023):

«В обычном варианте PECS используются карточки. При карточках у тебя должна быть коммуникационная книга, в этой книге нужно сложить все картинки. 100 картинок — это уже толстая книга, плюс нужно все время искать эти картинки, перелистывать книгу. В процессе работы логопедом я поняла, что есть люди, которым коммуникационной книги не хватает, плюс есть технологические средства, почему бы об этом не подумать? Я изучала опыт развитых стран, в которых есть свои приложения, заменяющие карточки, затем подала на грант американского правительства, нашего посольства и получила средства. Мы год работали с IT командой для адаптации «списка основной лексики» PECS, используемого множеством стран, и перевода его на армянский. Существуют списки слов для дошкольников, школьников, взрослых, все эти слова перевели, потом все они были произнесены мужчиной и женщиной, мальчиком и девочкой, потому что независимо от возраста человек должен получить «свой» голос, получилось около 1700 слов. Затем я наняла графика-дизайнера, который нарисовал все эти слова. Есть картинки, есть символы, потому что, например, слово «почему» невозможно нарисовать — ему нужен символ. Среди наших пользователей есть люди, которые живут в других странах, есть один юзер, который живет в Дубае, он армянин, использует приложение на английском, и очень много символов должно совпадать, потому что выучить другой символ, систему другую сложнее. Есть девочка, которая в Италии живет, на трех языках говорит, армянский с помощью нашего приложения для нее родной и четвертый язык, и на трех других она тоже говорит с помощью приложения. У нас диаспора очень большая, есть ребенок, который получает онлайн услуги из Германии, из Америки, а летом они приезжают. Потом мы собрали вместе картинку и голос, и получилось наше приложение Arnav, кстати, оно бесплатное и есть в AppStore и PlayMarket».

Оцифровка системы альтернативной коммуникации PECS Arnav предоставляет возможность дистанционного общения: отправлять текстовые и звуковые сообщения в социальные сети, оставлять комментарии, писать просьбы и пожелания. Также приложение позволяет скопировать набранный символами текст и передавать в виде текста или аудиозаписи по электронной почте, что значительно повышает способности людей с ограниченными возможностями здоровья к коммуникации:

«С помощью приложения мы даем возможность для тет-а-тет общения — мне рассказывали пример взаимодействия мамы с дочерью в Италии в кафе через символы и воспроизведение их на армянском языке. Так дочка смогла пообщаться с мамой приватно, несмотря на большое число людей рядом».

Помимо озвученных символов, приложение организации позволяет создавать собственное слово посредством написания его и присвоения символа, что очень полезно для людей, которым необходимо использовать специфичные слова и термины.

«У меня был ученик, который потерял речь из-за травмы головы на войне в Арцахе, и первое слово, которое он создал, было “татуировка”. Он написал: “Я хочу сделать еще одну татуировку”. Конечно, слова “татуировка” в базе нет, потому что это очень специфическое слово».

На сегодня в НПО поступают разные предложения об адаптации и переводе приложения на казахский и узбекский языки, совершенствовании приложения:

«Если бы у нас был автоматический перевод текста в речь и обратно, то было бы легче, мы бы не записали ничего. Сейчас, например, мы получили грант от UNICEF, мы добавляем кнопку, которая поведет человека к клавиатуре, чтобы человек, если хочет что-то сказать, смог бы написать слово, а не создавать картинку. Если перевод текста в речь все-таки будет создан, то программа будет проговаривать это слово, а пока ее нет, оно покажет символ».

Представленные примеры цифровых технологий и успех их применения в образовательной деятельности варьируются в зависимости от профессионализма организаций. Все представленные приложения распространяются бесплатно, однако We can и Navasaar представляют собой низовые организации, созданные в первом случае сообществом матерей с детьми с инвалидностью, ориентирующихся на помощь государственных органов, во втором случае группой молодых ребят созданного ими фонда с одноименным стартапом — Navasaar стремится выйти на модель продаж для других бизнесов, монетизируя приложения через подписки на платные курсы. Что касается Arnav, организация изначально основана на экспертном опыте руководителя в сфере предоставления услуг лицам с инвалидностью, что позволяет привлекать большее число клиентов, получать финансирование с грантов и действовать на международном уровне.

Цифровые технологии для коммуникации и досуга

Помимо интенсивного развития цифровых приложений в Армению активно импортируют европейские инновационные технологии. Пример тому — правозащитная НПО Disability rights Armenia, с деятельностью которой я ознакомился в ходе экспедиции и которая продемонстрировала цифровую перчатку Brightsign⁷, позволяющую считывать жесты пользователя и затем проговаривать слова с помощью встроенного динамика. Прибор распознает 1000 символов международного жестового языка⁸. Гаджет обладает выбором в 450 голосов, а интегрированная технология распознавания голоса позволяет лицам с нарушениями слуха читать или видеть «другую сторону разговора» на 30 доступных языках посредством передачи звука в текст на смартфон владельца либо на почту, а также учить новые жесты. Конечно, данный гаджет нельзя рассматривать как способный массово улучшить качество жизни глухих (Мушрег, представитель Disability Rights Armenia, 25.09.2023):

«— Доступен ли гаджет конечным пользователям?

— Нет, это им не по карману... гаджет стоит две-три тысячи долларов за одну пару. Однако мы стараемся, чтобы даже такие дорогостоящие вспомогательные технологии были в стране в качестве примера».

Помимо демонстрации продукта на территории Армении правозащитная НПО Disability rights Armenia сотрудничает с Brightsign по вопросам создания сервисов преобразования текста в речь, а также занимается предоставлением подробных рекомендаций представителям власти по обеспечению доступности правительственных веб-сайтов.

В ходе экспедиции изучен опыт развития цифровых технологий предпринимательством-стартапом QaylTech. Организация занимается производством технических средств реабилитации для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата (Роза, представитель QaylTech, 27.09.2023):

«Наша история началась после войны в Арцахе в 2016 году, и наш основатель, директор Давид Грагатович, по специальности кинезиолог, физиотерапевт, и он много работал с нашими солдатами, у которых были ранения спинного мозга. Ему пришла идея основать нашу компанию,

⁷ Веб-сайт стартапа Bright Sign <https://www.brightsignglove.com/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁸ Международная жестовая система, используемая глухими для облегчения коммуникации с глухими других стран.

чтобы создать реабилитационные устройства, чтобы вернуть их к обычной жизни. «QaylTech», «Qayl» на армянском означает «шаг», «Tech» от «technology», то есть «сделай шаг к новым технологиям». Наша основная цель — сделать этот мир более доступным для всех людей с ограниченными физическими возможностями».

Деятельность компании по интеграции технологий по улучшению качества жизни маломобильных граждан началась с производства электроприставки для инвалидных колясок, позволяющей автоматизировать процесс передвижения. Сейчас компания занимается производством средств реабилитации для маломобильных граждан — вертикализатора, коляски-вертикализатора, имитатора ходьбы, подлокотных ходунков. Все указанные ТСР были добавлены в перечень средств, предоставляемых в государственные учреждения по госзаказу, тем самым обычные граждане могут позволить себе использование гаджетов QaylTech в госучреждениях, занимающихся реабилитацией и абилитацией граждан с инвалидностью⁹.

Самым инновационным гаджетом среди продуктов QaylTech является Metagait, представляющий собой комбинацию тренажера-имитатора ходьбы и встроенных датчиков движения с VR шлемом. Гаджет позволяет удерживать тело маломобильного человека в вертикальном положении, выполняя комплекс медицинских упражнений по поддержанию мышечного тонуса. В момент использования имитатора ходьбы человек использует рычаги для передвижения конечностей, чтобы эта деятельность была не рутинной и доставляла удовольствие, стартап нанял разработчиков и создал игру — чемпионат по лыжным гонкам. Отталкиваясь руками в игре, пользователь искусственно двигает ногами, тем самым оказывается восстанавливающее воздействие на нейронные связи и создаются новые. По информации QaylTech, их продукт является средством профилактики от 30 возможных заболеваний, связанных с мышечной атрофией, также VR-тренажер позволяет отслеживать пульс, жизненные показатели, число сделанных шагов и транслировать показания специалистам, которые затем составляют рекомендации по нагрузке, тем самым становится возможна дистанционная реабилитация по индивидуальной программе для каждого пользователя:

«Лечащий врач может дистанционно смотреть, например, пациент сколько шагов делает, какие он расстояния преодолел. Поэтому «Metagait» считается инновацией, т. к. оно, получается, первое в мире дистанционное реабилитационное устройство. В процессе реабилитации вы вовлекаетесь в игру с соревновательным характером, это очень привлекает. Когда несколько человек используют «Metagait», игроки, которые используют прибор, видят друг друга, могут соревноваться в скорости прохождения трасс. Еще если клиенты, которые не помнят, как они когда-то ходили, то это уже не только медицинская, но и психологическая часть, т. к. они в игре смотрят на ноги, они видят, что они стоят, что у них есть ноги, которые передвигаются, и они или когда передвигаются, они отключаются от реальности в принципе, т. к. виртуальная реальность наталкивает на воспоминания, что они когда-то самостоятельно ходили. Это большая проблема, например, я у своего мужа всегда спрашивала, он мне отвечал: «Я не помню, как это — ходить». Если мы с Вами хотим, например, идти куда-то, мы говорим нашему мозгу: «Иди туда-то, вспомни, что ты можешь ходить», а маломобильные граждане вообще забыли. Наша основная проблема — развивать нейронные связи и эту память, чтобы они вспомнили, что они когда-то ходили. Мы понимаем, что есть вообще неизлечимые, очень тяжелые случаи, а есть травмы, которые реабилитируются только нейрохирургией, но думаем, что мы можем достичь успеха. Более тяжелые случаи, когда спинной мозг поврежден, или если есть повреждения ног или мышцы, уже нелегко реабилитацию сделать, но пытаемся развивать мышцы и нейронные связи чтобы тоже активно работали».

⁹ Информация для получения госаттестованного оборудования. URL: <https://qayl.tech/ru/page/petpatver> (дата обращения: 12.04.2024).

В ходе беседы были обсуждены проблемы и барьеры развития Metagait, информанты сообщили о существующих ограничениях в законодательстве на пользование VR гаджетами детям, поскольку виртуальная реальность может воздействовать на психику, вызывать головокружение и тошноту: *«Я помню, когда я первый раз пробовала, у меня такое ощущение тошноты, потому что я из натуральной реальности перешла в виртуальную, и обратно было очень для меня в этом плане. Но в основном отзывы от пациентов очень хорошие, они чувствуют себя полноценными, хотя и в виртуальной реальности»*. Другой значимый барьер – стоимость оборудования:

«— Если не секрет, дорого производить это все? Например, человек с достатком, у кого машина есть, может купить такой?»

— Если сравнивать медицинские изделия во всем мире, то наши не считаются такими супердорогими, но мы встраиваем очень много датчиков. Это затрачивает и человеческие ресурсы, и получается дорого, так что каждый человек не может себе позволить наш прибор. Однако мы по госзаказу продаем имитатор ходьбы, клиенты могут заказать его и потом добавлять финансы, чтобы получить виртуальную реальность, и уже тогда прибор превратится в “Metagait”, т. е. у нас дана возможность получить основную часть аппарата по государственному сертификату, а потом приобрести за свой счет нужные датчики. У нас есть благотворительный фонд, и в этом году уже, наверное, как минимум 10 наших солдат по госзаказу получали наши изделия, и уже этот фонд им дает возможность купить виртуальные принадлежности и уже создать для них “Metagait”, чтобы у каждого дома был свой прибор».

Заключение

Выявленные в ходе экспедиции примеры разработок и применения цифровых технологий подтверждают, что Республика Армения занимает лидирующие позиции среди постсоветских стран по развитию инновационных технологий и цифровизации экономики. Цифровая грамотность в части технических способностей использования гаджетов и приборов, цифровых приложений развита преимущественно у молодежи и средневозрастной группы людей. Информантами упоминалась проблема в анализе и распространении достоверной информации из интернета, присутствующая средневозрастной категории людей и пенсионерам. Применение цифровых технологий для улучшения качества жизни лиц с инвалидностью происходит преимущественно в неправительственном и коммерческом секторах, оставляя государство на заднем плане, несмотря на активное развитие законодательства о социальной защите инвалидов (Мушрег, представитель Disability Rights Armenia, 25.09.2023):

«Ситуация с инвалидностью в целом изменилась из-за военных действий в Арцахе с 2020 года, но главным фактором, способствовавшим ее развитию, было то, что инвалидность стала более заметной благодаря активистам за права инвалидов, политикам с инвалидностью, членам семей, которые открыто рассказывали о своем опыте. Пять лет назад у нас не было человека, который мог бы что-то сказать о своих жизненных условиях, сейчас у нас много молодых людей, которые могут рассказать о своем интеллектуальном состоянии, своей инвалидности через социальные сети и интернет. Это порождает рост новых дискуссий в общественной сфере, одна из основных — это отсутствие эффективных механизмов реализации законов, особенно когда речь идет о доступности — учете потребностей людей с ограниченными возможностями, а также создании или модификации продуктов, услуг и объектов так, чтобы их могли использовать люди с любыми возможностями».

В результате подобного отсутствия механизмов реализации законодательства появляются нерешенные проблемы в виде недоступности программного обеспечения для компьютерного озвучивания текстов, качественно адаптированного на армянский язык, отсутствие достаточного количества переводчиков жестового языка, отсутствие возможностей систематизированного трудоустройства лиц с ОВЗ.

Доступность интернета и мобильной связи в Армении позволяет людям с ОВЗ делиться своим опытом и проблемами, использовать новые технологии, однако инновационные технологии и гаджеты развитых стран остаются дорогостоящими и малодоступными для всех групп лиц с инвалидностью.

Неправительственные организации, работающие с людьми с ОВЗ, применяют цифровые технологии, основываясь на адресном подходе к оценке здоровья и трудоспособности каждого, стремясь помочь государству в предоставлении качественных средств реабилитации, дополнительных возможностей для обучения, организации досуга организацией средств коммуникации лицами без инвалидности в интернете и социальных сетях, они являются инициаторами нововведений и инноваций и таким образом вносят значительный вклад в улучшение качества жизни лиц с инвалидностью в Армении. К сожалению, представленные практики НПО не масштабированы на все регионы республики и незначительно повышают качество жизни отдельных групп людей с ОВЗ. Важным позитивным моментом в развитии цифровых технологий для этих людей является смена медицинской модели инвалидности на социальную не только среди неправительственных организаций, но и на государственном уровне, однако на пути этого процесса сохраняются экономические барьеры, устоявшиеся ценности и социальные стереотипы по отношению к гражданам с инвалидностью.

Литература / References

Аргунова В. Н. Качество жизни и социальная справедливость как показатели социального благополучия и социального благополучия: теоретический анализ. *Отечественный журнал социальной работы*. 2016. № 2. С. 110–123 [Argunova V. N. The quality of life and social justice as a measure of social welfare and social well-being: theoretical analyses. *National journal of social work*. 2016. No. 2. Pp. 110–123 (in Russian)].

Арутюнян Г. А. Уровень цифрового внедрения в Армении. *Наука, технологии, общество: экологический инжиниринг в интересах устойчивого развития территорий. Сборник научных трудов III Всероссийской научной конференции с международным участием*. Красноярск, 2022 [Arutyunyan G. A. Level of digital implementation in Armenia. Science, technology, society: ecological engineering in the interests of sustainable development of territories. Proceedings of the III All-Russian scientific conference with international participation. Krasnoyarsk, 2022 (in Russian)].

Лотова И. П. Качество жизни инвалидов как междисциплинарная проблема. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 2015. Т. 18. № 2. С. 53–57 [Lotova I. P. quality of the life of disabled as the interdisciplinary problem. *Medical-social expertise and rehabilitation*. 2015. Vol. 18. No. 2. Pp. 53–57 (in Russian)].

Носенко-Штейн Е. Э. Где учиться ребенку с инвалидностью: инклюзия vs. коррекция? *Преподавание истории в школе*. 2019. № 7–2. С. 19–24 [Nosenko-Stein E. E. Where does a disabled child can learn: inclusive vs. correction? *Teaching history in school*. 2019. No. 7–2. Pp. 19–24 (in Russian)].

Тадевосян М. Р. К вопросу о цифровой грамотности: педагогический аспект. *Пятнадцатая годовичная научная конференция*. Ер.: Изд-во РАУ, 2022. С. 729–736 [Tadevosyan M. R. Towards Digital Literacy: A Pedagogical Perspective. *Fifteen scientific conference*. Yerevan, 2022. Pp. 729–736 (in Russian)].

Alcorn A., Fletcher-Watson S. Choosing and using technologies to support autistic children and young people. *Educational Psychology Perspectives on Supporting Young Autistic People: Insights from Experience, Practice and Research*. London, 2022. Pp. 270–278.

- Avetisyan A. Problems of preventing the socio-psychological destructive impact of misinformation on students requiring special learning conditions. *Armenian Journal of Special Education*. 2023. Vol. 7. No. 2. Pp. 15–22.
- Babajanian B. V. Social welfare in post-soviet Armenia: from socialist to liberal and informal? *Post-Soviet Affairs*, Oxfordshire, 2008. Vol. 24. No. 4. Pp. 383–404.
- Beer D. and Burrows R. Popular Culture, Digital Archives and the New Social Life of Data, *Theory, Culture & Society*. Washington DC, 2013. Vol. 30. No. 4. Pp. 47–71.
- Blue R. N., Ghazaryan Y. G. *Armenia NGO sector assessment: A comparative study*. Yerevan: Gasprint, 2004.
- Erickson K. *Literacy and persons with developmental disabilities: why and how?* Paris, 2005.
- Featherstone M. Ubiquitous Media: An Introduction. *Theory, Culture & Society*. Washington DC, 2009. Vol. 26. No. 2–3. Pp. 1–22.
- Ishkanian A. *Democracy building and civil society in post-Soviet Armenia*. Oxfordshire, 2008.
- Ishkanian A. et al. Civil society, development and environmental activism in Armenia. Gyumri, 2013.
- Iadarola, S., Pellecchia, M., Stahmer, A., Lee, H. S., Hauptman, L., Hassrick, E. M., ... & Smith, T. Mind the gap: An intervention to support caregivers with a new autism spectrum disorder diagnosis is feasible and acceptable. *Pilot and feasibility studies*. NY, 2020. No. 6. Pp. 1–13.
- Kasari, C., Gulsrud, A., Freeman, S., Paparella, T., & Helleman, G. Longitudinal follow-up of children with autism receiving targeted interventions on joint attention and play. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. Amsterdam, 2012. Vol. 51. No. 5. Pp. 487–495.
- Lupton, D. *Digital sociology: beyond the digital to the sociological*. Oxfordshire, 2013.
- Marukyan V. Child with autistic spectrum disorder: care and challenges. *Armenian Journal of Special Education*. Yerevan, 2023. Vol. 7. No. 2. P. 78.
- Muradyan S. Assistive technology for students with visual impairments. *Armenian Journal of Special Education*. Yerevan, 2023. Vol. 7. No. 1. Pp. 77–88.
- Paturyan J. Armenian civil society: It is not all about NGOs. *Caucasus Analytical Digest*. Zurich, 2015. No. 73. Pp. 2–5.
- Paturyan Y. J., Gevorgyan V. *Civic activism as a novel component of Armenian civil society*. Yerevan, 2016.
- Stefes C. H., Paturyan Y. J. After the revolution: state, civil society, and democratization in Armenia and Georgia. *Frontiers in Political Science*. Lausanne, 2021. Vol. 3. Pp. 1–13.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Веб-сайт стартапа Bright Sign <https://www.brightsignglove.com/> (дата обращения: 10.04.2024).
- Глобальный инновационный индекс 2023 года. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (дата обращения: 10.03.2024).
- Информация для получения госаттестованного оборудования. URL: <https://qayl.tech/ru/page/pet-patver> (дата обращения: 12.04.2024).
- Стратегия цифровизации Армении на 2021–2025 годы, утвержденная решением правительства РА от 11 февраля 2021 г. № 183 (дата обращения: 15.03.2024).
- Мельник Ю. В. Особенности социального движения инвалидов за независимую жизнь в России и за рубежом URL: http://science.ncstu.ru/conf/past/2007/stud/theses/ped/29.pdf/file_download (дата обращения: 10.03.2024) [The characteristics of the social movement of persons with disabilities for independent living in Russia and abroad. URL: http://science.ncstu.ru/conf/past/2007/stud/theses/ped/29.pdf/file_download (date of reference: 10.03.2024) (in Russian)].

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)*

© 2024

Х. Р. Курова¹

В статье рассматриваются основные барьеры, препятствующие взаимодействию благотворительных фондов с людьми с ограниченными возможностями здоровья в Республике Адыгея. На основе интервью с директором благотворительного фонда автором были выявлены актуальные для адыгского общества проблемы и влияние местного менталитета на их разрешение.

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, благотворительный фонд, Республика Адыгея

Для цитирования: Курова Х. Р. Этнокультурные барьеры во взаимодействии благотворительных фондов с людьми с ограниченными возможностями здоровья (на примере Республики Адыгея). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 375–380. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-375-380

ETHNOCULTURAL BARRIERS IN PHILANTHROPIC FOUNDATIONS' INTERACTION WITH PEOPLE WITH DISABILITIES (THE CASE OF THE REPUBLIC OF ADYGEA)

Harriet R. Kurova

In this paper, main obstacles in the interaction between philanthropic organizations and people with disabilities in the Adygea Republic have been identified. Based on the interview with the Director of a philanthropic organization, the author has highlighted issues relevant to the Adyghe community and its mentality.

Keywords: disability, persons with disabilities, philanthropic organization, Adygea Republic

For citation: Kurova H. R. Ethnocultural Barriers in Philanthropic Foundations' Interaction with People with Disabilities (the Case of the Republic of Adygea). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 375–380. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-375-380

Введение

Благотворительность в жизни адыгского (черкесского) народа всегда играла очень важную роль. Такие понятия, как *псанэ* (благотворительность), *шГыхьаф* (традиция взаимопомощи)», были основой общественной жизни в прошлом. Отметим, что относительно благотворительных организаций и их деятельности по оказанию помощи людям

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФ №23-18-00214: «Цифровые технологии и качество жизни людей с ОВЗ: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль».

¹ Курова Харriet Руслановна, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; tuguzhr@mail.ru
Harriet R. Kurova, Research Assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; tuguzhr@mail.ru

с ограниченными возможностями здоровья в Адыгее практически нет научных исследований. По данным Росстата, в Республике Адыгея проживает 31 735 человек всех групп инвалидности².

Благодаря использованию воспоминаний и описаний путешественников, собственных полевых материалов, включая результаты включенного наблюдения, осуществленного во время поездки в марте 2024 г. в пгт Энем, а также данные глубинных и структурируемых интервью с директором благотворительного фонда «Сделаем вместе» Русланом Барчо мы смогли проанализировать причины возникновения барьеров во взаимодействии благотворительных фондов с людьми с ограниченными возможностями здоровья в Республике Адыгея.

Отношение в адыгской культуре к болезням в прошлом

Эдмунд Спенсер, подданный Британской империи, путешественник, посетивший в 30-х гг. XIX в. Черкесию, отмечал благосклонное отношение черкесов к нуждающимся в помощи: «Суммируя добродетели черкесов, мы не должны забывать об их милосердии; бедный человек никогда не плачет у двери богатого напрасно; сирота обеспечивается самым близким родственником, как его собственный ребенок; если дом человека сгорел, соседи помогли в построении его; если он потеряет свое стадо из-за болезни или свое зерно из-за насекомых-паразитов, каждый оказывает ему помощь, которую обязанная сторона всегда считает долгом совести вознаградить тем же, когда к ним соблаговолит судьба» [Спенсер, 1994, с. 64].

Отметим, что физическому воспитанию, закалке адыги уделяли особое внимание. Причиной тому были разные факторы: природно-климатические условия (разнообразие ландшафтных зон — степь, гористая местность, море), необходимость ведения войн (Кавказ был местом пересечения интересов разных государств), сельскохозяйственные работы в условиях горного ландшафта, требовавшие значительной силы и выдержки. Задачи физического воспитания адыги решали различными способами: во-первых, с помощью охоты, во время которой совершенствовались навыки быстрой езды верхом, стрельбы, выносливость. Во-вторых, наездничество и джигитовка — молодые люди учились, не касаясь коня, вскакивать на него и спрыгивать с него, они также учились прыжкам на лошадь и с лошади, перепрыгиванию с одной лошади на другую, доставанию с земли различных предметов, а также прыжкам через естественные и искусственные препятствия [Мирза, 2020, с. 25].

Кроме активных занятий по наездничеству молодые адыги занимались также борьбой, плаванием, военизированными и спортивными играми (скачки, метания камня, копья, стрельба из лука и затем из огнестрельного оружия и т. д.). Вполне логично, что итогом постоянных физических упражнений становился мужественный, выносливый и крепкий здоровьем воин, готовый всегда встать на защиту Родины и сражаться с врагами.

Раненый или заболевший человек старался всеми силами не показывать своего плохого самочувствия, а особенно перед старшими по возрасту или положению. Во время ухода за раненым исполнялись обряды (*чанц*), основной смысл которых заключался в том, чтобы не дать больному остаться наедине со своей хворью. По вечерам в комнате больного собиралась молодежь, которая исполняла врачевательные, а затем обыкновенные песни, играла, то есть делала все для того, чтобы больной находился в сознании. Последний же часто сам участвовал в забавах, преодолевая боль. Если в комнату входил особый посетитель, то есть старший по возрасту или же девушка, он всякий раз вставал с постели, если же этого сделать он не был в силах, то хотя бы слегка приподнимался. Осуждалось поведение,

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 22.04.2024).

при котором больной стонал и постоянно указывал на свой недуг, не вставал и не приподнимался при входе гостей.

Таким образом, мы видим, что в черкесском обществе сложился культ воина — крепкого, физически подготовленного и выносливого. Род, к которому принадлежали прославленные воины, пользовался большим уважением в обществе.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах адыги были столь терпеливы, перенося болезни. Адыгский просветитель, этнограф Султан Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» привел пример такой терпеливости: «Я видел человека на одре смерти, до того близкого к гробу, что не было уже никакой надежды, и этот несчастный при входе моем, услышав, что я приехал его посетить, до того употребил усилие, чтобы встать, что вновь повредил перебитые кости и упал в обморок от ужасной боли. Жалостно было смотреть на конвульсии его. Спустя три дня после того он умер, превозносимый похвалою за мужественное терпение» [Хан-Гирей, 1978, с. 309].

В целом в адыгском обществе, как и во многих других культурах, все болезни и увечья, в том числе и внешние дефекты, то есть внешне определяемые, воспринимались как последствия сглаза или воздействия злых духов. Это во время своих путешествий по Черкесии зафиксировал и Эдмунд Спенсер: «Подобно всем горцам, черкесы чрезвычайно суеверны: на людях, глаза которых определенного цвета и формы, лежит пятно отмеченных злым глазом; следовательно, все, на что они посмотрят, должно иссушиться, если у них нет амулетов; также люди без особой внешней привлекательности или рожденные с физическими дефектами являются, в большей или меньшей степени, объектом антипатии, так как считаются невольными посредниками злых духов; даже ранам и умершему воину приписывается подобное действие» [Спенсер, 1994, с. 64–65].

Отношение к болезням в современном обществе и деятельность благотворительных фондов

Современное положение дел в адыгском обществе по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья (далее: ОВЗ) и людям с определенными заболеваниями, ведущими к инвалидизации, показывает, что приведенные выше примеры из прошлого привели к тому, что в адыгском обществе сформировались прочные нормы. В разговорах с отдельными информантами, представителями благотворительных фондов, администрацией школ-интернатов для детей с ОВЗ всегда усматривается один важный момент — сокрытие от посторонних проблем со здоровьем, своих и особенно у детей. Причин этому несколько, но самая основная — это боязнь чужого мнения, осуждения со стороны родственников и близких людей, что свойственно культурам стыда, где стыд является реакцией на общественную критику; человек стыдится или из-за того, что его откровенно осмеяли и отвергли, или из-за того, что он дал повод себя осмеять [Бенедикт, 2013, с. 157].

Особенно остро это ощущается в малых населенных пунктах, где, с одной стороны, все друг друга знают, а с другой стороны — люди чувствуют себя особенно зависимыми от общественного мнения.

Благотворительные фонды Республики Адыгея прикладывают все усилия для оказания помощи людям, нуждающимся в разнообразной поддержке, в том числе и той категории адыгского населения, которая стесняется просить об этой помощи.

Роль благотворительных организаций в поддержке людей с инвалидностью в Республике Адыгея практически не изучена, поэтому мы берем на себя ответственность выступить в качестве первопроходцев. Самых благотворительных фондов в Адыгее не так много: это Благотворительный фонд им. Х. М. Совмена, который занимается оказанием социальной поддержки населению, поддержки экономического развития региона, осуществлением финансирования отдельных мероприятий в области

социальной сферы и иной благотворительной деятельностью³; фонд «Сделаем вместе» — адыгейский благотворительный фонд поддержки малообеспеченных семей и людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации⁴; благотворительный фонд «Чужих детей не бывает», созданный с целью помощи детским домам, семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями, и детям-сиротам, проживающим в Республике Адыгея⁵;

Адыгейская региональная общественная организация благотворительной помощи «Добрые сердца», которая помогает детям-инвалидам и детям с ограниченными возможностями здоровья⁶. Список, к сожалению, невелик. В данной статье речь пойдет о деятельности благотворительного фонда (далее: БФ) «Сделаем вместе» — он является самым популярным и крупным на территории Республики Адыгея.

Мы посетили БФ «Сделаем вместе» 24 марта 2024 г. Фонд располагается по адресу: Республика Адыгея, Тахтамукайский район, пгт Энем, ул. Перова, д. 35. О фонде узнать было нетрудно — по всей Республике Адыгея в общественных местах (кафе, магазинах и т. д.) лежат листовки с информацией о нем. Руководство фонда сразу пошло нам навстречу и согласилось на интервью.

Фонд «Сделаем вместе» возник в 2020 г. — первоначально как волонтерское движение, организованное инициативной группой жителей поселка Энем, объединенных общей идеей и желанием помочь нуждающимся, а затем, в 2021 г., уже официально появился фонд. Подопечными фонда являются малообеспеченные семьи и люди, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации. К ним относятся сироты, люди с инвалидностью, одинокие старики, матери-одиночки, малоимущие и малообеспеченные семьи, многодетные семьи. На данный момент в БФ «Сделаем вместе» реализуется несколько направлений работы: социальное, медицинское и экологическое; при этом на стадии разработки находятся еще экономическое и образовательное направления.

Первое, на что мы сразу обратили внимание в разговоре с директором фонда Русланом Адамовичем Барчо, — это разработка образовательного направления. Основной фокус этого направления будет нацелен на реализацию образовательных программ для людей с ОВЗ. Как нам сказал Руслан в интервью, этот формат еще обсуждается, фонд наблюдает за опытом коллег: *«Как это будет выглядеть — мы еще смотрим у наших коллег, они работают на платформе образовательных центров, где обучают детей всему (основным школьным и дополнительным практико-ориентированным предметам). Чтобы этих детей уже чему-то научить и во что-то вовлечь, начиная со школы дать направление, которое интересно ребенку, чтобы он овладел профессией, мог реализовать свой потенциал, успешно социализироваться»*.

Среди подопечных фонда есть люди с ОВЗ — расстройство аутистического спектра, детский церебральный паралич и заболевание центральной нервной системы. В рамках медицинского направления фонд занимается реабилитацией таких людей: закупаются необходимые лекарственные препараты, приобретаются технические средства реабилитации и, при необходимости, фонд помогает подопечным проходить лечение в крупных городах нашей страны, где есть специализированные центры (в основном в Москве и Санкт-Петербурге). Первоначальное взаимодействие фонда с будущими подопечными происходит быстро — как говорит директор фонда, *«Раньше у нас был дисбаланс — это мы искали, кому помочь, потому что тех, кто хочет помочь, было больше. Сейчас в принципе деятельность фонда расширилась, и люди уже начали сами к нам обращаться. Поэтому бывает, что родственники к нам обращаются, бывает, пишут нам в социальных сетях; мы принимаем обращение, но говорим,*

³ Благотворительный фонд Хазрета Совмена. URL: <https://fondsovmena.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁴ Благотворительный фонд «Сделаем вместе». URL: <https://sdvmeste.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁵ Чужих детей не бывает. URL: <http://бф-дети.рф/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁶ Добрые сердца. URL: <https://добрые-сердца.рф/item/1683160> (дата обращения: 25.04.2024).

что для работы нам нужна заявка лично от человека, которому нужна помощь. Нам поступает личное обращение, мы принимаем заявку и дальше ее отработываем». При этом, несмотря на то, что фонд находится и работает в Республике Адыгея, адыгов-подопечных довольно мало: *«Адыгов практически не видно, больше других национальностей».* Причина тому, как мы указывали выше, стыд и боязнь рассказать другим о своей болезни/болезни своего ребенка, ведь в социальной памяти уже сформировалось представление о том, что настоящий адыг должен обладать крепким здоровьем, а существующие тяготы переносить тихо, молча и не жаловаться никому. Об этом говорит и Руслан в интервью: *«Адыги, да, у них есть такая проблема хьайнэпагъэ (стыда), они стесняются; стесняются того, что родственники их будут осуждать, что близкие, знакомые увидят, или подумают: как так, как я попрошу кого-то о помощи».* Как мы видим, здесь происходит столкновение адыгской ментальности и реалий жизни: «крепкого здоровья» у человека уже нет, а справляться с недугом силами узкого круга представителей семьи, рода или одного аула — уже не представляется возможным. И человеку приходится обращаться в специальные медицинские или благотворительные организации.

В этом отношении фонд также проводит большую работу. *«В каждом населенном пункте работают волонтеры (в основном это молодые люди, которые помогают в раздаче продуктов, участвуют в различных акциях и т. д.), которые хорошо знакомы с актуальной ситуацией, жителями. Мы стараемся все равно привлекать людей, работать с главами на местах, с джамаатами, кто тоже знаком с близкими, родными, плюс мы стараемся, чтобы у нас были волонтеры как минимум в каждом районе и близлежащих аулах, чтобы хотя бы один волонтер был на такие случаи, чтобы мы могли давать задания либо если он что-то где-то услышал, мы уже могли взяться за проблему»*, — отмечает директор фонда.

Отметим, что здесь возникает еще одна проблема — это недоверие жителей к благотворительным фондам в целом и сбору финансовых средств в частном порядке. Здесь перед нами оппозиция «свой–чужой», когда «свой», то есть родственник/сосед/друг, которому точно можно доверять, публикует информацию о сборе средств, которые надо перевести на его личную карту, а «чужой» (благотворительный фонд) воспринимается как жулик/мошенник. Поэтому приоритет отдается «своему». Следует учитывать также поддержку местных блогеров со стороны очень лояльной аудитории, которая активно подключается к сборам средств — у них обычно не возникает вопросов о том, насколько достоверна информация о данном сборе средств на чью-то личную карту. В малых населенных пунктах (аулах) помощь оказывается самими жителями без участия «третьих лиц» — либо объезжают дома и собирают средства, либо через мессенджеры публикуется информация и уже происходит дальнейший сбор средств.

Заключение

Таким образом, во взаимодействии благотворительных фондов с людьми с ограниченными возможностями здоровья в адыгском обществе возникают два основных барьера, и связаны они с особенностями местного менталитета: 1) обращаться за помощью к кому бы то ни было (даже в фонды) означает показаться слабым, нуждающимся — «хьайнап» (позор, стыд), особенно в глазах родственников и близких людей; 2) благотворительные фонды пользуются наименьшим доверием (при всей честности и прозрачности деятельности фондов, действующих на территории Республики Адыгея), так как в массовом сознании они зачастую воспринимаются как мошенники. Для преодоления этих барьеров следует проделать большую и трудоемкую работу, которая будет связана, в первую очередь, с изменением устоявшихся стереотипов: дать понять, что нуждаться в помощи и говорить об этом не стыдно.

Список литературы / References

Бенедикт Рут. *Хризантема и меч: Модели японской культуры*. СПб., 2013 [Benedict Ruth *Chrysanthemum and Sword: Models of Japanese Culture*. Saint Petersburg, 2013 (in Russian)].

Мирза М. Ю., Ельникова О. О., Сидоров В. И., Чувакин А. Л., Тутаришев А. К. Предпосылки формирования системы физического воспитания адыгов. *Magyar Tudományos Journal*. 2020. № 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-formirovaniya-sistemy-fizicheskogo-vozpitanija-adygov> (дата обращения: 25.04.2024) [Mirza M. Yu., Yelnikova O. O., Sidorov V. I., Chuvakin A. L., Tutarishev A. K. Prerequisites for the formation of the system of physical education of the Adygs. *Magyar Tudományos Journal*. 2020. No. 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-formirovaniya-sistemy-fizicheskogo-vozpitanija-adygov> (date of application: 04/25/2024)].

Хан-Гирей С. *Записки о Черкесии*. Нальчик, 1978 [Khan-Giray S. *Notes on Circassia*. Nalchik, 1978 (in Russian)].

Эд. Спенсер. *Путешествия в Черкессию*. Майкоп, 1994 [Ed. Spenser. *Travels to Circassia*. Майкоп, 1994 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Благотворительный фонд «Сделаем вместе». URL: <https://sdvmeste.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

Благотворительный фонд Хазрета Совмена. URL: <https://fondsovmena.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

Добрые сердца. URL: <https://добрые-сердца.рф/item/1683160> (дата обращения: 25.04.2024).

Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 22.05.2024).

Чужих детей не бывает. URL: <http://бф-дети.рф/> (дата обращения: 25.04.2024).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОВЗ В КАЗАХСТАНЕ*

© 2024

И. С. Савин¹

В статье рассматриваются основные пути внедрения цифровых помогающих технологий в различные сферы жизни людей с ОВЗ и факторы, способствующие и препятствующие расширению их присутствия в стране. Отмечается, что ситуация выглядит крайне неравномерной, от десятков программ и устройств, находящихся в распоряжении слабовидящих и слабослышащих, до буквально единичных примеров для людей маломобильных с нарушениями речи.

Среди факторов, способствующих развитию цифровых помогающих технологий в Казахстане, — включенность большинства жителей в современные глобальные процессы цифровизации коммуникации, содействие правительства внедрению новых технологий в процессы регистрации и предоставления услуг людям с ОВЗ, большая доля молодежи в общем составе населения. Среди условий, затрудняющих распространение этих технологий в жизни людей с ОВЗ, — сохранение значительной доли традиционной родственной коммуникации, проживание многих людей с инвалидностью в сельской среде и недоступность по цене многих устройств и программ.

Также кратко характеризуются изменения в повседневности и идентичности людей с ОВЗ в ходе регулярного использования цифровых помогающих программ.

Ключевые слова: цифровые помогающие технологии, люди с ограниченными возможностями здоровья, специфика Казахстана

Для цитирования: Савин И. С. Цифровые технологии для людей с ОВЗ в Казахстане. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 3. С. 381–391. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-381-391

DIGITAL TECHNOLOGIES FOR DISABLED PEOPLE IN KAZAKHSTAN

Igor S. Savin

The article examines the main ways of introducing digital assistance technologies into various spheres disabled people's life and the factors contributing and hindering the implementation that technologies in country. It is noted that the situation looks extremely uneven, from dozens of programs and devices that can use the visually impaired and hard of hearing peoples to one-two examples for people with limited mobility with speech disorders.

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РФ №23-18-00214: «Цифровые технологии и качество жизни людей с ОВЗ: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль».

¹ Савин Игорь Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; savigsa@inbox.ru
Igor S. Savin, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; savigsa@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-6812-7014

Among the factors contributing to the development of digital assistance technologies in Kazakhstan are the involvement of the majority of population in modern global processes of digitalization of communication, government assistance to implementation new technologies into the registration and provision of services to people with disabilities, a large proportion of young people in the general population. The conditions that make it difficult for these technologies to spread are the preservation of traditional kinship communication, the residence of many people with disabilities in a rural areas and the unavailability of many devices and programs at a price. Article also briefly describes the changes in the daily life and identity of people with disabilities during the regular use of digital assistance programs.

Keywords: digital assistance technologies, disabled peoples, case of Kazakhstan

For citation: Savin I. S. Digital Technologies for Disabled People in Kazakhstan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 381–391. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-381-391

Введение

В Казахстане, по данным Министерства труда и социальной защиты страны, на май 2024 г. насчитывалось 730 000 людей с инвалидностью², что на 28 тысяч (3,8%) больше, чем 3 года назад [Лиманская, 2022]. 41% людей с инвалидностью проживает в сельской местности, 59% — в городах. Больше всего их зарегистрировано в Туркестанской области на юге Казахстана: 98 848 человек, или 13,5% от общего числа. Среди граждан с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) 44,3% женщин и 55,6% — мужчин. Из числа детей до 18 лет инвалидность имеют 96 478 человек. В стране 89 684 человека имеют нарушения зрения, 30 485 человек — слуха, 204 407 человек — опорно-двигательного аппарата, 27 870 человек передвигаются на коляске.

538 тысяч граждан Казахстана с особенностями развития получают пособие, и им оказывается разнообразная помощь со стороны государства и негосударственных организаций. Естественно, государство стремится оптимизировать свои расходы в этой сфере и сделать их максимально эффективными и доступными для всех нуждающихся. Одним из путей к тому является сокращение необходимости непосредственных физических перемещений людей с ОВЗ к пунктам оказания помощи и получения услуг. С этой целью начиная с 2021 г. разрабатывается и совершенствуется специальный Портал социальных услуг³, где можно получать услуги и средства реабилитации самостоятельно, без присутствия непосредственно в тех организациях, где эти услуги оказываются. Чуть позже появилась более современная версия этого портала, Aleumet⁴.

Существует также специализированный информационный портал «Социальная защита лиц с инвалидностью» Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан (см. выше), где можно получить информацию о численности и категориях людей с инвалидностью, действующих законодательных документах, регулирующих сферу взаимоотношений государства и людей с ОВЗ, например «План мероприятий по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в Республике Казахстан до 2025 года», утвержденный постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 мая 2019 г. № 326, контакты региональных организаций, оказывающих социальную поддержку людям с ОВЗ и т. д. Более того, по данным Министерства труда и социальной защиты населения, «в рамках реализации пилотного проекта по заочному формату проведения медико-социальной экспертизы для установления группы инвалидности по итогам

² Информационный портал «Социальная защита лиц с инвалидностью». URL: <https://inva.gov.kz/ru/highcharts> (дата обращения: 29.05.2024).

³ URL: <https://psubeta.enbek.kz/> (дата обращения: 29.05.2024).

⁴ URL: <https://aleumet.gov.kz/> (дата обращения: 29.05.2024).

2023 г. было рассмотрено более 76,4 тыс. заявок из всех регионов Казахстана, что составляет 30,4% от общего количества лиц с инвалидностью, прошедших освидетельствование»⁵.

То есть 30% людей с инвалидностью были избавлены от утомительных поездок в специальные учреждения для прохождения медицинских освидетельствований благодаря интеграции цифровых платформ. Казалось бы, можно говорить о широком внедрении цифровых технологий в социальную инфраструктуру людей с ОВЗ в Казахстане. Но если посмотреть статистику использования этих цифровых платформ, то она оказывается не столь убедительной: возможностями портала Алемет воспользовались 64 тысячи человек, что не так много, учитывая численность людей с инвалидностью в стране, а пользователей информационного портала «Социальная защита лиц с инвалидностью Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан» оказалось меньше тысячи. О том, что ситуация неоднозначна, свидетельствует также тот факт, что значительная часть людей с инвалидностью и членов их семей, особенно в сельской местности, с которыми беседовал автор, хотя и слышали о новых возможностях, предоставляемых цифровыми технологиями, но не используют их, а некоторые так и не слышали об этом.

Формулировка проблемы и методы исследования

Для уточнения этого вопроса в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом («Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль»), в сентябре-октябре 2023 г. и марте-апреле 2024 г. были проведены исследования использования цифровых технологий людьми с ОВЗ в Республике Казахстан.

Целью исследования стало выяснение того, насколько цифровые технологии распространены в Казахстане и какие категории людей с ОВЗ они охватывают в большей, а какие — в меньшей степени. Кроме того, было важно определить, какие факторы обуславливают направления и темпы этого распространения.

Исследование проводилось методами глубинных и экспертных интервью, включенного наблюдения в Актюбинской, Алматинской, Кызылординской, Туркестанской, Джамбульской областях Казахстана. Собеседниками стали люди с ОВЗ, члены их семей, соседи, сотрудники образовательных и специальных социальных учреждений, имеющие опыт работы и взаимодействия с особыми запросами данной категории граждан как в городских поселениях, так и в сельской местности. Всего было проведено 30 интервью и 4 процедуры включенного наблюдения, когда исследователь находился рядом с человеком с ОВЗ, использующим цифровые технологии, от нескольких часов до нескольких недель (дистанционно).

Несмотря на то, что цифровые технологии стали широко проникать в повседневную жизнь людей буквально в последнее десятилетие, их социальное бытование уже стало объектом исследований, хотя и не очень многочисленных пока. В частности, отмечается, что «на сегодняшний день цифровизация уже является «социальным фактом» современной культуры [Добринская, 2021], поскольку технологии не только включаются в существующие общественные процессы, но также стимулируют новые социальные практики, связи и отношения». По мнению другого исследователя, «это значительно влияет на жизнь людей, в частности, и людей с инвалидностью, многие из которых используют альтернативные способы коммуникации, восприятия, мобильности. В этих случаях

⁵ Более 76 тыс. заявок по установлению инвалидности рассмотрены в заочном формате за 2023 год. 05.01.2024 [More than 76 thousands applications for registration of disability were considered online in 2023.05.01.2024 (in Russian)]. URL: Более 76 тыс. заявок по установлению инвалидности рассмотрены в заочном формате за 2023 год (www.gov.kz) (дата обращения: 29.05.2024).

связь с миром через Интернет и иные различные технологии значительно расширяет возможности повседневной жизнедеятельности людей с инвалидностью и их окружения [Горлопова, 2024].

Наши собственные наблюдения в Казахстане показывают, что с помощью цифровых технологий меняется характер социальности людей с ОВЗ, социальные процессы становятся более «текучими», характеризующимися постоянной сменой идентичности: начиная коммуникацию как человек с особыми потребностями, наш собеседник в ходе непринужденного общения может потерять свою «особость», если она никак в данный момент не влияет на характер взаимодействия, а потом опять стать «особым», возвращаясь в свой мир, ограниченный пределами его физических возможностей. Подобное восприятие социального через метафору агрегатных состояний, например, понятие текучести у Дэ Лаэт и А. Мол, уже подвергалось анализу в работе «Объекты и пространства» Дж. Ло [Ло, 2006], что позволяет нам полнее описывать изменения, происходящие в мире людей с ОВЗ в ходе использования цифровых технологий.

Тем не менее специальные исследования, сфокусированные именно на изучении взаимодействия людей с ОВЗ с возможностями цифровых платформ и устройств только начинают появляться [Помогающие технологии в жизни людей с ОВЗ..., 2024], и это позволяет нам в данной статье сосредоточиться пока только на анализе самых общих тенденций проникновения цифровых технологий в жизнь людей с инвалидностью в Казахстане.

Пути распространения цифровых помогающих технологий в Казахстане. Регистрация людей с ОВЗ и предоставление удаленных услуг

Как уже отмечалось, наиболее массовым примером подобного взаимодействия выступает применение цифровых платформ для регистрации людей с инвалидностью и упрощение их взаимодействия с организациями, призванными помочь им в их повседневных надобностях. Уровень охвата этими платформами людей с ОВЗ очень неоднороден.

Например, по словам председателя Шымкентского городского отделения Казахского общества слепых (КОС), *«Все происходит в интернете... И там заходишь на портал... И электронно-цифровая подпись есть у каждого инвалида, фиксация индивидуальной программы реабилитации есть у каждого инвалида. Поэтому он знает, что там ему положено, типа средства вот эти (специальные трости, звуковые очки, часы, читающие устройства, смартфоны и т. д.). Он может зарегистрировать свою заявку, приходит одобрение, что да, вы можете выбрать поставщиков, там порядка 30–40 поставщиков есть. Я среди них выбираю, кого хочу, например, кто мне поближе. И все это люди сами, без нашего посредничества, да».*

Другие активисты КОСа подтвердили, что 100% слабовидящих зарегистрированы на этом портале и получают через него все необходимое. Но среди других категорий людей с инвалидностью зафиксирована совсем другая ситуация. Например, среди маломобильных граждан с диагнозом ДЦП есть те, кто зарегистрирован на портале и получает все необходимое там: *«Я оформляю заранее нужное мне количество пеленок и подгузников и после одобрения могу все забрать или мне могут доставить»*, — говорит Татьяна, колясочница из Шымкента. В то же время Сергей с тем же диагнозом и также пользующийся коляской говорит, что он не пользуется услугами портала: *«Мы несколько раз пытались, но там все зависало, и регистрация не срабатывала. Поэтому мама до сих пор носит в собес (это слово до сих пор в ходу — И.С.) все необходимые документы».*

Есть и те, кто и не пробовал регистрироваться, так как его не устраивает качество предоставляемых изделий. Максату 30 лет, и он хочет выглядеть элегантно даже на костылях, без которых он не может передвигаться: *«Я еще лет 10 назад понял, что мне некомфортно и не стильно*

на тех костылях, которые бесплатно предлагаются государством». Поэтому он сам выбирает удобные костыли за свой счет и дополняет их эстетику аэрографией, которая делает костыли похожими на какой-то автомобильный атрибут. Максат помешан на автомобилях и хочет, чтобы все вокруг напоминало ему о любимой технике.

Наконец, есть те, кто знает, что такая возможность (использование электронной регистрации и доступа к бесплатным услугам) есть, но предпочитает действовать по старинке, в силу привычки и слабого знакомства с компьютером в целом. Это характерно для жителей сельской местности, например, в Туркестанской области, где мы встретили также и людей, которые и не слышали о такой возможности и все оформляют через личные обращения с бумажными копиями документов в специальные органы. Как представляется, сочетание подобных ситуаций и дает общую картину, иллюстрируемую статистикой: 538 тыс. из 740 тыс. людей с ОВЗ в Казахстане охвачены разными видами социальной помощи, и примерно 15% из них получают эту помощь через специальный цифровой портал.

Регистрирующее направление проникновения цифровых технологий в жизнь людей с ОВЗ продолжает развиваться. В частности, это постепенное расширение возможностей удаленного предоставления всей необходимой медицинской информации для специальных медицинских комиссий, проводящих медико-социальную экспертизу, устанавливающую инвалидность. Сегодня, согласно сообщениям прессы, таким методом прохождения комиссии пользуются 30% всех в этом заключении нуждающихся. При этом для прохождения комиссии человеку достаточно прибыть в ближайшую поликлинику. В перспективе возможно предоставление всей необходимой информации прямо от места жительства человека с ОВЗ посредством специальных верифицирующих программ. Правда, пока временные пределы этого будущего точно не определены.

Доступ к помогающим цифровым технологиям в специальных центрах

Часто встречается ситуация, когда специальные цифровые технологии и устройства уже созданы и люди знают о них, но использовать их постоянно не могут в силу дороговизны этих устройств и неспособности государственных органов предоставить их в пользование гражданам. Тогда на помощь приходят такие организации, как «Шымкентская городская специальная библиотека для незрячих и слабовидящих граждан», которая имеет в своем распоряжении возможности, недоступные обычным людям. Финансируемая из государственного бюджета библиотека старается как можно активнее расширять доступ к новым технологиям людям, которые, ознакомившись с ними, будут стараться получить их в свое распоряжение. Именно библиотека для незрячих и слабовидящих представляется наиболее ярким примером проникновения цифровых технологий и устройств в повседневную жизнь людей с ОВЗ, поскольку для других категорий людей с инвалидностью арсенал цифровых помогающих технологий не столь впечатляющий.

Как уже упоминалось, потребность в использовании ресурсов библиотеки возникает из-за недоступности некоторых возможностей: *«Государство не может дать такое дорогое оборудование, не может дать айфон за 700 тысяч тенге (140 тыс. рублей). Мне дают за 70 тысяч тенге (14 тыс. рублей) андроид. Айфон сами докупают, у кого есть такая возможность. На андроиде нужно больше работать руками. Айфон там раз сказал — и все происходит само, ничего не делаешь. Сири-система»*, — так объясняет популярность библиотеки один из методистов.

Библиотека на протяжении десятилетий является не только хранилищем книг, изданных с помощью шрифта Брайля, но и производителем этих книг, а также звуковых компьютерных дисков

со специальными аудиопрограммами, а в последнее время и медиафайлов, предназначенных для широкого распространения. В ее составе есть своя типография и студия звукозаписи.

Конечно, в ее распоряжении есть и специальные цифровые устройства разных поколений, предназначенные для чтения и прослушивания текстов и аудиокниг, и цифровые клавиатуры для использования компьютера без обычного экрана. Нуждающиеся могут использовать их и в ситуации, когда выделенное им устройство вышло из строя, а срок для получения еще не пришел, и в ситуации, когда какие-либо устройства не предоставляются из-за их дороговизны.

Из последних приобретений, сотрудники библиотеки отметили читающие устройства на казахском языке, которые впервые были презентованы еще в 2015 г., но и сегодня дошли только до специальных центров, а не до конечных потребителей, поскольку они стоят несколько сот тысяч тенге (около 1000 долларов США — И.С.). Зато сегодня они умеют воспроизводить тексты разными голосами (мужским, женским, скороговоркой, размеренно).

Установлением казахского озвучивания занимается компания САТР в Алматы, но они используют голоса дикторов, записанные в том числе и в шымкентской специальной библиотеке. Здесь же нам продемонстрировали специальные (звуковые) дисплеи, которые делают ненужной озвучку привычных дисплеев. Их производством занимается в Америке фирма Display Braille, русскоязычные версии производит компания «Элита-групп» из Москвы, а казахские версии, которые еще в процессе разработки, — местные компании. *«Такой дисплей сегодня является фактически ноутбуком для незрячих, через Wi-Fi можно выходить в интернет. Ну да, привычного нету дисплея. Но там все есть. Там восьмиядерный процессор, оперативка 4 гигабайта, 212 гигабайт память, Windows 10, 11»*, — с воодушевлением описывает свойства устройства сотрудник библиотеки. Но тон его снижается при ответе на вопрос, сколько таких сейчас в городе. *«Возможно, ни одного, кроме нашего»*, — грустно заключает он. Это неудивительно, если учесть, что стоимость такого ноутбука составляет несколько миллионов тенге. Пока себе может такое позволить только государство.

Представители компании «Элита-групп» периодически приезжают в Казахстан для анализа рынка, запросов потребителя, обучения использованию своих продуктов. Были они и в шымкентской библиотеке во время специальной выставки, где были представлены новые разработки различных компаний. Сотрудникам запомнилось кольцо, которое одевается на трость и, посылая специальные сигналы, по их отражению сигнализирует владельцу об особенностях находящихся на его пути препятствий: *«Это ультразвуковые сигналы, как у дельфина. Ему в руку сигнал бьет сильнее при обнаружении препятствия, и он уже тормозит. Если у него сигналов нет, дальше идет»*.

Также сотрудникам и посетителям известно, что *«есть уже очки в России. Очки одеваешь, в ухо вставляешь наушник, и программа вам все, что видит, говорит. Иногда говорит волонтер, который через камеру в очках видит все и рассказывает об этом владельцу очков»*. Но есть и программы, которые сами озвучивают то, что оказывается перед камерой смартфона. Работу такого смартфона прямо в помещении библиотеки продемонстрировали сотрудники. Программа действительно уверенно и верно описывала все, что находилось в комнате.

Есть и казахстанские разработки, например, SeZUAL, презентованный четыре года назад. Этот аппарат позволяет воспроизводить в мозгу незрячего человека образ всех предметов вокруг него в диаметре 15 метров [sezual.com]. В 2020 г. было объявлено, что ориентировочная стоимость такого устройства составит 3000 долларов США, а его производство компания обещала начать к концу 2020 г. при наличии соинвесторов и партнеров. Но сотрудники библиотеки констатировали, что пока им неизвестно о распространении такого аппарата по стране.

При библиотеке расположена типография, которая печатает книги методом Брайля посредством трансформации текста из обычных книг. Происходит это с помощью специальной программы,

которая также очень дорога. После подготовки текста программой проходит ее проверка специалистами, и затем уже текст идет в печать. Это позволяет выпускать в год всего несколько книг, которые пополняют библиотеку. Они напечатаны на специальной бумаге, и в них есть рельефные иллюстрации, которые пока не цветные. Но такие технологии работникам типографии известны, правда, они требуют предварительного объяснения людям правил использования таких иллюстраций, а это не просто сделать тем, кто никогда не видел разных цветов. Интересно, что сами сотрудники библиотеки считают, что дороговизна программы связана с отсутствием специальных дотаций, *«которые в России есть, а у нас нет»*. Этим же они объясняют обилие российских специальных программ для незрячих по сравнению с Казахстаном.

К сожалению, в других организациях, связанных с помощью людям с ОВЗ в Казахстане, обеспеченность, да и информированность о цифровых помогающих программах выглядит совсем иначе. В ходе бесед сотрудники центров, основными посетителями которых являются люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата, а также речи, ментальных способностей, были очень удивлены, узнав, что существуют специальные программы и гаджеты для улучшения жизни именно таких категорий граждан. Никто из социальных работников не слышал об их использовании в Казахстане. В то же время люди с этими диагнозами читали о таких программах, но не имели возможности их использовать. Часто исследователю приходилось в ходе бесед с информантами выступать не в качестве спрашивающего, а в роли опрашиваемого: люди интересовались программами и возможностями, о которых не слышали, просили помочь получить к ним доступ, подобрать программы, сообразные их запросам. Особенно это было характерно в сельской местности и для сотрудников центров содействия инклюзии людям с ОВЗ в образовательных учреждениях. Они обязаны удовлетворять специальные образовательные потребности подобных людей, но не имеют возможности узнавать и получать информацию об этом.

Это выяснилось в беседе с деканом одного из частных алма-атинских университетов, в котором учатся 19 студентов с ОВЗ. Для них оборудовали пандусы, специальные туалеты и тифлоблички, но в администрации не знали, что для таких студентов можно облегчить образовательный процесс с помощью цифровых технологий. У них в университете люди с нарушениями зрения в основном выбирают специальность *«учитель физкультуры, ЛФК и массаж»*, поскольку, по словам декана, *«у них работа руками особенно хорошо получается»*.

В руководстве университета полагали, что никаких особенных потребностей в подготовке компетенций по этой специальности нет. Однако выяснилось, что существуют цифровые пособия и тренажеры-симуляторы, которые необходимы, но недоступны незрячим из-за отсутствия программ озвучки (экранного доступа). Только из беседы со мной декан узнал названия нескольких программ-скринридеров и собрался в ближайшее время их приобрести.

Самостоятельное освоение цифровых технологий людьми с ОВЗ в Казахстане

Распространенность цифровых технологий в сфере обеспечения потребностей людей с ОВЗ оказалась очень неравномерной среди разных категорий инвалидности и особенно видов активности инвалидов. В наибольшей степени их используют люди, чаще молодые, с нарушениями зрения и слуха, которые работают с компьютерной техникой как для заработка, так и для полезного времяпрепровождения. В гораздо меньшей степени цифровизация коснулась повседневной жизни людей с нарушениями двигательной системы и речи.

Популярная программа преобразования голоса в текстовой формат «Голосовой блокнот» довольно широко распространена в Казахстане, но совершенно неэффективна для людей, у которых

невозможность контроля рук сочетается с сильными нарушениями речи. Таким как раз и был Алексей, который не мог ее использовать и приспособился печатать на планшете с помощью пальцев ног. При этом он знает, что уже есть программы управления мышкой на экране и гаджетами в целом посредством движения глаз. Алексей об этом информирован, но пока не представляет, когда бы смог получить такую программу, и не слышал еще о применении подобных программ в Казахстане. Также активист социального клуба «Салем» Влад рассказал в переписке о невозможности использования голосового блокнота и в его случае. Он страдает серьезными нарушениями речи и вынужден пользоваться языком для активизации нужных секторов планшета.

В то же время маломобильные граждане, диагноз которых не связан с серьезными нарушениями речи, используют цифровые технологии общего характера, которые не были специально разработаны для людей с ОФЗ. Но они используют их для того, чтобы их жизнь не отличалась от жизни «обычных людей» в плане коммуникации. Например, колясочница Валентина (ДЦП, 2 группа), обучившись искусству маникюра, использует Инстаграм (запрещена в РФ) для того, чтобы продвигать свою продукцию и искать новые заказы в интернете. Человек на коляске, собирающий милостыню на Верхнем рынке в Шымкенте потому, что «не хватает пособия в 90 тыс. тенге», использует мобильное положение Каспи банка для получения пожертвований от людей (Рис. 1). Глухой торговец использует видеоконференцию для общения со своими друзьями с помощью языка жестов (Рис. 2).

*Рис. 1. Инвалид, собирающий милостыню на рынке, держит на коленях табличку с номером телефона для онлайн-переводов.
Фото автора*

*Рис. 2. Глухой торговец на рынке общается с друзьями в режиме групповой видеоконференции с помощью языка жестов.
Фото автора*

Эти программы не разработаны специально для удовлетворения специальных потребностей людей с инвалидностью, ими пользуются все (хотя приложение мобильного банка озвучено для удобства незрячих). Но они становятся помогающими для людей с ОВЗ, так как предоставляют

им гораздо большие возможности по сравнению с обычными гражданами. Тот же Влад, который не имеет пока специальных помогающих программ и приспособился использовать общедоступные устройства, получил возможность не только общаться, но и зарабатывать с помощью этих программ, так как занимается компьютерным дизайном.

Таким образом, наиболее активно используют цифровые технологии люди с ОВЗ, которые трудятся в сфере производства продуктов этих самых цифровых технологий: программисты, веб-дизайнеры, блогеры, специалисты колл-центров, маркетологи, особенно музыканты, работающие в студиях звукозаписи. Для них наличие специальных приложений, обеспечивающих доступ к профессиональным программам, — это вопрос профессиональной состоятельности и достатка. Они постоянно следят за рынком таких приложений и обмениваются информацией с разработчиками. Также важным путем проникновения цифровых технологий в среду людей с ОВЗ является использование инструментов удаленного получения образования. Достоверно зафиксировано получение образования удаленным методом людьми с ОВЗ по следующим специальностям: компьютерный дизайн, маркетинг, переводческое дело, психология. Все эти курсы были организованы в качестве бесплатных программ со стороны учебных заведений в рамках помощи от государства.

Факторы распространения цифровых технологий для людей с ОВЗ в Казахстане

Все эти факторы могут быть объединены в две группы: те, которые стимулируют развитие цифровых технологий для нужд людей с ОВЗ, и те, которые тормозят это развитие.

К первым нужно отнести включенность всех граждан Казахстана, в том числе и имеющих инвалидность, в глобальные информационные и коммуникационные процессы, что характерно для всех стран. В Казахстане развиваются те отрасли, которые связаны с цифровыми технологиями в разных сферах жизни, возникают новые профессии и области знания. Не существует каких-либо препятствий распространению цифровых технологий и связанных с ними видов активностей, в том числе и в среде людей с ОВЗ.

Также нужно отметить активную роль государства, которое поддерживает цифровизацию разных сторон как жизни общества в целом, так и внедрение этих технологий во взаимодействие граждан с органами власти и в процесс получения государственных услуг. Цифровые порталы и электронно-цифровые подписи распространены очень широко, и это позволяет перевести часть документооборота и реагирования на запросы граждан в цифровой формат. Естественно, что это коснулось и запросов, и потребностей людей с ОВЗ, с сохранением трудностей доступа которых говорилось выше.

Свою роль играет и значительная доля молодежи в общем составе населения, что сказывается на расширении аудитории потребителей современных разработок в сфере цифровых технологий и стимулирует развитие цифровой среды в целом и той ее части, которая имеет помогающий характер в частности.

К примеру, молодые незрячие музыканты, в отличие от своих более старших коллег, тяготеющих к «живому», аналоговому звуку, полностью зависят в своей работе от специальных программ доступа к экрану, позволяющих в полной мере использовать возможности программ цифровой обработки звука. Нурлан, окончивший в Алматы музыкальное училище им. П. Чайковского и вернувшийся в родной Актюбинск, — владелец небольшой студии, которая записывает все виды музыкального материала: готовые песни, мелодии, заставки, врезки, рекламные объявления и т. д. Поскольку весь материал создается и записывается в цифровом виде, то ему жизненно необходимы специальные программы для слабовидящих, позволяющие полноценно работать со звуком.

Он использует три из них: Маджик-Кейс, Натив-Кейс и Ухо. Все они созданы российскими незрячими программистами и предоставляются ему в пользование на льготных условиях, поскольку он с ними общается.

К факторам сдерживающего характера относятся сохранение привычных традиционных типов коммуникации во внутрисемейном общении, большая доля сельского населения, дороговизна некоторых специальных программ и устройств для значительной части населения и недостаточная эффективность использования цифровых технологий в государственных органах.

Отмечая более значимую роль семейных традиций в повседневной жизни заметной части населения Казахстана, нужно учитывать, что эти традиции обеспечивают более плотное общение людей с ОВЗ с близкими, более эффективную поддержку. Поскольку около нуждающегося в помощи человека всегда находятся родственники, это снижает его потребность в специальных помогающих программах. С другой стороны, «стена» постоянного традиционного общения отдаляет от нуждающегося информацию о появлении новых, возможно, нужных ему цифровых продуктов.

Также зоной замедленного поступления цифровых технологий в повседневный обиход людей с ОВЗ является сельская местность. На это влияет как меньшая степень компьютеризации сельской жизни, так и включенность нуждающихся в поддержке таких людей в сети взаимопомощи, которые сильнее в селах, особенно в традиционно организованных по махаллинскому принципу и которых много в Туркестанской области. Там неоднократно приходилось сталкиваться с ситуацией, когда люди с ОВЗ, включенные в программы поддержки со стороны государства и получающие ее в виде бесплатных процедур и обследований, даже не подозревали, что могут воспользоваться еще и помощью в виде специальных программ, особенно для слабовидящих. Для них разговоры с исследователем стали источником новой информации и поводом обратиться в органы социального обслуживания для получения новой категории услуг.

Кроме того, дороговизна специальных устройства связана с тем, что их изобретение и создание действующих образцов связано с поисками технологий на самом пике современного технического знания, что требует значительных инвестиций при относительно ограниченной аудитории потребителей. Причину неравномерного распространения цифровых технологий для людей с ОВЗ в областях, регулируемых государственными органами, трудно определить однозначно. Возможно, это связано с общей спецификой работы органов власти в стране.

Заключение

Характеризуя в целом ситуацию с распространением помогающих цифровых технологий в Казахстане, нужно выделить следующее:

- их распространение в Казахстане характеризуется неоднородностью: с одной стороны, они внедрены в практику взаимодействия государственных органов и людей с ОВЗ и стали повседневностью для многих нуждающихся; с другой стороны, разные категории людей с инвалидностью охвачены ими в разной степени, и взрывного роста их востребованности и использования не происходит;
- анализируя факторы, способствующие и препятствующие распространению таких технологий в стране, можно предположить, что складывающаяся ситуация способствует развитию тенденции постепенного расширения сферы их применения в Казахстане.

Отдельно нужно отметить, что использование цифровых технологий не только меняет непосредственную окружающую среду людей с ОВЗ, но и влияет на характер их коммуникации с другими людьми и черты их восприятия мира. В частности, создается гораздо больше возможностей

для самореализации людей с инвалидностью, их коммуникация и повседневность становится транс-национальной, их «особость» все чаще размывается в ходе использования, рождая новые черты идентичности.

Литература / References

Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129 [Dobrinskaya D. E. What is the digital society? *Sociology of science and technologies*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 112–129 (in Russian)].

Лиманская М. Жизнь без барьера: как государство помогает людям с инвалидностью. 27.01.2022 [Limanskaya M. Life without barriers: how the state helps disabled peoples. URL: <https://pandaland.kz/articles/pandaland/vazhno/dgizn-bez-barera-kak-gosudarstvo-pomogaet-lyudyam-s-invalidnostyu> (in Russian)] (дата обращения: 06.06.2024).

Ло Дж. Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42 [Lo J. Objects and spaces. *Sociological review*. 2006. Vol. 5. No. 1. Pp. 30–42 (in Russian, translation by Vakhshain)].

Помогающие технологии в жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: прошлое и настоящее. Отв. ред. Е. Э. Носенко-Штейн, А. В. Фролова. М., 2024. В печати [*Assistance technologies on the life of disabled people: past and present*. Ed. by E. Nosenko-Shtein and A. Frolova. M., 2024. In press (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Более 76 тыс. заявок по установлению инвалидности рассмотрены в заочном формате за 2023 год. 05.01.2024 [More than 76 thousands applications for registration of disability were considered online in 2023. 05.01.2024 (in Russian)]. URL: Более 76 тыс. заявок по установлению инвалидности рассмотрены в заочном формате за 2023 год (www.gov.kz) (дата обращения: 29.05.2024).

Информационный портал «Социальная защита лиц с инвалидностью» [Informational portal “Social protection of disabled peoples” (in Russian)]. URL: <https://inva.gov.kz/ru/highcharts> (дата обращения: 18.05.2024).

SEZUAL. Научно-исследовательский институт [SEZUAL. Scientific research Institute (in Russian)]. URL: <https://www.sezual.com> (дата обращения: 06.06.2024).

Подписано в печать 30.08.2024. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Уч.-изд. л. 30,3
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56
<https://wwprint.ru/>